

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова
Российской академии наук

**Сборник материалов Международной
научной конференции
«Проблемы экономического развития
в эпоху глобализации»**

Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 20-010-20006

29 февраля – 1 марта 2020 г.

Грозный – 2020

УДК338.1: 327.8 (100)

ББК 65.0501

П781

- П781 **Проблемы экономического развития в эпоху глобализации : сборник материалов Международной научной конференции «Проблемы экономического развития в эпоху глобализации», (г. Грозный, 29 февраля – 01 марта 2020 гг.) / редкол. : Д.-К.С. Батаев (отв. ред.), А.Д. Осмаев, Л.М. Идигова, М.В. Исраилов, М.Ш. Баснукаев, А.Р. Салгириев. – Томск : СибИздатСервис, 2020. – 245 с.**

ISBN 978-5-91556-690-2

В сборнике трудов Международной научной конференции опубликованы статьи, отражающие сложные проблемы экономического развития, которые стоят перед человечеством в современном глобализирующемся мире, и возможные пути их решения. В них рассмотрены как общие, так и региональные проблемы, научный анализ которых важен в теоретическом и практическом отношении, позволяя наметить возможные кризисы и угрозы. Обсуждению подвергнут значительный спектр экономических вопросов, коррелирующий с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники в Российской Федерации.

УДК 338.1: 327.8 (100)

ББК 65.0501

ISBN 978-5-91556-690-2

© ФГБУН Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА Афанасьева Л.В., Ткачева Т.Ю., Белоусова С.Н., Маркина С.А.....	6
ЦИФРОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ Ахрамева О.В., Закаляпин Д.В., Деркунский Д.В., Сляднев П.В., Гаврилина В.И.....	11
МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ПЕРИОД ПОСТАВОК ПО ЛЕНД-ЛИЗУ АРКТИЧЕСКИМИ СОЮЗНЫМИ КОНВОЯМИ Александрова Е.В., Коканова Е.С.	15
КРИПТОВАЛЮТА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ Бачаев У.А., Абдулазизова Э.А.	19
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННО-ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ Баширзаде Р.Р., Тавбулатова З.К., Хаханаев У.С., Пахомова А.В.	23
ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ЗЕРНОПРОИЗВОДЯЩИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ Черемухин А., Игошин А., Полянская Н., Сулов С., Баженов Р.....	31
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Красота Т., Баженов Р., Лисиенко С., Бердина С., Фирсова Е.....	35
ПРОБЛЕМА ТРУДА И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: АНАЛИЗ МАССОВОГО ОПРОСА Бетильмерзаева М.М.	40
КРИЗИС МАСКУЛИННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: НА ОСНОВЕ МАССОВОГО ОПРОСА Бетильмерзаева М.М., Керимов М.М., Курбанова Л.У., Денильханова Р.Х., Шамсуев М.Х., Салгириев А.Р.	44
ИННОВАЦИОННЫЙ ТРЕНД В ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО Бусов С.В., Зобова М.Р., Родюков А.Ф.	50
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ Чебоचाков Е.Я., Шпедт А.А., Шапошников Г.М., Муртаев В.Н., Кадычegov В.А.	55
УЧАСТИЕ БАНКОВ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Демильханова Б.А., Мусханова Х.Ж., Тапаев Р.В.	58
ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ВЫРАЖЕННЫЕ ПОСРЕДСТВОМ МАТЕРИАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ Двинин Д.Ю.....	63
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СУБЪЕКТА ПРИ ОСВОЕНИИ НОВОГО ВИДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Фомина Е.А., Соломонов В.А.....	68
МЕТОДИКА ЭСКИЗНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАБЕЛЬНОГО РОБОТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ САД/САМ/САЕ СИСТЕМЫ NX Гапоненко Е.В., Анциферов С.И., Кузмина В.С.	73
ВЛИЯНИЕ ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ПО КАНАЛАМ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО МАКРОРЕГИОНА Гичиев Н.С., Кутаев Ш.К., Гимбатов Ш.М.....	78
ДИСКУРСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ ДОСТУПА К РЕСУРСАМ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Горин Д.Г.....	84

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Ибрагимов Э.М., Ибрагимов М.М., Жемчурова С.Ш., Бетильмерзаева М.М., Курбанова Л.У.	88
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИПТОВАЛЮТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ Хаджиев М.Р., Цакаев А.Х.	92
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОГО» В «ПОСТСОВЕТСКОМ» Холова Л.А.	96
ОСОБЕННОСТИ БЕЗОПАСНОГО ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ Кисляков П., Шмелева Е., Силаева О., Белякова Н., Савченко Д.	100
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЕОСИСТЕМ НА ГРАНИЦЕ ЛЕСА И СТЕПИ (БАСЕЙН ОЗЕРА БАЙКАЛ) Владимиров И.Н., Фролов А.А., Кобылкин Д.В.	105
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Кольцов П.М., Умгаев С.А., Мургаев С.М., Турдалиев А.У.	110
ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫКИИ Курепина Н.Л., Волгин В.Л.	114
ОЦЕНКА УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ Курепина Н.Л., Намруева Л.В., Дорджиева Б.В.	119
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: К ВОПРОСУ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ Лескова И.В., Зязин С.Ю., Максимова Е.В., Адамская Л.В.	124
ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНА Малкандуев Ю.А., Ксанаева М.Б.	128
NATIONAL STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF AZERBAIJAN STATE Mammadova S.D.	133
НАСЛЕДОВАНИЕ ДОЛИ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ОДНОГО ИЗ СОАВТОРОВ Мартьянова Е.Ю.	136
НЕТИПИЧНЫЕ СМЕЖНЫЕ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Матвеев А.Г.	140
ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Михайлова Е.С., Ефимцева Т.В., Рахматуллина О.В., Дьяконова А.А., Салиева Р.Н.	143
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ Миргородская Е.О., Сухинин С.А., Тавбулатова З.К., Бетильгириев М.А.	147
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АКТИВИЗАЦИЮ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ СКФО Мусаев Р.А., Урумова И.О., Панкратов А.А.	152
ЭКСПОРТ–ИМПОРТ БУМАГИ И БУМАЖНОЙ ПРОДУКЦИИ ВЬЕТНАМА В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2019 ГОДА И ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА Нгуен Х.Н., Карпусь Н.П.	158
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Шагиева Р.В., Букалорова Л.А., Косаренко Н.Н., Остроушко А.В.	164

РОССИЙСКИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ О СВОБОДЕ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА Протасова О.Л.	168
ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Рычкова Н.В., Рычков С.Ю., Фазлиев А.М., Столярова Г.Р.	173
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК ДРАЙВЕР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ Шмелев А.П., Белащенко Д.А., Рахманин А.Х., Сафронова О.В., Шоджонов И.Ф.	177
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ Скородумова О.Б., Меликов И.М.	182
ВОСТОК И ЗАПАД В УСЛОВИЯХ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Степанова Л.Г.	186
СТРАТЕГИИ ПОБЕДЫ И ПРОВАЛА ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ Тамерьян Т.Ю., Желтухина М.Р., Добронищенко Е.В., Парамонова Д.В.	190
ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В НАДЗОРНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Цакаев А.Х., Саидов З.А.	193
ИННОВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ Туменова С.А., Мустаев М.М., Мамбетова Ф.А.	198
ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКОВ Ужахова Ф.Д., Алиев А.А., Гордиенко М.С., Курбонализода М.	203
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА Власов И., Асеева С.	209
ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИЛИКАТНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА НЕТРАДИЦИОННОМ СЫРЬЕ С УЧЕТОМ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕХНОГЕННОГО МЕТАСОМАТОЗА Володченко А.А., Лесовик В.С., Володченко А.Н., Черепанова И.А.	212
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Ялмаев Р.А., Мытарева Л.А., Чазова И.Ю.	219
ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ Яницкий М., Серый А., Браун О.	224
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА Жанбекова З.Х., Магруппова З.М., Ахметжанов Б.А., Абдраимова К.К., Уразбеков А.К.	229
СТЕЙКХОЛДЕРЫ В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ Зотов В.В., Губанов А.В., Алексеев А.И.	234
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА Абдугалимов А.М., Арсаханова З.А., Лунева Т.В.	240

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Афанасьева Л.В. (а), Ткачева Т.Ю. (b), Белоусова С.Н. (с), Маркина С.А. (d)

(а) Юго-Западный государственный университет, 50 лет Октября 94, г. Курск, Россия, lv_af@mail.ru

(b) Юго-Западный государственный университет, 50 лет Октября 94, г. Курск, Россия, tat-tkacheva@yandex.ru

(с) Юго-Западный государственный университет, 50 лет Октября 94, г. Курск, Россия, bsn275@mail.ru

(d) Юго-Западный государственный университет, 50 лет Октября 94, г. Курск, Россия, markinas@list.ru

Аннотация

В настоящее время все больше внимание стало уделяться вопросам, связанным с цифровизацией экономики, решение которых способствует социально-экономическому, политическому и финансовому процветанию. При этом государство, которое имеет достойный уровень социально-экономического развития, обладает высокой конкурентоспособностью не только на отечественном, но и на мировом рынке. В современных условиях трансформации экономики, развития и внедрения новых информационных технологий во всех сферах хозяйственной деятельности стратегическим приоритетом следует рассматривать разработку национальных программ, способствующих реализации цифровизации. Главной целью работы является оценка мировых тенденций развертывания процессов цифровизации, изучение основных элементов, отражающих это явление, определение уровня цифровизации и оценка позиций государств в рейтинге цифровой конкурентоспособности. В статье решаются следующие задачи: проанализировать актуальные данные динамики индикаторов развертывания процессов цифровизации в мировом экономическом пространстве. Методологическая база исследования базируется на системном подходе, а также методах анализа и синтеза теоретических разработок и концепций ведущих отечественных ученых в области оценки уровня цифровизации с использованием индикаторов, отражающих экономическую политику государства в данной сфере. В статье представлены и проанализированы актуальные данные о динамике мировых тенденций развертывания процессов цифровизации. Авторская оценка современных тенденций в развитии российской экономики позволяет понять задачи, которые связаны с переходом на качественно новый уровень и обусловлены требованиями цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация экономики, цифровые технологии, глобальном рейтинге цифровой конкурентоспособности.

Введение

С началом нового столетия вопросы цифровизации экономики активно обсуждаются в научных и научно-популярных изданиях, ей посвящаются семинары и конференции. В последние годы в свет вышел целый ряд работ по вопросам внедрения цифровых технологий в различные сферы, а также были изданы многочисленные учебники, монографии и учебные пособия. Проблема цифровизации экономики разрабатывалась в трудах таких российских и зарубежных ученых и экономистов, как Берберов А.Б., (Берберов, 2017). Халин В.Г., Чернова Г.В. (Халин, Чернова, 2018). Новый век не привнес в эту тему новых идей, в тоже время сконцентрировав внимание ученых на решении актуальных и конкретных задач. Структурно-логические модели обеспечения экономической и бюджетно-налоговой безопасности, которые могут быть реализованы с помощью цифровых технологий отражены в работах Ткачевой Т.Ю. Афанасьевой Л.В., и др. (Афанасьева, Ткачева, 2015). Вместе с тем, в условиях непредсказуемости процессов, происходящих в экономике России особый интерес приобретают также макроэкономические исследования, представленные в трудах Л.С. Белоусовой и других российских экономистов (Циклаури, 2017).

Трактовка категории «цифровая экономика» с правовой точки зрения в нашей стране, показывает описание регламента ее создания, так Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. определяет цифровую экономику как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» (Ли, 2017).

Хозяйствующие субъекты активно использующие в своей деятельности цифровые технологии, как правило, являются драйверами роста и способны обеспечить цифровым ресурсом новую экономику. Хотя совсем недавно (начало XX века) основной движущей силой мировой экономики были нефтеперерабатывающие, нефте- и горнодобывающие, металлургические предприятия (рис. 1).

В современных условиях роста конкурентоспособности и глобализации, когда человечество практически использовало экстенсивные факторы своего развития, обострились противоречия в развитии всех экономик мира. Данные обстоятельства способствовали росту значимости цифровых данных по сравнению с традиционными видами ресурсов. Традиционные технологии и способы производства неизбежно ведут к быстрому потреблению всех ресурсов в условиях ухудшающейся экологической ситуации. Для снижения влияния негативных экологических и экономических эффектов стратегическим направлением в развитии цивилизации является открытие и широкомасштабное вовлечение в мировую экономику новых факторов производства, способствующих поступательному развитию современных экономических процессов (Hanna, 2018).

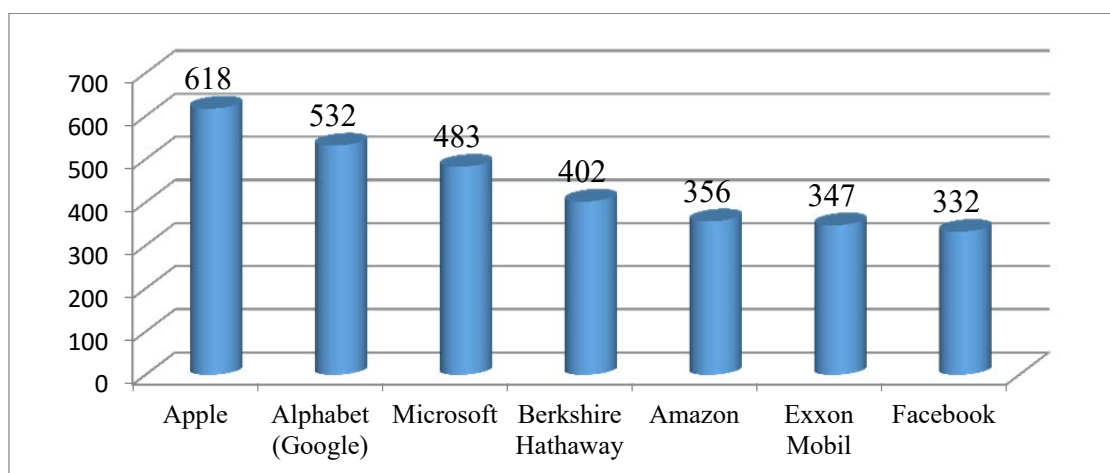

Рис. 1. Рейтинг наиболее крупных организаций мира с рыночной капитализацией в млрд долл. США на 01.01.2018 г.

Ресурсами, которые могут рассматриваться как цифровые относят большие данные в цифровом формате, обладающие свойствами, существенно отличающимися от других факторов производства (рис. 2):

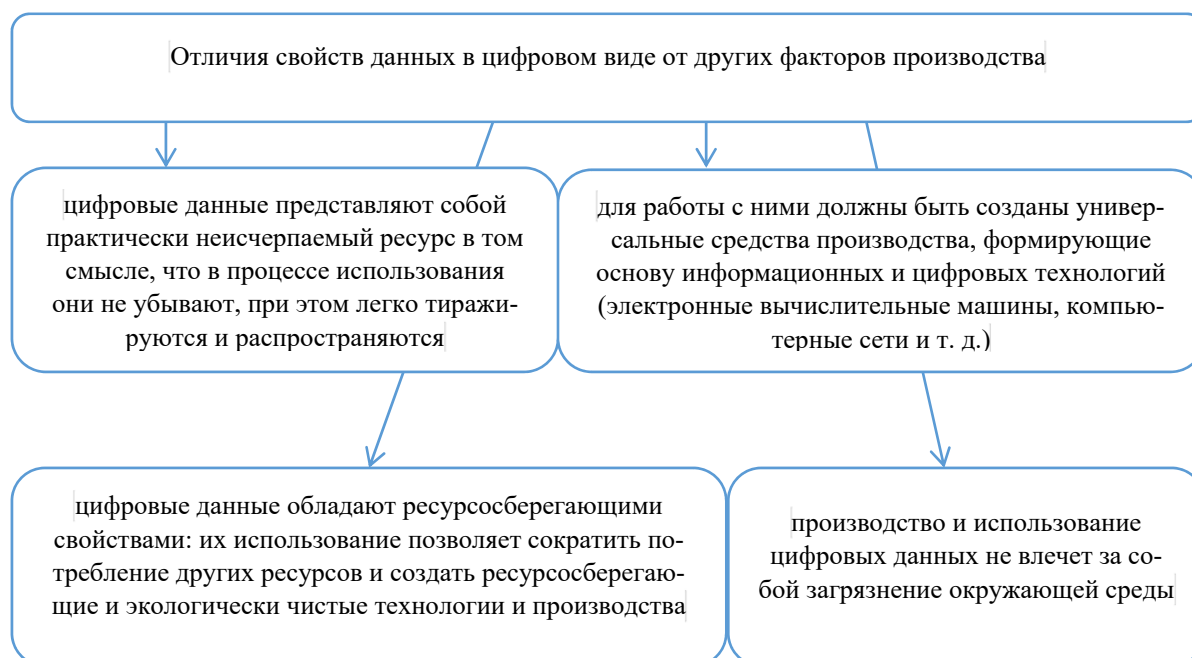

Рис. 2. Отличия свойств данных в цифровом виде от других факторов производства

Экономическая политика государств в последние годы базируется на сферах и областях развития цифровых технологий, так как цифровые данные стали экономическим ресурсом во всех отраслях и сферах деятельности, обеспечивающих экономический рост за счет инновационных технологий. Цифровизация экономики способствует масштабным социально-экономическим преобразованиям, повышению производительности труда, появлению новых отраслей и рабочих мест, а также возникновению новых процессов в государственном и корпоративном менеджменте (Капранова, 2018).

Цифровые технологии принципиальным образом трансформируют устройство социально-экономической и производственной систем. Выделим наиболее существенные условия и требования для перехода к стратегиям цифровизации (рис. 3).

О цифровом развитии экономических систем свидетельствует ежегодный рост удельного веса цифровой экономики в мировом ВВП на 18 %. По прогнозам The Boston Consulting Group объем цифровой экономики достигнет 16 трлн долл. США к 2035 г.

Европейская комиссия опубликовала уровень развития цифровой экономики, в котором Россия отстает в развитии от стран Евро Союза и Соединенных Штатов Америки. Доля цифровых технологий в ВВП России занимает 4,1 % (рис. 4), а в ВВП США – 10,9 %, Китая – 10 %, стран ЕС – 8,2 %.

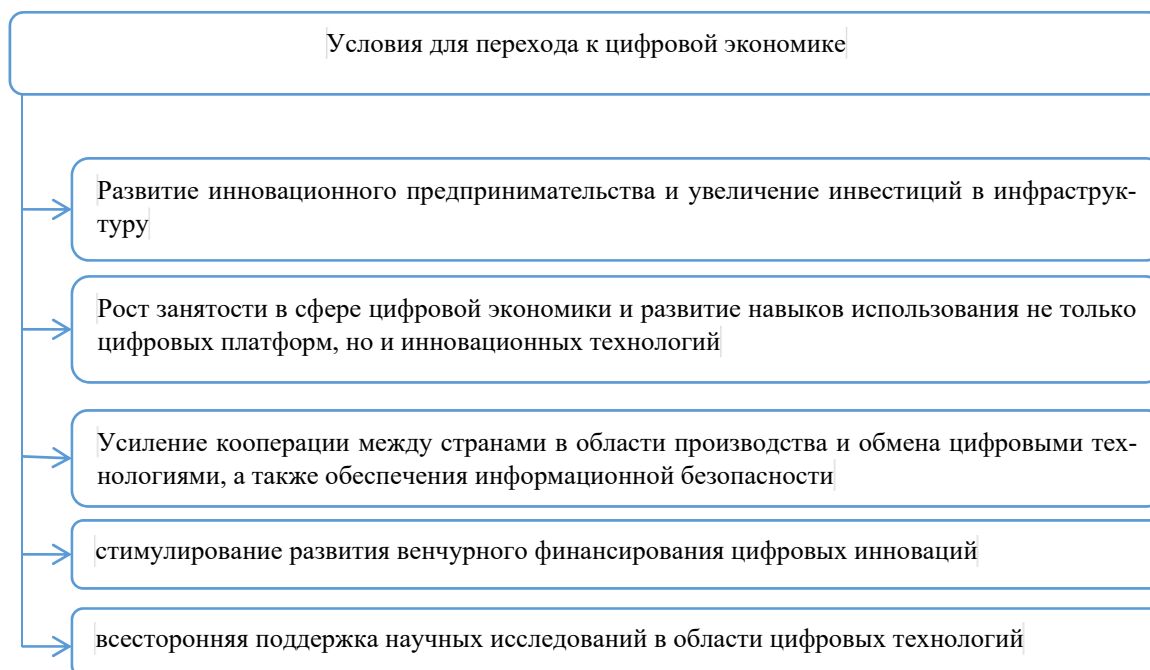

Рис. 3. Условия для перехода к цифровой экономике

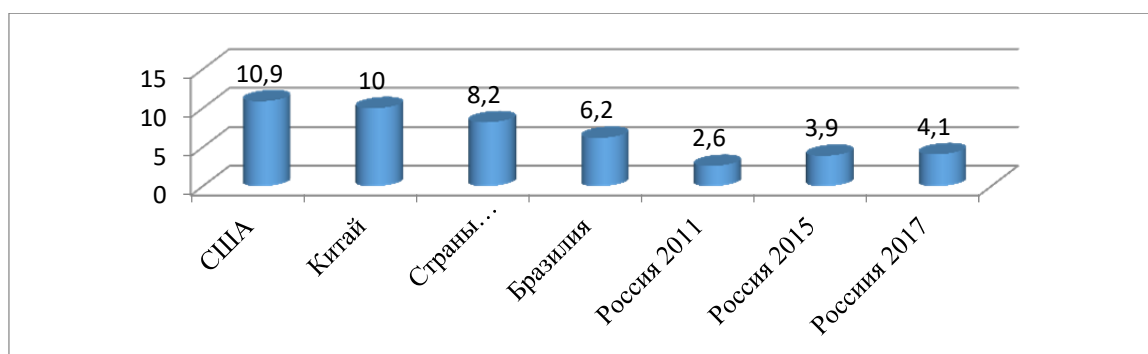

Рис. 4. Удельный вес цифровых технологий в ВВП стран в 2017 гг.

Цифровая экономика в США формируется за счет активного инвестирования частного и государственного секторов в цифровые технологии.

В табл. 1 представлен вклад цифровой экономики в ВВП России по сравнению с другими странами.

Таблица 1. Уровень цифровизации ведущих экономик, 2017 г. (доля в ВВП)

Показатель	США	Китай	Страны ЕС	Россия
Доля в ВВП, %	10,9	10,0	8,2	4,1
Расходы домохозяйств в цифровой сфере, %	5,3	4,8	3,7	2,6
Инвестиции организаций в цифровизацию, %	5,0	1,8	3,9	2,2
Государственные расходы на цифровизацию, %	1,3	0,4	1,0	0,5
Экспорт информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), %	1,4	5,8	2,5	0,5
Импорт информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), %	-2,1	-2,7	-2,9	-1,8

В Российской Федерации расходы домохозяйств в цифровой сфере составляют 2,6 % ВВП, что примерно в два раза ниже чем у развитых стран, но тем, не менее, позволяет говорить о существенном вкладе в освоение новых информационных технологий. Такая же тенденция отмечается и по удельному весу государственных расходов и частных инвестиций в структуре ВВП. Негативным является превышение почти в четыре раза объема импорта цифровых технологий по отношению к экспорту. Масштаб инвестиционных программ негосударственных компаний в цифровые технологии составляет в России 2,2 % ВВП, в сравнении с США в два раза меньше (5 %). Это свидетельствует о том, что организации среднего и малого бизнеса пока не стремятся использовать преимущества информационных достижений.

Цифровизация экономики в первую очередь ориентирована на повышение ее эффективности и конкурентоспособности. Подсчитано, что благодаря цифровизации сокращаются:

- расходы на обслуживание производства продукции (на 10–40 %),
- время простоя оборудования (на 30–50 %),
- сроки вывода на рынок (на 20–50 %)
- затраты на обеспечение качества продукции (на 10–20 %),
- затраты на хранение запасов (на 20–50 %) и т. п. (Lyapunova, Belozero, 2018).

Основополагающим фактором роста ВВП в России является цифровизация экономики, которая позволит получить новые рынки, качественно новые условия их функционирования, прорывные бизнес-модели и технологии доступные многочисленным участникам глобального экономического пространства (цифровые платформы, цифровые экосистемы, аналитика больших массивов данных).

Развитие цифровой экономики в США и Китае привело к облегчению доступа к информации и созданию ряда других преимуществ для потребителей и организаций всех секторов экономики, снижению цен, появлению новых факторов конкуренции.

Цифровые технологии позволяют оздоровить и улучшить инвестиционный климат за счет прозрачности условий ведения бизнеса, сформировать деловой климат за счет повышения доступности и эффективности оказания государственных услуг.

В настоящее время происходит активное формирование основных направлений политики Российской Федерации в сфере цифровой экономики, реализация крупных инфраструктурных проектов позволяет вводить в действие широкополосную связь, интернет, мобильную связь, охватывая все большее экономическое и географическое пространство.

Рассмотрим мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности (составляется ежегодно швейцарским Международным институтом управления и развития в Лозанне) (табл. 2).

Таблица 2. Россия в глобальном рейтинге цифровой конкурентоспособности за 2018 г

Итоговые ранги рейтинга в 2018, в скобках – 2017 г.	Страна	Значение индекса в %	Ранги стран по основным составляющим рейтинга		
			знания	технологии	Готовность к будущему
1(3)	США	100	4	3	2
2(1)	Сингапур	99,422	1	1	15
3(2)	Швеция	97,453	7	5	5
4(5)	Дания	96,764	8	10	1
5(8)	Швейцария	95,851	6	9	10
6(10)	Норвегия	95,724	16	2	6
7(4)	Финляндия	95,248	9	4	8
8(9)	Канада	95,201	3	12	9
9(6)	Нидерланды	93,886	12	8	4
10(10)	Великобритания	93,239	10	13	3
30 (31)	Китай	74,796	47	34	28
38 (38)	Казахстан	65,504	35	39	40
...	...	...	...	...	...
40 (42)	Россия	65,207	24	43	51

Источник: Составлено автором

Цифровая экономика базируется на информационно-коммуникационных технологиях, обеспечивая все этапы воспроизводственного процесса модельными формами для осуществления электронного управления. В связи с чем в качестве сдерживающих факторов рассматривают: отсутствие современных технологий и цифровой инфраструктуры, дефицит высококвалифицированных кадров. Проникая во все сферы общественной, социально-экономической и государственной деятельности цифровые технологии способствуют формированию новой системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, которая проявляется в новых возможностях в противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, противодействию терроризму, детенизации экономических отношений.

Цифровизация реального сектора экономики позволяет повысить конкурентоспособность выпускаемой продукции, выйти на новые высокотехнологичные рынки, что будет формировать предпосылки для устойчивого развития экономики Российской Федерации. Цифровизация – это новая основа для развития экономики, системы государственного управления, бизнеса, социальной сферы и всего общества.

Постановка проблемы

В статье решаются следующие задачи: проанализировать актуальные данные динамики индикаторов разветвления процессов цифровизации в мировом экономическом пространстве.

Исследуемый вопрос

Предметом является процесс внедрения новых информационных технологий во всех сферах хозяйственной деятельности, а стратегическим приоритетом следует рассматривать разработку национальных программ, способствующих реализации цифровизации.

Цель работы

Главной целью работы является оценка мировых тенденций развертывания процессов цифровизации, изучение основных элементов, отражающих это явление, определение уровня цифровизации и оценка позиций государств в рейтинге цифровой конкурентоспособности.

Методы исследования

Методологическая база исследования базируется на системном подходе, а также методах анализа и синтеза теоретических разработок и концепций ведущих отечественных ученых в области оценки уровня цифровизации с использованием индикаторов, отражающих экономическую политику государства в данной сфере.

Результаты

В статье представлены и проанализированы актуальные данные о динамике мировых тенденций развертывания процессов цифровизации. Авторская оценка современных тенденций в развитии российской экономики позволяет понять задачи, которые связаны с переходом на качественно новый уровень и обусловлены требованиями цифровизации.

Выводы

Цифровая экономика базируется на информационно-коммуникационных технологиях, обеспечивая все этапы воспроизводственного процесса модельными формами для осуществления электронного управления. В связи с чем в качестве сдерживающих факторов рассматривают: отсутствие современных технологий и цифровой инфраструктуры, дефицит высококвалифицированных кадров. Проникая во все сферы общественной, социально-экономической и государственной деятельности цифровые технологии способствуют формированию новой системы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, которая проявляется в новых возможностях в противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, противодействию терроризму, детенизации экономических отношений.

Цифровизация реального сектора экономики позволяет повысить конкурентоспособность выпускаемой продукции, выйти на новые высокотехнологичные рынки, что будет формировать предпосылки для устойчивого развития экономики Российской Федерации. Цифровизация – это новая основа для развития экономики, системы государственного управления, бизнеса, социальной сферы и всего общества. .

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания Юго-Западного государственного университета, код проекта: 26.9190.2017/БЧ. .

Список литературы

1. Tkacheva T.Yu., Afanasyeva L.V. Problems of the formation and development of the theory of the economic security/ Tkacheva T.Yu., Afanasjeva L.V. В сборнике: 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences & Arts, SGEM-2016 Sep. "Finance. Economic and tourism" 2016. – С. 499-503.
2. Hanna, N. (2018) A role for the state in the digital age Journal of Innovation and Entrepreneurship Journal of Innovation and Entrepreneurship Открытый доступ Volume 7, Issue 1, 1 December 2018,
3. Берберов А. Б. (2017). На пути к цифровизации российской экономики: проблемы и перспективы // УЭК. 2017. №7 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-k-tsifrovizatsii-rossiyskoy-ekonomiki-problemy-i-perspektivy>
4. Digital Dividends: World Development Report // World Bank [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr>
5. Lyapunsova, E., Belozerova, Y., Drozdova, I., Afanas'Ev, G., Okunkova, E. (2018) Entrepreneurial Risks in the Realities of the Digital Economy 2018 MATEC Web of Conferences
6. Капранова Л. Д (2018) Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития Экономика. Налоги. Право Международный научно-практический журнал Том 11, № 2, 2018 год с.58-69
7. «Кудрин: серьезные проблемы РФ – слабое техническое развитие и слабые темпы "цифровизации" экономики» // Финмаркет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/news/4476598>.
8. Ли Ирина. (2017) Цифровая экономика увеличит к 2025 году ВВП России на 8,9 трлн руб // РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rbc.ru/technology_and_media/05/07/2017/595cbefa9a7947374ff375d4
9. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».
10. TTIP negotiations, policy convergence, and the transatlantic digital economy Le Roux, G. 2017 Business and Politics Vol. 19, Issue 4, 1 December 2017, Pages 709-737
11. Халин В.Г., Чернова Г.В. (2018) Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-ee-vliyanie-na-rossiyskuyu-ekonomiku-i-obschestvo-preimushchestva-vyzovy-ugrozy-i-riski>
12. Hanna, N.K., Knight, P.T. (2012) , National strategies to harness information technology: Seeking transformation in Singapore, Finland, the Philippines, and South Africa pp. 1-242. <http://www.springer.com/in/book/9781461420859> ISBN: 978-146142086-6; 978-146142085-9 doi: 10.1007/978-1-4614-2086-6

13. Tsiklauri V.Yu., Devyatilova A.I., Artemov R.V., Markina S.A Shadow globalization as a threat to world economic growth.// В сборнике: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020 From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth: Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference. Editor: Khalid S. Soliman. 2017. С. 2478-2489.
14. Цифровая Россия: новая реальность // McKinsey [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apptractor.ru/info/analytics/otchyot-tsifrovaya-rossiyanovaya-realnost.html>
15. Etter, M., Fieseler, C., Whelan, G. (2019) Sharing Economy, Sharing Responsibility? Corporate Social Responsibility in the Digital Age 2019 Journal of Business Ethics Volume 159, Issue 4, 1 November 2019, Pages 935-942

ЦИФРОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ

**Ахrameева Ольга Владимировна (а), Закаляпин Денис Владимирович (b),
Деркунский Дмитрий Валерьевич (с), Сляднев Павел Васильевич (d),
Гаврилина Виктория Ивановна (е)**

(а) Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "МИРЭА – Российский технологический университет" в г. Ставрополе, проспект Кулакова, 8, г. Ставрополь, Россия, akhray-ova@yandex.ru, +7-928-306-60-27

(b) Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "МИРЭА – Российский технологический университет" в г. Ставрополе, проспект Кулакова, 8, г. Ставрополь, Россия, murlakatam07@rambler.ru, +7-918-751-12-60

(с) Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "МИРЭА – Российский технологический университет" в г. Ставрополе, проспект Кулакова, 8, г. Ставрополь, Россия, dvd0306r@yandex.ru, +7-918-863-03-58

(d) Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "МИРЭА – Российский технологический университет" в г. Ставрополе, проспект Кулакова, 8, г. Ставрополь, Россия, pavel_slyadnev@mail.ru, +7-962-402-91-41

(е) Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "МИРЭА – Российский технологический университет" в г. Ставрополе, проспект Кулакова, 8, г. Ставрополь, Россия, vikulya.voronova.1995@mail.ru, +7-961-445-10-14

Аннотация

Рост цифровой экономики влечет механизацию и алгоритмизацию процесса оказания услуг, обеспечения и защиты прав граждан и юридических лиц, что трансформирует подходы в правовом регулировании процесса реализации государственных функций, а также трансформацию требований к представителям власти и иным органам, реализующим эти государственные функции, особенно в отношении т.н. «свободных профессий» (адвокатуры и нотариата). Эти подходы направлены на защиту интересов всех участников этого процесса в условиях механизации (алгоритмизации) процедур при использовании Интернет-среды.

В частности, вопросы безопасности касаются не только технического аспекта связи и скорости получения запрашиваемой информации, контроля за безопасностью общественной жизни. Эти вопросы также связаны с возможностями круглосуточного контроля за исполнением государственных услуг, а также – влекут предоставляют возможности круглосуточного контроля за исполнением представителей правоохранительных и правозащитных профессий (в связи с чем возникает вопрос о пределе допустимого в эту личную жизнь). А это в свою очередь может повлечь чрезмерность давления на эти государственные и около-государственные органы при помощи электронных способов поиска и фиксации доказательств (функция записи сейчас имеется на всех телефонах, чем и пользуются «нечистоплотные» потребители) и т. д.

Вместе с тем «цифра» ставила и ставит перед собой сокращение сроков получения государственных услуг, сокращение очередей и т. д., а в итоге – делает из исполнителей государственных услуг (функций) заложников цифровых возможностей граждан-потребителей, где одним из способов – обвинение в неэтичном поведении или непрофессиональном исполнении своих обязанностей. Что лишний раз заставляет профессиональные сообщества реформировать этические кодексы для их соответствия вызовам времени по обеспечению непосредственной профессиональной деятельности и безопасности самих исполнителей.

Ключевые слова: *Нотариат, адвокатура, органы внутренних дел, кодекс профессиональной этики.*

Введение

К некоторым видам профессиональной деятельности общество проявляет повышенные моральные требования. В основном. это такие профессиональные сферы, в которых сам процесс труда требует согласованности действий всех его участников, в которых деятельность связана с правом распоряжаться жизнью и судьбами людей. В связи с чем речь идет не только о должном исполнении своих профессиональных обязанностей, но в первую очередь об уровне морали.

Постановка проблемы

Вместе с тем, современный цифровой этап развития общества, перевод взаимоотношений в «цифру», преимущественное общение не только между собой, но и с органами власти при помощи средств телекоммуникаций, влечет трансформацию требований к представителям власти и иным органам, реализующим государственные функции, особенно в отношении т.н. «свободных профессий» (адвокатуры и нотариата).

Таким образом, с одной стороны, «цифра» обеспечивает связь и быстроту получения запрашиваемой информации, контроль за безопасностью общественной жизни, формирование доказательственной базы, а с другой стороны – круглосуточный контроль за сроками исполнения, круглосуточный контроль не только за общественной безопасностью но и за личной жизнью представителей правоохранительных и правозащитных профессий (в связи с чем возникает вопрос о пределе допустимого в эту личную жизнь), чрезмерность давления на эти государственные и около-государственные органы при помощи электронных способов поиска и фиксации доказательств (функция записи сейчас имеется на всех телефонах, чем и пользуются «нечистоплотные» потребители) и т. д.

Вместе с тем «цифра» ставила и ставит перед собой сокращение сроков получения государственных услуг, сокращение очередей и т. д., а в итоге – делает из исполнителей государственных услуг (функций) заложников цифровых возможностей граждан-потребителей, где одним из способов – обвинение в неэтичном поведении или непрофессиональном исполнении своих обязанностей. Что лишний раз заставляет профессиональные сообщества реформировать этические кодексы для их соответствия вызовам времени (прежде всего – степень открытости личной жизни, степень прозрачности профессиональной деятельности и т. д.

Исследуемый вопрос

Предметом исследования являются нормативные регуляторы внутренних отношений отдельных организаций и учреждений, уполномоченных на реализацию государственных функций с учетом использования цифровых технологий.

Цель работы

В исследовании ставится цель провести анализ внутрикорпоративных (этических) способов контроля цифровой публичной сферы, которые разрабатываются на стыке государственных и частных интересов на основе принципов корпоративной этики.

Методы исследования

Методология исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами, такими как анализ, дедуктивный, диалектический, логический, формально-юридический методы.

Результаты

Итак, профессиональная деятельность представителей профессий, которые мы взяли в качестве примера: нотариат, адвокатура, полиция (органы внутренних дел), не поддается предварительной регламентации, полностью не уместается в рамках служебных инструкций. Особенности труда этих профессиональных групп усложняются в связи с взаимодействием с людьми – объектами деятельности. И здесь нравственная ответственность приобретает решающее значение.

Институт свободных профессий занимает промежуточное положение между государством и его исполнительными органами, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами – с другой. Такого рода деятельность носит публично-правовой характер или осуществляется в рамках реализации государственных функций. Близость к государству и государственным услугам символизируют такие профессии, как нотариус и адвокат, которые и осуществляют публично-правовую деятельность.

Всех представителей свободных профессий объединяет то, что, консультируя, предоставляя помощь и представляя интересы граждан, они оказывают важные услуги населению, действуя самостоятельно, со знанием дела и не будучи связанными указаниями третьих лиц.

Соблюдение этических правил и ограничений является обязательным в силу статуса нотариуса и адвоката, характера и объема получаемой ими информации от частных лиц, в силу доверительного характера взаимоотношений с лицами, обратившимися к ним за правовой помощью, а также это касается всех других сторон жизни лиц, осуществляющих нотариальную или адвокатскую деятельность.

В Конституции Российской Федерации право на юридическую помощь закреплено в ст. 48, в соответствии с чем и предполагается возможность обращения заинтересованных лиц за квалифицированной юридической помощью, которая оказывается на платной либо бесплатной основе специальными субъектами – адвокатами.

Не менее важную роль в обеспечении и защите прав и свобод человека и гражданина играет система органов нотариата (органов публичной власти, осуществляющих нотариальные действия, частных нотариусов). Согласно абз. 1 ст.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (Щенникова, 2015) (далее – Основы) «Нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Конституциями республик в составе Российской Федерации, настоящими Основами защиту прав и

законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации».

Исполнение указанных выше функций в значительной степени связано с непосредственным закреплением в законодательстве о нотариате и адвокатуре нравственных принципов.

Отметим, что нравственно-правовые основы и традиции в профессии нотариуса складывались по мере развития института нотариата и получили свое завершённое оформление в специальных актах, принимаемых самим нотариальным сообществом, например, профессиональные кодексы и заповеди. В частности, в основе современных принципов нотариальной этики лежит вступивший в силу в 1995 г. Европейский кодекс нотариальной этики (Code Européen de Deontologie Notariale) (Муртазина, 2018), призванный связать воедино правила нотариальной этики с потребностями гражданского оборота.

На территории Российской Федерации в настоящий момент действует Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (Соболева, 2016), который является документом прямого действия и является обязательным для всех нотариусов, и в отличие от Кодекса профессиональной этики адвокатов (Пилипенко, 2016), утвержден не сообществом, а государственным органом. К морально-этическим принципам нотариальной деятельности необходимо относить принципы долга, личной ответственности нотариуса, свободы, совести, нравственности и др., а также принцип нравственности. Проявление и реализация последнего в нотариальной деятельности непосредственно связаны с правосознанием и исполнением норм права в каждодневной деятельности нотариусами в рамках оказания гражданам квалифицированной юридической помощи в сфере гражданско-правовых отношений.

Таким образом, действующие в настоящее время Основы декларируют единство задач, принципов, содержания и порядка осуществления нотариальных действий, выполняемых частнопрактикующими нотариусами и нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах. Часть этих норм ориентирована на то, чтобы обеспечить нравственные начала в деятельности нотариусов, направленные на защиту гражданина, который должен быть убежден, что доверенное им нотариусу не будет разглашено. И эти доверительные отношения между нотариусом и частным лицом никогда не должны быть нарушены.

Но главные принципы работы нотариуса – законность, бесспорность и беспристрастность. Если у нотариуса есть хоть малейшее сомнение в том, что обратившееся к нему лицо действует недобросовестно, пытается обмануть контрагента либо заблуждается в своих намерениях, то нотариус должен отказать в совершении нотариального действия.

В законодательстве об адвокатской деятельности также есть нормы, посвященные морально-этическим аспектам его деятельности. В частности, в качестве обязанности адвоката в п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре (Степашина, М.С., 2008) предусмотрено честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 17 указанного закона статус адвоката может быть прекращен в случае нарушения адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката. Так, принятый Всероссийским съездом адвокатов в 2003 году Кодекс профессиональной этики адвоката прямо обязывает защитника следовать определенным требованиям: адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая при необходимости подготовку и подачу кассационной жалобы на приговор суда в отношении своего подзащитного; адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции.

Что же касается профессиональной деятельности, сопряженной с социальными сетями и блогосферой, то необходимо еще раз напомнить следующее. Сетевая активность граждан в том числе и в нашей стране, к сожалению, является неотъемлемой частью жизни, сопряженной с получением государственных услуг или прямой реализацией возложенных трудовых обязанностей. Кроме того, государственные и муниципальные организации и учреждения в обязательном порядке должны иметь официальный сайт, на котором в обязательном порядке должны размещать новости, а также при наличии инфраструктуры оказывать государственные услуги. Поскольку адвокат априори является правовым советником для любого лица, которого могут затронуть и такие размещенные сведения, то невозможно призывать к полному отказу от использования социальных сетей.

В отношении профессионального аспекта такие коммуникативные возможности должны способствовать профессиональному росту специалиста, в частности, информация о проведении конференций, семинаров, круглых столов публикуется исключительно в социальной сети. Кроме того, Интернет-пространство позволяет расширить число лиц, способных получить квалифицированную юридическую помощь, к примеру – по Skype'у. С другой стороны Интернет используется и для поиска самими адвокатами потенциальных клиентов путем размещения информации о его статусе, о специализации его деятельности, общих положений материального и процессуального законодательства по специализируемым направлениям и т. д.

Итак, цифровизация позволяет приблизить производителя (представителя государства) услуг к их потребителю. В частности – сократила расстояния между государством (органами власти, организациями и учреждениями, реализующими возложенные на них государственные услуги) и гражданином (получателями услуг).

Однако, Интернет-среда таит в себе опасности, и прежде всего для представителей этих профессий, имеющих собственные страницы в сети Интернет или в социальной сети. Профессиональные сообщества стремятся обезопасить себя и потребителей услуг путем реформирования этических норм, однако сложность такого

регулирования связана с давним спором об отнесении социальных сетей к сфере профессиональной деятельности.

Так, если принять во внимание, что оказание услуг нотариусами может быть ограничена местом (нотариальной конторой) и временем работы (режимом работы) этой конторы, хотя и за некоторыми исключениями (в том числе и прежде всего при получении устной консультации), то деятельность адвоката менее подвержена такими рамками. Можно сказать, что работа адвоката круглосуточная. Кстати, работа представителей органов внутренних дел по обеспечению правопорядка и безопасности – также может быть отнесена к круглосуточному графику.

Однако, сама суть деятельности представителей этих трех профессий разнится: если нотариус и полицейский реализуют свои функции при непосредственном контакте (и тогда режим и место профессиональной деятельности имеют значение), то адвокат может реализовать свои задачи и в дистанционном режиме, в том числе и при помощи сети Интернет. В связи с чем, если для нотариусов и полицейских Интернет выступает лишь как источник информирования граждан о получении государственных услуг, то для адвокатов – может использоваться как способ реализации профессиональной деятельности.

Как уже было сказано, этическая сторона профессиональной деятельности адвокатов регламентируется указанным Законом об адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката, а также, в разрезе нашей статьи – Международными принципами поведения специалистов в области права в социальных сетях, опубликованными на сайте ФПА (Рожкова, Касьянова, 2016). В последнем из указанных актов выделено шесть основополагающих начал: независимость, честность, ответственность, конфиденциальность, сохранение доверия общественности, определенная линия поведения. В частности, в разделе, посвященном конфиденциальности особо акцентируется внимание на то, что «социальные сети не являются платформой, подходящей для работы с клиентскими данными и другой конфиденциальной информацией, если они не будут абсолютно уверены в том, что они могут защитить свои данные в соответствии с профессиональными, моральными и юридическими обязательствами». А раздел «Сохранение доверия общественности» начинается с указания, что «практикующим юристам рекомендуется контролировать свое поведение в сети и вне ее одинаковым образом». Безусловно, призывать к полному отказу от использования социальных сетей бессмысленно и неправильно. Коммуникативные возможности должны способствовать профессиональному росту адвоката, но не должны подрывать его авторитет и авторитет всего сообщества.

В отношении представителей органов внутренних дел (в частности, полицейские) основные принципы этического поведения заложены в самом Федеральном законе «О полиции» (Аврутин, Булавин, Соловей, Черников, 2011): ««сотрудник органов внутренних дел должен быть постоянно готовым бескорыстно прийти на помощь тем, кто в ней нуждается...». Этимологически представляется, что «постоянная готовность к выполнению своих прямых обязанностей» равнозначна положению Кодекса адвоката о «сохранении чести и достоинства, присущих адвокатской профессии, при всех обстоятельствах».

Также и в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации...» (Маюров, Константинов, 2013) содержатся требования к служебному поведению сотрудника, которые устанавливают правила к непосредственно процедурно-процессуальным действиям («при проведении в жилом помещении обыска, выемки не допускать небрежного отношения к предметам и личным вещам, имеющим значимость или ценность для граждан...») и заканчивая требованиями к внешнему виду (... «сотруднику не рекомендуется отращивать бороду, длинные бакенбарды, выбривать голову, носить ювелирные украшения за исключением обручального кольца.»).

Выводы

Таким образом, можно дифференцировать указанные виды деятельности по степени использования Интернет-среды (социальные сети и блогосфера) для непосредственной реализации профессиональных обязанностей следующим образом:

- полицейские – используют Интернет для сбора информации в результате следственных действий;
- нотариусы – используют Интернет для обмена запросами и документа с отдельными организациями и учреждениями через специально установленные программы. Блогосфера не используется;
- адвокатура – возможно использование блогосферы для консультирования, формирования клиентской базы и т. д.

По степени влияния содержания социальных страниц на этические требования к профессиональной деятельности, то все указанные профессии, также как и другие, представители государства (судьи, прокуроры и т.д), напрямую зависят от содержания социальных страниц, поскольку информация размещенная в сети, даже с ограниченным режимом доступа, это уже размещенная информация. И этот факт не позволяет требовать соблюдения правил об охране частной жизни (абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ (РФ, 2001)). Хотя время личной жизни в этических нормах рассматривается неоднозначно: как непосредственно частную жизнь или как часть времени профессиональной деятельности.

Тем не менее, основываясь на п.1 ст. 4 Кодекса адвоката, то требования к поведению адвоката распространяются не только на сферу его профессиональной деятельности, но и на повседневную жизнь: «Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии». Автор, к сожалению, также стоит на той точке зрения, что на данные и смежные с ними профессии распространяется круглосуточный режим соблюдения морально-этических требований в современных цифровых условиях.

Этот оттенок сожаления у автора вызывает именно технологический уклад современного общества, когда возможности видео-фиксации не позволяют обеспечить в полной мере тайну частной жизни. Ведь, к примеру, даже положения пп. 2 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ уже не позволяет никому «скрыться» от фото- и видеокамер в общественных местах. И если еще лет 15 назад технологии и законодательство обеспечивали эту тайну, то в настоящее десятилетие технологий этого сделать невозможно, и приходится распространять на всех представителей государства, реализующих государственные услуги, положение указанного п. 1 ст. 4 Кодекса адвоката: «при всех обстоятельствах сохранять честь и достоинство, присущие его профессии», даже дома, даже с друзьями, даже во внерабочее время...

Также оттенок сожаления вызывает следующее. Цифровизация общества задумана как способ сокращения времени на поиск и приобретение товаров первой и не только необходимости, как способ сокращения времени на получение государственных услуг, которые не требуют физического присутствия, в то же время цифровизация усугубляет положение людей... Однако, вместо поиска необходимых товаров и услуг, пользователи тратят время на обсуждение недостатков ЕЩЕ не полученных товаров; вместо поиска информации о порядке получения услуг – тратят время на обсуждение недостатков процесса ЕЩЕ не полученных услуг; вместо представленной возможности предотвращения правонарушений – тратят время за отслеживанием новостей о чужой частной жизни... Им в дальнейшем, одним из итогов цифровизации в будущем в разрезе нашей темы может стать полная прозрачность персональных данных в виртуальном пространстве. И, к сожалению, Интернет, задуманный как способ сближения людей, находящихся далеко, наоборот – разделяет тех, кто находится близко...

Список литературы

1. Щенникова, Л. В. (2015). Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: перспективы в свете сравнительно-правового анализа. *Нотариальный вестник*, (10), 34-41.
2. РФ. (2001). Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая: (Извлечение) Федеральный закон... ь 51-ФЗ от 30 нояб. 1994 г. *Закон*, (8), 3-23.
3. Степашина, М. С. (2008). Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (постатейный)/под ред. АБ Смушкина, ВН Барбарича. *СПС КонсультантПлюс*.
4. Аврутин, Ю. Е., Булавин, С. П., Соловей, Ю. П., & Черников, В. В. (2011). Комментарий к Федеральному закону «О полиции». *М.: Проспект*, 352.
5. Маюров, Н. П., & Константинов, Г. Л. (2013). Законодательство о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: теория и практика. *Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал*, (2).
6. Соболева, Л. Н. (2016). КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ НОТАРИУСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. *Экономика и социум*, (11-2), 65-67.
7. Пилипенко, Ю.С. (2016). Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката (постатейный).
8. Рожкова, А.А., & Касьянова, М.Н. (2016). Этика в сети: адвокатура и Интернет. *Судебная власть и уголовный процесс*, (4).
9. Муртазина, А.А., (2018). Этические требования к профессиональной деятельности нотариуса: теория и практика. *Аллея науки*, 8(5), 990-993.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ПЕРИОД ПОСТАВОК ПО ЛЕНД-ЛИЗУ АРКТИЧЕСКИМИ СОЮЗНЫМИ КОНВОЯМИ

Александрова Е.В. (а), Коканова Е.С. (b)

(а) Мурманский арктический государственный университет, Егорова, 15, Мурманск, Россия,
aevea@mail.ru, +79217346776

(b) Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины 17Б,
Архангельск, Россия, kokanovaes@gmail.com, +79214954616

Аннотация

В статье освещаются результаты научно-исследовательского проекта, целью которого являлось определение основных способов межъязыкового посредничества в годы проведения арктических конвоев. Исследование проводилось ведущими вузами Русского Севера и решало ряд связанных между собой задач, среди которых расширение рамок наших представлений о языковом посредничестве в военные годы, решение проблемы создания истории переводческой деятельности в годы арктических конвоев как особого раздела научного знания, смежного с отечественной историей, теорией межкультурной коммуникации, международных отношений и переводоведением, а также рассмотрение эволюции переводческих компетенций военных и непрофессиональных переводчиков. Авторы выявляют основные способы межъязыкового посредничества на Русском Севере в годы Великой Отечественной Войны, а также уточняют роль медиативной деятельности непрофессиональных переводчиков в годы поставок по ленд-лизу арктическими союзными конвоями. Адаптивное транскодирование как один из видов межъязыкового посредничества рассматривается в исследовании не только в рамках традиционного подхода, где определяющими факторами являются группа реципиентов или постав-

ленная задача, а условиями осуществления общения. В статье приводятся данные, полученные в результате анализа архивных документов, доступ к которым был открыт в последние годы. Анализ указанных архивных документов позволил систематизировать и дать оценку медиативной деятельности работников таможни, военных, преподавателей, студентов, а также работников Интерклубов Архангельска, Мурманска и Молотовска. Особое внимание в статье уделяется функциям Интерклубов не только как досуговых заведений, но также как просветительских и в некоторой мере пропагандистских учреждений.

Ключевые слова: межъязыковое посредничество, непрофессиональный перевод, арктические конвои, Интерклуб

Введение

На протяжении веков отношения России с западными соседями всегда были непростыми, особенно сложными они были во второй половине 20-го века. Наследие прошлого иногда становится тормозом движения вперед, и тогда требуется воспроизведение объективной картины отношений России с западными государствами: следует найти в прошлом, что объединяет государства для того, чтобы сделать это фундаментом расширения международных контактов. Необходимо также отметить, что долгое время в советской историографии умалялась роль запада в победе над Гитлером. В последнее время в условиях необходимости восстановления исторической справедливости и с появлением возможности восстановления некоторых секретных или недоступных общественности фактов появляется возможность описать, каким образом происходило становление отношений между союзниками и советскими гражданами (Walling, 2016).

С конца девяностых годов все больше информации появляется о роли ленд-лиза в период Великой Отечественной Войны. Ленд-лиз рассматривается в различных аспектах: проводка арктических конвоев, какие виды грузов поставлялись в Советский Союз в этот период, стоимость грузов, военные операции по проводке конвоев, подробное описание отдельных караванов, воспоминания участников конвоев, которые находились на борту судов, сопровождающих грузы в советские порты. М.Н. Супрун справедливо отмечает, что с конца 1944 года ленд-лиз постепенно трансформируется в концепцию «глобального сотрудничества», именуемую в наше время «глобализацией» (Супрун, 1997; 2010).

Однако среди множества появившихся исследований невозможно найти информацию о роли переводчиков, осуществляющих посредничество между поставщиками грузов, инженерами, собирающими технику, таможенными службами, медицинским персоналом. Работа с архивными фондами, некоторые из которых стали доступны исследователям в последние годы, позволила авторам данной работы проследить, установить и описать роли людей, осуществляющих межкультурное посредничество в период арктических конвоев. В рамках рассматриваемой проблематики нельзя пройти мимо самого понятия «межъязыковое посредничество», под которым подразумевается умение устанавливать контакты, вести переговоры, планировать международную деятельность, создавать положительную эмоциональную атмосферу среди участников межкультурного посредничества в период поставок грузов по ленд-лизу арктическими союзными конвоями.

В последние годы в государственных архивах был открыт доступ к некоторым документам, которые дают возможность по-новому посмотреть на специфику межкультурного посредничества в период работы арктических союзнических конвоев, в частности, очень интересна специфика личных контактов между представителями стран-союзниц.

Постановка проблемы

Интерес к изучению роли арктических союзных конвоев в годы Великой Отечественной войны продолжается: опубликованы исследования, воспоминания и документы, посвященные северному маршруту поставок по ленд-лизу, однако публикуемые материалы в основном освещают вопросы проводки конвоев, их формирования и безопасности. Несмотря на обилие опубликованных в печатных изданиях и сети интернет результатов исследований, до настоящего момента не было сделано попытки проанализировать особенности межъязыкового посредничества в период проведения арктических конвоев.

Исследуемый вопрос

Необходимость рассмотрения межъязыкового посредничества в годы арктических конвоев в 1941-1945 годах объясняется недостаточной изученностью данного вопроса в предыдущих исследованиях. Анализ архивных данных, полученных в архивах Мурманска и Архангельска, позволяет получить ответы на такие вопросы, как формирование кадров, отвечающих за межкультурное посредничество, специфика медиативной деятельности непрофессиональных переводчиков, систематизировать информацию о переводчиках, работающих в тот период.

Цель работы

Цель исследования – определение основных способов межъязыкового посредничества в годы проведения арктических конвоев.

Методы исследования

Методы проведения исследования включают общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный анализ документов периода арктических союзных конвоев и их переводов. Транслатологический анализ позволил выделить стратегии, доминирующие в практике перевода в указанный период. Герменевтический анализ применялся для исследования способов достижения понимания при межкультурном посредничестве.

Результаты

Одним из видов межкультурного посредничества в период поставок по ленд-лизу арктическими союзными конвоями был так называемый непрофессиональный перевод. Мурманск наряду с Архангельском сыграл важную роль в осуществлении поставок вооружения и продовольствия. Важная роль в осуществлении межкультурного посредничества в годы арктических конвоев досталась непрофессиональным переводчикам. Профессиональный перевод осуществлялся в основном в военной сфере – это были переводчики-выпускники специализированных и ускоренных курсов перевода. Однако приход судов в Мурманск и Архангельск поставил перед руководством городов вопрос о том, кто будет осуществлять медиативную деятельность в таких сферах, как таможня, медицинские учреждения, а также в заведениях досуговой деятельности.

В начале войны сотрудники Всесоюзной организации культурных связей с иностранцами (ВОКС) приехали в Мурманск и наладили работу Интерклуба. В годы поставок по ленд-лизу Интерклуб служил местом, где проводили свой досуг моряки английских и американских пароходов.

В медицинских заведениях роль непрофессиональных переводчиков часто выполняли раненые, которые лежали в одних палатах с англичанами и американцами. Так, поляк, который находился в одной палате с моряками с английских и американских судов, и знал в какой-то степени и английский, и русский язык, выступал в роли непрофессионального переводчика, помогая медицинскому персоналу общаться с раненым.

В период союзнических поставок по ленд-лизу Мурманск и Архангельск стали портами, принимающими английские и американские суда, которые порой стояли месяцами в ожидании ремонта или груза. Представители экипажей стали частью жизни этих портовых городов: каким-то образом надо было решать проблему межкультурного посредничества в разных отраслях. Безусловно, профессиональных переводчиков просто физически не могло хватить: их задачей стало обеспечение работы военной миссии. Роль же посредников в так называемых "гражданских" сферах жизни досталась "непрофессиональным" переводчикам. В условиях, когда основной задачей становится установление контакта, оказание медицинской помощи, подсчет груза, поиск необходимого места в полуразрушенном бомбежками городе, на первый план выходит понимание и интерпретация услышанного или написанного и передача необходимого содержания средствами переводящего языка.

Первые караваны пришли в Мурманск зимой 1942 года. В этот период главной задачей Мурманской таможни стал контроль за пропуском экспортно-импортных грузов, а также проверка багажа, посылок, пассажиров морских судов и команд, досмотр и выпуск грузов, борьба с контрабандой. В связи с особой стратегической важностью грузов, поставляемых в Мурманск, было принято решение увеличить штат Мурманской таможни до 30 человек и пополнить его высококвалифицированными кадрами из других таможенных учреждений Советского Союза (прежде всего, из Архангельска и Ленинграда). Из штатного расписания Мурманской таможни видно, что в период до 1944 года в штате не было должности переводчика: все таможенное оформление, а также необходимые контакты осуществлялись сотрудниками (инспекторами и контролерами). Однако согласно архивным документам, в августе 1942 года из Владивостокской таможни в Мурманск прибыла переводчица Дрейер Е.П. 05.02.1944 года из Владивостокской таможни прибыла также инспектор-переводчица Выходзь Дебера Исааковна (Головин, 2001).

Характерной чертой деятельности таможенного инспектора являлся дефицит времени, так как на таможенное оформление советских судов отводилось до 2 часов, а на таможенное оформление иностранных судов отводился лишь 1 час времени. Что касалось военных судов, они не подлежали досмотру.

Владение иностранными языками сотрудников таможенных органов обусловлено количеством международных контактов в сфере таможенного оформления и предполагает, что сотрудники таможни должны быть готовы к иноязычному общению: уметь осуществлять иноязычное общение как в устной, так и в письменной форме, которое носит профессионально-направленный характер. Знание иностранного языка и готовность к профессиональному общению входит в список требований, предъявляемых к таможенному служащему.

При досмотре судов в период поставок по ленд-лизу предъявлялось письменное показание капитана судна (master's declaration) с приложением:

- список находящихся на судне пассажиров и пассажирского багажа;
- список лиц, принадлежащих к экипажу судна (судовая роль);
- таможенные документы (разрешение на вывоз, сертификат о происхождении товара);
- грузовые документы (коносамент);
- торговые документы (счета, фактуры, спецификации);
- судовые документы (мерительное свидетельство, патент на поднятие флага);
- санитарный патент;
- перечень грузов, перевозимых без коносаментов;

- перечень фондовых и валютных ценностей, принадлежащих судовой кассе, а также сданных на хранение;
- перечень оружия, взрывчатых и легко воспламеняющихся веществ, находящихся на судне в числе грузов или в качестве предметов судового снаряжения;
- список имеющихся на судне предметов, предназначенных не для личного пользования лиц экипажа;
- опись судовой провизии и предметов судового снабжения и снаряжения, а также перечень вещей, принадлежащих капитану и другим лицам экипажа судна.

Выгрузка ленд-лизовских товаров производилась в портах под контролем сотрудников таможни: одного – на судне, второго на причале. Как правило, ввиду отсутствия достаточного количества такелажной силы, таможенники почти всегда участвовали сами в разгрузке товаров (ГАМО Ф-36 Оп. 2. Д. 20 Л. 4-18 ; ГАМО Ф-36 Оп. 1. Д. 90 Л. 6; ГАМО Ф-36 Оп. 1. Д. 92 Л. 44; ГАМО Ф-36 Оп. 2. Д. 21 Л. 7).

Рассматривая перевод как социальную функцию межкультурного посредничества, необходимо рассмотреть работу инструкторов Мурманского интерклуба, Архангельского интерклуба моряков и его филиала в Молотовске в период поставок по ленд-лизу арктическими союзными конвоями.

Задачами клуба были агитация и пропаганда среди моряков и портовых рабочих идей революционно-классовой борьбы с целью свержения капиталистической системы и буржуазного государства, а также сплочение революционных элементов среди моряков с целью революционизирования профессиональных союзов во всех странах. Их целями были идеологическая работа и культурно-массовое обслуживание иностранных моряков, а также в их обязанности входило следить, чтобы иностранные команды не встречались с теми, кто мог бы содействовать их пьянству, спекуляции и т. д. Если сравнивать с задачами работы интерклубов Архангельска, Мурманска, филиала архангельского интерклуба в Молотовске в период поставок по ленд-лизу арктическими союзными конвоями, то большое внимание отводилось воспитанию у советских и иностранных моряков чувства ненависти к фашистским захватчикам и необходимости совместной борьбы советского народа, народов Англии и Америки против немецко-фашистской угрозы. В связи с этим отдел пропаганды и агитации Обкома ВКП/б/ предлагал всю работу интерклуба подчинить главной задаче воспитания у советских и иностранных моряков чувства ненависти к немецким разбойникам, и разъяснять им, что единственный путь спасения свободлюбивых народов мира от фашистских захватчиков – это упорная и жестокая совместная борьба объединенных сил Англо-Советско-Американской коалиции (ГААО ОДСПИ Ф. 1 Оп. 1. Д. 1179. Л. 14; ГААО Ф. 49. Оп. 2. Д. 815. Л. 70; ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 963. Л. 6.; ГААО Ф. 1649. Оп. 2. Д. 2. Л. 14; РГАЭ Ф. 413. Оп. 9. Д. 539. Л.4).

Функции, которые выполняли сотрудники интерклубов, часто независимо от занимаемой должности, отражены в характеристиках, сохранившихся в архивных документах. Например, Хургин Симон Моисеевич – старший инструктор Мурманского интернационального клуба моряков, работал в интерклубах Советского Союза с 1931 года, с 1941 по 1943 год работал переводчиком пункта военнопленных. Интересен факт, что в личном деле Симона Моисеевича отмечено, что его «образование – низшее». В Мурманске работал старшим инструктором по культурно-массовой работе, способствуя улучшению работы интерклуба и укреплению дружбы между свободолюбивыми народами. Он проводил много времени в порту, в районах разгрузки караванов, мобилизуя экипажи на скорейшую разгрузку импортного груза и отправку его на фронт. Симон Моисеевич являлся непосредственным организатором проводимых в интерклубе мероприятий, лекций, докладов, просмотров кинофильмов, организатором групп иностранных доноров. Горинова Татьяна Ивановна, заведующая культурно-массовым и политико-просветительским сектором мурманского интерклуба Татьяна Ивановна сумела правильно организовать политическую работу среди иностранных моряков, которая была нацелена на воспитание у них симпатии к Советскому Союзу, а также по мобилизации иностранных моряков на досрочную обработку караванов. В мурманском интерклубе Татьяна Ивановна работала с 23 апреля 1943 года, до этого – в архангельском интерклубе. Выполняя обязанности заведующей культмассовым и политико-просветительским сектором, она переводила тексты политических докладов, бесед, советских кинокартин с русского на английский язык. Она знакомила иностранных моряков со сводками Совинформбюро, выступала с докладами по текущему моменту, проводила групповые и индивидуальные беседы с иностранными моряками. Особое внимание Татьяна Ивановна уделяла докладам и лекциям, посвященным героическим подвигам Красной Армии, а также лично выступала переводчиком при демонстрации советских кинофильмов и концертов.

Как видно из характеристики Лисицыной Раисы Михайловны, диспетчера Инфлота, она за короткое время овладела английским языком и «сейчас исключительно добросовестно выполняет все поручения». Раиса Михайловна работала по обслуживанию иностранных судов, а также выполняла большую работу по обслуживанию иностранных моряков, раненых в порту и в пути следования (ГАМО. Ф.405. Оп.1 Д. 462. ЛЛ.80-88).

Представленная информация иллюстрирует, что сотрудники разных учреждений, деятельность которых в той или иной мере была связана с работой порта, за короткий срок изучили английский язык, чтобы иметь возможность выполнять свои должностные обязанности.

Выводы

В последние годы в государственных архивах был открыт доступ к документам, которые дают возможность по-новому посмотреть на специфику межкультурного посредничества в период поставок грузов по ленд-лизу арктическими союзными конвоями, в частности, очень интересна специфика личных контактов между

представителями стран-союзниц. Архивные источники, которые предоставляют информацию по данной теме, можно условно разделить на следующие группы:

- первая группа – это записи бесед между руководителями государств, а также дипломатами, представителями военных ведомств, журналистами Советского Союза, США и Великобритании. Эти документы можно найти в личных архивах И.В. Сталина, в фондах Молотова, Майского и других документальных коллекциях, которые хранятся в архиве внешней политики Российской Федерации. Они включают официальные протоколы, но также содержат документы личного характера, например, письма иностранцев в адрес руководителя Советского Союза;
- ко второй группе можно отнести донесения дипломатических представителей, а именно представителей наркомата иностранных дел СССР в северных портах; такие документы представляют собой, как правило, либо аналитические записки, либо донесения, которые похожи на дневниковые записи и имеют менее формальный характер;
- к третьей группе можно отнести донесения органов НКВД: такие документы включают донесения о криминогенной обстановке, о настроениях иностранных моряков, а также о контактах иностранцев с советскими гражданами.

Такие архивные документы позволяют определить специфику межъязыкового посредничества как на профессиональном, так и на непрофессиональном уровне.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-00213 А.

Список литературы

1. Brown P.C. (2014) *Voices from the Arctic Convoys*. Fonthill Media Limited
2. Головин В.В. (2001) *Таможенная служба на Мурмане, 1941-1945*. Мурманск
3. Коканова Е.С. (2016) К вопросу о межъязыковом посредничестве на Русском Севере в годы арктических союзных конвоев. *Русский Север и Арктика: история, традиции, образы (к 150-летию А.А. Борисова)*, 186-189
4. Mann C. (2002) *Hitler's Arctic war. The German Campaigns in Norway, Finland and the USSR 1940-1945*. Allan
5. Супрун М.Н. (2010) Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*, 2, 48-49.
6. Супрун М.Н. (1997) *Ленд-лиз и северные конвои, 1941-1945*. М.: Андреевский флаг
7. Walling, G. M. (2016) *Forgotten Sacrifice. The Arctic Convoys of the World War II*. Oxford: Osprey Publishing
8. Woodman R. (2007) *Arctic Convoys 1941-1945*. Casemate Publishers
9. ГААО ОДСПИ Ф. 1 Оп.1. Д. 1179. Л. 14
10. ГААО Ф. 49. Оп. 2. Д. 815. Л. 70
11. ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 963. Л. 6
12. ГААО Ф. 1649. Оп. 2. Д. 2. Л. 14
13. ГАМО Ф -36 Оп. 2. Д.20 Л. 4-18
14. ГАМО Ф-36 Оп.1. Д.90 Л.6
15. ГАМО Ф-36 Оп.1. Д.92 Л.44
16. ГАМО Ф-36 Оп.2. Д.21 Л.7
17. ГАМО. Ф.405. Оп.1 Д. 462. ЛЛ.80-88
18. РГАЭ Ф. 413. Оп. 9. Д. 539. Л.4.

КРИПТОВАЛЮТА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Бачаев Умар Аптиеви (а), Абдулазизова Элиза Аптиевна (b)

(a) Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125468, просп. Ленинградский, 49, Москва, Россия, 171086@edu.fa.ru +7(938)910-04-90

(b) Чеченский государственный университет, 364024, ул. А. Шерипова, 32, Грозный, Россия, scarlet-b.e.a@mail.ru, +7(938)995-96-12

Аннотация

В данной статье раскрывается экономическое содержание криптовалюты, получившей в последнее время широкую известность и распространение. Система прямых платежей стала ответом на мировой финансовый кризис, последствия которого пошатнули финансовую систему многих стран.

Авторами проводится анализ научных достижений зарубежных и отечественных ученых, который позволяет выявить ряд преимуществ и недостатков новой валюты, основанной на информации. Наряду с технологическим превосходством в этом направлении все еще существуют вопросы, касающиеся методологической, методической и правовой составляющих криптовалюты.

Для биткойна характерна децентрализация: посредством специального программного кода регулируется работа участников сети, а также график эмиссии, которая сама по себе является ограниченной, поскольку генерация монет замкнута, а число BTC – величина постоянная.

Внедрение криптовалюты имеет еще целый ряд положительных эффектов: необратимость транзакций, низкая комиссия при переводе, полная изоляция курса валюты от инфляции и т. д. Вместе с тем, криптовалюта имеет и негативные последствия. Так, невозможность отследить денежные переводы, уязвимость системы создают предпосылки для незаконных операций: отмывание денег, вывод капитала из страны, терроризм и прочие. Еще одной отрицательной чертой криптовалюты является зависимость от спроса и предложения на нее. Эластичность курса обоснована полным контролем со стороны пользователей.

Таким образом, правовой статус криптовалюты во многих странах, в том числе и в России, не до конца определен, в силу неоднозначного отношения к ней. Однако следует признать, что ее появление на мировом рынке является феноменом, который в теории может в корне изменить имеющуюся финансовую систему.

Ключевые слова: финансовая система, криптовалюта, кризис, биткоин

Введение

В последнее время в Российской Федерации наблюдается системная потеря уверенности населения в финансовой системе страны. Вкладчики все меньше доверяют банкам, а те, в свою очередь, не доверяют клиентам, поскольку увеличилось количество неплатежеспособных граждан.

Ипотечный кризис, который начался в США в 2006 году из-за уменьшения количества продаж в недвижимости, перерос в 2007 году в кредитный. Кредит мог получить каждый желающий практически на любой товар. Отсутствие контроля и послужило причиной этой глобальной проблемы.

Мировой финансовый кризис 2008 года нанес сокрушительный удар по финансовым системам многих стран мира. Его возникновение эксперты связывают с такими факторами:

- цикличность развития экономики;
- дисбаланс международной торговли и движения капиталов;
- неконтролируемый рост денежной массы;
- обесценивание доллара США в 2002–2008 годах (это было вызвано уменьшением его использования в качестве резервной валюты многими странами и попытками перехода на другие валюты в международных расчетах, что привело к возникновению кризисных явлений в отдельных сферах экономики);
- «перегрев» рынка кредитов и фондового рынка;
- высокие цены на сырье, что породило аномальное ценообразование.

Мировая финансовая система основана на посредничестве третьей стороны (в большинстве случаев – банков), уполномоченных выполнять финансовые операции между конечными потребителями (населением, компаниями, государственными органами). Банковская система, как составляющая финансовой системы, играет решающую роль в экономическом развитии страны. Экономический кризис наиболее остро проявился именно в этой сфере. Он поставил под угрозу стабильность денежных систем из-за массовых невозвратов займов и сокращения кредитного потенциала, что отразилось на платежеспособном спросе и реальном производстве.

Результатами кризиса 2008 года стали: общий спад экономики, замедление или прекращение роста ВВП стран, его уменьшение, снижение доходов населения, поступлений и отчислений в бюджет, сокращение производства, рост безработицы, закрытие социальных программ и т. д. В связи с этим произошла активизация поиска альтернативных путей – концептуально новых валют, основанных на информации (Власенко, 2017). В 2008 году была описана система платежей с помощью «криптовалюты», которая не нуждалась в участии третьей стороны. Предложенная система прямых платежей имела технологические преимущества перед стандартными валютами. Однако, пока существует много нерешенных вопросов по методологическим, методическим и правовым вопросам в этом направлении.

Постановка проблемы

В современном мире криптовалюта становится передовым инструментом денежно-кредитных отношений. Рассмотрение данного вопроса и стало основной проблемой исследования, решение которой позволит дать полное представление и понимание нового типа валюты.

Исследуемый вопрос

Криптовалюта является альтернативным выражением обычной валюты и имеет ряд преимуществ:

- операции с криптовалютой являются полностью анонимными и конфиденциальными. Вся информация о транзакциях зашифрована в наборе символов, персональные данные не привязываются к кошельку криптовалюты (Коваленко, 2017);
- каждая единица криптовалюты имеет уникальный код и защищена от подделки;
- криптовалюта является децентрализованной, то есть не имеет центра управления, из-за чего основатель цифровых денег или любой финансовый институт не может повлиять на ее существование. Курс и операции регулируются пользователями электронных кошельков;

- каждая единица криптовалюты не привязана ни к одному из банков, что существенно уменьшает размер комиссии за осуществление операций. Стоимость комиссии обычно равна стоимости энергетических ресурсов, затраченных на осуществление сделки;
- отсутствие привязки к банкам способствует существенному уменьшению затрат времени на осуществление операций с криптовалютой. Обычно подтверждение осуществления операций с криптовалютой приходит в течение нескольких секунд;
- операции осуществляются напрямую между различными владельцами электронных кошельков, что способствует повышению скорости осуществления операций и уменьшению комиссии;
- эмиссия большинства видов криптовалюты имеет максимальный порог, что вызвано конечностью всех возможных комбинаций символов, образующих каждую новую единицу криптовалюты (Ван дер Лаан, 2014). Это способствует уменьшению неоправданной денежной массы в обращении и снижению уровня инфляции.

Однако, некоторые из преимуществ криптовалюты являются одновременно и ее недостатками. Так, полные анонимность и конфиденциальность транзакций допускают спекуляцию валютой и использование ее для преступных операций, таких как торговля людьми, контрабанда наркотиков, финансирование терроризма и т. д. Ари Джуэлс, криптограф и профессор университета Корнелл-Тек, назвал биткоин (первую и самую известную из признанных официально криптовалют) «идеальным оружием для преступления, поскольку он позволяет создать доверительную ситуацию, тогда как в других случаях этого сложно достичь» (Антонов, 2015). В определенной степени разделяем мнение А. Джуэлс, поскольку благодаря полной анонимности криптовалюта позволяет без особого страха и усилий финансировать преступную деятельность. Один из самых известных примеров, когда криптовалюта была использована в преступных целях, является сайт Silk Road, закрытый правоохранительными органами США в 2013 году, который имел доход около 400 тысяч долларов в день. Расчет по операции купли-продажи на этом Интернет-ресурсе велся в биткоинах, что обеспечивало необходимый уровень анонимности. Большинство товаров, которые были выставлены на сайте являлись наркотическими веществами (Антонов, 2015).

Другим недостатком криптовалюты является эластичный курс, который зависит от спроса и предложения на нее. Это связано с тем, что он контролируется только пользователями валюты.

Цель работы

Целью работы является определение особенностей функционирования криптовалюты на современных финансовых рынках как составляющей цифровой экономики и оценка преимуществ и недостатков ее внедрения для национальной системы хозяйствования.

Методы исследования

Исследованием рассматриваемого вопроса занимаются как зарубежные, так и отечественные ученые. Большой вклад в решение этой проблемы внесли такие специалисты как Ван Дай Н. Сабо, А. Галицкий, М. Клягин, В. Супян, К. Уилсон, Ф. Вельд, М. Инглэнд, Б. Бернанке, А. Гринспен, Х. Вламос, П. Кругмен, Н. Кристин, Е. Гельцл. Анализ работ вышеперечисленных ученых и является методом исследования статьи. Несмотря на глобальность исследуемой темы существует немалое количество нерешенных ранее проблем по определению сущности криптовалюты, оценки положительных и отрицательных эффектов от их внедрения, правовых основ функционирования и регулирования эмиссии на мировых финансовых рынках.

Результаты

Первой покупкой, осуществленной за биткоины, был заказ пиццы стоимостью 50 долларов за 10 тысяч биткоинов; по состоянию на 15.11.2015 года курс биткоина к доллару США уже составил 339,61. Учитывая то, что он существует с 2009 года, то можно отметить, что рост курса является чрезвычайно быстрым. За последние пять лет увеличение произошло примерно в 67 920 раз (Alex de Vries, 2018). Но если рассматривать динамику курса биткоина, то можно заметить, что наряду с его значительным ростом, происходит и значительное падение.

Нестабильность биткоина можно объяснить его относительно малой массой в обращении (максимально возможное количество биткоина – 21 млн., а добыто уже более половины) (Grobyus, 2019). В этой связи, любая достаточно крупная операция может сказаться на его курсе. С одной стороны, такое свойство криптовалюты позволяет играть на курсах и обогащаться за счет его колебания. С другой стороны, многие люди, которые пытались обогатиться за счет биткоина, не смогли просчитать изменение курса и потеряли свои деньги. Динамику изменения курса биткоина к доллару можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1. Динамика курса биткоина за период существования по годам, долл. США

Курс, долл. США	2012	2014	2016	2017	2018
Минимальный	0,005	4	15	220	200
Максимальный	32-33	15	1250	1000	500

Анализируя табл. 1, можно сделать вывод, что максимальный курс биткоина наблюдался в 2016 году, а последние полтора года он колеблется на уровне 200–500 долл. США за один биткоин. Анализируя динамику курса биткоина, можно сделать вывод, что нет тенденций к его значительному повышению (Сарогале, 2018).

Также одним из недостатков криптовалюты можно назвать неоднозначное отношение к ней со стороны правительств разных стран. Криптовалюта – это новая платежная система, которая принципиально отличается от традиционной и тем самым создает пробел в законодательстве. Этот пробел необходимо восполнять законодательными актами, или признать криптовалюту, или ее запретить.

При отсутствии такого нормативного акта все комментарии и запреты со стороны власти и национальных банков могут быть расценены не иначе как рекомендации и не могут быть использованы для дальнейшего наказания за использование криптовалюты в личных целях.

Различные страны решают данный вопрос по-разному. Так, к примеру, США установили пятилетний мораторий на любое регулирование криптовалюты. Сделано это для того, чтобы оценить возможности и перспективы развития новой технологии. В РФ же пошли противоположным путем – то, что неизвестно, необходимо запретить. Так, Банк России определяет Bitcoin как «денежный суррогат», который не имеет обеспечения реальной стоимости и не может использоваться физическими и юридическими лицами на территории РФ как средство платежа, поскольку это, по его мнению, противоречит нормам российского законодательства (Ашим, 2017).

По нашему мнению, усложнению пути криптовалюты к признанию на территории нашего государства способствуют несколько причин: нежелание законотворческих органов заключать новые и перерабатывать действующие нормативные акты по валютному регулированию и криптовалюте в целом; страх перед тем, что массовое использование криптовалюты поставит под сомнение ликвидность и авторитет рубля в целом; в перспективе переход к расчетам с использованием криптовалюты может сильно ударить по банковской системе, поскольку банки не имеют влияния на рынок криптовалюты; нежелание отпускать в свободное плавание криптовалюту, поскольку российское правительство привыкло контролировать большинство сфер деятельности субъектов хозяйствования, а рынок криптовалюты действует централизованно и принципиально не может быть подчинен какому-то конкретному органу; использование биткоина и других криптовалют в массовом масштабе на территории РФ затруднительно, поскольку мощност, анонимност и конфиденциальност криптовалют могут быть использованы для финансирования терроризма; органы власти отказываются признавать криптовалюту как собственно валюту из-за того, что, по сути, ее стоимост не подкреплена ни стоимостю золота, ни товарной массой (Антонов, 2015).

Криптовалюта скрывает в себе огромный финансовый потенциал. Так, недавнее исследование Technology Tipping Points and Социетал Impact, проведенное в рамках Всемирного экономического форума (WEF), показало, что переломный момент для Bitcoin наступит в 2025. По мнению более 58 % опрошенных из 800 руководителей компаний и специалистов, к настоящему моменту около 10 % мирового ВВП будет проходить через системы виртуальных валют (Ашим, 2017).

В то же время исследование, проведенное английской компанией Magister Advisors, которая занимается консалтингом технологической отрасли в сфере М & А, показало, что топ-100 финансовых компаний потратят около 1 млрд долларов за следующие два года на проекты, связанные с системой шифрования, которая лежит в основе любой криптовалюты.

Кроме того, согласно полученным данным, биткоин может стать шестой по объему резервной валютой в мире в течение ближайших 15 лет.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что существует следующее мнение: криптовалюта – это модель финансовой пирамиды. Но она кардинально отличается от финансовой пирамиды. Суть пирамиды заключается в обогащении первых ее участников за счет новых, то есть всегда проигрывает тот, кто последний. Однако на рынке криптовалюты каждый участник действует самостоятельно и не преследует цель – приглашать новых участников. Кроме того, обычно основатели криптовалюты не имеют влияния на нее через ее децентрализацию, потому что обогащение создателей в этом случае фактически невозможно. Кроме того, несмотря на различное мнение относительно криптовалюты, следует признать, что ее появление на мировом финансовом рынке является феноменом, который в теории может в корне изменить имеющуюся в мире финансовую систему. Именно поэтому правительства стран не спешат давать разрешение на массовое внедрение криптовалюты на своих территориях, поскольку альтернатива существующей финансовой системе может изменить силу влияния центральных органов на управление финансовыми процессами.

Теоретически криптовалюта может положительно повлиять на бизнес, поскольку отсутствие комиссии при осуществлении операций позволит предприятиям получить свободные средства, которые будут использованы на развитие производства, и в целом уменьшить затратную часть субъектов хозяйствования. Высокая скорость проведения операций с криптовалютой позволит затратить времени и рабочей силы, повысить динамичность предпринимательской деятельности, что положительно повлияет на экономику.

Итак, хотим мы этого или нет, а прогресс шагает по миру очень быстро, и остановить его не в силах никто. Можно притормозить процесс развития криптовалют, не создавая для них необходимой инфраструктуры, но рано или поздно они все равно займут свое место в мировой финансовой системе.

Список литературы

1. Антонов, В. (2015). Электронная коммерция в XXI в. Москва. РосИздат
2. Ашим, А.А. (2017). Перспективы развития рынка электронных денег: международный опыт и его использование в Казахстане. *Academy*. 4(19). 4-5.
3. Alex de Vries, (2018). Bitcoin's Growing Energy Problem. *Joule*, 2(5), 801-805.
4. Caporale G.M., Gil-Alana L., Plastun A. (2018). Persistence in the cryptocurrency market. *Research in International Business and Finance*, 46(2018), 141-148.
5. Grobys, K., Sapkota, N. (2019). Cryptocurrencies and momentum. *Cryptocurrencies and momentum*, 180(2019), 6-10.
6. Коваленко, Д.А., Миллер, Е.В. (2017). Преимущества, риски и актуальные проблемы криптовалют. В сборнике: *современные финансовые, экономические и социальные инструменты развития экономики, сборник статей XIV Международной научно-практической конференции*, 230-237. Омск, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал
7. Власенко, М.Н. (2017). Сущность криптовалют, их основные тенденции и перспективы. *Экономический вектор*, №4(11), 100-104
8. Ван дер Лаан, В. (2014). 4 приоритета Владимира Ван дер Лаана – нового главного разработчика Биткойн. Retrieved from: <http://coinspot.io>

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННО-ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

**Баширзаде Рамила Рафаил кызы (а), Тавбулатова Зулай Кариевна (b),
Хаханаев Умар Сайд-Эмиевич (с), Пахомова Алла Викторовна (d)**

(а) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
410054, ул. Политехническая, 77, Саратов, Россия, ramila_b@mail.ru, +7-987-362-59-76

(b) Чеченский государственный университет, 364907, ул. Шерипова, д. 32, Грозный, Россия,
eva_didi@inbox.ru, +7-928-004-30-04

(с) Чеченский государственный университет, 364907, ул. Шерипова, д. 32, Грозный, Россия,
desperade@mail.ru, +7-928-017-33-33

(d) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
410054, ул. Политехническая, 77, Саратов, Россия, ramila_b@mail.ru, +7-927-136-13-89

Аннотация

Анализируются технические изменения, как объект инновационно-проектной деятельности в предпринимательстве. Исходя из этого, сформулированы новые задачи проектной деятельности, состоящие в анализе факторов экзогенного и эндогенного характера, влияющих на результаты инновационного проектирования. Проведено научное обоснование исследования затрат и результатов базовых направлений инновационно-проектной деятельности как условия преодоления барьеров на пути вступления предпринимателей в рынок, обусловленный конкуренцией инновационных продуктов. На основе эмпирического исследования даны рекомендации по определению направлений инновационного проектирования, формированию модели жизненного цикла, фазы которого взаимосвязаны с инновационным проектированием. Исследованы теоретические аспекты трансформации рынков под воздействием инновационной динамики, политики предпринимателей в социально-экономической сфере, обеспечивающих направленность инноваций и их результатов на решение социальных проблем. Обоснованы рекомендации по применению дифференцированного подхода к инновационно-проектной деятельности в зависимости от мощности и других экзогенных и эндогенных факторов, влияющих на эффективность разработок, т. к. отдельные предприниматели, в силу своей недостаточной мощности, не могут подходить к осуществлению обслуживания инновационной деятельности на всех ее ступенях. Предложены методические рекомендации по исследованию эффективности проектной деятельности с выявлением факторов, влияющих на общую эффективность предпринимателя и эффективность инновационно-проектной деятельности, которая в контексте данной статьи рассматривается в форме проектов исследований и развития как наиболее актуальных для современных условий реализации национальных проектов. Рассмотрены социально-экономические инициативы, обусловленные государственными целевыми программами, как существенный фактор развития предпринимательства как драйвера нашей экономики.

Ключевые слова: эмпирический анализ, инновационно-проектная деятельность, социальная трансформация, экономическая трансформация, рынок, предпринимательство

Введение

Инновационно-проектная деятельность предпринимательства в рыночной экономике базируется на стратегических решениях относительно исследований и развития, направленных на создание и использование продуктовой и процессной инновации. Планирование проекта можно рассматривать как форму абстракции проекта. Результаты проекта описываются конкретными особенностями и вехами (Jissink, Schweitzer, Rohrbeck,

2019). Репутация для технологических инноваций и ее согласованность с инновационной деятельностью подробно описана в статье (PHöflinger, Nagel, Sandner, 2018).

Технические новшества есть реакция, с одной стороны, на ориентированного на прибыль предпринимательства как реакция на потребности рынка, с другой стороны, как технические возможности предпринимательства. Они предписывают технические, ориентированные на рынок действия, которые подчиняются потребностям народного хозяйства в новаторской деятельности. К этому относятся необходимость в производстве новых знаний, их неразделимость в процессе применения (позитивный внешний эффект). Согласно Нео-Шумпетер-гипотезе или эволюционной экономической теории, инновационная деятельность предпринимателей, как результат неуверенности в технических и рыночных результатах, полученных инкрементальным, рутинным способом, противостоит радикальной инновационной деятельности, которая к тому же может достигаться различными способами в различных отраслях экономики. Технические изменения проявляются как кумулятивный процесс внутри границ, которые через техническую заданность установлены и согласованы с прежней деятельностью предпринимателя. Во всяком случае, техническое развитие базируется на прорывных инновациях, которые согласованы с последовательным их применением и которые на ранних рыночных стадиях продукта доминируют. Инновационная деятельность протекает в предпринимательстве и отраслях экономики не по единому образцу, например, в отношении источника и механизма распространения новых технических знаний, доминантах продуктовой и процессной инновации, значении научных исследований для технического развития. Оптимальной стратегии в отношении создания и применения новшеств для предпринимателя не существует.

В своем позднем труде «Капитализм, социализм и демократия» (1942) Шумпетер, в противоположность своему труду «Теория экономического развития» (1912), исходит из того, что технические новшества могут иметь активность только у крупных предпринимателей на концентрированных рынках. Нео-Шумпетер-гипотеза строится на том, что существует позитивная взаимосвязь как между абсолютным, так и относительным размером предпринимательства (концентрация предпринимательства) и инновационной деятельностью. Это измеряется, например, интенсивностью исследований и развития (доля затрат на исследования и развитие в обороте) и патентоспособностью. Они обосновывают конфликт между статической и динамической эффективностью конкуренции. В отношении размера предпринимательства целесообразно ставить вопрос различных преимуществ и недостатков крупного, малого и среднего предпринимательства. Крупные предприниматели могут использовать значительные суммы в соответствии со своими высокими финансовыми возможностями для проектов исследования и развития в инновационной фазе, и могут их риски распределять на многие проекты (в случае их технической независимости). К тому же, частные доходы от инноваций могут быть значительны и могут применяться для дальнейшего инвестирования. С ростом размера предпринимательства увеличивается доля затрат на фундаментальные исследования. При непропорциональной доле затрат, особенно на рискованные исследования и разработки, они распространяются на создание полностью нового продукта и процесса. Преимущества крупного предпринимательства состоят в экономике, прежде всего, в фазе технологической конкуренции и стандартизации продукта. Здесь имеет значение ценовая конкуренция в противоположность технологической конкуренции. Таким образом, доминируют процессные инновации в противоположность продуктовым инновациям. Эффективность новаторской активности, измеряется, например, количеством выданных патентов и затратами на исследования и развитие, которые, в расчете относительно одного патента в крупном предпринимательстве могут быть сравнительно невысокими. Недостатком крупного предпринимательства, по сравнению с малым и средним становится проблема коммуникаций и стимулов, поощрений.

Постановка проблемы

Малые и средние предприниматели имеют преимущество высокой гибкости на начальных фазах цикла продукта. Здесь не имеется преимуществ в производстве, уровне соотношения надежности цели и результата исследований и развития. Продуктовая инновация и создание новых рынков доминирует в противоположность процессной инновации. Технологически ориентированные малые и средние предприниматели имеют долю изобретений при выводе на рынок выше среднего. Их «узкое место» инновационного процесса состоит в информационной недостаточности новых технических разработок, в их рыночном потенциале, финансовом дефиците, низком уровне управления рисками и барьерами на пути вступления в рынок. Соответственно, лишь незначительная часть современных малых и средних предпринимателей заняты непрерывным генерированием результатов исследований и развитием. Отдельные предприниматели, в силу недостаточной мощности не могут подходить к осуществлению обслуживания инновационной деятельностью на всех ее стадиях. Поэтому необходимо обосновывать рекомендации и применять дифференцированный подход к инновационно-проектной деятельности в зависимости от мощности и других экзогенных и эндогенных факторов, влияющих на эффективность разработок.

Исследуемый вопрос

Социально-экономические инициативы, обусловленные государственными целевыми программами, служат существенным фактором развития предпринимательства, как драйвера нашей экономики. Реализация этих программ требует проектной поддержки и активного участия в этой работе малых, средних и крупных предпринимательских структур. Несмотря на то, что накопившаяся отечественная и зарубежная практика и

научные обоснования проект-менеджмента представляют широкие возможности для предпринимательской деятельности в этой сфере, требования рынка выдвигают новые задачи и ставят новые проблемы, обусловленные складывающейся ситуацией на рынках инноваций, четкими социально-научными и инвестиционными программами, разрабатываемыми в рамках предпринимательских структур. Более того, при выполнении таких программ предприниматели должны иметь четкую установку на эффективность инновационно-проектной деятельности с тем, чтобы снизить риски принимаемых решений. Актуальность данного исследования обостряется стремлением страны к технологическому прорыву и доминированию на рынках высоких технологий. С учетом ограничений по ресурсам, прежде всего финансовых, перед каждым предпринимателем в процессе проектной деятельности должна ставиться задача эффективности проектов на основе оценки соотношения затрат и результатов. На разработку рекомендаций, направленных на решение этой задачи на основе эмпирического анализа, нацелено данное исследование в соответствии с выбранной темой данной статьи. Подходы к управлению проектами становятся все более гибкими и адаптивными для решения задач, связанных со все более сложной и динамичной средой (Nguyen, Killen, Kock, Gemünden, 2018).

Цель работы

Цель исследования – провести эмпирический анализ инновационно-проектной деятельности как условия социальной и экономической трансформации и предложить пути решения проблемы обоснования моделей эффективности проектной деятельности предпринимателей с учетом трансформационных процессов под воздействием результатов исследований и развития.

Методы исследования

Эмпирический анализ инновационно-проектной деятельности базируется на применении таких методов как системный анализ, сравнительный анализ, моделирование, наблюдение. По результатам анализа сформированы рекомендации по реализации исследования взаимосвязи затрат на инновационно-проектную деятельность и ее результатов согласно разработанной авторами модели проектной деятельности. Практический выход проведенного исследования состоит в том, что применение предлагаемой модели исследований и развития как одной из форм реализации проектной деятельности, служит основой для принятия решений о повышении ее эффективности. Возможно повысить обоснованность и целесообразность проектной деятельности в зависимости от структурированных эндогенных и экзогенных факторов для предпринимателей в сфере малого, среднего и крупного предпринимательства. Кроме того, рекомендации по анализу характера трансформации рынков послужат основой для акцентирования внимания на проектах, инновационный характер которых позволит улучшить их социальную составляющую, как одного из определяющих результатов проектной деятельности предпринимателей.

Результаты

В настоящее время социально-экономическое развитие характеризуется глобальными трансформационными процессами (Широкова, 2015). Исходными положениями настоящего исследования, при обосновании социальной и экономической трансформации, являются следующие. Развитие трансформационных процессов должно ставить в центр внимания человека его возможности и потребности. В конечном счете, всякое цивилизованное общество формируется под влиянием благоприятных условий для свободной реализации каждым человеком своего потенциала, компетенций, способностей и навыков. В контексте данной статьи эти условия рассматриваются через призму инновационно-проектной деятельности в рамках малого, среднего и крупного предпринимательства. Всесторонняя и постоянная опора на научно-практические разработки, результаты исследований и развития, анализ и внедрение прогрессивного опыта, технико-технологическое перевооружение отраслей экономики, смещение приоритетов в пользу наукоемких производств неразрывно связаны с трансформацией профессиональной структуры рабочей силы, увеличением удельного веса работников более высокой квалификации.

Трансформация социальная и экономическая – это процесс существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов, который характеризуется многовекторностью, относительно высоким темпом реализации изменений и повышенным влиянием субъективных факторов. Экономическая система входит в состав социально-экономических систем, в основе которых лежат интересы индивидов и социальных групп (Сайбель, Косарев, 2017). Процесс трансформации одной системы в другую характеризуется особыми общими закономерностями, он охватывает все сферы жизнедеятельности общества (Лапаева, Масленникова, 2014). Главной причиной трансформации социальной является глубокий системный кризис общества.

Трансформация социальная – особый тип социальных изменений, альтернативный революционному и эволюционному типам, который отражает фундаментальную закономерность смещения естественно-исторических процессов в сторону социально-исторических, когда определяющую роль в развитии общества играют социальные факторы, человеческий потенциал. Факторами экономической трансформации являются следующие: глобализация как комплексный результат развития национальных рынков и информационно-коммуникационных технологий, НТП, организационная культура и другие. Цифровая трансформация включает в себя способность организации адаптироваться, реагировать и позиционировать себя для достижения успеха в условиях быстрого развития технологий (Guinan, Parise, Langowitz, 2019).

Направление развития предпринимательства определяется деятельностью корпораций. Представленное эмпирическое исследование приводит к результату, что интенсивность исследований и развития в отношении крупнейших исследований и развития деятельности предпринимателей (например, Fortune-500 предпринимателей, т. е. список, ежегодно публикуемый журналом Fortune, в котором представлен рейтинг 500 крупнейших мировых компаний и критерием составления которого является выручка) с увеличением их мощности до определенной величины быстро повышается, причем для отдельных индустриальных отраслей имеются сильные отличия. Малые предприниматели, которые, за небольшим исключением, проводят исследования и развитие, рассчитывая на результат с минимальным порогом рентабельности при выполнении исследований и развития. Затраты при этом связаны чаще с высочайшей интенсивностью исследований, чем средние, так что их распределение в отношении величины предпринимателей может протекать в U-образной форме.

В отношении концентрации предпринимателей теоретическая модель показывает, что прибыль в результате поощрения, стимулирования, снижающего затраты процессных инноваций в монопольном случае ниже, чем в случае конкуренции. В противоположность этому предприниматель-монополист может на основе рыночной власти и позитивного быстрого эффекта инноваций иметь в большом объеме право присвоения результата как привилегии монополиста. Высокому уровню частного присвоения результата противостоит незначительная максимальная прибыль в объеме производства, связанного с техническими знаниями. Далее необходимо отметить, что доминирующие на рынке предприниматели как результат значительной экономии в крупном производстве могут продуцировать незначительные средние издержки как продавец, поставщик, производитель на конкурентном рынке. Однозначного ответа на вопрос, показывает ли монопольный рынок или конкурентный рынок более высокую интенсивность исследований и развития, невозможно при большом количестве многочисленности предусматриваемых и учитываемых факторов-аргументов. Для предпринимателей на концентрированных рынках свойственны большие усилия и высочайшая способность к инновациям, чем на более конкурентных структурированных рынках, в то время как в отношении стимула побуждения невозможно однозначно это определить.

Эмпирические исследования не могут найти сквозной позитивной взаимосвязи между величиной рыночной структуры и рыночного поведения (образа действий). Результаты являются репрезентативными; до определенного значения рыночной структуры имеет место позитивный эффект концентрации предпринимателей на инновационной деятельности, после которого происходит более медленное их воздействие на основе снижающегося числа участников рынка и повышающихся барьеров на пути вступления в рынок. Значение рыночного доминирования для инновационной деятельности должно быть ниже для отраслей экономики с богатыми техническими возможностями, соответственно, низкими издержками на исследования и развитие, и с барьерами, которые должны быть незначительными. Эмпирические результаты показывают, что взаимосвязь между величиной предпринимательства или концентрацией предпринимательства и инновационной деятельностью должна определяться через характерные отраслевые особенности, например, технические возможности, уровень (степень) располагаемости техническими знаниями, условия спроса на рынке, которые взаимовлияют на результаты инновационной деятельности предпринимателей. Структура рынка и уровень инновационной деятельности являются общим результатом перечисленных основных условий.

Модель рыночных фаз продукта (рис. 1)

Фаза экспериментирования. Вывод нового продукта на рынок, который связан с ненадежностью в отношении результата, чаще реализуется через вновь основанные или через малые и средние предприниматели. Главной задачей предпринимателей является создание рынка через накопление спроса. Он оказывает влияние через технологическое лидерство монопольного положения, владения и располагаемость новыми техническими знаниями, которые представляют барьеры на пути вступления в рынок.

Фаза экспансии. Достижение монопольного положения укрепления производственного процесса и расширения продукта на рынке достигается через диффузию технических новшеств и создание новых возможностей для применения. Это поддерживается через снижение цены нового продукта, как результата существенной экономии в производстве. Повышение прибыли ведет к вступлению на рынок новых предпринимателей из других отраслей экономики. Рыночная структура развивается в направлении дальнейшей олигополии. Диффузия технических новшеств снижает барьеры на пути вступления в рынок. Наряду с инновационной и имитационной деятельностью выступает ценовая и качественная конкуренция как конкурентные параметры.

Фаза зрелости. Ценовая конкуренция выступает преимущественно на место конкуренции исследований и развития. Благодаря этому крупные предприниматели, в противоположность малым и средним, имеют значительное преимущество. К барьерам на пути вступления в рынок можно отнести: высокие затраты на исследования и разработки, которые снижают ожидание прибыли, высокая дифференциация продукта, начинающееся насыщение рынка спроса и др.

Фаза стагнации. Стагнация в развитии рынка в рамках снижения общего экономического развития ведет к формированию избыточной мощности. Снижение затрат и цен больше не влияет на объемы продаж. Иммобильные предприниматели доминируют в противоположность к имитирующим и реагирующим предпринимателям. Рынок принимает форму узкой олигополии или частичной монополии с высокими вступительными барьерами в рынок. Количество участников рынка на рыночной фазе невозможно точно определить. Рыночная структура не детерминирована.

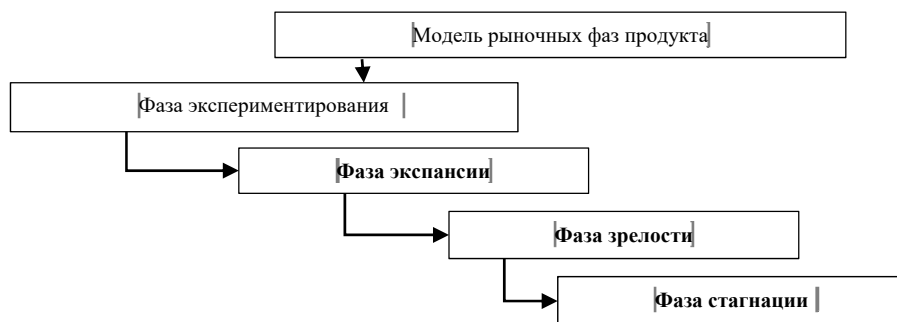

Рис. 1. Модель рыночных фаз продукта

Отдельные экономические стратегические решения (версия динамической конкуренции). Развитая модель Boston Consulting Group «доля рынка-рост рынка-портфель рынка» базируется на положении о том, что предприниматели только тогда имеют низкие стратегические риски, когда им удастся создать на экспансивных рынках (с высокой эластичностью спроса) конкурентные преимущества и противостоять конкурентам. Разделив рынки на сильно и слаборастущие конкурентные относительно объема продукта на большие и малые, возможно рассмотреть следующие комбинации:

- продукты с относительно высокой долей рынка на сильно растущих рынках («звезды»);
- продукты с сильно растущими рынками, но с тормозящей развитие конкуренцией («сомневающиеся»);
- продукты с относительно высокой долей рынка на слабо растущих рынках («дойные коровы»);
- продукты с низкой долей рынка на плохорастущих или застойных рынках («бедные собаки»).

Различные комбинации могут также рассматриваться во взаимосвязи с концепцией жизненного цикла. Полная совокупность ступеней развития образует жизненный цикл проекта (Авдеева, 2012). Жизненный цикл проходит путь от сомневающихся через звезды к бедным собакам. Существует стратегическое требование, что именно «дойные коровы» должны финансировать исследования, связанные с высоким инновационным риском. Нагрузка также падает на «звезды».

Рыночные результаты и картина конкуренции. После описания и объяснения структуры индустриальных рынков и положения предпринимателей относительно их инновационной деятельности можно вести речь о структуре взаимосвязи «результаты-затраты», а также взаимосвязи между рыночной структурой и рыночным результатом. Сюда относятся эмпирические результаты, которые представлены в литературе и которые надо кратко осветить и оценить. При их теоретическом обосновании и интерпретации наряду с названной гарвардской школой опишем чикагскую школу, которая отражает различные концепции конкурентной политики.

В центре внимания гарвардской школы стоят теоретические и эмпирические исследования влияния взаимосвязи между элементами рыночной структуры, рыночных действий и параметрами рыночных результатов. Исследования исходят из центральной гипотезы, что направление воздействия идет по образцу: рыночная структура – рыночные действия – рыночный результат, причем, в обратном воздействии результата на структуру рынка. Эмпирическое исследование рассматривается следующим образом. Отрасли экономики, которые имеют высокий уровень концентрации предпринимательства, получают средний уровень прибыли. К тому же они влияют на барьеры вступления на рынок, уровень капитала по отношению к обороту, рост отрасли экономики в прошедшее время, рыночный результат. Уровень прибыли определяется, как правило, как средняя величина для всей отрасли экономики. Возможные отличия между предпринимателями с различной долей рынка во внимание не принимаются. Предприниматели с высокой долей рынка доминируют, вместе с тем позитивной взаимосвязи между прибыльностью и концентрацией не наблюдается. Часть исследования, которая на уровень концентрации предпринимателей не влияет, рассматривается как незначительная. Рыночные барьеры вступления в рынок имеют большое значение в случае, когда очень трудно отделить влияние монопольной прибыли на средний уровень прибыли. В то же время они рассматриваются как важнейший элемент рыночной структуры. Влияние обоих элементов рыночной структуры при интерпретации эмпирических оценок приводят к мысли, что обратное воздействие между величиной прибыли и рыночной структурой можно предположить, что оно не экзогенно задано, но долгосрочно определяется через рыночный результат и рыночные действия эндогенно.

Чикагская школа принадлежит преимущественно к теоретическому направлению в экономике отраслевых рынков и основана на применении методов микроэкономического анализа и теории игр для исследования поведения фирм и организации рынков. Одним из основателей этого направления является Дж. Стиглер. Основным направлением исследований в чикагской школе является анализ проблем экономического выбора на основе теории цен. Это предопределяет и основной предмет исследования, если в гарвардской школе – это различные факторы и взаимосвязи, определяющие развитие отраслевого рынка, то в чикагской школе – это закономерности принятия решений. Одним из основных вопросов, рассматриваемых представителями данной школы, является исследование воздействия отраслевой политики на структуру рынка и поведение рыночных субъектов. При этом проводится как теоретический анализ, так и эмпирическая проверка полученных результатов. Большое развитие в рамках чикагского направления в экономике отраслевых рынков получило исследование особенностей функционирования квазимонопольных рынков, под которыми понимаются рынки, характеризующиеся наличием монопольной власти при низком уровне концентрации продавцов (как правило, такие рынки

возникают в результате доминирования одного из продавцов или вступления продавцов в сговор). В центре исследования таких рынков лежит выявление причин и процессов, способствующих появлению монопольной власти. Исследования в рамках чикагского направления также ведутся на основе применения результатов теории транзакционных издержек (Р. Коуз) и теории квазиконкурентных рынков (Баумоль, Демсец и др.). Транзакционные издержки ограничивают возможности ценовой конкуренции между фирмами, воздействуя, таким образом, на рыночную структуру.

К вопросу эффективности инновационно-проектной деятельности. Цель всех проектных усилий – оптимальные решения, т. е. выбор оптимальных возможностей действий. т. к. это не происходит автоматически или только в отдельных случаях достигается без усилий, подготовка проектных решений необходима. Систематическая подготовка решений и есть как раз эффективное проектирование. Оно вытекает из решения, для которого вы создаете информацию. Отсюда вытекает, что:

- 1) имеется польза от подготовки проектных решений;
- 2) предприниматель должен нести затраты на подготовку решений.

Информационные решения в проектах ставятся рядом с решениями о действиях (главное решение), им требуется установление оптимума. Однако трудности при установлении проектной оптимальности состоят в том, что перед проектировщиком ставится задача: должна ли быть создана и накоплена дополнительная информация или нет. Ответ: для снижения ненадежности такие действия необходимы. Проектный оптимум, базирующийся на информационном накоплении, требует рассмотрения следующей дилеммы:

- 1) для накопления информации лучше было бы отказаться от этой информации;
- 2) при отсутствии информации необходимо создать дополнительную информацию.

Вместе с этим ясно, что информационные решения в рамках проектирования связаны с решением надежности. Проектный оптимум определяется через оптимальные решения действий. Теоретически проектный оптимум лежит там, где проектные граничные затраты равны проектным результатам.

Теоретическая проектная эффективность. С учетом математической символики и доказательства аргументации можно продемонстрировать идею проектной и информационной оптимальности согласно рис. 2.

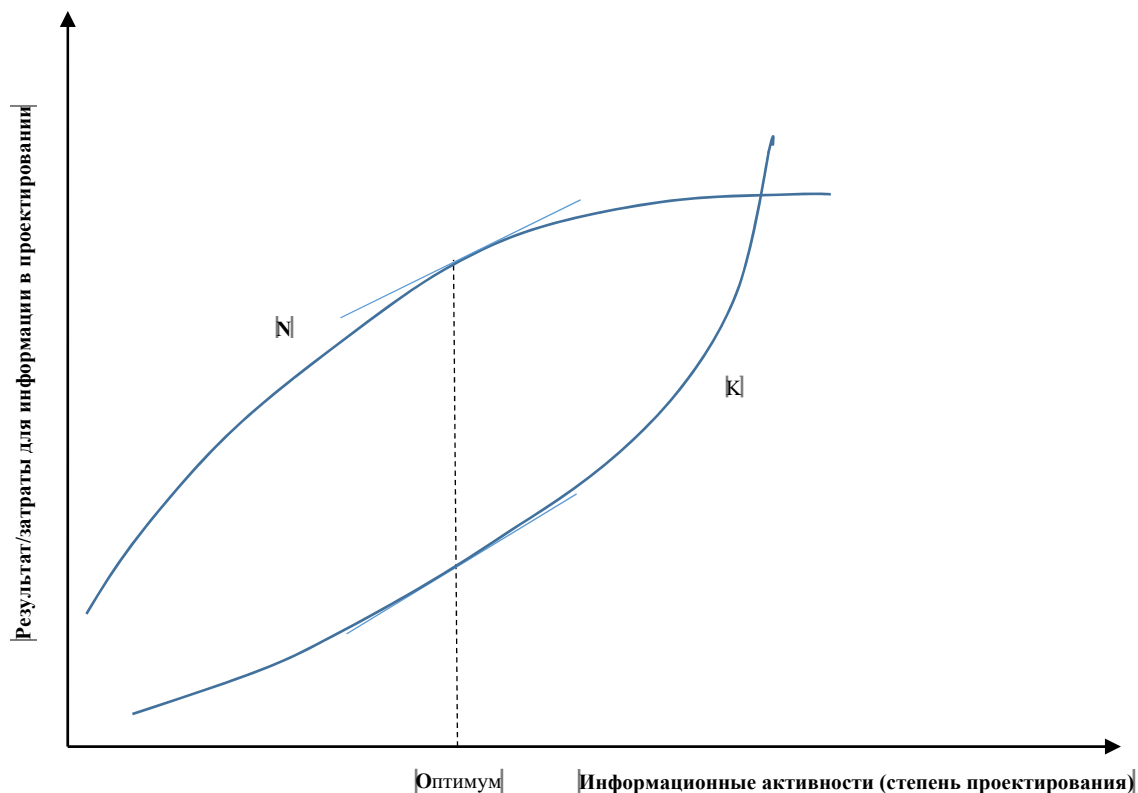

Рис. 2. Отражение проектного оптимума

Все проектные усилия служат информационной подготовке решений. Проектирование (проектный процесс, проектная система), должно эффективным называться тогда, когда оно обеспечивает решение (или может улучшить решение). Результат проектирования детерминирован через проектные результаты (доход, стоимость) и проектные затраты. Проектный результат (эффект) определяется через улучшение решений в результате более качественной информации. Проектные затраты (когда персонал, вещественные факторы, коммуникации отражены в затратах), по сути, негативны экономически. Последствия проектных решений должны оправдывать проектные усилия. Это отражено на рис. 2, который подтверждает следующую аргументацию. С возрастанием проектных усилий растут затраты K, которые непропорциональны растущей координате.

Проектный результат N через повышающиеся проектные усилия растет, но с повышающимся уровнем информативности приближаются к границе насыщения. Там, где кривая N и кривая K имеют максимальное расстояние (интервал, дистанцию) проектные граничные результаты и проектные граничные затраты не повышаются. Анализ этой проектной интенсивности приводит к выводу, что «качество плановой техники» на практике должно уточняться. Из этого следует, что компромисс для адекватного нахождения решения должен базироваться на проектной подготовке, в том числе и на информационном обеспечении.

Эмпирическая проектная эффективность. Практика инновационного проектирования должна ответить на следующие вопросы в контексте эффективности: что приносит и сколько стоит проектирование, проектный процесс или проектная система? Какой определенный результат при максимуме затрат он дает? На сколько можно снизить проектный бюджет, когда получен одинаковый вклад в результат? Ответы на эти вопросы должна давать сама практика или определять их эмпирически. Проектные исследования не имеют одинаковой картины эффективности. При анализе литературы дается утверждение, что существует взаимосвязь между проектными дескрипторами (например, задачи, фазы, ширина, глубина, длительность, частота, инструменты проектирования) и результатом (например, доходность, которые должны быть разработаны. «Другими словами, они берут предельный оптимум». Эмпирический проектный оптимум представлен на рис. 3.

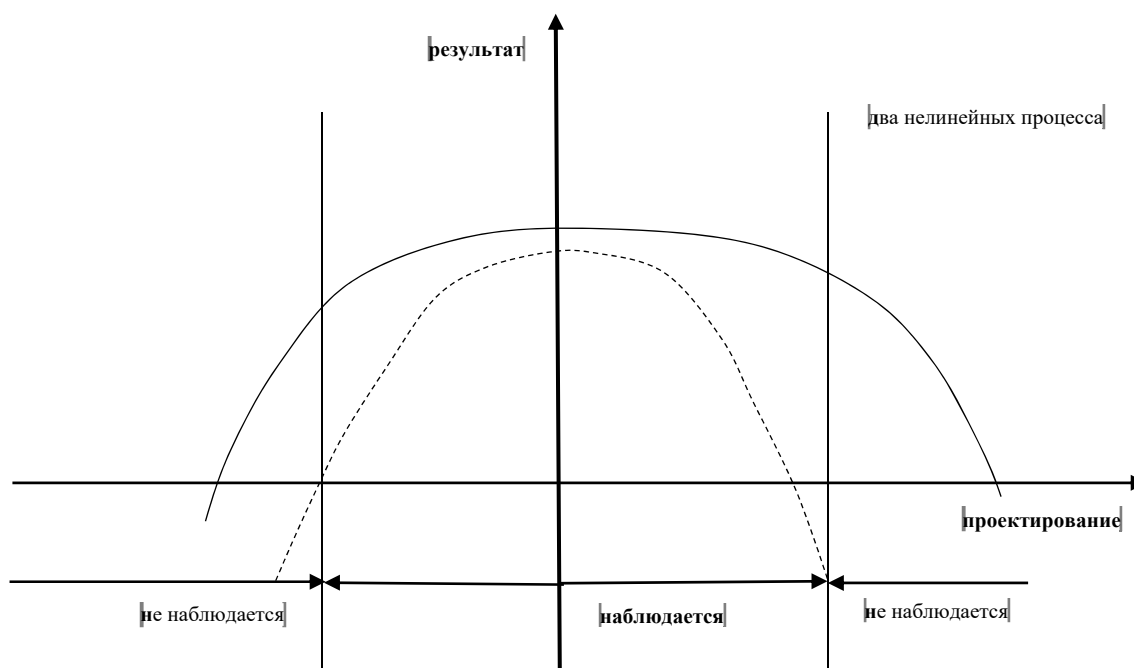

Рис. 3. Эмпирический проектный оптимум

Мы наблюдаем взаимосвязь факторов в форме одной U-кривой как вниз открытой параболы. Проектировщик у предпринимателя не принимает во внимание, что отсутствует наше мнение относительно координирования или оптимизации внутреннего протекания процесса проектирования. Это ведет к неэффективности, т. е. к негативному влиянию на эффективность или на успех предпринимательства. Фактическое распределение должно лежать около оптимума, так что фирмы в среднем проектируют в правильном объеме, т. е. не делают систематических ошибок. Поэтому формулируем мы гипотезу оптимума: в среднем проектируют фирмы в том объеме, что для их результата является оптимальным (это среднее мы называем «стандартной практикой»). Стандартная практики обеспечивает прогрессивный успех. Естественно, мы не ожидаем, что оптимум для всех фирм является одинаковым, несмотря на их величину и другие специфичные для предпринимательства фирменные переменные. Оптимум таким образом обусловлен ситуацией.

Выводы

С ситуационно обусловленными условиями связывают также и все эмпирические учения эффективности проектной деятельности. Это ведет к различным результатам, когда должны быть учтены различные ситуационные переменные, как, например, отрасль, величина предпринимательства, рыночные действия и рыночное развитие, изменение или структура предпринимательства, отдельные альтернативы или комбинации.

Вместо атомистических результатов должны быть кратко обобщены в концептуальных рамках эмпирических исследований вопросы эффективности инновационно-проектной деятельности. При этом следует различать два уровня эффективности:

- речь идет об институциональной эффективности проектирования, когда (позитивное) влияние проектной системы или проектного процесса должно быть исследовано на общую эффективность предпринимательства;

- речь идет о функциональной эффективности проектирования, когда вклад проектирования в степень выполнения функций (например, функции структурирования, оптимизации, креативности, надежности и гибкости) в конкретной проектирующей организации должно быть определено.

Взаимосвязи институциональной и функциональной эффективности проектирования в рамочных условиях можно представить на рис. 4.

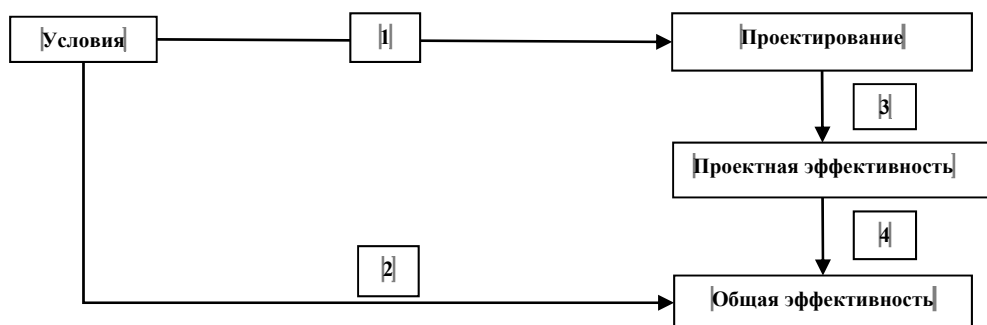

Рис. 4. Проектная эффективность и общая эффективность

Внешние условия (например, отрасль, динамика рынка или правовые нормы) и внутренние условия (например, вид и объем технологии, общая организация и суборганизация, концепция управления) влияют как на проектирование (1), так и прямо на общую эффективность (2). Проектное воздействие оценивается через ориентирование на проектирование критерии эффективности, которые вытекают отсюда как проектная эффективность (3) как часть общей эффективности (4). Ключевым вопросом эмпирического исследования проектной эффективности является следующий: Как можно проектную эффективность разграничить от общей эффективности и измерить? Однозначного и исчерпывающего ответа на этот вопрос нет. Он поэтому настолько труден, т. к. проектная эффективность и общая эффективность вытекают через конгломерат данных, действий и инструментов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90024

Список литературы

1. Авдеева И.А. (2012). Управление реализацией инновационных проектов. Актуальные проблемы экономики и управления, №1 (035), 2012. С. 9-12.
2. Широкова Е.С. (2015) Инновационные факторы социально-экономической трансформации. Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона», №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/innovatsionnye-factory-sotsialno-ekonomicheskoy-transformatsii>
3. Сайбель Н.Ю., Косарев А.С. (2017) Факторы трансформации социально-экономической системы. № 12 (66). URL: <https://research-journal.org/economical/factory-transformacii-socialno-ekonomicheskoy-sistemy/>
4. Лапаева М.Г., Масленникова А.Ю. (2014) Трансформация экономических систем: теория и закономерности. Вестник Оренбургского государственного университета. № 8 (169). С. 228-233.
5. Patrick J.Höflinger, Christian Nagel, Philipp Sandner (2018) Reputation for technological innovation: Does it actually cohere with innovative activity? *Journal of Innovation & Knowledge*: vol. 3, Issue 1, (pp. 26-39).
6. Patricia J. Guinan, Salvatore Parise, Nan Langowitz (2019) Creating an innovative digital project team: Levers to enable digital transformation. *Business Horizons*: vol. 62, Issue 6, (pp 717-727).
7. Na Mi Nguyen, Catherine P. Killen, Alexander Kock, Hans Georg Gemünden (2018) The use of effectuation in projects: The influence of business case control, portfolio monitoring intensity and project innovativeness. *International Journal of Project Management*: vol. 36, Issue 8, (pp 1054-1067)
8. Tymen Jissink, Fiona Schweitzer, René Rohrbeck (2019) Forward-looking search during innovation projects: Under which conditions it impacts innovativeness. *Technovation* 84-85 (pp 71-85)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ЗЕРНОПРОИЗВОДЯЩИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

**Черемухин Артем (а), Игошин Андрей (b), Полянская Наталия (с),
Сулов Сергей (d), Баженов Руслан (е)**

(а) Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, ул. Октябрьская, д. 22а, Россия,
ngie.u.cheremuhin@yandex.ru

(b) Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, ул. Октябрьская, д. 22а, Россия,
igoshin-nn@yandex.ru

(с) Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, ул. Октябрьская, д. 22а, Россия,
polyanska2012@yandex.ru

(d) Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, ул. Октябрьская, д. 22а, Россия,
ncstail4@mail.ru

(е) Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, 679015, Россия,
Еврейская автономная область, Биробиджан, ул. Широкая, 70, r-i-bazhenov@yandex.ru

Аннотация

Задачи развития сельскохозяйственного сектора РФ требуют глубокого понимания сущности соответствующих экономических процессов, в том числе закономерностей влияния результатов деятельности организаций АПК в одном периоде на изменение количества ресурсов, доступном в следующем цикле производства. В работе изучался состав, степень и характер влияния финансовых, производственных, ресурсных показателей деятельности зернопроизводящих организаций Нижегородской области на динамику количества земельных, трудовых, финансовых, технических ресурсов в их распоряжении в следующем году. Данные показатели были собраны по 55 организациям региона в период 2014-2017 гг. Было выявлено, что количество некоторых ресурсов у большинства сельскохозяйственных организаций остается неизменным (площадь посевов), а колебания количества финансовых ресурсов, вложенных в производство, наоборот, значительны. В соответствии с этим в работе применяются 2 основных подхода к выявлению закономерностей – логистическая регрессия и обычная нелинейная регрессия. Все расчеты были проведены с использованием компьютерной системы R, были построены 11 статистически значимых моделей, из которых 9 основаны на логистической регрессии, 2 – на нелинейной регрессии, сделаны выводы о характере влияния различных факторов. Анализ состава, характера и степени влияния факторов на результативные показатели позволил сделать вывод об отсутствии единого комплекса факторов, влияющих на изменение количества всех ресурсов, но наиболее часто влияющим фактором выступила средняя заработная плата (включена в 4 модели) и количество персонала (включена в 3 модели), что говорит об особом влиянии человеческого капитала на развитие сельскохозяйственных организаций. Отмечена универсальность применяемого подхода, ввиду которой он может использоваться для анализа закономерностей воспроизводства в сельскохозяйственных организациях с диверсифицированным производством, выдвинут тезис о возможности использования выявленных закономерностей для разработки соответствующих программ регулирования работы зернового сектора региона.

Ключевые слова: воспроизводство, экономический ресурс, тип воспроизводства, логистическая регрессия, нелинейная регрессия, посевная площадь

Введение

Анализ мировой практики исследований производства зерна показывает усложнение глубины анализа процессов в данной отрасли. Так, исследования ученых посвящены динамике пространственного распределения (Wang et al., 2018) производства зерна, тенденциям изменения структуры угодий и влияния на производство зерна (Ge et al., 2018), выявлению факторов, влияющих на производство зерна для разных регионов страны (Yu et al., 2019), одновременному пространственно-временному анализу производства зерна (Chai et al., 2019), структуре производстве и торговли зерна в отдельных странах (Wang et al., 2018) и мире (Wrigley, French, 2016), исследованию продуктивных функций зерна (Araña et al., 2018), различным экономическим аспектам земледелия (Duchene et al., 2019), влиянию типа хозяйства на производство зерна (Wang et al., 2017; Power et al., 2011) что подтверждает пристальный интерес научного сообщества к закономерностям работы зернового сектора.

Постановка проблемы

Сегодня возрастает важность информации о законах функционирования и реагирования на внешние и внутренние воздействия как всего подкомплекса как системы, так и отдельных его составляющих, например, сельскохозяйственных организаций.

На сегодняшний момент в российской экономической среде нет четкого понимания законов воспроизводства сельскохозяйственных организаций, состава факторов, влияющих на принятие решений об изменении количества определенного вида ресурсов, чему и посвящено это исследование.

Исследуемый вопрос

Существующие механизмы поддержки деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей нацелены, как правило, на поддержку только их финансового состояния. Между тем, вопрос ресурсного обеспечения деятельности организаций АПК является не менее важным, но на настоящее время отсутствует информация о закономерностях изменения количества ресурсов в сельскохозяйственных организациях в зависимости от результатов прошлого производственного цикла. В частности, остается неисследованным вопрос о структуре и результатах инвестирования свободных средств при получении сельскохозяйственными организациями прибыли или о тенденциях сокращения ресурсов при убыточных результатах деятельности.

Цель работы

Целью данной работы является выявление и математическая формализация действующих законов изменения количества основных экономических ресурсов в распоряжении сельскохозяйственных организаций, концентрирующихся на производстве зерна, в зависимости от их размера и результатов прошлой деятельности.

Методы исследования

Информационную базу исследования составили данные годовой бухгалтерской отчетности 55 зернопроизводителей Нижегородской области за 2014–2017 гг.

В качестве независимых показателей выступали темпы роста показателей количества и качества экономических ресурсов (объем посевных площадей, стоимость основных средств, величина затрат на производство, количество персонала и его средняя заработная плата). Исследовалось влияние на них количества экономических ресурсов, финансовых результатов деятельности организаций в прошлом финансовом году.

В исследовании использовались общенаучные методы (анализ), а также специализированные математические методы (нелинейная регрессия и регрессионные логит-модели). Соответствующие расчеты были проведены с использованием компьютерной системы R (Rizzo, 2007).

Результаты

Исследование корреляций зависимых и независимых переменных показало отсутствие сильных взаимосвязей.

Отсутствие сильных корреляций означает отсутствие линейных взаимосвязей между зависимыми и независимыми переменными. Это связано с разной степенью изменяемости величины параметров в сельскохозяйственных организациях. Все исследуемые показатели делятся на 2 основных типа – те, которые изменяются у большинства сельскохозяйственных организаций (затраты на производство и средняя заработная плата), и те, которые меняются у меньшей части сельскохозяйственных организаций.

Вследствие этого логично использовать модели двух типов: модели логит-регрессии для определения вероятности изменения объемов посевных площадей, стоимости основных средств, количества персонала и модели классической регрессии для предсказания новой величины затрат на производство и средней заработной платы рабочих.

Модель логистической регрессии является нелинейной моделью, которая используется в том случае, если зависимая переменная может принимать только два значения. Логит-модели применялись при анализе свойств почв (Pisicini et al., 2018), для исследования восприятия фермерами тенденций изменения количества осадков и величины температуры и влияния этого на оценку перспектив сельскохозяйственного производства (Song et al., 2019), исследовании факторов, определяющих спрос на сельскохозяйственное страхование (Sihem, 2019), прогнозировании банкротств сельскохозяйственных организаций (Boratynska & Grzegorzewska, 2018) и т. д.

Модели 1 и 2 оценивали вероятность изменения величины посевных площадей сельскохозяйственных организаций (табл. 1 и 2).

Таблица 1. Параметры модели 1 (Логит-модель вероятности изменения посевных площадей)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	p-значение
Свободный член	-2.342	0.0124
Основной капитал	0.00001	0.0209
Количество персонала	-0.07871	0.0038
ln(Урожайность)	0.0838	0.02138

Соответственно, на вероятность изменения величины посевных площадей оказывает влияние величина основного капитала организации, количество персонала и урожайность зерновых культур. Вероятность изменения исследуемого показателя возрастает для организаций с большей урожайностью и с большим значением капитала, но уменьшается для организаций с маленьким количеством персонала. Таким образом, наиболее склонны к отказу от простого типа воспроизводства посевных площадей высокотехнологичные сельскохозяйственные организации с большой урожайностью.

Таблица 2. Параметры модели 2 (Логит-модель вероятности увеличения посевных площадей)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	-1.422	<0.0001
Доходность производства зерна	0.015	0.0154

При этом на вероятность увеличения или снижения количества посевных площадей влияют разные показатели – так, на вероятность принятия решения об увеличении посевных площадей оказывает влияние величина доходности зерна. По результатам анализа значений параметров модели 2 выяснено, что при нулевых значениях доходности производства вероятность перехода к расширенному типу воспроизводства земли в зернопроизводящих сельскохозяйственных организациях равна 19.43 %, а при увеличении доходности на 1 % увеличивается в среднем на 0.3 %.

Таблица 3. Параметры модели 3 (Логит-модель вероятности снижения посевных площадей)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Количество персонала	-0.105	0.001
1/Количество персонала	-3.493	<0.0001

На вероятность снижения посевных площадей нелинейно влияет количество персонала в организации. Анализ модели показывает, что вероятность перехода к суженному типу воспроизводства посевных площадей велика для сельскохозяйственных организаций с очень небольшим количеством персонала (5–7 человек) – для них она равна около 22 %.

Таблица 4. Параметры модели 4 (Логит-модель вероятности изменения стоимости основных средств)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	-3.083	<0.0001
Количество персонала	0.023	0.001
Средняя заработная плата	0.000023	<0.0001

На вероятность изменения стоимости основных средств влияют, как показывают результаты исследования, количество персонала и его заработная плата. Чем больше работников в организации и тем выше у них заработная плата, тем ниже вероятность осуществления простого типа воспроизводства основных средств.

Таблица 5. Параметры модели 5 (Логит-модель вероятности увеличения стоимости основных средств)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	-2.611	<0.0001
Средняя заработная плата	0.000177	<0.0001

По данным модели 5, увеличение средней заработной платы работников на 1 тысячу рублей повышает вероятность увеличения стоимости основных средств в организации на 3-4 %. Так, при средней оплате труда в 10 тыс. руб. вероятность осуществления расширенного типа воспроизводства основного капитала равна 30 %, при 15 тыс. руб. – 51 %, при 20 тыс. руб. – 71.7 %.

Таблица 6. Параметры модели 6 (Логит-модель вероятности уменьшения стоимости основных средств)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	-1.59	<0.0001
Стоимость основных средств	0.00002666	0.0082
Квадрат стоимости основных средств	-0.0000000001	0.0395

При этом вероятность снижения стоимости основных средств зависит, согласно модели 6, зависит параболически от величины данного показателя. Для организаций со стоимостью основных средств до 133 млн руб. вероятность перехода к суженному типу воспроизводства основных средств растет с увеличением стоимости основных средств и достигает в отмеченном значении максимума в 54 %, снижаясь потом.

Величина затрат на производство изменяется в каждом году для каждой сельскохозяйственной организации. Как видно из модели 7, на тенденции данного изменения влияет как доходность производства зерна, так и доходность работы всей организации. Как показывает модель, при одновременной рентабельности или убыточности производства зерна и работы организации следует ожидать увеличения затрат на производство, в иных случаях – снижения.

Таблица 7. Параметры модели 7 (Модель оценки величины темпа роста затрат на производство)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	1.028	<0.0001
Произведение доходности производства зерна на доходность работы организации	0.00007153	<0.0001
F-statistics	30.14	<0.0001

Таблица 8. Параметры модели 8 (Логит-модель вероятности изменения количества персонала)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Площадь сельскохозяйственных угодий	0.0004782	0.000486
1/Цена продажи зерна	-2.5259493	0.033119

Изменение количества персонала сопряжено для сельскохозяйственных организаций с различными сложностями. Как показывают коэффициенты модели 8, вероятность изменения количества персонала зависит прямым образом от площади сельскохозяйственных угодий и гиперболически от цен продажи зерна. Наиболее велика вероятность осуществления простого типа воспроизводства количества работников для сельскохозяйственных организаций с большим объемом посевных площадей и с высокой ценой продажи зерна. Соответственно, при снижении отпускной цены зерна возрастает вероятность изменения в количестве персонала организации.

Таблица 9. Параметры модели 9 (Логит-модель вероятности увеличения количества персонала)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	-4.571	<0.0001
Цена продажи зерна	0.23	0.00662
Средняя заработная плата	0.0001357	0.00129

При этом, согласно данным таблицы 9, цена прямо влияет на вероятность увеличения количества работников, так же как и их средняя заработная плата. При равных условиях увеличение средней заработной платы на 1000 рублей увеличивает вероятность расширенного воспроизводства работников на 3–4 %.

Таблица 10. Параметры модели 10 (Логит-модель вероятности снижения количества персонала)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	-0.5065	0.00373
Доходность производства зерна	-0.01447	0.01148

Ключевым показателем в вопросах перехода организаций к суженому типу воспроизводства работников является доходность производства зерна. Для организаций с нулевой доходностью она составляет 37.5 %, для организаций с убыточностью в 10 % – более 41 %, для организаций с рентабельностью 10 % – 34 %.

Таблица 11. Параметры модели 11 (Модель оценки величины темпа роста средней заработной платы)

Параметр	Коэффициент в уравнении модели	р-значение
Свободный член	1.226	<0.0001
Заработная плата	-0.000026	<0.00010
Урожайность	0.0013	0.000282
F-statistics	14.27	<0.0001

На темпы роста заработной платы влияет по данным модели 11 прямо урожайность (увеличение ее на 1 ц/га увеличивает оплату труда в среднем на 0.13 %). Также существует обратная зависимость темпов роста заработной платы от ее величины – чем больше в организации оплата труда, тем меньше темпы ее роста.

Выводы

На основании построенных моделей можно говорить о следующих тенденциях воспроизводства ресурсов в сельскохозяйственных организациях Нижегородской области, занятых производством только зерна:

- успешные технологичные организации (большая стоимость основных средств, малое количество персонала, высокая урожайность) склонны к стабильности величины посевных площадей;
- все остальные организации принимают решение об увеличении посевных площадей при высоких значениях доходности производства, а об уменьшении – в зависимости от количества персонала в орга-

низации. Как показал расчет, организации с 5–7 работниками в штате наиболее склонны к уменьшению посевных площадей;

- на выбор стратегии воспроизводства основных фондов влияет и средняя заработная плата работников – сельскохозяйственные организации с большим количеством персонала и высокой заработной платы с высокой степенью вероятности выберут простое воспроизводство основного капитала, при этом отмечается рост вероятности применения расширенной стратегии воспроизводства основного капитала вместе с ростом зарплат, что свидетельствует о том, что зернопроизводители с малым, но высокооплачиваемым персоналом более склонны инвестировать в основной капитал;
- вероятность простого типа воспроизводства персонала наиболее велика для малых по площади сельскохозяйственных организаций с малой ценой продажи зерна. При этом, на принятие решений о расширении штата сотрудников влияет высокая цена продажи зерна и высокая заработная плата сотрудников, а на принятие решения о сокращении штата сотрудников – доходность производства зерна.

В целом можно отметить, что идентифицированные тенденции и закономерности воспроизводства количества экономических ресурсов в сельскохозяйственных организациях говорят о наличии сложных, многоаспектных и многофакторных зависимостей, определяющих стратегии развития зернопроизводящих региона, что должно быть обязательно учтено в том числе и при разработке соответствующих программ регулирования.

Список литературы

1. Araya, A., Kisekka, I., Gowda, P. H., & Prasad, P. V. V. (2018). Grain sorghum production functions under different irrigation capacities. *Agricultural water management*, 203, 261-271.
2. Boratyńska, K., & Grzegorzewska, E. (2018). Bankruptcy prediction in the agribusiness sector: Lessons from quantitative and qualitative approaches. *Journal of Business Research*, 89, 175-181.
3. Chai, J., Wang, Z., Yang, J., & Zhang, L. (2019). Analysis for spatial-temporal changes of grain production and farmland resource: Evidence from Hubei Province, central China. *Journal of cleaner production*, 207, 474-482.
4. Duchene, O., Celette, F., Ryan, M. R., DeHaan, L. R., Crews, T. E., & David, C. (2019). Integrating multipurpose perennial grains crops in Western European farming systems. *Agriculture, Ecosystems & Environment*, 284, 106591.
5. Ge, D., Long, H., Zhang, Y., Ma, L., & Li, T. (2018). Farmland transition and its influences on grain production in China. *Land Use Policy*, 70, 94-105.
6. Piccini, C., Marchetti, A., Riveccio, R., & Napoli, R. (2019). Multinomial logistic regression with soil diagnostic features and land surface parameters for soil mapping of Latium (Central Italy). *Geoderma*, 352, 385-394.
7. Power, B., Rodriguez, D., DeVoi, P., Harris, G., & Payero, J. (2011). A multi-field bio-economic model of irrigated grain-cotton farming systems. *Field Crops Research*, 124(2), 171-179.
8. Rizzo, M. L. (2007). *Statistical computing with R*. Chapman and Hall/CRC.
9. Sihem, E. (2019). Economic and socio-cultural determinants of agricultural insurance demand across countries. *Journal of the Saudi Society of Agricultural Sciences*, 18(2), 177-187.
10. Song, C. X., Liu, R. F., & Oxley, L. (2019). Do farmers care about climate change? Evidence from five major grain producing areas of China. *Journal of Integrative Agriculture*, 18(6), 1402-1414.
11. Wang, J., Zhang, Z., & Liu, Y. (2018). Spatial shifts in grain production increases in China and implications for food security. *Land use policy*, 74, 204-213.
12. Wang, X., Chen, Y., Sui, P., Yan, P., Yang, X., & Gao, W. (2017). Preliminary analysis on economic and environmental consequences of grain production on different farm sizes in North China Plain. *Agricultural Systems*, 153, 181-189.
13. Wang, X., Tan, K., Chen, Y., Chen, Y., Shen, X., Zhang, L., & Dong, C. (2018). Emergy-based analysis of grain production and trade in China during 2000–2015. *Journal of cleaner production*, 193, 59-71.
14. Wrigley, C., & French, R. (2016). Grain Production and Consumption in Oceania: Australia and Pacific Countries. *Encyclopedia of Food Grains*, 409-419.
15. Yu, X., Sun, J. X., Sun, S. K., Yang, F., Lu, Y. J., Wang, Y. B., ... & Liu, P. (2019). A comprehensive analysis of regional grain production characteristics in China from the scale and efficiency perspectives. *Journal of cleaner production*, 212, 610-621.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИНАМИЗМ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Красота Татьяна (а), Баженов Руслан (б), Лисиенко Светлана (с),
Бердина Светлана (д), Фирсова Елена (е)**

(а) Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, 679015, Россия, Еврейская автономная область, Биробиджан, ул. Широкая, 70, tatyana_karpenko@bk.ru

(б) Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, 679015, Россия, Еврейская автономная область, Биробиджан, ул. Широкая, 70, r-i-bazhenov@yandex.ru

(с) Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, 52 ул. Б. Луговая, Владивосток, Россия, lisienkosv@mail.ru

(д) Дальневосточный федеральный университет, 32-64, ул. Комунаров, Владивосток, Россия, bedrina_sl@mail.ru

(е) Российский государственный социальный университет, 4-1 ул. Вильгельма Пика, Москва, Россия, fea6916@mail.ru

Аннотация

Цифровая трансформация современной хозяйственной системы определяет общие контуры развития всех отраслей экономики. Появление новых мощных цифровых технологий, цифровых платформ и цифровых инфраструктур хозяйственной жизни в значительной степени трансформировало инновации и современное предпринимательство. Помимо простого открытия новых инструментов и возможностей для новаторов и предпринимательской деятельности, цифровые технологии имеют более широкие последствия для создания рынка. В координатах нового экономического роста приоритетным становится производство новой информации. При этом, информационная модель экономического роста создаёт ВВП преимущественно посредством новой информации, вырастает из недр пятого и формирующего шестого технологического укладов. Данная модель сохраняет некоторые традиционные, корректирует и пересматривает другие императивы и принципы функционирования рыночной экономики. Следовательно, она выступает логическим отражением новых информационных структур рыночной экономики и её доминирующих качественных характеристик. В статье актуализируются вопросы применения и внедрения цифровых технологий, которые все больше определяют траекторию развития рыночной экономики. Дана характеристика основным изменениям структуры и технологического базиса рыночной экономики на базе цифровых технологий и взаимодействия информационных факторов производства в условиях современной России. Определена сущность цифровой трансформации, при этом, обозначенные проблемы раскрываются с точки зрения развития технологического уклада на каждом этапе своего развития. Сделан вывод о том, что в целях ускорения экономического развития и преодоления рубежа инерционности в формировании и становлении институтов современного общества в условиях цифровизации экономической системы, требуется прямое участие государства в процессе технологической цифровизации экономики и построения региональных структур поддержки информационной деятельности.

Ключевые слова: Цифровые технологии, трансформация экономики, цифровая экономика, технологический базис экономики, цифровые платформы

Введение

В современное время цифровые и интеллектуальные технологии всё в большей степени определяют приоритетную траекторию развития современной рыночной экономики. В её пределах происходит максимизация количества новой информации и минимизация количества применения традиционных факторов в производстве, распределении, обмене и потреблении товаров и услуг, произведённых в рыночной экономике. Принципиальным видится нам тот факт, что информация проникает во все сферы воспроизводственного процесса и создаёт мультипликационный эффект в рыночной экономике. При этом достижения в области цифровых технологий высвобождают инновации, которые дают возможность трансформировать практику информационных платформ (Michelman, 2019).

Проведённый нами практический анализ свидетельствует, что валовой внутренний продукт (GPD) развитых стран создаётся преимущественно за счёт новой информации при одновременном сокращении доли других экономических ресурсов. В этих странах GPD характеризуется не столько своим материальным субстратом, сколько функциональной и информационной структурой.

В литературе традиционно акцентируется внимание на взаимосвязи инновационной и предпринимательской деятельности (Galindo-Martín et al., 2019). С этой точки зрения новые инновации сопровождаются цифровыми преобразованиями, которые способствуют созданию стоимости. Однако также важно учитывать влияние цифровых дивидендов на общество в целом, а также на предпринимательскую деятельность в условиях цифровой трансформации современного хозяйства. Исследования обычно не рассматривают эту последнюю возможность.

Так, Schweitzer et al. в своих трудах рассматривали цифровую трансформацию (DT) в процессе создания и разработки нового продукта, также роль ИТ-систем для производительности труда (Schweitzer et al., 2019). Однако не раскрытыми остались вопросы реализации государственной политики именно в условиях трансформации цифровой экономики современного общества. Переосмыслению ключевых вопросов для понимания новых вызовов дезорганизации и цифровой трансформации в компаниях и экономике посвящена работа P.O. de Pablos и J.E.L. Gayo (de Pablos & Gayo, 2019), вместе с тем, с нашей точки зрения, обозначенные проблемы решены не в полном объёме и требуют более детального научного осмысления и практического решения. Необходимо отметить научные труды A.L.Junge, M.Z. Liu et al., которые изучали технологии цифровой трансформации как средства обеспечения устойчивости логистических процессов в условиях современного рынка (Junge, 2019; Liu et al., 2019). Немаловажным видится вклад в разработку проблемы цифровых изменений в рыночной экономике российских учёных, таких как A. Davydov et al., которые рассматривали основные направления развития CALS-технологий (Davydov, 2002).

Важно сказать, что в современных условиях стоит актуальная задача научного осмысления будущих DT в условиях цифровизации современного общества, а также направление исследований, которое определяет необходимость прямого государственного регулирования информационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Научные исследования, направленные на понимание цифровой трансформации экономики, должны включать в себя многоаспектный анализ, охватывать идеи и концепции из различных областей и четко признавать роль цифровых технологий в преобразованиях организаций и социально-экономических отношений. При этом, цифровая трансформация уже была реализована в ряде отраслей промышленности для повышения доступности, гибкости, качества и эффективности.

Постановка проблемы

В условиях современной цифровой трансформации представляется важным обозначение научной проблемы предстоящих перспектив и государственного регулирования процессов трансформации российской цифровой экономики в современное время. Целесообразным видится первоначально понимание сущности цифровой трансформации экономики, осмысление проблемы предстоящих направления участия государства в поддержке информационной деятельности в рамках современного рыночного хозяйства.

Исследуемый вопрос

Предметом настоящей статьи является цифровая трансформация современной экономики, представляющая собой процесс изменения ценности бизнеса, корректировкой технологических и управленческих процессов, активным внедрением цифровых технологий и изменяющимся подходом к управлению человеческими ресурсами.

Цель работы

Цель нашего исследования – научное изучение технологического динамизма цифровой трансформации в условиях современного российского общества. Обозначенный нами вопрос представляется весьма актуальным и требует своего решения, как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Методы исследования

Теоретической и методологической основой исследования являются концептуальные положения фундаментальных и прикладных научных работ ведущих отечественных и зарубежных учёных по цифровые экономики в условиях современной России. Данная проблема является предметом исследования, прежде всего, специалистов, работающих на стыке наук (правовых, экономических, социальных) (Zaki, 2019; Blumensaat et al., 2019). Также данным вопросам посвящены научные труды российских учёных (Davydov et al. 2002; Oleynik, 2000; Gasanov et al., 2017).

Анализ и синтез существующих научных концепций и подходов, что проблемы технологических изменений цифровой российской экономики в современных условиях не являются полностью решёнными и требуют дальнейшего изучения как на уровне государства, так и на уровне мировой экономики.

Результаты

Использование цифровых технологий в рыночной экономике внесло значительные коррективы и новые принципы в механизм хозяйственной деятельности. При этом формируются новая совокупность факторов производства. Это связано с тем, что удовлетворяются потребности, прежде, всего за счёт благ, произведённых на основе использования информационных ресурсов. В координатах новых реалий приоритетным становится производство новой информации. Модель цифровой экономики создаёт GPD преимущественно посредством новой информации. Технологический принцип цифровой экономики проявляется в том, что она опирается на пятый и формирующейся шестой технологический уклады. Данная модель обогащает некоторые традиционные, корректирует и пересматривает другие императивы и принципы функционирования современной экономики. Важно отметить, что доминирующий принцип цифровой модели экономического роста характеризуется тем, что в результате дифференцированного увеличения доли новой информации доля традиционных экономических ресурсов уменьшается, при этом общая сумма затрат ресурсов, заключающаяся в ВВП, уменьшается, а объём его увеличивается.

В современное время действует новый принцип взаимодействия информационных факторов производства. Он основывается на системе положительной обратной связи, основанной на цифровых технологиях, которые уменьшают значения пространства и времени. Развитие критических отраслей, науки и образования, повышение качества рабочей силы определяется тем, насколько эффективно используется информация как стратегический фактор производства. К.Л.Аггюу отмечает, что знания являются не просто полезным и необходимым благом, но ещё и объектом купли-продажи (Aggou, 1995). В экономике теперь, именно знание, а не труд выступает источником стоимости. В индустриальной экономике достижения науки лишь используются в производстве, то теперь само производство основывается на научных концепциях и современных технологиях. Информация постепенно становится новым фактором производства (Blumensaat, 2019). Выпускаемые в рыночной экономике информационные товары и услуги во многих случаях имеют системообразующий и уникальный характер. Следовательно, воспроизводственная ситуация резкой замены насыщенных старых потребностей новыми оказывается наиболее благоприятной для производителей информационных товаров и услуг.

Технологический базис рыночной экономики – совокупность составляющих его основу технологических укладов. В настоящее время признано существование пяти технологических укладов. Основу технологического базиса современной рыночной экономики составляет пятый (информационный) и формирующийся шестой технологический уклад. Для них характерны интегрированные производственные платформы, функционирующие на базе гибких производственных систем, агрегированных в технологически целостный комплекс сопряженных производств, основанных на достижениях микроэлектроники, информатики и биотехнологии, новых материалах, а также новейших возобновляемых энергоресурсах. Под влиянием информационно-технологической рево-

люции уменьшается циклы смены технологических укладов. Фундаментальная наука, определяющая в основном смену технологических укладов со второй половины XX века, стала планетарной производительной силой. Теперь в рамках жизни одного поколения людей возможна смена 2-х и даже 3-х технологических укладов. Например, Ричард Фостер приводит множество эпизодов довольно скоростного обновления технологических укладов в различных отраслях и во многих странах (Foster, 1987). Выдвинутое вслед Меншиковым представление об S-образных циклах жизни технологических укладов позволяет создать наглядную картину инновационных сдвигов (Men'shchikov & Klimenko, 2014).

В настоящее время формируется шестой технологический уклад. Он базируется на ускоренном обновлении всего жизненного цикла товаров и услуг с учётом изменений ситуации и конъюнктуры на рынке. Очевидно, что этот уклад пока находится в эмбриональном состоянии. В основе данного уклада расположены мембранные и квантовые технологии, биомедицина, молекулярная биология, ядерная медицина, геновая инженерия, лазерные технологии. Дело, как нам видится, в том, что разработка и реализация научно-технических проектов, в основе которых лежат новая информация, требует интеграции как на теоретическом, так и на практическом уровне всех необходимых знаний – математики, физики, биологии, химии, информатики и т. д. (Han, 2019). Это привело к цепочке эпохальных открытий в когерентной линейной оптике. В XXI веке развитие получает направление, которое называют *green – innovation*. В рамках пятого технологического уклада фундаментальная наука, НИОКР, производство и потребление продукта функционировали обособленно. Шестой технологический уклад на базе CALS-технологий обеспечивает совмещение этих стадий.

Суть CALS-технологий состоит в применении принципов и технологий информационной поддержки на всех стадиях жизненного цикла продукции, основанного на использовании интегрированной информационной среды, которая обеспечивает единые способы управления процессами и взаимодействия всех участников этого цикла. Данные принципы и технологии реализуются в соответствии с требованиями международных стандартов, регламентирующих правила управления и взаимодействия преимущественно, посредством электронного обмена информационными ресурсами (Davydov et al., 2002). Следовательно, шестой технологический уклад тесно связан с программой цифровизации и более тесной интеграции сопряженных информационных процессов.

Основу пятого и шестого технологических укладов составляют уникальные ИТ – кластеры. Это локальные пространственные сосредоточения новейших сопряженных производств, связанных отраслей и специализированных институтов, специализирующихся на создании и распространении в экономике цифровых технологий и соответствующих средства производства. Под влиянием цифровизации интенсифицируются межотраслевые взаимосвязи производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. С такой точки зрения роль ИТ-кластеров – как генератора макроэкономической эффективности подтверждается GPD развитых стран. Отметим, что в действительности производительность растёт весьма неравномерно – она поднимается на новый уровень, каждый раз в результате технологических инновационных изменений. По мнению М. Портера "единственная разумная концепция конкурентоспособности на национальном уровне – это производительность". При этом "конкурентоспособность конкретной науки зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться". Он отмечает, что "применительно к конкуренции корни производительности лежат в национальном и региональном окружении" (Porter, 2000).

В качестве важного и необходимого элемента системы должны быть построены региональные структуры поддержки информационной деятельности государства. Фундаментальная их функция – оказывать юридические услуги, оформлять права на интеллектуальную собственность, составлять бизнес-планы на деятельность в области цифровой экономики, открыть цифровые предприятия, оказывать госуслуги посредством цифровых технологий и т. д. (De Falco, 2019).

При этом, новая цифровая политика и направления реформ России, основанные на информационном пути развития, должны согласовываться со всеми слоями цифрового предпринимательского сообщества и создаваться при активном участии всех регионов России.

Важно сказать, что глобальная цифровая практика показывает, что в России необходимо развивать цифровое партнёрство, где субъекты федерации и федеральные органы власти смогут реализовывать сотрудничество в устранении основных барьеров в развитии цифровой (информационной) деятельности в регионах РФ. При этом такое сотрудничество должно стимулировать государственные программы и проекты цифрового развития и повышения цифровой технологической конкурентоспособности регионов.

Цифровая трансформация – это процесс, посредством которого субъекты адаптируются к современным технологиям. По мере распространения цифровых технологий (автоматизация, камеры, датчики, сенсорные экраны, искусственный интеллект и др.), будет увеличено давление на компании, чтобы использовать его для получения дополнительной прибыли (Young & Rogers, 2019). Целесообразным представляется отметить, что цифровая трансформация экономической системы – это не только внедрение новых цифровых технологий во все отрасли экономики. Это ещё и возможность расширения деятельности рыночных институтов и возможностей цифровизации производственных всех секторов современной экономики в целом (Brock & von Wangenheimz, 2019; McKinnon, 2019).

Выводы

В целях ускорения экономического развития и преодоления рубежа инерционности в формировании и становлении институтов современного общества в условиях цифровизации экономической системы требуется

прямое оперативное участие и вмешательство государства в процесс формирования доминантных базовых институтов, под которыми мы понимаем, прежде всего, основные структурные элементы, которые обеспечивают взаимодействие главных субъектов в политической и экономической сферах современного общества, цифровизации экономики, планировании и программировании экономической деятельности государства (Herrmann et al., 2019).

Цифровая трансформация должна стать общенациональной идеей, практическую реализацию которой в каждой национальной компании и всей российской экономике позволит достаточно динамично перейти на продуктивный и эффективный путь устойчивого социально-экономического развития и восстановить технологическое лидерство в глобальном мировом экономическом пространстве.

При этом, государственное участие должно служить фундаментальным и самым мощным стимулом технологической трансформации современной экономики. Государственная инновационная политика должна оказывать стимулирующее и поддерживающее действие на опережающее развитие принципиально новых высокотехнологичных секторов и инфраструктур российской экономики, проведение глубокой технологической модернизации функционирующих отраслей и производств всего общества. При этом, управление качеством цифровой трансформации бизнес структур и секторов экономической системы должна рассматриваться как обоснованная необходимость в условиях масштабной и глубокой технической интеграции современного общества. Здесь самое важное – создание эффективных институтов цифровой экономики, которые будут обеспечивать непрерывность и эффективность её развития (Gasanov et al., 2017). Институты, как нам представляется, способствуют цифровому развитию постоянным процессам в экономической сфере и служат фундаментом эффективного развития современного российского общества, поэтому решение обозначенных нами задач приобретает архиважное значение для формирования будущего институционального пласта в разрезе цифровизации экономической деятельности государства в целом.

Список литературы

1. Arrow, K.J. (1995). *Informatsiya i ekonomicheskoe povedenie* [Information and economic behavior], (5), 93-107.
2. Blumensaat, F., Leita, J.P., Ort, C., Rieckermann, J., Scheidegger, A., Vanrolleghem, P.A., & Villez, K. (2019). How Urban Storm- and Wastewater Management Prepares for Emerging Opportunities and Threats: Digital Transformation, Ubiquitous Sensing, New Data Sources, and Beyond – A Horizon Scan. *Environmental science & technology*, 53(15), 8488-8498.
3. Brock, J.K.U., & von Wangenheim, F. (2019). Demystifying AI: What Digital Transformation Leaders Can Teach You about Realistic Artificial Intelligence. *California management review*, 61(4), 110-134.
4. Davydov, A., Barabanov, V., Sudov, E. (2002). *CALS-tehnologii: osnovnye napravleniya razvitiya* [CALS-technologies: main directions of development]. *Standards and quality*, (7), 12.
5. De Pablos, P. O., & Gayo, J. E. L. (2019). Rethinking key issues for understanding the new challenges of disruption and digital transformation in companies and economies. *Behaviour & information technology*, 38(9), 873-875.
6. De Falco, S. (2019). Digital and urban spaces: Oxymoron or binomial? *Urban transformations in the digital era. Geography compass*, e12467. doi: 10.1111/gec3.12467
7. Foster, R. (1987). *Obnovlenie proizvodstva: atakuyushchie vyigryvayut* [Production update: attackers win]. Moscow, Progress.
8. Galindo-Martín, M. Á., Castaño-Martínez, M. S., & Méndez-Picazo, M. T. (2019). Digital transformation, digital dividends and entrepreneurship: A quantitative analysis. *Journal of Business Research*, 101, 522-527.
9. Gasanov, E. A., Boyko, T. S., & Frolova, N. S. (2017). *Institutsionalizatsiya innovatsionnoy mezoekonomiki* [Institutionalization of innovative mesoeconomics]. *Academic notes of TOGU*, 8(2), 293-300.
10. Han, C. S. (2019). Digital transformation promotes business model innovation of cross-border E-commerce of pharmaceuticals. *Basic & clinical pharmacology & toxicology*, 125(2), 200-201.
11. Herrmann, M., Truebel, H., Ehlers, J. P., Boehme, P. (2019). Digital Transformation of the Health Sector. *Geburtshilfe und frauenheilkunde*, 79(7), 679-681.
12. Junge, A. L. (2019). Digital transformation technologies as an enabler for sustainable logistics and supply chain processes—an exploratory framework. *Brazilian Journal of Operations & Production Management*, 16(3), 462-472.
13. Liu, M., Zha, S., & He, W. (2019). Digital Transformation Challenges: a Case Study Regarding the MOOC Development and Operations at Higher Education Institutions in China. *TechTrends*, 63(5), 621-630.
14. McKinnon, R. (2019). Введение : Social security and the digital economy – Managing transformation. *International social security review*, 72(3), 5-16.
15. Men'shchikov, S. M., & Klimenko, L. A. (2014). *Dlinnye volny v ekonomike. Kogda obshchestva menyaet kozhu* [Long waves in the economy. When the skin changes]. Moscow, URSS.
16. Michelman, P. (2019). Key Words for Digital Transformation. *MIT Sloan Management Review*, 60(2), 1-7.
17. Oleynik, A.N. (2000). *Institutsional'nye aspekty sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsiy* [Institutional aspects of socio-economic transformations], Moscow, TEIS.
18. Porter, M. (2000). *Konkurentsia* [Competition], Moscow, Williams
19. Schweitzer, F. M., Handrich, M., Heidenreich, S. (2019). Digital transformation in the new product development process: the role of it-enabled plm systems for relational, structural, and npd performance. *International journal of innovation management*, 23(7), 1950067.
20. Young, A., Rogers, P. A. (2019). Review of Digital Transformation in Mining. *Mining metallurgy & exploration*, 36(4), 683-699.
21. Zaki, M. (2019). Digital transformation: harnessing digital technologies for the next generation of services. *Journal of services marketing*, 33(4), 429-435.

ПРОБЛЕМА ТРУДА И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: АНАЛИЗ МАССОВОГО ОПРОСА

Бетильмерзаева Марет Мусламовна (а, b)

(a) Чеченский государственный педагогический университет, 364068, пр. Х. Исаева, 62, Грозный, Россия,
maret_fil@mail.ru, +7(8712) 22-43-01

(b) Чеченский государственный университет, 364024, ул. А. Шерипова, 32, Грозный, Россия,
maret_fil@mail.ru, +7(8712) 29-00-04

Аннотация

Чеченская Республика является одним из известных в современном культурно-политическом пространстве регионов Российской Федерации. В череде испытаний, предопределенных чеченцам, 90-ые годы оказались одним из очередных уроков, из которого народу предстоит еще сделать выводы. Существуют различные символические скрепы, определяющие особенности того или иного этноса. Одним из таких понятий является «труд». Но целью нашей работы является не философско-культурологическое осмысление данного феномена. Наша цель имеет прагматичный характер, а именно: аналитический обзор сферы труда и трудовой деятельности граждан республики. Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач: – проведение массового опроса респондентов республики; – анализ результатов массового опроса. В рамках проекта «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса» на территории Чеченской Республики был проведен массовый опрос с участием 100 человек. Предметом исследования являлись труд и трудовая деятельность в регионе в условиях кризиса. Основные методы: анкетный опрос, анализ и синтез, которые вкрупне способствовали как сбору информации, так и аналитической обработке полученной информации. Вследствие проведенного исследования в рамках одного региона автор пришел к выводам о том, что ситуация в республике является отражением в целом кризисных условий проживания россиянина, когда в условиях отсутствия социально-экономического благополучия у большей части населения страны, когда человек вынужден тратить свои энергетические ресурсы – психоэмоциональные, временные – на рутинную повседневность, успешность малой части людей лишь провоцирует социальную неприязнь и апатию у большинства. Потребности современного россиянина так сузились, взращен великий потребитель. И он не удовлетворен: ни работой, ни семьей, ни с собой. Социальное нездоровье сказывается на общем характере проводимых мероприятий, когда люди серьезно рационализируют, вкладывают смыслы, которых нет, в одномерные слайды действительности.

Ключевые слова: труд, трудовая деятельность, работодатель, образование, качество работы

Введение

Современная ситуация в мире и в стране характеризуется разноречивостью своего развития. В целом, переживаемый общемировой кризис в политической и в экономической сферах накладывает печать на все остальные уровни жизни россиянина. Предметом анализа современных исследователей становятся различные аспекты социокультурного пространства, в границах которого формируется реальность как объективная данность бытия социального и человеческого. Как отмечают исследователи, «structuring a multilayer culture with horizontal and vertical slices allows to identify the fundamental and peripheral parts of the culture of the post-Soviet and Eurasian peoples, as well as globalization, civilization, and ideological values» (Bilalov, Akaev, 2019). Перед представителями социально-гуманитарных наук стоит задача комплексного анализа проблем, которые возникли вследствие смещения границ между цивилизациями, культурами, временами. Более всего актуально исследование материальной сферы, как базиса общественных отношений. «Современная ситуация в России характеризуется, с одной стороны, относительной устойчивостью страны к воздействию мирового кризиса, а с другой – обострением противоречий в системе социально-трудовых отношений, вызванных в первую очередь противоречивостью интересов их субъектов, что повлекло за собой массовые увольнения, замораживание и прямые выплаты заработной платы, обострение социальной напряженности, и в результате – демотивацию работников к труду» (Жулина, 2011). В этих условиях меняется отношение человека к труду и к трудовой деятельности. Современный наемный работник, в какой бы сфере труда он не работал: в частной или бюджетной, не защищен от воли или произвола работодателя. Ряд исследователей обращают внимание на модернизационный характер современной ситуации в регионе (Dimaeva, etc., 2019).

Постановка проблемы

В нашей работе поставлена проблема труда и трудовой деятельности в Чеченской Республике в контексте современной социокультурной ситуации как в стране, так и в мире.

Исследуемый вопрос

Различные аспекты проблемы труда и трудовой деятельности является предметом исследования ученых разных стран. Например, как отмечают исследователи (Sobotková, Dohnalová, 2014), общее повышение безработицы становится серьезной не только макроэкономической, но и микроэкономической проблемой, которая ре-

шается на уровне правительств многих стран. Вместе с тем проблемы труда и трудовой деятельности являются следствием не только экономической ситуации в стране, сколько характерного социокультурного контекста общественной жизни. Диплом выпускника того или иного вуза не является гарантией профессиональной компетентности претендента на то или иное место работы, то есть «the quality of job applicants with higher education» и потому «a university degree as a signal is failing in the Czech labour market» (Sobotková, Dohnalová 2014). Развитие образовательного процесса и его связь с рынком труда нашла отражение в исследовании группы авторов, согласно которым «the structure of the graduates of the university does not always meet the requirements of the Russian labor market, and the level of education in some higher education organization does not allow graduates be demanded on the international labor market» (Chistyakova, etc., 2015), что также обуславливает проблемный характер современного рынка труда. Как давно обратили внимание, «it is known for a long time that young Russians prefer to study for economists and lawyers, while the economy needs more engineers and welders» (Chistyakova, etc., 2015). Среди молодежи Чеченской Республики также одними из популярных являются профессии экономистов и юристов, в то время как мало кто из них задумывается о том, каковы запросы рынка труда, на котором нет нехватки специалистов в сфере юриспруденции и экономики.

Предлагаемая работа является одним из этапов в череде исследований по проблемам социокультурной, политической, религиозной ситуаций в республике (Бетильмерзаева, 2017а; Бетильмерзаева, 2017b; Дзуцев, 2016).

Цель работы

Цель исследования: аналитический обзор сферы труда и трудовой деятельности граждан республики. Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- проведение массового опроса респондентов республики;
- анализ результатов массового опроса.

Методы исследования

В рамках проекта «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса» на территории Чеченской Республики был проведен массовый опрос с участием 100 человек. Предметом исследования являлись труд и трудовая деятельность в регионе в условиях кризиса. Основные методы: анкетный опрос, анализ и синтез, которые вкупе способствовали как сбору информации, так и аналитической обработке полученной информации.

Состав респондентов: 72 % женщин; 28 % мужчин.

Возрастной состав: от 18 до 64 лет, из которых от 18 до 24 – 22 %; от 25 до 34 – 40 %; от 35 до 44 – 16 %; от 45 до 54 – 14 %; от 55 до 64 – 6 %.

Образование: 52 % – высшее; 26 % – имеет ученую степень (кандидата, доктора наук); 18 % – среднее специальное образование (техникум и т. д.); 4 % – аспиранты.

Результаты

1. Что для Вас означает труд?

Одним из важных факторов, определяющих благополучие общества, служит сфера труда, отношение к труду. На первый вопрос «Что для Вас означает труд?» из предложенных вариантов ответов респондентами был сделан следующий выбор: Больше половины из числа респондентов выбрали вариант «Работа дает мне возможность поддерживать бюджет семьи» – 52 %. Вариант «Работа представляет основу для приобретения навыков и реализации моих способностей» было выбрано 34 % из числа респондентов. «Это набор заданий там, где я работаю» – 8 %, «Работа дает возможность участвовать в общих делах с другими людьми» – 6 %, «Работа – это форма общения с коллегами, которое отличается от домашней обстановки» – 4 %, «Работа дает определенное направление моим ежедневным занятиям» – 0 %, «Другое» – 8 %.

2. В какой отрасли Вы работаете на данном этапе?

Большая часть наших респондентов (92 %) занята в сфере образования. И, соответственно, результаты исследования отражают состояние труда в одной из материально-производственных сфер. Видя ограниченный характер охвата отрасли труда, мы пытались данную картину обогатить полевым материалом.

3. Вас удовлетворяет Ваша зарплата?

При анализе сферы труда и трудовой занятости важное место занимает удовлетворенность работника своей заработной платой. Среди наших респондентов 74 % ответили, что зарплата «не удовлетворяет», 20 % – «вполне удовлетворяет»; остальные затруднились ответить.

В комментариях нашли отражение причины неудовлетворенности, это такие как «не хватает на публикации»; «для удовлетворения своих финансовых потребностей вынужден заниматься трудовой деятельностью в двух профессиональных направлениях – правоохранительном (денежное содержание высокое) и научно-преподавательском (это интересно, но за творческий/интеллектуальный труд в России денег платят мало или вообще не платят); «вполне удовлетворяет, из чего не следует, что достаточно хватает. Но в тех условиях, что проживает большая часть интеллигенции и республики, и страны, грешно жаловаться»; «моя любимая работа забирает зарплату: публикации».

4. Как Вам кажется, работа дает возможность показать свой талант?

Связан с предыдущим и данный вопрос о том, дает ли возможность работа показать свой талант. «Да, у меня есть возможности показать свой талант, свои профессиональные навыки» выбрали 52 % респондентов; «не в полной мере» – 40 %; абсолютное отрицание возможности выразиться нашло отражение у 4 %.

В качестве примечания ряд респондентов отметило, что работа ученого и преподавателя имеет творческий характер, поэтому всегда можно найти возможность для выражения своей индивидуальности. Талант, если он есть, найдет возможность для выражения, высказывались другие, поэтому вряд ли можно говорить, что в иных условиях и качество было бы лучше.

5. Дает ли Вам работа чувство стабильности, чтобы поддерживать доход семьи?

Вопрос о том, дает ли работа чувство стабильности, чтобы поддерживать доход семьи, отражает одну из основных и болезненных статей материально-производственной сферы. К сожалению, анализ ответов респондентов на данный вопрос свидетельствует о необходимости коренных изменений в сфере оплаты труда бюджетных организаций. «Да, в полной мере» отметили 22 %; «нет, не в полной мере» – 46 %; «нет, не дает» – 32 %.

6. Как Вы считаете, где лучше работать: в неформальной экономике или в государственной с фиксированной зарплатой, определяемой государством?

Результаты данного вопроса, казалось бы, демонстрируют доверие респондентов к государственной экономике: 90 % ответили, что предпочитают работать в государственной экономике с фиксированной зарплатой; 2 % отдали предпочтение работе в неформальной экономике; 4 % затруднились ответить; еще 4 % выделили «другое». Естественно, что не обошлось от оценки любого труда как социального насилия: «лучше нигде не горбатиться» (лексика респондента).

Полагаем, что в основе данного процентного соотношения лежит не доверие государству, а еще с советской эпохи сложившееся отношение к государственному институту. На самом деле в основе советской идеологии лежали святыне идеи: земля – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, но эти идеи стали идеологическими инструментами, лозунгами, кличем, реализовать которые не являлось целью для их трансляторов. Образы рабочего и крестьянина не реализовались не по вине этих двух классовых «флагманов», а потому что идеологи, стоявшие у руля, обюрокрадили сферы их функционирования, выхолостили из рабочего и крестьянина их сущность. Безусловно было время, были люди, были подвиги, были те, кто поверил, но была и другая сторона, представленная симуляциями тех, кто в целях успешного выживания мимикрировали в подобие, в симулякр, и изнутри развалили великую идею братства, свободы и справедливости. Самый простой способ победить неприятеля заключается в умении возглавлять идеи противника и изнутри способствовать их обесценению насаждением двойных стандартов, дискредитирующих святыне принципы.

Естественно, что чиновничий инструментариум особо не изменился. И в наших условиях все зависит от профессионализма человека, от его личностных характеристик, организаторских умений, от цели в жизни. Государственная работа удобна своей относительной гарантированностью, а в неформальной экономике от человека требуется активность. И вся ответственность за успех или фиаско в неформальной экономике лежит собственно на человеке. На государственной работе ответственность возлагается на систему. И в этом контексте, по нашему мнению, результаты анализа свидетельствуют о неготовности части респондентов брать на себя ответственность за свое будущее. Также респонденты все-таки видят в государстве в некотором смысле стабильного партнера, который не оценивая их труд в нужном объеме, гарантирует им некоторую форму занятости, симуляцию того, что мы «работаем».

7. Как Вы считаете, что Вам подходит – работа, которая выполняется за определенный оклад государством, или предпочитаете работать вне государственной системы?

Следующий вопрос о том, какая работа предпочтительна: с определенным государством окладом или вне государственной системы, способствовала некоторой определенности истинных устремлений респондентов. Хотя незначительно – 86 % – снизился процент желающих работать в государственной системе, но зато – 10 % – четко определилась позиция тех, кто готов за реальную оплату работать вне государственной системы.

Четко была выражена позиция тех, кто отметил, что в сфере образования и науки государство должно являться основным гарантом поддержания и реализации образовательной и исследовательской политики, хотя и не единственным.

Выводы

Анализ ответов респондентов представляет собой весьма интересный материал для рефлексии над отношением к труду и трудовой деятельности в республике. Для половины респондентов работа (Вопрос 1) служит средством удовлетворения экономических потребностей своей семьи, что все-таки, с одной стороны, положительно характеризует людей, занятых в бюджетной сфере и находящихся возможности обеспечения своих семей. Положительно характеризует атмосферу труда и трудовой деятельности в регионе и то, что 34 % респондентов определяют работу как «основу для приобретения навыков и реализации своих способностей». Обнадеживающим фактором служит момент того, что трудовая деятельность для определенной части, занятых в ней людей, является стартовой площадкой для дальнейшего роста. В рамках варианта «другое» были предложены респондентами такие варианты, как работа – это «обуза», «актуальны почти все варианты», «удовольствие», «смысл жизни», «в первую очередь, форма выражения себя, а потом уже и доход, и поддержка семьи».

Важным критерием в оценке труда и трудовой деятельности служит последний ответ респондента, который рассуждает о важности понимания труда «как формы выражения себя», что в целом соответствует советскому и российскому классическому подходу в оценке труда как средства выражения собственной индивидуальности. В полевом материале имеются такие рассуждения респондентов, которые заявляют о неоправданности в современной экономике ведения личного подсобного хозяйства при возможности купить все на рынке, о низкой оплате работника физического труда, о рисках работы в частно-наемной сфере, где работник не защищен от угрозы быть «кинутым» наемщиком-работодателем и т. д. В целом выездная сезонная занятость для чеченского региона служила одной из статей дохода и содержания семьи в 70-е – в начале 80-х годов прошлого века, но в современных условиях имеют место факты использования наемной рабочей силы с последующим «сбросом» работников непосредственным нанимателем. Тем не менее, немалая часть людей «трудового» возраста выезжает за пределы региона в целях заработать деньги, позволяющие обеспечить себя и свою семью.

Полагаем, что данная картина (Вопрос 5) отражает в целом нездоровую ситуацию в обществе, когда работники, занятые в сфере образования и науки (92 % из числа опрошенных), в сфере, которая поставляет кадры во многие другие структуры социума, обслуживается людьми, которые, в первую очередь, не могут удовлетворить свои первичные социально-экономические потребности, то о каких высоких эмпиреях может человек рассуждать. Изначально становление и развитие человеческой рефлексии было обусловлено уровнем развития социальных и экономических отношений древних обществ, что позволило человеку прямоходящему (*homo erectus*) проявить себя как человеку разумному (*homo sapiens*). Человеку, чьи силы расходуются на удовлетворение бытовых потребностей, не остается ни сил, ни времени для социально-политической рефлексии. Ведь не зря первоначально мудрые речи философов Эллады рождались не на пахоте, а на дружеских симпозиумах (с греч. пиршество), где шлифовалось умение логически обосновывать свои суждения и опровергать чужие заблуждения.

В условиях отсутствия социально-экономического благополучия у большей части населения страны, когда человек вынужден тратить свои энергетические ресурсы – психоэмоциональные, временные – на рутинную повседневность, успешность малой части людей лишь провоцирует социальную неприязнь и апатию у большинства. Был период в жизни советских детей, когда отсутствие красок необходимых для удовлетворения зрительного голода, восполнялся коллекцией фантиков от конфет. Сегодня подобным фактором, обманками, замещающими картину тотального социально-культурного кризиса, служат цветные витрины магазинов, экраны телевизоров, где есть форма, но нет содержания в смысловом нюансе этого слова. Мир симулякров. Взрослые люди создали мир подобный коллекции фантиков девочки из 70-ых гг прошлого века. И люди по загруженности корзинок в супермаркетах, накрытых столов на праздники судят о благополучии своем или другого. Потребности так сузились, взращен великий потребитель. И он не удовлетворен: ни работой, ни семьей, ни с собой. Социальное нездоровье сказывается на общем характере проводимых мероприятий, когда люди серьезно рационализируют, вкладывают смыслы, которых нет, в одномерные слайды действительности.

Человек в поисках стабильности обременяется семейством, которое лишь пуще будоражит его потребительский пыл, и т. д. Колесница социального вырождения запущена. Изменить данную ситуацию можно лишь, если девочка с фантиками поймет, что истинная ценность не в обертке, а в содержании. Но это не так просто. Если в мыслительном эксперименте «мозги в бочке» Х. Патнэма подразумевается мозг как жертва ученого («злого гения»), который индуцирует «мозгам в бочке» иллюзорную реальность, то при возможностях современной маркетинговой эквилибристики, тратиться на бочки не надо, мы находимся под постоянной атакой «злых гениев», внушающих нам удобные им ценности.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 19-011-31454 «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса»./

Список литературы

1. Бетильмерзаева М., Ахтаев А., Садулаев Б., Салгириев А. (2017-a) Взаимодействие религии и государства: особенности социокультурных трансформаций на примере Чеченской Республики. *Центральная Азия и Кавказ*, том 20, № 1, с. 139-148.
2. Бетильмерзаева М., Дзуцев Х., Шамсуев М.Э., Салгириев А. (2017-b) Сравнительный анализ оценки социально-политической ситуации в Чеченской Республике (на материале социологических исследований). *Центральная Азия и Кавказ*, 2017. Том 20. № 1, с. 70-80.
3. Bilalov M.I., Akaev V.Kh. (2019) The hierarchy of values in the communal contradictions of socio-cultural transformations. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Conference Chair(s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences. 61-68.
4. Chistyakova Natalia, Semenova Maria, Spitsin Vladislav, Philipp Paquet (2015) Problems of educational processes development and labor market needs analysis in Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 166, 309–316.
5. Дзуцев Х.В., Атабаева З.А., Бирагова С.С., Бетильмерзаева М.М. (2016) *Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. Программа и материалы массового опроса населения республик СКФО РФ*. Москва-Владикавказ.

6. Жулина Е.Г. (2011) *Формирование и развитие качества трудовой жизни: теория, методология исследования, социально-экономическое управление*. – Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора экономических наук. – Саратов.
7. Dimaeva F.V., Garsaev L.M., Khizriev Kh.A., Gaziev V.Z., Tovsultanov R.A. (2019) Chechen Republic: modernization in postindustrial period. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Conference Chair(s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences. 401-409.
8. Sobotková Eliška, Dohnalová Zuzana (2014) Modern Problems of the Integration of Graduates in the Czech Labour Market. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 143, 1048 – 1054.

КРИЗИС МАСКУЛИННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: НА ОСНОВЕ МАССОВОГО ОПРОСА

**Бетильмерзаева Марет Мусламовна (а, b), Керимов Махмуд Магомедович (b),
Курбанова Лида Увайсовна (b), Денильханова Радима Хаважовна (b),
Шамсуев Магомед-Эми Хусейнович (а, d), Салгириев Али Русланович (с, d)**

(a) Чеченский государственный педагогический университет, 364068, пр. Х. Исаева, 62, Грозный, Россия,
maret_fil@mail.ru, +7(8712) 22-43-01

(b) Чеченский государственный университет, 364024, ул. А. Шерипова, 32, Грозный, Россия,
maret_fil@mail.ru, +7(8712) 29-00-04

(c) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences (CI RAS), 364051, ул. Старопромысловское шоссе, 21а,
Грозный, Россия, 010585@list.ru, +7 (8712) 22-26-28

(d) Академия наук Чеченской Республики, 364051, проспект им. М. Эсамбаева, 13, Грозный, Россия,
010585@list.ru, +7 (8712) 22-26-76

Аннотация

Исследуется проблема кризиса маскулинности традиционной культуры в контексте экономических трансформаций на примере чеченского общества, которое, будучи актором общемировых социальных и культурных трендов переживает, с одной стороны, влияние глобализационных процессов, с другой стороны, в недрах чеченского общества сохраняют свой авторитет и силу традиции предков. В этом противостоянии двух миров – традиционного и современного – происходит смещение культурных пластов этнического и общечеловеческого, религиозного и светского, мужского и женского. Социологический опрос является одним из продуктивных методов, предоставляющих количественные данные о состоянии ситуации в той или иной сфере, качественный анализ которого позволяет выделить факторы трансформации социальной реальности. Проблема нашего исследования заключается в осмыслении общей картины гендерного представления о роли женщины в чеченском обществе, в рамках которого ощутимо вырисовывается ситуация кризиса маскулинности в традиционном восприятии представителя этноса. Целью работы является исследование кризиса маскулинности традиционной культуры в контексте экономических трансформаций. Достижение означенной цели требует решение следующих задач: - проведение массового опроса респондентов республики; - анализ результатов массового опроса. В целом проведенное исследование позволило авторам подтвердить первоначальную гипотезу о том, что основные проблемы современного цивилизованного мира сегодня становятся частью чеченского общества. В конфликте традиционной и современной модели социально-трудовых и социально-семейных отношений трансформируется сам институт семьи. Хорошо это или плохо – вопрос требующий более детального и долговременного анализа.

Ключевые слова: кризис маскулинности, экономическая жизнь, традиционная культура, экономические трансформации.

Введение

Современный мир представляет собой «не строго организованную и стабильную концепцию, а скорее некий калейдоскоп сменяющих друг друга образов социальных объектов» (Тихомандрицкая, Мельникова, 2018), анализ которых требует пристального внимания исследователя, который должен увидеть внутреннюю логику переживаемых в различных обществах процессов. В контексте структурирования «a multilayer culture with horizontal and vertical slices» (Bilalov, Akaev, 2019), выявляются проблемы, обусловленные глобализационными трансформациями повседневности современного человека. Проблема маскулинности и ее кризиса стала актуальна во второй половине XX-ого века в западноевропейской и отечественной научной литературе. Известный российский ученый-исследователь проблемы пола И. Кон в дискурсе о кризисе маскулинности и причинах возникновения «мужского вопроса» обращает внимание на изменившиеся место и роль мужчины в постиндустриальном обществе (Кон, 2009). Кризис маскулинности, как и проблемы семьи, обусловлены экономической жизнью общества. Существует много различных исследований вопросов, связанных как с кризисом маскулинности в современной культуре, так и с изучением экономической жизни общества. Как пишет М. Matlak,

«but the importance of coincidence and correlations between these 2 spheres seems to be underappreciated in scientific debate» (Matlak, 2014). Вместе с тем о социальной уязвимости современных женщин, вопросам их экономических прав посвящены целый ряд исследований (например, Silva, 2014). Проблема кризиса маскулинности в традиционном обществе обуславливает другой ряд проблем, сопряженные с социальной и экономической ролью женщины в современном обществе.

Постановка проблемы

Проблема нашего исследования заключается в осмыслении общей картины гендерного представления о роли женщины в чеченском обществе, в рамках которого ощутимо вырисовывается ситуация кризиса маскулинности в традиционном восприятии представителя этноса.

Исследуемый вопрос

За годы становления и развития советской формы государственного устройства в чеченском обществе сложился новый тип женщины-горянки, которая принимала активное участие во многих социально-экономических сферах, получала прямую поддержку от государства через систему социального обеспечения (Курбанова, 2011; Эльбуздукаева, 2012). В целом в стране экономическая жизнь имела характер социальной справедливости и гендерного равенства, и в процентном соотношении представители коренного народа в период советской власти обладали равными правами активного занятия во всех социальных сферах. Но известные события 90-х гг конца XX-го века сильно потрясли и изменили характерный советский облик представителя чеченского общества. В сегодняшней Чеченской Республике сосуществуют различные культурные типы, представляющие один этнос, чьи взгляды, образ жизни кардинально не только различаются, но порой вступают в противоречие. По нашему мнению, в культурном контексте чеченского общества до последнего времени сохраняется традиционный характер взаимодействия мужчин и женщин, в котором естественный приоритет отдается мужчине: в лице отца, мужа, брата, сына. Но при всем этом, современная гендерная картина чеченского общества переживает кризис, обусловленный конфликтом культурных традиций и экономических условий.

Цель работы

Целью работы является исследование кризиса маскулинности традиционной культуры в контексте экономических трансформаций. Достижение означенной цели требует решение следующих задач:

- проведение массового опроса респондентов республики;
- анализ результатов массового опроса.

Методы исследования

В рамках проекта «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса» на территории Чеченской Республики был проведен массовый опрос с участием 100 человек. Опрос состоял из нескольких блоков. Предметом исследования предлагаемого блока являлись вопросы об экономических условиях взаимодействия работника и работодателя в регионе в условиях кризиса, также степень экономической активности мужчин и женщин в регионе. Основные методы: анкетный опрос, анализ и синтез, которые в совокупности способствовали как сбору информации, так и аналитической обработке полученной информации.

Состав респондентов: 72 % женщин; 28 % мужчин.

Возрастной состав: от 18 до 64 лет, из которых от 18 до 24 – 22 %; от 25 до 34 – 40 %; от 35 до 44 – 16 %; от 45 до 54 – 14 %; от 55 до 64 – 6 %.

Образование: 52 % – высшее; 26 % – имеет ученую степень (кандидата, доктора наук); 18 % – среднее специальное образование (техникум и т. д.); 4 % – аспиранты.

Результаты

1. Можно ли доверять современным работодателям, если они обещают высокое вознаграждение за Ваш труд?

В вопросе о доверии современным работодателям, если они обещают высокое вознаграждение за труд 68 % респондентов ответило «да, я доверяю работодателю»; 22 % – «в наше время понятие доверия теряется, уходит из общества»; 8 % – «затрудняюсь ответить».

Таблица 1. Можно ли доверять современным работодателям, если они обещают высокое вознаграждение за Ваш труд?

	Все опрошенные
Да, я доверяю работодателям	68,0
В наше время понятие доверия теряется, уходит из общества	22,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	8,0
	100,0

В примечаниях некоторыми было отмечено, что для определения возможности доверия существуют трудовые договоры.

2. Как Вы считаете, позволяет ли работа рабочим и служащим увеличивать широту своих знаний?

С положительной оценкой труда и трудовой деятельности мы столкнулись в ответе на вопрос, позволяет ли работа рабочим и служащим увеличивать широту своих знаний: 80 % выбрали вариант «да, работа позволяет расширить свои знания»; 14 % – «Я сильно загружен (а) на работе, поэтому у меня нет времени работать над собой».

Таблица 2. Как Вы считаете, позволяет ли работа рабочим и служащим увеличивать широту своих знаний?

	Все опрошенные
Да, работа позволяет расширять свои знания	80,0
Я сильно загружен (а) на работе, поэтому у меня нет времени работать над собой	14,0
Другое	
Затрудняюсь ответить	4,0
Итого	98,0
Нет ответа	2,0
	100,0

3. Сегодня многие работодатели принимают на работу людей, способных быстро обучаться. Как Вы считаете, граждане республики готовы к таким требованиям?

Относительно позитивный результат получен при ответе на вопрос о готовности граждан республики соответствовать новым требованиям работодателя: 72 % заявили о готовности граждан; 18 % – о неготовности; 10 % – затруднились ответить.

Таблица 3. Сегодня многие работодатели принимают на работу людей, способных быстро обучаться.

Как Вы считаете, граждане республики готовы к таким требованиям?

	Все опрошенные
Да, вполне готовы	72,0
Нет, не готовы	18,0
Другое	
Затрудняюсь ответить	10,0
	100,0

4. В современных коллективах ценятся люди, способные к сотрудничеству, другая группа хочет работать отдельно, брать на себя инициативу и применять творческие подходы. Как Вы думаете, среди Ваших знакомых, друзей, людей, которые Вас окружают, есть таковые?

Положительная характеристика выражена по вопросу способности людей к сотрудничеству в рамках трудовой и творческой деятельности: 84 % отметили, что в их коллективе «больше ценятся люди, способны к сотрудничеству»; 8 % придерживались мнения, что «людей, желающих работать отдельно, не так много», для остальных вопрос представился затруднительным.

Таблица 4. Сегодня многие работодатели принимают на работу людей, способных быстро обучаться.

Как Вы считаете, граждане республики готовы к таким требованиям?

	Все опрошенные
В нашем коллективе больше ценятся люди, способные к сотрудничеству	84,0
Людей, желающих работать отдельно, не так много	8,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	6,0
	100,0

5. По мере того как меняются технологии и требования рынка, многие компании переобучают своих служащих, чтобы не заменять существующий состав новыми работниками. В Вашей организации соблюдается такой подход к работникам коллектива?

Положительная характеристика выражена также по вопросу отношения работодателя к своим служащим: 84 % отметили, что «да, наше руководство старается переобучать своих служащих»; 8 % придерживались мнения, что «в нашей организации не принято переобучать служащих», для остальных вопрос представился затруднительным.

Таблица 5. *Сегодня многие работодатели принимают на работу людей, способных быстро обучаться. Как Вы считаете, граждане республики готовы к таким требованиям?*

	Все опрошенные
Да, наше руководство старается переобучать своих служащих	84,0
В нашей организации не принято переобучать служащих	8,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	6,0
	100,0

6. До Второй мировой войны женщины составляли незначительный процент среди работавших. Как Вы считаете, какой процент женщин в республике можно отнести к экономически активной части? (Напишите цифру)

В оценке активности женщин в республике, наиболее распространенными оказались следующие позиции: 54 % респондентов нашли, что сегодня к экономически активной части населения республики можно отнести 50 % женщин; 16 % респондентов – 60 % женщин; 10 % – 70 %. Мнения остальных разделились по 2 % в диапазоне от 1 до 80 %.

Таблица 6. *До Второй мировой войны женщины составляли незначительный процент среди работавших. Как Вы считаете, какой процент женщин в республике можно отнести к экономически активной части? (Напишите цифру)*

	Все опрошенные
1	2,0
2	2,0
3	2,0
10	2,0
37	2,0
40	2,0
50	54,0
60	16,0
65	4,0
70	10,0
80	2,0
Итого	98,0
Нет ответа	2,0
	100,0

7. Ваше мнение: мужчины имеют более высокую степень экономической активности, чем женщины?

Вопрос о степени экономической активности мужчин и женщин представил следующую картину: 86 % респондентов отметило, что «женщины наравне с мужчинами так же экономически активны»; 10 % – «Да, я считаю, что мужчины более активны».

Таблица 7. *Ваше мнение: мужчины имеют более высокую степень экономической активности, чем женщины?*

	Все опрошенные
Да, я считаю, что мужчины более активны	10,0
Женщины наравне с мужчинами так же экономически активны	86,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	
Итого	98,0
Нет ответа	2,0
	100,0

8. Традиционные модели домашнего разделения труда достаточно просты: женщины брали на себя большую часть домашнего труда, а мужчины обеспечивали семью, зарабатывая определенные деньги. Как Вы считаете, сохраняется ли такое разделение и сегодня?

При ответе на вопрос о сохранении традиционной модели домашнего разделения труда: 82 % ответило, что «сохраняется частично»; 12 % – «не сохраняется»; 6 % – «да, сохраняется такое разделение обязанностей».

Таблица 8. Традиционные модели домашнего разделения труда достаточно просты: женщины брали на себя большую часть домашнего труда, а мужчины обеспечивали семью, зарабатывая определенные деньги. Как Вы считаете, сохраняется ли такое разделение и сегодня?

	Все опрошенные
Да, сохраняется такое разделение обязанностей	6,0
Сохраняется частично	82,0
Нет, не сохраняется	12,0
Другое	
Затрудняюсь ответить	
	100,0

В примечаниях было отмечено, что, к сожалению, состояние сегодня в обществе таково, что женщина берет на себя больше обязанностей, т. к. мужчина не всегда находит применение своим силам.

9. С Вашей точки зрения, сохраняется ли в современной семье принцип: мужчина-кормилец?

На вопрос, сохраняется ли в современной семье принцип: мужчина-кормилец, мнения распределились следующим образом: 60 % – «да, в нашей семье сохраняется»; 34 % – «такая схема не работает», остальные затруднились в ответе.

Таблица 9. С Вашей точки зрения, сохраняется ли в современной семье принцип: мужчина-кормилец?

	Все опрошенные
Да, в нашей семье сохраняется	60,0
Такая схема сегодня не работает	34,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	4,0
	100,0

10. Как считаете, Вы сегодня работаете усиленнее и более быстрыми темпами, чем ранее?

В вопросе об изменении темпа работы 72 % респондентов отметили, что «рынок требует более быстрой отдачи на работе»; для 26 % ничего не изменилось. 2 % отметило о наличии небольшого опыта для объективной оценки ситуации.

Таблица 10. Как считаете, Вы сегодня работаете усиленнее и более быстрыми темпами, чем ранее?

	Все опрошенные
Рынок требует более быстрой отдачи на работе	72,0
Я работаю так же, как работал (а)	26,0
Другое	
Затрудняюсь ответить	2,0
	100,0

11. Некоторые работодатели вводят «удлиненный рабочий день». Ваше отношение к данному вопросу?

В вопросе об отношении к удлиненному рабочему дню почти все респонденты оказались солидарны: 90 % отметили, что они против этого, потому что это сказывается на их личной жизни; 2 % заметили, что они «за «удлиненный рабочий день», лишь бы платили»; 6 % затруднились ответить; 2 % написали, что они за свободный график.

Таблица 11. Некоторые работодатели вводят «удлиненный рабочий день». Ваше отношение к данному вопросу?

	Все опрошенные
Я за «удлиненный рабочий день», лишь бы платили	2,0
Я против этого, потому что это сказывается на моей личной жизни	90,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	6,0
	100,0

12. По мере того как все больше и больше матерей с новорожденными детьми приходят на рынок труда, возникает вопрос о долгосрочных последствиях этой тенденции, влиянии на благополучие детей.

Данный вопрос имеет злободневный характер, так как современные молодые семьи в традиционном обществе оказываются перед дилеммой: работать или не работать молодой матери и вообще молодой жене. По мере того как все больше и больше матерей с новорожденными детьми приходят на рынок труда, возникает

вопрос о долгосрочных последствиях этой тенденции, влиянии на благополучие детей: 38 % отметили, что «это худший вариант, потому что страдают дети»; 36 % – «матери с новорожденными детьми вынуждены работать, потому что не хватает материальных средств на воспитание»; 18 % «это нормальное поведение современных молодых женщин»; 6 % – затруднилось ответить; 2 % – прокомментировало, что с проблемой такого рода не сталкивались и воздержались от выбора ответа.

Таблица 12. По мере того как все больше и больше матерей с новорожденными детьми приходят на рынок труда, возникает вопрос о долгосрочных последствиях этой тенденции, влиянии на благополучие детей

	Все опрошенные
Это худший вариант, потому что страдают дети	38,0
Матери с новорожденными детьми вынуждены работать, потому что не хватает материальных средств на воспитание	36,0
Это нормальное поведение современных молодых женщин	18,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	6,0
	100,0

Выводы

В целом высокий процент ответивших (более половины участников опроса), что в современной чеченской семье сохраняется принцип «мужчина-кормилец» (табл. 9), обусловлен личным опытом респондентов, которые в большинстве своем представляют традиционный тип семьи. Изменения, наблюдаемые третью респондентов, что модель «мужчина-кормилец» не работает, обусловлены рядом факторов, формирование которых началось еще в советский период. Во-первых, в 60–70-е годы прошлого века в Чечено-Ингушской Республике происходило ряд процессов, таких как формирование национальной интеллигенции, рабочего класса, трудовой и студенческой молодежи. У истоков этого процесса оказалось поколение, рожденное в 40-е – в начале 50-х годов в годы высылки, и получившее хорошее образование в средней и высшей школах среднеазиатских республик. Во-вторых, советская идеология уравнивала права женщин и мужчин, и советская власть оказывала помощь женщинам, которые в одиночку поднимали семью. В этих условиях женщины, которые по разным причинам оказывались без кормильца, находили место работы в различных сферах труда – на строительных объектах, на заводах и фабриках, в семейных общежитиях, в последующем многие из них получили квартиры в многоквартирных домах городов республики.

Вследствие перечисленных метаморфоз наблюдалась частичная урбанизация народа, возникавшие территориальные, культурные границы между городом и селом, между городскими и сельскими представителями коренного населения способствовало расслоению народа, усложнению ментального портрета одного этноса, который уже в рамках активной социальной дифференциации приобретал особенности характерные цеховой, классовой, профессиональной ментальности. Гибридизация ментальных особенностей способствовало возникновению совершенно нового типа чеченца – «homo soveticusa», который отличался от традиционного представителя чеченского народа (Бетильмерзаева, 2011).

В этих условиях за короткий период времени произошло формирование особого типа женщины-чеченки, которая взяла на себя ответственность за собственную социальную и профессиональную состоятельность. В 90-е годы появился новый тип – бизнесвумен, которая приобрела материальную независимость. Экономические возможности сыграли злую шутку с женщиной, которая приобрела право голоса. В чеченской традиционной культуре женщина всегда играла важную роль, являясь неким «серым кардиналом», но временные и материальные трансформации вывели женщину из тени, что не добавило ей счастья, но способствовало раскрытию ее доминантной природы. Данный типаж получил в обществе резкие противоположные оценки как со стороны женщин, так и мужчин. Один ряд мужчин в таких женщинах увидели бессознательную угрозу своему эго, и они заняли резкую осудительную сторону. Другой ряд мужчин, нейтральных, где-то нашли возможность извлечь выгоду от социальной активности таких дам. В голове любого среднего чеченца-мужчины находится стереотип, согласно которому место женщины у печки, но современная реальность, социальная и материальная дифференцированность общества, демографическая ситуация не позволяют «загнать джина снова в сосуд». Поэтому в оценке места и роли женщины в современной семье женофобы выражают свою тотальную неприязнь к самостоятельности женщины, с одной стороны, с другой стороны, обществу нужна сильная женщина – мать, сестра, дочь, и заметим, что в этом ряду упускается – сильная жена. В этой противоречивой ситуации выход находят семьи, где женщина также сохранила ментальный дух своей прамамы, и умеет совмещать профессиональные и социальные роли не задевая самолюбие близких мужчин. Каждый человек является носителем целого ряда социальных ролей, выполнение которых требует мастерства и мудрости.

Безусловно, согласно Конфуцию и Платону, для справедливого и успешного функционирования требуется «соответствие имени», носителем которого человек является. Как пишет древний китаец, «правитель должен быть правителем, подданный подданным, отец должен быть отцом, сын – сыном» (Конфуций, 1998). Если же нет соответствия имени вещи, возникают проблемы (Бетильмерзаева, 2017). Для современного чеченского общества характерна тенденция сохранения модели «мужчина-кормилец», но глобализационный дух сметает ак-

туальность этой модели. И приоритетной задачей для общества должна стать – задача умелого сочетания традиционных ценностей с потребностями времени.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 19-011-31454 «Труд и экономическая деятельность в Российской Федерации в условиях кризиса».

Список литературы

1. Бетильмерзаева М.М. (2012) *Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ)*. – Диссертация на соиск. ученой степени доктор философских наук. – Ростов-на-Дону.
2. Бетильмерзаева М.М. (2017) Проблема кризиса идентичности: культурфилософский анализ. *Общество: философия, история, культура*. Изд-во «Хорс», Краснодар.
3. Bilalov M.I., Akaev V.Kh. (2019) The hierarchy of values in the communal contradictions of socio-cultural transformations. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Conference Chair(s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences. 61-68.
4. Кон И. (2009) *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время.
5. Конфуций (1998) Уроки мудрости: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио».
6. Курбанова Л.У. (2011) *Трансформация роли женщины Чечено-Ингушетии в обществе в предвоенный период и в экстремальных условиях Великой Отечественной войны*. Майкоп, Изд-во «Магарин О.Г.».
7. Matlak, Małgorzata (2014) The Crisis Of Masculinity In The Economic Crisis Context. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 140 (2014) 367–370.
8. Silva P. G., Gonçalves H., Sacramento O. (2014) Economic crises and resilience strategies of women – a case study from the Portuguese northern inland. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 161 (2014) 24–28.
9. Тихомандрицкая О.А., Мельникова О.Т. (2018) Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 3. С. 187–196.
10. Эльбиздукаева Т.У. (2012) *Культура Чечни: XX век*. Грозный: Изд-во АН ЧР

ИННОВАЦИОННЫЙ ТРЕНД В ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО

Бусов С.В. (а), Зобова М.Р. (b), Родюков А.Ф. (с)

(а) Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. Кронверкский пр., 49. 197101, г. Санкт-Петербург, Россия, od@mail.ifmo.ru, +7 (812) 232-97-04

(b) Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

Пр. Большевиков, 22, корп. 1, 193232, г. Санкт-Петербург, Россия, rector@sut.ru, +7(812)326-31-50

(с) Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

Пр. Большевиков, 22, корп. 1, 193232, г. Санкт-Петербург, Россия, rector@sut.ru, +7(812)326-31-50

Аннотация

Синергетическая философия истории подходит к проблеме инноваций, связанной с действием объективных законов, посредством раскрытия сущности социального прогнозирования. Если для долгосрочного прогноза, существенным оказывается взаимоотношение идеалов, а не их конкретное содержание, то для краткосрочного прогноза важен определенный «синергетический баланс» относительных идеалов, проводимых отдельными людьми («синергетика выбора»). Инновационная деятельность сводится к преодолению, во-первых, противоположности между субъектом и объектом, во-вторых, противоположности между многообразием и единообразием форм преобразования, и, в-третьих, противоположности между свободой и ответственностью (справедливостью). Все три противоречия в условиях нововведений получают практическое разрешение лишь при реализации абсолютного (общечеловеческого) идеала. Преобразование социальной реальности связано с радикальной трансформацией среды и самого человека. Вторжение в микромир, мегамир, макромир, начало генной инженерии – все это вехи на пути к суператтрактору (полному синтезу социального порядка и хаоса). Глобальные проблемы, связанные с новейшей технологией, ставят под угрозу существование человечества. Однако они связаны, скорее, не с радикализмом преобразований, а с их специфическим характером, обусловленным давлением частночеловеческих идеалов (интересов). При возрастании степени синтеза порядка и хаоса в социуме угроза катастрофы нивелируется, хотя и присутствует как важнейший элемент синергетики развития. Речь идет не только об эволюции порядка, но и об эволюции хаоса. Тот порог гибели, который имел место раньше в условиях близости человека к животному, уже в прошлом. Движение к суператтрактору не запрограммировано, оно вполне контролируемо, связано с нашим стремлением к идеалу, когда происходит «вышелушивание твердого ядра из хрупкой скорлупы» – общечеловеческого идеала из множества частночеловеческих идеалов.

Ключевые слова: прогноз, будущее, закономерность, инновация, глобализация, суператтрактор

Введение

Синергетическая философия истории (СФИ), как междисциплинарная концепция, может служить методологией качественной обработки социальных закономерностей и в дальнейшем философской основой перехода к их количественному описанию. Впрочем, успешное социальное прогнозирование имеет весьма ограниченный горизонт применения по ряду существенных признаков. Во-первых, вопреки линейным концепциям прогресса, ни одна социальная закономерность (тенденция) не может существовать без существенных изменений. Во-вторых, долгосрочное предсказание социального будущего невозможно, поскольку оно зависит, с одной стороны, от изменений окружающей среды, а с другой – от возможных в будущем серьезных научных открытий. В-третьих, сами научные открытия зависят от стечения многих обстоятельств. Так, Дарвина подтолкнуло к скорой публикации своего главного труда письмо А. Уоллеса (1823–1913), где тот знакомит Дарвина с идеей естественного отбора. Особыми случайностями, делающими долгосрочный прогноз невозможным, могут служить внезапно возникшие желания людей будущего. К. Поппер писал: «Человеку не дано предсказывать будущее, он не может этого сделать хотя бы потому, что знание будущего тут же оказало бы влияние на его настоящее положение» (Поппер, 1993).

Постановка проблемы

Главная проблема, связанная с инновациями в обществе, состоит в научно корректном прогнозе. Существует, очевидно, общая методология социального прогнозирования. СФИ подходит к этому вопросу с позиций того, что проблема нововведений необходимо связана с представлением о социальной реальности, которая подчиняется объективным законам. Отсюда следует, что любой прогноз должен опираться на знание этих законов. Хотя социальная реальность не является разновидностью природной, поскольку не существует как природа до, вне и независимо от сознания индивида и общества, вместе с тем, как и природная реальность, подчиняется определенным закономерностям. Между социальными явлениями наблюдаются повторяющиеся связи, что говорит о существовании объективных закономерностей. Так, например, закон спроса и предложения, действующий на рынке, во многом определяет экономическую реальность, соответственно, закон межклассовых отношений во многом определяет политическую реальность. Известным выражением последнего является формула Ленина: «верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому». Умелое использование партийей большевиков названной закономерности привело, в конце концов, к победе революции в октябре 1917 года в России.

Открытие социальных закономерностей создает предпосылки для объяснения и предсказания новых фактов, новых явлений в обществе. При этом главная трудность в их прогнозировании связана с трудностью их количественного описания. Потому важно сначала дать их качественный портрет, попытаться отделить существенные характеристики от несущественных. Это обезопасит нас от простого перенесения физических закономерностей в область социальных явлений (физикализм), в чем неоднократно упрекали социальную синергетику.

Исследуемый вопрос

По поводу того, как вообще возможно создать какую-либо концепцию далекого будущего на основе качественного описания законов социального развития, высказался лидер петербургской школы социальной синергетики В.П. Бранский следующим образом: «Если мы теперь обратимся к закону дифференциации и интеграции идеалов, то сразу обращает на себя внимание независимость этого закона от конкретного содержания, как будущих знаний, так и будущих желаний. Для долгосрочного прогноза существенным оказывается взаимоотношение идеалов, а не их конкретное содержание. Последнее очень важно для краткосрочного прогноза, гораздо менее существенно для долгосрочного (локального) и, как это ни парадоксально, совсем не существенно для глобального прогноза» (Бранский, Пожарский, 2004). Очевидно, речь идет о том, что с позиций глобального процесса социальной эволюции действие закона самоорганизации идеалов коррелирует (взаимосвязано) с такой важной характеристикой человеческой истории как ее «смысл». Благодаря этому закону «смысл истории» не зависит ни от особенностей влияния множества людей на локальный ход истории, ни от целей, которые люди ставят перед собой, ни даже от того, какие изменения ждут самого человека в ходе земной эволюции. Наука непосредственно «смысл жизни» или «смысл истории» не постигает, хотя она и преследует в тайне подобную цель, точнее, побуждаема такой идеей, зная, что любые открытия «надо внедрять». Такой идеей непосредственно занята идеология. СФИ трактует идеологию как учение об идеале. «Идеал нельзя смешивать ни с идеей, ни с целью, ни с ценностью, ни с истиной, ни с заблуждением» (Синергетическая философия истории, 2009). Под идеалом подразумевается предельное представление об объекте, в котором негативные характеристики сведены к нулю; таким объектом в любой идеологии, как правило, является образ желаемого будущего.

Что касается прогнозов близкого будущего, то здесь надо учитывать не столько общую тенденцию в процессе самоорганизации целей и идеалов, сколько соотношение сил «здесь и теперь», иначе говоря, определенный «синергетический баланс» относительных (частночеловеческих) идеалов, проводимых отдельными людьми. Возникает определенная «синергетика выбора», когда человеку приходится делать выбор одного из множества возможных сценариев, открывшихся перед ним, руководствуясь определенным ценностным ориентиром. Набор сценариев в точке бифуркации не зависит (или слабо зависит) от воли человека, но сам выбор, который он здесь реализует, влияет на характер будущих возможностей выбора, но уже для новых актов выбора в других бифуркационных зонах. Возникает ярко выраженная инновационная составляющая проявления человеческой свободы (и ответственности).

Исторически инновационная деятельность проходит ряд ступеней: в начале мы фиксируем деятельность отдельных личностей, осуществляющих ее в спонтанной и свободной форме, затем возникают идеологические сообщества и, наконец, наука утверждается как институт, специализирующийся на инновационной деятельности. Но, прежде чем переходить к сущности инновационного процесса в аспекте современной глобализации, следует проанализировать соотношение индивидуального и общезначимого, единичного и общего, частного и обобществленного в общественном развитии. Это касается и вещей, и организаций, и непосредственно людей и, конечно, идеалов (ценностных ориентиров). Противоположность между индивидуальным и общезначимым идеалом не абсолютна, а относительна: индивидуальный взгляд на вещи, на будущее, может со временем стать общезначимым (популярным), а популярный – потерять своих сторонников, сойти со сцены. Только через такой синергичный, объединяющий механизм частночеловеческое может стать общезначимым, однако, не всегда оно становится в данном случае общечеловеческим, составляя, так сказать, ценностный «золотой фонд» всего человечества. Общечеловеческим оно становится лишь тогда, когда начинает вносить свой вклад в мировую культуру, составляя ее «столбовую дорогу», соотносясь с ценностями, которые позволяли исторически сохраняться и развиваться любому обществу.

Цель работы

Вся инновационная деятельность по своей глубинной сути сводится, во-первых, к преодолению противоположности между субъектом и объектом. История показывает, что несоответствие объекта (социальной и связанной с ней природной реальности) желаниям субъекта может быть устранено двумя путями: преобразованием как объекта, так и субъекта, где одно без другого неосуществимо. Для создания нового человека нужна новая система образования и воспитания, новая среда. При этом смысл истории заключается в таком преобразовании социальной, включая природную, реальности, при котором стирается различие между самой реальностью (сущее) и реальностью, какой она может быть согласно идеалу (должное).

Следующими противоречиями, которые надо преодолевать в процессе нововведений, являются, во-вторых, противоположность между многообразием и единообразием форм преобразования, а также, в-третьих, противоречие между свободой (возможностью альтернативного выбора, что характерно для проявлений индивидуализма) и справедливостью, точнее, ответственностью перед моральным законом, в которой заинтересовано большинство людей, что характерно для проявлений коллективизма. Разрешить эти столь существенные противоречия можно лишь при условии их рассмотрения через призму соотношений порядка и хаоса.

Все три противоречия в условиях нововведений получают практическое разрешение лишь при реализации общечеловеческого (абсолютного) идеала. Поскольку преобразование социальной реальности невозможно без преобразования самого субъекта, а заодно и природной реальности, то отсюда следует, что радикальная гуманизация среды невозможна без радикального вторжения в природу вообще и в человеческую природу, в частности. Смелое вторжение в микромир, мегамир (завоевание ближнего космоса и исследование Метагалактики), макромир (преобразование сфер Земли) и начало генной инженерии – все это вехи на пути к суператтрактору (полному синтезу порядка и хаоса). Глобальные проблемы, связанные с такой деятельностью, в особенности, с генной инженерией, ставят под угрозу уже само существование человечества. Впрочем, они связаны скорее не с радикализмом преобразований, а с их специфическим характером, обусловленным давлением частночеловеческих идеалов. Именно последнее не позволяет снять выше названные противоречия, приводит к их обострению, делает, например, технический прогресс драйвером глобального экологического кризиса.

В этой связи следует подчеркнуть, что смысл истории заключается не в «выживании человечества» (как считают экологи и пацифисты), что, по сути, сводит наше поведение на уровень стратегии выживания животных, а в реализации общечеловеческого идеала, что может служить единственной и собственно человеческой стратегией. Потому стержнем инновационной деятельности является правило руководства общечеловеческим (абсолютным) идеалом.

Возникает вопрос, связанный с борьбой со страхом перед будущим. Тоффлер определял феномен «футурологического страха» («футурошок»), как страх перед неопределенностью будущего. «Парадоксально, но человек будущего может пострадать не только от отсутствия выбора, но и от парализующего избытка его. Он может оказаться жертвой этой супериндустриальной дилеммы: сверхвыбора» (Тоффлер, 1997). Борьба с такого рода страхами опять же связана с двумя тенденциями, описанными выше: 1) всеобщая рационализация и торжество глобального порядка и 2) всеобщая иррационализация, эстетизация, индивидуализация, чреватая многообразием подходов, а, следовательно, ведущая к хаотизации, возрастанию рисков при выборе в условиях неопределенности. Как пишет Нассим Николас Талеб, риски связаны, отчасти, с «нашей слепотой по отношению к случайности, особенно крупномасштабной» (Талеб, 2010). Будущее становится запутанным, туманным, неопределенным, у человека возникает чувство потери не только порядка, но даже смысла существования. Идея суператтрактора, которая возвращает искомый смысл, может стать ядром новой идеологии; она преодолевает противоречие между единством и разнообразием форм преобразованной социальной реальности тем, что сам суператтрактор формируется в процессе последовательного чередования дифференциации и интеграции социальных институтов, идеалов и ценностей. Отсюда следует, что суператтрактор появляется в результате формирования некоторого единства в бесконечном многообразии, которое служит синтезом всех индивидуальных черт, имеющих *общечеловеческое* (!) значение. В конечном счете, он представлен набором уникальных возможностей будущего, снимающих его неопределенность, но не в аспекте близкого (обозримого) будущего, что

невозможно, а в аспекте глобального будущего. В процессе обобществления частночеловеческого само индивидуальное не исчезает, но пропадает лишь то, что не имеет общечеловеческого значения. Суператтрактор осуществляет синтез бесконечного множества индивидуальных черт, имеющих общечеловеческое значение. Синтез единства и многообразия преобразованной социальной реальности, достигаемый в суператтракторе, устраняет страх перед тоталитарным единством, чуждым разнообразию, и страх перед анархическим, хаотическим разнообразием, исключаяющим единство.

Методы исследования

С позиций СФИ в основу методологии социального прогнозирования следует положить принцип роста степени синтеза порядка и хаоса, или иначе говоря, принцип синтеза тенденций к порядку (рационализация проекта будущего) и к хаосу (иррационализация проекта будущего), что является руководящим правилом (селектором) при отборе возможных умозрительных моделей социального будущего. Подобные тенденции, исходя из анализа современных исследований, сводятся, по словам В.П. Бранского, ко всеобщей технизации и всеобщей эстетизации (Бранский, 1999). В основе первой фактически лежит процесс рационализации современного общества (на что особое внимание обратил в своей теории социального действия М. Вебер), а в основе второй – процесс эмоционализации (“иррационализации”), значение которого подчеркивал В. Парето в своей теории логических и нелогических действий. Следствием противоречивости взаимодействия названных тенденций является такой важный фактор глобального развития как предел инноваций, когда созидание может перейти в процесс разрушения. Опираясь на методологию СФИ, представленную принципом роста степени синтеза порядка и хаоса, в процессе прогнозирования, а, следовательно, и в процессе социальных нововведений, можно не только соединить утопическое и прагматическое в одном проекте, но и преодолеть (рационализировать) утопическое путем сознательного учета названных тенденций, пронизывающих все социальные процессы.

Результаты

Социальные отношения не могут рассматриваться в отрыве от глобального вектора развития общества, а любые изменения в истории индивида связаны со всей историей социума. Так, обнаруживается тесная связь между социальной синергетикой и акмеологией, разделом психологии развития человека, исследующим закономерности, обеспечивающие возможность достижения высшей ступени индивидуального развития (акме). Форма синтеза порядка и хаоса, при котором социальная система способна достичь пика устойчивости и развитости, может рассматриваться как *предельное* совершенство. Исследование закономерностей достижения социальной системой и индивидом максимального совершенства путем самоорганизации – такова главная цель синергетической акмеологии, разрабатываемой Санкт-Петербургской школой социальной синергетики (Бранский, Пожарский, 2001). Древние греки словом *ακμή* (акме) обозначали период возраста в человеческой жизни, когда проявляется высшая зрелость его способностей, их «вершина», «пик». Тем более факт существования выдающихся людей убеждает нас в возможности самореализации на высоком, «вершинном», уровне. Наоборот, социальные и индивидуальные истории и судьбы показывают также, что упадки и «низины» в судьбе индивида и социума, или *ката* (кате), также случаются.

В основе движения к суператтрактору, прямым выражением которого является суперменез, лежит определенный общественный ресурс, который является субстанциально приоритетным. Если мы сравним ресурсы между собой и зададим вопрос: равны ли они по своему значению в жизни человека и общества, то вынуждены будем признать их разную приоритетность. Среди них выделяется один ресурс, а именно люди – источник, производящий все ресурсы, в том числе себя; другие же ресурсы сами ничего не производят. Отсюда следует вывод: высшим субстанциональным приоритетом в жизни общества и человека обладают люди. Однако люди производят продукты не только из себя. Вторым по приоритетности является информационный ресурс, информация, носителем и производителем которой служит сознание человека. Третьим по приоритетности является организационный ресурс. Четвертыми по приоритетности являются вещи или материально-технические блага. Уже эти соображения говорят о том, что все общественное производство, а, следовательно, вся инноватика, в конечном счете, ориентирована на суперменез, на совершенствование человека и формирование сверхспособностей.

Возникновение сверхчеловека предполагает сверхспособности. Предметная область акмеологии достаточно широка, но более важен аспект развития зрелости с точки зрения способностей. Развитость как идеал в широком смысле слова является критерием или стандартом акме человека и общества. Способность представляет собой целостность навыков и умений, системная связь которых поднимает способности на сверхвысокий уровень использования. Способность подкреплена, по выражению Н.В. Кузьминой, «творческим потенциалом» (Кузьмина, 2013), фундаментом развития личности. Способность есть умение решать проблемы разного уровня и профиля, умение делать удачный выбор и вполне удовлетворять развитые, зрелые потребности индивида и социума.

Глобальное акме «венчает собой» процесс возрастания степени синтеза порядка и хаоса, единство ноосферы (сферы разума) и эстетосферы (творение по «законам красоты»). Но, как известно, движение к акме проходит через временные кате (кризисы), которые могут быть более или менее затяжными. Возникает вопрос: имеет ли место тенденция построения на основе локальных кате *глобального* кате? Существует ли реально достижимый предел, которого всеми силами следует избегать – в виде полного хаоса, разрушения наличной сущ-

ности, деградации и гибели общества, человечества вообще? Локальных спадов избежать невозможно, поскольку существует предел инноваций, связанный с деструктивной деятельностью людей, в основе которой борьба интересов и столкновение идеалов, но можно ли избежать глобального упадка? Если роль локальных кате вполне вписывается в картину реальности, создаваемую социальной синергетикой и синергетической акмеологией, то вписывается ли в эту картину глобальное кате? Очевидно, что социальный прогресс нам не гарантирован: на любой «вызов» требуется адекватный «ответ». Что если человечество не сможет дать на вызов удачный ответ – и так раз за разом – при последовательном снижении уровня акме (способностей), в условиях деградации человеческой природы и человеческого духа? Переход к глобальному катаболе (движение вниз) может оказаться необратимым и все закончится глобальным катаклизмом. Как пишет С.Д. Пожарский, точка кате соответствует в обществе трем процессам: суициду – самоубийству, геноциду – истреблению народов, омнициду – истреблению всего живого (Пожарский, 2013). В локальном смысле в отношении отдельных цивилизаций, как показывает история, такое не раз случалось. Более того, человечество не раз пребывало на краю пропасти, на грани вымирания. Что же изменилось в нас и можно ли назвать эти изменения фундаментальными, коль скоро они гарантируют антропосоциогенез от такого рода катастроф? В исторической антропологии описывается судьба неандертальцев, которые, в отличие от *homo sapiens*, не сделали правильный выбор (пошли по эволюционному пути одностороннего развития, развития мускулиности), не преодолели эволюционный кризис, не смогли найти «ответ» на «вызов» и исчезли (Вишняцкий, 2010). Перед нами типичная локальная катастрофа в лице определенного этноса-популяции, ветви *homo*. Что послужило катализатором катабола неандертальцев – еще требует тщательного исследования (резкая смена климата, обеднение пищевой ниши и пр.?). И вновь вопрос упирается в наличие суператтрактора, в то, что наша инновационная деятельность должна приобрести устойчивую направленность к суперменезу.

Выводы

«Там, где живет опасность, приходит спасение», – цитирует Гельдерлина экзистенциалист М. Хайдеггер. Проблема еще и в том, насколько кате затягивается, насколько глубока эта низина. Уровень хаотизации и распада определяется странным аттрактором и для каждого отдельного случая он свой. Речь идет о принципе роста степени синтеза порядка и хаоса (акме и кате). Этот принцип имеет природу закона, выражает нечто повторяющееся, т. е. имеет прямое отношение к реальности. При достаточно высокой степени синтеза порядка и хаоса в социуме угроза кате все более нивелируется, хотя и присутствует как важнейший элемент синергетики развития. Речь идет не только об эволюции акме, но и об эволюции кате. Тот порог гибели, который имел место в условиях близости человека к животному уже далеко позади – в прошлом. Степень падения, уровень «низа» теперь совершенно другие, чем раньше. Возвышение степени синтеза акме и кате управляется глобальным акме – в соответствии с антропным принципом. Однако движение к суператтрактору не запрограммировано, оно вполне контролируемо, связано с нашим стремлением к идеалу, когда происходит «вышелушивание твердого ядра из хрупкой скорлупы» – общечеловеческого идеала из множества частночеловеческих идеалов. Новаторское формирование этой гиперсущности – предельно сложного спектра уникальных возможностей возникновения сверхчеловека и сверхчеловечества – косвенно определяет траекторию глобальной социальной самоорганизации.

Список литературы

1. Бранский В. П. (1999) Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. – Калининград: Янтартый сказ.
2. Бранский В.П., Пожарский С.Д. (2001) Социальная синергетика и акмеология. – СПб.: Политехника.
3. Бранский В.П., Пожарский С.Д. (2004) Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. – СПб.: Политехника.
4. Вишняцкий Л.Б. (2010) Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. – СПб.: Нестор-История.
5. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция (2013). Под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М.: Издательство МБА.
6. Кузьмина Н.В. (2013) Акмепсихологическая школа Б.Г. Ананьева: общие законы акмеологии / Вестник Северо-западного отделения Российской академии образования. – №4 (16), с. 4-6.
7. Пожарский С.Д. (2013) Акмеология и катабология: теория совершенствования человека. – СПб.: Издательство ЛЕМА.
8. Поппер К. (1993) Ницета историзма. – М.: Прогресс.
9. Синергетическая философия истории (2009) / Под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань: Копи-Принт.
10. Талеб Н. (2010) Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости (сборник). – М.: Азбука-Аттикус.
11. Тоффлер А. (1997) Футурошок. – СПб.: Лань.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ

Чебочаков Е.Я. (а), Шпедт А.А. (b, c), Шапошников Г.М. (d),
Муртаев В.Н. (а, е), Кадычegov В.А. (g)

(а) Научно-исследовательский институт аграрных проблем Хакасии, Республика Хакасия, Усть-Абаканский район,
с. Зеленое, Россия, eshebochakov@mail.ru

(b) Красноярский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Федерального исследовательского центра
«Красноярский научный центр» СО РАН, г. Красноярск, Россия

(c) Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, shpedtaleksandr@rambler.ru

(d) Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

(e) Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия, valera.murtaev@mail.ru

(g) Сибирский федеральный университет, Саяно-Шушенский филиал, г. Саяногорск, Россия

Аннотация

В статье показано, что социально-экономические условия в сельском хозяйстве Республики Хакасия, расположенной на юге Средней Сибири, за 25–28 лет после перехода от общественной собственности к частной претерпевают значительные изменения. Использование земельных ресурсов, продукция сельского хозяйства, численность и миграция населения рассматриваются в разные периоды реформы. При переходе от общественной собственности к частной произошло существенное перераспределение пахотных земель.

Ключевые слова: земля, население, пашня, реформа, проблема, продукция.

Введение

В конце XX века в стране изменились общественно-экономические условия. В.И. Кирюшин [1] отмечает, что системы сельского хозяйства зависят от общественно-экономических условий. Они влияют и на демографические процессы. За период реформы произошел переход от общественной собственности к частной. Земли бывших крупных хозяйств (совхозов) перешли к сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам (КФХ) и хозяйствам населения (ЛПХ).

Постановка исследовательских задач и результаты

Целью работы явилось выявление влияния общественно-экономических условий, реформ в конце XX – начале XXI веков на использование земельных и трудовых ресурсов в сельской местности. Динамика распределения пахотных земель, структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, численность населения приведены по данным материалов Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия и Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Хакасия. При выполнении исследований применялись статистические и графические методы.

В экстремальных условиях аридных территорий юга Средней Сибири за годы реформы в агропромышленном комплексе обозначились следующие социально-экономические проблемы: 1. Уменьшение численности сельского населения; 2. Сокращение площади пахотных земель и посевных площадей сельскохозяйственных культур; 3. Снижение объемов производства продукции в сельскохозяйственных организациях. За исключением сильнодеградированных почв пашня в степной зоне должна обеспечивать получение дополнительной сельскохозяйственной продукции. Этого не происходит [2 – 6]. Имеет место нерациональное использование земельных ресурсов. Залежные земли в настоящее время засорены сорной растительностью, кустарниками и лесом, являются источником вредителей и болезней сельскохозяйственных культур (рис. 1, 2).

Рис. 1. Долголетняя облепихово-злаково-разнотравная залежь в степной зоне

Рис. 2. Долголетняя полынно-разнотравная залежь в сухостепной зоне

Существенно изменилось распределение сельско-хозяйственных угодий, пахотных земель и естественных кормовых угодий и производство продукции в хозяйствах разных категорий (рис. 3) [7–10].

Доля сельскохозяйственных угодий к 2015 г. по сравнению с 2000 г. в сельскохозяйственных организациях уменьшилось на 26,6 %, пашни – на 37,7, кормовых угодий – на 19,1 %. За эти же годы несколько увеличился удельный вес пахотных земель и кормовых угодий в КФХ. Так, если в сельскохозяйственных организациях в 2013–2015 гг. она составляла в среднем 60,9 % от всей площади пашни республики, то в 2016–2018 гг. – на 7,0 % меньше.

В эти же годы доля используемой пашни в КФХ увеличилась на 7,7 %. Причиной перераспределения земельных угодий является переход в годы реформ (90-е годы XX века) от общественной собственности к частной. Общая площадь, закрепленная за хозяйствами постепенно снижается (табл. 1).

Значительная часть закрепленной пашни не используется. В сельскохозяйственных организациях в 2013–2015 гг. она использовалась всего в пределах 52,7–59,7 %, в КФХ – 61,3–74,4 %. Остальная площадь пахотных земель находится под залежами разного возраста.

Вся посевная площадь у сельскохозяйственных организаций в 2014 г. составила 153,7 тыс. га, а в 2018 г. – всего 118,4 тыс. га (табл. 2).

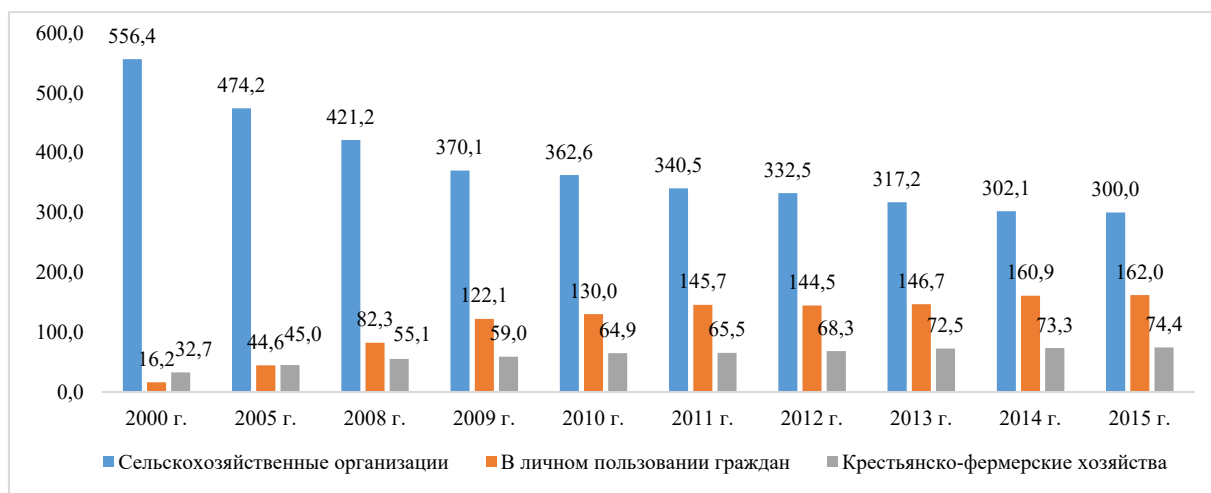

Рис. 3. Распределение пашни по категориям хозяйств, тыс. га.

Таблица 1. Пашня используемая по разным категориям хозяйств

Категории хозяйств	2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Сельскохозяйственные организации	182.5	61.8	180.4	62.6	158.0	58.5	150.5	55.5	139.6	52.8	140.7	53.2
Крестьянские (фермерские) хозяйства	102.8	34.8	98.6	34.2	103.7	38.4	113.0	41.7	117.5	44.5	116.9	44.2
Личные подсобные хозяйства	9.7	3.3	8.9	3.1	8.3	3.1	7.4	2.7	7.1	2.7	6.7	2.5
Сумма	295.0	100	288.0	100	269.9	100	270.9	100	264.2	100	264.3	100

Таблица 2. Основные показатели деятельности сельскохозяйственных организаций [11].

	2014	2015	2016	2017	2018
Посевная площадь, тыс. га	153,7	132,4	126,6	119,9	118,4
в том числе:					
зерновых и зернобобовых культур	73,6	63,9	54,0	59,8	49,6
технических культур	3,4	0,4	2,1	3,2	3,8
картофеля и овощебахчевых культур	0,3	0,3	0,5	0,2	0,1
кормовых культур	76,3	67,8	70,0	56,7	64,8
Поголовье скота и птицы (на конец года), тыс. голов:					
крупного рогатого скота	34,9	30,6	30,1	29,1	28,2
в том числе коров	12,8	11,5	11,7	11,2	11,3
свиней	3,2	3,3	3,9	2,0	2,1
овец и коз	36,3	35,2	39,7	34,3	28,5
птицы	691,4	296,8	332,3	318,8	359,4

В сельскохозяйственных организациях отмечается уменьшение посевных площадей зерновых и кормовых культур.

Так, посевная площадь зерновых и зернобобовых культур к 2018 г. по сравнению с 2014 г. сократилось 1.5 раза, кормовых культур – в 1.2 раза.

Поголовье крупного рогатого скота к 2018 г. по сравнению с 2017 г. уменьшилось на 19.2 %.

Важнейшей проблемой в засушливых степных районах остаётся увеличение продукции сельского хозяйства. Однако, уменьшение площади пашни и посевных площадей может привести к сокращению производства зерна, мяса и молока.

Большие изменения произошли в структуре продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (табл. 3).

Доля продукции ЛПХ в 2015 – 2017 гг. составляла 64.3 %, сельскохозяйственных организаций меньше – 17.2 %, КФХ – 18.5 %. Продукция сельского хозяйства к 2017 г. в сельскохозяйственных организациях уменьшилась на 16.7 % по сравнению с 2014 г., в КФХ и ЛПХ увеличилась соответственно на 33.5 и 31.1 %.

**Таблица 3. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах, млн руб)**

Год	Сельскохозяйственные организации	Личные подсобные хозяйства	Крестьянские (фермерские) хозяйства
2014	2811.6	6797.1	1773.0
2015	2268.3	7750.6	2197.7
2016	2407.7	8824.3	2754.4
2017	2341.3	9863.3	2665.8

В 2014–2018 гг. отмечается уменьшение производства зерна и молока во всех категориях хозяйств Республики Хакасия (табл. 4).

Острейшая проблема – закрепления кадров в сельской местности. В настоящее время отмечается недостаток механизаторов, чабанов, специалистов сельского хозяйства.

Для изучения демографической информации обобщены статистические материалы по Хакасии (табл. 5).

Таблица 4. Динамика производства зерна, мяса по категориям хозяйств (тыс. т)

Годы	Сельскохозяйственные организации			Крестьянские (фермерские) хозяйства			Личные подсобные хозяйства	
	зерно	мясо	молоко	зерно	мясо	молоко	мясо	молоко
2014	111.2	6.91	35.9	51.7	4.2	23.4	18.1	118.5
2015	79.7	2.1	32.6	36.0	4.6	23.2	17.5	117.2
2016	72.1	1.5	28.7	49.8	5.0	22.1	17.3	115.0
2017	69.5	1.7	29.7	39.4	5.0	21.5	16.9	111.9
2018	62.1	1.8	28.6	37.4	5.0	19.6	16.2	106.3

Таблица 5. Численность населения Республики Хакасия [11]

Годы	Все население, тыс. человек	в том числе		В общей численности населения, %	
		городское население	сельское население	городское население	сельское население
2015	535.8	367.0	168.8	68.5	31.5
2016	536.8	369.4	167.4	68.8	31.2
2017	537.7	371.4	166.2	69.1	30.9
2018	537.5	372.9	164.6	69.4	30.6
2019	536.2	373.6	162.6	69.7	30.3

Сельское население в общей численности населения Хакасии за последние 5 лет уменьшилось на 1.2 %. Это объясняется тем, что после перехода от общественной собственности к частной, населению трудно было адаптироваться к новым условиям жизни. Люди потеряли привычные рабочие места. Лишь через 10–20 лет после реформ в Хакасии начинается естественный прирост населения. Так, в 2006 – 2010 гг. он составил в целом в республике 0.2 на 1000 человек населения [4]. Однако, в 2017–2018 гг. он снизился до –0.2–0.08 на 1000 человек. В 2015–2019 гг. численность населения остается почти без изменения (535.8–537.7 тыс. чел).

Следует отметить наибольший прирост населения – 1.6 на 1000 человек в г. Абакане. Это объясняется оттоком сельской молодежи в города, где она находит рабочие места и имеются более благоприятные условия жизни, чем в сельской местности. Исключение составляет Аскизский район здесь прирост достигает 5.3 на 1000 человек населения – это в 3.3 раза больше, чем в г. Абакан. Коренное население в этом районе, видимо, более приспособлено к условиям сельской жизни [4].

Кроме того, переход характеризуется:

- многоукладностью, одновременным существованием разных категорий сельскохозяйственных организаций (крупных, средних, мелких и хозяйств населения), имеющих свои особенности;
- отсутствием квалифицированных руководителей на всех уровнях, специалистов (агрономов);
- нарушением разработанных технологий возделывания сельскохозяйственных культур;
- применением в (средних и мелких) сельскохозяйственных предприятиях устаревшей техники;
- скоплением животных вокруг населенных пунктов, деградацией почвенного и растительного покрова;
- отсутствием желания, понимания и ответственности за потерю плодородия почвы, её защиты от ветровой и водной эрозии;
- отсутствием контроля по охране окружающей среды и почвы со стороны соответствующих органов Россельхознадзора;
- бурным развитием угольной промышленности и переносом мелкозема на сельскохозяйственные угодья.

Заключение

Таким образом, за период проведения реформы конца XX начала XXI веков при переходе от общественной собственности к частной, от крупных хозяйств к мелким фермерским и хозяйствам населения произошли существенные изменения в использовании земельных, трудовых ресурсов и жизни сельского населения. Удельный вес пахотных земель в хозяйствах фермеров постепенно увеличивается.

Доля продукции в 2015–2017 гг. достигла в среднем в хозяйствах населения 64.3 %, сельскохозяйственных организаций – 17.2 %, крестьянских (фермерских) хозяйствах – 18.5 %.

В первый период реформы при переходе от общественной к частной собственности население трудно адаптировалось к новым условиям жизни. Только в 2006–2010 гг. начинается естественный прирост населения. В 2015–2019 гг. численность населения республики остается почти без изменения (535.8–537.7 тыс. чел).

Список литературы

1. В.И. Кирюшин «Теория адаптивно-ландшафтного земледелия и проектирования агроландшафтов». с. 443. 2011.
2. Агроэкологическая оценка земель, проектирование адаптивно-ландшафтных систем земледелия и агротехнологий. Методическое руководство. с. 784. 2005.
3. В.И. Кирюшин, С.В. Кирюшин «Агротехнологии». с. 464. 2015.
4. Е.Я. Чебоचाков, Ю.Ф. Едигеичев, Г.М. Шапошников, В.Н. Муртаев. «Противоэрозионная эффективность приёмов биологизации земледелия в степном и лесостепном агроландшафтных районах Средней Сибири». Кормопроизводство №1. с. 27-30. 2019.
5. И.А. Трофимов, Л.С. Трофимова, Е.П. Яколева. «Проблемы и перспективы земледелия России». Плодородие и оценка продуктивности земледелия. Тюмень. с. 294 – 302. 2018.
6. Е.П. Яковлева «Состояние агроландшафтов Омской области». Плодородие и оценка продуктивности земледелия. с. 339-348. 2018.
7. Е.Я. Чебоचाков, В.Н. Муртаев, О.Р. Машанова. «Влияние социально-экономических условий на сельскохозяйственное производство и демографические процессы в Республике Хакасия». Вестник Естественные и сельскохозяйственные науки № 2. с. 123 – 130. 2017.
8. Сельское хозяйство Республики Хакасия за 2000, 2005, 2008 – 2015 гг. Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. Абакан. с 87. 2016.
9. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. Т.1. Республика Хакасия. – Абакан. с. 87. 2016.
10. Агропромышленный комплекс Сибирского федерального округа. 2010 – 2014: Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю (Алтайкрайстат). Барнаул. с. 156. 2015.
11. Республика Хакасия в цифрах 2018: Стат.сб. / Красноярскстат. Абакан. с. 153. 2019.

УЧАСТИЕ БАНКОВ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Демильханова Б.А. (а), Мусханова Х.Ж. (b), Тапаев Р.В. (с)

(а) Чеченский государственный университет, ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, Россия, mail@chesu.ru, +7(8712)29-00-04

(b) Чеченский государственный университет, ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, Россия, mail@chesu.ru, +7(8712)29-00-04

(с) Чеченский государственный университет, ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, Россия, mail@chesu.ru, +7(8712)29-00-04

Аннотация

В работе отражен имеющийся научный задел по исследованию эффективности банковской системы, ее способности аккумулировать и трансформировать их в инвестиции, проблемам повышения эффективности взаимодействия фи-

нансового и реального секторов экономики, основным направлениям изучения взаимосвязей между денежно-кредитной политикой, масштабами кредитования и ростом промышленного производства и технологических инноваций.

На основе анализа показателей непогашенных обязательств предприятий Чеченской республики, структуры объемов кредитов по экономике в целом и субъектам малого и среднего предпринимательства, объемов инвестиций в основной капитал установлена низкая активность банков в обеспечении текущей ликвидности предприятий и финансировании инвестиций в основной капитал.

Определены и интерпретированы парные коэффициенты корреляции между объемами кредитования банками экономики в целом и инвестициями в основной капитал в экономике, отрасли «Добыча полезных ископаемых», обрабатывающих производствах и субъектами МСП; объемами кредитования банками отрасли «Добыча полезных ископаемых» и объемами инвестиций в основной капитал в этой отрасли; объемами кредитования банками обрабатывающих производств и инвестициями в основной капитал в этих производствах; объемами кредитования банков субъектов МСП и объемами инвестиций субъектами МСП в основной капитал.

Полученные результаты подтверждены оценкой взаимосвязи между объемом инвестиций в основной капитал, осуществляемых за счет банковских кредитов, и объемом валового регионального продукта. Сделан вывод о том, что достигнутый уровень экономического развития республики не является результатом использования банковских кредитов в финансировании инвестиций в основной капитал и намечены меры по улучшению использования кредитного потенциала Чеченской республики.

Ключевые слова: оборотный капитал, промышленное предприятие, банк, кредит, основной капитал, парный коэффициент корреляции.

Введение

Необходимость развития российских регионов на качественно новом уровне придает особое значение решению вопросов активизации роли банковской системы в инвестиционных процессах, способствующих созданию благоприятных условий для деятельности субъектов хозяйствования и оказывающих стабилизирующее влияние на экономическую ситуацию в целом. Реализуя свои функции, банковская система влияет на экономику любого региона, опосредуя при этом процессы формирования оборотных средств предприятий и организаций, процессы их расширения, модернизации производства и инновационного развития

Постановка проблемы

Характерной особенностью современных экономических исследований является их направленность на «...выработку такой экономической политики, которая способствовала бы экономической стабилизации...» (Штульберг, 2007). Мнение и российских, и зарубежных авторов сходится в том, что «условием достижения экономического роста является осуществление инвестиционного процесса» (Столбов, 2006). Бесспорно, модернизация экономики как отдельного региона, так и страны в целом, ее структурная перестройка, расширение инновационных процессов «объективно требует интенсификации развития финансового сектора», что определено в долгосрочном сценарном прогнозе развития России. В Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года «...формирование благоприятных условий для участия финансовых институтов в финансовом посредничестве...» выделено в качестве приоритетного направления развития банковской системы, что непосредственно связано со стимулированием участия банков в краткосрочном и долгосрочном кредитовании хозяйствующих субъектов различных отраслей экономики республики, и прежде всего, реального сектора экономики.

Исследуемый вопрос

Изучению степени взаимодействия финансового и реального секторов экономики посвящено большое количество трудов российских и зарубежных ученых. Данная тема не перестает быть предметом научных дискуссий и потому широко освещается в экономической литературе. Основное внимание в проводимых исследованиях уделяется определению эффективности банковской системы, ее способности аккумулировать и трансформировать их в инвестиции, проблемам повышения эффективности взаимодействия финансового и реального секторов экономики (Лаврушин, 2011, 2013, 2016; Белоглазова, 2011; Маслеников, 2015; Аганбегян, 2011; Агеева, 2017), обеспечения доступности кредитных ресурсов для субъектов малого и среднего предпринимательства (Насонов, 2015; Кремин, 2017). Многие исследователи обращаются к анализу кредитного рынка в разрезе федеральных округов, промышленных комплексов и отраслей экономики (Гостев, 2017; Зике, 2015).

Для осуществления оценки роли банков в развитии реального сектора экономики отбираются различные критерии и нормативы, с помощью которых изучается влияние:

- денежно-кредитной политики на рост промышленного производства (Severe, S., 2016);
- состояния банковской системы на процессы привлечения промышленными предприятиями кредитных ресурсов (Софронова, 2018; Кремин, 2017; Kim, M., Park, J., 2017);
- долгосрочного и краткосрочного кредитования на качество и количество нововведений в крупных, малых и проблемных фирмах (Никулина, 2016; Gu, Mao, Tian, 2017; Pellegrina, Frazzoni, Rotondi, Vezzulli, 2017).

Цель работы

В продолжение исследования выявленной опосредованной корреляционной связи между вложениями кредитных организаций в ценные бумаги и объемами кредитования ими корпоративного сектора страны (Демильханова, 2016), представляется необходимым:

- анализ взаимосвязей между процессами кредитования банками промышленных предприятий (в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства) и их текущим финансовым состоянием, с одной стороны, и инвестиционной активностью, – с другой, на основе оценки участия банков в формировании оборотного капитала предприятий и финансировании инвестиций в основной капитал в разрезе ведущих отраслей экономики Чеченской республики;
- определение основных направлений развития процессов кредитования в свете Стратегии социально-экономического развития Чеченской республики на период до 2025 года.

Методы исследования

Анализ данных по кредиторской и дебиторской задолженности между предприятиями и организациями показывает, что их объемы за анализируемый период растут. В структуре общей задолженности предприятий и организаций весомую долю занимает кредиторская задолженность. В 2016 году удельный вес кредиторской задолженности в привлеченных предприятиями и организациями средств составляет 85,0 %, в 2017 году показатель вырос и достиг 87,7 %. Наблюдающаяся тенденция к росту удельного веса кредиторской задолженности, что означает, по сути, замену предприятиями банковского кредита задолженностью перед поставщиками, неизбежно приведет к ухудшению финансового состояния хозяйствующих субъектов, а это еще более усугубит недоступность банковского кредита для них.

Отмечаются нарастающие суммы превышения кредиторской задолженности над дебиторской, что свидетельствует о платежном кризисе и недостаточном участии банков в краткосрочном кредитовании предприятий под формирование оборотных средств, которое способствовало бы поддержанию краткосрочной ликвидности и их платежеспособности.

Официальные статистические данные Центрального Банка России, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской республике, а также данные, отраженные с российских статистических сборниках, показывают, что за период 2010–2017 гг. объемы кредитов экономике в целом увеличились на 2988 млн руб. (6881–3893). Доля кредитов субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП) увеличилась за период на 27,1 % (66,7–39,6). На протяжении ряда лет весь объем кредитов в иностранной валюте был предоставлен субъектам МСП.

В 2015–2017 гг. кредиты в иностранной валюте субъектами МСП не привлекались, но сохраняется высокий удельный вес рублевых кредитов для них в общем объеме кредитов юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (2015 – 73,9 %, 2016 – 90,6 %, 2017 – 66,7 %), в предоставлении которых, главным образом, участвуют крупнейшие банки России. На их долю приходится в 2016 году – 99,3 %, 2017 году – 90,3 % от общего объема кредитов для субъектов МСП.

Не смотря на то, что кредиты субъектам МСП занимают весомую долю в общем объеме кредитов экономике, на протяжении ряда лет они не использовались на инвестиции в основной капитал, так как инвестиции не осуществлялись. Начиная с 2013 года долгосрочная инвестиционная активность субъектов МСП постепенно повышается и уже к концу 2017 года ¼ часть инвестиций в основной капитал по экономике обеспечена субъектами МСП.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что эти инвестиции осуществлены и за счет собственных средств предприятий малого и среднего бизнеса, так как объемы кредитов для них в 2017 году снижаются с 5431 до 3401 млн руб., а их удельный вес с 82,2 до 49,4 %.

Таблица 1 Сравнительный анализ инвестиций в основной капитал и объемов кредитов по экономике в целом и субъектам малого и среднего предпринимательства за 2010–2017 гг.

	По экономике в целом, млн руб.		По субъектам МСП			
	Инвестиции в основной капитал	Кредиты банков	Инвестиции в основной капитал	Уд.вес гр.4/гр.2, %	Кредиты банков	Уд.вес гр.6/гр.3, %
2010	50369	3893	0,0	0,0	1540	39,6
2011	51632	7660	0,0	0,0	4330	56,5
2012	54400	2522	0,0	0,0	2009	79,3
2013	47632	3899	3000	6,3	3303	84,7
2014	70048	7647	12600	18,0	3742	48,9
2015	71144	5606	12300	17,3	4144	73,9
2016	78843	6610	18300	23,2	5431	82,2
2017	87403	6881	22000	25,2	3401	49,4

Примечание: Составлена автором на основе: Официальный сайт Центрального Банка России [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://www.cbr.ru>; Малое и среднее предпринимательство в России. 2017: Стат.сб./ Росстат. – М., 2017. – 78 с. [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechenstat.gks.ru>.

Участие банков в инвестиционных (долгосрочных) процессах рассмотрено по таким отраслям промышленности, как «Добыча полезных ископаемых» и обрабатывающие производства (табл. 2).

Таблица 2. Показатели объемов инвестиций в основной капитал и кредитования отраслей экономики Чеченской республики в 2010–2017 гг., млн руб.

	Экономика в целом		Отрасль «Добыча полезных ископаемых»			Обрабатывающие производства		
	Инвест. в осн. кап.	Кредиты банков	Инвест. в осн. кап.	Кредиты банков	Уд.вес гр.5/гр.3, %	Инвест. в осн. кап.	Кредиты банков	Уд.вес гр.8/гр.3, %
2010	50369	3893	1125,7	0	0	837,8	244	6,3
2011	51632	7660	1335,6	10	0,13	817,7	624	8,15
2012	54400	2522	2546,1	0	0	1921,8	223	8,8
2013	47632	3899	899,9	5	0,13	1400,8	295	7,6
2014	70048	7647	1303,6	0	0	1548,1	1013	14,5
2015	71144	5606	2638,7	223	4,0	1265,7	970	17,3
2016	78843	6610	701,1	165	2,5	2116,1	187	2,8
2017	87403	6881	496,2	0	0	2605,3	869	12,6

Примечание: Составлена автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. 1162 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; Официальный сайт Центрального Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru>.

Анализ данных таблицы 2 показывает, что рассматриваемые отрасли экономики кредитуются банками в недостаточном объеме, об это свидетельствуют низкие удельные веса предоставленных им кредитов, в общем объеме кредитов по всем отраслям и сферам экономики. Так, в отрасль «Добыча полезных ископаемых» за ряд лет не привлекались кредиты банков. Это означает, что инвестиции в основной капитал осуществлены за счет собственных средств предприятий этой отрасли и средств бюджетов разных уровней.

В странах с развитой экономикой с использованием банковского капитала финансируются более половины инвестиционных проектов. По экспертным оценкам, если на долю ресурсов рынка банковского капитала приходится только 10–12 %, то это означает отставание в институциональном и экономическом развитии (Кузнецова, 2012).

Низкими показателями удельных весов кредитов в общем объеме кредитов, предоставленных банками отраслям экономики, отличаются и обрабатывающие производства промышленности: до 10 % в 2010–2013 и 2016 году. Более высоким удельным весом кредитных ресурсов в финансировании инвестиций в основной капитал отличается 2014 год, когда по экономике в целом он составил – 12,2 % и в обрабатывающих производствах – 14,5 %. Данная ситуация связана, прежде всего, с ужесточением условий выдачи долгосрочных кредитов и ростом просроченной задолженности по ранее предоставленным кредитам.

В целях установления степени зависимости инвестиций в основной капитал от изменения объемов кредитования изучены корреляционные связи между (табл. 3):

- объемами кредитования банками экономики в целом и инвестициями в основной капитал в экономике (0,6), отрасли «Добыча полезных ископаемых» (-0,4), обрабатывающих производствах (0,1) и субъектами МСП (0,6);
- объемами кредитования банками отрасли «Добыча полезных ископаемых» и объемами инвестиций в основной капитал в этой отрасли (0,3);
- объемами кредитования банками обрабатывающих производств и инвестициями в основной капитал в этих производствах (0,1);
- объемами кредитования банков субъектов МСП и объемами инвестиций субъектами МСП в основной капитал (0,6).

Таблица 3. Парные коэффициенты корреляции между банковским кредитованием и инвестициями в основной капитал в отраслях экономики Чеченской республики

Факторные показатели		Коэффициент корреляции	Результативные показатели	
Кредиты банков экономики		0,6 <i>заметная</i>	Инвестиции в основной капитал	Экономика в целом
		-0,4 <i>умеренная отриц.</i>		Отрасль «Добыча полезных ископаемых»
		0,1 <i>слабая</i>		Обрабатывающие производства
		0,6 <i>заметная</i>		Субъекты МСП
Кредиты банков	Отрасль «Добыча полезных ископаемых»	0,3 <i>слабая</i>		Отрасль «Добыча полезных ископаемых»
	Обрабатывающие производства	0,1 <i>слабая</i>		Обрабатывающие производства
	Субъекты МСП	0,6 <i>заметная</i>		Субъекты МСП

Примечание: Составлена автором по результатам исследования

Результаты

Результаты анализа факторных взаимосвязей показывает, что кредиты банков, расположенных на территории Чеченской республики, не являются решающим фактором долгосрочных инвестиций в основные фонды и, соответственно, – обновления основных фондов предприятий отрасли «Добыча полезных ископаемых» и обрабатывающих производств. Об этом свидетельствуют значения коэффициентов корреляции, характеризующие умеренную и слабую тесноту связи между рассматриваемыми показателями или ее отсутствие.

Наличие заметной факторной связи между объемами кредитования банками субъектов МСП и их инвестициями в основной капитал свидетельствует о том, что кредитование повлияло на рост инвестиций. Но, учитывая отсутствие данных по кредитам субъектам МСП в разрезе отраслей экономики, а также – низкие относительные показатели инвестиций в основной капитал субъектами МСП, отметим, что данный характер взаимосвязи не может быть расценен однозначно. Поскольку в изучении характера факторных взаимосвязей использованы данные по всем субъектам МСП независимо от отрасли экономики, то заметная связь между рассматриваемыми факторами имеет место и по экономике в целом.

Роль кредитных ресурсов региональной банковской системы в воспроизводстве основных фондов является и на основе оценки взаимосвязи между объемом инвестиций в основной капитал по экономике в целом, осуществляемых за счет банковских кредитов, и объемом ВРП (табл. 4). Оценка данной взаимосвязи подтверждает наличие слабой связи между рассматриваемыми показателями.

Таблица 4. Анализ взаимосвязи между инвестиционным банковским кредитованием и объемом ВРП [

	Факторный показатель, Инвестиционные кредиты банков по экономике в целом		Результативный показатель, ВРП	Теснота корреляционной связи	
	Млн руб.	в % к ВРП		значение	интерпретация
2010	0	0	70695	0,1749	слабая
2011	428	0,5	86623		
2012	0	0	102289		
2013	7086	5,8	122403		
2014	479	0,3	148942		
2015	194	0,1	154402		
2016	2756	1,7	166711		
2017	1245	0,7	178912		

Примечание: Составлена автором по результатам исследования

Это означает, что достигнутый уровень экономического развития республики не является результатом использования банковских кредитов в финансировании инвестиций в основной капитал. Дальнейшее развитие отраслей экономики должно быть основано на достижении положительных финансовых результатов деятельности предприятий, способствующих увеличению их собственных финансовых ресурсов, которые могут направляться на внедрение инвестиционных проектов.

Выводы

Таким образом, недостаточное участие банков в краткосрочном кредитовании предприятий под формирование оборотных средств, а также – процессах обновления основных фондов говорит о недоиспользовании в регионе потенциала кредитных отношений, что является тормозом на пути экономического развития реального сектора экономики республики.

Развитию кредитных отношений на региональном уровне будут способствовать следующие меры:

- формирование конкурентной среды на рынке банковских услуг в регионах с использованием системы стимулов и запретов на проведение отдельных банковских операций, формирование процентных ставок, пополнение ресурсов малых банков через систему рефинансирования в целях стимулирования выполнения социально-экономических задач региона;
- повышение эффективности дифференцированного регулирования кредитных организаций в регионах, что создает условия для формирования и устойчивого продолжительного функционирования региональных банков, трансформирующих средств населения в инвестиции (ипотечные кредиты малоимущим гражданам по приемлемой процентной ставке, кредиты в оборотные средства государственных (муниципальных) организаций и др.);
- разработка и предложение кредитным организациям лицензии с разным набором операций и круга обслуживаемой клиентуры (только физические лица, только малый и средний бизнес, физические лица и малый и средний бизнес и др.). Это будет способствовать созданию специализированных кредитных организаций с уникальным набором компетенций и банковских технологий. В регионах такие банки займут свою нишу в конкурентной среде на рынке банковских услуг.

Реализация данных мер является целесообразным, так как они соответствуют текущему состоянию кредитной системы России и отвечают современным условиям функционирования российских кредитных организаций, которые должны создавать условия для экономического роста в регионах.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90035/19.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. (2011). Еще раз о новой роли банков в современных условиях. *Деньги и кредит*. № 12. С. 3-8.
2. Агеева С.Д., Мишура А.В. (2017). Региональная банковская система в России: тенденции и факторы пространственного распределения. *Вопросы экономики*. № 1. С. 123-141.
3. Белоглазова Г.Н. (2011). Стратегия развития регионального сегмента банковской экспансии. *Банковское дело*. № 2. С. 28-31.
4. Гостев А. С. (2017). Особенности развития кредитных рынков Южного и Северо-кавказского федеральных округов. *Деньги и кредит*. № 1. С. 74-78.
5. Демильханова Б.А. (2016). Инновационно активный промышленный комплекс в системе операций Банка России на открытом рынке. *Экономический анализ: теория и практика*. № 6 (453). С. 146-155.
6. Зике Р. В. (2015). Взаимодействие банковского и реального секторов экономики Краснодарского края. *Деньги и кредит*. № 7. С.56-58.
7. Кремин А.Е. (2017). Актуальные вопросы кредитования малого бизнеса территорий. *Вопросы территориального развития*. Вып. 5. С. 1-11.
8. Кузнецова Е.И. (2012). *Деньги, кредит, банки*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
9. Лаврушин О.И. (2011). Роль кредита в экономическом развитии. *Банковское дело*. № 2. С. 32-38. Режим доступа: <http://library.fa.ru/files/Lavrushin/Lavrushin4.pdf>.
10. Лаврушин О.И. (2013). Банки в современной экономике: необходимость перемен. *Банковское дело*. № 4. С. 6-13.
11. Лаврушин О.И. (2016). *Эволюция теории кредита и его использование в современной экономике*. М.: Кнорус.
12. Масленников В.В., Масленников С.В. (2015). Современные проблемы развития регионального сегмента банковской системы России. *Экономика. Налоги. Право*. № 6. С. 40-47.
13. Насонов В. В. (2015). Некоторые вопросы поддержки малого предпринимательства. *Деньги и кредит*. №6. С.76.
14. Никулина А.А. (2016). Механизм банковского участия в финансировании инновационной деятельности компаний. *Финансы и кредит*. № 13. С. 14-31.
15. Софронова В.В. (2018). Роль банковской системы в кредитовании экономики региона. *Финансы и кредит*. Вып. 17. С.1031-1045.
16. Столбов М.И. (2006). *Финансовый сектор: теория и российская действительность*. М.: Научная книга.
17. Штульберг Б.М. (2007). Анализ влияния кредитования на рост экономики. *Экономика региона*. №4. С. 107-118.
18. Severe, S. (2016). An empirical analysis of bank concentration and monetary policy effectiveness. *Journal of Financial Economic Policy*, Volume 8. P. 163-182.
19. Kim, M., Park, J. (2017). Do Bank Loans To Financially Distressed Firms Lead To Innovation? *Japanese Economic Review*. Volume 68. P. 244-256.
20. Xin, F., Zhang, J., Zheng, W. (2017). Does credit market impede innovation? Based on the banking structure analysis. *International Review of Economics and Finance*. Volume 52. P. 268-288.
21. Gu, Y., Mao, C.X., Tian, X. (2017). Banks' interventions and firms' innovation: Evidence from debt covenant violations. *Journal of Law and Economics*. Volume 60. P. 637-671.
22. Pellegrina, L., Frazzoni, S., Rotondi, Z., Vezzulli, A. (2017). Access to Credit for Small Innovative Businesses. *Economic Notes*. Volume 46. P. 411-458.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ВЫРАЖЕННЫЕ ПОСРЕДСТВОМ МАТЕРИАЛЬНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

Двинин Дмитрий Юрьевич (а)

(а) Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Россия,
ecologchel@74.ru, +7 (351) 799-70-07

Аннотация

В публикации приведены результаты анализа материальной интенсивности традиционной и альтернативной электроэнергетики Российской Федерации. Выявлены эколого-экономические преимущества альтернативной энергетики в федеральных округах страны. Анализ осуществлялся с помощью оригинального показателя суммарных MI (Material Input) – чисел, позволяющего установить удельную материальную интенсивность различных источников энергии. Проведенные расчеты позволили получить итоговые цифры для всех федеральных округов Российской Федерации, обладающих альтернативными источниками энергии, выявить долю альтернативной энергетики в региональном энергетическом балансе, общий объем потребляемых природных ресурсов в результате ее деятельности, а также удельную величину альтернативных энергетических источников различного генезиса. На малые гидроэлектростанции и энерго-

установки работающие на биотопливе приходится 53,5 % от выработки альтернативной энергетики Российской Федерации, на солнечную энергетику – 26 %, геотермальные станции – 11 %, ветряные установки – 9,5 %. Исследование позволило определить массу используемых природных ресурсов при деятельности традиционной и альтернативной энергетики, осуществить сравнительный анализ между ними. Объем вещества перемещаемого при деятельности традиционной энергетики: 2 млрд тонн, что сопоставимо с природными геологическими силами. Альтернативная энергетика в Российской Федерации способствует перемещению 0,42 млн тонн. Установлено, что замещение энергетических мощностей, использующих в качестве топлива ископаемое топливо, объектами альтернативной энергетики, позволит в значительной степени уменьшить уровень негативного антропогенного воздействия на окружающую природную среду. На основе полученных выводов, была спрогнозирована реальная величина снижения негативного воздействия на окружающую среду, при дальнейшем увеличении доли альтернативной энергетики в энергобалансе страны и отдельных регионов. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00861.

Ключевые слова: альтернативная электроэнергетика, материальная интенсивность, эколого-экономические преимущества, окружающая среда, природные ресурсы, регион

Введение

Электроэнергетика, являясь базовой отраслью экономики, оказывает очень значительное негативное воздействие на окружающую среду, в результате производственной деятельности создавая различные экологические проблемы. Традиционно особое внимание уделяется выбросам и сбросам формирующимся при производстве. Однако они лишь следствие трансформации материальных потоков функционирующих в природной среде, их изменение приводит к общему снижению объемов биомассы, сокращению биоразнообразия, уменьшению площади естественных территорий. Экономическая деятельность, проявляющаяся в производстве товаров и услуг, фактически перенаправляет в социо-экономическую систему биосферные материальные потоки, что и является основной проблемой возникновения современных экологических проблем (Lipenkov, 2012).

Постановка проблемы

Снижение негативного воздействия невозможно осуществить без уменьшения ресурсопользования, сокращения материально-энергетических потоков функционирующих в техносфере. Одна из первых известных публикаций, где особо выделен фактор ресурсопотребления в дальнейшем развитии экономики, стал доклад Римского клуба, созданный группой Д. Медоуза – «Пределы роста». В данной работе приводится математическая модель, где в динамике показаны основные направления развития социо-эколого-экономической системы: индустриализация, производство продовольствия, демографическая ситуация, ухудшение окружающей природной среды, уменьшение объема доступных природных ресурсов. Общее осознание существующей проблемы, и поиск путей ее решения, привел к формированию концепции устойчивого развития. В проблематике устойчивого развития значительное внимание уделяется проблеме высокого уровня ресурсоемкости базовых отраслей экономики. Для достижения целей устойчивого развития, сформулированных в 2015 году, в настоящее время предложена зеленая экономика. Она призвана стать основой устойчивого развития, обеспечить снижение уровня потребления природных ресурсов, уменьшить материальные потоки при экономической деятельности, что в результате приведет к снижению антропогенного воздействия на окружающую среду. В принятой в 2012 году, в Рио-де-Жанейро, декларации «Будущее, которого мы хотим», указано следующее: «Зеленая экономика в контексте устойчивого развития и ликвидации нищеты укрепит нашу способность рационально использовать природные ресурсы с меньшими отрицательными последствиями для окружающей среды, повысит эффективность использования ресурсов и уменьшит количество отходов». Именно зеленая экономика призвана обеспечивать дальнейший экономический рост при одновременном сокращении материальных потоков в экономической деятельности, что в итоге и позволит существенно повысить эколого-экономическую эффективность базовых отраслей экономики (Lipenkov, 2005). Фактически, уменьшение материальной интенсивности в электроэнергетике можно рассматривать, как важнейшую характеристику формирующейся зеленой экономики. В последние годы была также сформирована концепция антропоцена, о выделении в геохронологической шкале новой эпохи, где антропогенная деятельность выделяется в ведущую геологическую силу Земли. XXXV сессия Международного геологического конгресса, проходившая с 27 августа по 4 сентября 2016 года, приняла решение рекомендовать выделить отдельно антропоцен. Важная характеристика указанной геологической эпохи – перемещение существенных объемов вещества при экономической деятельности. Данные величины должны соотноситься с объемами материальных потоков, возникающими при деятельности различных природных сил. Для снижения уровня антропогенного воздействия, повышения уровня экологизации экономики, требуется значительное сокращение ресурсоемкости, или материальной интенсивности, базовых секторов экономики, таких как электроэнергетика (Schiller Frank, 2009; Davankov, 2016).

Исследуемый вопрос

Несмотря на понимание важности оценки материальных потоков, имеется определенная нехватка информации для использования объективных оценочных критериев (Nikulin 2008; Giljum, 2011). Следует отметить, что ряд исследований проводят подобную оценку для традиционной электроэнергетики, использующей

ископаемое топливо. Данные работы подтверждают, что масштабы перемещения вещества при производстве электроэнергии в полной мере сопоставимы с некоторыми геологическими силами. Однако для альтернативной энергетики существует нехватка объективной информации позволяющей осуществлять оценку материальных потоков возникающих при ее деятельности.

Цель работы

Проблема материальной интенсивности экономики, является одной из основной для решения вопросов экономики природопользования, оценки влияния на природу альтернативной энергетики, имеющей относительно небольшие «выходные» материальные потоки связанные с выбросами. Фактически эколого-экономические преимущества, либо недостатки, альтернативной электроэнергетики можно выявить лишь при сопоставлении подобных данных с показателями традиционной энергетики, работающей на ископаемом топливе. Только тогда получится сделать вывод об общем уровне ее эколого-экономической эффективности и меньшем воздействии на окружающую среду (Suh Sangwon, 2005; Huppes Gjal, 2009).

Методы исследования

Для оценки перемещаемого вещества, или материальной интенсивности, при деятельности традиционной и альтернативной электроэнергетики Российской Федерации, использовался критерий MI (Material Input)-чисел (Ritthoff, 2002). Данный показатель разработан немецким ученым Шмидт-Бликом. MI-числа определяются по следующему алгоритму: «входные» потоки вещества, которые требуются при производстве определенного продукта или услуги, выражаются в единицах массы (как правило, в тоннах, либо килограммах). Именно они позволяют отобразить величину природных материалов, или компонентов экосистем, необходимых для производства указанного продукта. Исходя из цели исследования, оценки материальной интенсивности целой отрасли экономики, применялся модернизированный показатель – суммарных MI-чисел (Dvinin, 2014). Он позволяет определять совокупность перемещаемого вещества, при этом не осуществляется расчет отдельных категорий материального входа продукта. Такой подход, позволяет проанализировать деятельность электроэнергетики в целом. При необходимости, указанный показатель может быть снова разложен на отдельные категории «входа» уже на завершающем этапе исследования. Традиционные MI-числа, предложенные Шмидт-Бликом, представлены в следующих категориях материального входа: атмосферные ресурсы, абиотические и биотические, почвенные и водные ресурсы. Такое выделение категорий, дает возможность осуществить полный анализ негативного влияния на окружающую природную среду. Удельные данные о материальной интенсивности базовых веществ, используемых при создании и функционировании альтернативных источников энергии, присутствуют на сайте Вуппертальского института климата и окружающей среды, расположенного в Германии: www.wupperinst.org. Сведения о существующих объектах альтернативной энергетики в регионах Российской Федерации взяты из данных статистических органов, с информационного портала energybase.ru и авторских исследований. Расчеты проводились следующим образом: выполнялся инвентаризационный анализ «входных» и «выходных» потоков природных ресурсов, далее указанные потоки переводились в категорию суммарных MI-чисел. Для ветроэлектростанций (ВЭС) получены следующие удельные показатели ресурсоемкости выраженные в MI-числах: атмосферные ресурсы, кг.кВт.ч – 0.008; абиотические ресурсы, кг.кВт.ч – 0.09; водные ресурсы, кг.кВт.ч – 0.84; суммарные MI-числа, кг.кВт.ч – 0.1. Для солнечных электростанций (СЭС): атмосферные ресурсы, кг.кВт.ч – 0.0009; абиотические ресурсы, кг.кВт.ч – 0.12; водные ресурсы, кг.кВт.ч – 4.93; суммарные MI-числа, кг.кВт.ч – 0.12. Информация об объемах затрачиваемой воды при выработке электроэнергии использовалась для выявления удельной ресурсоемкости малых ГЭС (гидроэлектростанций).

Результаты

Традиционная электроэнергетическая отрасль экономики России очень многообразна. Есть регионы, где представлена в основном угольная энергетика, в значительной степени выраженная крупными ГРЭС. Следует отметить, что их негативное воздействие в некоторой степени компенсируется регионами, имеющими энергетические комплексы состоящими в основном из гидроэлектростанций и атомных энергообъектов. Существенное положительное влияние на состояние окружающей среды оказывает использование в качестве топлива – природного газа. При этом необходимо особо выделить значительное увеличение его доли в энергобалансе за последние двадцать лет. На основе осуществленных расчетов, представленных в табл. 1, установлен федеральный округ с наиболее экологически эффективной традиционной энергетикой: Северо-Западный. Данную ситуацию можно объяснить высоким уровнем развития ядерной электроэнергетики, и особенности географии, обусловили наличие большого числа объектов малой гидроэлектроэнергетики, которые действуют на северных реках. Тепловая энергетика в указанном федеральном округе функционирует преимущественно на природном газе. Существенные величины ресурсоемкости для традиционной энергетики установлены в трех федеральных округах: Уральском, Центральном и Сибирском. Данная проблема обусловлена наличием большого числа крупных ГРЭС работающих на угле. Именно их производственная деятельность создает значительные нарушения в природной среде из-за выбросов в атмосферу, сбросов в водные объекты, формирования шлакоотвалов, и трансформации ландшафтов при добыче и обогащении топлива.

Таблица 1. Объем потребляемых природных ресурсов в суммарных МІ-числах при производстве электроэнергии из ископаемого топлива в регионах Российской Федерации

Федеральные округа	Выработка электроэнергии за год млн кВт. ч	Ресурсоемкость выраженная в суммарных МІ-числах, тыс. тонн
Дальневосточный федеральный округ	45952.36	71685.68
Приволжский федеральный округ	176734.4	134318.14
Северо-Западный федеральный округ	97969.32	61720.67
Северо-Кавказский федеральный округ	26824.93	19313.95
Сибирский федеральный округ	197337.8	309820.35
Уральский федеральный округ	129678	172471.74
Центральный федеральный округ	222487.6	169090.57
Южный федеральный округ	63125.76	42925.51
Российская Федерация	1923323.73	2000256.68

В табл. 2 приведены эколого-экономические характеристики российской альтернативной энергетики. На долю малых ГЭС и биоэнергетику приходится 58.1 % от выработки альтернативной энергетики Российской Федерации, на солнечную энергетику – 21.1 %, геотермальные станции – 11.3 %, ветряные установки – 9.5 %. Исходя из полученных величин, была определена суммарная величина элементов экосистем подверженных наибольшему антропогенному воздействию, так абиотических ресурсов при производстве энергии из альтернативных источников в Российской Федерации затрачивается 126.2 тыс. тонн, атмосферных ресурсов – 5.5 тыс. тонн, 129.3 тыс. тонн приходится на биотические и почвенные ресурсы. Однако следует отметить, что в последнем случае, значительную роль оказывает крупная биогазовая станция в Белгородской области, она использует в течении года более 95 тысяч тонн сырья.

Таблица 2. Эколого-экономические характеристики альтернативной электроэнергетики в федеральных округах Российской Федерации

Федеральные округа	Выработка электроэнергии за год тыс. кВт.ч	Доля альт.энергет. в объеме производимого электричества, %	Ресурсоемкость в суммарных МІ-числах, тыс. тонн	СЭС/ВЭС/Ге оЭС/Малые ГЭС и Био-ЭС	Эмиссия парниковых газов	Величина во сколько раз удельная материальная интенсивность альт. энергетики меньше традиционной
Дальневосточный федеральный округ	628291.66	1.37	47.8	98/0/0/2	30663.07/0	8.8
Приволжский федеральный округ	221.31	0.12	22.58	52/39/0/9	65391.73/0	7
Северо-Западный федеральный округ	204.05	0.21	0.51	0/2,5/0/97.5	26451.72/0	256
Северо-Кавказский федеральный округ	621.6	2.32	1.08	1/0/0/99	10193.47/0	464
Сибирский федеральный округ	1357.52	0.79	160.78	97/1/0/2	91388.28/0	15,2
Уральский федеральный округ	35.8	0.027	0.05	0/1,5/0/98.5	73916.46/0	900
Центральный федеральный округ	147.84	0.066	132.43	0/0/0/100	68971.15/0	1
Южный федеральный округ	547.9	0.87	56.63	82/8/0/10	19568.9/0	6,69
Российская Федерация	2763.49	0.14	421.39	26/9,5/11/53.5	788562.73/110	7

В Дальневосточном федеральном округе удельная материальная интенсивность альтернативной электроэнергетики, а значит и уровень негативного антропогенного воздействия на окружающую природную среду, в 8.8 раз меньше энергетики использующей ископаемое топливо. При этом уровень удельного потребления воды меньше в 2.9 раза. В Дальневосточный федеральный округ входит Камчатский край, где представлена значительная доля альтернативной энергетики в энергобалансе – 36.35 %, данная ситуация вызвана изолированностью энергосистемы региона, а также наличием уникальных геотермальных источников. В Сибирском федеральном округе уровень негативного воздействия на природную среду альтернативной энергетики в 15.2 раза

меньше чем у традиционной энергетики. Величина удельного потребления водных ресурсов меньше в 3.7 раз. Удельная материальная интенсивность альтернативной энергетики Уральского федерального округа отличается от энергетики с ископаемым топливом в 900 раз. В Приволжском федеральном округе указанная величина в 7 раз меньше чем у традиционной электроэнергетики, а уровень удельного потребления водных ресурсов меньше в 1.41 раз. Указанная величина в Северо-Западном федеральном округе в 256 раз меньше энергетики потребляющей ископаемое топливо. Альтернативная энергетика Центрального федерального округа не имеет крупных производственных объектов, поэтому удельный уровень потребления ресурсов не отличается существенно от уровня традиционной энергетики. Материальная интенсивность альтернативной энергетики Северо-Кавказского федерального округа в 464 раза меньше традиционной энергетики. Однако следует отметить, что в данном округе удельная величина использования водных ресурсов больше в 6.78 раз, данный факт позволяет сформулировать вывод об относительно невысокой эколого-экономической эффективности малой гидроэнергетики в некоторых случаях. В Южном федеральном округе удельная материальная интенсивность альтернативной электроэнергетики в 6.69 раз меньше чем у электроэнергетики работающей на ископаемом топливе, удельный объем использования водных ресурсов меньше в 1.34 раза.

Наиболее существенная доля альтернативной энергетики в энергобалансе присутствует в регионах обладающих некоторой изоляцией от существующей энергосистемы. В условиях отсутствия экономических механизмов стимулирования, альтернативную энергетику не используют как реальный инструмент снижения негативного воздействия на окружающую природную среду, ее воспринимают лишь средством обеспечения электроэнергией изолированных территорий.

В результате проведенного исследования было установлено, что объем вещества перемещаемого из-за деятельности традиционной энергетики в Российской Федерации составляет величину в 2 млрд тонн. Сравнительный анализ с данными о перемещении вещества различными природными силами, представленными в табл. 3, позволяет сделать утверждение, что указанные объемы вполне соотносятся по масштабам. Деятельность альтернативной электроэнергетики в России сейчас незначительна, ее доля в общем энергобалансе страны составляет 0.14 %, поэтому масса перемещаемого вещества относительно невелика и составляет 421 тыс. тонн.

Таблица 3. Объемы переноса вещества геологическими и техногенными процессами

Геологический или техногенный процесс	Перенос вещества, млрд тонн/год
Твёрдый сток	14.1
Денудация в областях развития покровного оледенения	2.2–2.3
Традиционная электроэнергетика Российской Федерации	2.0
Эоловый вынос	2.0–4.0
Вулканогенная аккумуляция	1.8
Морская абразия	0.7–1.1
Биогенная аккумуляция	1.0
Аккумуляция вещества поступающего из космического пространства	0.02
Альтернативная электроэнергетика Российской Федерации	0.0004

В настоящее время традиционная энергетика в России, при функционировании, перемещает объемы вещества сопоставимые с такими геологическими процессами как перенос ледниками и ветром, и превосходит деятельность вулканов, морской абразии, биогенной аккумуляции. Объем вещества перемещаемого благодаря деятельности альтернативной энергетики в Российской Федерации очень незначителен, величина меньше традиционной энергетики примерно в 7700 раз. Полученные данные позволили подтвердить, что экологизация электроэнергетической отрасли экономики возможна при условии значительного расширения сектора альтернативной энергетики. При допущении гипотетического сценария полного замещения традиционной энергетики альтернативной, объем перемещаемого вещества окажется в 7 раз меньше. Это позволяет сделать вывод, что увеличение альтернативной энергетики в энергобалансе, позволяет значительно повысить уровень экологизации энергетической отрасли экономики.

Выводы

1. Совокупная материальная интенсивность (ресурсоемкость) традиционной электроэнергетики России составляет 2 млрд тонн (в МІ-числе), ресурсоемкость альтернативной электроэнергетики значительно меньше – 0.4 млн тонн (в МІ-числе). Общий объем вещества, перемещаемого при деятельности альтернативной электроэнергетики, меньше традиционной примерно в 4700 раз.
2. В структуре энергобаланса альтернативной электроэнергетики Российской Федерации на малые ГЭС (гидроэлектростанции) и объекты на биотопливе, приходится 53.5 % выработки энергии, на солнечную энергетику – 26 %, геотермальные станции – 11 %, ветряные установки – 9.5 %.
3. Величина элементов экосистем подверженных наибольшему антропогенному воздействию следующая: абиотические ресурсы – 126.2 тыс. тонн, атмосферных ресурсов – 5.5 тыс. тонн, биотические и почвенные ресурсы – 129.3 тыс. тонн.

4. При условии дальнейшего развития альтернативной электроэнергетики, позволяющем предположить полное замещение энергетических объектов работающих на ископаемом природном топливе, величина материальной интенсивности окажется в 7 раз меньше, чем у традиционной электроэнергетики. Это позволяет сформулировать вывод, что увеличение альтернативных источников в энергобалансе, позволит в значительной степени уменьшить уровень негативного антропогенного воздействия на окружающую природную среду во всех регионах и федеральных округах Российской Федерации.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00861.

Список литературы

1. Davankov A.Y., Dvinin D.Y., Postnikov Y.A. (2016) Methodical toolkit for assessing of ecological and socio-economic environment in the region within the boundaries of the sustainability of the biosphere. *Economy of Region*, vol. 4. T.12, 1029-1039.
2. Dvinin D.Y. (2014). The use of the MI (Material Input)-numbers in the planning resource in the environmental management systems of the region. *Environmental Economics*. Vol. 4, 38-48.
3. Giljum S. (2011). A comprehensive set of resource use indicators from the micro to the macro Level. *Resources, Conservation and Recycling* 55, 300-308.
4. Huppes Gjal (2009). Eco-efficiency guiding micro-level actions towards sustainability: Ten basic steps for. *Ecological Economics*. 68, 1687-1700.
5. Lipenkov A.D. (2012). *Economy, life, mind. Social production in terms of global evolution*. Chelyabinsk. CelGU.
6. Lipenkov A.D., Davankov A.Y. (2005). *Pure bases of management of ecological and economic systems*. Yekaterinburg: IE UB RAS.
7. Nikulin N.L. (2008). Problems of assessment of environmental safety in the region. *Economy of Region*. vol.4, 62-67.
8. Ritthoff M. (2002). *Calculating MIPS: Resource Productivity of Products and Services*. Germany: Wuppertal Institute for Climate, Environment and Energy.
9. Schiller Frank (2009). Linking material and energy flow analyses and social theory. *Ecological economics*. 68, 1676-1686.
10. Suh Sangwon (2005). Theory of materials and energy flow analysis in ecology and economics. *Ecological Modelling*, 189, 251-269.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СУБЪЕКТА ПРИ ОСВОЕНИИ НОВОГО ВИДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фомина Елена Алексеевна (а), Соломонов Владимир Александрович (б)

(а) Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, Ставрополь, Россия, fea30@mail.ru, 89627403439

(б) Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, Ставрополь, Россия, vlads67@mail.ru, 89097523795

Аннотация

В статье рассмотрены результаты эмпирического исследования жизнестойкости субъектов в ситуации овладения новыми видами профессиональной деятельности. В качестве респондентов привлечены студенты основных образовательных программ магистратуры и бакалавриата и слушатели программы профессиональной переподготовки. Жизнестойкость рассмотрена как личностная диспозиция, базирующаяся на готовности продуктивного совладания со сложными жизненными ситуациями. На основе использования корреляционного анализа, показано, что вне зависимости от возрастных и гендерных характеристик субъекты в ситуации овладения новым видом профессиональной деятельности демонстрируют ряд общих свойств жизнестойкости (вовлеченность, контроль), индивидуального стиля саморегуляции (моделирование, гибкость), адаптивности и копинг-поведения (предпочтение эмоциональных механизмов совладания). Выявлена специфика проявления жизнестойкости субъектов, выбирающих разные формы освоения новой профессии. Для студентов магистратуры характерно наличие сложившихся связей между чертами личности, основанных на адаптационном ресурсе, сформированность психологических структур, отвечающих за жизнестойкость, использование, преимущественно, эмоциональных механизмов копинга. Саморегуляция в процессе программирования и моделирования деятельности, проявления свойств регуляторной гибкости и самостоятельности задает ресурс жизнестойкости. Для слушателей программ переподготовки также характерно наличие тесных внутриличностных связей между свойствами, актуализация компонентов жизнестойкости и адаптивности в полном объеме, предпочтение эмоциональных копинг-механизмов, проявления процесса моделирования, свойств регуляторной гибкости и самостоятельности. Как и магистранты, они готовы оценивать результаты своей деятельности по собственным критериям. Привлеченная для сравнения группа студентов бакалавриата имеет как общие черты со студентами магистратуры, так и отличия. Молодые люди еще не сформировали своим предпочтения в выборе копинг-механизмов, готовы оценивать себя и свои результаты по общепринятым критериям. Полученные результаты могут быть востребованы в практике деятельности служб занятости, кадровых служб предприятий, в образовательном процесс по подготовке специалистов.

Ключевые слова: жизнестойкость, саморегуляция, адаптивность, совладание, профессиональная деятельность.

Введение

В современных условиях профессии исчезают и появляются с невероятной ранее быстротой, и даже те, которые продолжают сохранять свою актуальность, наполняются новым смыслом и новыми задачами. Изменение рынка труда и требований к работнику под влиянием процессов цифровизации, ускорение темпа жизни порождают невиданное ранее напряжение всех систем психики, заставляя человека не просто подстраиваться под изменения, а действовать на опережение событий.

В отечественной и зарубежной психологической науке все чаще делается попытка разрешить проблему сопротивления трудным жизненным ситуациям с позиции целостного осмысления личностных характеристик, влияющих на успешную адаптацию и совладание с разного рода трудностями. На понимании необходимости учитывать психофизиологические возможности организма основывается концепция личностного адаптационного потенциала (Маклаков, Чермянин, 2009). Прогнозирование деятельности, самоосуществление себя настоящего с ориентацией на будущее затрагивает в большей степени личностный уровень, что раскрывается в работах, посвященных личностному потенциалу (Леонтьев, 2016). Различные аспекты и проявления личностного потенциала изучены в работах, посвященных регуляции поведения и деятельности (Моросанова, Коноз, 2000; Bonanno, Burton, 2013), индивидуальным различиям совладающего поведения (Van Berkel, 2009) и жизнестойкости (Maddi и др., 2017). Научный интерес все чаще сосредотачивается на уровне отдельного человека, что однако не отменяет актуальности изучения типичных реакций человека как представителя некоторой группы субъектов (Банщикова и др., 2018). При этом необходимость в сохранении продуктивности необходима не только в экстремальных ситуациях, но и в условиях, на первый взгляд ничем не примечательных, однако предъявляющих к субъекту повышенные требования. К ним, например, относятся ограниченные возможности здоровья, аккультурационные трудности, профессиональные кризисы и т. д. В предлагаемом исследовании мы сосредоточили внимание на изучении достаточно распространенной ситуации смены вида профессиональной деятельности, необходимость в которой может возникнуть внезапно или же быть подготовлена целенаправленной активностью самого человека.

Постановка проблемы

На сегодняшний день существует определенное противоречие в науке и практике, связанное с необходимостью оказания помощи людям, находящимся в ситуации смены видов профессиональной деятельности, со стороны психологических и иных социальных служб. С другой стороны, такую ситуацию неоднократно в жизни инициирует сам человек, стремясь к развитию в профессии, карьерному и личностному росту. Современное общество предоставляет ему инструменты освоения новых видов профессиональной деятельности в виде различных образовательных программ. Проблема, с нашей точки зрения, состоит в том, чтобы выявить типичные, повторяющиеся черты субъектов, стремящихся не просто получить возможность заработка, а к тому, чтобы развиваться, преодолевая возникающие трудности.

Исследуемый вопрос

Предметом исследования являются компоненты жизнестойкости и связанные с ней личностные свойства, проявляющиеся в ситуации овладения новыми видами профессиональной деятельности.

Цель работы

Цель работы – изучение особенностей проявления жизнестойкости субъектов в процессе освоения ими нового вида профессиональной деятельности в роли студентов основной образовательной программы или слушателей программы профессиональной переподготовки.

Методы исследования

В исследовании приняли участие всего 133 человека – обучающиеся по программам основного и дополнительного профессионального образования. В их число вошли 59 студентов магистратуры, 28 слушателей программы профессиональной переподготовки и 36 студентов бакалавриата; из них 80 представителей мужского пола, 53 – представительницы женского. Возраст испытуемых составил от 20 до 43 лет.

В процессе исследования использовались стандартизированные методики, имеющие подтверждение конструктивной валидности, и многократно использованные в исследованиях российских ученых (Банщикова, Соколовский, 2019). В состав батареи методик вошли: Тест жизнестойкости, адаптация теста С. Мадди, выполненная Леонтьевым Д.А., Рассказовой Е.И. (HS); Опросник «Стиль саморегуляции поведения ССПМ» (BSRSM), разработанный под руководством Моросановой В.И.; Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» МЛЮ-АМ. Маклакова А.Г., Чермянина С.В. (МРО-АМ); Методика диагностики копинг-стратегий Heim E. (E. Heim).

На рисунках использованы следующие обозначения шкал: «жизнестойкость» (hardiness) (Hr), «вовлеченность» (commitment) (Cm), «контроль» (control) (Cl), «принятие риска» (challenge) (Ch) (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова); «общий уровень саморегуляции» (GS), «планирование» (Pl), «моделирование» (Md), «программирование» (Pr), «оценка результатов» (ER), «гибкость» (Fl), «самостоятельность» (In) (В.И. Моросанова); «адаптивность», «нервно-психическая устойчивость» (NR), «коммуникативные особенности» (CF), «моральная

нормативность» (MS), «личностный адаптивный потенциал» (AP) (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин); «когнитивный» (Cg), «эмоциональный» (Em), «поведенческий» (Bx) копинг-механизмы (Е. Heim). Обработка и анализ данных эмпирического исследования осуществлены при помощи методов математической статистики с использованием пакета программ IBM SPSS Statistics 22 и MsExcel 2016, был использован коэффициент корреляции Пирсона, который позволяет определить наличие линейной связи между двумя количественными показателями, а также оценить ее тесноту и статистическую значимость.

Результаты

Проведенный корреляционный анализ показал наличие сходных проявлений в профиле жизнестойкости (рис. 1–3). Все участники исследования испытывают потребность получать удовольствие от того, что они предполагают делать в дальнейшем, что характеризуется понятием «вовлеченность» (Cm), и готовы сопротивляться трудностям, «контролировать» события, поскольку такая позиция может положительно повлиять на результат (Cl).

Все респонденты, находясь в процессе освоения нового вида деятельности, проявляют регуляторную гибкость (Fl), вовлечены в моделирование перспективного будущего (Md) в стремлении осознать учебную информацию и встроить ее в представления о будущей работе.

У всех респондентов, независимо от возраста и способа освоения новой для себя профессиональной деятельности, проявляется актуализация способности к адаптации в полном объеме. Для их жизненной ситуации значимы как нервно-психическая устойчивость (NR), во многом связанная с врожденными особенностями психики, так и коммуникативные способности (CF), выражающиеся в установлении контактов с окружающими, и ориентация на общепринятые нормы поведения (MS). У всех респондентов жизнестойкость как система убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром тесно положительно связана с личностным адаптационным потенциалом. Сильный тип психики, стрессоустойчивость, коммуникабельность и способность ограничить себя в соответствии с моральными требованиями, безусловно, повышают общий уровень жизнестойкости субъекта. С другой стороны, ориентация не просто на сопротивление стрессам, а на противодействие им без снижения продуктивности деятельности облегчает коммуникацию, принятие нормативных ограничений, способствует нервно-психическому равновесию.

Для всех участников исследования значимыми оказались эмоциональные копинг-механизмы (Em), которые, однако, у будущих бакалавров вносят возмущение ($r=-0.541$) в процессы осознанной саморегуляции.

Наряду с общими проявлениями обнаружены и специфические особенности жизнестойкости в разных группах респондентов.

Студенты магистратуры (Figure 01) демонстрируют сложившиеся подходы к преодолению стрессовых ситуаций и сохранению оптимального уровня работоспособности, о чем свидетельствует высокая плотность корреляционных связей шкал «жизнестойкость» (Hr), «вовлеченность» (Cm), «контроль» (Cl), «программирование» (Pr), «нервно-психическая устойчивость» (NR) с иными шкалами профиля.

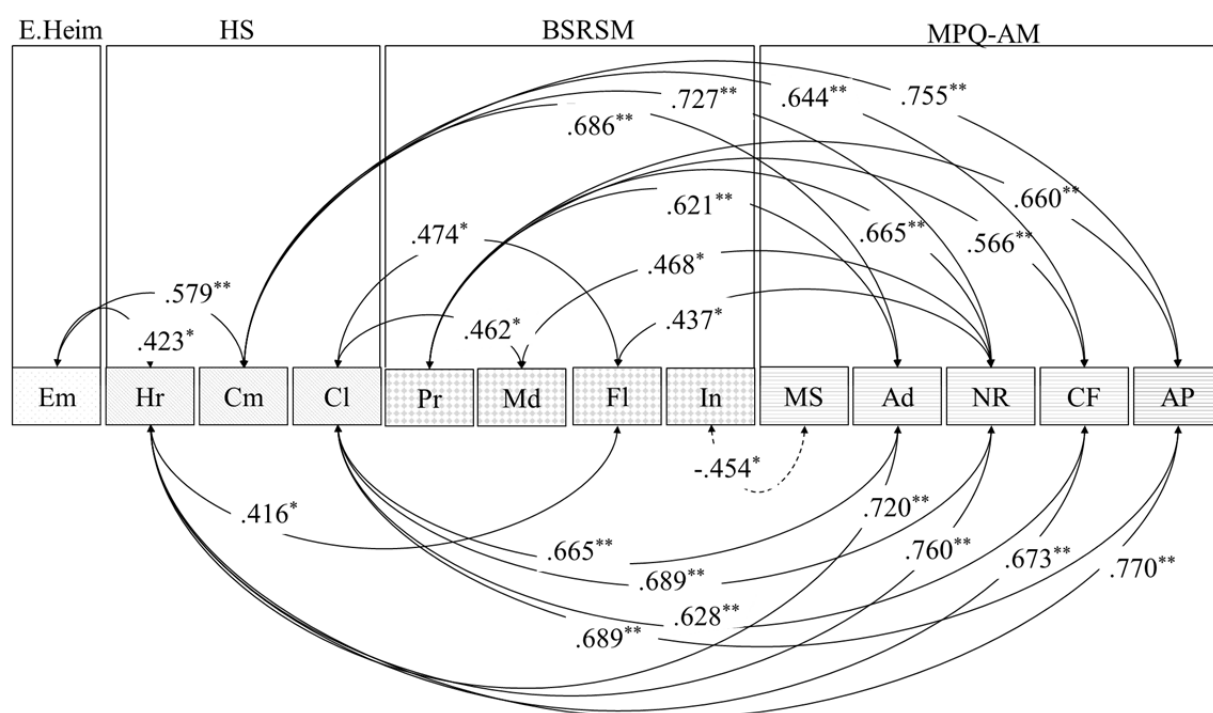

Рис. 1. Корреляционный анализ данных студентов магистратуры (**. корреляция значима на уровне 0.01; *. на уровне 0.05)

Определившись с перспективами профессионального развития и карьерными планами, магистранты, в массе, настроены на вполне определенные перспективы, о чем свидетельствует отсутствие значимых корреляционных связей со шкалой «принятие риска» (Ch). Они проявляют необходимую активность в борьбе за результат, моделируя возможные ситуации ($r=0.462$), гибко изменяя свое поведение ($r=0.474$).

В системе регуляторики у представителей данной выборки акцентирован процесс программирования, имеющий положительные связи со всеми компонентами адаптивности, что свидетельствует о поиске средств достижения сформулированной цели. К моменту получения высшего образования второй ступени, которое зачастую бывает связано не просто с изменением профессиональных задач, но и с освоением новой профессии, молодые люди обладают устойчивостью к изменению ситуации на рынке труда, быстро вырабатывают стратегию своего поведения. Об этом свидетельствуют связи шкалы «вовлеченность» (Cm) и «контроль» (Cl) с показателями адаптивности. Контроль (Cl), в свою очередь, распространяется не только на стремление управлять внешними событиями, но и на внутреннее пространство личности: шкала положительно связана с показателями «моделирование» ($r=0.462$) и «гибкость» ($r=0.474$).

Связь «вовлеченности» и эмоциональных копинг-механизмов ($r=0.579$) указывает, что студентам магистратуры присуще стремление глубоко погружаться в процесс, позволяя себе оценивать происходящее, исходя из собственных критериев. Косвенно данное замечание подтверждает отрицательная корреляция «самостоятельности» и «моральной нормативности» ($r=-0.454$).

Анализ результатов, продемонстрированных слушателями дополнительной программы, указывает на их близость к характеристикам выборки магистрантов (рис. 2). Представители группы используют сложившиеся способы преодоления стрессовых ситуаций, демонстрируя плотность связей между всеми показателями жизнестойкости (Hr, Cm, Cl, Ch) и иными шкалами профиля. Но в отличие от магистрантов, слушатели программы переподготовки имеют в профиле значимый показатель «принятия риска» как подтверждение не только регуляторной гибкости ($r=0.579$), но и адаптированности к изменениям. Отметим, что переподготовка чаще, чем обучение в магистратуре выбирается не с целью достичь чего-либо в профессии, а с целью решить проблему трудоустройства в неблагоприятной ситуации, например, в связи с сокращением или падением доходов на прежней работе. Обучающие рассматривают свою жизнь как способ приобретения опыта, даже в отсутствие надежных гарантий успеха, чему способствует быстрая разработка стратегии поведения, внесение коррекции в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий.

Жизнестойкость в группе слушателей поддерживается адаптивными способностями (MS, Ad, NR, CF, AR), процессом моделирования ($r=0.462$) и регуляторной гибкостью ($r=0.416$). Они также, как и студенты магистратуры, склонны задействовать эмоциональные копинг-механизмы, оценивать ситуации на основе собственных критериев. Развитость регуляторной автономности у них тоже отрицательно коррелирует с «моральной нормативностью» ($r=-0.454$).

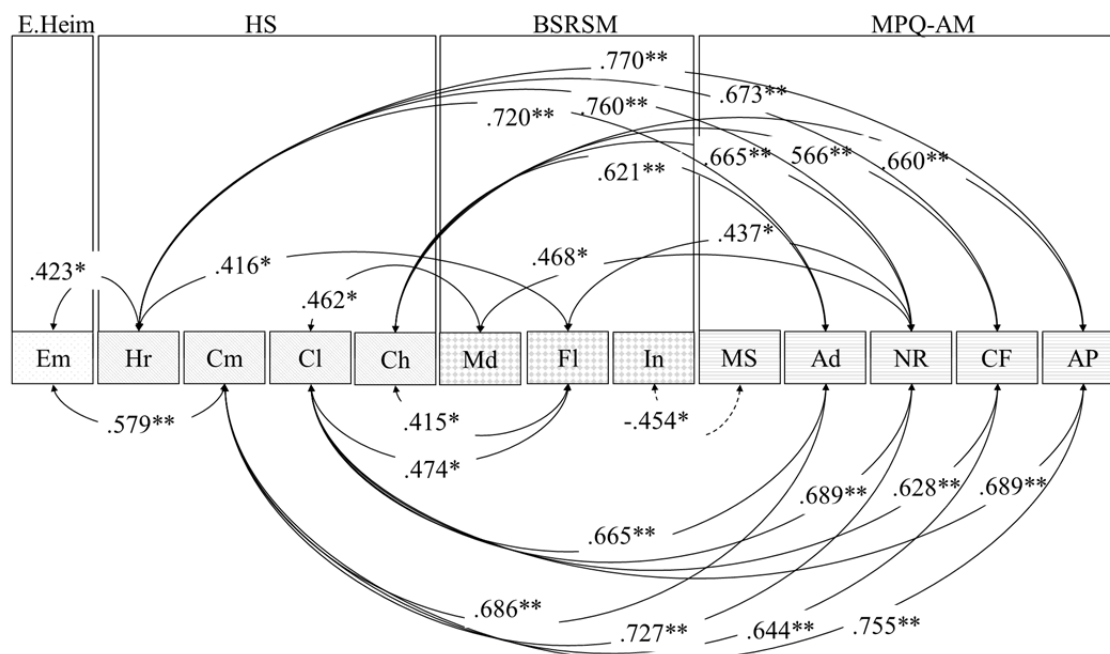

Рис. 2. Корреляционный анализ данных слушателей программы профессиональной переподготовки (**. корреляция значима на уровне 0.01; *. на уровне 0.05)

Для обучающихся на программе переподготовки шкала «программирование» (Pr) в профиле не имеет значимого показателя, в отличие от профиля магистрантов. Но в целом, шкалы и показатели имеют много общих точек соприкосновения.

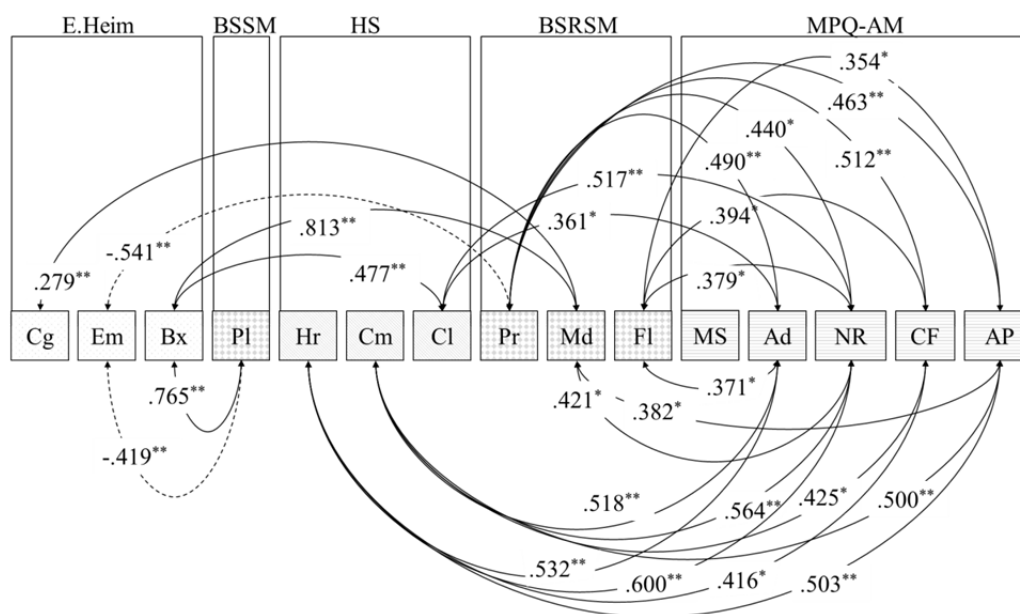
В отличие от первых двух, профиль студентов бакалавриата менее структурирован (рис. 3) и корреляционные связи в большинстве несколько слабее, при том, что их не меньше, чем у магистрантов или слушателей дополнительной программы.

Анализ данных свидетельствует об отсутствии среди значимых показателей жизнестойкости показателя «принятие риска» (Cl), что не позволяет респондентам рассматривать жизненный опыт с позиции развития. Шкалы жизнестойкости (Hr, Cm, Cl) положительно коррелируют со шкалами адаптивности (MS, Ad, NR, CF, AP), поведенческими копинг-механизмами (Bx). Респонденты испытывают потребность иметь контроль над своей жизнью, в связи с чем приходится менять поведенческие установки ($r=0.477$).

Решить эту задачу также позволяет активизация сферы осознанной саморегуляции, среди шкал которой наибольшее, по сравнению с двумя другими выборками, количество значимых шкал (Pl, Pr, Md, Fl). В отличие от магистрантов и слушателей дополнительных программ, студенты бакалавриата в подавляющем большинстве не имеют опыта трудовой деятельности, поэтому формирование и удержание целей для них представляет собой самостоятельную задачу, активизируя процесс «планирования» и склонность к поведенческим стратегиям совладающего поведения ($r=0.765$). О том, что система продуктивного преодоления стрессовых ситуаций только складывается в процессе первоначального овладения профессией, свидетельствует и наличие отрицательной корреляционной связи между эмоциональными копингами, с одной стороны, и процессами планирования ($r=-0.419$) и программирования ($r=-0.541$), с другой.

Развитая способность к оценке значимых внешних и внутренних условий («моделирование», Md) активизирует обращение к когнитивным механизмам совладания со стрессами ($r=0.279$). Таким образом, в ситуации первоначального овладения профессией, весь спектр копинг-механизмов оказывается вовлечен в систему жизнестойкости и совладания.

Несмотря на активность регуляторных процессов, можно утверждать, что автономность в целеполагании и целедостижении не сформирована, поскольку среди значимых показателей «самостоятельность» (In) не проявилась.

нестойкость. При этом выбор программ на уровне магистратуры мы склонны рассматривать как более осознанный в силу приобретенного опыта и сделанных профессиональных проб.

Период обучения требует осознанной саморегуляции поведения и деятельности, прежде всего в аспекте продумывания шагов по достижению поставленной цели, оценке значимых внешних и внутренних условий и способности вносить изменения в программу действий. Это соответствует развитости регуляторных процессов программирования и моделирования и регуляторного свойства гибкости.

Одним из важнейших ресурсов жизнестойкости в период освоения нового вида профессиональной деятельности выступает способность субъекта активно приспосабливаться к жизненным изменениям, однако, при отсутствии сформулированной цели профессионального развития возрастает нагрузка на адаптационный потенциал личности. Для студентов бакалавриата как впервые осваивающих профессию остается актуальной задача по удержанию и коррекции целей, развитию регуляторного процесса планирования.

Слушатели, осваивающие новую профессиональную деятельность в формате переподготовки, отличаются готовностью рассматривать любой опыт в качестве полезного источника знаний, что гармонизирует их профиль жизнестойкости. Как и магистранты, они обладают выработанными способами совладания, склонны вовлекаться в освоение новой деятельности, демонстрировать эмоциональные копинг-механизмы. Отличительной чертой обучающихся, осваивающих новую профессиональную деятельность, является способность оценивать результаты своей деятельности по собственным критериям, что делает их более самостоятельными, но и возможно, менее лояльными работниками.

Полученные результаты могут быть востребованы в практике деятельности служб занятости, кадровых служб предприятий, в образовательном процессе по подготовке специалистов.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19-013-00308

Список литературы

1. Банщикова, Т.Н., Соколовский, М.Л. (2019). Роль регуляторно-личностных диспозиций в ситуации смены видов профессиональной деятельности. *Международный журнал экспериментального образования*. 5, 26-30.
2. Леонтьев, Д.А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*. 62, 18-37
3. Маклаков, А.Г., Чермянин, С.В. (2009). Психологическое прогнозирование в экстремальных условиях деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология*. 4, 142-148.
4. Моросанова, В.И., Коноз, Е.М. (2000). Стилевая саморегуляция поведения человека. *Вопросы психологии*. 2, 118 – 127.
5. Banshchikova, T., Fomina, E., Solomonov, D., Solomonov, V. (2018). Using neural networks in building a psychological typology. *Proceedings of REMS 2018 Russian Federation & Europe Multidisciplinary Symposium on Computer Science and ICT*. Stavropol – Dombay, Russia. published at <http://ceur-ws.org/Vol-2254/>
6. Bonanno, G.A., Burton, C.L. (2013). Regulatory Flexibility: An Individual Differences Perspective on Coping and Emotion Regulation. *Perspectives on Psychological Science*. 8 (6), 591-612.
7. Maddi, S., Matthews, M., Kelly, D. Villarreal, B., Gundersen, K., Savino, S. (2017). The Continuing Role of Hardiness and Grit on Performance and Retention in West Point Cadets. *Military Psychology*. 29, 10.1037/mil0000145.
8. Van Berkel H. (2009). *The relationship between personality, coping styles and stress, anxiety and depression*. L.: University of Canterbury.

МЕТОДИКА ЭСКИЗНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАБЕЛЬНОГО РОБОТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ CAD/CAM/CAE СИСТЕМЫ NX

Гапоненко Е.В. (а), Анциферов С.И. (b), Кузмина В.С. (с)

(а) БСТУ им. В.Г.Шухова, Белгород, Россия, gaпонenkobel@gmail.com, gaпонenko.ev@bstu.ru

(b) БСТУ им. В.Г.Шухова, Белгород, Россия, anciferov.sergey@gmail.com, anciferov.si@bstu.ru

(с) БСТУ им. В.Г.Шухова, Белгород, Россия, viktorija.kuzmina@yandex.ru

Аннотация

В статье предложена методика эскизного проектирования кабельного робота для перемещения грузов в особых условиях, выполненного в виде механизма параллельной структуры, с использованием CAD/CAM/CAE системы NX под управлением PLM системы Teamcenter. Механизм представляет собой жестко закрепленную раму, связанную посредством натянутых канатов с платформой, содержащей устройство осевого перемещения. Приведена принципиальная схема устройства. Для создания электронно-цифровой модели робота разработана контрольная структура, которая позволила выполнить проектирование методом «Сверху-Вниз» в контексте сборки. Наличие контрольной структуры позволяет сократить время создания модели. Определены пространственные параметры устройства. Разработана концепция изделия.

Keywords: кабельные роботы, CAD/CAM/CAE-система NX, сборка, проектирование, контрольная структура

Введение

В настоящее время при разработке совершенно нового изделия необходимо обеспечить его высокий уровень качества, низкие экономические затраты на изготовление, высокие прочностные характеристики, соответствие требованиям потребителя и т. д. Для решения инженерных задач и достижения необходимого качества продукции широко применяется CAD/CAM/CAE-система NX под управление PLM-системы Teamcenter, позволяющей добиться поставленной цели и максимальной эффективности [1, 2].

Использование CAD/CAM/CAE-системы NX позволяет значительно снизить себестоимость изделия, поднять уровень качества и сократить время его выхода на рынок. В свою очередь, PLM-система Teamcenter обеспечивает взаимодействие всех участников рабочего процесса в едином информационном пространстве, предоставляющем каждому пользователю доступ к разработке изделия в режиме реального времени. Интеграция CAD/CAM/CAE-системы NX и PLM-системы Teamcenter позволяет охватить все этапы жизненного цикла изделия, начиная с маркетингового исследования рынка, заканчивая утилизацией изделия [3, 4].

Разработка кабельного робота

На основе технического задания и эскизной документации для выполнения проектно-конструкторских работ, а также для проведения кинематического и статического расчета разработан электронный состав кабельного робота параллельной структуры в приложении PLM-системы Teamcenter «Менеджер структуры».

Кабельные роботы – особый тип кинематической структуры, состоящей в основном из рабочего органа, соединенного с неподвижной базовой платформой с помощью кабелей [5–8]. В отличие от известных параллельных роботов [9–10] кабельные роботы используют кабели вместо выдвижных штанг для управления положением выходного звена. В этих механизмах управление положением выходного звена осуществляется посредством изменения длины кабелей. Кабели обычно наматываются на катушки, прикрепленные к основанию, и приводятся в действие вращающимся двигателем.

Кинематическая структура робота изображена на рис.1. Кабельный робот предназначен для перемещения грузов в особых условиях и содержит четыре, электродвигателя 1, 2, 3, 4, каждый из которых включает устройство для укладки тросов и редуктор. Электродвигатели приводятся во вращение устройством управления 5. Редукторы электродвигателей 1, 2, 3, 4 соединяются с тросами 6, 7, 8, 9 для перемещения груза в горизонтальной плоскости, соответственно, через ролики 10, 11, 12, 13. Ролики 10, 11, 12, 13, расположены на раме 14. Захватное устройство, представляет собой связанную с тросами 6, 7, 8, 9, подвижную платформу 15. На подвижной платформе 15 размещено выходное звено 18, на одном конце которого расположен привод 17 с возможностью осевого перемещения. Привод 17 представляет собой электродвигатель постоянного тока, кинематически связанный с зубчатой рейкой. Зубчатая рейка выполнена на конце выходного звена. На противоположном конце выходного звена жестко закреплен привод, выходной вал которого оснащен регулируемым захватом 16.

Кабельный робот работает следующим образом. При вращении электродвигателей 1, 2, 3, 4, с устройствами для укладки тросов и редукторами, угловое положение валов которых задается устройством управления 5, происходит изменение длины тросов 6, 7, 8, 9, поддерживаемых роликами 10, 11, 12, 13, расположенными на раме 14, в результате чего захватное устройство перемещается в нужную точку пространства. При этом предполагается, что тросы 6, 7, 8, 9 способны перемещать захватное устройство за счет выходного звена 18, с возможностью осевого перемещения при помощи привода 17 осевого перемещения, связанного с зубчатой рейкой, установленного на платформе 15, в горизонтальной плоскости, а привод, состоящий из электродвигателя и кинематического переходного узла, обеспечивает преобразование вращательного движения в возвратно-поступательное и таким образом регулирует размер захвата 16.

Приложение Teamcenter «Менеджер структуры» предоставляет возможность по работе с составом изделия на протяжении всего жизненного цикла. Также оно позволяет правильно загружать ревизии и управлять вариантными условиями. В менеджере структуры осуществляют работу только с ревизиями элементов. При создании структуры устройства перемещения груза используется смешанный подход разработки структуры, то есть изначально инженером-конструктором формируется структура элементов изделия верхнего уровня в менеджере структуры, а затем состав изделия может дополняться из CAD/CAM/CAE-системы NX [1] (рис. 2).

После сохранения созданного состава нового изделия для наполнения наборов данных геометрией необходимо выбрать верхний уровень сборки и на панели инструментов Teamcenter необходимо нажать кнопку значка NX – «Запустить/открыть в NX».

Затем NX предлагает выбрать файл шаблона, в котором будет создаваться геометрия: выбираем «Сборочная единица». После этого в навигаторе сборки отражается только верхний уровень сборки. Для добавления в нее наборов данных необходимо щелкнуть верхний уровень сборки правой кнопкой мыши и выбрать «Управление компонентами в режиме ожидания (Teamcenter)».

В ходе проектирования использовался метод «Сверху-вниз». Для облегчения работы после формирования состава изделия, создается контрольная структура сборки в приложении CAD/CAM/CAE-системы NX «Моделирование». Контрольная структура изделия – это специальный подход к проектированию нового изделия, позволяющий осуществлять коллективную работу и снижающий время разработки и внесения изменений в изделие. Контрольная структура представляет собой набор геометрических объектов – осей, координатных плоскостей, расположенных определенным образом относительно друг друга.

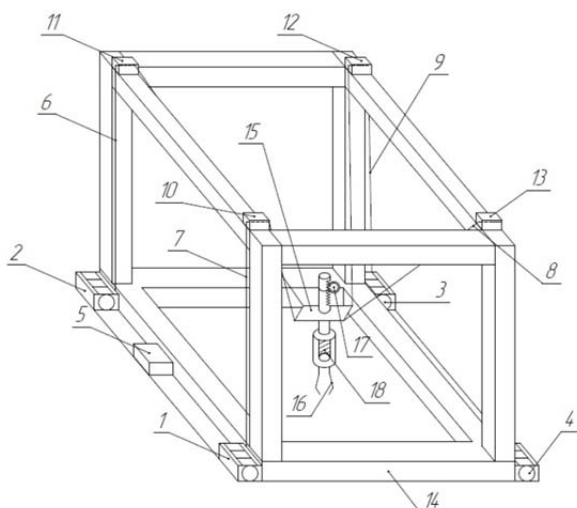

Рис. 1. Кинематическая схема кабельного робота для перемещения грузов

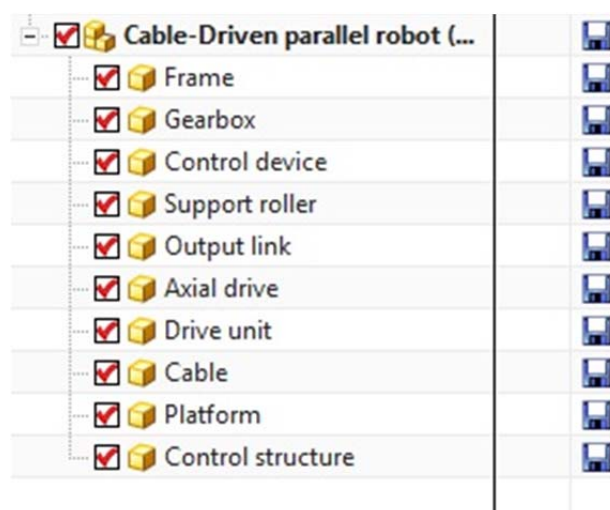

Рис. 2. Структура устройства перемещения груза

В приложении CAD/CAM/CAE-системы NX «Моделировании» с помощью команды «Выражения», расположенной на панели инструментов «Инструменты», создаются необходимые переменные для построения и управления контрольной структурой (рис. 3). Введенные пользователем переменные в дальнейшем будут связаны с размерами контрольной структуры и будут использоваться для упрощения процесса редактирования сборки. Это связано с тем, что за расположение компонентов в сборке будет отвечать не их геометрия, а геометрия и переменный контрольной структуры.

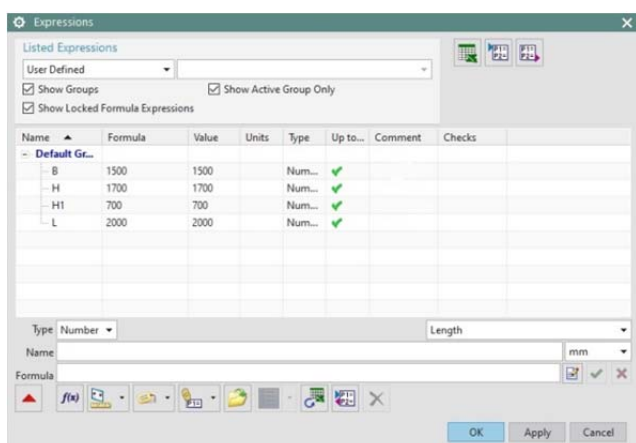

Рис. 3. Диалоговое окно «Выражения»

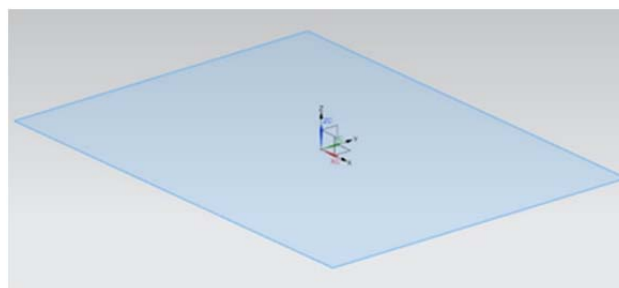

Рис. 4. Плоскость основания опорных башен

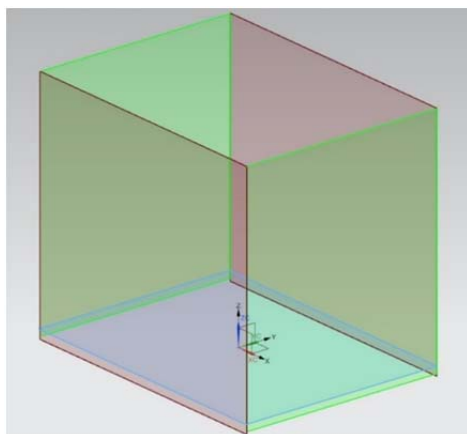

Рис. 5. Построение плоскостей параллельных плоскости ZC-XC

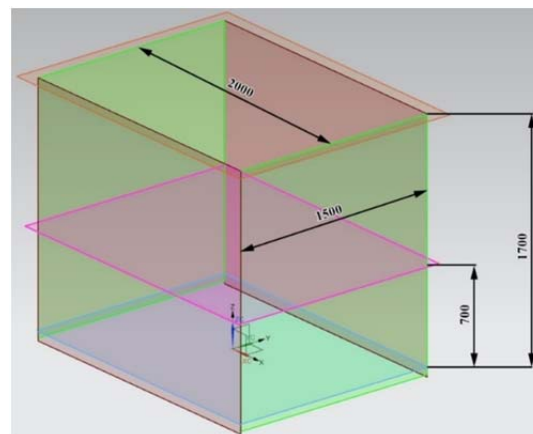

Рис. 6. Контрольная структура сборки

С помощью команды «Координатная плоскость» создается плоскость основания опорных башен параллельная плоскости XC-YC (рис. 4).

Затем создаются плоскости параллельные плоскостям ZC-XC и ZC-YC ограничивающие длину и ширину разрабатываемого изделия (рис. 5). Теперь создается плоскость платформы устройства перемещения груза. В конечном итоге, контрольная структура включает в себя 3 горизонтальные плоскости и 4 вертикальные. Плоскость платформы расположена на расстоянии 700 мм от плоскости основания опорных башен, а плоскость, ограничивающая габаритный размер по высоте на расстоянии 1700 мм. Плоскости параллельные плоскости ZC-YC расположены на расстоянии 2000 мм друг от друга, а плоскости параллельные плоскости ZC-XC расположены на расстоянии 1500 мм друг от друга. На рис. 6 показана построенная контрольная структура.

Когда контрольная структура сборки готова, создается геометрия модели, в частности рамы. Рама состоит из нескольких элементов: вертикальной стойки, нижнего профиля 1 и 2, верхнего профиля 1 и 2, ОВ-4545L-ВР-1655. Проектирование рамы начинается с нижнего профиля 1.

С помощью команды «Эскиз» производится построение сечения профиля, расположенного на плоскости, параллельной плоскости ZC-YC, далее эскиз полностью ограничивается (рис. 7).

Когда эскиз профиля достроен, с помощью команды «Вытягивание» строится твердое тело (рис. 8). Затем выполняется вырез в цилиндрических участках профиля с помощью команд «Эскиз» и вытягивание (рис. 9).

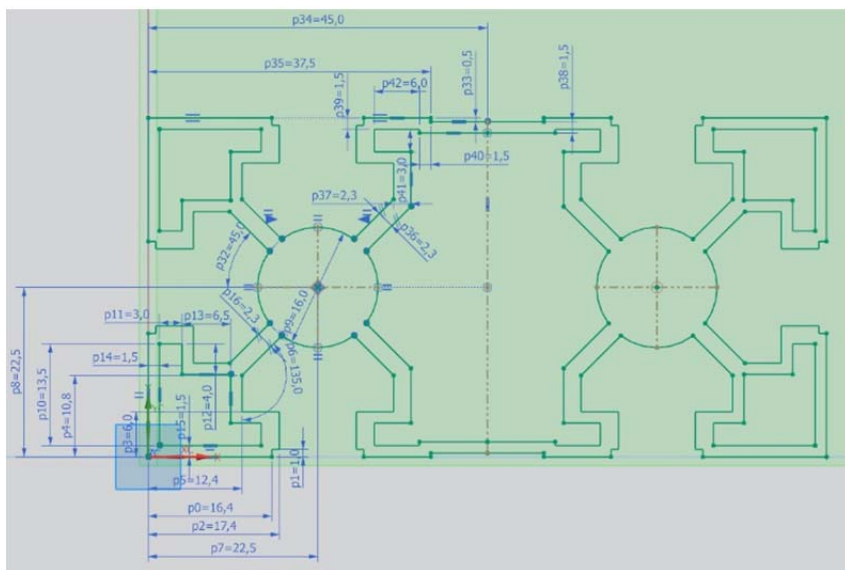

Рис. 7. Эскиз профиля вертикальной стойки

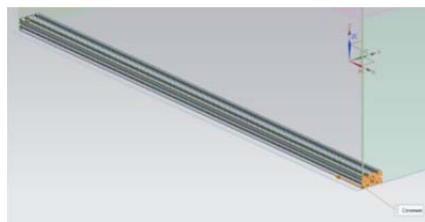

Рис. 8. Построение геометрии вертикальной стойки

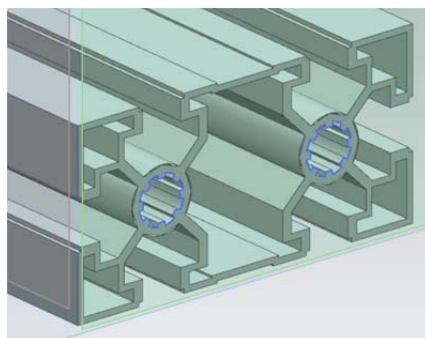

Рис. 9. Вырез

Теперь с помощью команды «Уклон» подрезка правого торца под углом 45 градусов (рис. 10).

Таким же образом строится подрезка левого торца. Последним элементом является скругление ребер вертикальной стойки с помощью команды «Скругление ребра» (рис. 11).

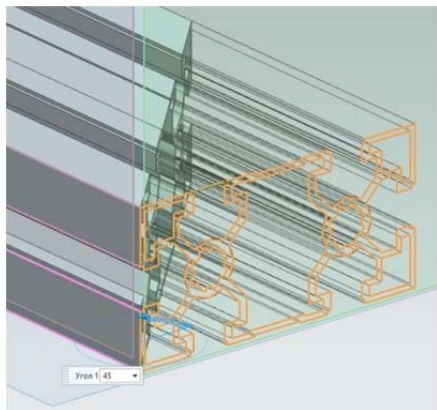

Рис. 10. Подрезка правого торца

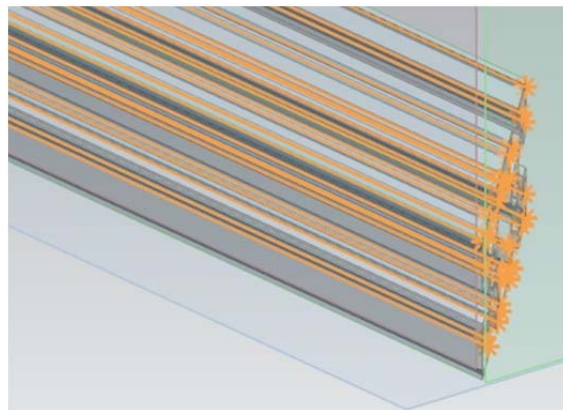

Рис. 11. Скругление ребер

После построения нижнего профиля, дорабатываются оставшиеся элементы рамы. А затем с помощью команд, расположенных на панели инструментов «Сборки» собирается модель сборки рамы (рис. 12). При проектировании изделий с использованием контрольной структуры, основные компоненты сборки сопрягаются не друг с другом, а с элементами контрольной структуры. В данном случае, с помощью команды «Сопряжения» нижний профиль сопрягается с плоскостями, параллельными плоскостям ZC-XC и ZC-YC (рис. 13). Затем в верхний уровень сборки добавляются оставшиеся компоненты сборки верхнего уровня.

Затем создается геометрическая модель платформы, на которой будут расположены привод осевого перемещения и выходное звено с захватом (рис. 14).

После того как все компоненты построены, в сборку рамы добавляются крепежные изделия. Для этого используется приложение PLM-системы Teamcenter «Классификатор» либо добавление крепежа осуществляется из библиотеки повторного использования CAD/CAM/CAE-системы NX.

Затем в сборке кабельного робота осуществляется построение тросов в упрощенном представлении, поддерживающих платформу, для предоставления информации о их положении в сборке. На рис. 15 показана модель сборки кабельного робота с подвижным захватом для перемещения грузов в особых условиях.

Рис. 12. Построение сборки рамы

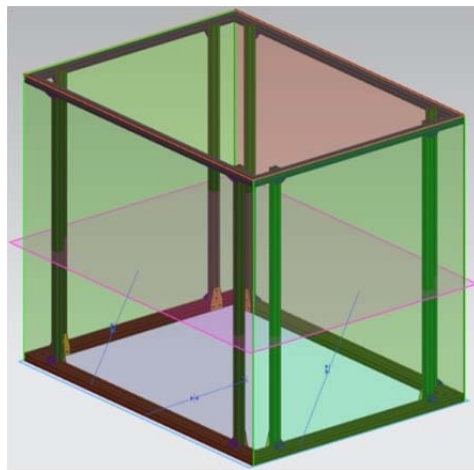

Рис. 13. Сопряжение рамы с контрольной структурой

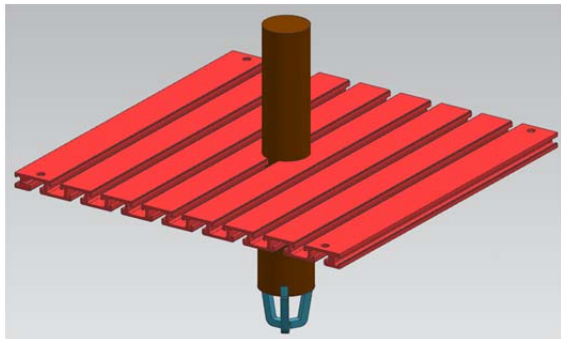

Рис. 14. Построение платформы

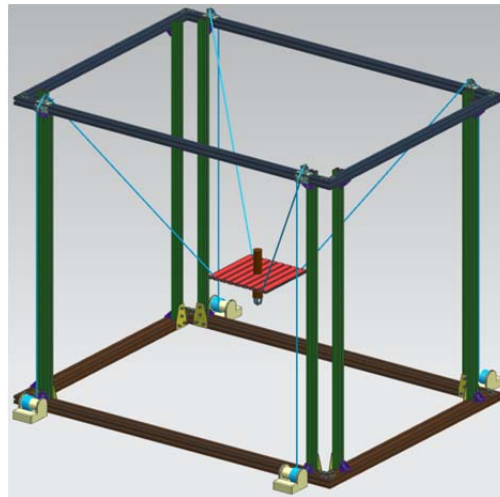

Рис. 15. Кабельный робот для перемещения грузов

Выводы

Таким образом, с помощью CAD/CAM/CAE-системы NX под управлением PLM-системы Teamcenter можно осуществлять проектирование новых изделий в кратчайшие сроки, выполнять эскизное проектирование. А применение контрольной структуры позволяет добиться тонкого управления сборкой, в результате чего изменение размеров контрольной структуры обеспечивает изменять размеры сборки верхнего уровня, тем самым увеличивать или уменьшать размеры рабочей зоны.

На основе эскизного проекта в дальнейшем планируется детальная проработка узлов и деталей кабельного робота и его проектирование. Использование CAD/CAM/CAE-системы NX под управлением PLM-системы Teamcenter позволяет существенно сократить сроки выполнения эскизного проекта и внесения изменений в конструкцию.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-31-20060, using equipment of High Technology Center at BSTU named after V.G. Shukhov.

Список литературы

1. P.S. Goncharov, M.Yu. Eltsov, S.B. Korshikov, I.V. Laptev, V.A. Osiyuk, "NX for the designer-mechanical engineer", Study Guide – Edition, MQM Press, 2010, p. 503.
2. V.E. Ovsyannikov, G.N. Shpitko, V.I. Vasiliev, "Technical and engineering-psychological principles of machine design", Kurgan: Publishing house of Kurgan State. un-ta, 2014, p. 115.
3. D.N. Torop, V.V. Terlikov, "Teamcenter. Beginning of work", Ed. DMK Press, 2011, p. 280.
4. M. Yu. Eltsov, A.A. Kozlov, A.V. Sedoykin, L.Yu. Shirokov, "Designing in NX under Teamcenter control: studies. Manual", Belgorod: BSTU publishing house, 2011, p. 781.
5. J.P. Merlet, D.A. Daney, «A portable, modular parallel wire crane for rescue operations», IEEE International Conference Robotics and Automation (ICRA), 2010, pp 2834-2839.
6. C. Gosselin, «Cable-Driven Parallel Robots» Berlin, Heidelberg: Springer, 2013, pp 3-22.
7. Q.J. Duan, D. Xuechao, «Workspace Classification and Quantification Calculations of Cable-Driven Parallel Robots», 2014, pp. 1-9.
8. Е.В. Гапоненко, Л.А. Рыбак, Л.Р. Холошевская, «Структурный анализ и классификация роботизированных систем с приводными механизмами на основе кабельных элементов», Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова, 2019, vol. 99, pp. 126–136.
9. A.K. Aleshin, V.A. Glazunov, G.V. Rashoyan, O. Shai, «Analysis of kinematic screws that determine the topology of singular zones of parallel-structure robots», Journal of Machinery Manufacture and Reliability, 2016, vol. 45, No. 4, pp. 291-296.
10. L.A. Rybak, S.Yu. Khalapyan, L.R. Kholoshevskaya, D.I. Malyshev, «Planning the optimal trajectory of the robot-machine parallel structure», AIP Conference Proceedings, 2018, vol. 2029: 020066

ВЛИЯНИЕ ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ПО КАНАЛАМ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО МАКРОРЕГИОНА

**Гичиев Набиюла Сапиюлаевич (а), Кутаев Шихрагим Кутаевич (b),
Гимбатов Шамиль Магомедович (с)**

- (а) Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия, nabi-05@mail.ru, +7(903) 482-07-67
- (b) Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия, kutaev.sh@mail.ru, +7(928) 675-93-95
- (с) Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия, gimba@list.ru, +7(963) 418-59-17

Аннотация

Существуют различные академические оценки основных сил роста валового внутреннего продукта России, многие из которых показывают, что общий рост факторов производства имеет первостепенное значение для роста валового внутреннего продукта. Однако наряду с этим многие исследования анализируют взаимосвязь между внешней торговлей и экономическим ростом, т. е. вызвано ли расширение торговли в стране быстрым экономическим ростом и приводит ли более высокий уровень открытости к более высокому его экономическому росту. При этом региональная проекция экономического роста, детерминированная экзогенными факторами, остается недостаточно исследованным направлением научного поиска. Наиболее остро отмеченная проблематика актуализируется в приграничных субъектах Северо-Кавказского макрорегиона Российской Федерации. Поэтому необходима оценка негативного воздействия глобальных шоков, в том числе и по каналам внешней торговли, на экономический рост макрорегиона. Мы реконструируем динамику роста экономики Северо-Кавказского макрорегиона России за 1995–2017 годы и сравниваем результаты с двумя временными рядами внешней торговли, индекса условий торговли, используя модель роста Р. Солоу. Показано, что условия торговли зависят от экзогенных шоков и являются важным фактором развития валового накопления основного капитала и, следовательно, роста валового внутреннего продукта. Статья включает несколько блоков: теоретико-методологический, статистический и экономико-математический. В ходе исследования определяется взаимосвязь экономического роста Северо-Кавказского федерального округа с экзогенными факторами, в т. ч. индексом условий внешней торговли, представлена многофакторная модель роста Северо-Кавказского макрорегиона и краткосрочные прогнозы роста с учетом влияния экзогенных факторов. Результаты исследования подтверждают гипотезу о детерминированности экономического роста экзогенными факторами: индексом условий внешней торговли, уровнем открытости экономики региона, которые следует учитывать при разработке стратегии развития Северо-Кавказского макрорегиона.

Ключевые слова: экономический рост, внешняя торговля, эконометрическая модель.

Введение

Структура движущих сил экономического роста в России отличается от детерминант развития в других странах с переходной экономикой в Центральной и Восточной Европе или Китае. Сырьевая модель роста российской экономики по-прежнему зависит от конъюнктуры мирового рынка и улучшение условий торговли, то есть отношение экспортных цен к импортным ценам, обуславливает рост внутренних инвестиций и потребительских расходов, а также способствует увеличению государственных финансов.

Следует отметить, что отношение инвестиций к валовому внутреннему продукту (ВВП) в России остается относительно низким, экономические институты сравнительно слабо развиты. Поэтому Организация экономического сотрудничества и развития подчеркнула важность улучшения делового климата в России для ускорения экономического роста (EBRD, 2013). Очевидно, что в условиях дальнейшего развития процессов глобализации, необходимо нивелировать влияние ряда негативных факторов, которые сегодня недостаточно учитываются при анализе воздействующих на экономический рост условий, таких как медленный или отрицательный прогресс в реформах, международные санкции, введенные в 2014 году после кризиса в Украине и неопределенность в отношении будущих изменений экспортных цен.

Важно так же понимание того, что сырьевая модель экономического роста продолжит поддерживать российскую экономику так, как это было в период между 1998 и 2008 годами: реальные цены на нефть и другие сырьевые позиции экспорта могут в ближайшее время не восстановиться до уровня 2013 года. Тем не менее, сырьевая модель роста экономики России не исчерпала своего потенциала и, следовательно, значимость тематических исследований взаимосвязи индекса условий внешней торговли, индекса открытости экономики с динамикой роста по-прежнему остаются актуальными.

Эта статья призвана помочь лучше понять последние события в сфере торговли и экономического роста на уровне приграничного Северо-Кавказского макрорегиона (СКМ) России. В нашем случае Северо-Кавказский макрорегион (СКМ) и Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) тождественные понятия. Для достижения обозначенной цели данная статья имеет следующую структуру. Первый раздел статьи мы начнем с обзора профильной литературы по теории и методологии экономического роста. В следующей части мы проведем сравнительный статистический анализ временных рядов показателей валового внутреннего продукта СКМ и его внешней торговли, рассчитаем индексы открытости и индексы условий внешней торговли. Затем мы обсудим, как условия внешней торговли и другие показатели зависят от внешних шоков, оценим ВВП СКМ, измеряемое по паритету покупательной способности. Наконец, мы построим уравнение многофакторной регрессии и сформулируем среднесрочный прогноз экономического роста экономики СКМ с учетом влияния экзогенных факторов.

Постановка проблемы

В данной статье актуализируется несколько гипотез исследования: внешнеторговая открытость экономики региона зависит от глобальных шоков; внешняя торговля связана с экономическим ростом региона; улучшение условий внешней торговли положительно коррелирует с экономическим ростом макрорегиона.

Важность исследования данного аспекта обозначенной проблематики вытекает из необходимости оценки значимости воздействия глобальных шоков на динамику экономического роста приграничного Северо-Кавказского макрорегиона. Без учета экзогенных условий краткосрочный прогноз траектории экономического роста становится слабо верифицируемым.

Исследуемый вопрос

Международная экономическая интеграция представляет собой многоаспектный процесс, связанный с феноменом глобализации, связанного с такими факторами экономическими (торговля, потоки капитала, финансовое развитие); технологическими (экспорт технологий, научные исследования и разработки, информационное общество); социальными (миграция населения, системы образования и здравоохранения, нищета, дискриминация); культурными (свобода, принятие, терпимость); политическими (международное и многостороннее глобальное сотрудничество, глобальная стабильность и безопасность) (Bari, 2005; Catana, 2011; Huidumac et al., 2011; Murariu, 2011).

Предмет исследования в данной статье связан с одной из наиболее консолидированных теоретических идей в области экономики, получившей признание у многих авторов – способностью внешней торговли генерировать экономический рост (Irwin, 1996). Поэтому неудивительно, что заметные достижения в области эконометрики нестационарных временных рядов, наблюдавшиеся в последние десятилетия (Johansen, 1988), Johansen, Juselius, 1990), Toda, Yamamoto, 1995), вызвали большой интерес к вопросу о том, может ли существовать существенная связь между внешней торговлей и экономическим ростом для различных стран и периодов.

Большинство исследований, рассматривающих внешнюю торговлю и экономический рост, а также влияние экзогенных шоков сосредоточены на относительно коротких периодах выборки. Поэтому они дают неполное представление о том, как многомерная причинно-следственная связь менялась с течением времени в соответствии с различными историческими или политическими этапами. Определенный тематический интерес представляют последние работы В. Pistoresi и А. Rinaldi (Pistoresi, Rinaldi, 2012), в которых рассматриваются причинно-следственные связи в различных исторических субпериодах. Анализ региональных аспектов влияния экзогенных факторов, в том числе внешней торговли на экономический рост Северо-Кавказского федерального округа России получили отображение в ряде работ российских экономистов (Gichiyev, 2012; Gimbatov, Kutayev, Gichiyev, 2019).

Цель работы

С учетом вышесказанного основная цель настоящего исследования заключается в изучении краткосрочных и долгосрочных последствий роста индекса условий внешней торговли, открытости торговли для экономического роста в условиях влияния экзогенных шоков. В частности, в настоящем исследовании рассматривается вопрос о том, связана ли динамика индекса открытости и индекса условий внешней торговли с периодами глобальных кризисов мировой экономики, введением международных санкций с экономическим ростом Северо-Кавказского макрорегиона.

Остальная часть этого исследования организована следующим образом. В разделе 5 представлена методика исследования, которая включает описание данных и динамическую модель. Раздел 6 приводятся эмпирические данные, обсуждаются основные результаты и описываются результаты проверки надежности модели. В заключительном разделе приводятся некоторые выводы, основанные на ключевых эмпирических результатах исследования.

Методы исследования

В настоящем исследовании использовался набор статистических данных по 7 российским регионам, входящим в состав Северо-Кавказского макрорегиона, за период с 1995 по 2017 год. В качестве основного подхода к анализу данных используется эконометрическая VAR модель. Данные открытости торговли (значение индекса), индекса условий внешней торговли и экономического роста (измеряется в ВВП на душу населения в долларах США паритету покупательной способности как лучший показатель для экономического роста) были собраны из статистических показателей [Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018]. Все значения этих переменных берутся в реальном времени.

Расчет динамики валового регионального продукта под влиянием независимых переменных: внешней торговли, чистого экспорта, личного потребления, инвестиций, правительственных расходов мы использовали следующую формулу валового внутреннего продукта:

$$GNP = C + I + G + NX \quad (1),$$

где GNP обозначает валовой национальный продукт, C – личное потребление, I – инвестиции, G – правительственные расходы, NX – (X – M), X – экспорт, и M – импорт.

Из формулы (1) видно, что, просто увеличивая положительные слагаемые правой части равенства, в том числе и чистого экспорта, можно добиться роста ВВП. Однако, как показывают исследования ситуация с обеспечением экономического роста на основе данного подхода оказывается далеко не однозначной, т. к. в динамичной среде, рост не только усиливается за счет экспорта, но и за счет изменений импорта или всей внешней торговли в целом. Рост экспорта обуславливает повышение производительности экономики по двум причинам: во-первых, лучшего использования сравнительных преимуществ; во-вторых, повышения уровня специализации в экспортном секторе экономики.

В этой связи необходимо отметить, что недостаточно исследованными остаются отдельные аспекты региональной проекции влияния на экономический рост такого важного фактора как на внешняя торговля, цена на нефть и валютный курс, индекса открытости, индекса условий внешней торговли.

Количественная оценка динамики уровня интегрированности Северо-Кавказского макрорегиона в глобальную экономику возможна на основе многих индикаторов. В нашем исследовании мы использовали показатель индекса открытости экономики, расчетная формула которого имеет следующий вид:

$$I_o = \frac{X+M}{GDP} * 100 \quad (2),$$

где X – экспорт макрорегиона (\$ млн.), M – импорт макрорегиона (\$ млн), GDP – валовой региональный продукт (\$ млн).

Индекс принимает значения в промежутке от 0 до 100 процентов и показывает роль конкретного торгового партнера в совокупном объеме внешней торговли страны (региона). Доля внутрирегиональной торговли интеграционного объединения является частным случаем данного индекса. Рост данного показателя при прочих равных условиях считают показателем увеличения степени интегрированности страны или региона.

Другим важным показателем, характеризующим уровень благоприятности условий для расширения внешней интеграции макрорегиона по каналам внешней торговли с целью обеспечения его экономического роста, является показатель – индекс условий внешней торговли. С этой целью нами проведена количественная оценка условий внешней торговли на основе методики, представленной ниже. Методика расчёта индекса условий внешней торговли:

$$I_{ftc} = \left(\frac{I_e}{I_i} \right) * 100 \quad (3)$$

где I_{ftc} – индекс условий торговли, I_e – индекс средних цен экспорта, I_i – индекс средних цен импорта.

Результаты

Исходя из проведенных расчетов уровня открытости экономики Северо-Кавказского макрорегиона можно сделать следующий вывод: уровень экономической интеграции Северо-Кавказского макрорегиона в систему мирохозяйственных связей по каналам внешней торговли снижается в периоды глобальных шоков. Последний период снижения начинается с 2014 года и продолжается по настоящее время (рис. 1).

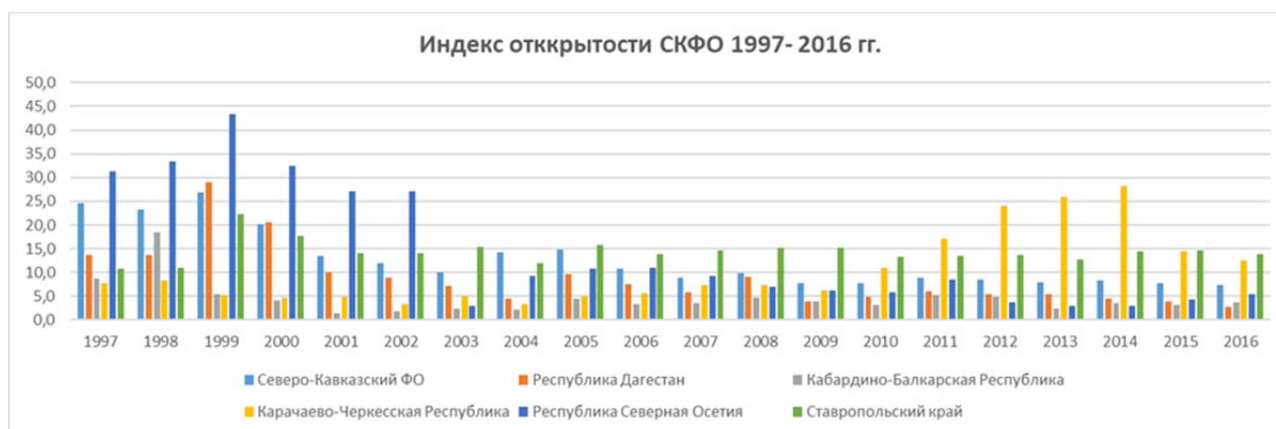

Рис. 1. Индекс открытости Северо-Кавказского макрорегиона 1997–2016 гг.

На основе представленных данных в табл. 1 можно сделать вывод: периоды резкого падения уровня индекса условий внешней торговли также, как и индекса условий торговли совпадают с периодами экзогенных шоков. Так снижение в 2009 году обусловлено международным финансовым кризисом 2008-2009 гг. Ухудшение условий внешней торговли в течение 2013–2016 гг. является следствием антироссийских санкций. Благоприятные условия торговли в 2017 и 2018 г. способствовали росту эффективности внешней торговли в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО).

Таблица 1. Динамика индекса условий внешней торговли СКМ 2005–2018 гг.

	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Индекс условий торговли (ср. цен) – I_{ftc}	119,2	103,1	118,3	67,1	121,0	135,1	106,8	93,4	96,0	76,5	81,5	105,0	111,5
Индекс условий торговли (физ. объема) – I_{ftf}	85,5	78,3	84,2	153,2	79,3	85,2	95,1	108,4	108,4	142,8	102,4	108,3	101,6

Источник: расчеты автора

Примечание: I_{ftc} – индекс условий торговли (цены); I_{ftf} – индекс условий торговли (физического объема)

Сравнительный этап статистического анализа, подтверждающего взаимосвязь валового регионального продукта и внешней торговли представлен на примере субъектов двух макрорегионов Юга России – Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) и Южного федерального округа (ЮФО). Интегральная оценка тесноты связи экономического роста и внешней торговли представлена в табл. 2.

Уровень корреляции экзогенных условий (индекса условий внешней торговли и нефтяных цен) с экономическим ростом Северо-Кавказского макрорегиона (2008–2015 гг.) в формализованном виде может быть представлена в следующем виде:

$$Y = 1204,985 + 2026,32 X_1 + 21,63 X_2 \quad (4),$$

где X_1 – индекс условий внешней торговли Северо-Кавказского макрорегиона; X_2 – стоимость нефти сорта Brent. $R = 0,7$; $R^2 = 0,49$.

Как видно из уравнения (4) взаимосвязь (индекса условий внешней торговли) и цен на нефть с экономическим ростом Северо-Кавказского макрорегиона однонаправленный характер. Плотность корреляционной связи экзогенных условий с экономическим ростом по шкале Чеддока высокая. Вывод: Системное воздействие на улучшение экзогенных условий способствует экономическому росту Северо-Кавказского макрорегиона.

Анализ, проведенный нами на основе статистических данных за период с 1998 по 2017 гг., позволил построить регрессионные уравнения экономического роста для Северо-Кавказского макрорегиона на период до 2024 г (рис. 2).

Эконометрическая модель роста Северо-Кавказского макрорегиона на период до 2020 г. имеет следующий вид:

$$Y = 1123,77 - 0,48X_1 + 1,76X_2 + 3,78X_3 - 1,37X_4 + \epsilon \quad (4),$$

где Y – Валовой региональный продукт Северо-Кавказского макрорегиона на 1 чел. по PPP; X₁ – Бюджетные расходы на 1 чел. по PPP; X₂ – Инвестиции на 1 чел. по PPP; X₃ – Потребительские расходы на 1 чел. по PPP; X₄ – NX (чистый экспорт) в \$.

Таблица 2. Регрессионные оценки взаимосвязи условий внешней торговли и валового регионального продукта СКФО и ЮФО (на основе индекса цен внешней торговли).

№	Макрорегион	Регрессионная модель	R	R ²	Норм. R ²	F	Значимость F
1	РФ	$Y = 0,18091 X_1 + 84,206$	0,820	0,672	0,631	16,369	0,0037
2	ЦФО	$Y = 0,21624 X_1 + 80,44$	0,769	0,591	0,540	11,566	0,00934
3	СКФО	$Y = 0,10434 X_1 + 94,15$	0,655	0,430	0,358	6,0231	0,0396
4	РД	$Y = 0,06065 X_1 + 101,19$	0,254	0,065	0,052	0,5537	0,47809
5	РИ	$Y = 0,17282 X_1 + 87,93$	0,334	0,112	0,001	1,0073	0,34492
6	КБР	$Y = 0,06810 X_1 + 97,17$	0,506	0,256	0,163	2,7548	0,13553
7	КЧР	$Y = 0,13939 X_1 + 87,92$	0,713	0,508	0,446	8,2513	0,02074
8	РСО	$Y = 0,05575 X_1 + 96,99$	0,426	0,181	0,079	1,7689	0,22017
9	СК	$Y = 0,13221 X_1 + 90,12$	0,826	0,682	0,643	17,17933	0,003232
10	ЮФО	$Y = 0,18622 X_1 + 84,566$	0,795	0,631	0,585	13,6956	0,00603
11	РА	$Y = 0,07246 X_1 + 99,209$	0,317	0,101	0,012	0,89665	0,3714
12	РК	$Y = 0,03504 X_1 + 97,927$	0,217	0,047	0,072	0,39689	0,54626
13	КК	$Y = 0,16041 X_1 + 87,76$	0,803	0,644	0,600	14,4925	0,00518
14	АО	$Y = 0,18925 X_1 + 85,21$	0,534	0,285	0,196	3,19498	0,11167
15	ВО	$Y = 0,23315 X_1 + 77,29$	0,786	0,618	0,570	12,9415	0,0070
16	РО	$Y = 0,20414 X_1 + 83,28$	0,687	0,472	0,406	7,16373	0,02808

Источник: расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Федеральной таможенной службы Российской Федерации.

Обозначения: РФ – Российская Федерация; ЦФО – Центральный федеральный округ; СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ; РД – Республика Дагестан; РИ – Республика Ингушетия; КБР – Кабардино-Балкарская Республика; КЧР – Карачаево-Черкесская Республика; РСО – Республика северная Осетия; СК – Ставропольский край; ЮФО – Южный федеральный округ; РА – Республика Адыгея; РК – Республика Калмыкия; КК – Краснодарский край; АО – астраханская область; ВО – Волгоградская область; РО – Ростовская область.

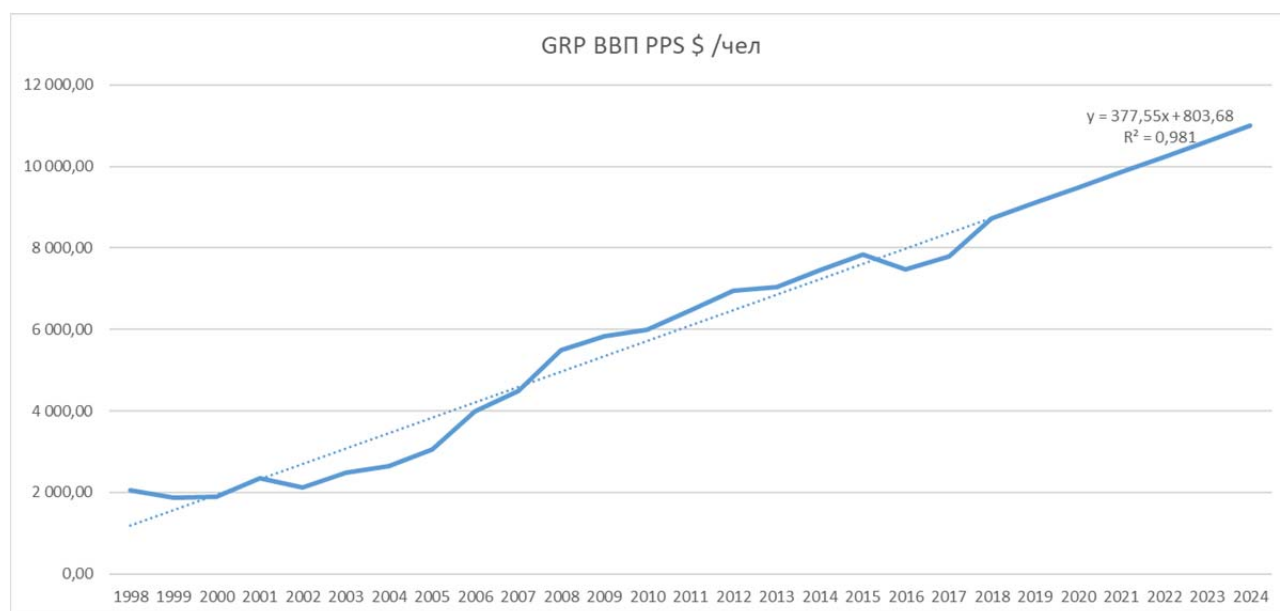

Рис. 2. Динамика и прогноз экономического роста Северо-Кавказского макрорегиона 1998–2024 гг.

Согласно составленному прогнозу на основе эконометрической модели роста (4) ВРП СКФО с 2017 по 2024 год увеличится на 20,7 % при условии роста бюджетных расходов на 20,4 %, инвестиций – на 22,5 %, потребительских расходов – 23,9 %. При этом подтверждается гипотеза об отставании темпов роста ВРП СКФО от запланированных среднероссийских 4 % в год.

Выводы

В данном исследовании рассмотрен вопрос динамики экономического роста и открытости внешней торговли под влиянием глобальных шоков в контексте Северо-Кавказского макрорегиона, что обеспечило новый эмпирический вклад в исследовании данной проблемы. Поскольку в рамках этого исследования были проведены региональные анализы с использованием огромного набора данных и аналитических методов, то мы считаем, что полученные результаты являются актуальными и обладающими практической ценностью для использования в разработке стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского макрорегиона. Мы обнаружили, что индекс условий внешней торговли, индекс открытости и экономический рост подвержены влиянию экзогенных шоков.

Основные результаты эконометрического моделирования и краткосрочного прогнозирования указывают на то, что темпы экономического роста Северо-Кавказского макрорегиона в периоде до 2024 года будут недостаточными для сокращения отставания от задекларированных в послании Президента России 4 % темпа роста экономики. Это объясняется недостаточной скоростью прогнозируемого роста государственных расходов, конечного потребления, инвестиций в основные средства и чистого экспорта Северо-Кавказского макрорегиона.

В целом, можно сделать следующие выводы: экономическое развитие Северо-Кавказского макрорегиона детерминированно экзогенными условиями; экономический рост Северо-Кавказского макрорегиона и условия внешней торговли взаимосвязаны; увеличение периода волатильности внешней торговли приводит к снижению реального валового регионального продукта на душу населения; эконометрический анализ показывает наличие сильной корреляции внешней торговли с экономическим ростом в относительно крупных субъектах Северо-Кавказского федерального округа (Северо-Кавказского макрорегиона) и Южного федерального округа (Южного макрорегиона) – Краснодарском крае, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях, Республике Дагестан и Карачаево – Черкесской Республике; результаты эконометрического моделирования и краткосрочного прогнозирования могут быть использованы при формировании новой Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского макрорегиона, нацеленной на снижения уровня его экономической поляризации.

Список литературы

1. Bari, I. (2005). *Globalizarea economiei*, Bucuresti: Editura Economica.
2. EBRD. (2013). *Transition report 2013: Stuck in transition?* UK: European Bank for Reconstruction and Development
3. Gichiyeu, N. S. (2012) Caspian vector of integration of the Shanghai cooperation organization: Exogenous and endogenous factors of development of the North Caucasus. *Economy of Region*, No. 4, pp. 249-253.
4. Gimbatov Sh. M., Kutayev Sh.K., Gichiyeu N.S. (2019) SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS OF REGIONAL LABORMARKET DEVELOPMENT. // SE European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / CT Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCGM) CY NOV 01-03, 2018. DOI 10.15405/epsbs.2019.03.02.236
5. Huidumac-Petrescu, C.; Joja, R.M.; Hurduzeu, Gh.; Vlad, L.B. (2011). Foreign Direct Investments Expansion – Essential Globalization Factor. *Theoretical and Applied Economics*, Volume XVIII, No. 1 (554), pp. 163-172.
6. Irwin, D. A. (1996). *Against the tide: an intellectual history of free trade*. Princeton: Princeton University Press.
7. Johansen 1988 Johansen, S. (1988). Statistical analysis of cointegration vectors. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 12(2), 231–254.
8. Johansen, S., & Juselius, K. (1990). Maximum likelihood estimation and inference on cointegration with applications to the demand for money. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 52(2), 169–210.
9. Murariu, I.A. (2011) Cauzele si implicatiile procesului globalizarii economiei mondiale. *Studia Uni-versitatis «Vasile Goldis» Economic Series*, Anul 21 Partea a 2-a, pp.329333.
10. Pistoreshi, B., & Rinaldi, A. (2012). Exports, imports and growth: new evidence on Italy: 1863–2004. *Explorations in Economic History*, 49(2), 241–254.
11. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2018. –1162 s.
12. Tamozhennaya statistika Severo – Kavkazskogo federal'nogo okruga za I-IV kvartal 2018 g.: Byulleten' / Severo-Kavkazskoe tamozhennoe upravlenie. – g. Mineral'nye Vody, 2019. – 112 s.
13. Toda, H. Y., & Yamamoto, T. (1995). Statistical inference in vector autoregressions with possibly integrated processes. *Journal of Econometrics*, 66(1), 225–250.

ДИСКУРСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ ДОСТУПА К РЕСУРСАМ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Горин Дмитрий Геннадьевич (а)

(а) Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Стремянный пер., 28, корп. 1, ауд. 340, Москва, Россия, dm.gorin@mail.ru, +7-495-958-23-27

Аннотация

Коррекция политики в соответствии с принципами справедливости требует более внимательного исследования не только реализации универсальных и рациональных принципов справедливости, но и историко-культурных особенностей понимания справедливости, которые связаны с определенными институциональными условиями. Институциональный подход к исследованию дискурсов справедливости в российском обществе позволяет описать их особенности, связанные с институциональной трансформацией последних десятилетий. Влияние институционального устройства на понимание справедливости рассматривается в связи с особенностями регулирования доступа различных социальных групп к ресурсам. Слабость механизма согласования интересов в российской истории компенсировалась избыточными функциями государственной власти, в том числе, в распределении ресурсов. Отсюда характерное соединение справедливости сначала с монархическими идеями, а потом с апелляциями к высшей власти. В русской классической литературе и публицистике определение справедливости основывалось не на правосознании, а на этикоцентризме и моральной философии. В современном российском обществе, с одной стороны, сохраняется традиционное понимание справедливости, характерное для режима ограниченного доступа к ресурсам. С другой стороны, разные сегменты современного российского общества функционируют в противоречащих друг другу институциональных условиях. Сочетание институциональных режимов ограниченного и открытого доступа к ресурсам выражается в сочетании государственно-административного перераспределения и рыночной конкуренции. Совмещение разнородных принципов регуляции ведет к тому, что публичные дискурсы справедливости включают в себя весьма противоречивое и отвлеченное понимание ее принципов. Однако формируется явный запрос на новое понимание справедливости, характерное для режимов открытого доступа к ресурсам и связанное прежде всего с правосознанием и обеспечением справедливости процедур.

Ключевые слова: Справедливость, институты, институциональные режимы, равенство, постсоветская трансформация.

Введение

Обсуждение проблемы справедливости в последние несколько десятилетий стало существенным фактором развития современных обществ (Sen, 2009). Однако подходы к определению справедливости в современной социологии остаются довольно противоречивыми. Если Дж. Роулз выводил справедливость из общественного договора и первоначально равного состояния индивидов (Rawls, 1973), а Р. Нозик – из приоритетности личных свобод, реализации которых способствует минимизация влияния государства (Nozick, 1974), то М. Сэндел – из приоритета общественных целей в условиях необходимости согласования противоречивых интересов и притязаний (Sandel, 1982). Полемика вокруг теории справедливости Дж. Роулза прояснила целый ряд различий в позициях по этому вопросу. Так, работы Р. Рорти, доказывавшего, что Дж. Роулз исходил в своих построениях не из универсальной человеческой природы, а скорее из характерного для американской культуры индивидуализма, ставят проблему возможности универсальных оснований справедливости. Поэтому следует сосредоточиться не только на поиске универсальных критериев, но также на способах обоснования справедливости в конкретных условиях. Такой позиции придерживался Г. Берман, отстаивавший исторический подход к исследованию представлений о справедливости (Берман, 2008). Разнородность исторических предпосылок дискурсов справедливости дополняется разнообразием представлений о справедливости в различных социальных слоях и институциональных сферах. Существование в обществе конфликтующих между собой множественных сфер справедливости М. Уолцер связывал с разнообразием представлений о справедливости в современных гетерогенных обществах (Walzer, 1983). Интерес представляет соотношение распределительной, процедурной и интерактивной справедливости (Su, др., 2019), в том числе, в переходный период (Williams, др., 2019), а также изменчивость и вариативность справедливости в повседневной жизни (Wang, др., 2019).

Разнообразие дискурсов справедливости может быть конкретизировано в рамках институционального подхода, позволяющего описывать связь представлений о справедливости с институциональным устройством общества. Реализация этого подхода к исследованию характерных для российского общества дискурсов справедливости позволяет выявить их взаимосвязи с институциональной трансформацией и, в частности, с особенностями доступа различных социальных групп к значимым ресурсам.

Постановка проблемы

В современном российском обществе фиксируется явное противоречие между возрастающим общественным запросом на справедливость в различных сферах общественной жизни и отсутствием устойчивых публичных дискурсов справедливости, основанных на представительстве и согласовании интересов различных социальных групп (Римский, 2013). Публичные дискурсы справедливости в России включают в себя весьма

противоречивое и отвлеченное понимание ее принципов, что снижает возможности широкого обсуждения актуальных проблем общественного развития.

Дискурсы справедливости разворачиваются, как правило, вокруг проблемы социального неравенства и соотносятся с характером доступа различных социальных групп к ресурсам. Жизненные шансы представителей средних слоев в современном российском обществе становятся более зависимыми от взаимной конвертации доступных ресурсов, что проявляется во взаимодействии квалификационного ресурса с такими качествами, как финансовое поведение, взаимодействие с социальными сетями, образ жизни, сохранение здоровья. Наблюдается также воспроизводство классовой принадлежности выходцев из наиболее образованных семей, а принадлежность к ядру среднего класса связана с доступом к социальному и культурному капиталу. Например, большинству из тех, чьи родители не имели высшего образования, не удастся попасть в средний класс (Тихонова, др., 2009).

В этих условиях интерес представляет исследование влияния институциональных условий на развитие характерных дискурсов справедливости. В частности, интерес представляет рассмотрение различий дискурсов справедливости в зависимости от институциональных режимов доступа к разнообразным ресурсам и воспроизводства социального неравенства.

Исследуемый вопрос

Реализация институционального подхода к исследованию справедливости позволяет исследовать, каким образом представления о справедливости связаны с конкретными институциональными условиями, регулирующими доступ к ресурсам. В частности, возникает вопрос о влиянии на представления о справедливости характерного для постсоветской трансформации динамического сочетания рыночной конкуренции и государственно-административного перераспределения ресурсов.

Цель работы

Цель исследования состоит в выявлении характерных для российского общества особенностей дискурса справедливости и их взаимосвязей с институциональными условиями доступа различных социальных групп к значимым ресурсам.

Методы исследования

Исследование особенностей дискурса справедливости основывается на рассмотрении их в контексте институциональных режимов, основанных на открытом или ограниченном доступе к ресурсам. Различия между этими режимами основываются на работах Д. Норта (North, др., 2009), а также на исследовании Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона роли инклюзивных и экстрактивных институтов в общественном развитии (Acemoglu, др., 2012).

В логике ограниченного доступа значимые ресурсы монополизированы, а открытая и легальная конкуренция за доступ к ним исключается. Ограниченный доступ связан, как правило, с логикой убывающей отдачи: чем больше участников, тем меньшую выгоду можно извлечь из ресурса, который, как предполагается в этом случае, не может быть увеличен. Экономические отношения в институциональных режимах ограниченного доступа основываются на концентрации ресурсов у узкой группы лиц и их централизованном перераспределении. Частная собственность защищена слабо, отношения собственности подчинены властным отношениям. Политические системы в этом случае характеризуются высокой централизацией и концентрацией власти. В результате контроля над медиа поддерживается образ мысли, который способствует устойчивости экстрактивных институтов. Можно предположить, что в режимах ограниченного доступа идейное обоснование справедливости так же ограничено, альтернативные интерпретации справедливости вытесняются.

Институциональные режимы открытого доступа к ресурсам характеризуются укреплением инклюзивных институтов, обеспечением равных возможностей и стремлением к выравниванию не уровня жизни, а жизненных шансов. Экономика таких режимов основывается, как правило, на частной собственности, рыночном обмене, конкуренции и ориентации на возрастающую отдачу (ресурсы используются таким образом, что их ценность и объемы возрастают с включением новых участников). В политической сфере открытый доступ проявляется в поддержании конкуренции, прозрачности процедур, многопартийности, самоуправлении и субсидиарности.

Исследование особенностей публичных дискурсов справедливости, характерных для российского общества, основывается на гипотезе о том, что в условиях институциональной трансформации наблюдается сочетание признаков регуляции, характерных как для режимов ограниченного доступа, так и для режимов открытого доступа. Поддержание режима ограниченного доступа к ресурсам в различных сферах общественной жизни связано с ориентацией на коллективизм, эгалитаризм и порядок. В условиях характерной для режима ограниченного доступа слабости процедур согласования интересов, возникает ситуация, в которой доминирует право силы. Распределительная справедливость в этих условиях оказывается более важной, чем процедурная справедливость, низкая ценность которой компенсируется прямыми апелляциями к высшим инстанциям власти. В то же время установление в отдельных сферах российского общества режимов открытого доступа связано с ростом запроса на справедливость процедур и развитие представлений о связи справедливости с ориентацией на индивидуализм, стратифицированное неравенство, свободу.

Методы исследования: исторический анализ дискурсов справедливости в публичной сфере и анализ институциональной трансформации российского общества, неформализованные интервью с экспертами, анализ результатов проводившихся ранее социологических исследований.

Результаты

В российских публичных дискурсах запрос на справедливость проявляет себя достаточно регулярно. Согласно частотному словарю русского языка (Ляшевская, др., 2009), частота употребления слов «справедливость», «справедливый», «справедливо» составляет, соответственно, 42,4; 33,9; 15,7 (ipm – instances per million words). Это существенно меньше, чем частота употребления, например, слова «власть» (435,6), но достаточно много, если сравнивать с частотой употребления слова «равенство» (16,3). Коэффициент, показывающий равномерность употребления слова «справедливость», характеризуется высоким значением (94 из 100). Проблематика справедливости разрабатывалась прежде всего в русской классической литературе, философии и публицистике, но любопытно, что в середине XX в. слово «справедливость» чаще встречается в публицистике, чем в художественной литературе. Однако, можно предположить, что обращение к справедливости в публичных дискурсах относится прежде всего к сфере должного, а не сущего. Косвенно на это может указывать сравнительно низкая частотность употребления таких слов, как «несправедливость» (10,3), «несправедливый» (12,4), «несправедливо» (4,3), а также тот факт, что различные социологические опросы фиксируют высокий уровень оценок российского общества как несправедливого, но ожидают продвижения к справедливости в будущем. Согласно общероссийскому опросу Фонда «Общественное мнение» (25–26 августа 2018 г., 1500 респондентов), 65 % считают российское общество несправедливым и 62 % ожидают справедливости прежде всего от власти (О справедливости, 2018).

Понимание справедливости в западноевропейских языках связано с коннотациями латинского слова «*justitia*» (юстиция), восходящими к «*jus*» (право). Например, английское слово «*justice*» обозначает и справедливость, и правосудие. Связь между правом и справедливостью в русском языке не столь очевидна. Этимология русского слова «справедливость» отличается и восходит к словам «правильный» (истинный, верный) и «ведать» (знать), что свидетельствует о связи русского слова «справедливость» с «правдой». Понимание «правды» в русской культуре имеет три основных коннотации. В гносеологической коннотации «правда» понимается как «истина», в общественно-политической – как «справедливость» и в морально-этической – как «нравственность». В русской классической литературе и политической публицистике достаточно отчетливо проявляется проблематика сложного и противоречивого соотношения этих трех коннотаций. Например, русский философ Н. Бердяев в сборнике «Вехи» (1909 г.) писал об ошибке русской интеллигенции, которая состояла в том, что «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине» (Бердяев, 1991). Подобное противопоставление «правды-справедливости» и «правды-истины» весьма характерно и отражает существенные особенности дискурса справедливости.

Современное употребление слова «справедливость» связывается и с правдой, и с правом. Причем, в художественных текстах и консервативной публицистике справедливость употребляется в более традиционных смыслах правдоискательства, а связь справедливости и права более четко прослеживается в современных политических дискурсах либерального толка. Однако собственно правовые коннотации в понимании справедливости в русской традиции были и остаются сравнительно слабыми: дискурсы справедливости основываются скорее на этикоцентризме и моральной философии, а не на правосознании. Это объясняется целым рядом причин, которые связаны с особенностями институциональных трансформаций российского общества.

Прежде всего, к таким особенностям следует отнести устойчивость экстрактивных институтов и режима ограниченного доступа к значимым ресурсам. Поскольку развитие институциональных процедур согласования интересов тормозилось, акторы, контролирующие доступ к ресурсам, получали возможность утверждать свое понимание справедливости. Справедливость в логике режима ограниченного доступа понималась прежде всего в контексте распределения и перераспределения. Уравнительное понимание распределительной справедливости закрепляется в XX в. в силу сравнительно поздней и ускоренной урбанизации. В 1930-е гг. произошло стремительное удвоение численности городского населения, а за следующие три десятилетия его численности удвоилась еще раз. Мигрировавшая в города «квазиурбанизированная» масса с несформировавшейся городской культурой несколько поколений воспроизводила характерные представления об уравнильно-перераспределительной морали, полагая, что если люди затрачивают на общественно полезный труд равную меру времени, то их вознаграждение и качество жизни не должно существенно различаться (Согомонов, 2005). Отсюда характерные проявления зависти, которые произрастают из слабой связи в массовом сознании между трудом и успехом.

Слабость механизма согласования интересов в России компенсируется избыточными функциями государственной власти, в том числе, в распределении ресурсов. Отсюда характерное соединение поисков справедливости сначала с монархическими иллюзиями, а потом с апелляциями к высшей власти, которая в России, как правило, персонализируется. Однако наделение высшей власти функциями гаранта справедливости в условиях слабых институциональных оснований процедурной справедливости создавало существенные риски общественной дестабилизации (например, распад государственности в 1917 и 1991 г. был связан с явными оценками существовавшего государственного устройства как несправедливого).

Трансформации последних нескольких десятилетий привели к сложному и динамичному сочетанию в России институциональных регуляторов, действующих в режимах ограниченного и открытого доступа. В позднем советском обществе доминировали институциональные принципы ограниченного доступа. Но в некоторых сферах обеспечивался открытый доступ к ресурсам (например, в сфере образования). В процессе институциональных трансформаций 1980–1990-х гг. были сделаны попытки существенно расширить сферы, регулируемые в логике открытого доступа к ресурсам. Однако институциональные провалы и снижение уровня жизни насе-

ния стали существенными ограничителями этой тенденции. Начиная с конца 1990-х гг., наблюдается адаптация к новым условиям характерных для России базовых институтов, работающих преимущественно в режиме ограниченного доступа.

Несмотря на трансформационные процессы, в современном российском обществе сохраняется понимание справедливости, свойственное режимам ограниченного доступа (в контексте перераспределения ресурсов и выравнивания уровня жизни). Тем не менее, очевиден запрос и на иное понимание справедливости, связанное с обеспечением справедливости процедур (равенство перед законом, открытые возможности в реализации способностей). По данным ВЦИОМ (13–14 апреля 2013 г., 1600 человек), 36 % полагают, что справедливость состоит «в равенстве всех перед законом», 20 % – «в том, чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных», 13 % – «в том, чтобы каждый мог достичь того, на что способен», 12 % – «в том, чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями», 11 % – «в гарантиях для социально незащищенных, в социальной ответственности богатых» (Социальная справедливость, 2013). Ответы респондентов свидетельствуют о разнообразном понимании справедливости – не только как уравнительной справедливости в логике характерного для режима ограниченного доступа перераспределения благ, но и справедливости процедур, поддерживающих открытый доступ к ресурсам.

Сочетание институциональных режимов открытого и ограниченного доступа к ресурсам предопределяется незавершенностью трансформационных процессов, что выражается в сочетании логики свободно рыночного обмена с логикой государственно-административной регуляции. Это отражает фундаментальные противоречия между принципами ограниченного и открытого доступа, которые восходят к противоречиям, существующим в базовых институтах. Этими особенностями объясняется как фиксируемая социологическими опросами размытость дискурсов справедливости, так и проявляющийся в последнее время запрос на справедливость, который явно или неявно присутствует в общественных конфликтах, порождающих протестные настроения и политические коннотации.

Выводы

Представления о справедливости в современном российском обществе в значительной степени обусловлены как культурными особенностями, проявляющимися в истории моральной философии и классической литературе, так и спецификой институционального устройства, определяющей, в том числе, характер постсоветской трансформации. Экономическое развитие, изменение социальной структуры, образа жизни, появление новых факторов социального неравенства отражаются в весьма размытых и противоречивых представлениях о справедливости. Проблема справедливости осложняется сочетанием принципов государственно-административной модели управления и новыми принципами регуляции в условиях рыночной конкуренции. Совмещение противоречивых принципов регуляции общества ведет к существенным диспропорциям в доступе к ресурсам и их распределении.

Реализация принципа справедливости в значительной мере определяется противоречиями в понимании справедливости распределения жизненных шансов и связана с ориентацией на потребности и возможности различных социальных слоев. Слаборесурсные и низкостатусные слои, которые в российском обществе составляют весьма существенную долю населения, зависимы от государственной поддержки. Для этих слоев несправедливый доступ к ресурсам усиливается территориальными диспропорциями в развитии социально-экономической инфраструктуры, образования и здравоохранения. Сильноресурсные слои, напротив, ориентированы на доступ к разнообразным ресурсам и высококачественным услугам. Поэтому достижение равенства возможностей и жизненных шансов в сложившихся условиях требует государственного вмешательства и бюджетного финансирования в целях открытия возможностей для слабозащищенных слоев и предупреждения опасного усугубления проблем наследственной бедности. Вместе с тем именно либеральная логика равенства возможностей на конкурентном рынке, а не уравнительное понимание справедливости, способствует экономическому развитию и повышению уровня жизни. Эрозия либерального понимания справедливости в условиях сочетания либерализации рынка с государственным патернализмом ведет к размыванию правил игры установлению несправедливого доступа к ресурсам. Многие из актуальных проблем реализации принципов справедливости в этих условиях не имеют однозначных решений. Поэтому возрастает необходимость развития правовой культуры и правосознания, укрепления институциональных оснований политического представительства и согласования интересов различных социальных групп и слоев в целях более глубокого понимания основных факторов неравенства и возможных путей достижения справедливости в условиях общественных трансформаций.

Список литературы

1. Acemoglu, D., Robinson, J.A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Business.
2. North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, Cambridge University.
3. Nozick, R. (1974). *Anarchy, State and Utopia*. New York, Basic Books.
4. Rawls, J. (1973). *A Theory of Justice*. Oxford, Oxford University Press.
5. Sandel, M. (1982). *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge, MA.
6. Sen, A. (2009). *The Idea of Justice*. New York, Allen Lane.

7. Su, L., Huang, S., Nejati, M. (2019). Perceived justice, community support, community identity and residents' quality of life: Testing an integrative model. *Journal of Hospitality and Tourism Management*. V. 41. P. 1-11.
8. Walzer, M. (1983). *Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. New York, Basic Books.
9. Wang, Y-R., Ford, M.T., Wang, Y., Jin, J. (2019). Shifts and variability in daily interpersonal justice are associated with psychological detachment and affect at home. *Journal of Vocational Behavior*. V. 115.
10. Williams, S., Doyon, A. (2019). Justice in energy transitions. *Environmental Innovation and Societal Transitions*. V. 31. P. 144-153.
11. Бердяев, Н.А. (1991). Философская истина и интеллигентская правда. Вехи; Интеллигенция в России. Сб. статей 1909-1910. Москва, Молодая гвардия. С. 24-42.
12. Берман, Г. (2008). Вера и закон: примирение права и религии. Москва, MSPS.
13. Ляшевская, О.Н., Шаров, С.А. (2009). Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва, Азбуковник.
14. О справедливости. Что устроено справедливо, а что – несправедливо в современном российском обществе? (2018). Retrieved from: <https://fom.ru/TSennosti/14099>
15. Римский, В.Л. (2013). Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках. *Общественные науки и современность*. No 5, с. 27-36.
16. Согомонов, А.Ю. (2005). Генеалогия успеха и неудач. Москва, Солтекс, Невский простор.
17. Социальная справедливость: как мы ее понимаем (2013). Пресс-выпуск ВЦИОМ, No 2346. Retrieved from: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114297>
18. Тихонова, Н.Е., Мареева, С.В. (2009). Средний класс: теория и реальность. Москва, Альфа М.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**Ибрагимов Э.М. (а) *, Ибрагимов Муса М. (b), Жемчугаева С.Ш. (с),
Бетильмерзаева М.М.(d), Курбанова Л.У. (е)**

(а) Чеченский государственный педагогический университет, 62, пр. Исаева, г. Грозный, 364068, Россия,
Elai-555@mail.ru, +7(922)0700182

(b) Грозненский государственный нефтяной технический университет; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 21а, ул. Старопромысловское шоссе, Грозный, 364051, Россия,
ibragimov95@mail.ru, +7(8712) 22-26-28

(с) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 21а, ул. Старопромысловское шоссе, Грозный, 364051, Россия, sedazz@mail.ru, +7 (8712) 22-26-28

(d) Чеченский государственный педагогический университет, 62, пр. Исаева, г. Грозный, 364068, Россия;

Чеченский государственный университет, 32, ул Шерипова, г. Грозный, 364021, Россия, maret_fil@mail.ru; +7(989)9193273

(е) Чеченский государственный университет, 32, ул Шерипова, г. Грозный, 364021, Россия,
medna59@mail.ru, +7(928)7362373

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов, влиянию этнокультурной специфики на ценностную составляющую экономического поведения чеченцев в современных условиях.

Подчеркивается, что одним из основных факторов формирования особенностей такого поведения является национальный характер, проявляющийся, в том числе, и в национальных традициях. Национальные традиции чеченцев в этом плане представляют особую ценность. Их жизнеспособность и созидательная сила проверены временем, суровыми условиями жизни в горах, войнами и репрессиями. Они помогли народу не просто выживать, но и достойно принимать удары судьбы. На основе проведенного эмпирического качественного исследования методом глубинного интервью, выяснено, что в условиях формирования и развития рыночных отношений эти вековые духовные ценности, составляющие стержневую основу традиционной нравственной опоры чеченцев, начали размываться. Как свидетельствуют наши респонденты, среди спектра моральных и этических норм в настоящее время выделяется экономическая детерминированность, свидетельствующая о сближении с, когда-то чуждыми, западными ценностями. Если в соответствии с традициями, пожалуй, всех северо-кавказских народов достоинство человека не связывается с его «мошной» и с занимаемым постом», тем не менее, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что «выживание и процветание» в современное время допустимо достигать любыми путями. При этом здесь не всегда является препятствием даже ограничения исламского права.

В заключение делается вывод, что на сегодняшний момент отсутствует традиционный, самобытный образ жизни чеченцев, известный даже с советских времен. Формируется уникальная траектория, характеризующаяся особенной этнокультурной социально-экономической стратегией формирования поведения современных чеченцев, что вызвано действием модернизационных процессов и внутренних факторов, выдающих в результате, отмеченный феномен..

Ключевые слова: Чеченцы, национальный характер, ценностные ориентации, социально-экономическое поведение, рыночные отношения, религия, семья.

Введение

В рамках различных наук целенаправленное и глубокое изучение этнических общностей ведется уже достаточно давно. Выявляются не только исторические особенности формирования и развития наций и народностей, исследуются, в том числе общие закономерности функционирования этносов, определяются социальные, экономические, экологические и демографические основы их жизнедеятельности. При этом, серьезное значение имеет анализ взаимосвязи социально-экономических и этнических процессов, изучение особенностей экономического поведения различных наций и народностей. В этом контексте вызывает определенный научный интерес трансформация ценностных ориентаций социально-экономического поведения чеченцев в современных условиях.

Постановка проблемы

В социологической и экономической литературе имеется несколько принципиально различных точек зрения на эту проблему.

Марксизм, исходя из учения о базисе и надстройке, утверждает, что этнические процессы зависят от степени развитости производственных отношений, которые определяются характером и уровнем производительных сил (Маркс Карл, 1959). Известный западный исследователь М. Вебер придерживается другой позиции, прямо противоположной марксизму. Он считает, что этнос, его существование в значительной степени определяется идеологией, в качестве которой в данном случае он рассматривает протестантскую этику. Именно она в определяющей мере воздействует на уровень развития экономики и производственных отношений (Вебер, 1990). Как показывают многие современные исследования, истина лежит посередине (Павлов, 2006). В частности, это подтверждает анализ т.н. традиционных восточных обществ, исследуя которые даже К. Маркс подчеркивал особый характер азиатского способа производства, в котором определяющую роль играют азиатские традиции и восточная психология в процессе их влияния на характер и уровень производственных отношений. Поэтому мы согласны с мнением К.В. Павлова, который считает, что «целесообразнее искать не первопричину в цепочке «производительные силы-производственные отношения – этнос», а изучать взаимодействие и взаимовлияние различных составляющих этой цепочки» (Павлов, 2006).

В этой связи, большое значение имеет исследование влияния национальной психологии на экономику, и наоборот. Так, уже Дж. М. Кейнс отмечал, что на поведение в сфере экономики заметное влияние оказывают особенности национальной психологии (Кейнс, 2007). Данное утверждение работает и в конкретно нашем случае, так как, действительно, Чеченская Республика, включившись с начала XXI века, с запозданием, примерно, на десять лет, в силу известных причин в принципиально изменившееся экономическое пространство Российской Федерации, не без проблем, «вписывается» в уже сформировавшуюся в значительной мере рыночную структуру регионов Северного Кавказа и всей страны. Сложность адаптации состоит не только в утраченном временном лаге, но и, прежде всего, в том, что республика включается в общероссийский и международный рынок после того, как лишилась мощного индустриально-промышленного и социально-инфраструктурного потенциала, практически «с нуля», «с чистого листа» (Устаев, 2014).

Исследуемый вопрос

Предметом исследования статьи является анализ взаимосвязи социально-экономических и этнических процессов.

Цель работы

Определить особенности и социально-экономические детерминанты ценностных ориентаций чеченского населения в выработке стратегий экономического поведения в современных условиях.

Методы исследования

Методологию и методы исследования составляют принципы научной объективности и системности. В работе использован и междисциплинарный подход, что обусловило необходимость исторического, социологического и политологического анализа проблемы с применением общенаучных методов анализа и синтеза и др. Для получения объективной социологической информации использован метод глубинного интервью.

Результаты

В результате, для изучения этнокультурной специфики ценностной составляющей социально-экономического поведения нам необходимо выявить факторы ее формирования в современной Чечне. В связи с чем, нами было проведено эмпирическое качественное исследование методом глубинного интервью. В качестве респондентов выступили мужчины и женщины чеченской национальности, проживающие сейчас или ранее на территории Чеченской Республики (г. Грозный, г. Гудермес, с. Ведено, Энгель-Юрт, с. В. Герзель, с. Тухчар) 20–65 летнего возраста. (N = 25), (женщин – 14 человек, мужчин – 11 человек). Все интервью с респондентами проводились на территории их проживания (квартира, частный дом), реже в общественных местах – парках, кафе, на русском языке.

Основным вектором, в рамках которого формируются этнокультурные особенности социально-экономического поведения, выступает модернизация, протекающая в Чеченской Республике длительное время, фундаментально усилившаяся в последние десятилетия.

С периода окончания кавказской войны XIX века и присоединения Чечни к Российской империи происходит медленная, но устойчивая трансформация чеченской традиционной культуры в целом и социально-экономического поведения, в частности. Этот процесс особенно активизировался в условиях советской действительности, что привело к серьезной девальвации ценностей чеченского образа жизни и значительному проникновению элементов западной массовой культуры в культуру чеченского народа, характеризующейся экономической детерминацией. Как считает ряд чеченских исследователей, влияние массовой культуры на чеченскую национальную среду увеличилось благодаря негативным последствиям сталинской депортации 1944 года, которая привела к определенному размыванию традиционных чеченских ценностей (Ибрагимов, 2006). Именно во время выселения некоторые устоявшиеся традиции чеченцев либо перестали соблюдаться, либо их выполнение приобрело чисто формальный характер. По данным К. Межиевой, кардинальной трансформации подверглось многое – от одежды и образа жизни до устройства жилья и социально-экономических отношений. При этом серьезной деформации подверглась духовно-культурная связь между поколениями, что во все времена являлась одним из важнейших скрепов чеченского общества. У части молодежи, в связи с этим, появилось убеждение, что национальный образ жизни, соблюдение неписаных правил жизни, веками определявших поведение чеченцев, уже не представляет особой ценности, особенно по сравнению с достижениями более цивилизованных народов. Весьма показательно в этом плане, что именно в период депортации начинается массовое освоение чеченцами русского языка, что, конечно же, не могло не сопровождаться усвоением и ценностей русской (шире-европейской) культуры (Межиева, 2008). Об этом свидетельствуют и наши респонденты: Р.: Раньше общим языком для всего Северного Кавказа, я имею в виду Дагестан, Чечню, Ингушетию, был кумыкский, потом постепенно стал русский, его в школе стали учить, дети даже лучше знали, чем их родители. Русский оказался более полезным и в советское время и особенно сейчас, везде все на русском – в больницах, в образовании, в работе (мужчина 55 лет, январь, 2018).

Модернизация чеченского общества еще более ускорила в эпоху «развитого социализма», со всеми специфическими особенностями данной социально-экономической стратегии развития (соц. соревнования, пятилетки, колхозы и т. п.). В то же время, данный период чеченские исследователи, в большинстве своем, справедливо оценивают как самый успешный с точки зрения развития всех отраслей национальной культуры, и формирования и развития чеченской творческой и научной интеллигенции (Межиева, 2008). То есть, быстрая модернизация чеченского общества не привела автоматически к деградации и исчезновению национальной культуры и экономическому детерминизму всех сфер жизнедеятельности, что свидетельствует о наличии четкой дифференциации между проникновением массовой культуры и процессом модернизации, для которого характерно развитие новых (не традиционных) форм социально-экономического поведения (средств коммуникации, производства, технологий и т. д.), напрямую связанных с формированием иных, не характерных ранее для данного общества, привычек, стереотипов, психологических реакций.

Как показывают социологические исследования, проводившиеся в Чечено-Ингушетии и Чечне в 1990, 1992 и 1995 гг, и выборочно охватившие практически все социальные слои населения, за довольно непродолжительное время произошла значительная трансформация шкалы духовных ценностей чеченцев напрямую связанная со сложившейся обстановкой в республике – на первый план выдвигаются материальные ценности.

Так, если в 1990 году в среднем 63,2 % опрошенных респондентов из числа чеченцев считали духовное начало в жизни более важным, чем материальное, – то в 1992 году так думали уже только 40,3 % опрошенных. Причем, чеченская молодежь в это время охвачена меркантильными соображениями в гораздо большей степени, чем старшее поколение. Так, предпочтение духовному над материальным отдавали: в 1990 году 47,1 % респондентов из числа молодежи, а в 1992 году – всего 14,3 %. Как ни странно, именно ужасы «первой чеченской» войны заставили основную массу чеченцев вновь вспомнить о непреходящем значении духовных ценностей. Согласно опроса, проведенного в 1995 году уже 71,9 % опрошенных полагали, что духовное в жизни важнее материального, в том числе так ответили 62,8 % молодежи. Таким образом, наиболее резкая переоценка ценностей произошла среди молодежи. Если в начале 90-х гг. молодежь не придает особого значения духовным ценностям, то поколение, пережившее первую чеченскую войну, как бы вновь поверило в необходимость духовности (Межиева, 2008).

Практически никто из чеченских авторов не сомневается в том, что за последние 10-15 лет в чеченском национальном менталитете не только сформировался ряд новых черт, но и претерпели существенное изменение некоторые, истари присущие чеченцам особенности мировосприятия. Так, известный чеченский исследователь В.Ю. Гадаев отмечает что в современных условиях, новые социально-экономические условия начинают «беспощадно теснить традиционные духовно-нравственные святыни: долг, честь, совесть, достоинство, верность слову, почитание старших и женщин, защита слабых и близких, взаимопомощь, бескорыстие, скромность и т. д. ... Названные духовные ценности, составляющие стержневую основу традиционной нравственной опоры чеченцев, начали размываться, и на их месте стали утверждаться капиталистические «святыни»: алчность, лицемерие, корысть, материальный интерес и т. д.» (Гадаев, 2011). Об этом говорят и наши респонденты:

Р.: Я сидел в кафе в Саратове вечером с братом и не понимал, где я. Я 30 лет жил в селе и ничего этого не видел (он был поражен городским образом жизни). Именно тогда я решил что-то менять, как предки я не хочу жить (мужчина, 52 года, декабрь, 2017).

Р.: Я не хотел работать на базаре как мои родственники, можно было уехать за границу, но я опасался – надо бросить мать, на какие средства я там буду жить (мужчина, 51 год, декабрь, 2017)

Последний респондент интересен тем, что, являясь младшим сыном в семье, оставил пожилую мать и уехал за границу в поисках лучшей жизни, хотя по чеченским традициям должен был остаться в доме отца и матери и заботиться о них до смерти. С его слов, он не встретил значимого упрека ни со стороны своих родственников, ни соседей, ни, собственно говоря, матери. Ни чувство долга, ни чувство собственного достоинства, ни адаты (обычаи) – ничто не остановило нашего респондента от того, чтобы реализовать себя в ином качестве, в другом образе жизни, в другой культуре, другой экономической среде. С точки зрения чеченцев, такое поведение младшего сына в семье недопустимо и оценивается негативно, тем не менее, в современных условиях оно становится возможным и не только как исключение. Мы с уверенностью констатируем наличие значимого влияния глобализации, повлекшей за собой модернизацию в рассматриваемом регионе, на формирование ценностей социально-экономического поведения в современной Чечне, которые могут рассматриваться, при первом ознакомлении, со стороны местных жителей, как отрицательные. О негативных изменениях, с точки зрения сохранения традиционных ценностей чеченцев, говорят и другие исследователи. Например Р. Макуев пишет о том, что сегодня «...предаются забвению лучшие человеческие качества. Онемела способность сострадать слабому, желание защитить его и т. п. Вместо этого мы имеем фетишизацию меркантильности, отказ от исконно чеченских критериев оценки личности, утверждение массовой психологии, доведенной до уровня инстинктов грызунов» (Макуев, 2000). Достойным подражания, со слов наших респондентов, сегодня выглядит следующий практический опыт:

Р.: Я как беженка уехала в Германию для того, что бы мне там сделали операцию бесплатно. Мне посоветовал так один наш, он там живет. Я им (сотрудникам миграционной службы) сказала, что мужа у меня нет, дом разрушен, я, вот одна осталась..., а они слушают и верят всему (смеется), наивные. <...> Они мне все там сделали и после операции я вернулась назад, я ни копейки не потратила (женщина, 63 года, февраль, 2018).

Конечно же, данное не является характерным для всех жителей Чечни, тем более, что в рамках качественного исследования нам и не возможно осуществить количественный анализ. Для баланса приведем еще одну выдержку из интервью, подтверждающую наличие среди современных чеченцев традиционного культа достойного человека:

Р.: Мой брат купил планшет с рук, у людей, у которых в дороге сломался автомобиль где-то под Тюменью и им нужны были деньги. За 10 тысяч, я ему сказал, это не слишком то и выгодно. Он сказал мне, что должен был помочь, а не воспользоваться их трудной ситуацией (мужчина, 40 лет, январь, 2018).

Важно отметить, что в самой Чеченской Республике появилось понимание того, что для успешной адаптации в современном глобализирующемся мире чеченское общество обречено на дальнейшую социальную модернизацию. А поскольку процесс глобализации неотделим от интенсивного взаимного проникновения различных культур, то со всей остротой встает вопрос о судьбе чеченской национальной культуры.

Выводы

Очевидно, что на сегодняшний момент отсутствует традиционный, самобытный образ жизни чеченцев, известный даже с советских времен. Формируется уникальная траектория, характеризующаяся особенной этнокультурной социально-экономической стратегией формирования поведения современных чеченцев, что вызвано действием модернизационных процессов и внутренних факторов, выдающих в результате, отмеченный феномен.

Список литературы

1. Вебер Макс. (1990). Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М.: Прогресс.
2. Гадаев В.Ю. (2011) Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный.
3. Ибрагимов Муса М. (2006). Трудовая и общественно-политическая деятельность чеченцев в период сталинской депортации Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации. Материалы республиканской научно-практической конференции. Грозный.
4. Кейнс Дж. М. (2007). Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо.
5. Макуев Р.Х. (2000). Проблемы российской государственности через призму трагедии Чеченской Республики. Орел.
6. Маркс Карл (1959) К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.13. Москва. С.7.
7. Межиева К.Х. (2008). Духовные ценности чеченцев как регулятор общественной жизни и модернизационные процессы // Гуманитарные и социальные науки. № 3.
8. Павлов К.В. (2006). Национальные особенности экономического поведения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 4 (7).
9. Устаев А.Л. (2014) Экономика чеченской республики: инновации и приоритеты отраслевой структуры // Вестник Чеченского государственного университета. № 1.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИПТОВАЛЮТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Хаджиев Марат Рамзанович (а), Цакаев Алхозур Харонович (б))

(а) Чеченский государственный университет, 32, ул. А. Шерипова, г. Грозный, 364024, Россия, marat99@gmail.com, +7 (928) 744 99 05

(б) Чеченский государственный университет, 32, ул. А. Шерипова, г. Грозный, 364024, Россия, tsakaev@inbox.ru, +7 (989) 912 53 01

Аннотация

Статья освещает вопросы экономической безопасности государства в контексте появления и развития новой иной формы денег – криптовалют по обеспечению устойчивости экономической системы, и управления возможными рисками, и разработки системы, способной выдержать экономический стресс. Криптовалюты уже сегодня многими рассматриваются не просто средством платежа и объектом инвестиций, а также как одно из обязательных условий входа в криптовалютную экономику, и средством обмена в этой новой цифровой экономике, что в свою очередь требует, более детальной разработки методов и инструментов экономической безопасности. Технология блокчейн которая лежит в основе функционирования криптовалют имеет полноценный функционал для проведения нелегальных операций и это является основным негативным фактором, который не приемлем для общества. Запреты на законодательном уровне криптовалютных операций имеют негативные последствия для экономической безопасности государства, тем что произойдет стимуляция использования криптовалют в теневой экономике, что в дальнейшем скажется на формировании зарождающейся новой криптоэкономике. Целью исследования является анализ влияния криптовалют на экономическую безопасность государства и разработке теоретическо-методологических механизмов регулирования оборота криптовалют, для снижения рисков их использования. В связи с невозможностью остановить, частично или полностью исключить эмиссию криптовалют, обосновывается необходимость законодательного регулирования оборота криптовалют, с учетом отрицательного и внедрения положительного передового опыта других стран. Предложены следующие шаги дающие возможность введения криптовалют в правовое поле государства, в частности: регулирование деятельности торговых площадок с введением системы идентификации субъектов отношений связанных с криптовалютными операциями, создания международных межведомственных групп взаимодействия для надзора и регулирования операций связанных с криптовалютами, разработка единой стратегии развития международного криптовалютного рынка. Принятие данных мер позволит исключить использование криптовалют в нелегальных операциях.

Ключевые слова: Блокчейн, криптовалюта, криптоэкономика, теневая экономика, экономическая безопасность

Введение

Двадцать первый век принес миру множество новых и иных инновационных технологий, и эти технологии не в последнюю очередь коснулись одной из важнейшей экономической категории денег и денежного обращения, в следствии чего возникли новые инновационные или иные формы денег, которые привели к появлению новой криптовалютной реальности. Криптовалюты переворачивают привычное представление людей о том, какие бывают деньги. В классическом представлении фиатные, фидуциарные деньги эмитируются банком (или банками – как в США, Великобритании) и/или другим государственным финансовым институтом (министерством финансов, казначейством). Криптовалюты переворачивает это представление о деньгах своей децентрализованностью, не государственностью, вернее возможностью исключить какой-либо привязки к институту государства, и в этом случае ее можно охарактеризовать как надгосударственную структуру не подконтрольную государственным администраторам, тем самым затрагивающим экономическую безопасность государства.

Экономическая безопасность характеризуется как способность отдельных лиц, домашних хозяйств или общин удовлетворять свои основные потребности устойчивым и достойным образом. Это может выражаться в зависимости от потребностей человека в еде, жилье, одежде, предметах личной гигиены, сохранности и поддержании здоровья, и получении образования, которые находятся в зависимости от необходимости зарабатывания соответствующих денежных средств для удовлетворения потребностей.

Экономическая безопасность – это устойчивость экономической системы, по обеспечению нации, сообщества, региона, базовым уровнем жизни, которая подразумевает управление рисками и разработки системы, способной выдержать экономический стресс. И здесь прослеживается взаимосвязь между криптовалютной экономикой и экономической безопасностью государства, где не подконтрольные государственным структурам денежные средства, в конечном счете могут привести к следующим негативным последствиям, а именно (Ward, 1998):

- Сокращению доходов бюджетов бюджетной системы государства;
- Возможность использования неподконтрольных денежных средств вне легальной экономики;
- Увеличению инфляции;
- Спаду экономической активности легальных инвесторов;
- Росту коррупции;
- Повышенным возможностям нарушения трудового, гражданского правового, экологического, уголовного-процессуального законодательства.

Постановка проблемы

Цифровое развитие национальной экономики генерирует принципиально новые риски и угрозы экономической безопасности страны. Это усугубляется тем, что в цифровой экономике имеет место усиление противоречия между индивидуальными и общественными приоритетами в экономической безопасности из-за сохранения неформальных институтов, и насколько они сохраняют свою экстрактивность и инклюзивность – для современной России это особенно значимо. Вопросы развития цифровизации и цифровой экономики как правило рассматриваются в двух плоскостях – в ракурсе дигитализации и последующей цифровизации системы коммуникации между экономическими субъектами и в ракурсе собственно цифровой экономики. Это связано с тем, что цифровизация классических процессов влечет за собой скорее трансформацию каналов трансляции и ретрансляции информации производственного, финансового и иного вида, а цифровая экономика представляет собой экономическую деятельность по созданию и реализации электронных товаров, и услуг в рамках электронного бизнеса и электронной коммерции – деятельность по созданию добавочной стоимости посредством генерации цифровых экономических благ. Важнейшим элементом трансформаций являются решения на базе финансовых технологий, выступающие как драйверами экономической безопасности, так и источниками новых угроз и рисков.

Так, сегодня технологии блокчейн используются не всегда во благо общества, и как следствие, имеет свои «подводные камни», и используются для того, чтобы обезличиться при проведении криптовалютных операций, а также получить спекулятивный доход (не являющийся базовой функцией финансового инструмента) от совершения криптовалютных операций – в частности, от эффекта с крипто-котировками в Bitcoin, Ethereum, Ripple и др (Corbet, Lucey, Urquhart, Yarovaya, 2019, Mohanta, Jena, Panda, Sobhanayak, 2019).

Поэтому, актуализируются вопросы экономической безопасности в условиях криптовалютной реальности. Так, возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания служит предпосылкой высокого риска потенциального вовлечения криптовалюты в схемы, направленные на легализацию (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

Исследуемый вопрос

Криптовалюта сегодня уже рассматривается не просто средством платежа и объектом инвестиций, а обязательным условием входа в криптовалютную экономику, и средством обмена в этой новой цифровой экономике. А это требует, с одной стороны, более детальной разработки методов и инструментов экономической безопасности. А с другой – более четкого выстраивания приоритизации целей и ценностей экономической безопасности страны, организации и предприятия, а также физического лица. Именно экономическая безопасность государства в условиях криптовалютной реальности обретает повышенное значение из-за того, что движение реальных активов сопровождается криптовалютными операциями, которые могут сопровождаться ущемлением экономических интересов конкретного государства. Криптовалютная действительность является реальной угрозой экономической безопасности и глобальным вызовом для любого государства – крупного, среднего и малого. Так, согласно данным ВЭФ по глобальным рискам (The Global Risks Report 13th Edition, 2018) такие общемировые угрозы, как киберпреступность и кража данных расположены на третьем и четвертом месте по их значимости. Так, анонимность криптовалютных транзакций, благодаря технологии блокчейн, делает их идеальным средством для торговли наркотиками и оружием, вывода и отмывания денег, что несет в себе угрозу для экономической безопасности страны (Мамаева, 2016). Кроме того, спекуляции криптовалютами несут в себе риск для глобальной финансовой системы, поскольку все торгуемые цифровые валюты ничем не подкреплены, а их котировки намного волатильнее официальных валют. Кроме того, наблюдаются и политические противоречия из-за того, что с одной стороны, криптовалюта является явной формой богатства, а с другой – практически, ни одно государство не может использовать (распределить, перераспределить, экспроприировать и т. д.) в силу наличия криптографии, и как следствие этого, не может защитить инвесторов в случае скачков курса или обмана со стороны продавцов криптовалюты.

В такой ситуации взаимодействие власти, бизнеса и населения (через общественные организации) в вопросах цифровой безопасности приобретает ключевую роль в укреплении основ их совместной деятельности.

Цель работы

Основная цель исследования состоит в анализе влияния криптовалюты на экономическую безопасность государства, а также в разработке и обосновании теоретико-методологических механизмов регулирования и контроля оборота криптовалют.

Методы исследования

К особенностям криптовалютной экономики следует отнести, во-первых, развитие интернет-экономики – так, Facebook, Uber, Airbnb, которые по сути, не имея физические активы, представляют собой цифровые платформы и не уступают по своей капитализации многим промышленным гигантам. Во-вторых, наличие «облачных» технологий, которые трансформируют вычисления в услугу, что позволяет компаниям от вложений в закупку вычислительных мощностей и хранение данных. В-третьих, в качестве основной организационной структурой компании становится сеть взамен иерархии – гибридные формы организации более приспособлены к

быстрым изменениям на рынке, а это сказывается на их эффективности. В-четвертых, интернет становится основным инструментом поиска информации. В-пятых, обмен информации носит глобальный характер. В-шестых, самоорганизация становится основным подходом к управлению. Появились новые модели экономических отношений, обобщенно именуемой экономикой совместного пользования –Alibaba, eBay, Amazon и т. д. (Tsakaev, Khadzhiev, 2019).

Результаты

Криптовалюты несут в себе определенные риски для экономической безопасности страны, и поэтому требуют законодательного регулирования. Установление запрета на законодательном уровне на совершение криптовалютных операций также имеют негативные последствия для экономической безопасности страны, так как уведет рынок криптовалютных операций в теневую экономику и будет стимулировать использование криптовалют в качестве инструмента для обслуживания нелегальных бизнес-операций. Есть угроза, что вся нарождающаяся новая цифровая экономика (криптовалютная экономика) будет процветать в стране, но вне зоны влияния государства, то есть полностью отстранившейся от официальной денежной системы и государственных решений (Mamaeva, Lazareva, Rybakova, Kiryukhina, 2018).

Действительно, отсутствие в системах криптовалют контролирующего центра влечет невозможность обжалования или отмены несанctionированной транзакции, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не позволяет реализовать правовые механизмы обеспечения исполнения обязательств сторонами сделки. Так, если оплата произведена, но услуга или товар не получены, то нет гарантий возврата такого платежа, к тому же криптовалюты в силу децентрализации не имеют субъекта, обеспечивающего их условную платежеспособность. К тому же, криптовалюту по мнению специалистов сложно признать денежным суррогатом и нормы об ответственности за мошенничество или другую форму хищения здесь неприменимы и привлечение физических лиц к уголовной и административной ответственности за участие (организацию) в торговле криптовалютой на сегодня в России невозможно (Maksurov, 2018).

Разрешение указанной ситуации особенно актуально для экономической безопасности России, и будет зависеть от того, какой подход на законодательном уровне примут в отношении регулирования криптовалютного рынка. Вопрос в повестке дня России (и многих других стран) – что выбрать:

1. Регулировать нельзя, **запретить!**

или

2. **Регулировать**, нельзя запретить!

В России в первом случае, угроза уголовно-правовых санкций просто выведет инвесторов-россиян с российского рынка на рынок других стран. В втором случае, – речь идет о признании криптовалюты как дополнительного платежного средства, и как следствие потребует внесения изменений в действующее российское законодательство (отмена ст. 27 в ФЗ «О Центральном банке РФ (Банке России)», изменение в ч. 1 ст. 140 Гражданского кодекса РФ, ч. 1 ст. 75 Конституции РФ и пр.).

Но принятие решения по регулированию криптовалютных операций в отдельно взятой стране не обеспечивает её экономическую безопасность. Так как в условиях криптовалютной реальности экономическая безопасность государства зависит от уровня синхронизаций усилий всех стран в регулировании стремительно развивающейся криптовалютной экономики.

Выводы

Возможность использования технологий, требует принятия адекватных мер государственными органами в целях регулирования и контроля оборота криптовалют.

В современных условиях на фоне наличия недостатков правового, организационно-стратегического характера в законотворческой и правоприменительной деятельности можно констатировать практически полное отсутствие регулирования данного явления (Batoyev, Semenchuk, 2017).

Одними из главных проблем экономической безопасности государства в условиях криптовалютной реальности остаются: проблемы деанонимизации личности лиц, использующих криптовалюты; децентрализованный формат функционирования криптовалют; вопросы взаимодействия правоохранительных органов разных стран по вопросам использования криптовалют в преступной деятельности. Поэтому, основной задачей в нивелировании этих проблем является научное осмысление и глубокое фундаментальное исследование криптовалют для выработки адекватных регулятивных (надзорных) мер со стороны государства.

В связи с невозможностью остановить, частично или полностью исключить эмиссию децентрализованных денежных средств (криптовалют), необходимо обеспечение законодательного регулирования оборота криптовалют, с учетом отрицательного и внедрения положительного передового опыта других стран. В частности, заслуживает внимание как опыт создания государственных криптовалют, так и подход межправительственного органа по финансовым мероприятиям (ФАТФ), членом которого является и Россия (Public consultation on FATF draft guidance on digital identity, 2019).

Регулирование использования децентрализованных денежных средств (криптовалют) возможно в трех проекциях. Во-первых, *регулирование деятельности специальных торговых платформ связанных с операциями криптовалют (биржи, обменники)*, направленное на выявление степени риска деятельности, и исходя из результатов, предложение о введении запрета на криптовалютные операции, либо применение законных методов

противодействия легализации и отмыванию денежных средств, в частности: введение системы лицензирования деятельности субъектов, оказывающих услуги по конвертации криптовалюты на фиатные деньги; делегирование полномочий субъекту лицензирования по сбору информации о клиентах (политика «KYC» – знай своего клиента); обязанность по хранению информации о клиенте у субъекта лицензирования. Применения мер проверки клиента может заключаться в его идентификации посредством подтверждения идентификационных данных, например, документ, удостоверяющий личность, ИНН, СНИЛС, использование электронно-цифровой подписи, определение IP адреса.

Во-вторых, создание международных межведомственных рабочих групп для взаимодействия надзорных и регулирующих органов государств, необходимые для глобального регулирования использования криптовалют, в целях консолидации усилий по выработке и реализации эффективной и сбалансированной политики регулирования деятельности криптовалютных операций, создания общей нормативно-правовой базы, обмена опытом, оказания взаимопомощи, создания процедур выявления, ареста и конфискации доходов полученных и используемых для совершения преступлений, заключения договоров об экстрадиции лиц за преступления совершенные с использованием криптовалют, и других мер экономической безопасности государства в криптовалютной реальности.

В-третьих, Международному сообществу, в рамках существующих международных организаций (ООН, МВФ, Мировой банк, Банк Международных расчетов и др.) выработать единую стратегию развития международного криптовалютного рынка на основе: международного определения юридического статуса криптовалют; определения ключевых элементов при проверке финансовых потоков; построения международной базы данных информации доступной специальным подразделениям по проверке финансовых потоков.

Принятие данных мер с большой вероятностью позволит исключить использование криптовалют для отмывания и легализации денежных средств, полученных преступным путем, и это в конечном счете положительно скажется на экономической безопасности государства.

Список литературы

1. Batoyev, V.B., Semenchuk, V.V. (2017). How to Overcome Problems in Combating Criminal Use of Virtual Cryptocurrencies. *Proceedings Of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia*. № 2 (42). Pages 12-15
2. Corbet, S., Lucey, B., Urquhart, A., Yarovaya, L. (2019). Cryptocurrencies as a financial asset: A systematic analysis. *International Review of Financial Analysis*. Volume 62, Pages 187.
3. Maksurov, A.A. (2018). On the issue of legal liability for using the cryptocurrency in the production of calculations. *Bulletin of Omsk law Academy*. Volume 15, № 4. Pages 429-430.
4. Mamaeva, L.N. (2016). Current issues of information security in modern economy. *Information security of regions*. №. 1(22). Pages 23.
5. Mamaeva, L.N., Lazareva V.A., Rybakova K.S., Kiryukhina M.V. (2018). Current issues of information security in modern economy. *Economic safety and quality*. №. 1 (30). Pages 54-55.
6. Mohanta, B.K., Jena, D., Panda, S.S., Sobhanayak, S. (2019). Blockchain technology: A survey on applications and security privacy Challenges. *Internet of Things*. Volume 8. Pages 349.
7. Public consultation on FATF draft guidance on digital identity. (2019). *The Financial Action Task Force (FATF)*. Retrieved from <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/consultation-digital-id-guidance.html>
8. The Global Risks Report 13th Edition (2018). *The International Monetary Fund*. Retrieved from <http://reports.weforum.org/global-risks-2018/>
9. Tsakaev, A.Kh., Khadzhiev, M.R. (2019). Taxation and transformations to the digital economy conditions. *International scientific journal Industry 4.0. Year IV, Issue 3*. Pages 135-136.
10. Ward, H.P. (1998). *Economic Security, Private Investment, and Growth in Developing Countries*. Retrieved from <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/Economic-Security-Private-Investment-and-Growth-in-Developing-Countries-2456>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОГО» В «ПОСТСОВЕТСКОМ»

Холова Л.А. (а)

(а) Астраханский государственный университет, 20А, ул. Татищева., Астрахань, Россия,
lyubov.kholova@yandex.ru, 89275551127

Аннотация

Статья посвящена проблеме научного осмысления границ «советского» в реалиях постсоветского пространства. Понятие «постсоветское пространство» неоднозначно трактуется отечественными и зарубежными исследователями. Перенос опорных точек, ответственных за интеграцию общества, с памяти о прошлом на представления о настоящем и будущем усложняют процесс формирования идентичности молодого поколения и определения ее базовых маркеров. В отличие от бывших прибалтийских социалистических стран, в российском прошлом нет идентичности, к которой можно было бы вернуться для конструирования будущего. В 1990-е годы механизмы коллективной, советской идентичности были разрушены, а в начале 2000х началась их поступательная «реставрация». Российское постсоветское поколение ориентировано на самореализацию, творчество и свободу самовыражения. Молодые люди готовы активно выражать свою гражданскую позицию, отвергая принцип унификации и придерживаясь множественности и подвижности идентичностей. Трансформации особенно заметны, прежде всего в менталитете и системе коллективных представлений молодежи, выросшей уже на постсоветском пространстве. Здесь определение тенденций в молодежной среде по восприятию социалистического прошлого является одной из главных задач. Для достижения поставленной задачи были использованы методы ассоциативного опроса и раздаточного анкетирования (объем выборочной совокупности составил 100 респондентов). Множественность точек зрения на феномен «постсоветского пространства» и «постсоветской идентичности» требует анализа определений «советского» и «постсоветского» с позиции исторической взаимосвязанности. Противоречивость оценок и суждений связана со сложностью, многогранностью, недостаточной изученностью феномена «постсоветского» и политической конъюнктурой. Определение границ «советского» в «постсоветском» раскрывает особенности культурной идентификации как одного из основных подходов в изучении процессов интеграции России в мировое культурное пространство. Ранее исследователи лишь в той или иной степени затрагивали соответствующую проблематику, но не в контексте взгляда молодого постсоветского поколения.

Ключевые слова: Alien, Our, Other, post-Soviet space, the Caspian macro-region, collective memory

Введение

В 1991 году в результате развала СССР, крупнейшего геополитического образования, появилась территориальная локализация новых независимых государств, связанных общностью существования в одном государстве и сохраняющих в этой связи некую общую идентичность. Термин «постсоветское пространство» был использован профессором А. Прусаускасом в его статье «СНГ как постколониальное пространство» (Прусаускас, 1992). Следует отметить, что основой стали события от 8 декабря 1991 г., когда Латвия, Литва и Эстония отказались войти в формируемое политическое образование – СНГ (Содружество Независимых Государств), призванное регулировать отношения между новыми независимыми государствами. В нашем исследовании не рассматривается принадлежность Прибалтийских государств к постсоветскому пространству, так как они все оказали сопротивление и им удалось сохранить собственные политические традиции и институты. Более того, с 1989 года они заявили о своем нежелании участвовать в любых постсоветских интеграционных проектах, оставив главной задачей восстановление полной и неоспоримой национальной независимости. Присоединение Эстонии, Латвии и Литвы к Организации Североатлантического договора и Европейскому Союзу в 2004 году полностью определило вектор политического и культурного развития Прибалтийских государств.

В политическом и культурном дискурсах существуют два мнения о субъектности «постсоветского пространства». Так министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэндом в интервью по случаю отражения грузинской агрессии в Южной Осетии, говорил: «Советский Союз больше не существует, постсоветского пространства больше нет. Существует новая карта Восточной Европы, с новыми границами, и эту карту нужно защищать в интересах общей стабильности и безопасности» (Затулин, 2011). Исследователи А. Малашенко, Л. Андрусенко и А. Суздальцев считают, что использование термина нецелесообразно (Тофан, 2015).

Интересна позиция исследователя А.Г. Дугина, которая предлагает рассматривать постсоветское пространство, учитывая «сразу несколько версий структурирования доминантных процессов», открытых и «развертывающихся параллельно в противоположных направлениях» (Дугин, 2011). Здесь постсоветское пространство может выступать в трех позициях: как постсоветская реальность; в качестве площадки для глобализации и вестернизации, встраивание в «архитектуру униполярного или многостороннего мира (США как империя или Запад как мировое правительство)»; как тренд, заключающийся в формировании на территории бывшего СССР «Евразийского Союза», воссоздаваемого на цивилизационной идентичности и традиционных ценностях (Дугин, 2011).

Евразийский Союз предполагает не только экономическое, но и социополитическое сотрудничество. Так, в качестве исторических предпосылок формирования союза следует отметить создание Межпарламентской ассамблеи государств-членов СНГ 27 марта 1992 года, подписание соглашения о Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии и уже в 2000 году формирование Евразийского экономического сообщества.

Однако в рамках данной статьи под постсоветским пространством понимаются территории, культурный ландшафт, который долгое время формировался под воздействием советской идеологии и на который общая история до сих пор оказывает влияние. После распада Советского союза представления о СССР базируются на категориях исторического прошлого.

Бельгийский геополитик Ж. Тириар сравнил территорию бывшего СССР с плиткой шоколада. После того как дольки (бывшие советские республики) отломлены, их уже недостаточно сложить вместе, чтобы восстановить всю плитку. Отныне этого можно добиться только путем переплавки и новой штамповки всей плитки – путем интеграции (Андропова, 2012).

Повсеместно наблюдаются разнонаправленные акции воссоздания памяти о ранее вычеркнутых из общей истории стран одних событиях, активное «ностальгирование» и одновременное забвение. Общие чувства – важный элемент консолидации любой национальной или конфессиональной группы (значимые для всех праздничные или скорбные даты, предпочтение национальной кухни и фольклора). Однако в современной постсоветской реальности предписываемые эмоции становятся чуть ли не единственной «скрепой», формирующей внутри себя дихотомию «свой-чужой».

За 70 лет существования СССР сложился новый человеческий тип – *Homo soveticus* (Серов, 2005; Зиновьев, 1986), базирующийся на ценностях коммунизма и марксистско-ленинского учения. Юрий Левада, опираясь в своих работах на многолетние исследования (с 1989 года), утверждает, что «советский человек как тип личности никуда не исчез с распадом СССР, а продолжает существовать в современной России и воспроизводиться в новых поколениях» (Левада, 2004).

В политологических работах отмечаются общие тенденции в развитии процессов, разворачивающихся в постсоветских республиках после провозглашения и обретения независимости (Егоров, 2011). Содержание действий изменяло привычное отношение к западным принципам и постепенную «конвертацию» позиций «другого» и «чужого». Такие факторы как различие исходных условий, многообразие культурных традиций, неодинаковые возможности социально-экономической трансформации, степень внешнего влияния предопределили смену политического, а в дальнейшем и культурного ландшафта постсоветского пространства.

Главной предпосылкой данных процессов будет являться множественность конфликтов в эпоху перестройки (1985-1991), а именно: Карабахский конфликт между азербайджанцами и армянами; декабрьские события в Алма-Ате 1986 года, повлекшие формирование независимого движения и демонстраций. Политические и гражданские конфликты в союзных республиках увеличили объем беженцев в РСФСР к 1991 году до 1 миллиона человек, нарастание агрессивности ускорило процесс смены векторов в линейке образов «свой-другой-чужой» (Романова, Якушенков, 2013; Романова, Хлыщева и др., 2013).

Первая и вторая чеченские войны, осетино-ингушский конфликт в 1992 году и Исламский конфликт, начавшийся в 2009 году также усилили разложение культурных контактов, служивших основой для диалога культур. Социокультурное пространство и его конфликтность уменьшают степень притяжения между ее составляющими, делая их обособленными и изолированными. Следует отметить, что постсоветское социокультурное пространство, при всей его сложности и неоднородности необходимо характеризовать с позиции исторической взаимосвязанности, что может выступить соединительной тканью современной глобальной интеграции. Факторами, который содействует перспективам данной интеграции, являются исторические традиции сотрудничества народов, советская многонациональная культура, феномен некогда общего для всех русского языка.

На постсоветском пространстве изменяются основные параметры и объемы шкалы образов «Свой – Чужой», где идеологическое разделение между Своим и Чужим замещается этническим и религиозным разломом (Романова, 2016).

За основу нами взята концепция Ж. Лакана, а именно, его триада Воображаемого Символического-Реального, где взаимодействие может проходить на трех ступенях: «ближний другой», «Большой Другой» и «иной».

«Советский человек», как особый тип идентичности не прекратил свое существование в момент развала СССР. Советский человек представляет собой не только продукт советской идеологии, но и результат исторических особенностей развития России в целом.

Постсоветский период сопровождался распадом советской идентичности и проходил параллельно с масштабной антисоветской пропагандой, развернувшейся в большинстве бывших союзных республик, значительно влияя на изменение сознания советского человека.

На данный момент Российская Федерация выступает как агент национализма для стран бывших советских республик и преемником советского наследия, где множество факторов (место происхождения, особенности принимающего общества, период проживания в стране переезда, социальный статус, положение и пр.) влияют на конструирование идентичности, стремясь стать пространством единения (воображаемого единения).

Советская история стала к сегодняшнему моменту прошлым, удаленным настолько, чтобы, с одной стороны, быть предметом научного анализа, а с другой, чтобы стать объектом коллективных мифологизаций и ностальгирования. За десятилетия раздельного существования, на территории России и бывших советских республик, появились новые поколения граждан, чья социализация и инкультурация развивались иначе под воздействием глобализации, дигитализации и новой политической идеологии, что формирует у представителей нового поколения отношения друг к другу, не как к бывшим соотечественникам, а как к представителям иностранных государств (Torchiev, 2016). Российский социум, состоящий из многообразия этносов и народностей, бывших жителей союзных республик озадачен тремя основополагающими вопросами для определения идентичности, позиции «свой», «чужой» и дальнейшего вектора социокультурного развития (рис. 1).

Рис. 1. Комплекс определения идентичности

Современное «российское» все еще не наполнено собственным, самоопределяющимся содержанием, однако выявленные ответы респондентов позволяют заявить о признании единой точки отсчета – советского прошлого. Базовой номинацией для современного российского общества следует считать именно определение «постсоветское», что в полной мере демонстрирует незавершенность социального формирования.

Противоречивая ситуация требует проведения дополнительных исследований и аналитики масштабной рефлексии по советскому прошлому и его связи с современной российской действительностью. Массовая культура наполнена образами из прошлого, носящими оценочный характер.

Постановка проблемы

Распад СССР повлек за собой ряд процессов в социокультурной и политических сферах:

- разрушение идеологического фундамента социализма;
- прекращение функционирования идеи борьбы двух полюсов – капиталистического и социалистического;
- политическая, экономическая, культурная, религиозная, этническая сепарация;
- фрагментация культурного поля от наследия СССР и глобализация в сторону Западного Мира;
- кратковременный период «антикоммунизма», выраженный в кардинальной дискриминации всего советского;
- масштабный кризис идентичности в бывших советских республиках, определяемой большинством российских и зарубежных исследователей как «постсоветская», а само пространство, занимаемое бывшими советскими республиками как «постсоветское».

Исследуемый вопрос

Индивид, рассуждая о понятиях «моя родина», «моя страна», «мои соотечественники», чаще всего выстраивает ассоциативный ряд связанный с домом, семьей, друзьями и рядом исторических, культурных маркеров, повлиявших на его становление как личности. Сочетание и сосуществование в государстве разных этносов, религий, культур, традиций – формирует облик нашей страны. Молодое поколение, рожденное в постсоветский период, не имеют эмоциональной связи и личного опыта, связанного с советской эпохой. Процесс самоидентификации в условиях дигитализации и глобализации происходит с установлением новых идеологических, гражданских, семейных, карьерных и сексуальных ориентаций. Формируется ли идентичность и ориентация на будущее у молодого поколения через конструирование образа советского прошлого?

Цель работы

Цель исследования – определить социокультурный феномен «советского» в «постсоветском» и выявить основные базисные позиции формирующейся коллективной памяти молодого поколения постсоветского пространства.

Методы исследования

Логика работы определена проблематикой, целей и задачами. В качестве основного исследовательского подхода используется структурно-функциональный метод для изучения основных параметров культурного своеобразия «советского» и «постсоветского». Использование методов ассоциативного опроса и анкетирования дали возможность выявить основные тенденции восприятия молодым поколением советского прошлого. В основу настоящего исследования также легли общенаучные методы анализа, исторический и логические методы. В октябре 2019 года нами было проведено сплошное социологическое исследование методом ассоциативного

опроса и анкетирования. Респонденты – студенты Астраханского государственного университета (поколение рожденных на рубеже 2000х), объем выборочной совокупности – 100. Ассоциативное поле – Советский союз.

Ассоциативный метод использовался с целью выявления исторических и культурных **стереотипов** об СССР. Применение метода свободных ассоциаций позволило выявить ассоциации, отражающих не только случайные ситуативные взаимосвязи, но и социальные ценности, представляющие собой «наиболее глубокие основания культуры», служащие «мерилом того, что люди считают важным, значимым» (Савин, 2010), а именно выявить тенденции в молодежной среде по восприятию социалистического прошлого.

Студентам было предложено вписать любое слово или словосочетание, ассоциирующееся у них с Советским Союзом. Нами не ставилась задача выявления лингвистических или психологических аспектов ассоциаций. Мы посчитали необходимым выявить «социальную составляющую» ассоциаций, понять, как в приведенных ассоциациях отражаются социальные представления людей, стереотипность мышления, так как ассоциации респондента отражают его личный жизненный опыт и социальный опыт групп, в которые он включен.

Результаты

По коннотации ассоциации можно условно разделить на две категории: общие (относящиеся к массовой культуре) и исторические (исторические личности, события). Следует подчеркнуть, что данное разделение носит условный характер. Респонденты отметили следующие ассоциации исторического типа: «Сталин», «Ленин», «репрессии»; «Великая Отечественная война», «развал», «перестройка»; ассоциации общего типа: «Коммунизм», «дефицит», «серп и молот», «рабочий и колхозница», «колхозы». Материальные предметы в качестве носителей образа прошлого упоминаются, но в единичном варианте, что может означать то, что молодое поколение акцентирует внимание больше на эмоциональных и исторических факторах. Упоминание «серпа и молота», а также памятника «рабочему и колхознице» можно отнести к объектам, также актуализирующим образы прошлого. Следует отметить, что перечисленные респондентами ассоциации не показывают какое место занимают представления о СССР в современной идентичности молодого постсоветского поколения. Феномен «советского» в восприятии современной молодежи существует в позиции Другого, являясь объектом исторического прошлого, вызывающий интерес, но без яркого ценностного (положительного или отрицательного) определения.

В качестве второго этапа исследования было проведено сплошное анкетирование (объем выборочной совокупности – 100 респондентов). Согласно вопросу, указанному в анкете, респондентам также необходимо было перечислить наиболее знаковые, по их мнению, события в российской истории. Часто упоминаемые события: «Победа в Великой Отечественной Войне» (38 %), «Распад СССР» (36 %), «Февральская и октябрьская революции» (18 %). Исходя из ответов респондентов можно сделать вывод, что содержание образа Советского Союза в памяти современной молодежи определяется концептами, получившими наибольшее распространение в рамках курса истории, а также пропаганды средств массовой информации.

Выводы

Распад Советского Союза привел не только к созданию новых государств, но и к геополитическому вакууму и сильной напряженности в отношениях с Россией. Выявленные тенденции следует рассматривать в рамках ретроспективы, рассматривая постсоветское пространство через 20 лет после распада СССР, но и анализируя текущее состояние бывших советских республик. Новое поколение, выросшее без личной памяти о советской эпохе, реинтегрирует память о советской культуре, при этом продолжая процесс культурного забвения.

Постсоветская идентичность – противоречивый, амбивалентный феномен. Образ «Чужого» в постсоветских реалиях представляет собой транзитный тип, приводящий к конфликту идентичностей, не имеет внятной интерпретации в современном научном дискурсе. Социокультурные контексты построения идентичности личности меняются. Происходящие изменения с ментальностью, массовой культурой и идеологией следует рассматривать в синтезе ретроспективы советского общества и активной дигитализации современности. Осознание теоретических рамок концепта «постсоветского» происходит на нескольких основаниях: полного отрицания феномена постсоветского пространства; как явления, завершившего свое существование; или как транзитный феномен культуры для современной России и стран СНГ. Временная дистанция молодого поколения позволяет исследовать смысл «советского» вне политической идеологии СССР, выделяя «советское» как совокупность специфических форм существования и взаимодействия индивида в обществе.

Изучение «постсоветского» в рамках категорий «коллективная идентичность», «коллективная память» и «Свой-Чужой» фиксируют незавершенность процесса ухода от советских ценностей. Коллективное «Мы» еще находится на стадии поиска и формирования не только понятия «Своего», но и «Чужого». Актуализация текущего состояния «постсоветского» позволяет задать форму образам прошлого, настоящего и будущего, активно транслирующимся в массовой культуре. Пространством, наглядно представляющим ностальгический образ «советского», является интернет. Виртуальный формат «советского» активно потребляется подрастающим поколением, формируя новые культурные связи и разрывы.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90034 «Transformation of the image of the Alien in the culture of the post-Soviet space of the Caspian macro-region».

Список литературы

1. Празаускас, А. (1992). СНГ как постколониальное пространство. *Независимая газета*. 25. Retrieved from: https://sites.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm
2. Prazauskas A. From the Russian Empire to the USSR Union / A. Prazauskas // Herald of Eurasia. – 1996. – № 1 (2). – P. 111-130.
3. Затулин, К.Ф. (2011). *Сохранение и укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве в контексте внешнеполитической стратегии России*. Москва: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ).
4. Тофан, А. В. (2015). Методологические подходы к понятию «постсоветское пространство». *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*, 5, 15, 44.
5. Дугин, А.Г. (2011). Геополитика постсоветского пространства (тезисы). *Левиафан: материалы семинаров по проблемам геополитики и многополярности*: вып. 2 (pp. 63-69). Москва: Евразийское движение.
6. Андропова, И.В. (2012). Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 5, 72-81.
7. Серов, В. (2005). Гомо советикус. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* (с. 186). Москва: Локид-Пресс.
8. Зиновьев, А. (1986). *Homo sovieticus*. Grove Atlantic.
9. Левада, Ю. (2004). *Человек советский*. Retrieved from: <https://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>
10. Егоров, В. (2011). Постсоветское пространство как предмет научного осмысления. *Обозреватель*, 9, 48-59.
11. Романова, А.П., Якушенков, С.Н. (2013). Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях. *Вопросы философии: научно-теоретический журнал*, 2, 49-55.
12. Романова, А.П., Хлыщева, Е.В., Якушенков, С.Н., Топчиев, М.С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. Москва: РОССПЭН.
13. Романова, А.П. (2016). Образ Чужого на постсоветском пространстве. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4 (49), 159-166.
14. Topchiev, M., Romanova, A., Yakushenkov, S. (2016). Transformation of the alien image in the post-soviet space. *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*: Vol. 2, (pp. 949-954). Albena: Alexander Malinov published. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.127
15. Савин, С. Д. (2010). Культура как фактор динамической стабильности российского общества. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 2, 12, 105-112.

ОСОБЕННОСТИ БЕЗОПАСНОГО ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Кисляков Павел (а), Шмелева Елена (а, б), Силаева Ольга (а, б),
Белякова Наталья (а), Савченко Дмитрий (а)

(а) Российский государственный социальный университет, 4-1 ул. Вильгельма Пика, Москва, Россия,
pack.81@mail.ru, +7(915)8484010

(б) Ивановский государственный университет, 24, ул. Кооперативная, г. Шуя, 155908, Россия,
pos_shmleeva@mail.ru, +7(915)8389259

Аннотация

В статье исследуются особенности выбора респондентами видов безопасного просоциального поведения в зависимости от социокультурных и экономических условий регионов их проживания. Для безопасного просоциального поведения существенной характеристикой выступает направленность на сознательное обеспечение гражданами безопасного существования других людей и общества в целом. Гипотезой является предположение о том, что существуют региональные различия в предпочтениях людей, когда речь идет о ситуации помощи кому-либо. Применялись методики опроса в сети Интернет, дисперсионный анализа. Расчеты производились на базе пакета статистических программ SPSS 17. В эмпирическом исследовании участвовало 963 человека, проживающих в 14 субъектах РФ. Возрастной диапазон студентов – от 17 до 62 лет, 221 человек (23 %) – мужчины, 742 человека (77 %) – женщины. Цель исследования – провести анализ и выявить особенности типичных предпочтений в выборе видов безопасного просоциального поведения групп людей, сформированных по признаку территориальной общности (регион). Полученные данные свидетельствуют о том, что представления о безопасном просоциальном поведении формируются в значительной степени, исходя из социокультурных и экономических условий регионов, и зависят от общечеловеческих ценностей и гражданской идентичности.

Ключевые слова: safe prosocial behavior, typical perceptions, regions.

Введение

В современных условиях в контексте обеспечения национальной безопасности страны сформировался заказ на разработку социально-психологических основ формирования и развития у детей, молодежи и населения в целом просоциального поведения, ориентированного на благо других людей и общества в целом. В обществе утрачены многие духовно-нравственные и социокультурные ориентиры и социальные нормы, включающие обязанности по отношению к другому человеку или группе людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в помощи.

Просоциальное поведение представляет собой способ сознательного и целенаправленного проявления социальной активности во благо других людей. Такая активность охватывает разные формы социальных действий (помогать, поддерживать, дарить, жертвовать и пр.), имеющих своей целью пользу или выгоду других людей (Гришунина, Пятакова, 2014; Shamionov, Grigoryev, 2019; Kislyakov et al, 2019b).

Просоциальное поведение обусловлено множеством факторов, которые способствуют или препятствуют поступкам оказания помощи. Просоциальное поведение является результатом взаимодействия человека с другими людьми и средой, в которой он находится и под влиянием которой формируется (Sventsitsky, 2018; Погосян, 2019). Такая среда характеризуется требованиями, правилами, традициями, обычаями, транслируемыми и усваиваемыми ценностями, образцами, моделями, нормами желательного, допустимого поведения, доминирующими в культуре. Интерес и позитивное отношение к людям, забота о других, моральные опоры и суждения, могут выступать в качестве детерминантов просоциального поведения. На вероятность оказания помощи другим людям и обществу могут влиять внешние условия, среди которых существенными являются особенности территориальной общности (региона).

Постановка проблемы

Анализ феномена просоциального поведения личности обнаруживает огромный пласт детерминантов, обуславливающих его развитие и реализацию личностью, а также своеобразие структуры и моделей данного вида поведения. В социальной психологии выделяются несколько мотивов просоциального поведения: религиозные побуждения; желание помогать другим людям; способ самореализации и возможность быть социально полезным обществу; способ приобрести единомышленников и интересно провести досуг; желание участвовать в деятельности, приносящей радость и удовлетворение; творческая реализация; развитие социальных навыков.

Исследуемый вопрос

Социальное поведение представляет собой проекцию социокультурных матриц (т. е. норм и ценностей сознания) и предписаний, доминирующих в определенной социальной среде (Gritsenko, Kovaleva, 2014). Предполагается, что внешние условия, связанные с особенностями региона проживания, могут влиять на специфику предпочтения просоциальных практик. Могут существовать региональные различия в поведении людей, когда речь идет о ситуации помощи кому-либо. В связи с этим предметом статьи является анализ предпочтительных форм безопасного просоциального поведения, которые выбираются жителями различных территориальных общностей (регионов).

Анализ исследований в области безопасного просоциального поведения показал, что для него существенной характеристикой выступает направленность на сознательное обеспечение гражданами безопасного существования в современном социуме других людей и общества в целом, ориентация на общее благо в ситуациях минимизаций социальных рисков (национальных, культурных, нравственных), а также готовность человека противостоять факторам такого риска (Curcuruto et al, 2015; Kislyakov et al, 2019a).

Robinson и Piff установили, что усиление просоциального поведения является контекстуально-адаптивной реакцией для людей с низким уровнем социально-экономического статуса, обеспечивающей контроль над их угрожающей социальной средой (that increased prosocial behavior is a contextually adaptive response for lower-SES individuals that serves to increase control over their more threatening social environments) (Robinson, Piff, 2017). В другом исследовании установлено, что представители более низкого социально-экономического статуса действуют более просоциально из-за большей приверженности эгалитарным ценностям чувству сострадания (lower class individuals acted in a more prosocial fashion because of a greater commitment to egalitarian values and feelings of compassion) (Piff et al, 2010).

В ходе исследований в российских регионах имеются различия в помогающем поведении у студентов мегаполиса, областного центра и малого города (Акимова, Персиянцева, 2019a). Студенты мегаполиса взаимодействуют с окружающими чаще под воздействием принятых нормативов по сравнению со студентами малых городов; последние в своём поведении чаще исходят из индивидуально-личностных отношений и ситуационных характеристик; нормативы для них менее актуальны и реже влияют на их поведение (Акимова, Персиянцева, 2019b).

Цель работы

Цель исследования – выявление типичных представлений о безопасном просоциальном поведении групп людей, сформированных по признаку территориальной общности (регион), в различных социокультурных и экономических условиях: мегаполис – Москва; регион в условиях гражданско-политической транзитивности – республика Крым; депрессивный регион – Ивановская область, Костромская область; регион в условиях устойчивой этносоциокультурной идентичности – Республика Мордовия, Карачаево-Черкесская Республика; стабильно-развивающийся регион – Калужская область, Ярославская область, Московская область; регион с особыми природно-климатическими и географическими условиями: Тюменская область, Республика Коми, Новосибирская область, Ростовская область, Свердловская область.

Методы исследования

В выборку вошли 963 человека, проживающие в 14 субъектах РФ: Москве (24,4 %) и Московской области (11,32 %), Республиках Мордовия (10,07 %), Крым (2,8 %), Коми (2,7 %), Карачаево-Черкессии (11,63 %),

Ивановской (14,95 %), Ярославской (2,6 %), Тюменской (2,28 %), Ростовской (3,84 %), Новосибирской (2,49 %), Свердловской (2,6 %), Костромской (6,02 %) и Калужской областях (2,28 %). Среди участников исследования 23 % – мужчины, 77 % – женщины; возраст участников – от 17 до 62 лет. Таким образом, в исследовании приняли участие лица, представляющие схожие возрастные группы, но отличающиеся местом проживания.

Для выявления предпочтений в выборе просоциального поведения использовалась анкета, которая представляла собой перечень из 29 его видов (таблица 02). Респондентам предлагалось оценить степень значимости для общества того или иного вида (по шкале от 1 – абсолютно не важно, до 5 – очень важно). Для сбора данных использовался опрос в сети Интернет. Полученные ответы осмысливались и обрабатывались с помощью качественных и количественных методов анализа, в том числе: контент-анализа, ранжирования, дисперсионного анализа.

Результаты

Оценка значимости видов просоциального поведения осуществлялась путем подсчета суммы баллов по ответам «4» и «5» по каждому из 29 пунктов анкеты с последующим определением первого квартиля (X), содержание которого составляют наиболее предпочитаемые респондентами виды просоциального поведения (табл. 1).

Представители более двух третей регионов указали в качестве важных такие формы просоциального поведения, как помощь людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям в общественных местах, проявление сочувствия, душевной поддержки и помощь людям в трудной жизненной ситуации, помощь ветеранам, взаимодействие с ветеранскими организациями, помощь бездомным животным (пожертвования или уход; на улицах и пр.), содействие формированию здорового образа жизни людей, профилактике заболеваний, участие в организации дней здоровья.

Такие формы, как благоустройство памятных мест и воинских захоронений, содействие в увековечении памяти погибших при защите Отечества, помощь по уходу за людьми, организации досуга в домах-интернатах, центрах для престарелых и инвалидов, участие в благоустройстве территорий (посадка деревьев, уборка мусора в лесу, субботник во дворе и пр.) вошли во вторую группу по популярности просоциального поведения.

Менее значимыми формами стало донорство крови и ее компонентов, содействие в поиске пропавших людей (пропавших без вести, заблудившихся в лесу и пр.), демонстрация негативного отношения к коррупции, как в личном окружении, так и в обществе. Их предпочли жители менее трети регионов, участвующих в опросе.

Анализ результатов показал, что жители Ивановской, Ярославской, Новосибирской областей, Республики Коми предпочитают формы просоциальности, направленные на оказание помощи людям в трудной жизненной ситуации, сохранение среды обитания и благоустройство (экология и ЗОЖ).

Жители Москвы и Московской области, Ростовской, Свердловской и Костромской областей, Карачаево-Черкесии, Крыма добавляют к этому помощь бездомным животным, но менее готовы оказывать помощь по уходу за людьми, организации досуга в домах-интернатах, центрах для престарелых и инвалидов.

Респонденты из Республики Мордовия, Калужской и Новосибирской областей также указали в качестве важных форм готовность участвовать в сборе пожертвований для социально уязвимых групп населения и содействие в поиске пропавших людей. Мордовцы также, как и представители Тюменской области и Карачаево-Черкесии, менее предпочитают способствование формированию ЗОЖ, а респонденты из Калужской области – участие в благоустройстве территорий и памятных мест.

Жители Республики Крым готовы не только помогать людям в трудной жизненной ситуации, поддерживать и сохранять окружающую среду, участвовать в сборе пожертвований для людей и животных, но и помогать деньгами (они оказались единственными, у кого такая форма благотворительности вошла в первый квартиль предпочтений). Однако формы просоциального поведения, связанные с увековечением памяти погибших и помощь ветеранам, оказались для них, как и для жителей Ярославской, Тюменской, Свердловской, Калужской областей, Республик Мордовия, Коми, Карачаево-Черкесии менее значимыми.

Представители Свердловской области указали в качестве важных форм просоциального поведения, наряду с указанными ранее, демонстрацию негативного отношения к коррупции, и вместе с жителями Ярославской области предпочли донорство крови и ее компонентов.

Ни в одном из изучаемых регионов в первый квартиль типичных представлений о безопасном просоциальном поведении не вошли такие формы, как участие в проведении фестивалей, конкурсов, концертов, выставок, популяризации культурных традиций и практик, участие в осуществлении работ по сохранению памятников истории и культуры, участие в организации религиозных массовых акций, праздников, помощь в восстановлении религиозных сооружений (храмов, мечетей и пр.), участие в организации и проведении спортивных мероприятий (олимпиад, паралимпиад, универсиад, чемпионатов, спартакиад), участие в протестных акциях (митинги, демонстрации) для привлечения внимания к проблеме, участие в массовых акциях траура и скорби, добровольчество в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, волонтерская помощь в Интернет-среде, помощь правоохранительным органам в охране общественного порядка, активная гражданская позиция и информирование о правонарушениях, свидетелем которых может стать, информирование об опасном (противоправном) Интернет-контенте (пропаганда наркотиков, экстремизм, призыв к самоубийству, вредоносные компьютерные программы и др.), участие в просветительской работе, образовательных программах (проведение занятий в школах, вузах, мастер-классов о профессии и пр.), наставничество, корпоративное волонтерство.

Таблица 1. Оценка важности видов просоциального поведения в различных регионах России

Виды просоциального поведения	Ивановская	Москва	Московская	Республика Мордовия	Ярославская	Республика Крым	Тюменская	Республика Коми	Ростовская	Карачаево- Черкесская республика	Новосибирская	Свердловская	Костромская	Калужская
Помогать деньгами нуждающимся в помощи людям						X								
Участвовать в сборе пожертвований для социально уязвимых групп населения				X		X	X	X		X	X			X
Предлагать помощь людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям в общественных местах	X	X	X	X	X	X	X		X	X	X	X	X	X
Оказывать помощь в домах-интернатах, центрах для престарелых и инвалидов	X			X			X	X			X			X
Оказывать душевную поддержку людям в трудной жизненной ситуации	X	X	X		X	X	X	X		X	X	X	X	X
Участвовать в экологических акциях	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Участвовать в благоустройстве территорий	X	X			X	X		X	X	X			X	
Помогать бездомным животным		X	X	X	X	X		X	X	X		X	X	
Участвовать в популяризации культурных традиций и практик														
Участвовать в осуществлении работ по сохранению памятников истории и культуры														
Благоустраивать памятные места и воинские захоронения	X		X						X		X		X	
Помогать ветеранам	X	X	X	X			X	X	X	X	X	X	X	X
Участвовать в организации религиозных мероприятий														
Помогать в восстановлении религиозных сооружений														
Участвовать в организации и проведении спортивных мероприятий														
Способствовать формированию здорового образа жизни людей	X	X	X		X	X	X	X			X	X		X
Быть донором крови и ее компонентов					X		X					X		
Участвовать в протестных акциях														
Участвовать в массовых акциях траура и скорби														
Быть добровольцем в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций														
Содействовать в поиске пропавших людей				X		X								X
Оказывать волонтерскую помощь в Интернет-среде														
Быть народным дружинником														
Проявлять активную гражданскую позицию и сообщать о правонарушениях														
Демонстрировать негативное отношение к коррупции												X		
Сообщать об опасном (противоправном) Интернет-контенте														
Участвовать в просветительской работе, образовательных программах														
Быть наставником или тьютором														
Участвовать в социальных проектах своего учреждения/организации														

В результате дисперсионного анализа значимые различия в типичных представлениях о безопасном просоциальном поведении были выявлены лишь по 16 видам из 29, в т. ч. по 9 видам первого квартиля.

Для жителей Костромской области, участвующих в опросе, безопасное просоциальное поведение связывается в большей степени, чем в других регионах с помощью нуждающимся людям деньгами ($F=4,03$, $p<0,05$), проявлением сочувствия, душевной поддержкой и помощью людям в трудной жизненной ситуации ($F=4,52$, $p<0,01$), участием в благоустройстве территорий ($F=4,34$, $p<0,05$), памятных мест и воинских захоронений, содействием увековечении памяти погибших при защите Отечества ($F=4,4$, $p<0,01$), помощи ветеранам ($F=4,55$, $p<0,05$) и содействием в помощи пропавших людей ($F=4,36$, $p<0,038$). При этом Костромская область занимает 60 позицию в рейтинге регионов по качеству жизни, 55 позицию по практикам здоровьесбережения, отличается высоким процентом инвалидизации населения.

Для респондентов из Республики Крым безопасное просоциальное поведение в большей степени, чем представителям других регионов, связано с участием в сборе пожертвований для социально уязвимых групп населения ($F=4,14$, $p<0,01$), предложением помощи людям с ОВЗ, пожилым людям в общественных местах ($F=4,48$, $p<0,05$), а также с демонстрацией негативного отношения к коррупции ($F=4,05$, $p<0,05$).

Жители Ивановской области, участвующие в опросе, с безопасным просоциальным поведением связывают более, чем жители других регионов, помощь по уходу за людьми, организации досуга в домах-интернатах, центрах для престарелых и инвалидов ($F=4,39$, $p<0,05$).

Примечательно, что Республика Крым, Костромская и Ивановская области в рейтинге качества жизни занимают далеко не лидирующие позиции, имеют достаточно большой процент инвалидизации населения, активно развивают волонтерские практики.

Выводы

Для жителей большинства регионов, участвующих в исследовании, самой популярной формой просоциального поведения оказалось бережное отношение к окружающей среде, природе, участие в экологических акциях. Такой всеобщий выбор отражает глобальный характер предпочитаемых форм просоциального поведения, связанных с безопасностью и сохранением среды существования человека. Однако на специфику предпочитаемых просоциальных практик оказывают влияние социокультурные и экономические факторы. Имеются различия в выборе предпочитаемых форм безопасного просоциального поведения жителей различных территориальных общностей (регионов). Типичные представления о безопасном просоциальном поведении формируются в значительной степени, исходя из социокультурных и экономических условий регионов, и зависят от общечеловеческих ценностей и гражданской идентичности.

Благодарности

The study was funded by the RFBR as part of the research project No 18-313-20001.

Список литературы

1. Акимов, М. К., Персиянцева, С. В. (2019а). Региональные особенности помогающего поведения (на примере студенческой молодежи). *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2(37), 51-56. DOI: 10.18323/2221-5662-2019-2-51-56.
2. Акимов, М. К., Персиянцева, С. В. (2019b). Влияние нормативности и конкретно-ситуативных факторов на просоциальное поведение молодежи разных региональных выборок. *Мир педагогики и психологии*. 9(38), 118-127.
3. Curcuruto, M., Conchie, S. M., Mariani, M. G., & Violante, F. S. (2015). The role of prosocial and proactive safety behaviors in predicting safety performance. *Safety Science*. 80, 317-323.
4. Gritsenko, V. V., Kovaleva, Y. V. (2014). Correlation of Values of Culture with Standards and Types of Prosocial Behavior of Russians and Byelorussians. *Psychological Journal*, 35(4), pp. 56-67.
5. Гришункина, Е. В., Пятакова, Е. Н. (2014). Особенности личности волонтеров. *Вопросы психологии*, 5, 71-78.
6. Добровольцы России. Retrieved from: <https://xn--90acesaqsbbsbreoa5e3dp.xn--plai/>
7. Здоровый образ жизни в регионах России – рейтинг 2018. Retrieved from: <http://riarating.ru/infografika/20181002/630107028-print.html>
8. Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018. Retrieved from: <http://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html>
9. Kislyakov, P., Shmelyova, E., Silaeva, O., Steklova, Y. (2019a). Prosocial Predictors of personality Tolerance in Youth SCTCGM 2018 – *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 888-894.
10. Kislyakov, P.A., Shmeleva, E.A., Gowin, O. (2019b). Contemporary volunteering in the formation of prosocial behaviour of a person. *Obrazovanie i Nauka*, 21(6), 122-145.
11. Национальный экологический рейтинг. Retrieved from: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=368>
12. Piff, P. K., Kraus, M. W., Côté, S., Cheng, B. H., & Keltner, D. (2010). Having less, giving more: The influence of social class on prosocial behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 99(5), 771-784. <http://dx.doi.org/10.1037/a0020092>
13. Погосян, В. Г. (2019). Методологические аспекты исследования социального поведения. *Социальная политика и социология*, 18 (1), 132-139.
14. Robinson, A. R., Piff, P. K. (2017). Deprived, but not depraved: Prosocial behavior is an adaptive response to lower socioeconomic status. *Behavioral and brain Sciences*. Jan; 40:e341. doi: 10.1017/S0140525X17001108.
15. Shamionov, R. M., Grigoryev, A. V. (2019). The image of socially active individual in the representations of student youth. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 7(1), 15-20.
16. Svetsitsky A. (2018). Assistance in the field of organizational civic behavior. *Psikhologicheskii zhurnal*, 39(6), 95-101 DOI: 10.31857/S020595920002255-6.
17. Численность инвалидов по группе инвалидности в разрезе субъектов РФ. Retrieved from: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-gruppam?territory=1>.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЕОСИСТЕМ НА ГРАНИЦЕ ЛЕСА И СТЕПИ (БАССЕЙН ОЗЕРА БАЙКАЛ)

Владимиров И.Н. (а), Фролов А.А. (b), Кобылкин Д.В. (с)

(а) Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия, garisson@irigs.irk.ru

(b) Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия, f-v1984@mail.ru

(с) Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия, agrembrandt@inbox.ru

Аннотация

Изучение экологического потенциала геосистем – одно из современных направлений в географической науке. Существует несколько подходов в его определении. Авторами предлагается интегральное направление, стремящееся максимально использовать параметры географической среды для выявления потенциала. В данной работе на основе разработанной оригинальной методики картографирования геосистем приводятся результаты определения их экологического потенциала. Выбранные районы исследования на границе леса и степи обладают большим количеством свойств, определяющих разнообразие ландшафтов. Актуальность исследования подчеркивается расположением в трансграничном бассейне оз. Байкал, подразумевающего принятия взвешенных решений в международных отношениях. В работе впервые сделана попытка изменения экологического потенциала за относительно длительный промежуток времени.

Ключевые слова: экологический потенциал, картографирование, геосистемы, Байкальский регион.

Введение

Изучение экологического потенциала геосистем одно из современных интегральных направлений в географии. Подход к оценке экологического потенциала, в зависимости от цели исследований подразделяется на атропоцентрический и природоцентрический подходы. Первый связан с влиянием природной среды на хозяйственную деятельность и здоровье человека. При этом подходе основное внимание уделяется созданию и поддержанию благоприятных экологических условий жизни человека.

Второй используется в случае, если оценка направлена на определение качества самой природной среды, то критериями служат показатели состояния природных компонентов и их функциональных связей. Суть природоцентрического подхода состоит в необходимости сохранения живой природы в целом.

При оценке экологического потенциала геосистем на наш взгляд необходимо опираться на объединение двух подходов – природоцентрического и антропоцентрического, которое предполагает понимание сути природных процессов, изучение объектных отношений между компонентами геосистем и обеспечивающих рациональное экологически ориентированное природопользование.

Территория исследования находится в горах Южной Сибири, в пределах центральной части бассейна озера Байкал (рис. 1).

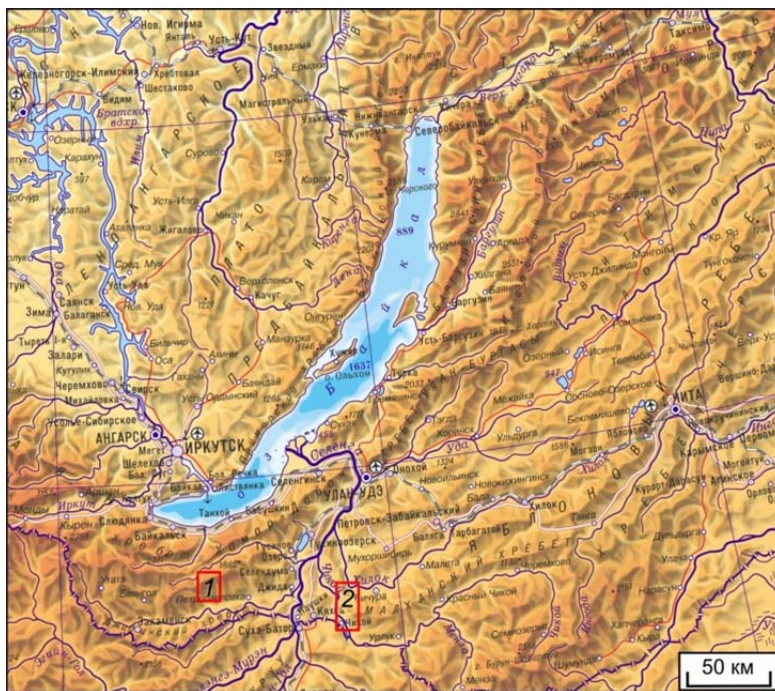

Рис. 1. Карта изучаемой территории. 1, 2 – участки детальных исследований.

Методы исследования

Экологический потенциал – совокупность естественных свойств природных систем, особенностей их структурно–функциональных внутренних и внешних связей, сформировавшихся в ходе эволюционного развития природной среды и определяющих их дальнейшее развитие, а также обеспечивающие жизненные потребности человека при сохранении максимально возможных структурно–функциональных параметров геосистемы [1].

Каждый компонент или элемент геосистемы в отдельности может служить объектом экологической оценки, имея в виду выяснение степени его позитивного или негативного влияния на жизнь людей. Однако значение того или иного природного фактора зависит от его сочетания с другими свойствами геосистем. Следовательно, оценка природных экологических факторов должна быть комплексной – охватывать всю их совокупность и взаимные связи, воплощаемые в понятии экологический потенциал геосистем.

К сожалению, исчерпывающий охват всех возможных природных факторов, определяющих экологический потенциал геосистем, практически не возможен. Необходимо выявить главные, определяющие факторы от второстепенных, т. е. учитывать их вклад (вес) в значение потенциала. Для определения весовых коэффициентов при расчете экологического потенциала использовался метод анализа иерархий – МАИ (Analytic hierarchy process) [2, 3].

Авторами предлагается определение экологического потенциала на основе комплексных географических исследований, результатом которых является ландшафтная карта. Ландшафтные карты призваны отображать комплекс природных факторов, формирующих географическую среду. Для составления карт использовались два подхода определение границ геосистем

Первый подход к определению границ ландшафтов основан на принципах структурно-динамической классификации геосистем, опирающейся на положения учения о геосистемах [4], определяющих ландшафтную структуру территории как структуру коренных и переменных состояний геосистем, отражающих их динамическое состояние. При этом с целью получения натурных данных проводились комплексные маршрутные исследования ландшафтов, особое внимание в которых уделялось ландшафтным характеристикам, показывающим динамическое состояние геосистем (факторальный ряд, серийность, особенности рельефа, степень выхода горных пород, видовая и возрастная структура фитоценоза, сукцессионные стадии восстановления растительности, характер антропогенных трансформаций).

При втором подходе широко использовались геоморфологические данные. Поскольку генетические типы рельефа и растительности выступают как основные индикаторы ландшафтообразующих, то на карте и легенде к ней отображаются общие закономерности формирования и развития ландшафтов на определенной территории. Такой способ имеет особо важное значение при использовании данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), где рельеф и растительность хорошо определяются.

С целью анализа современного состояния ландшафтов изучаемой территории и составления ландшафтно-геоморфологической карты использовалась разнокачественная информация: 1) космическая (космические снимки спутников Landsat, данные из интернет-сервиса Google Earth, данные SRTM); 2) картографическая (тематические, топографические карты); 3) материалы полевых исследований; 4) литературные источники.

Исходя из степени позитивного или негативного влияния на жизнедеятельность общества какого-либо компонента геосистемы, то он может служить отдельным объектом экологической оценки [4, 20]. Однако природные факторы и их значение в системе не может рассматриваться без совокупного комплексного анализа значения того или иного природного фактора зависит от его сочетания с другими. Следовательно, оценка природных экологических факторов должна быть комплексной – охватывать всю их совокупность и взаимные связи, воплощаемые в понятии экологический потенциал геосистем. Эту возможность предоставляет комплексный подход, используемый в географии.

Полученным выделам на картах присваивались индексы, отображающие значение экологического потенциала по шести балльной шкале со следующими градациями: 1 – очень низкий; 2 – низкий; 3 – относительно низкий; 4 – средний; 5 – относительно высокий; 6 – высокий. Наиболее низким баллом обладают геосистемы малопригодные для природопользования.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить экологический потенциал геосистем на различных участках южной тайги, лесостепей и степей расположенных в центральной части бассейна озера Байкал. Данная территория отличается разнообразным рельефом и растительным покровом. Вытянутые в широтном направлении хребты создают значительные изменения в увлажнении и инсоляции разных по экспозициям склонов. Северные склоны получают наибольшее количество влаги, поскольку являются наветренными по отношению к основному северо-западному переносу воздушных масс, южные наибольшее количество тепла, являясь склонами южной экспозиции.

Как и для любой горной территории здесь выделяется высотная поясность со значительным влиянием экспозиции. Для детальных исследований были выбраны два репрезентативных участка, с отличающимся набором геосистем.

Результаты дифференциации ландшафтов по экологическому потенциалу отображены на рис. 2, 3.

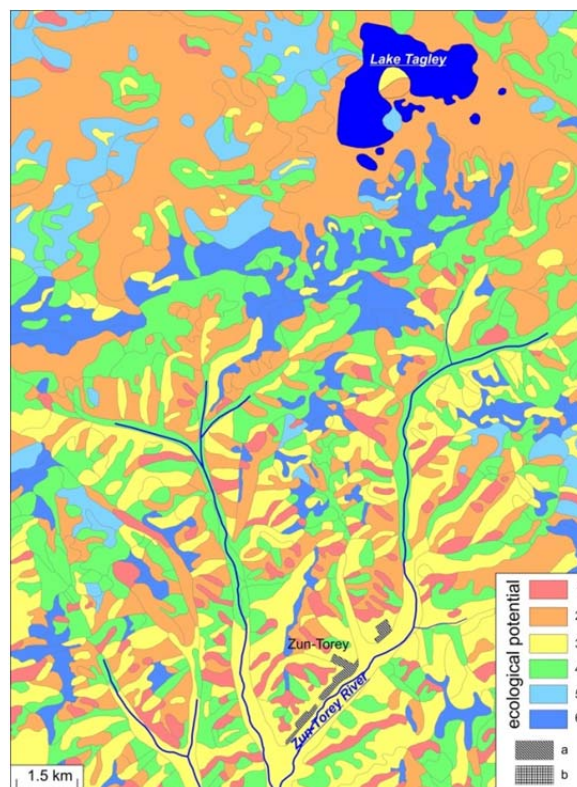

Рис. 2. Карта экологического потенциала геосистем на участке № 1 (хребет Малый Хамар-Дабан):
а – пашни, б – селитебные территории. Цифрами обозначен потенциал.

Первый участок расположен на южном макросклоне и водораздельной части хребта Малый Хамар-Дабан (рис. 2). Он характеризуется перепадами высот от 1700 до 1000 м над у.м. Согласно схеме физико-географического районирования [5] на уровне провинций и районов участок относится к Джидиско-Хамар-Дабанской горно-таежной и котловинной провинции и Мало-Хамар-Дабанскому склоновому светлохвойнотажному, местами остепненному району.

На территории исследования выделено 3 лесных геомов, относящиеся к группам горно-таежных Байкало-Джугджурских и Южно-Сибирских геомов, и 1 горно-степной геом, относящийся к Центральноазиатским степным ландшафтам. Геосистемы представлены несколькими классами фаций, относящихся к следующим факторально-динамическим рядам: субгидроморфному (по долинам рек, ручьев, межгорным и водосборным понижениям, на заболоченных участках), сублитоморфному (на склонах с близким залеганием горных пород), субгидролитоморфному (на плоских водоразделах и приводораздельных участках, выровненных возвышенных участках), ксеролитоморфному (склоны южных экспозиций с выходами горных пород), криогидролитоморфному и криогидроморфному (на выровненных возвышенных участках и на заболоченных территориях, с проявлением мерзлотных процессов). По степени серийности геосистемы подразделяются на коренные, расположенные на плоских водоразделах и приводораздельных участках, выровненных возвышенных участках, мнимокоренные, приуроченные к пологим склонам, и серийные, которые располагаются на крутых склонах с выходами горных пород, а также в местоположениях с избыточным увлажнением.

На распределение экологического потенциала здесь в значительной степени влияет рельеф. Наиболее низкими значениями обладают геосистемы заболоченных плоских водоразделов, а также экспозиционные горные степи.

Второй репрезентативный участок расположен на более низких абсолютных высотах (1050 – 550 м над у.м.) с относительно выположенным низкогорным рельефом Селенгино-Орхонской котловинно-среднегорной остепненной провинции, в предгорной части Малханского хребта и широких межгорных котловинах дренируемых реками Чикой и Хилок. Характерной особенностью данного района является широкое развитие эоловых процессов, как в древности, так и в настоящее время. В результате совместного влияния факторов, определяющих развитие эоловых процессов, в западной части Малханского хребта формируется своеобразная ландшафтная структура, геосистемы которой взаимосвязаны друг с другом посредством переноса вещества. В контексте изучения специфики движения рыхлого материала и развития эоловых процессов ландшафты изучаемой территории можно разделить на две группы:

Ландшафты, сформированные на денудационном типе рельефа и являющиеся поставщиком рыхлого материала. К ним относятся геосистемы возвышенностей и гор, расположенные выше основного базиса денудации (за исключением эоловых ландшафтов): горно-таежные и горно-степные геосистемы склонов и водоразделов Малханского хребта, холмисто-увалистых возвышенностей и котловин выдувания, а также леса, лесостепи и степи на склонах речных долин и днищах падей, расположенных выше базиса эрозии.

Ландшафты, сформированные на аккумулятивном типе рельефа, которые развиваются в результате накопления как местного рыхлого материала, так и привнесенного с окружающих территорий. К ним относятся геосистемы, расположенные в речных долинах, на предгорных равнинах и в низинах: лугово-болотные территории на поймах и низких надпойменных террасах, сосновые леса и степи на предгорных шлейфах и конусах выноса, аллювиально-озерных равнинах, эрозионно-аккумулятивных террасовалах, на предгорной полигенетической равнине, переработанной эоловыми процессами, а также подвижные незакрепленные эоловые пески в форме дюнных цепей с редкой травянистой и кустарниковой растительностью.

Экологический потенциал выделенных на данной территории геосистем во многом зависит от современных экзогенных рельефообразующих процессов. Наиболее низким потенциалом обладают геосистемы подвижных незакрепленных эоловых песков в форме дюнных цепей голоценового возраста с редкой травянистой и кустарниковой (ива) растительностью и небольшими березово-сосновыми сообществами в междюнных понижениях. Наиболее высоки сосново-березовые с лиственницей разнотравные леса на эрозионно-аккумулятивных террасовалах на серых лесных и дерново-лесных почвах.

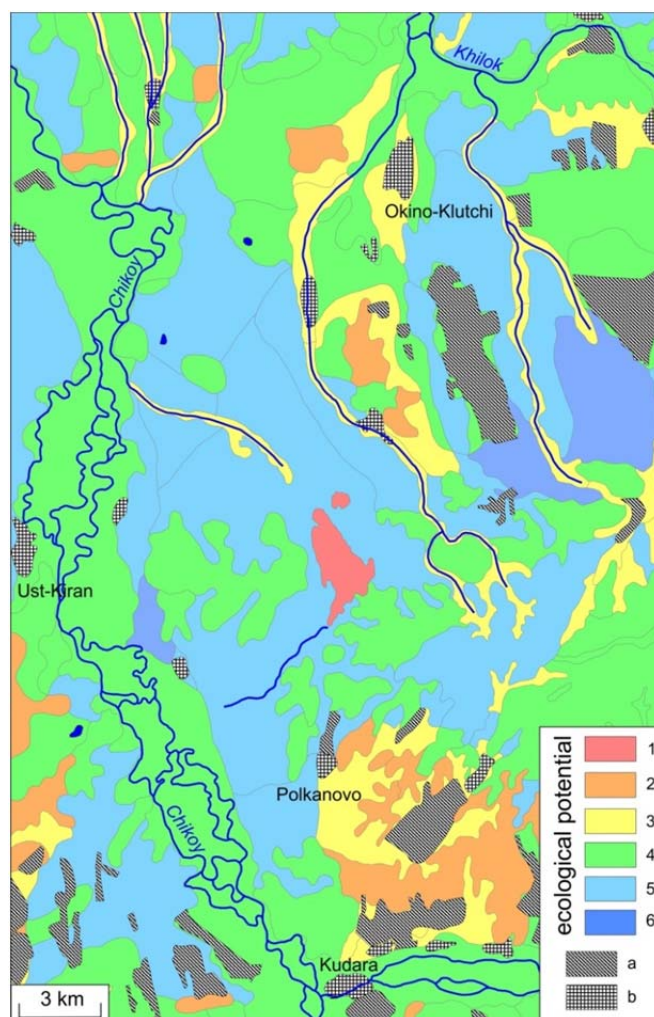

Рис. 3. Карта экологического потенциала геосистем на участке № 2 (междуречье рек Чикой и Хилок):
а – пашни, б – селитебные территории

Изучение экологического потенциала геосистем относительно новое направление в географии в связи с этим изменение экологического потенциала во времени направление ранее не рассматривалось. Район исследований относительно хорошо изучен в палеогеографическом отношении [6–8]. Пограничное положение на стыке степных и лесных ландшафтов в центральной части Евразии обуславливает активную реакцию на изменения параметров окружающей среды.

Изменение ландшафтной структуры во времена потеплений и похолоданий один из наиболее дискуссионных вопросов. При палеогеографических реконструкциях приводятся несколько схем изменений ландшафтов в зависимости от палеогеографической обстановки в позднем неоплейстоцене и голоцене [9–12]. Наиболее приемлемой выглядит схема, когда в эпохи похолоданий происходит расширение площадей гольцов и сухих степей, в эпохи потепления повышается верхняя граница леса, сокращаются степи, увеличивается мозаичность ландшафтов. Приведенная на рис. 4 принципиальная схема изменения экологического потенциала геосистем отражает сценарии для эпох с холодным и теплым климатом.

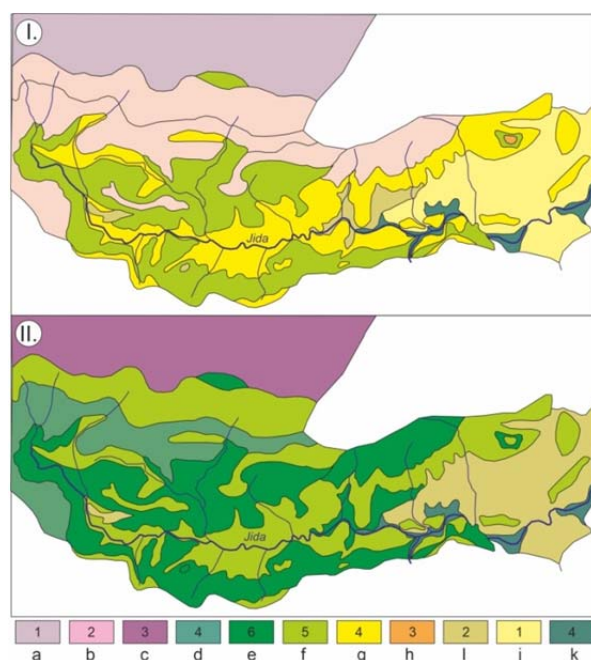

Рис. 4. Принципиальная схема изменения экологического потенциала геосистем в эпохи с холодным климатом (I) и в эпохи потепления (II), а – гольцы, б – горные тундры, с – гольцы и предгорное редколесье, d – леса и предгорное редколесье, e – Леса на склонах, днища долин заняты редколесьем, ерником, f – лесостепи, g – горные степи, h – степи, i – сухие горные степи, j – полупустыни в сочетании с сухими горными степями, k – лугово-болотные равнины (составлено с использованием [6])

Выводы

Современное представление об экологическом потенциале геосистем основанное на объединении природоцентрического и антропоцентрического подходов должно обеспечивать рациональное экологически ориентированное природопользование. Единый многоступенчатый процесс географического исследования позволяет выявить экологический потенциал геосистем. Сложная, в природно-ландшафтном отношении, трансграничная территория бассейна озера Байкал требует экологической рационализации природопользования на основе научного подхода, одним из которых и является изучение экологического потенциала.

Сформированные особенности структурно-функциональных внутренних и внешних связей геосистем на границе леса и степи в ходе эволюционного развития природной среды на протяжении позднего неоплейстоцена и голоцена определяют их дальнейшее естественное развитие, что в значительной мере раскрывает эволюцию природного процесса как основу формирования природного экологического потенциала геосистем.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-05089.

Список литературы

1. I.N. Vladimirov, V.B. Vyrkin, E.A. Ilycheva, D.V. Kobylkin, M.V. Pavlov, Li Zehong, "Natural conditions and ecological potential of geosystems in the central part of the Oka plateau (Eastern Sayan)," Geography and Natural Resources. vol. 3, pp. 95-105, 2019.
2. T.L. Saaty, The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. – New York; London: McGraw-Hill International Book Co, 1980. pp 149-153.
3. I.N. Vladimirov, "The ecological potential of Baikal region's geosystems", IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science, vol. 2, August 2018.
4. V. B. Sochava, Введение to the doctrine of geosystems. Novosibirsk: Nauka, 1978, p. 319.
5. V.M. Plyusnin, A.A. Sorokovoi, Geoinformation analysis of the landscape structure of the Baikal natural territory, Novosibirsk: Geo, 2013, pp. 55-69.
6. I.V. Antoshchenko-Olenev, Cenozoic of Jida district of Transbaikalia (stratigraphy, paleogeography, neotectonics), Novosibirsk: Nauka, 1975, pp. 76-77.
7. N.P. Kalmykov, Nature and ancient man in the lake basin Baikal. Ulan-Ude: BNC SB RAS, 2002, p.130.
8. History of Buryatia: Antiquity and the middle ages, vol. I. Ulan-Ude: Publishing house BNC SB RAS, 2011.- p.328.
9. N. P. Kalmykov, Paleogeography and evolution of biocenotic cover in the lake basin Baikal, Rostov-on-don: Publishing house of RSU, 2003. p. 240.
10. D.-D. B. Bazarov, Cenozoic of the Baikal region and Western Transbaikalia science, Novosibirsk, Nauka, 1986, p.182
11. B. Imetkhenov, Nature of the transition zone (on the example of the Baikal region). Novosibirsk, Nauka, 1997 p. 234.
12. V. Antoshchenko-Olenev, History of natural conditions and tectonic movements in the late Cenozoic of Western Transbaikalia, Novosibirsk, Nauka, 1982, p.156.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кольцов П.М. (а), Умгаев С.А. (b), Мургаев С.М. (с), Турдалиев А.У.(d)

(a) КалмГУ им. Б.Б. Городовикова, 358000, ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия, petrkoltssov52@mail.ru, 89093969668

(b) КалмГУ им. Б.Б. Городовикова, 358000, ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия, sam_umg@yahoo.com, 89608972169

(с) КалмГУ им. Б.Б. Городовикова, 358000, ул. Пушкина, 11, г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия, murgaev_sm@mail.ru, 89176873150

(d) Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, 060050, пр. Студенческий, 212, г. Атырау, Республика Казахстан, adilbek_1963@mail.ru, 77017541386

Аннотация

Данная статья посвящена оценке потенциала инвестиционного взаимодействия в евразийском пространстве двух стран: России и Индии. В ней анализируются структура индийской экономики, а также инвестиционная и торговая активность. Оцениваются статистические показатели, структура ВВП, основные макроэкономические показатели в их динамике за последние годы, а также инвестиционная и торговое взаимодействие стран. В исследовании использованы данные открытых авторитетных источников: Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, Министерства торговли и промышленности Индии, Федеральной таможенной службы РФ. Специфика отношений России и Индии заключается в том, что они расположены в евразийском регионе и задают локальные тренды. Без оценки перспектив участия Индии невозможно построить глобальное экономическое континентальное пространство. Индия является одной из самых быстроразвивающихся экономик мира, что делает её привлекательной для иностранных инвестиций. Однако, Индия сама активно проводит инвестиционную деятельность, вкладываясь в том числе в Российскую Федерацию. В статье приводится оценка ряда проектов индийских компаний в России, а также анализируются перспективы индийской экономики с точки зрения инвестирования в неё. Важным моментом в российско-индийских экономических отношениях является торговое взаимодействие. В торговом отношении наблюдается паритет. Структура и импорта, и экспорта характеризуется как диверсифицированная. Тем не менее, объёмы торгового взаимодействия, как и инвестиционного, остаются незначительными, тем не менее демонстрируют потенциал для роста. Структура экономики Индии делает её привлекательной для инвестиций в производственные отрасли, что отражается на темпах экономического роста. Однако, несмотря на высокие темпы роста, Индия остаётся агроиндустриальной страной. В то же время, инвестиционная активность между Россией и Индией, с одной стороны, не достаточно развита, с другой – имеет перспективы роста.

Ключевые слова: Евразия, Россия, Индия, экономика, инвестиции, торговля

Введение

Привлечение иностранных инвестиций в экономическую систему евразийского пространства является приоритетной задачей для правительства большинства стран. В связи с этим, оценка уровня развития экономики и инвестиционной активности – весьма актуальная тема исследования. Данная статья посвящена оценке взаимодействия России и Индии.

Индия – федеративная парламентская республика, получившая независимость от Великобритании 15 августа 1947 года. В том же году были установлены дипломатические отношения Индии и СССР. Международные отношения между странами всегда находились на высоком дружественном уровне. СССР, а затем и Россия внесли значительный вклад в формирование современной индийской экономики, оказав помощь в становлении целых отраслей: энергетики, металлургии, медицинской и фармацевтической промышленности, электроники и т. д. (Бондаренко, 2013).

Постановка проблемы

Современная Индия испытывает период бурного экономического роста, в страну привлекаются иностранные инвестиции, а правительство строит амбициозные планы по развитию экономики. В связи с этим актуальной представляется оценка экономического потенциала и инвестиционной привлекательности Индии как страны, усиливающей своё участие в глобальных процессах евразийского региона.

Исследуемый вопрос

Данная статья посвящена структурному анализу экономики Индии на основе данных открытых источников, а также оценке её внешнего инвестиционного взаимодействия с Россией в рамках евразийского экономического региона.

Цель работы

Целью данной работы является оценка экономического потенциала Индии, а также анализ инвестиционного взаимодействия России и Индии, как стратегических партнёров в евразийском регионе.

Методы исследования

Данная статья основана на аналитической оценке современных качественных и количественных данных. Анализируется структура индийского ВВП, а также инвестиционная активность страны. Статистические показатели взяты из баз данных Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, Федеральной таможенной службы РФ, Министерства торговли и промышленности Индии.

Результаты

Индия является развивающейся страной, в которой индустриальный и аграрный секторы играют лидирующие роли. Индия – третья экономика мира по объёму ВВП по ППС (первое и второе место у Китая и США). По номинальному ВВП Индия занимает седьмое место. Рейтинги выглядят не так хорошо, если рассчитать ВВП на душу населения: тогда Индия занимает 142-е место среди экономик мира. (International Monetary Fund, 2019)

Объём экономики Индии в 2018 году равен: 2,7 трлн долларов. Рассчитанный по ППС он составляет 10,5 трлн долларов США. Индийские аналитики ожидают, что объём ВВП будет равен 2,97 трлн долларов в 2019 году, а по ППС – 11,4 трлн долларов. (International Monetary Fund, 2019)

Структура ВВП представлена следующими показателями: сельское хозяйство составляет 15,9 %, промышленность – 29,7 %, сфера услуг – 54,4 %.

В 2018 году экономика Индии выросла на 6,8 %, это лучший результат из всех членов БРИКС. Однако, в 2017 г. показатель роста составил 7,2 %. Вкупе с потребительской инфляцией, которая в 2019 году прогнозируется в районе 3,4 % (и стабильно держится на этом уровне уже несколько лет), а также ростом промышленного производства на 3,6 %, показатели индийской экономики выглядят более чем оптимистично. (Radhakrishnan, Krishnan, 2019).

В торговом плане Индия демонстрирует разнообразие и вариативность стран-партнёров. Её совокупный экспорт составил 330 млрд долларов в 2018. Её экспорт обладает позитивной структурой: продукты сельского хозяйства – 12,8 %, топливно-энергетической сферы – 13,8 %, промышленные товары – 70,5 %, остальное – 2,9 %. (World Trade Organization, 2019)

Таким образом, несмотря на незначительные по мировым меркам объёмы экспорта Индия поставляет за рубеж промышленные товары, которые требуют определённого уровня технологий, вложения в человеческий капитал и обладают высокой добавленной стоимостью.

Главными экспортными партнёрами являются Европейский союз (17,4 %), США (16,1 %), ОАЭ (9,6 %), Гонконг (5 %) и Китай (4,2 %), экспорт в другие страны составляет 47,8 %. (World Trade Organization, 2019)

Диверсифицированность поставок индийских товаров отражает стремление страны развивать экономику и внутреннее производство, а также является основой для предохранения внешнеэкономических связей от политической конъюнктуры.

Импорт Индии в том же году составил 514 млрд долларов и представлен следующей структурой: продукты сельского хозяйства – 8,1 %, топливно-энергетической сферы – 30 %, промышленные товары – 51,7 %, остальное – 10,2 %. (World Trade Organization, 2019)

Индия импортирует больше, чем экспортирует. Главными импортёрами Индии являются: Китай (16,6 %), Европейский союз (10,4 %), США (5,7 %), ОАЭ (4,9 %), Саудовская Аравия (4,6 %), импорт из других стран – 57,9 %. (World Trade Organization, 2019)

По официальным данным, в экономике Индии занято 509 млн человек. Однако, структуру занятости в Индии сложно оценить по той причине, что большинство населения имеют двойную или семейную занятость. В сельском хозяйстве работает 47 % (для сравнения, в Китае – около 25 %) , в промышленности – 22 %, в сфере услуг – 31 %. Уровень безработицы составляет 6,1 %.

В сельском хозяйстве занята практически половина населения страны. В этой сфере задействованы и крупные плантационные хозяйства, и мелкие собственники земли.

Современная Индия способна обеспечить свои потребности в продовольствии. В то же время, в сельском хозяйстве Индии отмечается низкая производительность труда из-за неразвитой инфраструктуры, маленьких размеров земельных участков, неразвитой ирригационной системы и зависимости земледелия от муссонных сезонов (Кожевников, 2008).

Основными пищевыми культурами являются рис и пшеница, причём рис выращивается в юго-восточной части Индо-Гангской низменности, пшеница – в западных районах. Помимо этого, культивируются картофель и кукуруза, однако их производство в разы уступает традиционным злакам.

Основными техническими культурами являются: сахарный тростник, хлопчатник, соя, подсолнечник, кофе, чай, натуральный каучук, бананы. Из сахарного тростника производится сахар, одним из крупнейших производителей которого и является Индия.

Животноводство в Индии представлено различными породами коров, овец, свиней, верблюдов, птицы и др. По количеству голов КРС Индия занимает одну из лидирующих позиций в мире, однако, по потреблению мяса

значительно уступает развитым и развивающимся странам. Это объясняется огромным населением, низким уровнем жизни, а также традиционной религией – индуизмом – который запрещает потреблять в пищу коров.

Основной экономической задачей Правительства Индии является её превращение в индустриально-развитую страну. Индийская промышленность опирается на дешевизну рабочей силы и инновационные подходы.

Помимо ключевых отраслей промышленности (добыча угля, нефти и природного газа, производство электроэнергии, нефтепродуктов, стали, цемента и удобрений) в Индии активно развивается химическая промышленность, фармацевтическое производство, автомобилестроение, электронное и полупроводниковое производство (Колгушкина, 2018).

Собственный нефтегазовый сектор покрывает лишь четверть потребности в энергоносителях, что заставляет Индию импортировать их из стран Персидского залива. В то же время Индия является одним из лидирующих производителей электричества в мире, используя как тепловую (69 % от общей генерации), атомную (2,1 %) и гидроэнергетику (15,2 %), так и возобновляемые источники электричества (13 %) (Ибрагимов, 2017).

Фармацевтические товары Индийского производства составляют 20 % мирового рынка, что делает Индию крупнейшим экспортёром лекарственных средств. Общий объём экспорта медикаментов составил 17 млрд долларов США (Workman, 2019).

Автомобилестроение представлено в Индии как собственными игроками («Махиндра», «Тата Моторс», «Баджадж Авто»), так и зарубежными инвесторами. Индия экспортировала автомобилей на 18 млрд долларов в 2018 году (Workman, 2019).

В современной Индии сфера услуг представляет собой развитый сектор экономики, участвующий в создании значительной части ВВП. Существенный вклад в ВВП вносит финансово-банковский сектор – 17 %.

Важной отраслью является также розничная торговля (22 % ВВП, 57 % рабочей силы на 2016 год (включая непрямую занятость) (World travel and tourism council, 2019). Ритейл представлен в основном местными семейными заведениями, индивидуальным предпринимательством (хозяин магазина сам является продавцом), а также уличными торговцами.

Сектор информационных технологий (ИТ) – один из самых динамичных в Индии, он составил 7,7 % ВВП в 2017 году. Важной частью этой индустрии является аутсорсинг – индийские программисты разрабатывают технические и программные решения для нужд зарубежных компаний (Ашмянская, 2014).

Ещё одной процветающей отраслью сферы услуг является туризм, который составляет до 9 % ВВП.

В финансовой сфере положение Индии является стабильно средним. В 2018-2019 финансовом году расходная часть бюджета Индии была принята в размере 381,3 млрд долларов США, а её государственный долг составил 1,9 трлн долларов США (69 % от ВВП), внешний долг – 543 млрд долларов США (Reserve Bank of India, 2019).

При этом Индия имеет стабильный кредитный рейтинг:

- по данным агентства *Standard & Poor's* – BBB- (foreign), прогноз стабильный;
- по данным *Moody's* – Baa2, прогноз стабильный;
- по данным *Fitch* – BBB-, прогноз стабильный.

Таблица 1. Инвестиции в Индию по странам происхождения в млн долларов США
(Department for promotion of industry and internal trade, 2019)

Рейтинг страны по инвестированию в Индию	Страна	2016–2017 г. (апрель – март)	2017–2018 г. (апрель – март)	2018–2019 г. (апрель – декабрь)	Накопленные инвестиции за период апрель 2000 – декабрь 2019 г.)	% от общего объема накопленных инвестиций
1	Маврикий	15 728	15 941	6 023	132 408	32 %
2	Сингапур	8 711	12 180	12 976	79 747	19 %
3	Япония	4 709	1 633	2 211	29 519	7 %
4	Великобритания	1 483	847	1,056	26 494	6 %
5	Нидерланды	3 367	2 800	2 951	26 433	6 %
6	США	2 379	2 095	2 342	24 759	6 %
7	Германия	1 069	1 124	598	11 420	3 %
8	Кипр	604	417	288	9 861	2 %
9	Франция	614	511	356	6 593	2 %
10	ОАЭ	675	1 050	299	6 054	1 %
Всего ПИИ		43 478	44 857	33 492	409 268	100 %

Россия и Индия ищут возможности по расширению инвестиционного сотрудничества. По предложению премьер-министра Индии Нарендры Моди в агентстве «Investindia» было создано управление RussiaPlus. Оно устраивает контакты между субъектами РФ и регионами Индии. К примеру, был подписан меморандум о взаимопонимании между Сахалином и штатом Ассам (Investindia, 2019).

Таблица 2. Инвестиции в Индию с разделением по секторам экономики
(Department for promotion of industry and internal trade, 2019)

Рейтинг страны по инвестированию в Индию	Сектор экономики	2018–2019 г. (апрель – декабрь)	Накопленные инвестиции за период апрель 2000 – декабрь 2019 г.	% от общего объема накопленных инвестиций
1	Сектор услуг (финансовых и не финансовых)	5 919	70 911	17 %
2	Производство компьютеров и ПО	4 754	35 677	9 %
3	Телекоммуникации	2 290	32 448	8 %
4	Строительство	75	24 908	6 %
5	Торговля	2 336	20 895	5 %
6	Производство химической продукции (без производства удобрений)	6 059	20 660	5 %
7	Автомобильная промышленность	1 812	20 575	5 %
8	Фармацевтика	216	15 933	4 %
9	Электроэнергия	1 000	14 210	3 %
10	Инфраструктура	1 459	14 005	3 %

По данным агентства «Investindia» российские частные бизнесмены вложили в Индию прямых инвестиций на 1,2 млрд долларов США. Причем речь идет не о таких отраслях, как оборонная промышленность, энергетика, космос, где львиная доля капиталовложений принадлежит государственным компаниям, а об интернет-торговле, моде, здравоохранении (Investindia, 2019).

В оценке возможностей экономического и инвестиционного сотрудничества важную роль занимает нефтегазовая отрасль. Россия и Индия не связаны логистическими потоками, морскими путями, газопроводами. Соответственно, одним из вариантов инвестиционного сотрудничества является вложение в инфраструктуру, которая является основой отрасли. В современной России на востоке создана и развивается перспективная нефтегазовая инфраструктура, включающая такие проекты как «Сила Сибири», «Сахалин-1», «Сахалин-2» и т. д. Эти проекты создают фундамент для расширения поставок углеводородного сырья в Индию. В стратегическом отношении наиболее актуальным является проекты строительства газопроводов через территорию Китая до границ Индии (Федякина, Коновалова, 2014).

Особенно перспективным, с точки зрения индийских собеседников, выглядит сотрудничество двух держав в области фармацевтики (Широкова, 2012). В 2018 году в России работало около 15 индийских фармацевтических компаний. В то же время около 17 % всех индийских лекарств идет в Россию.

Россия и Индия не являются друг для друга важнейшими торговыми партнерами, однако, экспорт и импорт партнеров отличается структурной диверсифицированностью.

Структура товарооборота России и Индии достаточно сбалансирована, однако, общий объем товарооборота не так велик, он составляет всего 10,9 млрд долларов в 2018 году (Широкова, 2012).

Таблица 3. Экспорт России в Индию (Федеральная таможенная служба РФ, 2019)

Группы товаров	2017 г.	2018 г.
Машины, оборудование и транспортные средства	19,95	27,09
Минеральные продукты	24,71	24,81
Драгоценные металлы и камни	16,01	13,88
Продукция химической промышленности	11,24	11,59
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	5,95	5,12
Металлы и изделия из них	4,41	4,08
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё	2,44	0,86

Таблица 4. Импорт России из Индии (Федеральная таможенная служба РФ, 2019)

Группа товаров	2017 г.	2018 г.
Продукция химической промышленности	34,16	30,64
Машины, оборудование и транспортные средства	18,54	25,26
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё	23,02	21,50
Текстиль и обувь	13,01	11,19
Металлы и изделия из них	6,20	5,88

Выводы

Многоукладность индийской экономики, сочетающей в себе как традиционный аграрный сектор, так и инновационные IT-компании, промышленные предприятия, её огромный внутренний рынок, политика государства по привлечению иностранных инвестиций открывает большие перспективы инвестиционного взаимодействия, научного, технического и экономического сотрудничества с Российской Федерацией. Нужно отметить, что на данный момент инвестиционное сотрудничество России и Индии не в полной мере раскрыло свой потенциал.

Список литературы

1. Department for promotion of industry and internal trade of Ministry of commerce and industry of India. (2019). *Fact sheet on foreign direct investment (FDI) from April, 2000 to September, 2018*. Retrieved from https://dipp.gov.in/sites/default/files/FDI_Factsheet_19February2019.pdf
2. International Monetary Fund. (2019). *World Economic Outlook Database: India*. Retrieved from <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx>
3. Investindia. (2019). *The Global Entertainer*. Retrieved from <https://www.investindia.gov.in/sector/media>
4. Radhakrishnan S., Krishnan V. (2019). Economic survey 2019 in six charts. *The Hindu*. Retrieved from <https://www.thehindu.com/business/budget/economic-survey-2019-in-six-charts/article28284058.ece>
5. Reserve Bank of India. (2019). *India's external debt*. Retrieved from: https://www.rbi.org.in/Scripts/BS_PressReleaseDisplay.aspx?prid=47442
6. Workman D. (2019). *India's Top 10 Exports*. Retrieved from: <http://www.worldstopexports.com/indias-top-10-exports/>
7. World Trade Organisation. (2019). *Country Profile: India*. Retrieved from: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Country=IN&Language=F>
8. World travel and tourism council. (2019). *How does travel and tourism compare to the other sectors?* Retrieved from <https://www.wttc.org/-/media/files/reports/benchmark-reports/country-reports-2017/india.pdf>
9. Ашмянская И.С. (2014). Развитие сектора информационных технологий в Индии: роль государства. *Вестник МГИМО. №6 (39)*. 126-132
10. Бондаренко А.Д. (2013). Меры по оптимизации российско-индийского торгово-экономического сотрудничества. *Вестник МГИМО. №2 (29)*. 135-139
11. Внешняя торговля России (сайт). (2019). *Торговля между Россией и Индией в 2018 г.* Retrieved from <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-indiey-v-2018-g/>
12. Ибрагимова К.А. (2017). Электрификация сельской Индии как фактор развития и борьбы с бедностью. *Вестник МГИМО. №2 (53)*. 109-130
13. Кожевников Г. М. (2008). Реферат статьи 2008. 03. 048. Вьяс Джай Нараян. Устойчивость орошаемого земледелия в Индии. Vyas Jay Narayan. The sustainability of irrigated agriculture in India // World Affairs. – new Delhi, 2006. – Vol. 10, n 4. – P. 64-84. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. №3*. 179-181
14. Колгушкина И.А. (2018). Развитие фармацевтической промышленности Индии. *Вестник науки и образования. №9 (45)*. 111-113
15. Федеральная таможенная служба РФ. (2019). *Внешняя торговля Российской Федерации*. Retrieved from: <http://customs.ru/statistic>
16. Федякина Л.Н., Коновалова Ю.А. (2014). Российско-индийское нефтегазовое сотрудничество: современное состояние и перспективы развития. *Науковедение. 6(25)*. 1-9, doi: 10.15862/73EVN614
17. Широкова И. Индийские компании на российском фармрынке. *Ремедиум. 2012. № 1*. 22-27

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫКИИ

Курепина Н.Л. (а), Волгин В.Л. (б)

(а) Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, kurepinanl@mail.ru, 89615479310

(б) Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN),

vvlrk@mail.ru, +7-906-176-17-46

Аннотация

Предлагаемая статья содержит результаты исследования в Республике Калмыкия – полиэтничном регионе, где, как и в других аналогичных территориях, этнический фактор играет существенную роль в общественно-политической и социально-экономической жизни. Хронологически работа охватывает анализ событий и процессов в течение 2018-го года, что позволяет не брать в расчет проявления рассматриваемого феномена, утратившие к этому времени свою злободневность, а, наоборот, сфокусировать внимание на более свежих симптомах, сделать исследование актуальнее как с научно-познавательной, так и с прикладной точки зрения.

Авторами проведен анализ ситуации на материалах современной Калмыкии с помощью эффективной научной методики, что позволило выявить ряд актуальных рисков и угроз экономической безопасности, имеющих этническую составляющую. Они касаются, прежде всего, исполнения закона о реабилитации репрессированных народов; кризисного состо-

яния калмыцкого языка и др. Авторами отмечен в целом позитивный тренд в межэтнических отношениях, в сознании людей закреплена российская гражданская идентичность.

Рассмотрены результаты реализации в республике Стратегии государственной национальной политики РФ, принятой Концепции государственной национальной политики Калмыкии. Определено, что проводится грантовая поддержка проектов по развитию межнационального и межконфессионального сотрудничества.

В то время отмечено, что этнический фактор зачастую не в полной мере учитывается в практике политического, государственного управления, экономической деятельности, что приводит к недостаточно объективной оценке экономической безопасности, к ошибкам, способным повлечь за собой возникновение кризисных ситуаций в регионе.

Для предупреждения обострения выявленных рисков и напряжений этнического свойства авторами исследования разработаны рекомендации органам власти федерального и регионального уровня, неправительственному сектору.

Ключевые слова: Полиэтнический регион, этнический фактор, угрозы экономической безопасности, Калмыкия

Введение

Межэтнические отношения в таком многонациональном государстве как Россия остается актуальной проблемой, несмотря на все прогнозы специалистов по глобализации и нисходящей значимости этничности.

Возникновение новых социо-экономических угроз и развитие деструктивных факторов, кризисных явлений в полиэтнических регионах со сложным этническим и конфессиональным составом тема весьма разносторонняя, в которой объединены политические, социологические, экономические и другие аспекты обеспечения экономической безопасности, является актуальной как с научно-познавательной, так и с прикладной точки зрения. Необходим научный поиск новых решений как фундаментальных, концептуально-методологических, так и многих прикладных проблем

Постановка проблемы

С одной стороны, при изучении современных проблем общества, политики, экономики нередко недооценивается этнический фактор в разнообразных формах его выражения. С другой, этот же фактор зачастую не в полной мере учитывается в практике политического, государственного управления, экономической деятельности. Первое ведет к недостаточно объективному видению и пониманию исследуемого объекта, второе – к ошибкам, способным повлечь за собой разной степени тревожность и напряженность в обществе. В проведенном авторами исследовании на материалах современной Калмыкии предпринята попытка преодоления указанного противоречия путем качественного анализа ситуации с помощью эффективной научной методики, а также выработки на этой основе рекомендаций органам власти федерального и регионального уровня, неправительственному сектору.

Исследуемый вопрос

Предметом исследования являются существующие риски и напряжения этнического характера, касающиеся как общественно-политической, так и социально-экономической сторон жизни Калмыкии..

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что «для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие...». (2009)

Оценка и механизмы нейтрализации региональных кризисных ситуаций, угроз рассматриваются в трудах В.К.Сенчагова (2005), Е.А. Олейникова (2005) и др.

В.К. Сенчагов и Е.А. Олейников отмечают необходимость при разработке стратегических направлений обеспечения экономической безопасности «учитывать геополитические особенности региона, национальный менталитет населения» (В.К. Сенчагов, 2005) и необходимость отслеживания ситуации в республиках «с целью возможного предупреждения межнациональных конфликтов на социально-экономической почве» (Олейников, 2005).

Исследование взаимосвязи экономической безопасности и межэтнических отношений проводились учеными Северо-Кавказского федерального округа (Медведев, 2015) и др.

Современный дискурс научных исследований свидетельствует о трансформации понятийного аппарата экономической безопасности, о возникновении новых видов рисков и угроз. Данный факт объясняет необходимость междисциплинарного подхода к оценке угроз экономической безопасности, использовать опыт этнополитологов, этносоциологов при оценке региональной экономической безопасности полиэтнических регионов В.А.Тишкова (2018), Л.М. Дробизевой (2018, 2019) и др.

Вопросами исследования межэтнических отношений, этномониторинга занимаются и ученые республики Калмыкия В.Л. Волгин (2017, 2018), Л.В. Намруева (2013, 2014) и др.

Исследование характера межэтнических отношений в Республике Калмыкия посредством отношения респондентов к этнически смешанным контактам в семейно-брачной сфере рассматривается в трудах Л.В. Намруевой (2014) и др. В основном отношение к смешанным бракам положительное, что свидетельствует об удовлетворительном состоянии межэтнических отношений в республике. Однако, несмотря на здоровый в целом «этнический» климат в республике, существуют ситуации, в которых имеется нежелательный аспект межэтнических взаимоотношений, а именно стремление к закрытости, замкнутости в своей этнической общности. Необ-

ходимо постоянно анализировать, какие факторы в современных условиях способствуют формированию социально-психологических барьеров в межэтническом взаимодействии, усложняют межэтнические интеракции.

Исследование взаимосвязи демографических проблем, миграции населения в республике, этномониторинг не связывает с межнациональными отношениями, ущемлением прав представителей некоренных национальностей. Данные этномониторинга отмечают высокий уровень толерантности населения республики и миграцию населения связывают главным образом с неблагоприятной экономической ситуацией в регионе.

Таким образом, несмотря на определенную изученность межнациональных отношений в аспекте обеспечения экономической безопасности тема исследования продолжает оставаться актуальной и требует дополнительных исследований в формате междисциплинарного подхода.

Своеобразие этнического состава полиэтничных регионов ставит вопрос о необходимости учета этнопсихологических, этнокультурных особенностей, традиций народов в целях своевременного выявления и предупреждения угроз экономической безопасности.

Цель работы

Работа нацелена на выявление актуальных рисков и напряжений, имеющих этническую составляющую, в общественно-политической и социально-экономической практике в современных условиях Республики Калмыкия, а также на выработку рекомендаций и предложений, направленных на предупреждение обострения этих рисков и напряжений.

Методы исследования

При осуществлении исследования в качестве основного применялся метод этнологического мониторинга, понимаемый как постоянное, систематическое наблюдение за событиями, процессами, ситуацией в полиэтничном регионе, их оценка с учетом роли этнического фактора для определения существующей или потенциальной опасности неблагоприятного для общества и государства развития и возможности принятия превентивных мер. Один из авторов статьи многие годы использует этот метод в своей научно-исследовательской деятельности (Волгин, 2017, 2018).

Использовался также метод контент-анализа, заключающийся в качественном изучении публикаций издающихся в Калмыкии республиканских, городских (элистинских) газет, содержания сообщений в официальных сайтах органов государственной власти республики, наиболее популярных в регионе социальных сетях, других интернетных источниках применительно к теме исследования.

Результаты

По данным всероссийской переписи населения 2010 г. в Калмыкии выделяются две большие этнические группы – калмыки 57,4 % и русские 30,2 %. Остальные общины гораздо малочисленнее, и среди них относительно крупная – даргинцы 2,7 %. Этнополитическая обстановка в Калмыкии в 2018 году, как и в предыдущие многолетние периоды, в целом отличалась стабильностью. Межнациональные и межрелигиозные отношения оставались в основном спокойными. Террористические проявления отсутствовали. Регион не являлся и не является зоной, где идеи национального и религиозного экстремизма получили бы широкое распространение. Имели место разве что единичные случаи размещения гражданами на своих личных страницах в социальных сетях материалов, признанных судом экстремистскими.

Со стороны представителей федеральной власти, окружных инстанций давались положительные оценки реализации в республике Стратегии государственной национальной политики РФ. В регионе действуют подпрограмма «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Республики Калмыкия», план мероприятий по реализации стратегии госнацполитики. Принята Концепция государственной национальной политики Калмыкии. Существует грантовая поддержка проектов по развитию межнационального и межконфессионального сотрудничества, сохранения и защиты самобытности, культуры, языков и традиций народов, проживающих в Калмыкии, охраны и содержания объектов, имеющих культовое значение. Проводится другая работа. В то время как по данным ВЦИОМ каждый четвертый россиянин испытывал недоверие или неприязнь к представителям какой-либо национальности, в Калмыкии таковых оказалось только 5 %. Лишь 4 % респондентов назвали межэтнические взаимодействия в республике конфликтными. Опросы показывали, что в сознании людей закреплена российская гражданская идентичность.

Вместе с тем, этнический фактор заметно проявляется в общественно-политической и социально-экономической жизни. Рассмотрим некоторые аспекты, которые, на наш взгляд, имеют не эпизодический, проходящий характер, а, скорее всего, будут сохранять свою актуальность в дальнейшем и требуют соответствующей реакции власти, гражданского общества для урегулирования существующих сложностей.

Прежде всего, следует отметить значимость большой для калмыков и всего регионального сообщества темы – депортации калмыцкого народа в 1943 году, повлекшей утрату едва ли не половины его численности. В 2018 г. отмечалось 75-летие начала этого трагического периода в истории этноса. По всей республике проводились многочисленные мемориальные мероприятия. Подчеркивалось, что скорбь и боль по жертвам репрессий, дань уважения поколению, пережившему выселение, должны воплотиться в республике в большее созидание. Предлагалось культивировать гордость за людей, которые выжили в депортации. Отмечалось, что вместе с калмыками добровольно ехали в Сибирь, «к своей смерти», русские жены и вдовы калмыков, и такие поступки

равнозначны подвигу. Тепло, с благодарностью говорилось о сибиряках, которые вначале встретили выселенцев настороженно, но затем помогали, чем могли, многим не дали умереть от голода. Выражалась признательность, что в ряде городов и сел Сибири в память о депортированных калмыках установили мемориалы и тоже вспоминали жертв репрессий. Обращалось внимание, что молодежь должна больше знать об этом трагическом периоде. Нынешнему поколению предлагалось позаботиться о том, чтобы сведения о трудовой славе предков появились в книгах, других изданиях об истории мест, в которых трудились ссыльные. Были пожелания, чтобы дети и внуки переживших ссылку установили связи со школами, где учились их предки, чтобы возродились «Поезда памяти», ездившие из Элисты в Сибирь некоторое время назад.

В то же время, звучали мнения, что российский закон «О реабилитации репрессированных народов» не выполняется в полной мере, необходимо принять широкомасштабную программу полной реабилитации народов, подвергшихся депортации. Поднималась конкретная проблема возвращения обязательств по обеспечению мерами социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от репрессий, в компетенцию федерального бюджета и государственных органов России из компетенции субъектов РФ. Существующий порядок, когда репрессированные государством граждане получают денежные компенсации не от государства, а от своей же, некогда ликвидированной республики, воспринимается как несправедливый. Кроме того, он ложится нелегким бременем на региональный бюджет. Вопрос неоднократно ставился перед центром, но остается нерешенным. А между тем, стали появляться новые требования. Например, установить в российском законодательстве право репрессированных граждан на компенсацию морального вреда.

Другой аспект, серьезно волнующий общественность, и не только калмыцкую, касается кризиса функциональности калмыцкого языка. ЮНЕСКО вновь подтвердила, что считает его исчезающим. На мероприятиях главы республики, заседаниях законодательного органа республики Народного Хурала, правительства используется русский язык. Некоторые местные специалисты утверждают, что в настоящее время уверенно владеют калмыцким языком от силы три процента калмыков. Результаты исследований среди калмыцкой молодежи показали, что национальный язык в качестве средства коммуникации используется редко. Выбор часто делается в пользу русского, который дает больше возможностей для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста, успешной социальной мобильности. Несмотря на то, что в республике принимаются меры сохранения калмыцкого языка, ситуация, по мнению экспертов, кардинально не изменилась к лучшему. Ответственность оставалась расколотовой во взглядах на его перспективы. Одни считали, что ему грозит полная утрата, другие оставались оптимистами, не скрывая, что ситуация сложная, но исправимая, и нужно много работать для ее улучшения. Рассмотрение Госдумой неоднозначных поправок в закон об образовании в РФ в части изучения родного языка всколыхнуло социум, особенно титульную его часть. Состоялись выступления в защиту калмыцкого. Окончательный вариант закона, в котором предмет «родной язык» оставлен в обязательной части школьной программы и для его выбора родителям учеников нужно написать заявление, несколько повысил уровень публичного притяжения, но взволнованность в калмыцком сообществе, среди специалистов сохраняется.

Еще один немаловажный повод для беспокойства общества и особенно калмыцкой его части, исповедующей, в основном, буддизм – недовольство запретом на приезд Далай-ламы XIV. Центр отказывает ему в посещении, ссылаясь на нежелание осложнять отношения с Китаем. Одни воспринимали это как нарушение конституционных прав, оскорбление религиозных чувств буддистов, считали, что верующие заслуживают того, чтобы встретиться со своим духовным лидером и учителем. Другие отмечали, что, конечно, хотели бы увидеть его на земле Калмыкии, но вопрос затрагивает глобальные политические моменты и с учетом интересов государства надо набраться терпения для воплощения мечты в жизнь. Им возражали – другие страны спокойно приглашают далай-ламу, и ничего. Неоднократные обращения Объединения буддистов Калмыкии в федеральные инстанции пока не возымели действия, что привносит в общественно-политическую атмосферу республики определенный дискомфорт.

Безработица остается в Калмыкии одной из самых высоких, а доходы – одними из самых низких в стране. В поисках работы, достойной зарплаты люди уезжают из республики в благополучные в этом смысле места – в Москву и Московскую область, Санкт-Петербург, на север и приравненные к нему территории, а также за границу. Общественность, особенно калмыцкую, тревожил отток населения, и в первую очередь соплеменников. На 1 января 2019 г. население республики составило 272,7 тыс. чел., что на 2,7 тыс. меньше, чем год назад. Сокращение, как и раньше, произошло за счет миграционной убыли – 3,1 тыс. чел., которая перевесила естественный прирост, традиционно свойственный Калмыкии. О высокой степени обеспокоенности этим процессом сам за себя говорит тот факт, что среди части калмыков утвердилось мнение о возможной ликвидации республики, присоединении ее к соседним территориям, если отрицательный миграционный тренд и депопуляция будут сохраняться.

Можно отметить, что эпизодически этнический фактор проявляется применительно к разным секторам экономики. Так, в республике, не имеющей собственных энергомошностей, очень высоки тарифы на электроэнергию, от чего страдают практически все, начиная от жителей и кончая бизнесом, которому из-за этого крайне сложно выдержать конкуренцию с производителями в других субъектах РФ. Однако попытки Калмыкии добиться включения ее в число регионов, имеющих льготные тарифы, остаются безуспешными. На этом фоне в обществе говорилось, что такого не должно быть хотя бы потому, что энергетическая отрасль создавалась на калмыцких костях и крови. Имелось в виду строительство Широковскую ГЭС в Пермском крае солдатами-калмыками, во время депортации калмыцкого народа отправленными с фронта в лагерь НКВД. Многие погибли там от невыносимых условий содержания.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ряд актуальных рисков и напряжений в общественно-политической и социально-экономической жизни Калмыкии, имеющих этническую составляющую. Они касаются, прежде всего, исполнения закона о реабилитации репрессированных народов; кризисного состояния калмыцкого языка; препятствования приезду далай-ламы; взаимоотношений с внешними компаниями, использующими недра, углеводородные ископаемые на территории республики; сокращения численности населения региона вследствие активной миграции, в том числе калмыков, по причине безработицы, низких зарплат. Проявление этнического фактора имеет отношение преимущественно к титульному населению в республике, но не только. Оно также исходит, например, от русских, кавказцев, хотя и в значительно меньшей степени.

Федеральным властям учесть ожидания калмыцкой общественностью переноса расходов социальной поддержки реабилитированных жертв репрессий с регионального бюджета на федеральный, рассмотреть возможность принятия практических мер для решения этой проблемы.

В связи с изменениями федерального законодательства об образовании в части изучения родных языков органам власти, образовательным и общественным организациям, специалистам и активистам, обеспокоенным проблемами калмыцкого языка, максимально использовать положительные аспекты новой ситуации, минимизировать отрицательные, в том числе через инициативы по совершенствованию действующего законодательства. Постараться воспользоваться ресурсами созданного Фонда сохранения и изучения родных языков народов России.

Центральным властям без ущерба для российско-китайских отношений найти способ решения вопроса о выдаче въездной визы духовному лидеру буддистов Далай-ламе XIV для посещения Калмыкии. Многолетнее препятствование встрече с духовным учителем вызывает недовольство в республике и разговоры о неравноправии буддистов в сравнении с верующими других традиционных для России религий.

Поддерживать благоприятные межэтнические, межконфессиональные отношения, что будет позитивно сказываться на общественно-политической и экономической жизни Калмыкии.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 19-010-00796 «Совершенствование методологии оценки экономической безопасности полиэтнического региона: междисциплинарный подход».

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 12.05. 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Волгин В.Л. (2017) Республика Калмыкия в 2017 году: мониторинг этнологической ситуации. *Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад. (Итоги 2017 года): (с. 184-202).* -Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования
3. Волгин В.Л.. (2018) Этнологический мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в Калмыкии. *Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе (по состоянию на первое полугодие 2018 года). Экспертный доклад: (с. 157-182).* -Ростов-на-Дону: Издательство «Фонд науки и образования»
4. Дробижеева Л.М. (2019) Этничность и межэтнические отношения в стратегии государственной национальной политики, этнополитическом дискурсе и массовом сознании. *Ученые записки ФНИСЦ РАН.* 7-8
5. Дробижеева Л.М. (2016) Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию». *Россия реформирующаяся: Ежегодник. 14.* – Москва: Новый хронограф, pp. 379-394).
6. Медведев Н.П. и др. (2015) *Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях.* – Ставрополь: Издательство: Северо-Кавказский федеральный университет
7. Намруева Л.В.(2013)Отношение к межэтническим бракам в современной Калмыкии». *Этнографическое обозрение, 2, 168-176*
8. Намруева Л. В. (2014) *Смешанные браки как индикатор межэтнических отношений (анализ социологических исследований).* Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия) Коллективная монография / Е. А. Гунаев, М. Б. Марзаева, Л. В. Намруева. – Элиста: КИГИ РАН,. С. 175-186
9. Олейников Е.А.(2005) *Экономическая и национальная безопасность.* – М.: Издательство «Экзамен»
10. Тишков В.А.и др. (2018) *Этническое и религиозное многообразие России.* – М.: Издательство: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
11. Сенчагов В.К. и др. (2005) *Экономическая безопасность России.* – М.: Дело.
12. Kurepina N.L., Shovaeva M.V., Berikova N.B., Namrueva L.V. (2019) Economic Security of a Polyethnic Region: Experience And New Challenges «European Proceedings of Social and Behavioural Sciences» , pp: 742-750

ОЦЕНКА УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Курепина Н.Л. (а), Намруева Л.В. (b), Дорджиева Б.В. (с)

*(а) Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия,
kurepinanl@mail.ru, 89615479310*

*(b) Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста, Россия,
lnamrueva@yandex.ru, 89615475840*

*(с) Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия,
Baina.dordzhieva@gmail.ru, 89615414196*

Аннотация

Исследования ведущих ученых в области экономической безопасности свидетельствуют о том, что на человеческое развитие оказывают влияние негативные факторы социально-экономического развития, среди которых низкий уровень реальных доходов населения, уровень дифференциации доходов, высокий уровень населения с доходами ниже прожиточного уровня, высокий уровень безработицы и др.

В статье угрозы экономической безопасности личности рассматриваются как совокупность условий и факторов, деструктивно влияющих на человеческое развитие. Проанализированы показатели социально-экономического развития Республики Калмыкия, оказывающие влияние на человеческое развитие, приведены данные динамики индекса человеческого развития (ИЧР).

Для определения влияния низкого уровня доходов, бедности и других негативных факторов на социально-психологическое состояние населения республики проведены социологические исследования. Результаты опросов показали, что экономические проблемы, финансовые трудности не привели к доминированию негативных чувств тревоги, апатии, агрессии. Однако бедность ограничивает доступ значительной части населения республики к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи, то есть ограничивает возможности человеческого развития в республике Калмыкия

В целях сохранения стабильности, предупреждения межэтнических конфликтов необходима активная государственная политика по мониторингу и управлению неравномерностью внутрирегионального социально-экономического развития, своевременному предотвращению напряженных ситуаций, связанных с угрозами личной безопасности.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, угрозы экономической безопасности, личности, республика Калмыкия*

Введение

Главное богатство любой общественной системы – человеческий потенциал, а предпосылкой его развития и накопления – уровень и качество жизни населения, зависящие напрямую от устойчивого состояния экономики.

Низкий уровень социально-экономического развития республики, оказывают деструктивное влияние на человеческое развитие. Проблема бедности – одна из острейших социальных проблем всех регионов Российской Федерации, однако для республики Калмыкия, которая занимает 84 место по уровню среднедушевых доходов в РФ, и является угрозой экономической безопасности, так как обуславливает социальный разлом общества, вызывает социальную напряженность, препятствует успешному развитию региона, ведет к возникновению кризисных процессов в семье и обществе особенно актуальна. Наряду с социальной бедностью традиционных категорий населения с высокой нагрузкой иждивенцев (многодетные и неполные семьи с детьми, одинокие пенсионеры, инвалиды) растет экономическая бедность, связанная с тем, что определенная часть экономически активного населения не может обеспечить себе достойный прожиточный уровень из-за низкой заработной платы и ведет к миграции населения. За последние годы численность населения республики, несмотря на положительный естественный прирост, уменьшилась более чем на тридцать тысяч человек.

Государство предпринимает меры по выравниванию межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития, однако по-прежнему данная проблема остается и в целях сохранения стабильности, предупреждения и нейтрализации угроз экономической безопасности, необходим мониторинг ситуации, особенно в таком сложном по этническому и конфессиональному составу регионе,

Постановка проблемы

В Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года развитие человеческого потенциала отнесено к основным направлениям государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

Связано это, прежде всего, с возникновением угроз и рисков экономической безопасности человеческого развития, о чем свидетельствуют данные проведенного исследования. Угроза экономической безопасности человека – это совокупность условий и факторов, создающих опасность для его жизненно важных интересов и кроются они прежде всего в экономической среде, но не менее важная опасность и угроза – разрушения духовно-нравственного потенциала населения страны.

Исследуемый вопрос

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей показывает, что специалисты различных областей знаний рассматривают формирование человеческого потенциала со своей специфической точки зрения и только междисциплинарный подход позволяет исследовать эту проблему в комплексе как объект и субъект экономической безопасности.

Человек (личность), с одной стороны, является фактором безопасности общества, определяющим устойчивость его социальной, экономической и политической систем, обеспечивающим формирование трудового потенциала как составляющей потенциала безопасности, с другой – сама выступает объектом безопасности, требуя для своей защиты системы мер со стороны государства.

Принято считать, что в динамичных обществах, трансформирующейся России тем более, именно социальный ресурс индивидов и групп определяют их экономическую безопасность, социальный статус (Ядов, 2009).

Значительная работа в области человеческого развития проводится в рамках Программы развития ООН (ПРООН). Начиная с 1990 г. ПРООН публикует ежегодные «Доклады о развитии человека» по всем странам, а с 1995 г. – «Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации».

В Докладе 2018 года приведены данные ИЧР по регионам РФ, что позволяет исследовать динамику социального развития российских регионов, несмотря на отдельные недостатки его определения. Индекс человеческого развития (ИЧР, до 2013 года – индекс развития человеческого потенциала) представляет собой составной статистический показатель, включающий в себя данные об образовании, продолжительности жизни и доходе населения. (Голяшев, Лобанова, 2018)

А также в других разделах рассмотрены приоритетные вопросы развития в контексте разворачивающейся новой технологической революции: триада «наука, технологии, инновации» (далее – НТИ) как инструмент для реализации Целей устойчивого развития, взаимосвязь человеческого капитала и научно-технического прогресса и др. проблемы.

Вопросы экономической безопасности, социума, человека рассматриваются в трудах ряда авторов (Сенчагов, Олейников, 2005), (Вечканов, 2007), (Беловицкий, Николаев, 2017) и др.

В.К. Сенчагов рассматривает бедность как индикатор национальной безопасности, а низкий уровень денежных доходов населения как наиболее острую угрозу экономической безопасности в социальной сфере. (2005)

По определению Е.А. Олейникова «человек (ЛИЧНОСТЬ) будучи сам объектом и субъектом, системой безопасности, присутствует во всех системах безопасности, играя базовую системообразующую роль. Экономическая безопасность личности по его мнению, «характеризуется состоянием, при котором гарантированы условия защиты жизненных интересов, обеспечивается система социального развития и социальной защищенности личности». (2005)

Вечканов Г.С. наиболее сложной для экономической безопасности страны считает деградацию общества и населения. Если проблема бедности в принципе решаема, то приостановка или элиминация процесса деградации населения и общества потребует много времени и средств, а также активного государственного вмешательства. (2007)

Под понятием «безопасность личности» подразумевается состояние защищенности жизненно важных интересов личности от внутренних и внешних угроз и опасностей, которое в свою очередь обеспечивается государством, обществом и самой личностью, а также позволяет реализовать ее потенциал в качестве субъекта социально-значимых преобразований и содействовать его развитию (Беловицкий, Николаев, 2017).

Социологи указывают на то, что для России характерно избыточное неравенство, которое тормозит темпы роста экономики нашей страны (Салмина, 2014).

В резолюции Международной научно-практической конференции «Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы» (РАН) отмечено «необходимо повысить уровень социально-экономической безопасности путем развития здравоохранения, образования, науки и культуры, развития человеческого потенциала и мотивации творчества (Караваева, Колпакова, 2018).

Таким образом, можно сделать вывод, что при определении экономической безопасности человека преобладают подходы, рассматривающие угрозы в низком уровне жизни. Мы же считаем, социально-экономическая деятельность человека зависит не только от качественного состояния удовлетворенности естественных потребностей, но и духовных и деградацию моральных принципов молодежи, бездуховность также считаем необходимо рассматривать как угрозу экономической безопасности.

Цель работы

Цель исследования – проведение анализа социально-экономических показателей и результатов социологического исследования различных социальных, этнических групп республики Калмыкия и оценка угроз экономической безопасности человеческого развития.

В ходе исследования решены следующие задачи:

- проанализированы показатели социально-экономической безопасности республики.
- рассмотрены показатели индекса человеческого развития (ИЧР) республики в сравнении с российскими;

- определены по результатам социологического опроса основные факторы, отражающиеся на экономическом и социально-психологическом состоянии населения республики Калмыкия;
- выявлены угрозы экономической безопасности формирования человеческого потенциала и развития личности в молодежной среде республики Калмыкия.

Методы исследования

В ходе исследования применены массовое анкетирование, экспертный опрос, контент-анализ, структурно-функциональный, экономический и логический анализ

В данном анкетировании использованы наработки ведущих социологов страны в рамках проекта ИС РАН «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (Горшков 2016).

Результаты

В Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 определены основные задачи по реализации направления, касающегося человеческого развития, одним из них является снижение уровня бедности и имущественного неравенства населения.

Неравномерность социально – экономического развития регионов и имущественная дифференциация населения, высокий уровень бедности как мы уже отмечали отнесены к основным внутренним угрозам экономической безопасности.

Официальными данными гос. статистики подтверждено, что доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в России в настоящее время – 13.2 %, в республике Калмыкия 27.3 %. (рис. 1).

Рис. 1. Доля населения проживающего за чертой бедности, %

На протяжении последних лет данный показатель в РФ варьировал от максимального значения – 29.0 % в 2000 году до минимального – 12.0 % в 2010 году и по республике Калмыкия от 61.1 % в 2000 году и минимального значения в 2017 году – 27.3 %, впервые преодолев порог 30.0 %.

Как мы видим, в последние годы по мере стабилизации и роста экономики бедность в России стала отступать, но этот процесс идет медленно, особенно в депрессивных регионах республиках Ингушетия, Тыва, Калмыкия.

Динамика уровня бедности, приведенная на рис. 2 свидетельствует о положительной динамике, снижается уровень бедности и незначительно региональный разрыв в уровне доходов.

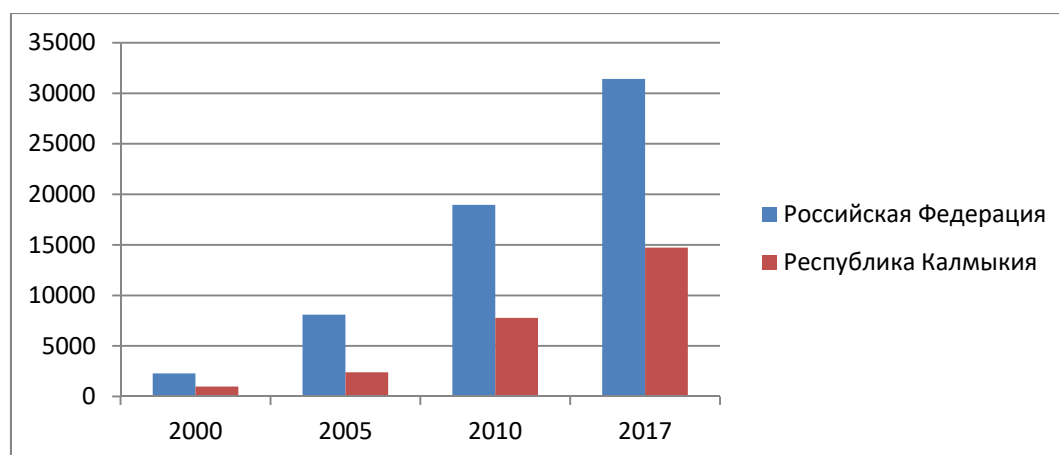

Рис. 2. Среднедушевые денежные доходы (в месяц) руб.

Так, показатель уровня среднедушевых денежных доходов населения по республике Калмыкия в 2017 году составил 14730 руб., что более чем в два раза среднероссийского показателя 31422 руб. Максимальный показатель в Ненецком АО – 70121 руб., минимальный в республике Тыва – 14048 руб.

В качестве основных негативных последствий, которые порождаются бедностью, губительно сказываются на человеке, это не возможность реализовать свои способности и творческий потенциал. Об этом свидетельствуют данные табл. 1, республика находится на 70 месте по показателю ИЧР.

Таблица 1. Индекс человеческого развития, 2016 год

	ВВП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидае мая продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголе- тия	Грамот- ность, %	Доля уча- щихся в возрастах 7– 24 лет, %	Индекс образо- вания	ИЧР
Российская Федерация	24877	0.921	71.9	0.781	99.7	0.830	0.941	0.881
г. Москва	41836	1.000	77.1	0.868	100.0	0.969	0.989	0.952
Республика Калмыкия	11129	0.786	72.15	0.786	99.4	0.774	0.921	0.831
Разрыв, раз	3.8	1.3	1.06	1.1	1.01	1.25	1.07	1.15

Рассматривая показатели индекса человеческого развития по Калмыкии в динамике, можно утверждать, что произошел рост ИЧР до 0.831, однако с 2000 года до 2008 года отмечалось резкое падение качества жизни населения республики и его значительное отставание от среднероссийских показателей (табл. 2).

Таким образом, следует отметить, что принимаемые Правительством меры позволили снизить уровень бедности в регионе, однако она остается на достаточно высоком уровне и не позволяет эффективно развивать человеческий потенциал.

В качестве основных негативных последствий, которые порождаются бедностью, необходимо отметить, что она может выступать фактором социальной напряженности в обществе, особенно в депрессивных, полиэтнических регионах.

Таблица 2. Динамика развития ИЧР в Республике Калмыкия, 2000–2016 гг.

	2000	2004	2008	2016
Российская Федерация	0,763	0,781	0,825	0.881
Макс. показатель г.Москва	0,864	0, 873	0,929	0.952
Республика Калмыкия	0,750	0,744	0,763	0.831
Макс. показатель к показателю по РК, %	115,2	117,3	121,8	114.6

В целях определения уровня воздействия негативных факторов на стабильность в республике нами было проведено социологическое исследование.

В анкетном опросе проведенном в мае 2019 г. участвовало 270 человек, жителей республики Калмыкия: из них 30 % – мужчины, женщины – 70 %. Респонденты-горожане составляют 70 % выборки, респонденты-сельчане – 30 %. Распределение по возрасту выглядит следующим образом: до 20 лет – 51,9 %; от 21 до 30 лет – 29,6 %; от 31 до 40 лет – 5,9 %; от 41 до 50 лет – 3,3 %; от 51 до 60 лет – 2,6 %; старше 60 – 4,1 %. Как видим, молодежная когорта представляет большинство нашей выборочной совокупности – 81,5 %.

В реализации указанного проекта особую актуальность приобретает исследование того, сохраняется ли у населения «запас прочности», который позволяет удерживать стабильность экономического положения в условиях затянувшегося кризиса. Полученные нами данные показывают, что к середине 2019 г. «запас прочности» у молодых жителей Калмыкии имеется. По всей видимости, находясь в положении материальной зависимости от родителей, молодые люди не знают истинных проблем в жизни семьи. Лишь небольшая часть опрошенных призналась в сложной материальной обстановке, когда денег ни на что не хватает. Отметим, что в нашем исследовании этот вариант отмечен респондентами-русскими и принадлежащими к др. этническим группам чаще, чем калмыками (табл. 3).

Таблица 3. Самооценка доходов

Доходы позволяют Вам	Муж.	Жен.	Город	Село	Калм.	Рус.	Др. этн. гр.
Еле сводить концы с концами, ни на что не хватает, постоянно беру продукты в долг	7,5	4,8	6,2	6,6	3,4	8,5	10,9
Приобретать только самое необходимое	41,3	46,2	41,0	48,0	42,2	45,8	58,2
Приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета)	31,3	39,2	43,0	30,7	47,6	37,3	10,9
Приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей (без ущерба)	13,8	5,4	7,6	13,3	6,1	8,5	14,5
Приобретать качественные продукты питания, автомобиль, недвижимость, отдыхать за границей (без ущерба)	2,5	1,1	2,1	1,3	0,7	–	5,1

Ответы более 40 % респондентов свидетельствуют, что они находятся на уровне бедности, когда имеются средства лишь на самое необходимое. Треть выборки имеет определенный «запас прочности», что позволяет им приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета). Менее десятой части можно отнести к группе обеспеченных, помимо дорогостоящих продуктов питания, предметов длительного пользования они могут отдыхать за границей (без ущерба). Лишь единицы респондентов являются сверхобеспеченными.

Отсутствие необходимых материальных средств, ограниченные возможности для удовлетворения важнейших жизненных потребностей не позволяют личности, группе чувствовать безопасность от постоянно возникающих угроз экономического характера.

Следует заметить, что экономические проблемы, финансовые трудности не привели к доминированию негативных чувств тревоги, апатии, агрессии.

Полученные данные позволяют нам констатировать, что жизнь жителей республики постепенно стабилизируется, у них имеется определенный настрой на будущее, который зависит как от их психоэмоционального состояния, так и экономической ситуации в республике.

Выводы

Проблема бедности – одна из серьезнейших угроз экономической безопасности. Именно бедность определяет ограниченность доступа значительной части населения нашей страны к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи, снижает ИЧР. Низкий уровень доходов значительной части семей в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов обуславливают социальный разлом общества, вызывают социальную напряженность, препятствуют успешному развитию страны, определяют кризисные процессы в семье и обществе.

Однако, проведенный нами анализ показал, что «склонность наших сограждан объяснять низкий уровень жизни населения страны сложившейся в ней общей экономической ситуацией» (Горшков 2016) в нашем регионе не срабатывает. Возможно, потому что в нашем исследовании превалирует молодежная группа, которая в отличие от представителей старшего возраста не настроена патерналистски, а нацелена самостоятельно решать свои жизненные проблемы. Можно утверждать, что в молодежной среде распространяется тип, который можно охарактеризовать как тяготеющие к условно активистской модели мировосприятия (человек – кузнец собственного счастья) (Горшков 2016).

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 19-010-00796 «Совершенствование методологии оценки экономической безопасности поли-этнического региона: междисциплинарный подход».

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 12.05. 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Указ Президента Российской Федерации «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» от 13 мая 2017г. № 208 Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/15/putin-podpisal-strategiiu-ekonomicheskoy-bezopasnosti-do-2030-goda.html>
3. Беловицкий К.Б., Николаев В.Г. (2017) Экономическая безопасность. – М.: Научный консультант
4. Вечканов Г.С. (2007) Экономическая безопасность. – СПб.: Питер.
5. Голяшев А.В., Лобанова А.А. (2018) Индекс человеческого развития: международные и региональные различия. // В кн.: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / Науч. ред.: Л. М. Григорьев, С. Н. Бобылев. -М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Гл. 5. 156-172
6. Горшков М. К. (2016) О социальном ресурсе адаптации россиян к условиям кризиса (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – М.: Новый хронограф. 14. 496. 5-20.
7. Караваева И.В, Колпакова И.А. (2018) Ученые об оценке рисков и угроз экономической безопасности современной России // Вестник Института экономики Российской Академии Наук. 6. 195-203
8. Курепина Н.Л., Богзыков Ю.С., Шоваева М.В. (2016) Проблема бедности в депрессивных регионах и пути ее преодоления. // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. (ЭПОС). 4. С.35-40
9. Направления устойчивого развития регионов России: монография/ М.М. Брутян, М.Н. Дудин, Л.А. Ельшини др. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. –158с
10. Олейников Е.А. (2005) Экономическая и национальная безопасность.-М.: Издательство «Экзамен»
11. Салмина А.А.(2014) Избыточное неравенство и развитие человеческого потенциала. // В кн.: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Науч. ред.: Л. М. Григорьев, С. Н. Бобылев. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. Гл. 5. С. 85-105.
12. Ядов В. А. (2009) Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб.: Интерсоцис
13. Сайт Федеральной службы государственной статистики (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
14. Kurepina N.L., Shovaeva M.V., Berikova N.B., Namrueva L.V. (2019) Economic Security Of A Polyethnic Region: Experience And New Challenges // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 742-750
15. Kurepina N.L., Uchurova E.O., Boldyreva S.B.(2019) Poor quality food as a threat to public health / Information society: health, economy and law. Matrics of the international scientific and practical conference. Irkutsk. 13-14 <https://posidpo.ru/ischel-2019>

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: К ВОПРОСУ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Лескова Ирина Валерьевна (а), Зязин Сергей Юрьевич (b),
Максимова Елена Валерьевна (с) Адамская Любовь Владимировна (d)

(а) Российский государственный социальный университет, ул. В.Пика, 4, Москва, Россия,
leskova.i@yandex.ru, +79055502708

(b) Российский государственный социальный университет, ул. В.Пика, 4, Москва, Россия,
wasatyay@mail.ru, +79031724883

(с) Московский городской педагогический университет, ул. Сельскохозяйственная, 4, Москва, Россия,
fex0702@mail.ru, +79857615949

(d) Финансовый университет при Правительстве РФ, Ленинградский пр-т, д. 51 /1, Москва, Россия,
adamaskaia@yandex.ru, +79859992376

Аннотация

Исследуется процесс Евразийской интеграции, который становится все более заметным и весомым в современных международных отношениях, способствует возникновению новых объединений и качественному эволюционированию уже существующих межгосударственных организаций, привлекает интерес всего научного сообщества. ЕАЭС, с момента своего идейного обоснования, рассматривался странами-участницами как субъект мировых экономических отношений, новый экономический союз и конкурентоспособное интеграционное объединение. Особый формат взаимодействия стран-участниц подчеркивают такие понятия, часто встречающиеся в СМИ и выступлениях официальных лиц, как «Большое евразийское партнерство» и «Большая Евразия». Протекание процессов евразийской интеграции сопряжено с агрессивной внешней средой, характеризующейся жесткой конкуренцией на мировом рынке, цифровыми форматами общения, кризисом мировой торговли, экспериментами по созданию зон свободной торговли регионального и трансконтинентального уровней.

Изучаются модели объединения государств в масштабах ЕАЭС, анализируются реальные на перспективу возможности Единого экономического пространства в условиях многосторонних форм экономической интеграции. Подчеркивается, интеграционное взаимодействие на Евразийском пространстве протекает на фоне кризисов, санкций, политической и экономической нестабильности, в связи с чем предмет внимания следует сосредоточить на вопросах артикуляции, определения, распределения и закрепления за субъектами политического и экономического участия новых функций в рамках ЕАЭС. Акцентируется, страны-участницы, возмевшие бонусы от процесса евразийской интеграции, функционально обязаны получить больше геополитических функций и ответственности в своих регионах.

Авторы резюмируют, необходим всесторонний научный анализ содержательных компонентов евразийской интеграции. Сформирован запрос на разработку усовершенствованных критериев эффективности евразийского интеграционного проекта, отражающих не только параметры интеграционного замысла, но и его влияние на качество жизни, уровень региональной социальной сплоченности экономического пространства Большой Евразии. ЕАЭС способен стать одним из центров формирования масштабного интеграционного контура с участием Китая, Индии, Ирана, Пакистана, партнеров по СНГ, других заинтересованных объединений и государств.

Ключевые слова: Евразийская интеграция и кооперация, Большая Евразия, ЕАЭС, Большое евразийское партнерство

Введение

Евразийская экономическая интеграция предусматривает не только процессы взаимного приспособления, взаимодействия и сотрудничества в рамках ЕАЭС, но и кооперацию национальных хозяйств с последующим восстановлением показателей хозяйственной деятельности на качественно ином уровне, утраченном за период постсоветского единства. Процессы дезинтеграции, преобладающие более двух десятилетий с момента распада СССР на части постсоветского пространства, поменялись движением к качественному воссоединению. Советское наследие в виде взаимодействия и сотрудничества в составе сверхдержавы послужили сильным толчком и стимулом для развития процесса интеграции, поиску потенциала для структуризации большого пространства, – почти одной шестой части земли. Интеграция предоставила шанс и создала условия для развития экономики регионов, содействуя тем самым формированию более качественной ситуации, способствующей повышению благополучия граждан стран-участниц. Исполнилось пять лет со дня подписания 29 мая 2019 года Договора о Евразийском экономическом союзе, давшего старт процессам евразийской интеграции. Прделана серьезная работа в целях реализации намеченного курса и выполнения поставленных задач перед ЕАЭС (Цой, 2018).

В активе ЕАЭС много достижений, среди которых меморандумы о сотрудничестве с интеграционными объединениями: АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, МЕРКОСУР – Южноамериканский общий рынок, СНГ – Содружество Независимых Государств, Тихоокеанский альянс, Андское сообщество, приглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, подписание в ближайшей перспективе договора с Африканским союзом и т. д. В целом, достаточно эффективно развиваются торгово-экономические механизмы с интеграционными объединениями и третьими странами.

Вместе с тем, даже для европейской интеграции, исторический путь которой исчисляется более чем пятью десятилетиями, экономической наукой не сформулированы общепринятые подходы к оценке эффектов интеграции. Интеграционные процессы постсоветского пространства характеризуются рядом особенностей. Результаты условно можно разделить на кратковременные и долговременные. Первые, сопряжены с реакцией экономики на снижение или отмену, вплоть до полной, таможенных барьеров. Эффекты напрямую связаны с характеристиками торговых потоков и изменениями таможенных тарифов. Долговременные интеграционные эффекты зависят от изменений в экономике динамического и структурного характера, происходящих на базе трансформаций параметров эффективности, создания принципиально новых кооперационных связей, расширения рынков сбыта товаров (Косов, Фролов, 2013; Ивантер и др., 2012).

Постановка проблемы

Существует ряд подходов к количественному оцениванию интеграционных эффектов: гравитационное моделирование, моделирование вычислимого общего равновесия – «CGE моделей», моделирование на основе множественной регрессии, динамическое межотраслевое моделирование с использованием таблиц «затраты – выпуск» (input-output), сценарный подход. Эффективность интеграционных процессов в рамках Евразийского пространства зависит от модели интеграции и от той магистральной идеи, находящей свое выражение в международном значении.

В рамках Евразийского экономического союза, по меньшей мере, существуют три устоявшихся взгляда на объединение, сторонники которых обозначили следующие модели интеграции: «москвоцентричная» («россияцентричная»), «равноправная» и «секторная» (Распопов, 2015).

«Москвоцентричная» допускает кооперацию ряда заинтересованных стран во главе с Россией, как обладательницей более мощной экономики в макрорегионе. Приверженцы такой идеи настаивают на жесткой интеграции с одним центром, управляющим интеграционными процессами на всем объединенном пространстве. Выступая за полное воссоединение на постсоветском пространстве (или его значительной части), сторонники отстаивают замысел не столько сильной России в роли доминирующей силы, сколько подчеркивают геополитическое преимущество силы, способной осуществить жесткую имперскую, «россияцентричную» интеграцию.

В контексте «равноправной» модели преимущество отводится созданию союза сильных национальных государств, кооперирующихся с целью решения всеобщих задач на равных между собой правах. Основопологающим выступает принцип равноправия в интеграционном строительстве. В рамках политики евразийского развития, модель предполагает становление признанных суверенных государств, совместно взаимодействующих в созидательных проектах, действующих в общей правовой, социокультурной, экономической, инфраструктурной, политической среде.

«Секторная» модель подразумевает кооперацию «кластерного характера» в основу которой заложено соглашение между отдельными государствами по конкретным вопросам или в рамках определенных хозяйственных проектов. Все объединившиеся государства имеют право сохранить выбранный ранее вектор или многовекторность в отношении экономических и политических союзников или партнеров, что позволяет развивать и поддерживать экономическое, военное, политическое, культурное и гуманитарное взаимодействие одновременно с несколькими «центрами силы», при отсутствии среди участников явно приоритетного.

Исследуемый вопрос

Внешняя ситуация Евразийской интеграции далека от благоприятной. Сложность периода, в котором происходит интеграция в рамках Евразийского пространства продемонстрирована тремя «направлениями»:

- Первое – усложнение отношений России с США и Евросоюзом.
- Второе – крайнее ухудшение отношений между Россией и Украиной.
- Третье – процессы в Южной Азии, в том числе нестабильность ситуации в Афганистане и высокая опасность усиления давления «исламского фактора» у границ России.

Мониторинг эффективности интеграционных процессов в рамках ЕАЭС должен быть сведен не только к анализу критериев повышения экономической активности, связанных с показателями конечного потребления или ВВП, но и для бюджетных доходов, которые чутко реагируют на налоговые поступления, взимаемые таможенными службами (Глазьев, 2016).

Названные условия и специфика осуществления евразийской интеграции, указывают на необходимость серьезной работы в части оптимизации роли каждой из стран-участниц.

Евразийский регион способствовал возникновению интеграционных объединений, цель которых заключалась в восстановлении и развитии связей между государствами-участницами процесса – бывшими советскими республиками. Если на этапе евразийского строительства заинтересованные стороны не достигнут должного понимания и не придут к взаимному согласию относительно выбора общей для всех модели, то дальнейшее движение в направлении объединения, скорее всего, будет обречено на стагнацию. Выбирая модель интеграции, надо учитывать, к какой сфере относится большинство задач или проблем. Солидарность основных политиков и уполномоченных от экспертных сообществ стран-участниц направлено на тот факт, что сначала должна набрать силу экономическая интеграция; затем во взаимосоответствие должны быть приведены законодательства и только потом иные обстоятельства и факторы.

Неоспоримо, участники евразийской интеграции склонны многие идеи копировать из опыта интеграционного процесса Евросоюза. Вместе с тем, не следует повторять принципиальные ошибки, направляя основные усилия на решение политических вопросов, когда политика «забегает» вперед экономики, что порождает множество проблем в новом образовании (Vozmitel, Osadchaya, 2010).

Интеграция должна опираться на консолидацию экономического потенциала всех стран-участниц, сформированную единую систему регулирования функций и полномочий, переданных на межнациональный уровень. Необходимо создать условия, способствующие формированию и реализации совместной политики развития, включающей структурную, промышленную, транспортную, энергетическую, сельскохозяйственную, образовательную, научно-техническую, гуманитарную компоненты.

Цель работы

Цель статьи, уточнить реальные перспективы развития единого Евразийского экономического пространства как более глубокой и многогранной формы экономической интеграции, которые могут видаться как:

- а) центр силы, один из нескольких мировых экономических, промышленных, технологических и геополитических полюсов;
- б) «буфер», который будет минимизировать негативные внешние последствия для экономик входящих в него стран (Мацевило, 2015);
- в) средство поддержания экономики какой-либо одной страны, находящейся в этом союзе и использующей прочие союзные страны в собственных интересах (что крайне не желательно, но, как показывает исторический опыт существования иных союзных надгосударственных образований в прошлом – не исключено).

Методы исследования

Контент анализ научных статей, выступлений и публикаций позволил выделить общий вектор по развитию евразийской интеграции на перспективу. Резюмируя, особо подчеркнем, экономическая интеграция на евразийском пространстве закономерный и логичный процесс, который направлен на создание рационального открытого проекта, в отличие от СССР, конкурентоспособного глобального экономического союза как составной части общеевропейского интеграционного союза и принципиально иного геополитического проекта как составной части нового мирового порядка.

Результаты

На Евразийском пространстве современные интеграционные процессы протекают в явно изменившихся условиях, отягощенных затяжными кризисами в отношениях России с США, Евросоюзом, Украиной, а также нарастающей опасностью исламистского толка, идущей из Южной Азии, в основном, со стороны Афганистана, претендующими на изменение политической и экономической конфигурации в мире. Руководителям стран-участниц, экспертам и представителям политической элиты следует пристальней уделять внимание задачам определения, артикуляции, распределения и закрепления за своими странами новых функций в рамках ЕАЭС (Максимцев, Межевич, 2018).

От качественно иного уровня евразийской интеграции ожидают особое перераспределение функций, при котором будет закреплено решение в определенной институциональной форме о том, что страны-участницы, которые извлекли определенные бонусы в процессе евразийской интеграции, будут обязаны принять больше геополитических функций в своих регионах (Лазарева, 2016; Leskova и др., 2015).

Исследование проблем в достижении запланированных результатов экономической эффективности интеграционных процессов в рамках Евразийского пространства должно включать содержательные компоненты следующего характера:

1. Всесторонняя характеристика модели интеграции, анализ ее соответствия сложившимся внутренним и внешним условиям, а также притязаниям руководителей интегрирующихся стран.
2. Характеристика и оценка и магистральной цели, которая находит свое выражение в том международном значении, которое должен иметь ЕАЭС в ближайшей перспективе.
3. Выявление основных функций государств, участников интеграционного процесса внутри Союза и за его пределами: их «инвентаризация», анализ полезности и адекватности распределения между странами-участницами.

Задачи проекта четко и конкретно должны быть согласованы как с руководителями государств, участвующих в интеграции, так и со всеми участниками переговорного процесса с целью достижения консенсуса и однозначного понимания обозначенных магистральных задач и достижения согласия по всем сопутствующим вопросам, в том числе анализ ресурсного потенциала объединенных экономик, перспектив кооперационных проектов, близости торговых связей между странами-участниками.

На заключительном этапе необходимо прибегнуть к «сценарному подходу», предполагающему оценку эффективности в зависимости от изменений и существующих характеристик внешнего процесса, в котором реализуется заявленная интеграция конкретного временного периода.

К задачам ближайшего будущего ЕАЭС можно отнести развитие системы стратегического планирования, реализацию крупнейших инфраструктурных проектов, выстраивание единой стратегии стран-участниц,

формирование общего гуманитарного пространства, проведение согласованных политик и т. д. (Васильева, 2015; Лапенко, 2018; Новиков, 2018).

Выводы

Проект региональной интеграции, его эффективность и действенность традиционно исчисляются показателями, применимыми в отношении национальных хозяйств, в связи с чем, авторы подчеркивают, могут быть упущены ряд характеристик и процессов, возникающих внутри интеграционного объединения и влияющих на отношения как внутрирегионального характера, так и за его пределами. Общие подходы к анализу успешности регионального проекта экономической интеграции сводятся к оценке, насколько удалось приблизиться к избранной модели интегрирования. Вместе с тем, непрочность проектов как про-, так и антироссийских постсоветских интеграций, камуфлируемых под создание востребованных современных геоконструкций, указывает на запрос в разработке усовершенствованных критериев эффективности евразийского интеграционного проекта, отражающих не только развитие самого интеграционного проекта, но и его влияние на качество жизни, уверенность в завтрашнем дне, уровень региональной социальной сплоченности экономического пространства Большой Евразии (Ryazantsev, Osadchaya и др., 2018).

От деятельности ЕАЭС ожидают демонстрацию готовности и способности к сотрудничеству со всеми странами региона, несмотря на конфликтные ситуации и сохраняющиеся противоречия. Магистральной движущей силой и целью должны выступать геополитические задачи и необходимые экономические потребности региона (Бордачев, Пятачкова, 2018).

«...Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура с участием стран, с которыми уже сложились тесные отношения, – Китай, Индия, Пакистан, Иран и, конечно, партнеров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений» (Путин, 2016).

Благодарности

Статья выполнена при содействии АНО ДПЦМ им. Шейха Мухаммада Садыка.

Список литературы

1. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. (2018). Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. №3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bolshoy-evrazii-v-povorote-rossii-na-vostok/>
2. Васильева Н.А. (2015). ЕАЭС: российские геополитические интересы. *Управленческое консультирование*. №11 (83). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-rossiyskie-geopoliticheskie-interesy/>.
3. Глазьев С.Ю. (2016). Настоящее и будущее Евразийской интеграции. *Авторский доклад Изборскому клубу*. Retrieved from <http://www.dynacon.ru/content/articles/1299/>
4. Ивантер В.В., Геец В.М., Ясинский В.А., Широ А.А., Анисимов А.М. (2012). Экономические последствия создания ЕЭП и присоединения к нему Украины. *Евразийская экономическая интеграция*, №1(14), С. 4-26.
5. Косов Ю.В., Фролов В.Е. (2013). Интеграционные процессы Евразийского региона: анализ основных этапов. *Управленческое консультирование*. №10 (58). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-protsessy-evraziyskogo-regiona-analiz-osnovnyh-etapov/>
6. Лазарева Н.Ю. (2016). Евразийский экономический союз и геополитические интересы России. *Северо-Кавказский юридический вестник*. №3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-i-geopoliticheskie-interesy-rossii/>
7. Лапенко М.В. (2018). Развитие евразийской интеграции: движение от "евразийской тройки" к континентальному Евразийскому партнерству. *Постсоветские исследования*. №8. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-evraziyskoy-integratsii-dvizhenie-ot-evraziyskoy-troyki-k-kontinentalnomu-evraziyskomu-partnerstvu/>
8. Максимцев И.А., Межевич Н.М. (2018). Экономическая интеграция в Большой Евразии: возможности и вызовы. *Известия СПбГЭУ*. №3 (111). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-integratsiya-v-bolshoy-evrazii-vozmozhnosti-i-vyzovy/>
9. Мацевило А.Е. (2015). Минск: семинар аналитиков «Союз – Евразия» в ИД "Звезда" (+Цитадель и Лев Криштанович). Retrieved from <http://sobiainnen.livejournal.com/82456.html/>
10. Новиков Д.П. (2018). Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. №3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoe-evraziyskoe-partnerstvo-vozmozhnoe-regionalnoe-vliyanie-i-interesy-rossii/>
11. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. (2016). *Петербургский Международный Экономический Форум*. Retrieved from <https://tass.ru/pmef-2016/article/3376295/>
12. Распопов С.В. (2015). Евразийский экономический союз: выбор интеграционной модели. *Духовная ситуация времени. Россия XXI век*. № 1 (4). С. 56-59.
13. Цой А.В. (2018). Евразийский экономический союз как специфическая форма международной экономической интеграции. *Региональная экономика: теория и практика*. №5 (452). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-kak-spetsificheskaya-forma-mezhdunarodnoy-ekonomicheskoy-integratsii/>
14. Leskova I.V., Ermakov D.N., Andruschenko G.I., Raspopov S.V., Khmelevskaya S.A. (2015). Relevant aspects of the integration of post-soviet countries in the project of the Eurasian economic space. *Review of European Studies*. T. 7. № 6. С. 231-238.
15. Ryazantsev S.V., Osadchaya G.I., Seleznev I.A., Pismennaya E.E. (2018). Workforce mobility in the EAEU: trends, barriers, prospects. *Central Asia and the Caucasus*. T. 19. № 2. С. 28-36.
16. Vozmitel A., Osadchaya G. (2010). Way of life in Russia: changing dynamics. *Social Sciences*. № 3. С. 117-129.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНА

Малкандуев Юсуф Ахматович (а), Ксанаева Мадина Батыровна, (b)

(a) Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Россия, malkanduev@mail.ru, +7 (928) 693 97 29

(b) Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Россия, ksanm@yandex.ru, +7 (938) 693 55 49

Аннотация

В статье проанализирована динамика уровня внедрения инноваций в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. Рассмотрены проблемы реализации регионального инновационного потенциала на примере Кабардино-Балкарской Республики, которая отнесена экспертами к группе слабых инноваторов, индикаторы ее инновационной активности, определяющие позицию региона в рейтинге субъектов РФ по уровню развития инноваций. Проведен сравнительный анализ динамики основных статистических индикаторов инновационной деятельности организаций по стране в целом, исследуемому федеральному округу и региону за 2015–2018 годы. Исследована динамика затрат на исследования и разработки в разрезе источников финансирования и видов расходования средств. Разработана и предложена стратегия развития инновационного предпринимательства, включающая комплекс организационно – методических и экономических мер, обеспечивающих эффективное развитие инновационного предпринимательства в КБР, и основанная на применении программно-целевого подхода. На основе анализа различных подходов исследователей к построению данной стратегии выделены организационные принципы ее формирования. Сформулировано определение стратегии как совокупности целевых установок и задач развития инновационного предпринимательства региона, в том числе в малых формах, а также ресурсов и новых технологий, посредством которых они реализуются, и гибкой системы управления, обеспечивающей достижение поставленных целей и задач. Определены генеральная цель, стратегические целевые установки, задачи и меры реализации стратегии, направленные на развитие инновационного предпринимательства территории, с целью повышения эффективности деятельности субъектов инновационного предпринимательства, обеспечения социально-экономического развития территории за счет мультипликационных мезоэффектов, сокращения транзакционных издержек и мобилизации ресурсов.

Ключевые слова: Инновации, инновационное предпринимательство, экономика региона, стратегия

Введение

Ключевым фактором устойчивого роста экономики территорий в современных условиях выступают инновации, эффективное внедрение и использование которых позволяет хозяйствующим субъектам сохранить конкурентные преимущества на рынке благодаря повышению качества производимых товаров и предоставляемых услуг, росту уровня технического и технологического развития, а также наращиванию своего инновационного потенциала. Внедрение инноваций способствует получению ими уникальных конкурентных преимуществ, трудновоспроизводимых конкурентами в силу сложности и многофакторности инновационного процесса. (Крутик, Решетова, 2003). На инновационную деятельность регионов оказывают значительное влияние как объективные факторы (географическое положение, минерально-сырьевая база, развитость бизнес-среды и др.), так и субъективные факторы (величина инвестиций в инновации, структура ВРП, экономическая политика региональных властей и др.).

В настоящее время уровень внедрения инноваций в регионе недостаточен, зачастую инновационные процессы протекают бессистемно и носят нерегулярный характер. Для максимизации результативности инновационной деятельности в Кабардино-Балкарской Республике (КБР), по нашему мнению, приоритетной задачей выступает разработка эффективной стратегии развития инновационного предпринимательства региона. Она требует жестко скоординированной реализации как по вертикали, так и по горизонтали государственной исполнительной власти, а инструментарием ее реализации служит программно-целевое управление.

Постановка проблемы

Инновационный потенциал региона может быть реализован в условиях наибольшего благоприятствования развитию инновационного предпринимательства, в особенности малых формах, что обусловлено необходимостью активного использования фактора креативности, а также обеспечения гибкости и высокой адаптивности бизнес-структур на ранних этапах развития.

Большая часть организаций региона, несмотря на имеющийся инновационный потенциал, недостаточно внимания уделяют внедрению разработок и изобретений, конкурентоспособных как на российском, так и на международном рынках, а также вопросам их коммерциализации. Реализация их инновационного потенциала препятствует недостаточный объем финансирования внутренних затрат на НИОКР на макро- и мезо уровне, низкие темпы его прироста, поглощаемые уровнем инфляции; сокращение реального уровня инвестиций в НИОКР, в особенности на региональном уровне (Малкандуев, Ксанаева, 2018).

Ввиду низких темпов притока инвестиционных ресурсов сокращаются масштабы исследований, имеющих важное социальное и экономическое значение. Роль частных инвестиций в финансировании разработок и исследований крайне низка. В КБР до сих пор не сформирована целостная инфраструктура инновационного развития, а бюджетные инвестиции и собственные средства предприятий, расходуется в основном на выживание инновационных организаций, а не их технологическое и техническое развитие (Земцова, 2019). В этих условиях разработка региональной стратегии развития инновационного предпринимательства приобретает особую научную и практическую значимость.

Исследуемый вопрос

В соответствии с целью исследования в работе были поставлены и решены следующие задачи: 1) исследовать индикаторы инновационной активности КБР, определяющие позицию региона в рейтинге субъектов РФ по уровню внедрения инноваций; 2) провести анализ изменения основных статистических индикаторов инновационной деятельности организаций по стране в целом, исследуемому федеральному округу и региону за 2015–2018 годы; 3) разработать и предложить меры стимулированию внедрения инноваций, направленные на развитие инновационного предпринимательства в регионе; 4) разработать и предложить стратегию развития инновационного предпринимательства, включающую комплекс организационно – методических и экономических мер, обеспечивающих эффективное развитие инновационного предпринимательства в КБР.

Цель работы

Целью исследования является разработка стратегии развития инновационного предпринимательства в КБР, базирующаяся на анализе проблем реализации регионального инновационного потенциала, изучении динамики основных статистических индикаторов инновационной деятельности организаций и основанная на использовании программно-целевого подхода.

Методы исследования

В рамках проведенного исследования использованы методы статистического, сравнительного и абстрактно-логического анализа, а также программно-целевой подход.

Результаты

Основные проблемы в реализации инновационного потенциала государства возникают преимущественно на региональном уровне ввиду большой географической протяженности страны и неравномерности уровня социально-экономического развития ее субъектов. При этом с ускорением развития высокотехнологического бизнеса технологический разрыв, а следовательно, и разрыв в социально-экономическом развитии между центром и периферией государства только растет (Аликаева и др., 2018). Так, согласно данным рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню внедрения инноваций за 2018 год, подготовленного Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР), тройку самых сильных регионов-инноваторов составляют город Санкт-Петербург, Республика Татарстан и город Москва, а наименее развита инновационная деятельность в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (Бабич, 2017).

Данный рейтинг, по нашему мнению, достоверно отражает состояние инновационного развития экономик регионов России. Начиная с 2016 года в этом рейтинге учитываются 29 индикаторов, объединенные в 4 тематических блока. Показатели трех базовых блоков – научные исследования и разработки, инновационная деятельность, социально-экономические условия инновационной деятельности – остаются неизменными с целью отслеживания долгосрочной динамики по ключевым направлениям развития регионов. Важным отличием рейтинга 2018 года от рейтингов предыдущих лет является учет 6 качественно новых индикаторов, объединенных в один смысловой блок «Инновационная активность региона» (Рейтинг инновационных регионов, 2018).

Из семи регионов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), только один отнесен к группе средне сильных инноваторов (Ставропольский край), два к группе средне слабых (КБР, Северная Осетия-Алания, а четыре других – Республика Дагестан, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Ингушетия – к группе слабых инноваторов, замыкающих указанный рейтинг. Исследуем как менялись позиции субъектов СКФО в 2015–2018 годах согласно рейтинговым оценкам АИРР (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг регионов СКФО по уровню внедрения инноваций в 2015–2018 гг.

Наименование региона	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Изменение рейтинга
Ставропольский край	35	32	47	34	↓– 1
Кабардино-Балкарская Республика	64	69	76	68	↓– 4
Республика Северная Осетия-Алания	70	68	67	71	↓– 1
Республика Дагестан	67	75	80	78	↓– 11
Чеченская Республика	83	82	83	80	↑+ 3
Карачаево-Черкесская Республика	78	81	77	81	↓– 3
Республика Ингушетия	82	83	84	85	↓–3

Как следует из данных таблицы 1, за рассматриваемый период улучшила свое положение в рейтинге только Чечня, поднявшись к 2018 году на 3 позиции. Однако регион занимает в рейтинге только 80 место. Рейтинг Ставропольского края – лидера по внедрению инноваций в исследуемом федеральном округе, относящегося к группе средне сильных инноваторов – несмотря на значительное ухудшение показателей в 2017 году (на 8 позиций ниже), к 2018 году практически вернулся к уровню 2015 года, сместившись вниз всего на одну позицию. Два региона из группы средне слабых инноваторов – КБР и Северная Осетия – заняли более низкие места в рейтинге по сравнению с 2015 годом, на 4 и 1 позиции соответственно. Отметим, что КБР в 2017 году получила самый низкий рейтинг за рассматриваемый период, заняв 76 место, но улучшила значения индикаторов к 2018 году. Самое существенное снижение показателя отмечается по Дагестану, который перешел из группы средне слабых инноваторов в группу слабых, спустившись к 2018 году до 78 места, что на 11 позиций ниже уровня 2015 года. Отрицательная динамика в рейтинге наблюдается и по Карачаево-Черкессии, занявшей 81 позицию в 2018 году. Ухудшились индикаторы внедрения инноваций по Ингушетии, которая занимает самую нижнюю позицию в общем рейтинге субъектов. Несмотря на то, что положение КБР по показателям внедрения инноваций относительно других субъектов федерального округа находится на относительно приемлемом уровне, уступая только Ставропольскому краю, на наш взгляд, разрыв между значениями индикаторов региона, учитываемых в рейтинге, и средними значениями показателей по России весьма значителен. Это обуславливает необходимость более детального исследования индикаторов внедрения инноваций, их сопоставления со значениями показателей по СКФО и РФ в целом, и разработки мер по преодолению этого разрыва путем формирования стратегии развития инновационного предпринимательства и инструментов ее реализации.

Проанализируем динамику основных статистических индикаторов инновационной деятельности организаций КБР, СКФО и РФ за 2015-2018 годы, используемые при составлении рейтинга АИРР (табл. 2).

Таблица 2. Основные статистические индикаторы инновационной деятельности организаций КБР, СКФО и РФ в 2015–2017 годы (Управление Федеральной службы государственной статистики по СКФО, 2019)

Наименование показателя	Регион	2015 г	2016 г	2017 г	2018 г	Прирост, %
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %	КБР	9,7	2,4	3,8	-	-60,8 %
	СКФО	4,4	2,6	2,9	-	-34,1 %
	РФ	8,3	7,3	7,5	-	-9,6 %
Удельный вес организаций, осуществляющих организационные инновации, в общем числе организаций, %	КБР	1,2	0,5	0,6	1,3	8,3 %
	СКФО	1,0	0,5	0,4	0,5	-50,0 %
	РФ	2,7	2,4	2,3	2,1	-22,2 %
Удельный вес организаций, осуществляющих маркетинговые инновации, в общем числе организаций, %	КБР	1,2	0,5	0,6	0,6	-50,0 %
	СКФО	1,1	0,4	0,5	0,5	-54,5 %
	РФ	1,8	1,4	1,4	1,3	-27,8 %
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	КБР	4,1	1,3	0,9	0,9	-78,0 %
	СКФО	8,9	6,4	5,8	4,4	-50,6 %
	РФ	8,4	8,5	7,2	6,5	-22,6 %
Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	КБР	2,5	0,2	0,9	1,0	-60,0 %
	СКФО	1,3	1,4	1,5	0,8	-38,5 %
	РФ	2,6	2,5	2,4	2,1	-19,2 %

Как следует из данных табл. 2, за анализируемый период снизилась величина всех индикаторов инновационной деятельности организаций – как в целом по РФ, так и по СКФО и региону. Вместе с тем по КБР падение показателей было самым стремительным: на 60,8 % уменьшился удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, на 50 % – маркетинговые инновации, на 78 % доля инновационных товаров (работ, услуг), а затрат на технологические инновации на 60 %. Значение показателей инновационной деятельности СКФО также имеют отрицательную динамику, хотя и менее выраженную. Наибольшее сокращение в анализируемом периоде – на 50,6 % отмечается по удельному весу инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров (выполненных работ, оказанных услуг). Уменьшилось и количество организаций, осуществляющих инновации – технологические на треть, а организационные и маркетинговые более чем в два раза.

Необходимо отметить, что на динамику показателей по СКФО положительное влияние оказывает регион-лидер по инновациям в федеральном округе – Ставропольский край, замедливший темпы падения индикаторов инновационной деятельности СКФО. Отметим, что в целом по РФ снижение показателей было менее выраженным, хотя отрицательная динамика присуща большинству субъектов РФ, но она, также как и в целом по федеральному округу, была нивелирована влиянием роста показателей инновационного развития крупных регионов-инноваторов, таких как город Москва, город Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Томская, Московская и Новосибирская области. Это подтверждает сделанный ранее вывод о том, что задачи роста инновационного развития необходимо решать именно на региональном уровне, в особенности в субъектах РФ, относя-

щихся к группе средне слабых и слабых инноваторов, к которым относятся практически все регионы СКФО (исключая Ставропольский край).

Анализ различных видов инновационной деятельности показывает, что в настоящее время приоритетным является выполнение научных исследований и разработок. Исследуем изменение абсолютных значений затрат на исследования и разработки в разрезе источников финансирования и направлений расходования средств за 2015–2017 годы в регионе (рис. 1).

Рис. 1. Динамика затрат на исследования и разработки в разрезе источников финансирования и видов расходования средств, млн руб.

Из данных рисунка 1 видно, что в анализируемом периоде динамика затрат на исследования и разработки была положительна – прирост показателя составил 34 %, то есть 165 млн руб. в денежном выражении. Рост показателя было обусловлен приростом бюджетных инвестиций на 32 %, а увеличение более чем в 6 раз величины собственных инвестиций предприятий компенсировало снижение финансирования из других источников – инвестиций предпринимательского сектора и иностранных организаций, доля которых в 2017 году в совокупности составила всего 2 %, против 13 % в 2015 году. Отметим, что большая часть привлеченных средств (более 58 %) расходуется на оплату труда, а также отчисления на обязательное социальное страхование (15 % общей величины затрат), и всего 27 % средств направляются на материально-техническое оснащение и иные нужды исследуемых организаций. Рост фонда оплаты труда в анализируемом периоде, на наш взгляд, обусловлен увеличением МРОТ в 2017 году до 7800 рублей, то есть на 31 %, что вызвало пропорциональное увеличение затрат на заработную плату и обязательных социальных отчислений. Отметим, что расходы на приобретение оборудования и капитальные затраты составили в 2017 году всего 1,7 % затрат.

Управление инновационным развитием региона представляет собой важнейшую составляющую стратегии развития экономики региона, основанной на системе отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными и общественными организациями, индивидуумами по поводу формирования структурно-сбалансированной, конкурентоспособной национальной экономики (Мерзлякова, 2015; Алябьев и др., 2018; Руденко, 2019). Анализ различных подходов исследователей к построению региональной стратегии стимулирования развития инновационного предпринимательства позволил выделить организационные принципы ее формирования: 1) постановка стратегических целей и задач в соответствии с технологией SMART – конкретность, измеримость, достижимость, уместность и временная определенность; 2) обоснование и определение необходимых организационно-управленческих, материально-технических, финансовых и информационных ресурсов, обеспечивающих реализацию стратегии в целом и частных задач в установленные сроки; 3) разработка конкретного алгоритма реализации стратегии с использованием гибких технологий управления, позволяющих адаптировать его в соответствии с меняющимися условиями внешней и внутренней среды и корректировкой целевых установок социально-экономической политики региона; 4) научная обоснованность стратегии, и предлагаемых мер ее реализации.

В соответствии с изложенными принципами сформулировано определение стратегии –совокупность целевых установок и задач развития инновационного предпринимательства региона, в том числе в малых формах, а также ресурсов и новых технологий, посредством которых они реализуются, и гибкой системы управления, обеспечивающей достижение поставленных целей и задач. С учетом приведенного определения стратегии и выделенных организационных принципов ее формирования разработаны генеральная цель – переход КБР в группу средних инноваторов к концу 2025 года в рейтинге, составленном по методике АИРР, стратегические целевые установки, раскрывающие ее основные направления, а также конкретные задачи и меры реализации стратегии, направленные на развитие инновационного предпринимательства территории (рис. 2).

Реализация предложенной стратегии, по нашему мнению, позволит повысить эффективность деятельности субъектов инновационного предпринимательства КБР, обеспечить развитие территории за счет мультипликативных мезоэффектов, сокращения транзакционных издержек и мобилизации ресурсов.

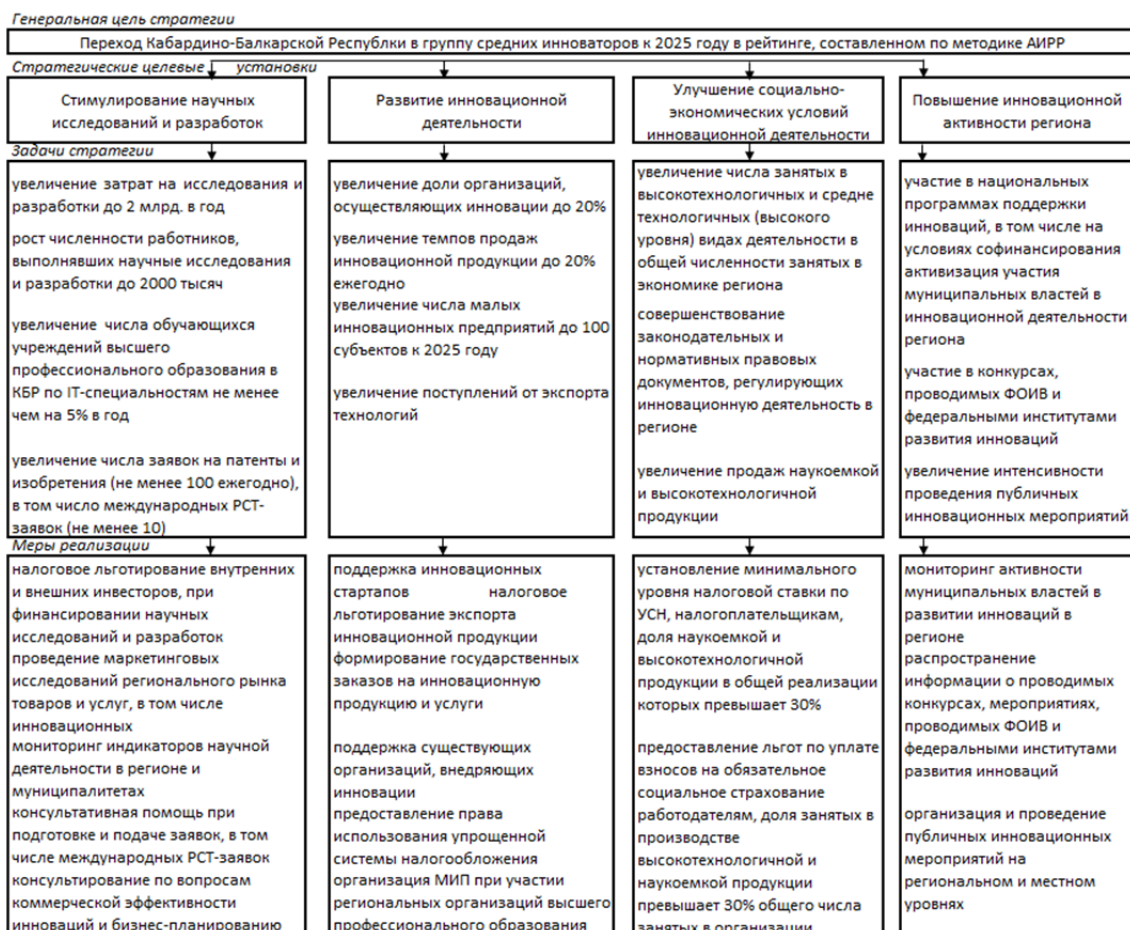

Рис. 2. Стратегия развития инновационного предпринимательства в КБР

Выводы

Как показали результаты проведенного анализа, в настоящее время в КБР доля предприятий, осуществляющих инновации, незначительна, и процессы создания и внедрения новшеств носят нестабильный характер. По нашему мнению, необходимо улучшить социально-экономические условия инновационной деятельности в КБР посредством реализации предложенной стратегии развития инновационного предпринимательства, предусматривающей совершенствование нормативно-правового обеспечения региональных инновационных процессов; усиление государственной поддержки инновационной и научно-исследовательской деятельности, стимулирование спроса на инновации; стимулирование создания и развития малых и средних инновационных предприятий; предоставление налоговых льгот; консультативную помощь в подготовке заявок на патенты, в том числе международных РСТ-заявок и бизнес-планировании.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект № 17-02-00483.

Список литературы

1. Alikaeva, M.V., Voloshin, Y.N., Ksanaeva M.B., Zakhokhova, M.R. (2018) Problems and Prospects of Training for the Digital Economy: the Regional Dimension *Proceedings 2018 IEEE International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (IT&QM&IS)*, pp. 547-550) St. Petersburg: Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" DOI: 10.1109 / ITMQIS.2018.8525011
2. Алябьев, С., Голощапов, Д., Клинцов, В., Кузнецова, Е., Рот, Э., Сергиенко, Я., Трощенко, Ю., Чалабян, А., Шуваев, А. (2018) *Инновации в России – неисчерпаемый источник роста*. Retrieved from [https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe %20and %20Middle %20East7 Russia7Our %20Insights/Innovations %20in %20Russia7Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx](https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe_%20and_%20Middle_%20East7_Russia7Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia7Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx)
3. Бабич, С.Г. (2017) Индексный анализ дифференциации регионов РФ по основным показателям инновационной деятельности *Статистика и экономика*. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-2>
4. Земцова, С.П. (2019) Национальный доклад Высокотехнологичный бизнес в регионах России. *Выпуск 2, РАНХиГС, АИРР*. ISBN 978-5-85006-139-5. Retrieved from <http://i-regions.org/images/files/ranepa18.pdf>
5. Крутик, А.Б., Решетова, М.В. (2003) Стратегии развития инновационных предпринимательских структур. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»* Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-razvitiya-innovatsionnyh-predprinimatelskih-struktur>

6. Malkanduev, M.A., Ksanaeva, M.B. (2018) Small innovative enterprises as the driving force for development and regional implementation. *SCTCMG 2018 Volume LVIII*, pp 1-2787 The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS e-ISSN: 2357-1330. Retrieved from <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/SCTCMG2018FA064.pdf>
7. Мерзлякова, Е.А. (2015) Управление развитием инновационного потенциала региона *Дисс. канд. экон. наук: 08.00.05. Курск*, 208 p. Retrieved from https://www.swsu.ru/ds/diss-swsu/Merzlyakova_diss.pdf
8. Рейтинг инновационных регионов России (2018). *Ежегодный мониторинг средств, выделенных из федерального бюджета на финансирование НИОКР (в том числе по приоритетным направлениям инновационного развития России)*. Retrieved from <http://i-regions.org/images/files/airr18.pdf>
9. Руденко, Л.Г. (2019) Механизм инновационной инфраструктуры поддержки развития малого предпринимательства. *Вестник университета*, №1. DOI 10.26425/1816-4277-2019-1-64-71
10. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (2019) Наука и инновации. *Официальная статистика*. Retrieved from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

NATIONAL STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF AZERBAIJAN STATE

Mammadova S.D. (a)

(a) First Azerbaijan National Academy of Sciences (Institute History of Science), Azerbaijan, Baku

Abstract

The paper is concerned with problem of national development strategy of modern states. There is analyzed conception azerbaijanism as property of national development strategy of Azerbaijan Republic. The State, as a social phenomenon, is gaining new importance in the modern era. As any social phenomenon or social process, the modern State takes on characteristic features according to local conditions and national characteristics, regional models of the State are created. The main objective of social policy in modern countries is the progress of the social market economy. A social market economy is an economic form that takes into account people's needs and desires, and is directly related to these demands and desires. The economy of the social state, socially oriented market economy is aimed at the benefit of the society and the citizen. Economic relations in this social and political system are relations of equal parties, which are regulated on the basis of human rights and freedoms, based on fundamental cultural and moral foundations. The study of social development in Azerbaijan in the context of modern global transformations creates the need to study public administration and social institutions on the ground. Legislative and social institutions in the social State are being built towards the elimination of social difficulties of needy segments of the population, social protection and social security of people, equitable social regulation of society. In the context of global changes, there are constantly innovative social changes, while the consistent process of reforms in Azerbaijan and the development of the State and society are aimed at social progress. The Azerbaijani model of the social State is a social and political structure that in crisis and risky situations is regulated by the State, develops individual freedom and personal property, is innovative and is oriented towards the protection of its national and religious traditions. The model of social state formed in Azerbaijan includes national traditions, takes into account new trends of development and the main idea in it is "Azerbaijanism".

Keywords: Social state, strategy, national development strategy, Azerbaijan, social identity.

Introduction

The prospects for the development of the modern social State show that social solidarity social responsibility, social justice, social dialogue and cooperation are cultural and moral foundations in the State-society-citizen triad. These phenomena, as interrelated factors, create social cohesion, ensure the sustainability of social stability and progress in society. The policy of the social State is aimed at eliminating the differences between the Government and the people, ensuring economic and social sustainability, reducing social inequality and ensuring a minimum standard of living for the population. The development of a social State is linked to ensuring traditional humanistic values, collectivism and social solidarity through mutual assistance. A social state is a state with a high level of economic development, socially oriented economy. According to A. MüllerArmaku, "the purpose of social market economy is coordination between spheres of life represented by the market, the state and social groups" (Nureev, 2017). The main objective of social policy in modern countries is the progress of the social market economy. A social market economy is an economic form that takes into account people's needs and desires, and is directly related to these demands and desires. If previous socio-economic structures were developed on the basis of labour relations, here society – economy, producer – consumer relations come to the forefront. The economy of the social state, socially oriented market economy is aimed at the benefit of the society and the citizen. Economic relations in this social and political system are relations of equal parties, which are regulated on the basis of human rights and freedoms, based on fundamental cultural and moral foundations.

Problem Statement

In the twenty-first century, the concept of a "social State" became one of the main trends in national development. The development strategy of each State is a comprehensive long-term programme of action: 1. Where are we now? 2.

Where do we want to be in a year, two, three? 3. How are we going to get there? (Armstrong M., 2002). The strategy is this "activity model" linked to "a system of priorities, coordination and allocation of resources, as well as a set of targeted programmes, projects and programme activities that are coordinated on the basis of commitments and the duration of the resources to implement them, and that effectively address systemic social and economic difficulties" (Dunayev, 2011). In the encyclopedia dictionary of sociology, authored by S.A. Kravchenko, "strategy" is interpreted as "a general plan of action; art, approach, method of planning of future activity", and term "national" as belonging to the nation, nationality, nationality, people, state, etc. (Kravchenko, 2004). In this dictionary the term "national" speaks as belonging to the nation, nationality, nationality, the people, belonging to the state, etc. (Kravchenko, 2004) Based on the interpretation of these definitions, we can say that the national strategy for the development of the state is a plan of action based on the national unity of the people, oriented towards the advancement of the well-being of citizens. The national unity of the people is aimed at preserving the social, political, economic and cultural stability of all people living in the country through mutual assistance and support. The national development strategy of countries includes the establishment of a social security and rights system based on social solidarity and harmonious relations between different social groups, which is the basic idea of the social State. The national development strategy identifies innovative development as a key indicator of a country's progress. The innovative development opportunities of the metropolis force national governments to define strategies in specific areas as follows. A national development strategy can be achieved through national unity. This strategy is aimed at preserving customs and traditions, language and religion, which are the basis of spiritual unity of the people and the nation. The achievement of economic prosperity and quality living, the correct assessment of the human factor and potential in the process of economic progress, the opening of wide opportunities for investment, the improvement of exports, the focus on macroeconomic stability, the formation of a successful business environment and quality infrastructure are the main goals in the national development strategy of modern socially oriented countries. Sustainable development is a key factor in the national development strategy, including in all social spheres, including economic, political, environmental, cultural, social, etc. In this strategy, national development is a basic principle and includes crisis management and exit programmes of all kinds (natural, economic, political, cultural, etc.). The purpose of this strategy is the efficiency and fairness of public administration for every citizen, the creation of a balanced state power, the supremacy and enforcement of laws, the implementation of pragmatic foreign policy that favours the interests of the people and the nation in the region..

Research Questions

The development of the social state in Western societies came gradually through natural-historical evolution. In Azerbaijan, the formation of a social state was accompanied by many-stepwise radical transformations. It can be said that the formation of a social State in our country began simultaneously with the progressive States of Europe. Formation of the foundations of the concept of social state in Azerbaijan in the 20th century can be divided into three stages: 1918–1920 (development of social policy); The 1920s–1970s (Soviet-socialist stage of social state development), 1970–1988 (the highest stage of socialism or the beginning of socio-political crisis) and finally the post-1993 stage (construction of a new social policy of the country focused on the socio-market economy). The 1988–1993 phase can be described as a transition period accompanied by a change of power in the country's history. With the election of Ilham Aliyev as President of the Republic of Azerbaijan (2003), a new stage of construction of the social state in Azerbaijan began. The theoretical and ideological basis of the model of social state construction in Azerbaijan is connected with the concept of Azerbaijan. The founder of this concept was Heydar Aliyev. Azerbaijan is the basis for the formation of a new model of social identity in our country. Ilham Aliyev's government, which implements a national development strategy, is a supporter of innovative reforms. This process continues to introduce significant innovations in the social, political and economic life of the country, and to improve social institutions on the basis of new principles and responsibilities. The Government is preparing and implementing programmes and strategies for the effective functioning of social institutions. At present, the development of a socially oriented market economy and the construction of a social State as the basis of the National Development Strategy have served as the foundation for many achievements of our country. The welfare of the population and the strengthening of the geopolitical role of the country has been identified by the Government as the main development goals..

Purpose of the Study

The purpose of this article is to interpretation of the development of social state as a new stage and a new form of State administration in Azerbaijan..

Research Methods

In the article used methods of qualitative analysis, synthesis, and interpretation. There is analyzed the government documents, strategy of development of Azerbaijan Republic, Report of UN about sustainable development 2017. Interpretation any researches in this direct.

Findings

The content analysis showed that social state in Azerbaijan in the process of formation. The Azerbaijani model of the social state is characterized by ideological foundations. Ideology of social state in Azerbaijan – Azerbaijanism synthesizes the concept of social state. The transition of the economy to innovative development, the creation of a com-

petitive innovation system on a global scale, point to the need for an integrated development benchmark. Achieving sustainable development goals is one of the priorities of Azerbaijan's national development strategy. The modern social policy of the Republic of Azerbaijan acts as a mechanism for regulating existing social institutions. The Strategy of the National Development of the Republic of Azerbaijan, which is aimed at the construction of a social State, includes the Strategic Road Map of the Republic of Azerbaijan on the Perspective of the National Economy (Strategic roadmap, 2016), the concept of development "Azerbaijan 2020: Looking to the Future" (Development Concept "Azerbaijan – 2020: Looking to the Future", 2012) and the basis of the UN Sustainable Development Agenda 2030 (Strategic Roadmap for the Development of Logistics and Trade in the Republic of Azerbaijan, 2016). The strategic road map, which aims to lay the foundation for macroeconomic stability and dynamic economic development in the country, contains 12 points. The strategic road map presents a comparative analysis of social and economic development, social sector reforms and socio-political innovation. Based on the analysis, the basis of the strategy of building a social state in Azerbaijan can be differentiated as follows: – Development of market economy; – Development of a socially oriented market economy; – Development of social infrastructure; – Regional development; Development of the social security system; – Positive developments in science, education and health; Reform of the legal system; – Support for private property, combating poverty; Improvement of the social situation of refugees and internally displaced persons, etc. Special strategic documents of the state on promotion of the above-mentioned areas have also been approved, for example, "Educational strategy," Scientific strategy, "etc. The analysis of the concept of development "Azerbaijan 2020 – a view to the future" and the Strategic Road Map shows that our country has developed a model of a social state focused on the synthesis of world experience and social modernization. The Strategic Roadmap for the Future of the National Economy of the Republic of Azerbaijan, as the main national development program, contains many aspects of the development concept Azerbaijan 2020: Looking to the Future, approved by the Presidential Decree of 2012. This document sets out the basis for the development of the Azerbaijani State. It is primarily the formation of a highly competitive economy, the formation of an economic model based on effective state regulation and mature market relations, the development of the non-oil sector, the support of scientific potential and innovation, the improvement of transport, transit and logistics infrastructure and the balanced development of regions. This document pays important attention to the development of information and communication technologies and the transition to an information society, the development of human capital and the creation of an effective social protection system, the promotion of public health and the development of medicine. The formation of a modern educational system, gender equality and family development, youth and sports development, improvement of legislation and institutional capacity-building, development of civil society, protection of cultural heritage and good governance, protection of the environment are also priorities for the development of the social State. On 25–27 September 2015, the UN Summit on Sustainable Development adopted the Sustainable Development Agenda 2030. The sustainable development goals adopted in this diary for 2016-2030 are also the basis of the national development strategy of the Azerbaijani State. On 6 October 2016, President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev signed a decree "On the establishment of the National Coordinating Council for Sustainable Development of the Republic of Azerbaijan." The main goal of the Council is "to define national priorities and indicators for Azerbaijan until 2030, which correspond to global goals and objectives, to ensure harmonization of State programs and strategies covering the socio-economic spheres of the country with the sustainable development goals" (Decree of the President of the Republic of Azerbaijan, 2016). This programme, which includes the development of a mega-cycle and the improvement of national development strategies, aims to ensure that humanity has equal opportunities for development. The foundations of the National Development Strategy of the Azerbaijani State are supported by legal and regulatory documents, concepts and strategies adopted at the initiative of the Government, as well as international conferences and forums implemented by projects and programmes. It is on this basis that the Azerbaijani model of building a social state is created and presented to the world..

Conclusion

The model of building a social state in the National Development Strategy of Azerbaijan can be described as follows:

1. Adapting the model to the needs of society and the challenges of globalization, the ability to implement flexible socio-innovative reforms is a key indicator of its effectiveness;
2. Leading and interventionist role of the state in implementation and regulation of social policy, positive trend of social dynamics;
3. Importance of the public sector in the social orientation of the national economic system;
4. Social policies based on sound legal and legislative frameworks and innovative orientation;
5. The new social identity is the formation of Azerbaijan as a model of citizenship.

References

1. Armstrong M. (2002). Strategic management of human resources. Moscow, Infra-M.
2. Gasanov A.M. (2014). Policy of national development and safety of the Azerbaijan Republic. Baku, Zardabi LTD of MMC
3. Dunaev O. (2019). Strategy is an art without which to keep the business. <http://upmind.ru/node/71>
4. Development conception: "Azerbaijan – 2020: Looking to the Future." (2012). https://president.az/files/future_ru.pdf
5. Kravchenko S.A. (2004). Sociological Ensiklopedic Dictionary. Moscow: LLC "Astrel Publishing House," LLC "ACT Publishing House," LLC "Transit Book".
6. Social solidarity: theoretical thinking in modern science // Modern research of social problems., volume 9, № 4, p. 416-432

7. Social market economy: concepts, practical experience and prospects of application in Russia (2007) / editor: R.M. Nureev. Moscow.: House of GUVSHE
8. Strategic roadmap for the development of logistics and trade in the Republic of Azerbaijan. Review of Azerbaijan 's economic reforms (2016). http://ecoreform.az/store//media/islakat_ icmali/oktyabr/SYX_ru.pdf
9. The Sustainable Development Goals Report 2018 (2018). United Nations, New York
10. Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the establishment of the National Coordinating Council for Sustainable Development of the Republic of Azerbaijan. Ilham Aliyev. President of the Azerbaijan Republic. Baku, October 6, 2016. <http://president.az/azerbaijan/society/2735962.html> (date of appeal 12.11.2018)

НАСЛЕДОВАНИЕ ДОЛИ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ОДНОГО ИЗ СОАВТОРОВ

Мартьянова Елизавета Юрьевна (а)

(а) Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
lizaveta.fomina@mail.ru, 89082710856

Аннотация

В статье рассматриваются модели конструирования законодательного механизма регламентации наследования доли в исключительном авторском праве на произведение, созданное в соавторстве. Выявляется, каким образом в отечественном и зарубежном правовом порядке учитывается статус соавтора при конструировании правового регулирования наследования доли в исключительном авторском праве в случае смерти одного из соавторов. Присутствует попытка обозначить причины установления дифференцированного подхода к наследованию исключительного авторского права на произведение, созданное в соавторстве. Методологическую основу исследования составили такие методы как конкретно-исторический, сравнительно-правовой подход, а также метод экономического анализа права. В результате исследования установлено, что система дореволюционного отечественного законодательства содержала элементы, свидетельствующие об учете правового статуса сообладателей исключительного авторского права при конструировании норм о наследовании, в частности, при наследовании доли в исключительном авторском праве, отнесенной к выморочному имуществу. В ходе анализа отечественного и зарубежного законодательства были определены четыре основные модели построения нормативного регулирования наследования доли умершего соавтора в исключительном праве. Обосновано применение подхода, согласно которому для переживших соавторов должно устанавливаться преимущественное право на приобретение доли умершего соавтора при наследовании в случае признания такого наследственного имущества выморочным независимо от того в режиме раздельного или нераздельного соавторства создано произведение. При наличии наследников представляется возможным установление правил, в соответствии с которыми пережившим соавторам должно быть предоставлено право выкупа у наследников умершего соавтора соответствующей доли в исключительном авторском праве.

Ключевые слова: *исключительное авторское право, доля в исключительном авторском праве, правопреемство, соавтор, наследование, сообладание правом.*

Введение

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации образуют самостоятельный сектор экономических отношений. Исключительное авторское право, обладая имущественной природой, составляет отдельную единицу гражданского оборота. Ключевыми тенденциями мирового и национального экономического развития является рост показателей соответствующего объема рынка авторских прав и интенсивная коммерциализация использования произведений. По данным WIPO в отношении 14 государств, предоставивших отчеты о создании, использовании произведений и о распоряжении правами на них, за 2018 год доходы от оборота исключительных авторских прав составили 42,5 млрд долл. (World Intellectual Property Indicators, 2019). Высокие стоимостные характеристики таких объектов предопределяют значимость установления правового регулирования, отвечающего потребностям оборота, обеспечивающего надлежащий уровень правовой защиты и баланс интересов правообладателей и общества.

Деятельность по созданию объектов авторских прав имеет собственные тенденционные установки развития. По утверждению D. Price, увеличение работ, созданных в соавторстве, – одна из самых крупных перемен в научной и творческой деятельности (Price, 1986). Имеются многочисленные исследования, подтверждающие тезис о росте числа работ, созданных совместным творческим трудом, по сравнению с произведениями, создаваемыми единолично. Например, D. Fanelli, V. Larivière приводят данные о том, что если в начале XX века большинство авторов не вступали в коллаборации, то в конце XX века количество трудов, создаваемых совместно, значительно возросло, и количество соавторов стало составлять от двух до семи (Fanelli, Larivière, 2016).

Изложенное свидетельствует о широком распространении отношений соавторства, о вовлеченности в данный вид правоотношений множества лиц, что предвещает необходимость направленности особого внимания законодателя, правоприменителя и научного сообщества на регулирование названных отношений.

Постановка проблемы

С учетом обозначенных векторов развития общественных отношений становится очевидным, что существенную часть оборота составляют исключительные авторские права, принадлежащие нескольким лицам. Представляется, что в конструирование правового механизма оборота названного субъективного гражданского права, осложненного множественностью лиц, должно входить: закрепление правового статуса соавтора, определение оснований установления и прекращения режима соавторства, порядка осуществления и распоряжения правом, а также правового статуса лица, не являющегося соавтором, но ставшего сообладателем исключительного авторского права по договорным и внедоговорным основаниям наряду с соавтором (соавторами).

Одним из самых распространенных способов создания гражданско-правового сообщества, состоящего из сообладателей-соавторов и сообладателей, не являющихся соавторами, является приобретение доли в исключительном авторском праве от умершего соавтора в результате наследственного правопреемства. Наследование традиционно позиционируется как производный способ приобретения исключительного права (Novoselova, 2018; Ruzakova, 2017; Sidorkin, 2012), как основание перехода исключительного права без заключения договора в силу положений ст. 1241 Гражданского Кодекса РФ (Giltsov, 2014). При этом следует отметить, что в силу положений отечественного законодательства переживший соавтор (соавторы) не имеют преимущественных прав в получении доли в исключительном праве перед наследниками умершего соавтора, более того, преимущественные права не устанавливаются даже для соавторов-наследников перед наследниками, не являющихся соавторами. Пережившие соавторы также не имеют никаких легальных инструментов для недопущения вступления в гражданско-правовое сообщество наследников. Имеющееся нормативное регулирование в ГК РФ приводит к возможности возникновения ситуации вынужденного сообладания, конфликту внутри смешанного сообщества сообладателей при отсутствии механизмов его преодоления. Применительно к исключительному авторскому праву вынужденность сообладания, конфликт в гражданско-правовом сообществе способны нанести вред не только интересам самих переживших соавторов и наследников, но и обществу. В случае если сообладатели исключительного авторского права в отношении произведения не смогут согласовать свою волю и принять совместное решение о распоряжении правом (ст. 1229 ГК РФ), в частности о заключении лицензионного договора, то это приведет к парализации прав сообладателей, к невозможности предоставления прав на использование произведения другим лицам.

Исследуемый вопрос

В данной статье представлена попытка ответить на следующие вопросы:

- каким образом в отечественном и зарубежном правопорядках учитывается статус соавтора при конструировании правового регулирования наследования доли в исключительном авторском праве в случае смерти одного из соавторов?
- каковы причины установления дифференцированного подхода к наследованию исключительного авторского права на произведение, созданное в соавторстве?

Цель работы

Целью настоящей работы является выявление основных моделей конструирования правового механизма наследования доли в исключительном авторском праве в случае смерти одного из соавторов на основе анализа зарубежного законодательства, истории развития отечественной системы права, общей теоретической концепции сообладания исключительным авторским правом, разработанной правовой доктриной.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет конкретно-исторический, сравнительно-правовой подход, а также метод экономического анализа права. Первый из названных средств исследования позволяет проследить развитие правовой системы России и других государств в части установления правил наследования доли в исключительном авторском праве на произведение, созданных в соавторстве. Сравнительно-правовой метод направлен на сопоставление различных правовых систем с целью выявления общего и различного, а также попыток установления причин и последствий установления того или иного правового регулирования. Использование метода экономического анализа права, а именно нормативистского подхода, обуславливается наличием имущественной природы исключительного авторского права и присутствием в обозначенном правоотношении экономического содержания, и необходимостью учета не только правовых, но и экономических последствий при осуществлении законотворческой деятельности. Вывод о значимости применения методов экономического анализа права содержится не только в научных трудах (Karapetov, 2016), но и отражен в позициях высших судов, в частности в Постановлении Конституционного суда РФ от 20.12.2011 № 29-П.

Результаты

Отечественному и зарубежному законодателю известны случаи конструирования нормативного механизма наследования того или иного имущества с учетом правового статуса лиц, участвующих в данном виде правопреемства. В частности, особые правила наследования устанавливаются для лиц, состоявших в гражданско-правовой общности обладателей права собственности на неделимую вещь в случае, если доля в таком иму-

ществе входит в наследственную массу: на основании п. 1 ст. 1168 ГК РФ таким лицам предоставляется преимущественное право наследования данной доли перед другими наследниками, не являющимися сосособственниками. При наследовании доли в уставном капитале хозяйственного общества предусматривается, во-первых, возможность участников общества установить запрет на включение наследника в состав участников общества, во-вторых, право участников закрепить необходимость получения согласия всех участников на вступление в общество (ч. 8 ст. 21 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Удовлетворение имущественного интереса таких наследников осуществляется через выплату действительной стоимости унаследованной доли (п. 1 ст. 1176 ГК РФ). По справедливому замечанию Ю.Г. Кропачевой, осмысление на теоретическом уровне особенностей наследственных правоотношений с участием отдельных категорий наследников является одним из условий эффективности правового регулирования (Kropacheva, 2018).

Нахождение лица в составе общности сообладателей исключительного авторского права также рассматривается как существенное обстоятельство, влияющее на определение судьбы исключительного авторского права (доли в нем) в рамках универсального правопреемства. Первые шаги в закреплении особенностей наследования данного имущественного права в отечественном законодательстве получили свое отражение в ч. 2 ст. 7 Закона «Об авторском праве России» от 20.03.1911, где содержалась норма о переходе исключительных прав умершего соавтора к пережившим соавторам в том случае, когда умерший не имеет наследников. Схожее положение содержалось и в зарубежном законодательстве: например, в ст. 7 Закона «Об авторском праве» Болгарии 1921 года устанавливалось, что «Авторские права при смерти одного из соавторов произведения, созданного совместно несколькими лицами, переходят к пережившим соавторам того же произведения, если только при жизни умерший не распорядился иным образом своим авторским правом и если он не оставил наследников» (Koeplfle, 1936).

В ст. 51 Кодекса об авторских и смежных правах Республики Кабо-Верде устанавливается, что если после смерти одного из соавторов произведения, выполненного в соавторстве, его имущество переходит в собственность государства, то авторские права на произведение в целом принадлежат пережившим авторам (Código do Direito de Autor e dos Direitos Conexos (Decreto Lei № 02/2017)). Аналогичное положение устанавливается и в Кодексе об авторском праве и смежных правах Республики Сан-Томе и Принсипи (ст. 51 Code on Copyright and Related Rights (approved by Decree-Law № 02/2017))., Кодексе об авторском праве и смежных правах Португалии (Código do Direito de Autor e dos Direitos Conexos (conforme alterado de acordo com DL n.º 100/2017, de 23/08)).

В законодательстве Уругвая закреплено, что в случае смерти одного соавтора, не имеющего наследников или вынужденных наследников, доходы от произведения, на которые он имел бы право в течение пятидесяти лет после своей смерти, поступают в общий доход (ст. 15 Law № 9.739 of December 17, 1937, on Literary and Artistic Property (as amended up to Law No. 18. 046 of October 24, 2006)). Положения ст. 11 Закона «Об интеллектуальной собственности в Саудовской Аравии» провозглашают правило о том, что если один из авторов умирает, не оставив наследников, то его доля переходит соавторам или их наследникам, если не указано или не согласовано иное (Said, 2018).

В российском законодательстве устанавливаются следующие особенности наследования доли в исключительном авторском праве: в ст. 1283 ГК РФ в случае наличия оснований признания наследственной массы выморочным имуществом, судьба исключительного авторского права ставится в зависимость от того, в каком режиме создано произведение: в раздельном или нераздельном соавторстве. В первом случае исключительное авторское право перейдет в общественное достояние, а во втором – перейдет к пережившим соавторам в равных долях. Представляется, что дифференциация порядка наследования в отношении произведений, созданных в раздельном и нераздельном соавторстве, не имеет достаточного обоснования. Выделение различных видов соавторства имеет значение только для разрешения вопроса об использовании произведения, его частей соавторами. Статьей 1258 ГК РФ не устанавливаются какие-либо отличия в правовом режиме самого исключительного права применительно к различным видам соавторства.

В Гражданских кодексах Белоруссии и Казахстана, в Законе Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах» (с изменениями, внесенными Законом Республики Казахстан № 419-V от 24.11.2015 г.) не содержится правил, устанавливающих особенности наследования исключительного авторского права в случае смерти одного из соавторов.

При формулировании законоположений в обозначенной сфере представляется необходимым уяснение причин распространенности подхода, согласно которому правила правопреемства устанавливаются с учетом правового статуса лиц, участвующих в нем. Стоимостная составляющая исключительного авторского права, позволяющая ему участвовать в обороте, не должна являться единственным фактором, предопределяющего механизм передачи такого права. Представляется, что наличие у лица совокупности личных неимущественных и имущественных прав дает эффект, превышающий простую сумму этих прав. Именно поэтому, несмотря на общее правило, согласно которому отнесение наследственной массы к выморочному имуществу приводит к переходу такого имущества в пользу государства, для произведений, созданных в соавторстве, во многих правовых порядках устанавливается исключение: либо само исключительное авторское право, либо же доходы от его использования передаются пережившим соавторам. Однако видится необходимым последовательное развитие идеи об учете прав соавторов при наследовании и в том случае, когда лицо имеет наследников, но один из них является соавтором произведения. В данном случае необходимым видится применение критерия справедливо-

сти в смысле, придаваемом ему теорией нормативного экономического анализа права (Calabresi, 2016): при наличии двух наследников, один из которых имеет статус соавтора, а второй не имеет, следует установить преимущественное право наследника-соавтора на получение в качестве наследства доли в исключительном авторском праве на произведение, созданное в соавторстве.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлено, что система отечественного законодательства содержала элементы дифференцированного подхода при установлении правового статуса сообладателей исключительного авторского права еще в дореволюционный период, что проявлялось в конструировании норм о наследовании доли в исключительном авторском праве, отнесенной к выморочному имуществу. Исходя из приведенного обзора зарубежного и отечественного законодательства, представляется возможным выделить следующие модели конструирования правового механизма наследования доли в исключительном авторском праве в случае смерти одного из соавторов:

1. При наличии наследников у умершего соавтора законом не устанавливаются какие-либо права-преимущества для переживших соавторов. Однако при отнесении доли в исключительном авторском праве к выморочному имуществу именно пережившие соавторы приобретают права на данную долю.
2. При наличии наследников у умершего соавтора законом не устанавливаются какие-либо права-преимущества для переживших соавторов. Однако при отнесении доли в исключительном авторском праве к выморочному имуществу именно пережившие соавторы приобретают права на саму долю в исключительном праве, а на получение доходов от использования произведения в целом.
3. При наличии наследников у умершего соавтора законом не устанавливаются какие-либо права-преимущества для переживших соавторов. В случае наследования выморочного имущества порядок наследования зависит от того режима, в котором создано произведение в соавторстве. При создании произведения в режиме нераздельного соавторства пережившие соавторы приобретают права на данную долю. В случае создания произведения в режиме раздельного соавторства пережившие соавторы прав на данную долю не приобретают.
4. Для переживших соавторов не устанавливаются какие-либо права в отношении доли умершего соавтора.

Желательным видится применение следующего подхода: для переживших соавторов устанавливаются преимущественные права при наследовании доли умершего соавтора при признании наследственного имущества выморочным независимо от того в режиме раздельного или нераздельного соавторства создано произведение. При наличии наследников представляется возможным установление правил, аналогичных наследованию доли в уставном капитале хозяйственного общества: предоставление пережившим соавторам права выкупа у наследников умершего соавтора соответствующей доли в исключительном авторском праве.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR, project number 19-31-27001.

Список литературы

1. Жильцов В. (2014) Внедоговорные способы передачи исключительного права. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. № 5. С. 12–18.
2. Калабреззи Г. (2016) *Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления* / пер. с англ. И. В. Кушнаревой; под науч. ред. М. И. Одинцовой. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 109–111.
3. Карапетов А.Г. (2016) *Экономический анализ права*. М.: Статут, 2016.
4. Koepfle L.G. (1963) *Copyright Protection Throughout the World*. U.S. Department of Commerce, Bureau of Foreign and Domestic Commerce. P. 3.
5. Кропачева Ю.Г. (2018) Граждане как управомоченные субъекты наследственных правоотношений. *Вестник Томского государственного университета. Право*. № 29. С. 130–141.
6. Новоселова Л.А. (2017) *Право интеллектуальной собственности*. Т. 1: Общие положения. М.: Статут. С. 316.
7. Price D. J. (1986) *Little Science, Big Science ...and Beyond*. New York: Columbia University Press. P. 79.
8. Рузакова О.А. (2016) *Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: учеб.-практ. пособие для магистров*. М.: Проспект.
9. Said M.E. (2018) *Intellectual Property Law in Saudi Arabia*. Kluwer Law International B.V., 2018 (§ 8 Duration of protection)
10. Сидоркин С.С. (2012) *Правовое регулирование гражданских отношений со множественностью лиц, объектом которых являются исключительные права: дисс. ... канд. юрид. наук*. М. С. 44.
11. Fanelli D, Larivière V. (2016) Researchers' individual publication rate has not increased in a century. Retrieved from: <http://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0149504>

НЕТИПИЧНЫЕ СМЕЖНЫЕ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Матвеев А.Г. (а)

(а) Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990, Россия, la-musica@yandex.ru, +7902-47-67-95.

Аннотация

Развитие права интеллектуальной собственности прежде всего связана с неуклонным ростом перечня охраняемых объектов. За последние 100 лет наиболее существенной была экспансия интеллектуальной собственности в сфере смежных прав. К классическим смежным правам относятся права артистов-исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций. В Российской Федерации охраняются как классические смежные права, так и право изготовителя базы данных и право публикатора. Однако в законодательстве России за рамками права интеллектуальной собственности признаются также и другие абсолютные права, вопрос об отнесении которых к числу исключительных смежных прав является открытым. Речь идет о праве музеев на публикацию музейных предметов и праве на освещение спортивных мероприятий. Целью настоящего исследования является определение юридической природы права музеев на публикацию музейных предметов и права на освещение спортивных мероприятий, обоснование включения этих прав в перечень смежных прав. По мнению автора, право музеев на публикацию музейных предметов и право на освещение спортивных мероприятий по своей природе являются родственными смежным правам. Официально эти права не признаются таковыми, поэтому их можно назвать "нетипичными смежными правами". Эти права являются исключительными и имущественными правами. Их объекты (изображения музейных предметов и записанные спортивные мероприятия) обладают нематериальным характером, который является интегрирующим признаком в праве интеллектуальной собственности. Рассматриваемые права следует охранять в рамках главы 71 Гражданского кодекса РФ, посвященной смежным правам. Функционально родственным праву на публикацию музейных предметов является право публикатора, а родственным праву на освещение спортивных мероприятий является исключительное право вещательных организаций.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, смежные права, исключительное право, право музеев на публикацию музейных предметов, право на освещение спортивных мероприятий.

Введение

Право интеллектуальной собственности – это динамично развивающийся институт. Профессор В. Дероортер правильно пишет, что описать историю этого права одним словом нетрудно и что этим словом является «экспансия». (Дероортер, 2004) Экспансия интеллектуальной собственности прежде всего связана с неуклонным ростом перечня объектов интеллектуальной собственности. За последние 100 лет наиболее существенной была экспансия интеллектуальной собственности в сфере смежных прав. К классическим смежным правам относятся права артистов-исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций. Признание этих прав на международном уровне впервые состоялось с принятием Конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г. (Римской конвенции).

На рубеже XX и XXI вв. перечень смежных прав был существенно расширен. Например, в праве Европейского Союза была установлена охрана права изготовителей кинофильмов (право на видеозаписи), права на произведения, впервые опубликованные после того, как они перешли в общественное достояние, права на критические и научные публикации произведений, которые находятся в общественном достоянии. Еще одним правом, которое рассматривается в некоторых странах ЕС (Австрия, Германия, Италия, Швеция), а также в Российской Федерации как смежное право, стало исключительное право на инвестиционные базы данных. На этом экспансия смежных прав не закончилась. После двухлетнего обсуждения 17 апреля 2019 г. в ЕС была принята Директива об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке. В ст. 15 Директивы установлена охрана смежного права издателей прессы на онлайн-использование их публикаций. Цель этого права – защита интересов издателей прессы от деятельности агрегаторов новостей. В проект Директивы было включено также право на освещение спортивных мероприятий (ст. 12а). Однако при обсуждении итогового текста Директивы положения об этом праве были отклонены.

Постановка проблемы

Российская Федерация установила охрану смежных прав под влиянием международного и европейского права, а не собственных национальных традиций права интеллектуальной собственности. Классические смежные права были признаны здесь в конце XX в. в связи с присоединением России к Римской конвенции 1961 г. При подготовке четвертой части Гражданского кодекса РФ, посвященной интеллектуальным правам, частично был заимствован опыт Европейского Союза. В результате классическая триада смежных прав была дополнена правами изготовителя инвестиционной базы данных и правами публикатора, т. е. гражданина, который обнаружил произведение, находящееся в общественном достоянии. Однако иные смежные права, признаваемые в Европейском Союзе, не охраняются в России.

Смежные права являются исключительными правами. Следовательно, установление этих прав ограничивает общественные интересы в свободном использовании соответствующих объектов. Однако концептуально

очень трудно установить границы института смежных прав. Проведенное нами ранее исследование показало, что в мире существует несколько традиций охраны этих прав. (Matveev, 2017) Следовательно, исключая классические смежные права, каждое государство самостоятельно определяет какие права охранять в качестве смежных прав. В праве интеллектуальной собственности по-прежнему господствует убеждение, что это право может быть сведено к основной сути. (Sherman, 1999) Эта идея, по нашему мнению, справедлива для авторского и патентного права, но не для смежных прав. D. Gerwais обоснованно пишет, что общепринятого концептуального определения смежных прав не существует. (Gerwais, 2018) Действительно, идея смежных прав как прав, охраняющих интересы лиц, распространяющих охраняемые авторским правом произведения, неточно объясняет некоторые смежные права. Например, деятельность вещательных организаций нельзя свести только к распространению литературных и художественных произведений, так как существенную часть их эфира составляют новости и спортивные трансляции, которые не являются произведениями, охраняемыми авторским правом. Еще более слабым является аргумент о распространении литературных и художественных произведений применительно к таким новым объектам смежных прав, как инвестиционные базы данных и пресс-публикации.

В законодательстве Российской Федерации за рамками права интеллектуальной собственности признаются также и другие абсолютные права, вопрос об отнесении которых к числу исключительных смежных прав является открытым. Первым таким правом является право музеев на публикацию музейных предметов и музейных коллекций. Согласно ст. 36 Федерального закона от 26 мая 1996 г. «О Музейном фонде Российской Федерации и о музеях в Российской Федерации» право первой публикации музейных предметов принадлежит музею, за которым закреплены данные музейные предметы. Кроме того, производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции с использованием изображений музейных предметов осуществляется с разрешения дирекций музеев. Таким образом, музеи обладают определенной монополией на использование изображений музейных предметов. При этом срок действия этой монополии, ее ограничения в целях охраны общественных интересов, способы защиты не установлены в законе.

Вторым правом является право на освещение спортивных мероприятий. В п. 4 ст. 20 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» установлено, что «организаторам физкультурных мероприятий и (или) спортивных мероприятий принадлежат права на их освещение посредством трансляции изображения и (или) звука мероприятий любыми способами и (или) с помощью любых технологий, а также посредством осуществления записи указанной трансляции и (или) фотосъемки мероприятий». Срок действия этого права, его ограничения и способы защиты также не установлены в законе.

Исследуемый вопрос

Какова юридическая природа права музеев на публикацию музейных предметов и права на освещение спортивных мероприятий? Следует ли отнести эти права к числу смежных прав? Обоснованно ли установить ограниченные сроки действия этих прав и их ограничения в целях охраны общественных интересов?

Цель работы

Целью настоящего исследования является определение юридической природы права музеев на публикацию музейных предметов и права на освещение спортивных мероприятий, обоснование включения этих прав в законодательный перечень смежных прав.

Методы исследования

Применяемые в исследовании подходы и методы относятся к методологическому аппарату социальных наук и, в частности, науки гражданского права и права интеллектуальной собственности. В их числе: такие принципы диалектики, как развитие предмета исследования, его логической определенности, исторической конкретности; такие общенаучные подходы, как генетический, системно-структурный, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии; используемые в юриспруденции догматико-юридический и сравнительно-правовой методы.

Понимание смежных прав и исследование их юридической природы связано с господствующей в той или иной правовой системе традиции авторского права. Поэтому, по нашему мнению, о природе и перечне смежных прав вне связи их с национальными правовыми традициями говорить некорректно.

Результаты

Как в России, так и в зарубежных странах музеи активно пытаются препятствовать свободному использованию изображений музейных предметов, что вызывает в обществе негативную реакцию. G. Petri справедливо отмечает, что публичные музеи стремятся к распространению знаний и обеспечению доступности своих коллекций, однако, когда дело доходит до изображений этих коллекций, они часто следуют ограничительной политике (Petri, 2014). Например, музей "Государственный Эрмитаж" обратился в суд к индивидуальному предпринимателю с иском о запрете использования картины Т. Гейнсборо "Дама в голубом" Ответчик использовал в деятельности своего дизайнерского магазина одежды монохромную эмблему, которая, по мнению истца, является сходной до степени смешения с изображением указанной картины Т. Гейнсборо. В результате Суд по интеллектуальным правам признал такое использование стилизованной эмблемы незаконным (Постановле-

ние от 5 марта 2015 г. по делу № А63-18468/2012). Суд отметил, что нормы музейного законодательства Российской Федерации не противоречат доктрине свободного использования произведений, перешедших в общественное достояние, а лишь ограничивают коммерческое использование воспроизведений предметов музейных коллекций и устанавливают специальный правовой режим для таких объектов.

В российской судебной практике пока нет единой позиции по вопросу о том, к какой группе гражданских прав относится право музеев на публикацию музейных предметов и можно ли к этим отношениям по аналогии применять нормы части четвертой Гражданского кодекса РФ. Сегодня можно говорить о трех подходах к решению этого вопроса. В судебных актах, причисляемых к первому подходу, природа прав музеев на публикацию не обсуждается, применяются общие положения ГК РФ о защите прав, в частности о взыскании убытков, говорится об ошибочности применения к данным правоотношениям норм части четвертой ГК РФ (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2013 г. по делу № А40-64830/13; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2013 г. по делу № А56-52447/2012). В других актах применяются нормы ст. 1250, 1252 ГК РФ о защите интеллектуальных и исключительных прав, однако прямо о принадлежности права музеев на публикацию к числу исключительных прав не говорится (Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 мая 2013 г. по делу № А63-18468/2012). В актах третьей группы однозначно утверждается, что из ст. 36 Закона о музеях неизбежно вытекает вывод о том, что музею принадлежит исключительное право на издание и распространение каталогов и других изданий (Определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 апреля 2012 г. № 33-4219/2012).

По нашему мнению, права на публикацию музейных предметов являются исключительными в том смысле, в каком представлена концепция исключительных прав в части четвертой ГК РФ. Во-первых, объект этих прав музеев является нематериальным. Во-вторых, музей обладает юридической монополией на использование данного объекта. В-третьих, право музея на публикацию является имущественным правом. В-четвертых, это право относится к сфере смежных прав в том смысле, что оно тесно связано с авторским правом. Таким образом, рассматриваемое право по всем своим существенным признакам относится к числу смежных прав. Функционально оно является родственным праву публикатора.

Срок действия права музеев на публикацию в законодательстве не установлен, следовательно, он является вечным. Такое регулирование не соответствует идее баланса интересов правообладателя и общества. Представляется, что по аналогии со смежным правом публикатора, срок действия которого составляет 25 лет, срок действия права музеев следует также установить равным 25 лет. При признании права музеев смежным правом этот срок следует начать исчислять с момента вступления такого закона в силу. В отношении новых музейных предметов этот срок целесообразно исчислять с момента первого доведения музейного предмета до публики. Необходимо также законодательно установить случаи свободного использования изображений музейных предметов гражданами в личных целях, а также использования в целях развития науки, культуры и образования. S. Pandey правильно пишет, что для режима авторского права и смежных прав важно, чтобы этот режим не ликвидировал свободу информации и право на доступ к знаниям. (Pandey, 2004)

Право на освещение спортивных мероприятий, как указывалось выше, охраняется в России в рамках отдельного закона. Похожая картина наблюдается в праве Европейского Союза. Как отмечается в исследовании, посвященном охране прав организаторов спортивных мероприятий, в большинстве стран ЕС нет четкой регламентации прав на спортивные соревнования. Такие страны, как Франция, Греция, Болгария, Румыния, Венгрия установили специальную охрану прав организаторов спортивных мероприятий в своих национальных законах. (Cabrerá, 2016) T. Margoni обоснованно полагает, что, несмотря на отсутствие в Европейском Союзе гармонизации прав на спортивные соревнования, правовое регулирование в странах ЕС хорошо обеспечивает защиту инвестиций в данную индустрию. (Margoni, 2016) В Директиве ЕС об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, принятой в первом чтении Европейским парламентом 12 сентября 2018 г., содержалась ст. 12а, в которой признавалось право на освещение спортивных мероприятий. Однако инициатива Европейского парламента не нашла поддержку при согласовании Директивы в Европейском Совете и Европейской комиссии. И ст. 12а была исключена из окончательного текста Директивы.

Согласованию правового режима права на освещение спортивных мероприятий в рамках ЕС помешало то, что подходы государств ЕС к охране этого права существенно отличаются. Проблемы множественности правовых систем нет в Российской Федерации, поэтому здесь возможно установить более определенный и сбалансированный режим права на освещение спортивных мероприятий и официально отнести это право к числу смежных прав. Во-первых, спортивное мероприятие как объект, который возможно использовать посредством аудиовизуальной трансляции, является нематериальным объектом. Во-вторых, организатор наделен законом юридической монополией на освещение спортивных мероприятий. В-третьих, право на освещение спортивных мероприятий является имущественным правом. В-четвертых, это право логично отнести к сфере смежных прав, поскольку оно функционально связано со смежными правами вещательных организаций. Эта функциональная связь предопределяет то, что особенности режима права на освещение спортивных мероприятий следует заимствовать из законодательных положений о праве вещательных организаций. Например, срок действия исключительного права на освещение спортивных мероприятий не должен превышать 50 лет. В законе следует четко указать случаи, когда запись или трансляция спортивных мероприятий является свободной. К таким случаям нужно отнести запись и воспроизведение записи спортивных мероприятий гражданами в личных целях, запись, воспроизведение записи и трансляцию этих мероприятий в целях развития науки, культуры и образования, запись, воспроизведение записи и трансляцию мероприятий при освещении их в новостях.

Выводы

В Российской Федерации за рамки права интеллектуальной собственности охраняются право музеев на публикацию музейных предметов и право на освещение спортивных мероприятий, которые по своей природе близки смежным правам. Официально эти права не признаются таковыми, поэтому в настоящее время их можно назвать "нетипичными смежными правами". По своей природе эти права являются исключительными и имущественными правами. Их объекты обладают нематериальным характером, который является интегрирующим признаком в праве интеллектуальной собственности. Срок действия этих прав в законодательстве Российской Федерации не установлен.

Право на публикацию музейных предметов и право на освещение спортивных мероприятий следует охранять в рамках главы 71 Гражданского кодекса РФ, посвященной смежным правам. Функционально родственным праву на публикацию музейных предметов является право публикатора. Следовательно, срок действия права музеев следует ограничить 25 годами. Родственным праву на освещение спортивных мероприятий является исключительное право вещательных организаций. Поэтому срок действия права на освещение спортивных мероприятий разумно ограничить 50 годами. В законодательстве с целью охраны общественных интересов следует установить ограничения права музеев и права на освещение спортивных мероприятий. Эти ограничения должны касаться использования объектов гражданами в личных целях, использования в целях развития науки, культуры и образования.

Благодарности

Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-011-00628.

Список литературы

1. Cabrera, Blazquez F. J., Cappello, M., Fontaine, G., Valais, S. (2016). Audiovisual Sports Rights – between Exclusivity and Right to Information. Strasbourg, European Audiovisual Observatory.
2. Depoorter, Ben. (2004). The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law. Virginia Journal of Law and Technology. Vol. 9. No. 4. Pp. 1-63.
3. Gervais, Daniel J. (2018). Related Rights in United States Law. AMI TIJDSCHRIFT VOOR AUTEURS-, MEDIA & INFORMATIERECHT. October 16. Pp. 245-251.
4. Margoni, T. (2016). The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection. International Review of Intellectual Property and Competition Law. Vol. 47(4). Pp. 386-417.
5. Matveev, A. G. (2017). Neighboring Rights in International Law and National Legal Systems. Perm University Herald. Juridical Sciences. Issue 38. Pp. 484-496.
6. Pandey, S. (2004). Neighbouring Rights Protection in India. Journal of Intellectual Property Rights. Vol 9. July. Pp. 356-370.
7. Petri, G. (2014). The Public Domain vs. the Museum: The Limits of Copyright and Reproductions of Two-dimensional Works of Art. Journal of Conservation and Museum Studies. Vol. 12(1): 8. Pp. 1-12.
8. Sherman, B., Bently, L. (1999). The Making of Modern Intellectual Property Law: The British Experience 1760–1911. Cambridge, Cambridge University Press.

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Михайлова Елена Сергеевна (а), Ефимцева Татьяна Владимировна (б),
Рахматуллина Оксана Владимировна (с), Дьяконова Алина Андреевна (d),
Салиева Роза Наильевна (е)**

(а) Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, emixailova9@mail.ru, +79058833911

(б) Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, tve-26@mail.ru, +79225553532

(с) Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, oxana.rakhmatullina@gmail.com, +79226227777

(d) Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, jurist.oimsla@mail.ru, +79058197036

(е) Оренбургский институт (филиал) Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, Ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, sargus6@yandex.ru, +79225553532

Аннотация

Активное развитие мировой экономики и высокие темпы роста населения, сопровождающиеся увеличением его потребностей, способствуют существенному повышению энергопотребления. По оценкам разных специалистов, к 2030

году объем потребностей в энергоресурсах возрастет еще на 40 % по сравнению с текущей ситуацией. Актуальность исследования обусловлена низким уровнем развития возобновляемой энергетики в Российской Федерации и необходимостью выработки эффективного правового регулирования отношений в указанной сфере. Это особо остро ощущается на фоне активного использования возобновляемых источников энергии в мире. В связи с этим данная статья посвящена выявлению правовых регуляторов, которые могли бы способствовать активному развитию возобновляемой энергетики в России. Ведущим подходом к исследованию поставленной проблемы является анализ нормативных актов в сфере возобновляемой энергетики в России и в мире с целью выявления недостатков и приобретения передового опыта правового регулирования использования возобновляемых источников энергии. Проведенный анализ позволил обосновать ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации: необходимо принять закон о возобновляемой энергетике, закрепить на законодательном уровне термины и определения, связанные с возобновляемой энергетикой (Российский законодатель не закрепляет определение возобновляемых источников энергии, ограничиваясь лишь перечнем их видов), необходимо перенять положительно зарекомендовавшие себя в странах Евросоюза механизмы финансово-правового регулирования использования возобновляемых источников энергии (*feed-in-tariff* и *feed-in-premium* и зеленые сертификаты) в российское законодательство. Кроме того, требуется внести изменения в действующую программу «Энергоэффективность и развитие энергетики» по развитию возобновляемой энергетики в Российской Федерации, что является недопустимым в условиях повышения внимания со стороны государства к проблемам развития возобновляемой энергетики в стране.

Ключевые слова: *Renewable energy, energy sources, legal regulation*

Введение

Одним из направлений современной российской политики национальной безопасности является энергетическая политика (национальные энергетические интересы и приоритеты), развитие которой предопределяет в целом стабильность национального суверенитета и целостность государства, гарантии развития социально-экономической сферы, благополучия населения. В течение ближайших десяти лет в энергетическом секторе необходимо сделать выбор, за счет чего будет решаться проблема ввода новых мощностей – за счет строительства электростанций на основе ископаемого и ядерного топлива или за счет эффективного использования возобновляемых источников энергии (Кутафин, 2017).

Вопросами развития возобновляемой энергетики, рационального природопользования в энергетической отрасли России занимались многие ученые, в их числе Н.Г. Жаворонкова, В.С. Белых, М.И. Васильева, В.В. Романова, Д.О. Кутафин, Ф.Ю. Зеккер, J. Chaisse (Chaisse, 2016), G. Bellantuono (Bellantuono, 2017), Y.-C. Chang (Chang, 2015). Вопросы повышения энергоэффективности и энергосбережения рассматриваются в рамках энергетического законодательства (Романова, 2015). Однако, несмотря на теоретические и прикладные исследования, обосновывающие необходимость скорейшего внедрения ВИЭ в экономику России, правовое регулирование в этой сфере далеко от совершенства.

Постановка проблемы

Необходимо выявить правовые регуляторы, которые могли бы способствовать активному внедрению возобновляемых источников энергии в экономику Российской Федерации на основе анализа законодательства, научных работ, в том числе зарубежных и предложить варианты совершенствования законодательства.

Исследуемый вопрос

Предметом исследования выступили нормы действующего законодательства Российской Федерации, стран ЕАЭС и СНГ, других государств в сфере государственно-правового регулирования возобновляемой энергетики.

Цель работы

Целью работы является исследование правовых проблем развития возобновляемой энергетики в Российской Федерации и выработка предложений по их решению.

Методы исследования

Анализ международного законодательства, нормативных правовых актов стран с высоким уровнем использования возобновляемых источников энергии и нормативной базы Российской Федерации, а также правового опыта Евросоюза (Директива № 2009/28/ЕС, 2009; Sacker, 2010; Kruger, 2016) по вопросам внедрения возобновляемой энергетики позволил выявить правовые нормы, которые необходимы для стимулирования процесса развития возобновляемой энергетики в России. Полученные данные позволили определить пробелы правового регулирования в сфере использования возобновляемых источников энергии. Они были обобщены и положены в основу выработки предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере развития возобновляемой энергетики.

Результаты

Российский законодатель не закрепляет определение возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ), ограничиваясь лишь перечнем их видов. Так, в ст. 3 Федерального закона Российской Федерации «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ под ВИЭ понимается энергия солнца, ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках.

Данное нормативно закреплённое определение возобновляемых источников энергии включает закрытое перечисление видов соответствующей энергии и, исходя из смысла нормы, не предполагает расширенное толкование. Соответственно, не вошедшие в этот перечень виды энергии не могут признаваться возобновляемыми. Но это сужает возможности исследований в сфере поиска и развития иных возобновляемых источников энергии. Следует предложить два варианта совершенствования этой правовой нормы. Во-первых, можно сделать закреплённый перечень ВИЭ открытым, добавив фразу «... и некоторые другие». Во-вторых, указать критерии, руководствуясь которыми можно будет относить источники энергии к возобновляемым. В Национальном стандарте Российской Федерации «Энергоснабжение. Термины и определения» под возобновляемыми топливно-энергетическими ресурсами понимаются природные энергоносители, постоянно пополняемые в результате естественных процессов.

Таким образом, законодательно необходимо закрепить следующее определение возобновляемых источников энергии: «это природные энергоносители, постоянно пополняемые в результате естественных процессов, к которым относятся: энергия солнца, ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках и некоторые другие».

Одним из основных механизмов поддержки развития возобновляемых источников электрической энергии на территории Европейского Союза является применение льготной цены (тарифа) на электрическую энергию, выработанную с использованием возобновляемых источников. Льготная цена (тариф) устанавливается государством и определяется нормативно на основе конкурсных процедур. Выделяются следующие виды льготного тарифа:

- фиксированный тариф FiT (feed-in-tariff), используется в основном в отношении объектов малой энергетики;
- льготный тариф FiP (feed-in-premium), который зависит от рыночных цен и используется в основном в отношении объектов крупной энергетики. (Ахмедов, 2018).

Наряду с таким механизмом поддержки, как «зеленый тариф», достаточно популярны в Европейском Союзе «зеленые сертификаты». Они представляют собой документы, которые позволяют учитывать и осуществлять мониторинг производства и потребления электроэнергии от возобновляемых источников. Производители такой энергии получают специальные «зеленые сертификаты», подтверждающие, что они произвели и продали на рынке определенный объем возобновляемой энергии. Количество выпускаемых сертификатов привязано к объему произведенной энергии, но обычно они кратны 1 МВт часу. «Зеленые сертификаты» становятся предметом обращения на специальных рынках. Российской Федерации стоит рассмотреть данный положительный опыт и внедрить его применение на своей территории.

Особый интерес в правовом регулировании рассматриваемой сферы вызывает опыт стран СНГ и ЕАЭС. В Решении Совета глав государств СНГ «О роли Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ в развитии межрегионального сотрудничества государств-участников СНГ», принятом в Минске в 2014 году, подчеркивалась необходимость внедрения экологических инноваций, альтернативных технологий и источников энергии для экологической безопасности. В 2013 году в Санкт-Петербурге была принята Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии (Концепция сотрудничества, 2013), которая направлена на расширение межгосударственного сотрудничества в области использования ВИЭ и дальнейшее развитие их применения.

Странами СНГ принят Модельный закон об использовании альтернативных видов моторного топлива (Модельный закон, 2003), в котором наряду с альтернативными видами моторного топлива (сжатый или сжиженный природный газ, состоящий не менее чем на 85 % из метана, сжиженный углеводородный газ и некоторые другие виды энергетического сырья, полученные в результате переработки нетрадиционных источников и видов энергетического сырья, прошедшие специальную обработку и по своим энергетическим и экологическим

характеристикам отвечающие требованиям, предъявляемым к моторному топливу), определены также нетрадиционные источники и виды энергетического сырья (любые, за исключением нефтяных, источники сырья, в том числе сырье растительного происхождения, твердые горючие вещества, биогаз, пригодные и экономически целесообразные для получения моторного топлива).

Практически все государства – участники СНГ предпринимают активные действия по развитию энергоэффективности, энергосбережения и использованию ВИЭ на основе модернизации, технологического развития и перехода к рациональному использованию энергетических ресурсов. В Республике Беларусь с 2010 года действует Закон «О возобновляемых источниках энергии». Закон Республики Таджикистан «Об использовании возобновляемых источников энергии» 2010 года регулирует правовые отношения, возникающие между государственными органами, физическими и юридическими лицами в сфере приоритетного и эффективного использования возобновляемых источников энергии и определяет правовые и экономические основы, обеспечивающие повышение уровня энергосбережения, снижение уровня антропогенного воздействия на окружающую среду и климат, экономию и сохранение невозобновляемых источников энергии для будущих поколений. В Республике Армения успешно и с высокими темпами развивается малая гидроэнергетика благодаря проводимой государственной политике, в основе которой лежит закон «О возобновляемой энергетике и энергосбережении». В Республике Казахстан принят Закон от 4 июля 2009 г. № 165-IV «О поддержке использования возобновляемых источников энергии» и нормативные правовые акты, регулирующие рынок ВИЭ. В Кыргызской Республике также принят закон от 31 декабря 2008 г. № 283 «О возобновляемых источниках энергии».

В Российской Федерации отсутствует закон о возобновляемых источниках энергии, но приняты и действуют разрозненные правовые акты различной юридической силы, регулирующие внедрение и использование объектов возобновляемой энергетики. Соответственно, нет единой стратегии развития возобновляемых источников энергии в стране. Анализируя развитие возобновляемой энергетики в государствах, где их доля достаточно высока, следует сделать вывод о необходимости принятия единого закона «О возобновляемой энергетике в Российской Федерации». В этом законе целесообразно установить основные термины и понятия, определить полномочия органов управления в сфере регулирования отношений по развитию и использованию возобновляемых источников энергии. Следует предусмотреть государственное стимулирование и поддержку деятельности по разработке и использованию новых технологий, направленных на освоение возобновляемых источников энергии, использованию возобновляемых источников энергии в домашних хозяйствах и промышленности. Эта поддержка возможна, в том числе в виде субсидий, льготных кредитов и т. п. Также следует закрепить развитие лизинговых договоров развивающихся предприятий с поставщиками оборудования для возобновляемых источников энергии. Это явится стимулом к развитию, как предприятий по производству экологического оборудования, так и предприятий, внедряющих эффективные доступные экологические технологии в свое производство.

15 апреля 2014 года Правительство Российской Федерации утвердило программу «Энергоэффективность и развитие энергетики» (Постановление, 2014), целью которой является надежное обеспечение страны топливно-энергетическими ресурсами, повышение эффективности использования и снижение антропогенного воздействия топливно-энергетического комплекса на окружающую среду. В рамках данной программы принята подпрограмма «Развитие использования возобновляемых источников энергии». К сожалению, среди задач, определенных целью программы, нет задачи по развитию ВИЭ, а одной из задач программы является только содействие инновационному развитию топливно-энергетического комплекса. Соответствующие пробелы присутствуют в целевых индикаторах и показателях Программы и в ожидаемых результатах ее реализации. В условиях необходимости внедрения ВИЭ в экономический механизм развития нашей страны отсутствие такой задачи и целевых показателей кажется, по меньшей мере, странным.

Учитывая то, что первый этап реализации Программы определен до 2020 года, в будущей редакции Программы на второй период ее реализации представляется необходимым пересмотреть задачи и внести следующие изменения: «Дополнить Паспорт государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики» в части задач Программы фразой «развитие использования возобновляемых источников энергии», в части Целевых индикаторов и показателей Программы фразой «получение электроэнергии из возобновляемых источников энергии»»

Выводы

В результате проведенного исследования были выявлены пробелы правового регулирования использования возобновляемых источников энергии в энергетической системе Российской Федерации. Проведенный анализ законодательства стран, активно развивающих возобновляемую энергетику, сравнение его с законодательством России позволил сформулировать предложения по совершенствованию правовых норм, регулирующих развитие и эффективное использование возобновляемых источников энергии в стране.

Полагаем, что в целях дальнейшего развития отношений в сфере освоения возобновляемых источников энергии целесообразно было бы разработать и принять на федеральном уровне специальный закон о возобновляемой энергетике. В законе целесообразно установить основные термины и понятия (в том числе термин возобновляемые источники энергии), определить полномочия органов управления в сфере регулирования отношений по использованию возобновляемых источников энергии, а также на уровне закона закрепить меры стимулирования деятельности по разработке и использованию новых технологий, направленных на освоение возобновляемых источников энергии.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15034.

Список литературы

1. Bellantuono G. (2017). The misguided quest for regulatory stability in the renewable energy sector. *The Journal of World Energy Law & Business*, 10(4), 274-292.
2. Chaisse J. (2016). Renewables re-energized? The internationalization of green energy investment rules and disputes. *The Journal of World Energy Law & Business*, 9(4), 269-281.
3. Chang Y.-C. (2015). Marine renewable energy--the essential legal considerations. *The Journal of World Energy Law & Business*, 8(1), 26-44.
4. Sacker Franz Jurgen (2010) *Handbuch zum deutsch-russischen Energierecht*. Verlag C.H.Beck Munchen 2010. – 877 p.
5. Kruger Heiko (2016) *European Energy Law and Polici*. Edward Elgar PUBLISHING. – 239 p.
6. Ахмедов В.С. (2018) Механизмы инвестирования в альтернативную энергетику Европейского Союза. Retrieved from: http://portal.tsuab.ru/ScienceWork/2018/Konf_VIII_MNPK_ISN_part1_2018/108_Konf_VIII_MNPK_ISN_part1_2018.pdf (20.03.2019)
7. Директива N 2009/28/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза "О стимулировании использования энергии из возобновляемых источников, внесении изменений и дальнейшей отмене Директив 2001/77/ЕС и 2003/30/ЕС" (2009). Retrieved from: <http://eur-lex.europa.eu>
8. Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии, утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2013 года. Retrieved from: <http://www.e-cis.info/page.php?id=23896> (04.04.2019)
9. Кутафин Д. (2017) Договор к энергетической хартии как международный правовой инструмент развития энергетических отраслей. *Право в современном мире*. № 2(43). С.37-44
10. Модельный закон «Об использовании альтернативных видов моторного топлива» (2013) принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-10 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Retrieved from: <http://base.garant.ru/2569509/#friends> (04.04.2019)
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики»» (2014). Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162194/ (04.04.2019)
12. Романова В.В. (2015) Государственное регулирование в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности: развитие правового регулирования. *Государственная власть и местное самоуправление*. № 11. С. 7-12.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Миргородская Е.О. (а), Сухинин С.А. (b), Тавбулатова З.К. (с), Бетильгирiev М.А. (d)

(a) *Донской государственный технический университет, Ростовская область, Ростов-на-Дону, Россия, emirgorod@mail.ru, 89282296966*

(b) *Донской государственный технический университет, Ростовская область, Ростов-на-Дону, Россия, suhtax@mail.ru, 89044484769*

(c) *Чеченский государственный университет, Чеченская Республика, Грозный, Россия, eva_didi@inbox.ru, 89280043004*

(d) *Грозненский государственный нефтяной технический университет, Чеченская Республика, Грозный, betilgiriev@mail.ru, 89287858177*

Аннотация

Юг России является особым регионом России, занимающим важное место в экономическом пространстве страны и имеющий сложное геополитическое положение. В последние годы повышенное внимание к данному макрорегиону связано с новым геополитическим приобретением Российской Федерации – воссоединением с Крымом и Севастополем. Это важное геополитическое событие расширило территорию и границы России, сделало страну более талассоаттрактивной, вызвало необходимость интеграции новых территорий в социально-экономическую систему страны. Трансформации геополитической структуры Юга России выразились в изменении в составе расположенных здесь федеральных округов и их места в национальных макроэкономических показателях и пропорциях. Особенности Южнороссийского макрорегиона являются многососедство его субъектов, их выход широким фронтом к Черному, Азовскому и Каспийскому морям, наличие участков государственной границы и территориальная близость к самопровозглашенным территориям, расположенным в непосредственной близости от границ Российской Федерации. Значительное влияние на геополитическое положение региона оказывает деятельность межгосударственных политических, экономических и военных союзов и организаций как геополитических акторов. В первую очередь речь идет о преследовании глобально-стратегических целей, связанных с доступом к природным ресурсам. Макроэкономическое положение Юга России характеризуется противоречивостью. С одной стороны, макрорегион концентрирует значительную часть населения и предприятий. Но с другой стороны, основные макроэкономические показатели свидетельствуют о недостаточном уровне развития макрорегиона в сравнении с другими территориями России.

Ключевые слова: Геополитическое положение, экономические трансформации, геополитические трансформации, Юг России, макрорегион, субъекты Юга России

Введение

Юг России занимает сравнительно небольшую территорию в масштабе страны (618,2 тыс. км²), но его значимость для геополитического и экономического развития страны весьма велика (Регионы, 2018). Это выражается в том, что регион выполняет две главные функции – барьерную и транзитную.

Барьерная функция макрорегиона определяется его географическим положением и близостью к некоторым странам Азии и Востока, а также значительной пограничной территорией.

Транзитная функция макрорегиона связана с тем фактом, что регион имеет большое значение для перемещения товаров и людей по оси Север-Юг. Важную роль этого субрегиона страны играл во внешних связях России и СССР, которые через него транзитом сообщались со странами восточно-азиатского ядра.

Главным событием существенно изменившим не только геополитическую ситуацию в Южнороссийском макрорегионе, но общепланетарную общественно-политическую структуру, стало вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году. Вследствие данного события Россия прирастила сравнительно незначительную территорию (27 тыс. км², что в масштабе всей страны составляет менее 0,2 % ее площади), но в геостратегическом плане эти изменения весьма значимы. Воссоединении России с Крымом сделало нашу страну более талассократической (морские границы страны увеличились примерно на 2,5 тыс. км), а вновь присоединенные территории, расположенные в центре Северного Причерноморья позволяют контролировать значительную часть Азово-Черноморского бассейна (Sukhinin, 2015).

Связи с этим очень важно осмысление рисков и угроз, которые существуют в рамках данного региона вследствие геополитических и геоэкономических трендов развития.

Постановка проблемы

Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации изменило и всю архитектуру Южнороссийского макрорегиона. Первоначально, на переходном этапе интеграции Крыма и Севастополя в геополитическое пространство и экономическую систему РФ, эти два новых субъекта федерации были объединены в самостоятельный Крымский федеральный округ. Его функционирование было связано с необходимостью быстрого принятия эффективных управленческих решений в условиях возрождения экономики Крыма, распространения правовых норм российского законодательства и активного вовлечения населения и экономических субъектов вновь образованных регионов в хозяйственную, финансовую, кредитную, социальную, культурную, образовательную системы Российской Федерации (Швец, 2019). Таким образом, в последние годы макрорегион претерпел значительные трансформации своей структуры, что отразилось на особенностях его развития и места в социально-экономической системе страны, раскладе глобальных политических сил (Жаде, 2010). Это вызывает необходимость рассмотрения данных процессов и их влияния на развитие макрорегиона с учетом его специфики протекания глобальных тенденций развития..

Исследуемый вопрос

Предметом исследования является геополитическое положение и макроэкономические пропорции Юга России. Юг России является специфичным регионом страны. Он объединяет территорию двух федеральных округов – Северо-Кавказского и Южного, причем последний расширил свои границы путем включения в свой состав Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Трансформации пространственной структуры, геополитического положения и макроэкономических пропорций развития Южнороссийского макрорегиона будут рассмотрены в данной статье.

Цель работы

Целью исследования является анализ структурных особенностей геополитического положения и макроэкономического развития Юга России и их изменений, произошедших в последние годы. Данная цель достигалась на основе следующих задач исследования:

1. Характеристика пространственной структуры Юга России как специфичного макрорегиона страны.
2. Анализ особенностей и современных изменений геополитического положения Юга России под влиянием глобальных трансформационных процессов.
3. Выявление места Юга России в социально-экономической системе страны и анализ ключевых макроэкономических пропорций в макрорегионе и основных рисков политического и экономического развития.

Методы исследования

При исследовании использовались общенаучные методы исследования, такие как анализ и синтез, описание, сравнение. Важную часть исследования составили структурно-логический метод, системный анализ и пространственный подход, позволившие выявить и проанализировать пространственную структуру Юга России, установить специфические черты геополитической ситуации как внутри макрорегиона, так и вокруг него, охарактеризовать особенности локализации субъектов и уровень их экономического развития. Расчет макроэкономических показателей и пропорций проводился на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ и ее территориальных органов в субъектах Юга России (Регионы, 2018).

Результаты

В настоящее время Южнороссийский макрорегион занимает 3,6 % территории РФ, здесь сконцентрировано 18 % жителей страны. При этом роль отдельных субъектов макрорегиона и федеральных округов дифференцирована. Ведущие позиции, как по площади территории, так и по численности жителей занимает Южный федеральный округ, а среди отдельных его субъектов крупнейшими по размерам территории являются Волгоградская область (112,9 тыс. км²), Ростовская область (101 тыс. км²), Краснодарский край (75,5 тыс. км²) и Республика Калмыкия (74,7 тыс. км²) а по численности населения – Краснодарский край (5,6 млн чел.), Ростовская область (4,2 млн чел.), Республика Дагестан (3,8 млн чел.) (Регионы, 2018).

Главными особенностями локализации Юга России являются приграничный характер территории и многососедство его субъектов. Приграничный характер южнороссийского макрорегиона выражается в наличии государственной границы РФ в пределах субъектов, входящих в его состав (рис. 1). Причем значение данного фактора в геополитической ситуации после воссоединения Крыма и Севастополя с Россией еще более усилилось. Ныне из 15 субъектов южнороссийского региона, выход к сухопутной государственной границе РФ с сопредельными странами имеют 12 (кроме Адыгеи, Калмыкии и Севастополя), а с учетом морских границ – 13 (включая Севастополь) (табл. 1). Из субъектов федерации Юга России, наибольшее число соседей-приграничных государств имеют Северная Осетия-Алания, Дагестан, Карачаево-Черкесия – каждая из этих республик граничит с двумя соседними странами.

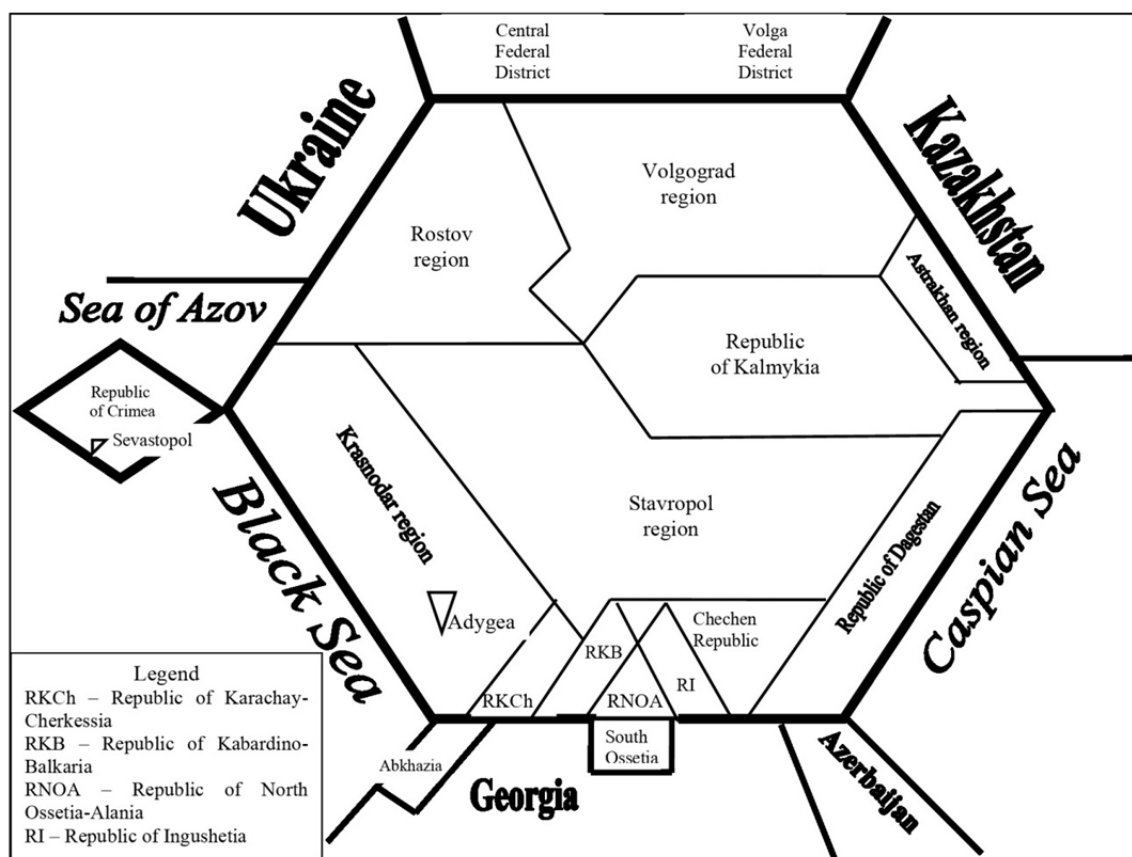

Рис. 1. Модель геополитического положения Юга России]

Таблица 1. Приграничное положение субъектов Юга России

Страны – соседи РФ	Субъекты Юга России, выходящие к государственной границе
Украина	Ростовская область, Республика Крым
Абхазия	Краснодарский край
Южная Осетия	Северная Осетия-Алания
Грузия	Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чеченская республика, Дагестан
Азербайджан	Дагестан
Казахстан	Астраханская область, Волгоградская область,
Морская граница РФ	по Черному морю и Азовскому морю – Ростовская область, Краснодарский край, Республика Крым, Севастополь по Каспийскому морю – Дагестан, Астраханская область

За последнее время значительно изменился характер соседства регионов Юга России вследствие трансформации геополитической ситуации на глобальном уровне и в евразийском пространстве. Если на рубеже XX–XXI веков, наибольшую тревогу вызывала безопасность Кавказского участка государственной границы, что напрямую было связано с наличием военных действий в Чеченской республике, Дагестане, проявлением исламского фундаментализма и терроризма в Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Северной Осетии, военным конфликтом Грузии с Абхазией и Южной Осетией, то в последние годы наиболее сложным в геополитическом отношении стала граница Российской Федерации с Украиной (Goryushina, 2016; Авксентьев, 2016). Острота ситуации в приграничном взаимодействии здесь связана с ведением военных действий вооруженных сил Украины с ополченцами Донецкой и Луганской областей, провозгласивших здесь в апреле 2014 г. соответственно Донецкую и Луганскую народные республики (Di Rienzo, 2014; Миронова, 2019).

Появление вдоль границ Юга России самопровозглашенных государственных образований стало реалиями последних лет (Сизов, 2017). К ним относятся Абхазия и Южная Осетия, провозгласившие свою независимость от Грузии еще в начале 1990-х гг. и получившие политическое признание со стороны Российской Федерации в августе 2008 г. после очередного витка вооруженной агрессии Грузии (Yurchenko, 2016). До настоящего времени обе республики не стали полноправными субъектами международного права, не найдя подтверждения статуса суверенных государств у большинства стран мира. Возможно, такую же модель политического существования изберут Луганская и Донецкая народные республики, заявившие о своей самостоятельности от Украины в 2014 году (Svarin, 2016).

Наиболее стабильной в геополитическом отношении границей южнороссийских субъектов с соседними государствами выступает сегмент российско-казахстанской границы в пределах Волгоградской и Астраханской областей (рисунок 1). Обе страны входят в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – военно-политический союз, объединяющий страны СНГ. Тесная политическая и торгово-экономическая интеграция Белоруссии, Казахстана и России нашла выражение в создании первоначально Таможенного союза трех государств, а с 2 января 2015 г. – интеграционной группировки более высоко ранга – Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в составе которого к трем первоначальным странам участникам присоединились Киргизия и Армения. ЕАЭС нацелено на создание единого экономического пространства стран-участниц, безвизовый режим для жителей, отмену таможенных пошлин и ограничений экономического характера во взаимной торговле между государствами (Gnjato, 2018).

Юг России широким фронтом выходит к акваториям Черного и Азовского морям на западе, к Каспийскому морю – на востоке (рисунок 1). Азовское море отнесено к категории внутренних вод России и Украины и его использование определено двусторонним договором 2004 г. (Sukhinin, 2015). Однако после воссоединения Крыма с Россией, акватория Украины в Черном и Азовском морях значительно сократилась, что в перспективе вызовет пересмотр данного документа (Гонтарь, 2019). Статус Каспийского моря был урегулирован Конвенцией, которую подписали в августе 2018 года все прикаспийские государства. В соответствии с данным документом, Каспий признается морем в отношении водной поверхности, а его акватория находится в общем пользовании прикаспийских государств – дно и недра делятся соседними государствами на участки по договоренности между ними на основе международного права.

Важным фактором современного геополитического положения Юга России является его локализация по отношению к межгосударственным политическим и военным союзам и организациям, которое за последнее десятилетие динамично меняется (Medvedev, 2015). Большинство стран-соседей региона являются членами Содружества независимых государств (СНГ). Активная реализация стратегических интересов России, направленных на более тесное интеграционное взаимодействие со странами СНГ, в последнее десятилетие способствовала заключению ряда двусторонних соглашений и укреплению взаимного сотрудничества с соседними странами постсоветского пространства. Такое углубление интеграции предполагает создание на основе межгосударственных связей интеграционных образований более высокого ранга в рамках СНГ, которым и стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС), объединяющий 5 стран СНГ (Андреева, 2014). При этом, Юг России, как рассматриваемый нами макрорегион, непосредственно граничит с Казахстаном и имеет территориальную близость к Армении, осуществляя активные трансграничные связи именно с этими государствами-членами ЕАЭС.

На рубеже XX–XXI веков ряда государств постсоветского пространства попали в орбиту влияния других международных организаций, и прежде всего, ЕС и НАТО. Европейский Союз поводит политику активизации интеграционных связей странами СНГ в рамках проекта «Восточное партнерство», предусматривающего механизмы воздействия на реформы, проводимые в данных государствах взамен на либерализацию визового и торгового режима (Содио, 2016).

Наряду с Европейским Союзом, активную политику расширения своего влияния на Юг России и прилегающие страны оказывает и военно-политический блок НАТО. Северо-Атлантический альянс в отношении стран СНГ реализует программу «Партнерство ради мира», предусматривающую оказание военно-консультационной помощи и проведение совместных военных маневров вблизи или на территории государств-партнеров (Soilen, 2012). Фактически же, блок НАТО ведет достаточно агрессивную политику, нарушая сложившийся десятилетиями паритет сил, приближая свои военные базы практически вплотную к границам нашей страны и нарушая тем самым зоны традиционных российских геополитических интересов. Это вносит деструктивный элемент в геополитическую ситуацию на Юге России и создает излишнюю напряженность во взаимодействии стран-партнеров. Именно поэтому макрорегион сегодня реализует функции барьера для всей территории российского государства. Барьерные возможности макрорегиона с другой стороны предполагают, что сего-

дня стоит пытаться достичь компромисса между странами НАТО и Россией: НАТО сворачивает активность в приграничных регионах с Россией – Грузия, Армения, Азербайджан, Турция, Россия отказывается от рассмотрения региона как зоны влияния, что де факто уже произошло, и рассмотрения концепции «Русского мира» как основы для новых геополитических трансформаций. Это увеличивает разнообразие коммуникаций с внешним миром, что является необходимым условием устойчивости национальной экономики к внешним шокам в современном мире.

Увеличение территории и численности населения южнороссийского макрорегиона отразилось на укреплении его позиций в экономической системе страны. В субъектах Юга России насчитывается свыше 474 тыс. предприятий и организаций, что составляет около 1/10 их всех экономических субъектов (в среднем за 2010–2017 гг.), зарегистрированных в РФ. При этом большая часть (74 %) предприятий и организаций южнороссийского макрорегиона сосредоточена в четырех субъектах – Краснодарском крае (30 %), Ростовской области (20 %), Волгоградской области и Ставропольском крае (по 12 %).

Несмотря на достаточно высокую пространственную концентрацию предприятий и организаций рассматриваемого макрорегиона, их экономическая активность не столь достаточна и не соответствует в целом имеющемуся потенциалу развития (Kolesnikov, 2014). В целом на организации, зарегистрированные и действующие на территории Юга России, приходится всего лишь 7 % их оборота в РФ за 2017 г., а своеобразными локомотивами развития выступают те же четыре субъекта региона – суммарно на их долю приходится 88,5 % годового оборота произведенной продукции. Недостаточная производственная активность отражается и на ВРП как интегральной характеристике экономической деятельности региона. Суммарно ВРП Юга России составляет 669 млрд руб. (9,7 % от общероссийской величины), а по ВРП на душу населения регион существенно отстает от других федеральных округов. Аутсайдерами в этом отношении являются республики Юга России занимающие последние места среди субъектов РФ как по ключевым макроэкономическим показателям (Регионы, 2018).

Следует обозначить основные внутренние экономические риски макрорегиона, которые определяют его конкурентоспособность и потенциал стратегического макроэкономического позиционирования. Это – относительно низкая конкурентоспособность южнороссийских промышленных предприятий, несбалансированная отраслевая структура экономики макрорегиона, высокие инвестиционные риски за счет приграничной близости Украины как наиболее не- стабильной в данном географическом регионе территории, «недокапитализацию» основных факторов производства, низкий удельный вес инновационной продукции. Следует отметить также продолжающуюся деиндустриализацию экономики макрорегиона и проблему старения основных фондов.

К социальным угрозам, которые имеют место на Юге России можно отнести следующие: отставание размера заработной платы от среднероссийского уровня, высокая доля бедного населения (касается республик Северного Кавказа), медленное улучшение соотношения среднедушевых доходов и прожиточного минимума, относительно высокий уровень безработицы, значительный масштаб неформальной занятости. В результате интегральный индекс качества жизни (ИИКЖ) по Югу России составляет 0,88, в то время, как например, по Центральному федеральному округу – 1,17.

Выводы

Таким образом, Юг России, как макрорегион Российской Федерации, отличается сложностью пространственной структуры, разнообразием особенностей, и противоречивостью влияющих на его развитие факторов. Динамичность изменений геополитического положения Юга России выразилось в расширении территории за счет воссоединения с Республикой Крым и городом Севастополь, что видоизменило сухопутные и морские границы страны, расширило акваторию. Это усилило место макрорегиона в социально-экономической системе страны, несмотря на недостаточный уровень экономического развития ряда субъектов. Особое значение приобретает этот регион при осуществлении транзитной и барьерной своих функций.

Главными особенностями геополитического положения Юга России является наличие большого числа стран-соседей, приграничность субъектов, широкий выход к Черному, Азовскому и Каспийскому морям. Эти преимущества способствуют упрочению транзитного потенциала региона, активному развитию внешнеполитических и торговых связей. Территория региона входит в зону внимания многих государств и межгосударственных организаций, что проявляется в активном их влиянии на развитие ситуации макрорегионе, а субъекты Юга России вовлекаются в интеграционные процессы с зарубежными странами и регионами.

Список литературы

1. Di Rienzo, E. (2014). Passato e presente della crisi Ucraina. Nuova Rivista Storica, 3, 863-907.
2. Gnjato, R., Druzhinin, A.G., Streletskiy, V.N. (2018). Geopolitical processes in the contemporary Eurasian Space. Izvestiya Rossiiskaya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya, 2, 129-130.
3. Goryushina, E. (2016) Alteration influence of international conjuncture to situation in the Caucasian region. Научный альманах стран Причерноморья, 3, 38-41.
4. Kolesnikov, Y.S. (2014). Problems of modernizing the peripheral economy of the South Caucasus. Studies on Russian Economic Development. Volume 25, Issue 4, 389-394.
5. Medvedev, D. (2015) A new reality: Russia and global challenges. Russian Journal of Economics, Volume 1, Issue 2, 109-129
6. Soilen, K. Geoeconomics. Bookboon, 2012.
7. Sukhinin, S.A. (2015). Structural transformation of the geopolitical location of the South of Russia in modern conditions. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, 3, 54-63.

8. Svarin, D. (2016). The construction of geopolitical spaces in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis. *Journal of Eurasian Studies*, Volume 7, Issue 2, 129-140.
9. Yurchenko, I. (2016). Ethnocultural factors of national security in modern Russia in terms of new geopolitical challenges in the Black Sea region. *Научный альманах стран Причерноморья*, 3, 1-5.
10. Zhang, S. (2018). A comparative study of regional strategies of northeast Asian countries. *R-Economy*. Volume 4, Issue 1, 1-6.
11. Авксентьев, В.А., Тарасова, М.В. (2016). Геополитические факторы нестабильности и продуцирования экстремизма и терроризма в Южном макрорегионе. *Научная мысль Кавказа*, 4, 42-48.
12. Андреева, Е. Л., Захарова В. В., Ратнер, А. В. (2014). Система приоритетов российской геоэкономической политики. *Геополитика и безопасность*, 3, 65-73.
13. Гонтарь, Н.В. (2019). Экономическая интеграция в Причерноморье в условиях трансформации геоэкономического баланса. *Региональная экономика. Юг России*. 2019, Volume 7, Issue 2, 92-101.
14. Жаде, З.А. (2010) Трансформация геополитической ситуации на Юге России в условиях формирования национальной идентичности. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 5, 64-71.
15. Миронова, О.А. (2019). Обеспечение безопасности городов Южнороссийского макрорегиона в условиях глобальных геопро пространственных вызовов (на примере Ростова-на-Дону). *Economics. Law. State*. 2019, 3, 35-41.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели (2018). Статистический сборник. Москва, Росстат.
17. Сизов, С.Г. (2017). Непризнанные государства на постсоветском пространстве и позиция России. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, 1, 124-128.
18. Содико, Ш.Д., Мехдиев, Э.Т. (2016). О реализации программы Европейского Союза «Восточное партнерство» на Южном Кавказе. *Диалог: политика, право, экономика*. 2016, 5-9.
19. Швец, А.Б. (2019). Риски интеграции Крыма в экономическое пространство юга России. *Геополитика и экогеодинамика регионов*. Volume 5, Issue 2, 15-27.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АКТИВИЗАЦИЮ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ СКФО

**Мусаев Расул Абдуллаевич (а), Урумова Ирина Олеговна (б),
Панкратов Алексей Алексеевич (с)**

(а) МГУ имени М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 46, г. Москва, 119991, Россия,
rastmou@mail.ru, +7 (495) 939-28-08

(б) МГУ имени М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 46, г. Москва, 119991, Россия,
financier1987@gmail.com, +7 (918) 837-25-19

(с) МГУ имени М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 46, г. Москва, 119991, Россия,
pankratov_aleksey_ml@mail.ru, +7 (926) 427-67-09

Аннотация

Пространственное развитие экономики страны, названное В.В. Путиным в качестве одного из основных направлений государственной политики на ближайшие пять лет, невозможно представить без стабильной инвестиционной деятельности регионов. Опыт последних десятилетий показал, что ни дотации, ни преференции не способны дать тот экономический толчок регионам, на который надеялись как сами субъекты-реципиенты, так и помогающий им центр. Сегодня только инвестиции могут стать эффективным стимулом для экономического роста субъектов РФ. С целью выявления наиболее перспективных инструментов воздействия на инвестиционный процесс авторами предлагается сравнительный анализ действующих методов привлечения инвестиционных ресурсов в субъектах СКФО. В основу исследования были положены общеметодологические принципы диалектического и структурно-функционального анализа. В статье приводится сравнительный анализ инструментов, представлявших наибольший интерес для инвесторов в 2018 году. Проанализированы показатели, отражающие степень развитости ГЧП в исследуемых регионах СКФО в частности, и в России в целом. Рассмотрены региональные формы (налоговые и неналоговые) государственной поддержки потенциальных инвесторов. Особое внимание уделено механизму государственных гарантий, как важной форме государственной поддержки инвестиционных проектов. Выявлено, что за последние восемь лет наибольший объем государственных гарантий по отобранным в СКФО инвестиционным проектам принадлежит Чеченской республике – около 30 % от всего объема госгарантий. Уделено внимание уникальным для России институтам развития территорий – Корпорация развития Северного Кавказа и Курорты Северного Кавказа. Показано, что наибольшее количество инвестиционных объектов, финансируемых КРСК, принадлежит Ставропольскому краю (4 из 7). Авторами выявлены наиболее действенные инструменты привлечения инвестиций в субъекты СКФО, применение которых способно оказать значительное влияние на улучшение социально-экономического положения в федеральном округе.

Ключевые слова: Инвестиции, регион, государственно-частное партнерство

Введение

Итоги экономической деятельности России в 2018 году можно оценить как неутешительные: продолжающаяся стагнация национальной экономики, крайне низкий темп роста ВВП и все это на фоне поставленной

В.В. Путиным цели вхождения страны в пятерку крупнейших экономик мира к 2024 году. По мнению экспертов, достижение указанной цели возможно в случае стабильного роста экономики не менее 4 % в год. Сегодня только опережающее развитие регионов, их способность привлекать и осваивать инвестиции, может стать основой национальной стратегии перехода экономики страны с ресурсно-сырьевого на научно-технологический путь развития с целью усиления конкурентоспособности и обеспечения нового качества жизни.

Постановка проблемы

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), наряду с регионами Арктической зоны, Дальнего Востока и Крыма являются субъектами, обеспечивающими геополитические и национальные стратегические приоритеты России. Повышенное внимание государства к развитию субъектов СКФО, а также необходимость разработки механизмов привлечения инвестиций в субъекты РФ определили актуальность исследования.

Исследуемый вопрос

Предметом исследования выступает работа государственного механизма привлечения инвестиций в субъекты СКФО.

Цель работы

Целью работы является исследование основ разработки и реализации государственных инструментов воздействия на привлечение инвестиций в регионы СКФО.

Методы исследования

В исследовании использовались как общие теоретические методы: группировка и классификация, системный подход, экспертные оценки, статистический, сравнительно-аналитический анализ, так и эмпирические методы: наблюдение, сравнение.

Результаты

В регионах СКФО действует единая система государственной поддержки инвестиционной деятельности, определяющая правовые, организационные и экономические основы предпринимательства, а также устанавливающая формы и методы поддержки, защиты прав и интересов участников инвестиционной деятельности.

Одним из важнейших факторов, влияющих на инвестиционный климат любого региона, является существующая система законодательства. В последние годы акценты в правовом регулировании инвестиционной деятельности переместились на региональный уровень, что обусловлено усилением роли субъектов РФ в экономической и правовой сферах, а также острой потребностью регионов в инвестиционных ресурсах.

Исходя из целевых установок и роли органов государственной власти в инвестиционном процессе, можно выделить две основные группы методов государственного воздействия: косвенное и прямое регулирование. Косвенное регулирование, направленное на формирование благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности в регионах, представлено налоговой, амортизационной политикой, мерами законодательного характера, инвестиционным кредитованием.

Прямое участие реализуется посредством организационных и финансовых мер инвестирования из бюджета на основании государственных программ; инвестиционных мероприятий в государственном секторе. Как прямое, так и косвенное регулирование инвестиций направлено на экономический рост, прежде всего, конкретных отраслей и видов производства, способствующих достижению макроэкономической стабильности региона: стабильности цен, роста благосостояния населения. (Гагарина, 2017).

Косвенное регулирование	Прямое регулирование
•налоговые льготы; •гарантии регионов по привлекаемым инвестициям; •льготы по аренде недвижимого имущества субъекта РФ; •инвестиционные займы; •субсидирование затрат; •поручительства Правительства региона; •субсидирование лизинговых платежей	•участие в разработке и реализации инвестиционных проектов; •содействие по включению в целевые и инвестиционные программы объектов инфраструктуры для приоритетных инвестиционных проектов. •размещение государственных заказов субъектов РФ.

Рис. 1. Методы государственного воздействия на инвестиционный процесс в субъектах СКФО
 Источник: составлено авторами по данным инвестиционного портала СКФО <http://www.investkavkaz.ru/>

Экономический кризис поставил под угрозу сокращения значительное количество региональных инвестиционных программ. Тем не менее, существующие проблемы по завершению действующих инвестиционных проектов, а также вопросы совершенствования существующих объектов инфраструктуры нуждаются в принятии своевременных решений. С одной стороны, снижение доходов бюджетов различных уровней усложнило ситуацию в регионах, что заставило органы государственной власти искать альтернативные варианты привлечения внебюджетного финансирования отдельных публичных функций. С другой стороны, в условиях неблагоприятной конъюнктуры повышается интерес бизнеса к государственной поддержке, позволяющей минимизировать риски частных инвестиций, увеличить эффективность инвестиционных проектов, мобилизовать кредитные ресурсы для их реализации. Речь идет о государственно-частном партнерстве.

Государственно-частное партнерство (далее ГЧП) – это институциональное и организационное сотрудничество бизнеса и государства, способствующее реализации общественно значимых проектов. Спектр сфер деятельности данного сотрудничества достаточно широк, начиная от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны. (Герасименко, 2017, Орешин, 2016). Таким образом, ГЧП является одним из наиболее действенных механизмов повышения эффективности функционирования как экономики страны, в целом, так и регионов, в частности.

Опыт передовых стран позволяет утверждать, что использование ГЧП характерно как для развития отраслей экономики, так и социальной инфраструктуры. (Polyakova, 2016). В России по состоянию на 01.01.2019 года официально зарегистрировано и принято решение по реализации 2446 проектов ГЧП, общим объемом инвестиций порядка 1,5 трлн рублей, из которых:

- Федерального уровня – 30 проектов;
- Регионального уровня – 556 проектов,
- Муниципального уровня – более 3356 проектов.

Для российской экономики данное количество проектов является недостаточным, о чем свидетельствует их вклад в национальные результаты. Так, в 2017 году отношение объема частных инвестиций в инфраструктуру в проектах ГЧП к номинальному ВВП РФ составляет менее 1 %. (Россия – 0,89 %, Нигерия – 1,95 %, Индонезия – 3,7 %, Мексика – 5,33 %, Турция – 7,43 %, Таиланд – 7,83 %, Аргентина – 8,16 %, Индия 9,47 %, Бразилия – 18,9 %). Данное отношение, по экспертным оценкам, должно находиться на уровне примерно 4–5 %, тогда можно всерьез говорить об инфраструктурных инвестициях и их роли в экономике РФ. Если говорить о полной стоимости проектов ГЧП, то в настоящее время она превышает 2 трлн руб.

Национальный рейтинг субъектов РФ в сфере ГЧП отражает оценку уровня развития ГЧП в регионе в соответствии с методикой, разработанной Министерством экономического развития РФ.

Таблица 1. Количество проектов ГЧП/МЧП в разрезе федеральных округов

Федеральный округ	Проекты ГЧП/МЧП		Социальная сфера		Энергетическая сфера		Транспортная сфера		Коммунальная сфера		Сумма мест	Ранг
	Всего	Место	Всего	Место	Всего	Место	Всего	Место	Всего	Место		
ПФО	342	1	54	1	158	2	15	3	115	2	9	1
ЦФО	292	2	43	3	62	3	45	1	142	1	10	2
СФО	256	3	2	7	164	1	9	4	54	4	19	3
СЗФО	114	5	49	1	27	5	27	2	26	6	19	3
ДВФО	143	4	15	4	60	4	2	7	66	3	22	4
ЮФО	61	6	2	7	13	7	6	5	40	5	30	5
УФО	49	7	6	5	19	6	3	6	21	7	31	6
СКФО	28	8	5	6	2	8	3	6	18	8	36	7

Источник: Составлено авторами по данным Минэкономразвития РФ и Центра развития ГЧП Единый информационный ресурс по ГЧП (ppri.ru)

Анализ статистических данных показал наличие существенного разрыва в 2–3 раза между регионами-лидерами и отстающими регионами. Так, количество проектов ГЧП/МЧП в ПФО в 12 раз больше, чем в СКФО. Механизм ГЧП имеет существенные преимущества: во-первых, сокращает сроки разработки проекта для государственного партнера, проведения конкурсных процедур и экономит бюджетные средства, что важно в условиях экономического и финансового кризиса, позволяет привлекать инвестиции в такие сферы, как ЖКХ, пассажирский транспорт, социальная сфера. Во-вторых, потенциал ГЧП не получил должного развития в ряде федеральных округов. В-третьих, практически не задействован механизм частной инициативы, контрактов жизненного цикла. Так, из десяти необходимых факторов развития ГЧП в разрезе институциональной среды и нормативно-правовой базы в субъектах СКФО представлены лишь четыре:

1. Наличие уполномоченного органа в сфере ГЧП, в том числе концессионных соглашений
2. Наличие в открытом доступе перечня объектов, в отношении которых планируется заключение соглашений о ГЧП, концессионных соглашений;
3. Наличие порядка межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти на этапе разработки и рассмотрения проектов ГЧП;

4. Соответствие нормативно-правовой базы в сфере ГЧП, в том числе концессионных соглашений, нормам федерального законодательства

Большинство регионов СКФО предоставляют стандартный перечень форм государственной поддержки, осуществляемой в области инвестиционной деятельности: льготы по налогу на прибыль, льготы по налогу на имущество, льготы по аренде. Реже всего в качестве форм поддержки регионами используются выпуск целевых займов, предоставление бюджетных инвестиций. (Таб.2)

Таблица 2. Региональные формы государственной поддержки инвестиционной деятельности регионов СКФО

Форма господдержки	РСО-Алания	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Кабардино-Балкарская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Ставропольский край	Чеченская Республика
Региональные налоговые формы господдержки:							
Налоговые льготы					✓		
Льготы по налогу на прибыль	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Льготы при пользовании природными ресурсами					✓		
Инвестиционный налоговый кредит		✓		✓		✓	✓
Льготы по аренде	✓	✓	✓		✓	✓	
Региональные неналоговые формы господдержки:							
Гранты	✓	✓			✓	✓	✓
Льготы по налогу на имущество	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Предоставление залога		✓		✓		✓	✓
Компенсация затрат		✓			✓		
Субвенции				✓			
Субсидирование затрат	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Предоставление государственных гарантий	✓	✓		✓		✓	
Выпуск целевых займов						✓	

Источник: составлено авторами по данным инвестиционного портала СКФО <http://www.investkavkaz.ru/>

Из предложенных форм господдержки наибольшее количество, десять, предоставлено в Ставропольском крае, девять – в Республике Дагестан, восемь – в Карачаево-Черкесской Республике и лишь шесть – в РСО-Алания. Необходимо отметить, что льготы по налогу на прибыль и налогу на имущество начали действовать в республике в начале 2017 года.

Анализируя формы господдержки инвестиционной деятельности в регионах, необходимо отметить, что субсидирование затрат используется в качестве основной формы поддержки предпринимателей во всех субъектах СКФО.

Значительным государственным шагом в сфере развития МСП было утверждение в 2016 году документа стратегического планирования на долгосрочную перспективу – Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года. Стратегическим ориентиром является увеличение доли МСП в ВВП в два раза (с 20 до 40 %). (Кабанов, 2018) Разработанный паспорт приоритетного проекта «Формирование сервисной модели поддержки малого и среднего предпринимательства в РСО-Алания» вошел в десятку лучших паспортов по стране.

Важной формой государственной поддержки является предоставление государственных гарантий по кредитам, привлекаемым в целях реализации инвестиционных проектов. В условиях ограниченных инвестиционных ресурсов механизм предоставления госгарантий может быть использован применительно к капиталоемким инвестиционным проектам и направлен на снижение рисков как на инвестиционной, так и на операционной фазе их реализации. С 2014 года отбор инвестиционных проектов для предоставления госгарантий осуществляет Минкавказ РФ. Ранее данные полномочия исполнялись Минрегионразвития РФ, где для отбора проектов была сформирована Межведомственная инвестиционная комиссия (МВК). С 2011 года 35 инвестиционным проектам, реализуемым на территории СКФО, предоставлены государственные гарантии на общую сумму 24 318 млрд руб.

Для помощи инвесторам в работе по подготовке пакета документов для получения государственных гарантий РФ в ОАО «Корпорация развития Северного Кавказа» создано Консультационное управление. Объем государственной гарантии РФ может составлять до 70 % суммы привлекаемого кредита (не менее 300 млн руб.)

Таким образом, с 2011 по 2018 годы сумма госгарантий по отобранным в СКФО инвестиционным проектам распределилась следующим образом: Чеченская республика – 29 %, Ингушетия – 22 %, Ставропольский край – 14 %, Кабардино-Балкария – 13 %, Дагестан – 12 %, РСО-Алания и Карачаево-Черкессия по 5 %.

Таблица 3. Госгарантии РФ по инвестиционным проектам, реализуемым в СКФО

Регион *	Кол-во одобренных проектов 2011–2018 гг.	Сумма госгарантий РФ, млн руб.
СК	6	3 498,85
КБР	7	2 948,99
КЧР	5	1 224,96
РД	2	2 795,00
РИ	4	5 356,50
РСО-А	2	1 354,20
ЧР	3	7 140,00
ИТОГО.	35	24 318,50

* СК – Ставропольский край, КБР – Кабардино-Балкарская республика; КЧР – Карачаево-Черкесская республика; РД – республика Дагестан, РИ – республика Ингушетия, РСО-А – РСО-Алания, ЧР – Чеченская республика.

Источник: составлено авторами по данным инвестиционного портала СКФО <http://investkavkaz.ru/>

В мировой практике создание технопарков признано одним из наиболее эффективных инструментов ГЧП. Однако в 2015 году на федеральном уровне была проанализирована эффективность создания системы технопарков в регионах РФ и установлено, что лишь единицы из действующих технопарков работают эффективно. В связи с этим на федеральном уровне принято решение о сокращении финансирования данной программы (Сильвестров, 2018, Сушко, 2017).

В настоящее время функции государственного регулирования и координации инвестиционной деятельности на территории РФ рассредоточены между многими институтами, каждый из которых реализует их в пределах своей предметной компетенции и направлений. Региональные институты развития выступают в качестве катализатора частных инвестиций в приоритетных секторах и отраслях региональной экономики и создают условия для формирования инфраструктуры, обеспечивающей доступ предприятиям к необходимым финансовым и информационным ресурсам.

Наиболее распространенные и формализованные структуры среди институтов регионального развития – фонды поддержки МСП. Данные фонды действуют с разной степенью эффективности во всех регионах России. По данным Минэкономразвития РФ, в 2018 году в рамках программы поддержки малого и среднего бизнеса было выделено 5,017 млрд руб., из которых 4,6 млрд руб. распределено между субъектами и 0,4 млрд руб. зафиксировано в качестве нераспределенного резерва, впоследствии переданного 5 регионам: Республикой Дагестан, Смоленской, Калужской, Липецкой и Ярославской областями. Основная сумма распределилась на конкурсной основе в виде субсидий бюджетам субъектов РФ при условии софинансирования расходов за счет средств соответствующих бюджетов и в соответствии с утвержденной им программой поддержки и развития МСП. До 2024 года планируется увеличить расходы на субсидирование кредитов МСП почти в десять раз – 66,6 млрд руб. в 2024 году. Общая сумма расходов на шестилетку на эти цели запланирована на уровне 190,9 млрд руб.

Наиболее заметными институтами развития на уровне федерального округа выступают Корпорация Развития Северного Кавказа (КСКР) и региональные корпорации развития. КСКР было создано в 2010 году как один из инструментов реализации I этапа Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года. Корпорация является 100 % дочерней компанией Государственной корпорации «Банк развития внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».

В 2011–2018 годах Корпорацией было проанализировано более 220 инвестиционных проектов общей стоимостью свыше 330 млрд руб. По состоянию на начало 2018 года КРСК осуществляет финансирование 7 инвестиционных проектов, из которых 2 инфраструктурных, 2 проекта в промышленном секторе, 2 проекта в сельском хозяйстве и 1 проект в сфере туризма. Общий объем проектов составляет 30 млрд рублей, доля участия КРСК – 6 708 млн рублей. В результате их реализации будет создано 2 284 рабочих места непосредственно в проектах и 6 150 рабочих мест в смежных отраслях. Ежегодные налоговые поступления составят 10805 млн рублей.

Уникальным институтом развития на федеральном уровне является ОАО «Курорты Северного Кавказа», созданным в октябре 2010 года для управления проектом туристического кластера в СКФО, Краснодарском крае и Республике Адыгея.

В рамках проекта туристического кластера планируется построить сеть горнолыжных курортов мирового класса. Общая площадь туристического кластера составляет 269 тыс. га. В проекте выделяются два этапа реализации: на первом, до 2020 года, приоритетное развитие получают наиболее подготовленные к строительству курортной инфраструктуры площадки – «Архыз», «Ведучи», «Эльбрус-Безенги». В 2014 году АО «КСК» разработала проект всесезонного туристско-рекреационного комплекса «Мамисон», развитие которого было отнесено ко второму этапу создания туристического кластера, после 2018 года. Несмотря на выполненные РСО-Алания условия (строительство инфраструктуры – израсходовано около 2 млрд руб.), проект был заморожен в связи с прекращением финансирования из федерального центра, а позже его реализация была отложена до 2023 года. Сложилась неоднозначная ситуация, при которой весьма значительная территория республики ока-

залась выключенной из экономического оборота, т. к. регион, на период существования ОЭЗ, не имел права распоряжаться обозначенными территориями, а АО «КСК» не намеревалось приступить к реализации проекта на территории региона ранее 2023 года. (Мусаев, 2019). Таким образом, одна из наиболее привлекательных для освоения рекреационных территорий России оказалась невостребованной. Учитывая потенциал Мамисонского ущелья, представленный не только горнолыжной составляющей с сезоном, длящимся до 8–10 месяцев, но и уникальными минеральными источниками, значительным историко-культурным потенциалом при грамотном подходе возможно создание востребованного многопрофильного курорта.

Таблица 4. Инвестиционные проекты, финансируемые КРСК

Наименование проекта	Субъект СКФО	Инициатор проекта	Стоимость проекта, млн руб.	Кол-во новых раб/мест	Ежегодные налог/поступ. млн руб.	Косвенные рабочие места
Строительство горного курорта «АРХЫЗ»	КЧР	Группа Синара	5 970	800	106	1 600
Создание строительного технопарка «Казбек»	ЧР	ООО ПКФ «Казбек»	4 673	398	700	2 000
Многофункциональный комплекс в Кавказских Минеральных Водах	СК	ОАО «КРСК»	4 637	90	240	450
Северо Кавказский горный клуб	КБР	ОАО «КРСК»	210	36	20,00	200
Развитие интенсивного растениеводства (IrriCo)	СК	ВТБ Капитал,	10 416	650	280	1 300
Национальный Аэрозольный Кластер	СК	ОАО «Арнест»	470	210	114	400
Развитие интенсивного растениеводства и переработки сои (Avangard)	СК	AVG Capital Partners	3 980	100	345	200
Итого			30 356	2 755	2 531,00	5 700

Источник: составлено авторами по данным инвестиционного портала СКФО <http://investkavkaz.ru/>; Корпорации развития Северного Кавказа <http://krskfo.ru/>

Российская и мировая практика показывает, что подавляющее большинство инфраструктурных проектов не может быть реализовано без дополнительной поддержки со стороны органов государственной власти в силу следующих причин:

1. Наличие трудно предсказуемых политических рисков.
2. Социальная ориентированность государства, выражающаяся в том, что основные инфраструктурные услуги должны предоставляться населению либо бесплатно, либо ниже фактической себестоимости.
3. Отсутствие в ряде случаев у частного бизнеса обеспечения, необходимого для получения заёмного финансирования на начальном этапе реализации проекта.
4. Неполное соответствие финансового состояния частного предпринимательства требованиям, предъявляемым финансирующими организациями для получения заёмного финансирования.

В связи с наличием указанных причин решение об объемах государственной поддержки должно основываться на оценке самим государством экономической и социальной значимости проекта с учетом альтернативных вариантов его реализации (Квинт, 2019). На сегодняшний день рано говорить о том, насколько успешен опыт использования механизмов поддержки инвестиционной деятельности в российских регионах. Поиск оптимальных форм и методов государственного воздействия на активизацию инвестиционной деятельности в регионах страны еще продолжается.

Выводы

Проведенная работа позволила произвести распределение СКФО по степени вовлеченности в инвестиционное развитие федерального округа. Два региона (Ставропольский край и Дагестан) показали наибольшее в федеральном округе количество форм поддержки инвесторов, как следствие именно Ставропольский край стал лидером по количеству проектов, одобренных и финансируемых Корпорацией Развития Северного Кавказа. Результаты анализа действующих инструментов привлечения инвестиций в регионы СКФО могут быть применены органами региональных властей для рационализации действий по привлечению и использованию инвестиционных ресурсов, что будет способствовать совершенствованию качества регионального управления и улучшению социально-экономического положения регионов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90081.

Список литературы

1. Polyakova I, Vasilyeva E. (2016). Benefits of Public-and-private Partnership for the Creation of the Infrastructure of the Urbanized Territories in Russia. *Procedia Engineering* 165, 1380 – 1387.
2. Гагарина Г.Ю., Дзюба Е.И., Губарев Р.В., Файзуллин Ф.С. (2017). Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов. *Экономика региона*, 13 (4), 1080-1094.
3. Герасименко О.А., Авилова Ж.Н. (2017). Государственно-частное партнерство: проблемы и перспективы развития. Белгород. Изд-во БГТУ.
4. Кабанов В.Н., Жильников А.Ю., Заблочкин Т.Ю. (2018). Финансовые гарантии регионального бюджета – потенциал для роста инвестиций в основной капитал. *Экономика региона*, 14 (1), 315-325.
5. Квинт В.Л. (2019). *Концепция стратегирования*. Санкт-Петербург. Издательство: СЗИУ РАНХиГС
6. Мусаев Р.А., Урумова И.О. (2019). Оценка эффективности реализации инвестиционных стратегий в регионах СКФО. *Региональная экономика: теория и практика*, 9 (468), 1657-1667
7. Орешин В.П. Потенциал планирования экономики. (2016). *Вопросы Политической Экономики*, 1. 78-91
8. Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В., (2018). Оценка зависимости мультипликатора инвестиций от изменения структуры экономики региона. *Экономика региона*, 14 (4), 1463-1476.
9. Сушко Т.И., Таланова И.М. (2017). Обеспечение эффективного управления инвестициями в долгосрочные нефинансовые активы. *Техника и технология пищевых производств*, 47 (4), 136-144.

ЭКСПОРТ–ИМПОРТ БУМАГИ И БУМАЖНОЙ ПРОДУКЦИИ ВЬЕТНАМА В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2019 ГОДА И ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА

Нгуен Хоанг Нгуен (a, b), Карпусь Николай Петрович (b)

(a) Университет “Тан Чао”, Вьетнам

(b) Российский университет дружбы народов

Аннотация

За первое полугодие 2019 года в бумажной отрасли Вьетнама по сравнению с тем же периодом 2018 г. несколько снизился экспортный оборот бумаги и бумажной продукции. Производящие бумагу предприятия работают стабильно, но испытывают трудности в связи с колебаниями цен и конкуренцией со стороны стран региона; незначительный рост цен на сырье и используемые в отрасли химические вещества привел в I квартале 2019 г. к росту цен на бумагу. Поэтому в ближайшее время для стабильного развития бумажной отрасли Вьетнама необходимо принятие новой нормативно-правовой базы для реализации возможностей в рамках отрасли.

Ключевые слова: бумажная отрасль Вьетнама, экспорт, импорт, отраслевой рынок, развитие.

Ситуация с экспортом бумаги и бумажной продукции в первом полугодии 2019 года

По данным генерального отдела управления таможен Вьетнама экспортный оборот бумаги и бумажной продукции Вьетнама в июне 2019 г. выглядит неприглядным и показывает снижение на 5,6 % по сравнению с маем того же года. По общим подсчетам с начала года и до конца июня 2019 г. оборот экспорта указанной товарной группы составил лишь 506,04 млн долларов США, что на 0,2 % меньше, чем за тот же период 2018 г.

Вьетнам экспортирует бумагу и бумажную продукцию, в основном, в страны Юго-Восточной Азии, доля экспорта на этот рынок составляет 30,1 %, а в страны ЕС лишь 1,14 %.

В топ-листе 10 ключевых рынков экспорта бумаги и бумажной продукции наибольший удельный вес занимает рынок США с 19,87 %, что составляет 100,59 млн долларов США и это на 56,18 % больше, чем за тот же период предыдущего года. Только в июне 2019 г. на этот рынок было поставлено бумаги и бумажной продукции на сумму 15,94 млн долларов США, что на 40,51 % меньше, чем в мае 2019 г., но на 88,08 % больше, чем в июне 2018 г.

Континентальный Китай с его расположением и географической близостью к Вьетнаму идет следом за США с 78,68 млн американских долларов, но одномоментно темпы экспорта на этот рынок снизились на 39,71 %. Если посчитать только июнь 2019 г., экспорт на континентальный Китай составил 8,89 млн долларов США, что на 57,38 % меньше, чем в мае 2019 г., и на 78,6 % меньше по сравнению с июнем 2018 г. (рис. 1).

Далее следуют рынки Тайваня (КНР), Камбоджи, оборот на которых составил соответственно 49,02 млн долларов США и 45,16 американских долларов, что показывает соответственно рост на 8,58 % и на 46,35 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. (Статистические данные Главного таможенного управления об импорте-экспорте бумажной отрасли за первое полугодие 2019 г.).

В общем, в первом полугодии текущего года происходит рост темпов экспорта на рынок бумаги и бумажной продукции, доля которого составляет 52,94 %; особенно сильно растет экспорт на рынки Великобритании и Германии, при этом экспорт в Великобританию увеличился более чем в 3,7 раза (соответственно на

272,78 %), составив всего 3,32 млн долларов США; в июне 2019 г. оборот экспорта в Великобританию снизился на 24 % по сравнению с маем 2019 г. и увеличился в 2,7 раза (соответственно на 168,79 %) по сравнению с июнем 2018 г., составив по стоимости 548,1 млн американских долларов; экспорт в Германию увеличился в 3,1 раза (соответственно на 210,04 %) и составил 2,43 млн долларов США. В июне 2019 г. экспорт в Германию составил 420,9 американских долларов, что на 16,3 % меньше, чем в мае 2019 г., но в 2,7 раза больше (соответственно на 172,21 %), чем в июне 2018 г. (табл. 1).

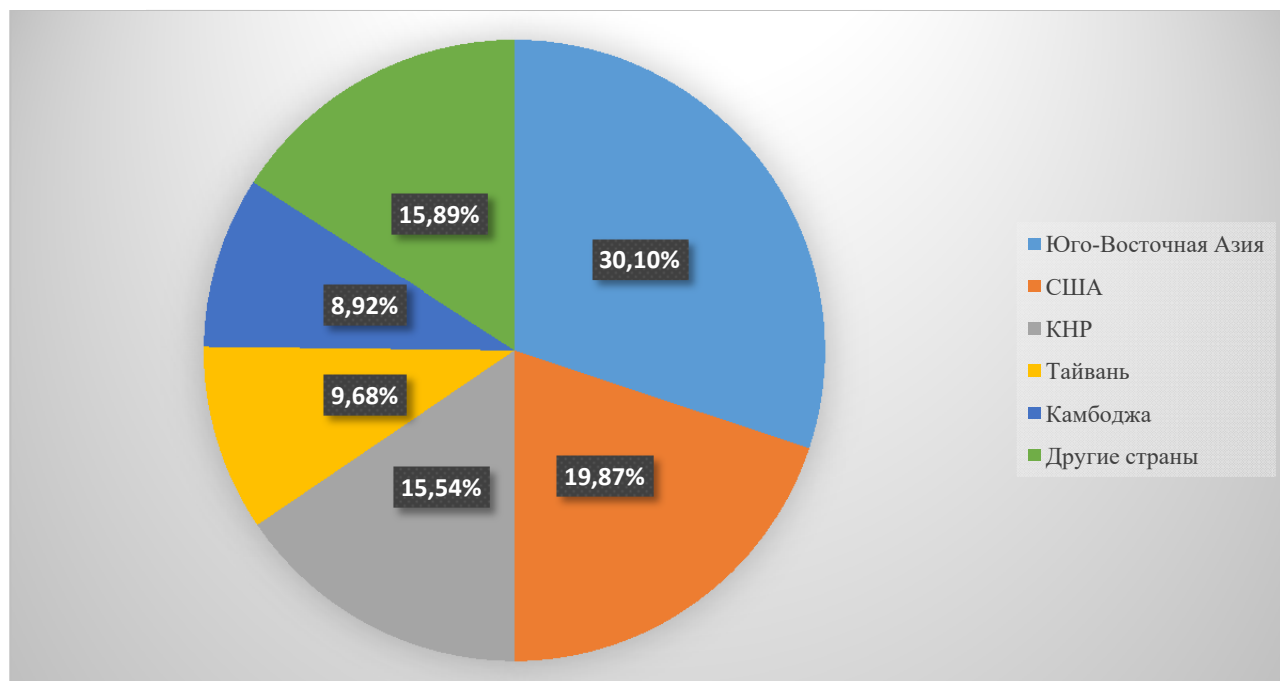

Рис. 1. Структура рынка экспорта за первое полугодие 2019 года
(по данным Главного таможенного управления)

Явление обратного порядка: Филиппины резко снизили импорт бумаги и бумажной продукции из Вьетнама, что составило 52,93 %, соответственно 7,13 млн долларов США; лишь в июне 2019 г. Филиппины увеличили импорт из Вьетнама на 20,44 % по сравнению с маем 2019 г., что составило 1,48 млн американских долларов, но это было на 8,43 % меньше, чем в июне 2018 г. (Статистические данные Главного таможенного управления об импорте-экспорте бумажной отрасли за первое полугодие 2019 г).

Таблица 1. Рынок экспорта бумаги и бумажных изделий в 1-м полугодии 2019 года

Рынок	Июнь 2019 (\$ США)	+/- по сравн. с маем 2019 (%)*	6 месяцев 2019 (\$ США)	+/- по сравн. с тем же пери- одом 2018 (%)*
США	15.945.609	– 40,51	100.596.808	56,18
Китай	8.895.914	– 57,38	79.684.733	– 39,71
Тайвань	8.387.762	– 5,56	49.027.746	8,58
Камбоджа	8.405.250	3,4	45.168.058	46,35
Япония	5.853.656	– 6,08	34.818.798	– 16,97
Индонезия	6.131.768	68,39	31.343.503	52,47
Таиланд	3.728.226	– 4,05	25.136.818	61,35
Малайзия	4.194.079	25,07	21.354.041	– 12,18
Сингапур	2.289.097	– 48,41	19.612.664	1,81
Австралия	3.398.780	2,06	18.245.997	29,96
Южная Корея	2.235.897	26,89	11.676.440	10,4
Филиппины	1.483.113	20,44	7.137.526	– 52,93
Гонконг (Китай)	840.853	– 31,17	5.409.798	43,21
Великобритания	548.187	– 24	3.324.066	272,78
Лаос	540.602	– 22,59	2.679.609	26,28
Германия	420.934	– 16,3	2.451.922	202,81
ОАЭ	138.254	– 68,9	2.019.500	– 2,97

(по данным Главного таможенного управления)

В связи с тем, что правительство Индонезии дало послабления в новой политике импорта переработанной бумаги, планируемой к осуществлению с 01 июня 2019 г., это стало благоприятной информацией для предприятий бумажной отрасли Вьетнама, осуществляющей экспорт на этот рынок. Ведь Индонезия занимает 6 место по обороту экспорта бумаги и бумажной продукции Вьетнама в первом полугодии 2019 г., удельный вес которого составляет 6,1 %.

Ранее правительство Индонезии приняло решение о проведении контроля при поставке грузов, вскрытия как минимум двух упаковок каждого контейнера для проверки состояния переработанной бумаги, чтобы гарантировать, что импортируемая переработанная бумага является чистой, сухой и однородной.

Принятое решение тут же повлияло на производителей, импортирующих переработанную бумагу, в стране снизилась потребность в этом виде товара, а поставщики прекратили продажу Индонезии переработанной бумаги.

Но по-видимому правительство Индонезии пошло на попятную в установлении предложенных ранее ограничений на загрязняющие примеси в размере 0,5 % для импортируемой переработанной бумаги. Вместо этого оно анонсировало движение в направлении применения американских стандартов ISRI (Institute of Scraping Recycling Industries) 2018 г. – Guidelines for Paper Stock: PS-2018. При этом американские PS-2018 позволяют во всех случаях ограничивать наличие загрязняющих веществ свыше 0,5 % (1–2 % для запрещенных примесей (prohibitive materials) и 3–4 % в отношении иных разрешенных примесей (Outthrows)). Индонезийские власти дали также разъяснения термину «однородность – homogenous» для сопоставления этих стандартов с Ассоциацией бумаги Вьетнама FastMarkets RISI/6.2019. (Экономический вестник бумажной отрасли) № 22 – 13.06.2019 г. Изд-во «Целлюлозно-бумажная ассоциация Вьетнама»)

Это касается не только индонезийского рынка. Для экспорта вьетнамской бумаги на рынок Китая появилось много возможностей, когда правительство КНР обнародовало 8-ю акцию выдачи разрешений на импорт переработанной бумаги в 2019 г. в объеме 5.940 тонн. В этот раз китайское правительство выдало такое разрешение лишь для двух небольших компаний. Аналогично с 5 – 7 акциями выдачи разрешений объем импорта по новым разрешениям снизился примерно на 37,5 % по сравнению с предполагаемыми квотами на начало 2019 г. Лайчжоужской компании «Laizhou Rutong Specialty Paper» было разрешено получить 5.250 тонн, а компании в Гуандун «Guangdong Tonli Customization» разрешили импортировать 690 тонн. Общий разрешенный объем после 8 акций 2019 г. составил 8.238.995 тонн. Если сравнить с аналогичным периодом 2018 г., то тогда правительство Китая провело всего 13 акций по выдаче разрешений, общий объем которых составил 10.844.135 тонн. В 2018 г. Китай выдал разрешение на импорт общим объемом 18,2 млн тонн переработанной бумаги. По прогнозам в 2019 г. общая квота на импорт Китаем переработанной бумаги уменьшится и составит 11–12 млн тонн.

Ситуация с импортом бумаги и бумажной продукции в первом полугодии 2019 года

После роста в мае 2019 г. импорт бумаги в июне 2019 г. снизился, а именно уменьшился на 13,1 % по объемам и на 13,3 % по стоимости, что соответствует 152,6 тыс. тонн и стоимости в 140,93 млн долларов США.

По общим подсчетам с начала года и до конца июня 2019 г. импорт бумаги составил 914,7 тыс. тонн стоимостью 853,1 млн американских долларов, что на 6,5 % меньше по объему и на 6,3 % по стоимости по сравнению с тем же периодом 2018 г. (рис. 2).

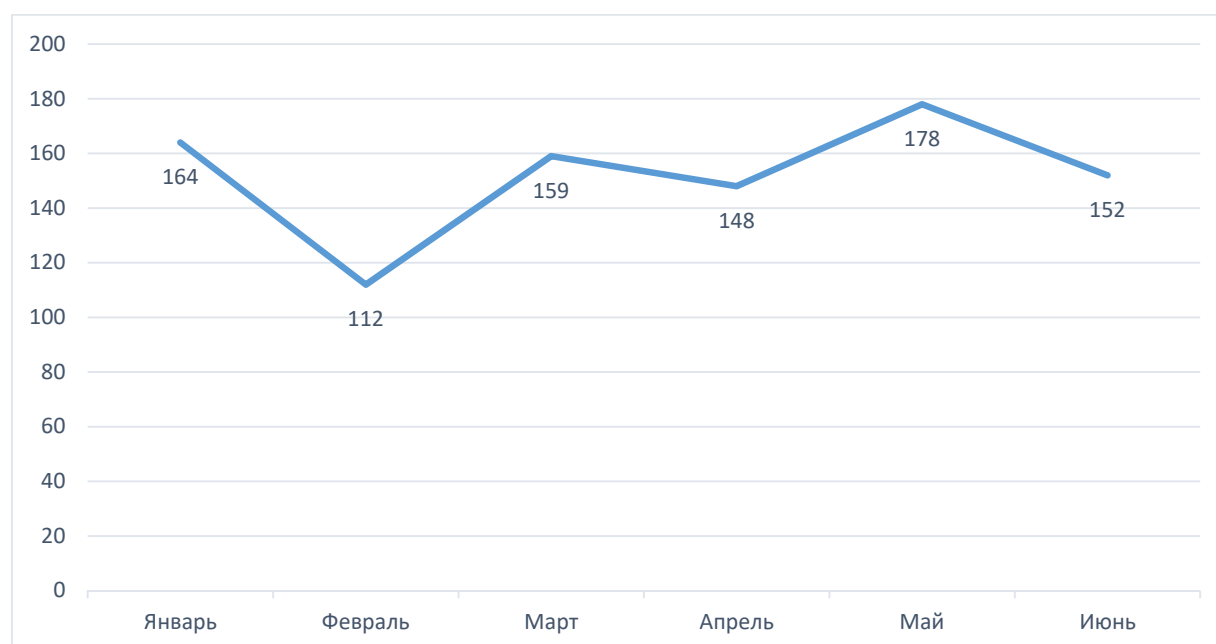

Рис. 2. Импорт бумаги с января 2019 г. и до конца июня 2019 г. (тыс. тонн) (по данным Главного таможенного управления)

Начиная с начала года и по настоящее время стоимость импортируемой бумаги проявила тенденцию к снижению. Если в феврале 2019 г. был большой рост, то в марте и апреле пошло значительное снижение, в мае 2019 г. вновь началось повышение, но оно не носило устойчивого характера и в июне 2019 г. стоимость стала падать.

В июне 2019 г. цена на импорт бумаги составила 923,49 долларов США за тонну, что на 0,19 % меньше, чем в мае 2019 г. и ниже на 1,26 % по сравнению с началом 2019 г. («Экономический вестник бумажной отрасли» № 19 – 22.05.2019 г. Изд-во «Целлюлозно-бумажная ассоциация Вьетнама»)

В среднем в течение первого полугодия 2019 г. цена импортируемой бумаги составила 932,61 долларов США за тонну, что на 0,04 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. (рис. 3).

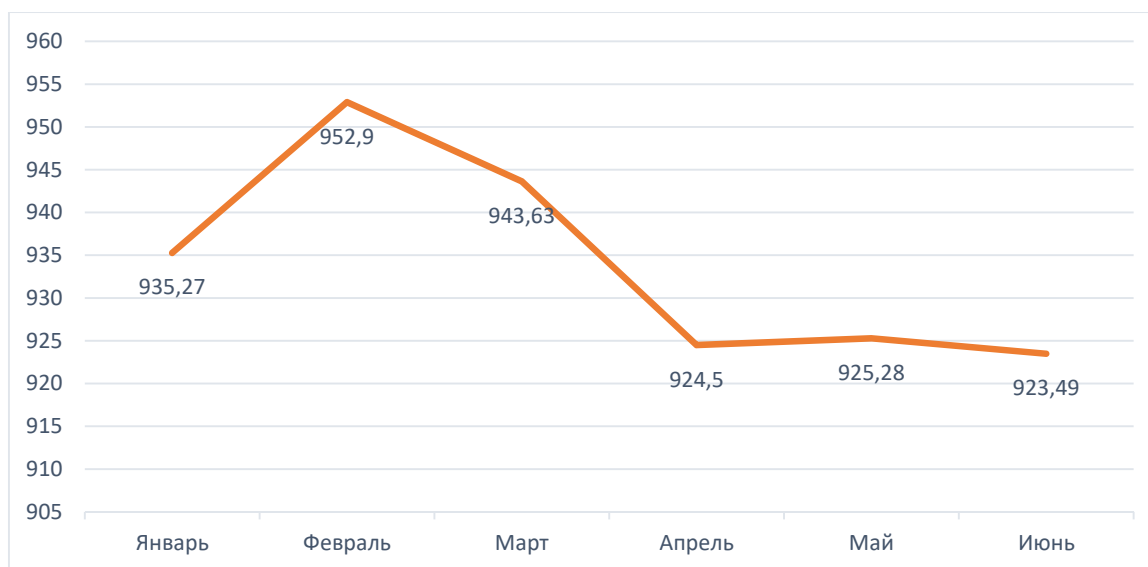

Рис. 3. Цены на импорт бумаги с января 2019 г. и до конца июня 2019 г. (долларов США за тонну) (по данным Главного таможенного управления)

Вьетнам импортирует бумагу, в основном, из стран Юго-Восточной Азии, что составляет 27,4 % общего объема бумажного импорта. Однако по сравнению с аналогичным периодом темпы импорта из стран ЮВА снизились как по объемам, так и по стоимости, соответственно на 16,9 и 17,39 %, т. е. на 251,38 тыс. тонн и на 270,22 млн долларов США; средняя цена импорта составила 1074,95 долларов США за тонну со снижением на 0,59 % по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.

Континентальный Китай с его расположением и географической близостью к Вьетнаму является крупным рынком поставки бумаги во Вьетнам, занимает 21,62 % доли рынка, что составляет 197,8 тыс. тонн стоимостью 172,40 млн долларов США с ростом на 6,08 % по объемам и на 4,41 % по стоимости по сравнению с тем же периодом 2018 г.; средняя цена импорта составляет 871,5 долларов США за тонну, что означает снижение на 1,57 %. Только в июне 2019 г. Вьетнам импортировал из Китая 34,19 тыс. тонн бумаги различного типа стоимостью 31,09 млн долларов США, что на 20,87 % меньше по объемам и на 14,01 % ниже по стоимости; средняя цена импорта составила 909,52 доллара США за тонну, что на 8,67 % выше, чем в мае 2019 г.

На втором месте после рынка континентального Китая находится Южная Корея с 197,83 тыс. тонн стоимостью 172,40 млн долларов США, с ростом по объему в размере 6,08 % и по стоимости в размере 4,41 %; при этом средняя цена импорта составляет 871,5 долларов США за тонну, что на 1,57 % меньше, чем в первом полугодии 2018 г. А именно, в июне 2019 г. импорт из Южной Кореи упал как по объемам, так и по стоимости, соответственно на 19,2 % и на 9,44 %; средняя стоимость импорта составила 931,98 долларов США за тонну, что на 12,08 % выше чем в мае 2019 г. (Статистические данные Главного таможенного управления об импорте-экспорте бумажной отрасли за 8 месяцев 2019 г.).

Далее следуют рынки Японии, Индонезии, Тайваня (Китай), Таиланда.

Заслуживает внимания тот факт, что в первом полугодии 2019 г. Вьетнам значительно увеличил импорт бумаги с рынка Австрии и хотя объем составляет лишь 0,85 тыс. тонн, а стоимость 0,45 млн долларов США, но по сравнению с аналогичным периодом увеличение составляет более 6,9 раза (что соответствует 592,68 %) по объемам и 2,6 раза (что соответствует 159,84 %) по стоимости по сравнению с тем же периодом 2018 г.; средняя стоимость импорта составляет 538,4 долларов США за тонну, что меньше на 62,49 %. Только за июнь 2019 г. было импортировано 116 тонн стоимостью 55,2 тыс. долларов США, что в 2,5 раза больше по объемам (что соответствует 146,81 %) и больше на 29,23 % по стоимости по сравнению с маем 2019 г.; средняя цена импорта составила 476,59 долларов США за тонну, что меньше на 47,64 %.

Наряду с этим Вьетнам резко увеличил импорт бумаги из Швеции, объем которого составил 6,5 тыс. тонн стоимостью 6,47 млн долларов США, что в 3,2 раза больше по объемам (что соответствует 203,5 %) и в 2,6 раза (что соответствует 155,78 %) по стоимости по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.

Явление обратного порядка: Вьетнам значительно снизил импорт бумаги с рынка Франции, который составил лишь 46 тонн стоимостью 90,8 тыс. долларов США, что на 23,33 % меньше по объемам и на 1,77 % ниже по стоимости по сравнению с первым полугодием 2018 г.; только в июне 2019 г. с французского рынка было импортировано 15 тонн стоимостью 35,40 тыс. долларов США с уменьшением по объемам на 16,67 % при росте стоимости на 32,11 % по сравнению с маем 2019 г. («Экономический вестник бумажной отрасли» № 22 – 13.06.2019 г. Изд-во «Целлюлозно-бумажная ассоциация Вьетнама»)

Таблица 2. Рынок поставки бумаги за первое полугодие 2019 года

Рынок	1-е полугодие 2019 г.		+/- по сравнению с тем же периодом 2018 г. (%)*	
	Объем (тонн)	Стоимость (\$ США)	Объем	Стоимость
Китай	197.830	172.408.148	6,08	4,41
Южная Корея	147.688	138.634.268	-5,74	-2,42
Япония	129.738	106.457.695	-14,59	-7,85
Индонезия	117.513	96.489.805	-16,75	-21,16
Тайвань	95.189	59.648.922	-5,4	-7,01
Таиланд	87.542	78.960.122	-19,03	-17,11
Малайзия	24.440	26.071.001	-21,13	-8,45
Индия	20.974	20.956.900	16,14	-6,34
Сингапур	19.073	66.616.165	2,5	-15,45
Финляндия	11.421	12.402.814	-10,35	-9,76
США	11.294	12.391.093	22,59	31,27
Россия	10.776	9.719.321	4,18	-9,28
Швеция	6.507	6.475.899	203,5	155,78
Германия	4.984	9.170.799	85,83	57,05
Италия	4.718	5.742.950	77,24	18,91
Филиппины	2.818	2.089.695	-22,56	-4,72
Австрия	852	458.713	592,68	159,84
Франция	46	90.861	-23,33	-1,77

(по данным Главного таможенного управления)

Зависимость от сырьевого импорта

Хотя производственная деятельность отличалась устойчивостью предприятия отрасли столкнулись со значительными трудностями в связи с колебаниями цен и конкуренцией. На мировом рынке в I квартале цены на бумагу всех видов выросли и незначительное повышение продолжается в связи с ростом по отрасли производственных расходов на сырьё, начиная с бумажной массы, исходных материалов и химических веществ.

Отраслевые предприятия также поставили в известность, что начиная с конца 2017 г. и по настоящее время их китайские конкуренты активно закупают сырьевые материалы и готовую бумажную продукцию. Это связано с тем, что в Китае деятельность по производству бумаги сокращается в направлении выбора проектов, обеспечивающих фактор охраны окружающей среды.

Подобная тенденция способствует тому, что поставщики бумажной отрасли оказываются в напряженной ситуации. Поэтому предприятия прогнозируют на будущее продолжение роста цен на сырьё и бумажный импорт.

На вьетнамском рынке основное производство начинается сезонно для удовлетворения потребностей нового учебного года и хозяйственно-производственной деятельности в последние месяцы года.

Кроме того, растет потребность в использовании бумажной упаковки для производственной деятельности развивающихся отраслей, что создает для картонно-бумажной отрасли возможности для преуспевания.

По оценкам Ассоциации упаковки Вьетнама производство упаковки в стране значительно выросло за последние 10 лет, поэтому существует большая потребность в сырье.

В 2017 г. Вьетнам импортировал бумагу и бумажные изделия всех типов на сумму около 2,5 млрд долларов США, при этом импорт из Китая составил свыше 600 млн американских долларов. Закупка китайскими предприятиями сырья и бумаги способствует взрывному росту экспортного оборота отрасли. (Показатели бумажной отрасли Вьетнама за 2018 г., стр. 6, журнал «Бумажная промышленность. № 1, январь 2019 г.)

Предложения по устойчивому развитию

Развитие сырьевых зон становится насущной необходимостью. Согласно пояснениям предприятий бумажной отрасли ситуация с ростом импорта связана с тем, что предприятия недостаточно активно используют источники необработанного сырья для производства готовой бумажной продукции. А причина состоит в том, что в отрасли не хватает конвейеров для производства бумажной массы из древесины.

В настоящее время в основном экспортируют необработанную сырьевую древесину в другие страны, чтобы потом импортировать продуктивную бумажную массу в качестве сырья для производства бумажной продукции. Следует добавить, что источники необработанной сырьевой древесины пополняются новыми лесопосадками, но их не так много из-за конкуренции со стороны деревообрабатывающей отрасли.

Сейчас инвестирование предприятий по производству бумаги является результатом их собственных усилий в процессе развития отечественного сегмента рынка бумаги, в оказании помощи при конкурировании с иностранными предприятиями на отечественном рынке.

Однако, в зависимости от финансовых возможностей каждое предприятие имеет свой план темпов его осуществления. Подтверждением этого является корпорация «Танмай». В 2018 и 2019 г. она инициировала дополнительное инвестирование предприятия по производству бумажной упаковки мощностью 200.000 тонн в год в Лонгхань (провинция Донгнай) и завода по производству бумажной массы в Контум после отказа от проекта завода в Куангнгай в связи со сложностями с площадкой для размещения.

Для устойчивого развития помимо инвестиций в оборудование предприятия определяют стратегию инвестирования зон бумажного сырья с планами разработки, рассчитанными на 20–25 лет в зависимости от типа лесов. В соответствии с этим предприятие сконцентрировалось на формировании земельного фонда лесного хозяйства и обширных сырьевых зон во всех провинциях и городах южной части страны.

Например, бумажная корпорация «Танмай» распоряжается лесными и земельными угодьями в Даклак, Дакнонг, Ламдонг, Донгнамбо, Куангнгай и Контум общей площадью в 31.105 га. Корпорация занимается и новыми лесопосадками, так в 2017 г. они осуществлялись на территории 542,36 га, а на 2018 г. планировалось дополнительно освоить 1.187 га.

Заключение

У бумажной промышленности есть много возможностей и перспектив для развития и расширения рынка. Это эффект соглашений о зоне свободной торговли, таких как Соглашение о «Всеобъемлющем и прогрессивном транстихоокеанском партнерстве» (СРТПР), Соглашение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом (EVFTA) 2018 г. Евросоюз рассматривался как благоприятный рынок для потребительской продукции вообще, поэтому это была большая возможность для предприятий расширить рынок, увеличить производство.

И хотя предприятия опираются на собственные силы, но для развития зон древесного сырья и развития производства требуется нормативно-правовая база и содействие в вопросах проведения лесопосадок и технологического развития производства, обеспечивающего предоставление продукции высокого качества и охрану окружающей среды.

Наряду с этим, лишь при наличии взаимодействия между населением и предприятиями, а также между предприятиями отрасли можно надеяться на быстрое развитие на местах сырьевых зон, отвечающих потребностям производства высококачественной продукции

Список литературы

1. Статистические данные Главного таможенного управления об импорте-экспорте бумажной отрасли за первое полугодие 2019 г. [https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/ViewDetails.aspx?ID=1673&Category=Ph %C3 %A2n %20t %C3 %ADch %20 %C4 %91 %E1 %BB %8Bnh %20k %E1 %BB %B3&Group=Ph %C3 %A2n %20t %C3 %ADch](https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/ViewDetails.aspx?ID=1673&Category=Ph%20%C3%A2n%20%C3%ADch%20%C4%91%E1%BB%8Bnh%20k%E1%BB%B3&Group=Ph%20%C3%A2n%20%C3%ADch)
2. Статистические данные Главного таможенного управления об импорте-экспорте бумажной отрасли за 8 месяцев 2019 г. [https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/ViewDetails.aspx?ID=1696&Category=Ph %C3 %A2n %20t %C3 %ADch %20 %C4 %91 %E1 %BB %8Bnh %20k %E1 %BB %B3&Group=Ph %C3 %A2n %20t %C3 %ADch](https://www.customs.gov.vn/Lists/ThongKeHaiQuan/ViewDetails.aspx?ID=1696&Category=Ph%20%C3%A2n%20%C3%ADch%20%C4%91%E1%BB%8Bnh%20k%E1%BB%B3&Group=Ph%20%C3%A2n%20t%C3%ADch)
3. Показатели бумажной отрасли Вьетнама за 2018 г., стр. 6, журнал «Бумажная промышленность. № 1, январь 2019 г. <http://rippi.com.vn/cong-nghiep-giay-so-1/2019-bid311.html>
4. «Экономический вестник бумажной отрасли» № 1 – 04.01.2019 г. Изд-во «Целлюлозно-бумажная ассоциация Вьетнама». <http://vppa.vn/ban-tin-kinh-te-nganh-giay-so-01-2019-vppa-news-no-01-2019/>
5. «Экономический вестник бумажной отрасли» № 19 – 22.05.2019 г. Изд-во «Целлюлозно-бумажная ассоциация Вьетнама» <http://vppa.vn/ban-tin-kinh-te-nganh-giay-so-19-2019-vppa-news-no-19-2019/>
6. «Экономический вестник бумажной отрасли» № 22 – 13.06.2019 г. Изд-во «Целлюлозно-бумажная ассоциация Вьетнама». <http://vppa.vn/7465-2/>

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Шагиева Розалина Васильевна (а) , Букалерова Людмила Александровна (b),
Косаренко Николай Николаевич (с), Остроушко Александр Владимирович (d)**

(a) The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, b. 1, 82, Pr. Vernadskogo tr., 19571, Moscow, Russia, rozalina.shagieva@mail.ru

(b) Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, l_a_buka@mail.ru, +7(495) 434-41-12

(c) Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Стремянный пер., 36, Москва, Россия, ankosarenko@yandex.ru

(d) Финансовый университет при Правительстве РФ, Ленинградский пр., 49, Москва, Россия, avostroushko@fa.ru, +7(499)277-39-21

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы – становления в современной России социального государства заключается в том, что следование принципам данной модели государства и воплощение их в жизнь играют важнейшую роль в успешной деятельности и эффективном функционировании всего нашего общества. Формирование социального государства в постсоветской России находится в самом начале теоретической и практической разработки. Научных исследований по данной проблематике еще недостаточно. При этом государству чрезвычайно важно заботиться о социальном обеспечении многонационального народа России, который является «носителем суверенитета и единственным источником власти» в соответствии со статьей 3 Конституции России. В статье на основе анализа факторов, влияющих на развитие социального государства в Российской Федерации, предпринята попытка выработать научно обоснованную и выверенную практикой терминологию в области теории социального государства и представлена желаемая модель его создания в России. Ведущим методом исследования современных проблем социального государства выступает метод анализа и сравнительно-правового исследования положений Конституции России и зарубежных стран, подтверждающие обязанность государства на социальное обеспечение населения и позволяющий затем синтезировать его выявленные признаки и функции, пригодные для отечественной модели социального государства. Авторы обосновали необходимость укрепления правовой основы социального государства в условиях трансформации общественной жизни. В статье делается вывод, что Российская Федерация как социальное государство находится в процессе постоянного поиска эффективного законодательства (в частности, говорится о необходимости разработки общегосударственного Социального кодекса) в целях повышения уровня жизни человека.

Ключевые слова: социальное государство, социальное право, Конституция Российской Федерации, достойная жизнь человека, социальная политика, социальная защита населения.

Введение

На каждом этапе развития человеческой цивилизации государство, а вместе с ним и соответствующая ему правовая система, непрерывно эволюционирует и видоизменяется в ходе исторического процесса его развития. Одновременно оно сталкивается с огромной массой проблем, имеющих для него весьма важное не только теоретическое, но и практическое значение в связи с культурной трансформацией современного общества в условиях глобализма.

В современном государстве все более значимыми становятся цели и задачи, направленные на решение социальных вопросов. Деятельность государственных органов по социальной защите составляет функциональное содержание социальной политики современного государства, приобретающего черты социальной государственной организации. В настоящее время в Российской Федерации государство несет на себе отпечаток переходного периода, характерными чертами которого являются противоречивость, межведомственная разобщенность, коррумпированность власти.

Тем не менее, в Российской Федерации государство берет на себя обязательства и ответственность по обеспечению социальной защиты населения, что предусматривает разработку и реализацию законов, программ социальной помощи, создание организационной структуры, подготовку кадров для работы в социальной сфере.

Актуальность становления в современной России социального государства заключается в том, что следование принципам данной модели государства и воплощение их в жизнь играют важнейшую роль в успешной деятельности и эффективном функционировании всего нашего общества. Формирование социального государства в условиях трансформации жизненно важных основ российского общества находится в самом начале теоретической и практической разработки. Научных исследований по данной проблематике еще недостаточно. При этом государству чрезвычайно важно заботиться о социальном обеспечении многонационального народа России, который является «носителем суверенитета и единственным источником власти» в соответствии со статьей 3 Конституции России.

Этот вопрос стоит на повестке дня еще и потому, что модель социального государства становится приоритетной для многих развитых стран, соответственно и для России сегодня важно установить статус государства как демократического правового социального государства.

Постановка проблемы

В настоящее время все развитые страны мира в большей или меньшей степени являются социальными государствами, которые берут на себя ответственность за состояние и развитие социальной сферы.

Однако до сих пор не решен вопрос о том, обладает ли понятие «социальное государство» относительной самостоятельностью или оно выражает конституционно закрепленную функциональную зависимость между сущностью, содержанием и формой государства. Правда, в вопросе, что является основой социального государства, исследователи единодушны: высокоразвитая экономика, сформированное гражданское общество, правовое государство и духовно-нравственный потенциал общества.

Разработка теории социального государства чрезвычайно важна, поскольку реализация социальной функции государства способна принести и приносит обществу столь же огромную пользу, сколь разрушительными могут быть как ее недооценка, так и необоснованное в конкретных исторических условиях гипертрофирование.

Бесспорно, требуется дальнейшее исследование категории «социальное государство», необходимо совершенствовать правовую базу, механизмы, практику функционирования по утверждению конституционных основ.

Исследуемый вопрос

Социальное государство – особый тип социального государства, политика которого направлена на обеспечение высокого уровня и качества жизни всех членов общества путем создания государственной системы образования, здравоохранения, жилищного строительства, реализации программы социального обеспечения, регулирования минимального размера заработной платы, а также защиты национальной культуры.

Цель социального государства – создание условий для самореализации личности, исключая при этом факты, питающие социальное иждивенчество. Современное социальное государство призвано контролировать саморегулирование экономики и распределение доходов между всеми категориями граждан (Rödl, 2019).

Исследователи сходятся во мнении, что идея социальной государственности сформировалась в конце XIX – начале XX в. как результат социально-экономических процессов, происходящих в обществе. В середине XIX в. во многих стран прошла мощная волна революций и кризисов. Установки индивидуальной свободы и невмешательства государства в экономику перестали действовать, что грозило крахом существующим политическим режимам. В такой политической ситуации, когда налицо была опасность социального взрыва, правящей элите не оставалось другого выбора, как пойти на уступки и провозгласить новую миссию государства.

Государства, которые можно охарактеризовать как социальные, приобрели подобные признаки только в 60-х годах XX в. Но сама идея создания социального государства имеет долгую и непростую историю.

Термин «социальное государство» впервые был введен в науку в 1850 г. немецким философом Лоренцем фон Штейном. Социальное государство, по мнению Штейна, должно сознательно служить интересам народа. Уничтожить классы не представляется возможным; власть выражает интересы господствующего класса – класса имущих; класс же неимущих представляет потенциальную опасность для государства. Важнейшей задачей государства является "поднятие" низших классов.

По его мнению, государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве». Сущность социального государства Штейн определил так: оно «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого и именно в этом смысле следует понимать социальное государство» » (Stein, 1921). Проблему предлагалось решить при помощи социальной мобильности как средства преодоления классовых различий и комплекса мер социального характера.

Нельзя не упомянуть труды других немецких ученых XIX в.: А. Вагнера (идея «государства культуры и всеобщего благоденствия»), Ф. Науманна, Ю. Оффнера. Характерная особенность трактовки социальной государственности у немецких ученых заключается в их взгляде на нее сквозь призму увязывания деятельности государства по социальной защите граждан и рыночной экономики (Милецкий, 2010).

Значительный вклад в развитие теории и практики социального государства внес «Новый курс» Франклина Рузвельта. В США благодаря обширной, продуманной и эффективной программе реформ, включающей в себя огромный блок мер социального характера: борьбу с безработицей, законодательное закрепление права рабочих на коллективный договор и организацию профсоюзов, установление максимальной продолжительности рабочей недели, введение системы государственного социального страхования по старости и безработице и др. (Косаренко, 2019).

Целью любого государства является сохранение социально-политической стабильности. Ради этого оно идет на уступки обществу и, как результат, становится социальным. "Государство также заинтересовано трансформироваться в социальное, как оно заинтересовано в своем самосохранении", – утверждает Л.Н. Кочеткова (Кочеткова, 2008).

Становление социального государства, бесспорно, – это процесс не только политический и экономический, но также нравственный. Основными признаками и условиями существования социального государства являются:

- демократия при организации государственной власти.
- высокий уровень нравственности каждого члена общества, а так же, должностных лиц государства.
- мощный экономический механизм, осуществляющий меры по распределению доходов, не затрагивания положения собственников.
- наличие гражданского общества, инструментом которого является государство, для проведения социальной политики.
- направленность политики государства на социальные аспекты, проявляющиеся в разработке различных социальных программ и их реализации.

Обычно государства, достигшие наиболее высокого уровня жизни и наиболее развитой экономики, могут носить статус социального государства, так как такой тип характеризуется огромным количеством обязанностей и гарантий гражданам, больших расходов государственного бюджета, и он будет не по силам неразвитым странам мира. Тем не менее, на данный момент, существует немало социальных государств. Например, Швеция, Нидерланды, Германия, Канада, Финляндия, Великобритания, Италия и другие (Косаренко, 2019).

Известно, что в Скандинавских странах социальная политика наиболее развита и довольно часто ее считают идеалом, в сравнении с другими странами. В этом можно убедиться, если обратиться к таблице, показывающей наиболее активную социальную политику.

Известно, что в Скандинавских странах социальная политика наиболее развита и довольно часто ее считают идеалом, в сравнении с другими странами. В этом можно убедиться, если обратиться к таблице, показывающей наиболее активную социальную политику.

Таблица 1. Социальная политика государств

Страна	Социальные затраты на престарелых (% от ВВП)	Общий процент снижения бедности
США	2.3	26.4
Нидерланды	9.6	65.2
Швеция	11.6	77.4
Германия	7.3	70.5
Канада	5.8	46.0
Финляндия	10.9	69.7
Великобритания	7.1	60.1
Бельгия	9.3	76.9

Этому типу государства присущи особые, специфические функции, которые заслуживают быть отображенными в тексте конституции.

Первой провозгласила себя социальным государством Федеративная Республика Германия, указав в ч. 1 ст. 20 Основного Закона: "Конституционное устройство в землях должно соответствовать принципам республиканского, демократического и социального правового государства...". Так или иначе данное положение законодательно отражено в Конституциях Португалии, Греции, Турции, Дании, Швеции, Нидерландов и других стран.

Сегодня социальное государство олицетворяет, прежде всего, обязанность государственного служащего выполнять активную социальную политику, чтобы обеспечить достойные условия при условии равенства для всех форм собственности на средства производства. Оно гарантирует бороться с социальными конфликтами, учитывать интересы разных слоев населения. Его задача – при помощи социальной политики сделать жизнь граждан безопаснее и справедливее. (Laruffa, 2018).

Цель работы

Сформировать новые представления о социальном государстве как о механизме, который снимает противоречия между законами рыночной экономики и социальными целями трансформируемого общества XXI века. С одной стороны, желаемая модель социального государства опирается на либеральные идеи, применение которых весьма ограничивается, а с другой – повышается социальная роль государства и все больше обществом выдвигаются требования о повышении эффективности государственной социальной политики.

Поэтому вырабатываемые авторами научные представления призваны констатировать факт, что не только политическим и экономическим, но и нравственным процессом является становление социального государства. Оно требует "человеческого" измерения.

Методы исследования

Ведущим методом исследования современных проблем социального государства выступает метод анализа и сравнительно-правового исследования положений Конституции России и зарубежных стран, подтвержда-

ющие обязанность государства на социальное обеспечение населения и позволяющий затем синтезировать его выявленные признаки и функции, пригодные для отечественной модели социального государства. Это обусловлено тем, что четкого понимания того, что собственно должно представлять социальное государство, пока не существует. Новые социально-политические решения по трансформации общественной жизни в условиях глобализации, как правило, порождают новую совокупность терминов, одни из которых благополучно становятся частью языка, другие остаются в лексиконе узкого числа специалистов. Терминология в области теории социального государства только начинает выкристаллизовываться и одной из целей настоящей работы является анализ ряда возникших понятий на предмет их применимости в юридических конструкциях.

Результаты

Существует несколько подходов ученых-юристов к понятию социального государства.

Профессор О.В. Кутафин видит главную цель социального государства – это достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ, исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование (Кутафин, 2008).

Некоторые исследователи считают, что социальное государство, наряду с выполнением основных функций классического государства (оборона, юстиция, правопорядок, административное управление) должно еще осуществлять свою политику с учетом интересов всех без исключения, социальных слоев и групп, составляющих современное общество, обеспечивать стабильность в стране и социальную защиту граждан в условиях рыночной экономики.

Так, к примеру, В.А. Затонский считает, что социальное государство – это демократическое правовое государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности, признающее социально ориентированную политику важнейшим направлением своей практической деятельности и эффективно реализующее закрепленные в Конституции основные направления этой политики, благоприятствующие труду (Затонский, 2006).

П.К. Гончаров отмечал, что "социальное государство представляет собой особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности" (Гончаров, 2000).

Несколько иначе звучит определение социального государства в статье социолога А.Ф. Храмцов, который подчеркивал, что «Социальное государство – особый тип государства, возникший в результате широкого исторического компромисса разнонаправленных политических и социальных сил в интересах всех слоев общества, основанного на осознании зоны объективных общих интересов контрагентов социального противоборства и необходимости ее дальнейшего расширения с помощью активной, опирающейся на экономическую эффективность и политическую стабильность, социальной политики» (Храмцов, 2007).

П.Е. Кричинский отмечает, что социальное государство – это государство, которое стремится обеспечить каждому гражданину достойные условия существования, социальную защищенность, участие в управлении производством и обществом, а в идеале гарантирует примерно одинаковые жизненные шансы и возможности для самореализации личности в обществе (Кричинский, Морозова, 2015). По мнению ряда современных правоведов, «социальное государство представляет собой определенным образом организованную политическую структуру страны, деятельность которой направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охраняющих соответствующим образом социально-экономические и культурные права граждан, с эффективно функционирующей и постоянно прогрессирующей системой органов социальной защиты населения, здравоохранения, образования и т. д. (Юнусов и др., 2019).

Как видим, исследователи усматривают особенности социального государства в том, что оно, регулируя экономическую и другие сферы общественной жизни, акцент делает на проведении социальной политики. Социальное государство – это государство, которое должно служить обществу, стремиться к тому, чтобы социальные различия были сведены к минимуму или полностью исключены.

Отсюда можно сделать вывод, что целью социального государства является:

- создание благоприятных условий, установление в социуме социальной справедливости, обеспечение каждому гражданину:
- достойных условий существования;
- социальной защищенности;
- создание равных условий для самореализации личности.

Бесспорно, это и наличие развитой социальной защиты на уровне законодательства, как, к примеру, социальное законодательство о защите населения ФРГ, и закрепление термина «социальное государство» в конституции, как в основном законе страны. Подобного рода законодательство начинает формироваться и в современной России, правда, пока только на уровне субъектов Российской Федерации. Известны Социальные кодексы Санкт-Петербурга, Ярославской и Волгоградской областей, а также другие социально ориентированные законодательные акты Москвы и иных регионов. Однако опыт тех стран, которые намного раньше вступили на путь трансформации социально-экономической жизни в условиях глобализации, показывает, что только на фе-

деральном уровне можно гарантировать надлежащий уровень социальной защиты различных слоев населения. На основании этого авторы полагают, что в нынешних условиях трансформации российского общества существует настоятельная потребность в разработке общедерального Социального Кодекса Российской Федерации. Полагаем, что наличия одной статьи в Конституции РФ, провозглашающей Россию социальным государством, уже недостаточно.

Конечно, социальным может быть только то государство, которое обладает достаточным финансовым и юридическим фундаментом (Иваненко, Иваненко, 2008). Но современное социальное государство – это такое государство, которое направленно, в том числе, и на защиту свобод, прав и интересов всех граждан данного государства. Государство может стать социальным только если оно правовое, то есть если создан хорошо развитый механизм обеспечения социальных прав.

Выводы

Все определения социального государства, которые формировались более ста лет, имеют ограниченный состав константных признаков.

Первым признаком является доступность социальной поддержки всех членов общества.

Вторая константа заключается в том, что имеет правовую основу осуществления его социальной политики, право государства контролировать и регулировать социальные процессы.

Третий признак заключается в предоставлении бюджетных социальных выплат.

Четвертым признаком является наличие государственных систем социальной защиты, социального обеспечения и обеспечения занятости.

Пятый признак – ответственность социального государства за достойный уровень жизни своего народа. Обретение современным российским государством всех этих признаков является приоритетным направлением его развития в условиях глобализации.

Список литературы

1. Баглай, М.В. (2007). Конституционное право Российской Федерации: учебник. Москва, НОРМА.
2. Гончаров, П.К. (2000). Социальное государство: сущность и принципы. Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. "Политология". № 2. 139-147.
3. Затонский, В.А. (2006). Эффективная государственность. Москва, Юрист.
4. Иваненко, В.А., Иваненко, В.С. (2008). Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. Санкт Петербург, Питер.
5. Косаренко, Н.Н. (2019). Основные тенденции реализации социального государства в Российской Федерации: монография. Москва, РУСАЙНС.
6. Кочеткова, Л.Н. (2008). Социальное государство: европейская теория и российская практика Власть. № 4. 41-54.
7. Кутафин, О.Е. (2014). Российский конституционализм. Москва, Норма. .
8. Кричинский, П.Е., Морозова, О.С. (2014). Основы социального государства: учебное пособие. Москва, ИНФРА-М.
9. Милецкий, В.П. (2010). Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России. Политические процессы в России в сравнительном измерении. Санкт Петербург, Изд-во СПб.ун-та.
10. Чиркин, В.Е. (2008). Конституция и социальное государство. Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). 231-248.
11. Храмов, А.Ф. (2007). Социальное государство. Практики формирования и функционирования в Европе и России. Социологические исследования. № 2. 21-32.
12. Юнусов, А.А. Юнусов, Э.А. Жезлов Н.В. (2019). Социальное обеспечение граждан как обязанность государства. Современное право. 2019. № 4. 24
13. Laruffa, F. (2018). Social investment: Diffusing ideas for redesigning citizenship after neo-liberalism? Critical Social Policy Vol. 38, Issue 4, 688-706.
14. Rödl, F (2019). The legitimacy of civil freedom. University of Toronto Law Journal. Vol. 69, Issue 1, 159-181
15. Stein, L. von. (1921). Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. III. Munchen

РОССИЙСКИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ О СВОБОДЕ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Протасова Ольга Львовна (а)

*(а) Тамбовский государственный технический университет, 24 – 3, ул. Лермонтовская, Тамбов, Россия,
lia.protasowa2011@yandex.ru 89156649432*

Аннотация

В статье анализируется отношение к проблеме прав и свобод личности российских политических партий начала XX века, стоявших на позициях демократического социализма – направления, для которого первостепенную значимость имеет вопрос равноправных и взаимовыгодных отношений «государство – общество – личность». Демократический социализм в России был представлен народниками – социалистами-революционерами и народными социалистами, а

также умеренными марксистами – меньшевиками. По вопросу суверенности личности, необходимости ее всестороннего развития, ценности для общества каждого человека независимо от его социальной принадлежности к платформе демократического социализма были близки либералы, образовавшие Партию народной свободы (конституционно-демократическую). В данном направлении мнение идеологов отечественного демократического социализма и либерализма согласовывалось с базовыми гуманистическими ценностями европейской социал-демократии, идейными лидерами которой являлись К. Каутский и Э. Бернштейн. Показано исключительное внимание, уделяемое деятелями рассматриваемых партий этической стороне политики, что, как и признание личности ключевым субъектом общественного развития, коренным образом отличало их от адептов «тоталитарного» социализма – большевиков. Демократические партии сыграли большую роль в деле общественно-политической модернизации России и закладывания в стране фундамента гражданской культуры. Помимо разработки программных установок, имевших целью постепенно вовлекать трудовой народ в процессы самоуправления, они вели повседневную информационно-пропагандистскую и воспитательную работу, существенно повысившую общий уровень гражданского сознания рабочих и крестьянства. В работе также выявляются некоторые особенности отечественной политической культуры и политического сознания, препятствовавшие модернизационной динамике страны. Традиционный русский социоцентризм, господство «коллективных представлений», свойственных обществам аграрного типа, инерционность социокультурных образцов в совокупности тормозили развитие личностного потенциала в массах трудящегося населения дореволюционной России.

Ключевые слова: свобода личности, демократический социализм, общество, государство

Введение

Проблема соотношения политической культуры, преобладающей в том или ином обществе, взаимозависимости политического сознания и поведения населения и конкретных событий, явлений, процессов, происходящих в социуме, никогда не утратит актуальности, всегда будет предметом исторических, социологических, политических и социально-психологических исследований, но, наверное, так никогда и не будет познана до конца. Диалектическая взаимосвязь закономерностей и случайностей, объективных и субъективных факторов в общественно-историческом бытии не позволит дать стопроцентно точных прогнозов на перспективу, однако она многое объясняет в прошлом, предоставляя возможность политико-культурного анализа социальной реальности определенной эпохи и политического опыта ее представителей, что, в свою очередь, необходимо для избегания политических ошибок, подобных уже совершённым, в настоящем и будущем. Для того, чтобы характеристика феномена политической культуры была по-настоящему полной и объемной, необходимо, помимо классических «масштабных», общих вопросов, сделать центром рассмотрения привычно недооцениваемого субъекта истории – рядовых граждан и политических активистов.

Русское общество, по мнению культурологов, обладает своеобразным «евразийским» менталитетом, в котором сочетаются черты как восточной, так и западной культур. В дореволюционной России (если говорить о подавляющем большинстве ее населения, в том числе крестьянстве) явно доминировала восточная культурно-ментальная «сторона», с социоцентризмом, коллективистскими представлениями, традиционализмом и крайне малой социальной мобильностью. Эти черты в совокупности негативно сказались на развитии личностного потенциала. Личность в России так и не стала общезначимой ценностью, а сам человек поглощался социумом, переложив заботу о себе на общество¹⁶ и ожидая от него благ различного свойства – больших или малых, в зависимости от запросов. Своеобразный социальный «пролонгированный инфантилизм» (формула социальных психологов), присущий не только представителям традиционного российского общества, но и гражданам советской поры, есть наследие и результат этой стороны менталитета. Человек воспринимал ответственность скорее как стремление следовать определенному образцу, быть «как все», нежели как ориентацию на результат. Идея совести несла смысл не столько нравственного внутреннего самоконтроля, сколько эмоционального, «показательного» переживания. Понятие свободы подменялось «волей», проявлявшейся в абсолютизации собственной независимости и безразличии к свободе другого человека. Труд испокон веков традиционно рассматривался как повинность, а не как условие достижения материального благополучия силами самого трудящегося. Социальная и культурная незрелость подавляющей массы российского населения, по сравнению с Европой, выработавшей и впитавшей идеалы гуманизма и Просвещения, не была секретом для образованных людей – будь то либералы, народники или марксисты.

К характеристике русского социокультурного бытия можно отнести и следующую особенность. Культурно-исторические парадигмы в русской истории наслаивались друг на друга: один этап еще не завершился, другой уже начинался (Протасова, 2017). Многоукладность российской экономики, всей российской жизни – одно из следствий этого своеобразия, она характеризует разнонаправленность социокультурных процессов, происходивших в России с петровских времен, как то: европеизация узкого высшего культурного слоя общества и в то же время углубление «азиатского способа производства», из которого не могла выбраться основная масса российского населения. Тем не менее, при всей инерционности российской хозяйственно-бытовой среды, патриархальности массового сознания и прочих атрибутах традиционного общества, после отмены крепостного права прогрессивные подвижки становились все заметнее, а особенно мощно модернизационные процессы в российской экономической и социально-политической сферах развернулись с начала XX века.

Постановка проблемы

В деле общественно-политической модернизации России и закладывания в стране фундамента гражданской культуры большую роль сыграли партии демократического социализма. Изучение их идейного наследия

не утратило актуальности на сегодняшний день. Во-первых, в течение всего советского периода их рассматривали исключительно с негативно-критической точки зрения, поэтому целый ряд конструктивных компонентов их программ, по своей универсальности вполне пригодных и в современных условиях, историками и политологами обходился стороной. Хотя постсоветский этап развития общественных наук эти информационные пробелы частично ликвидировал, комплексное исследование российского демократического социализма и как самостоятельного явления, и как элемента общеевропейского (и даже общемирового) одноименного феномена находится еще в самом начале своего пути. Во-вторых, представляет интерес подход российских дореволюционных партий демократического социализма к политической деятельности, политической борьбе как процессу, в котором, по их убеждению, нельзя пренебрегать этикой и моралью. Этим отечественные социалисты-демократы отличались от большевиков, создавших партию авангардного типа, для которой политическая, классовая целесообразность заслоняла общечеловеческие ценности и нравственные основы.

Цель демократического социализма – достижение баланса индивидуального и коллективного начал жизни, построение общества, где каждый индивид сможет реализовать свои личностные качества, пользуясь гарантиями человеческих и гражданских прав. основополагающими принципами такого общества являются свобода, солидарность трудящихся и социальная справедливость. Для него неприемлемы: диктатура в какой бы то ни было форме (классовой, внутрипартийной, государственной), тоталитарные управленческие начала любого масштаба, слепое и безоговорочное подчинение личности групповым, классовым интересам, даже во имя самой высокой и благородной цели – общественного прогресса.

Исследуемый вопрос

Предметом работы являются программные взгляды и политическая публицистика партий социалистов-революционеров и народных социалистов, затрагивающие проблему формирования основ гражданского самосознания и развития нравственной культуры «трудового народа» России с целью дальнейшего успешного встраивания личности трудящегося в социалистическое общество.

Цель работы

Целью данного исследования является обобщение взглядов виднейших представителей российских партий демократического социализма начала XX века на роль и место личности в процессах социальной и политической модернизации, а также сравнение позиций партий демократического социализма, большевиков и либералов по вопросам этики и морали в политической и повседневной сферах жизни.

Методы исследования

Исследование ориентировано на строгое следование принципам: историзма, конкретности, объективности, системности, опоры на исторические источники, принципу историографической традиции.

Основные методы работы:

- системно-структурный (в общем контексте рассматриваются все вопросы, связанные с неонародничеством как значимой частью российского демократического социализма в России),
- компаративный (сопоставлены взгляды партий эсеров, народных социалистов, либералов и марксистов – меньшевиков и большевиков на проблему роли и места личности в прогрессивном (демократическом) обществе),
- обобщение (выявлены общие принципы этих взглядов),
- метод исторической персонификации (выделены деятели, внесшие наиболее существенный вклад в обсуждение данной проблемы).

Результаты

Осознание человеком прав и свобод своей личности, возможность и умение пользоваться ими – факторы, характеризующие развитое гражданское общество и устойчивое правовое государство. Всестороннее развитие индивида как человека и гражданина – непереносимое условие общественного прогресса. Личность, таким образом, выступает как исходная «субстанция» для масштабных социальных изменений, и ее социологической роли в этом смысле недооценивать нельзя. Сегодня, под влиянием многолетнего успеха либеральной и социалистической практик в демократических странах, к пониманию важности этого вопроса пришли и в России, но так было не всегда. Подобный «микросоциологический» подход в масштабах грандиозных перемен, перед которыми оказалась Россия в начале XX века, понимался и признавался отнюдь не всеми политическими силами – в то время чаще оперировали понятиями «классы», «массы» и т. п. Однако подлинный демократизм не призывает пожертвовать «частью» (личностью) ради «целого» (больших социальных групп), твердо настаивая на неразрывности и взаимозависимости этих социальных субъектов.

Большевики, как известно, даже во внутрипартийных делах жертвовали свободой (личностной, идеологической, экономической и пр.) ради дисциплины, централизма и, в конечном счете, диктатуры. Иное дело – представители демократического социализма – неонародники, в начале XX в. организовавшиеся в партии социалистов-революционеров и народных социалистов, уделявшие большое внимание проблеме личности, а также этики в политике. В этом позиции российских либералов и демократических социалистов имели сходства гораздо больше, чем разночтений.

Фактически общим стартом российских либералов и социалистов демократического толка, стоявших на неонароднических позициях, до окончательного размежевания их по разным политическим партиям, была деятельность в «Союзе освобождения». Начало работы этой организации совпало по времени с русско-японской войной, вскрывшей и политические, и «человеческие» чувства демократов-оппозиционеров.

Сначала в «Союзе освобождения» возобладали патриотические настроения. Однако неудачи военной кампании, огромные людские жертвы, поглощаемые войной, гигантские материальные затраты резко изменили отношение к внешнеполитическому курсу самодержавия в российском обществе. Однако, при всей своей оппозиционности, либералы и умеренные народники-освобожденцы не желали поражения своему государству.

Они не могли разделять позицию, например, меньшевика Л. Мартова, который, подсчитывая убытки России от русско-японской войны, удовлетворенно констатировал, что неудачи страны идут на пользу революционному движению (Протасова, 2017). Как марксист-«классик» Мартов приветствовал благоприятные условия для развития революционного потенциала и, хотя не декларировал откровенно своего пренебрежения к морали, но и не заострял внимание на столь излишней для революции материи. Человеческие бедствия, следует из марксистских публицистических материалов, – необходимые поленья для революционного костра, удобрение для почвы, на которой взрастет революционное сознание русского пролетариата. Правые марксисты подчас словно стеснялись обращаться к общечеловеческой тематике, чтобы не показаться сентиментальными, мягкими, «несовременными». При этом в частной жизни они в основном старались следовать нравственным законам. В целом же марксизм завоевал популярность у молодого поколения россиян, приобщавшихся к политическому активизму в последние два десятилетия XIX в. Главная причина тому – марксизм своими европейскими корнями, интернациональной ориентацией словно обещал России превратить ее из полуазиатской страны в «Запад, с его культурой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный политический строй...» (Валентинов, 1993). С марксизма начинали свою общественно-политическую карьеру П.Б. Струве, прославившийся впоследствии как либерал, и В.М. Чернов – лидер народнической партии социалистов-революционеров. Они сумели в своих убеждениях совместить ряд философско-экономических «удач» марксизма с этическими и организационно-политическими принципами своих менее воинственных и радикальных идеологий.

Абсолютно иным, чем у марксистов, был подход к «человеческому измерению» и вопросам нравственности у народников и кадетов. То, что Личность была краеугольным камнем политической философии либералов – аксиома. Но и социалисты-народники, которых скорее интересовали общество, коллектив, также постоянно обращались к теме личности, человека, морали – универсальных ценностей, которые имеют непреходящее значение для любого демократа. Для умеренных эсеров, народных социалистов и кадетов личность – важнейшая социальная «субстанция», первооснова для построения высокоразвитого, справедливого общества. Осознанно или нет, но российские социалисты-демократы, в том числе эсеры, следовали заявлению К. Каутского: «Нет ничего более смешного, как требовать от нас, чтобы мы дали картину “государства будущего”, к которому мы стремимся» (Проблемы общественного прогресса и социалистического идеала в общественной мысли конца XIX и XX столетий. Карл Каутский, 1990). Никто не может предвидеть, тем более, точно определить, какие формы примет новое общество – в историческом развитии неожиданность играет огромную роль. По мере приближения к идеальному результату (цели), какие-то детали этого «идеала» могут корректироваться, меняться, следовательно, как сказал Э. Бернштейн, «цель – ничто, движение – все». Этот постулат немецкого «ревизиониста», судя по программатике и публицистике эсеров, большинство партийных деятелей также негласно, но искренне разделяло.

В 1906 г. в России оформилась партия народных социалистов. По численности она была невелика, но обладала независимостью и авторитетом в политических кругах. В ценностной системе этой партии человек занимал центральное место. Ни одна из общественных форм не рассматривалась ими как самодовлеющая сущность, вне связи с благом личности. «Свобода и независимость человеческой личности, ее всестороннее развитие и бесконечное совершенствование» (Пешехонов, 1917) были заявлены целью их программы. К личности, неотъемлемой от общества, народные социалисты предъявляли высокие требования, главное из которых – труд, поскольку «лишь трудящаяся личность может быть суверенной» (Пешехонов, 1917). Отчасти за такое внимание к вопросу суверенитета личности, внимание к человеку не менее, чем к «массе», народных социалистов стали называть «либеральными народниками».

Спустя три десятилетия после революционных событий 1917 г. эсеровский идеолог В.М. Чернов рассуждал: «Социализм... экономического автоматизма (так виделся ему социализм, «построенный» к тому времени в СССР – О.П.) – социализм, из которого вынута самая душа его – свобода. Без свободы нет и не может быть вложенного в труд личного начала, и без него труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся... превращается в живого робота» (Чернов, 1947). По мнению Чернова, большевистский социализм – «социализм роботов». Рабочий как личность при этом строе не просто несвободен, он сам рассматривается как собственность государства (Коновалова, 2009). В противовес бездушному, эксплуататорскому отношению к труду и трудящимся, практиковавшемуся и в СССР, и (правда, в несколько другой экономической специфике) в Европе и Америке, в послевоенные годы в США возникла знаменитая концепция «человеческих отношений». Ее создатели доказывали, что труд – естественная потребность для человека, поэтому принуждать к труду угрозами – излишне. Они призывали владельцев и руководителей предприятий и организаций создавать внутрикорпоративную культуру, обращенную к каждому работнику, направленную на развитие его заинтересованности в труде, стимулирование творческого и интеллектуального потенциала и т. п. В основе такой культуры должны лежать уважение к участнику производственного процесса как личности, искреннее внимание к его запросам и проблемам, что, в конечном итоге, побудит его работать не столько за вознаграждение, сколько из удовольствия, из стремления к самореализации.

Такая доктрина органически вписывалась в составленную Черновым уже в эмиграции теорию «конструктивного социализма», являвшую собой своеобразный синтез его прежних убеждений и результат политической инкультурации в европейскую социалистическую среду. Коммунизм же как идеология, приобретшая культовый характер в СССР, виделась Чернову «русским самодержавием наизусть» (Чернов, 1947). С этими словами созвучны выдержки из мемуаров А.Ф. Керенского: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений» (Керенский, 2005). Подобное мнение разделял и социалист Д.Н. Шуб, эмигрировавший в Америку еще в 1908 году и ставший своеобразным посредником «внедрения» русской эмиграции в местные социокультурные условия: «Свободное общество может быть создано только свободными людьми. Но общество свободы и равенства не может существовать без морали» (Шуб, 1969).

Мы видим, что в эсеровское определение социализма было введена подчеркнутая этико-гуманитарная нота о гармонически развитой, свободно развертывающей все свои творческие потенции, инициативной человеческой индивидуальности. Даже в учение о революционной борьбе эсеры вносили «личностные» ноты. Социализм представлялся им «величайшей нравственной силой современного общества», а борьба за его идеалы – державшейся «целиком на самоотвержении, на способности единичных личностей отдавать свою жизнь, свободу за счастье своей родины» (Чернов, 1917). При этом эсеры придавали большое значение демократизму внутри собственной партии, всегда отличавшейся многообразием мнений и течений: они стремились сплотить всех, кто разделял основные принципы их идейно-политической позиции, но никак не планировали создать «орден меченосцев», ориентированный на беспрекословное выполнение предписаний руководителей и захват власти (Леонов, 2019).

Выводы

У русских социалистов-демократов и либералов, несмотря на различия в характере видения и интерпретации сущности российских проблем, было равно внимательное отношение к «человеческим» нуждам народа, единое осознание важности развития личности каждого человека для воспитания в нем активной гражданской позиции и правильного отношения к труду. Есть несомненное сходство по ряду позиций, связанных с отношением к роли и месту личности в обществе социальной справедливости, и с европейской социал-демократией, безжалостно критиковавшей советскую власть и доказавшей жизнеспособность и жизнеспособность своих идей в течение прошлого столетия. По словам Р. Дарендорфа, «в своих лучших проявлениях XX век был социал-демократическим» (цит. по: Работяжев, 2012). Социализм теперь видится не как цель, а как нравственная задача. Видный деятель международного социал-демократического движения второй половины XX в. В. Айхлер провозгласил: высший смысл социализма – это личность, которая стремится жить в соответствии с достоинством, чтобы можно было уважать самого себя, и которая хочет обладать достаточными средствами, чтобы иметь возможность устроить свою жизнь достойно и свободно (Айхлер, 1996). Данный тезис вполне созвучен идейным и моральным установкам дореволюционных российских демократов – и социалистов, и либералов. Это обстоятельство позволяет думать, что при благоприятных исторических условиях, без рокового для России «катастрофизма» темпа и ритма событий, особенно явного в первые два десятилетия XX в., со временем некоторые рабочие и программные противоречия демократических партий были бы преодолены, что открыло бы им путь к плодотворному парламентскому сотрудничеству и помогло становлению в России не конфронтационной, а консенсусной формы разрешения политических конфликтов, успешно практикующейся в странах гражданской культуры.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Список литературы

1. Айхлер В. (1996). *Этический социализм и социальная демократия: Избранные труды*. Москва, ИВФ Антал, 256.
2. Валентинов Н.В. (1993). *Недорисованный портрет*. Москва, Терра, 560.
3. Керенский А.Ф. (2005). *Русская революция 1917*. Москва, Центрполиграф, 383.
4. Коновалова О.В. (2009). В.М. Чернов о путях развития России. Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 383.
5. Леонов М.И. (2019). Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX-XX вв. *Народники в истории России. Вып. 3*. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 146-161.
6. Пешехонов А.В. (1917). *Программные вопросы*. Петроград, Задруга, 72.
7. *Проблемы общественного прогресса и социалистического идеала в общественной мысли конца XIX и XX столетий*. Карл Каутский (1990) / под общей редакцией проф. И.М. Кривогуза. Москва, Институт общественных наук при ЦК КПСС, 45.
8. Протасова О.Л. (2017). *Деятели демократического социализма в контексте политической культуры российского общества первой четверти XX века*. Тамбов, издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ», 272.
9. Работяжев Н.В. (2012). Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру. *Полития*, 3 (66), 146-167.
10. Чернов В.М. (1947). «Истоки». *За свободу*, 18, 13-24.
11. Чернов В.М. (1911). *Этика и политика*. Санкт-Петербург, Истина, 82.
12. Чернов В.М. (1917). *Конечный идеал социализма и повседневная борьба*. Ревель, Издание Ревельского Комитета ПСР, 32.
13. Шуб Д.Н. (1969). *Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): сборник статей*. Нью-Йорк, Издание «Нового журнала», 120.

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Рычкова Н.В. (а), Рычков С.Ю. (б), Фазлиев А.М. (с), Столярова Г.Р. (d)

(а) Казанский национальный исследовательский технологический университет, ул. К. Маркса, 72, Казань, 420015, Россия, nadvas2@rambler.ru, +79063272684

(б) Казанский инновационный университет им. В.Г.Тимирязева, ул. Московская, 42, Казань, 420111, Россия, rychkovkazan@rambler.ru, +79872386804

(с) Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия, aivazik@mail.ru, +79178658827

(d) Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия, guzelstol@mail.ru, +79655870296

Аннотация

Актуальность исследования исходит из значительного числа проблем развития российского села, недостаточного внимания к состоянию ментальности и духовности сельских жителей как наиболее устойчивых к воздействию факторов внешней среды носителей традиционной народной культуры, мало использованных возможностей внутренних ресурсов развития, прежде всего, таких компонент, как этническое воспроизводство и этнокультурный потенциал. При наличии множества региональных отличий на значительном пространстве Российской Федерации представляется целесообразным выделение и сопоставление региональных моделей.

В статье на примере Республики Татарстан анализируются этнические аспекты поселенческой среды, их возникновения и динамика как основное условие формирования историко-культурных (этнокультурных) ландшафтов. Этнокультурная компонента, в свою очередь, рассматривается как фактор устойчивого развития сельских поселений и требует внимательного к себе отношения в целях оптимального использования ее ресурсов. Подобная постановка проблемы и ее решение, как правило, отсутствует в нормативных документах и недостаточно представлена в специальной литературе. Фокусирование в качестве объектной области исследования на сельских поселениях как типе муниципальных образований позволяет применить междисциплинарный подход, с использованием методов истории, этнологии, этносоциологии, управления, географии.

Для написания статьи использованы данные официальной статистики, специализированных справочников, полевые материалы авторов, полученные в ходе этнографических экспедиций по Республике Татарстан в 2015–2019 гг.

Полученные результаты позволили определить тенденции ряда этнодемографических процессов в РТ, перейти на уровень изучения этнокультурных ландшафтов сельской поселенческой среды и сконструировать их исходные модели.

Ключевые слова: Татарстан, поселенческая среда, этнодемография, этнокультурный ландшафт.

Введение

Современное общественное развитие содержит элементы как эволюционных (количественных), так и революционных (качественных) трансформаций. Веками сложившееся общественное разделение труда и образа жизни по линии город – село сегодня наполняется новым содержанием, что требует как теоретического осмысления, так и практических преобразований. Российское село, пройдя через социальные и хозяйственные эксперименты советского и первых десятилетий постсоветского времени, пришло к состоянию многочисленных потерь и необходимости кардинальной перестройки всей своей структуры. При этом нельзя забывать о необходимости сохранения, восстановления и использования потенциальных возможностей историко-культурного ландшафта сельских территорий – уникального национального наследия и не менее важного ресурса движения в будущее.

Постановка проблемы

В Российской Федерации этнический фактор во всем многообразии аспектов – этнокультурном, этнодемографическом, этноконфессиональном и т. д. – был и остается осью общенационального развития. Особое значение при этом имеет российское село, в которой генерировались и ретранслировались основные компоненты этничности. Эти функции в известной мере сохраняются до сих пор, хотя и трансформируются, придавая селу уникальную значимость этнического источника. Как показывает историческая практика, этот ресурс работал практически при любых внешних воздействиях. Поэтому многоаспектное изучение этнокультурного фактора, пути его активизации в целях устойчивого развития сельских территорий представляет важную научную проблему.

Исследуемый вопрос

В качестве основного предмета исследования выступают этнические характеристики культурного ландшафта сельских поселений, под которыми понимается комплекс этнически маркированных исторических, социально-культурных, архитектурно-пространственных и иных параметров и возможности их оптимального

использования. В научной литературе высказываются различные точки зрения на процессы сложения и развития этнокультурных ландшафтов. В российских исследованиях акцентируется этнический фактор (Коростелев, 2004; Столярова, Рычкова, Рычков, 2016) и особое внимание уделяется этнически-смешанным средам (Данилко, 2010; Попова, 2010; Ягафова, 2010). Зарубежные исследователи берут за основу глобальное культурное пространство (Appadurai, 1998) и разрабатывают стратегии, направленные на сохранение культурного наследия в целом (Botezat, 2016; Gražulevičiūtė-Vilenishke, Zaleskienė, 2017), его использования в туристических и иных, экономически рациональных целях (Barkauskas, Barkauskienė, Jasinskas, 2015; Karvelite-Balberene, Mlinkauskiene, 2014).

Цель работы

Цель работы – определить этнические характеристики сельской поселенческой среды Республики Татарстан как основы этнокультурного ландшафта.

Методы исследования

Методология и методика исследования определялись постановкой задач и источниками. Разработка этнической составляющей поселенческой среды осуществлялась на основе методологических принципов антропологии, этнологии, демографии. Демографические показатели разрабатывались с использованием методов статистического анализа. Для выявления и анализа факторов воздействия на этнокультурный ландшафт применена методология SWOT-анализа: сопряженное исследование внешних условий и внутреннего потенциала сельских поселений с выходом на проектные ориентиры..

Результаты

Татарстан является регионом, где произошло пересечение этнических границ нескольких этносов. На северо-западе и севере РТ наблюдается наложение этнической территории татар на ареалы мари и удмуртов; на всем протяжении западной границы – пересечение ареалов татар и чувашей; на протяжении восточной границы – пересечение территорий татар и башкир. Кроме того, постоянные длительные миграции привели к формированию дисперсных групп поволжских народов в отдалении от границ собственных национальных образований. Так появились «кусты» поселений мари на востоке и удмуртов – на юго-востоке РТ, а чуваш и мордва широко расселились по всему Закамью. Славянская колонизация региона охватила целое тысячелетие (вплоть до XIX века) и привела к образованию сотен селений.

В новое и новейшее время сформировались основные черты полиэтничной поселенческой среды, развивающиеся и в современных условиях. Географическими детерминантами территории Татарстана являются реки Волга и Кама, создавшие внутри республики естественные зональные границы и обусловившие некоторые этнические особенности расселения. В частности, русское население региона исторически тяготело именно к прибрежным территориям. Множественные исторические коллизии образовали такую особенность региона как поселения с этнически смешанным составом. Истории многих сельских селений в Татарстане сохранили легенды о подселении пришлых соседей и образовании иноэтничных «концов». Исторические источники свидетельствуют о возникшей традиции формирования сложных сельских общин, объединявших селения с разнородным населением, что отличало Среднее Поволжье от других регионов России (Бусыгин, 2013). В итоге до революции 1917 года Казанская губерния считалась самой многоэтничной в Российской империи. В советское время, когда многократно увеличились темпы урбанизации и миграции, эта особенность территории усилилась. Об этом свидетельствуют переписи населения второй половины XX – начала XXI вв.

Прежде всего, отметим, что сельское население Татарстана имеет тенденцию к сокращению (Итоги, 2004; Национальный состав, 2013). Если в 1970 г. доля сельского населения Татарстана составляла 48,5 % от общей численности населения, в 2010 г. – 24,6 %. Численность сельских жителей республики, по данным переписи 2010 года, уменьшилась, по сравнению с переписью 1970 года, с 1517283 человек до 932827 человек, или на 38,5 %. Причины ситуации известны: отток населения, особенно лиц молодых и средних возрастов, в города; общее постарение сельского населения; сокращение уровня рождаемости; повышение уровня смертности (Зеленева и др., 2013). Исключение составил период между переписями населения 1989 и 2002 гг., когда темпы сокращения численности населения замедлились. На этот период пришелся распад Советского Союза, изменение темпов миграций и состава мигрантов. В частности, Татарстан по ряду факторов оказался привлекательным для мигрантов регионом, и общее сальдо миграции, в том числе и в сельскую местность в 1990–2000-е годы неизменно было положительным.

Доминируют в сельском населении РТ татары, причем, численность татарского населения сокращается (с 366 тыс. чел. в 1970 г. до 262,7 тыс. чел. в 2010 г., или почти на 30 %), а доля увеличивается (с 67,3 % в 1970 г. до 71 % в 2010 г.). Татарское население преобладает (составляет выше 50 %) и по численности, и по доле в 33 районах республики, а в 10 оставшихся занимает второе место. Максимальные показатели доли татарского населения составляют 98,6–96 %; минимальный показатель равен 24,9 %.

Второй этнической группой по величине и доле в сельском населении РТ являются русские. В период между переписями населения 1970 и 2010 гг. численность сельских русских жителей РТ сократилась вдвое (на 49,8 %); постепенно снижается и их доля в населении – с 26 % (одной четверти) в 1970 г. до 21,2 % (одной пятой) в 2010 г. В 6 районах республики русское население занимает первое место по доле и численности, в

27 районах – второе место вслед за татарами, и в 10 районах – третье место, уступая татарам и чувашам (6 районов), мари (1 район), удмуртам (2 района). Максимальная доля русского сельского населения составляет 65.8 %, минимальная – 0.7 %.

Из других этнических групп в населении РТ выделяются чувашаи, удмурты, марийцы и мордва. Их численность в составе сельского населения со временем также сокращается, как и доля представителей этнического большинства – татар и русских. В этом процессе удмурты и марийцы республики сопоставимы с татарами – их сокращение к 2010 году, в сравнении с 1970-м годом, составило, соответственно, 29.5 и 31.8 %, а чувашаи, численность которых снизилась за тот же период на 47.7 % – с русскими. Наибольшее сокращение зафиксировано у мордвы, численность которой с 1970 по 2010 гг. снизилась на 65 %.

В каждом районе РТ проживают группы людей других национальностей, численность которых не превышает несколько десятков человек, а доля в населении составляет менее 0.5 %. Их численность, тем не менее, в советский период оставалась в республике стабильной, несколько сократилась в 1990-е годы, а в постсоветский период выросла (к 2010 г., по сравнению с 1970 г., втрое), что еще раз подтверждает репутацию Татарстана как региона, благоприятного и притягательного для внешних мигрантов.

Таким образом, в ходе длительного исторического развития на территории Республики Татарстан сформировались полиэтничное население и устойчивая сеть населенных пунктов, соответствующая структуре этого населения. В районах РТ сохранилось множество татарских селений, ведущих свою историю со времен Казанского ханства (XIV–XV вв.), а также чувашских, удмуртских, марийских и мордовских селений, известных по источникам с XVI–XVII вв. Известны в регионе места и русских первопереселенцев XVI–XVIII вв. Древние этнические корни и устойчивые традиции межэтнического сосуществования наложили характерный отпечаток на поселенческую среду региона, которая продолжает развиваться.

Перепись населения 2010 г. зафиксировала на территории РТ 3068 сельских населенных пунктов, включая 49 объектов без населения (Национальный состав, 2013). Информация, полученная из различных источников (Населенные пункты, 1997; Портал), позволяет определить этнический состав сельских селений РТ следующим образом: количество татарских населенных пунктов – 1678, или 55.6 %; русских – 593, или 19.6 %; чувашских – 181, или 6 %; удмуртских – 51, или 1.7 %; марийских – 25, или 0.8 %; мордовских – 23, или 0.8 %; этнически смешанных – 468, или 15.5 %.

Среди смешанных поселений преобладают населенные пункты, в которых совместно проживают татары и русские – 289, или 61.8 % от общего числа этнически смешанных селений. В их составе русско-татарских (с преобладанием русского населения) селений насчитывается 198, или 68.5 % от всех смешанных селений, а татарско-русских (с преобладанием татарского населения) – 90, или 31.5 %. В остальных поселениях встречаются разнообразные варианты с участием русских, татар, марийцев, удмуртов, чувашей и представителей других этносов.

В развитии поселенческой среды происходят различные процессы. Населенные пункты возникают, укрупняются или сокращаются, изменяют административный статус, сливаются и дробятся и т. п. Наконец, населенные пункты могут исчезнуть совсем. Ситуация обостряется в случае, когда сокращение числа поселений приобретает массовый характер, что сегодня наблюдается в большинстве российских регионов. Татарстан не является исключением: здесь в XX – начале XXI вв. исчезло, по нашим подсчетам 1171 сельских поселения (Исчезнувшие, 2016), или каждое четвертое.

Большинство исчезнувших селений составляют пункты, в которых проживали русские – 760, или 64.9 % от числа всех исчезнувших, и татары – 230, или 19.6 %. Если обратиться к относительным показателям, то они составляют для селений с татарским населением 13.7 % (другими словами, из татарских селений исчезло каждое седьмое – восьмое), а для населенных пунктов с русским населением на порядок больше – 128 % (т. е. на каждые 4 существующих селения приходится 5 исчезнувших).

Причин, по которым происходило и происходит исчезновение сельских населенных пунктов, несколько. Наиболее благополучной следует считать судьбу тех селений, которые «исчезли» путем перемещения из категории «сельские поселения» в категорию «городские поселения» и были поглощены ближайшими городами. Так, например, с 1934 по 2004 гг. в границы столицы Татарстана г.Казани были включены 36 бывших сельских населенных пунктов. Такое положение вещей можно считать закономерным.

Утратили названия, но сохранились те поселения, которые территориально слились со своими ближайшими соседями. Вынужденно прекратили существование населенные пункты, попавшие в санитарные зоны. На территории РТ это стали селения, затопленные в ходе строительства водохранилищ на Волге и Каме – Куйбышевского (1957–1959 гг.) и Нижнекамского (начало 1970-х гг.), а также попавшие в зону промышленного строительства крупных городов (Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга).

Значительное число сельских поселений погибло в результате негативных социально-политических действий 1930–1960-х годов – насильственной коллективизации и кампании по борьбе с так называемыми «неперспективными населенными пунктами». В Татарстане именно на 1930-е и 1960-е годы приходятся максимальные показатели по количеству исчезнувших населенных пунктов – 427 и 333, или 36.5 и 28.4 % соответственно, – практически две трети от общего числа исчезнувших селений.

Приведенными данными и их анализом тема не может быть исчерпана. Список исчезнувших населенных пунктов Татарстана не включает период начала XX века, как и более ранние временные пласты. Будет он пополняться и дальше. Перепись населения 2010 г. зафиксировала в РТ 252 сельских селения с числом жителей менее 10 человек (Национальный состав, 2013) – «умирающие», как считают, поселения. Подобная ситуация

требует активизации всех ресурсов для оптимизации процессов в сельской поселенческой среде, включая усилия специалистов в различных областях знания. Это находит понимание в органах государственного управления и отражается в ряде федеральных документов, где основные акценты приходится на социальную, демографическую и технологическую сферы.

Нам представляется, что необходимо учитывать также этнокультурный потенциал поселенческой среды. Анализ разнообразных источников свидетельствует о том, что в поселениях Татарстана этот потенциал достаточно высок. В первую очередь, в его содержание включено богатое историческое прошлое. Все существующие населенные пункты РТ связаны с определенными макро- и микроисторическими событиями, происходившими на различных этапах этнической истории каждого народа. Эти события вошли в историческую память народов, нашли материальное и духовное отражение в различных формах культуры, что, в свою очередь, повлияло на идентификацию местных этнических групп, отразилось в локальном и региональном самосознании.

Значительный этнокультурный потенциал поселений РТ определяется и наличием в них знаковых объектов, обладающих высокой историко-культурной ценностью. Это археологические памятники, некрополи, «святые места» (родники, поляны, деревья и прочие объекты почитания и поклонения), остатки крепостных сооружений оборонительных линий; архитектурные памятники (религиозные храмы и хранящиеся в них культовые предметы, колокольни, часовни, могилы известных людей, эпиграфические памятники, купеческие дома, помещичьи усадьбы, общественно значимые сооружения, комплексы торговой и жилой застройки), историко-краеведческие музеи, места, связанные с рождением и жизнедеятельностью известных людей и т. п. Все эти объекты неразрывно связаны с конкретной поселенческой средой, с локальным фольклором и обрядностью и являются необходимой компонентой известного любому человеку понятия «малая Родина».

Наконец, величина этнокультурного потенциала поселенческой среды определяется возможностью использования уникальных сочетаний имеющихся природных и культурных объектов в этническом и экологическом туризме – направлениях, которые в России, и в Татарстане, в частности, только набирают силу и требуют поддержки. Учитывая значимость сформулированных задач, нами проводится поэтапная реализация проекта, связанного с исследованием этнокультурного потенциала сельских поселений как фактора их устойчивого развития. На первом этапе исследовательских процедур проведена каталогизация и систематизация сельских поселений, сформирована схема параметров этнокультурного развития сельских территорий и производится ее заполнение, что позволило в качестве значимого результата представить предварительные модели этнокультурных ландшафтов сельских поселений Татарстана.

Выводы

Проведенный анализ этнических характеристик сельской поселенческой среды Республики Татарстан позволяет сделать следующие заключения. Этнический состав сельского населения РТ и особенности его расселения – результат сложного исторического прошлого и динамичных современных процессов. Длительные демографические перестроения привели к складыванию многокомпонентной структуры населения с доминирующими финноязычными, тюркоязычными и славяноязычными группами, образовавшими как ареалы моноэтнических поселений, так и этнически смешанные населенные пункты, к которым в республике относится каждое шестое-седьмое селение. Активные процессы миграции и урбанизации на глазах изменяют состав сельского населения: сокращается его численность, меняется половозрастной состав жителей, что ведет за собой трансформацию функций самого сельского поселения. Одна из примет перемен – исчезновение сельских населенных пунктов – процесс, приобретший за последнее столетие значительный размах и приведший к ликвидации каждого четвертого населенного пункта в Татарстане. Статистически преобладают в этой картине русские поселения, но охвачены им все этнические группы республики.

Одновременно сельская поселенческая среда продолжает свою жизнедеятельность и одной из важных ее составляющих остается этнокультурная преемственность. Сложившийся веками этнокультурный ландшафт сельских поселений – это и характеристика образа жизни сельских жителей, и важный фактор дальнейшего устойчивого развития. Анализ содержания этнокультурного ландшафта сельских поселений РТ выявил богатство и многообразие его структурных элементов и позволил провести конструирование моделей, грамотная эксплуатация которых может выступать фактором устойчивого развития сельского поселения.

Благодарности

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-09-00058-ОГН «Этнокультурный потенциал сельских поселений: региональные модели развития (пример Республики Татарстан и Республики Крым)».

Список литературы

1. Бусыгин Е.П. (2013). Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Казань: Изд-во Казанского университета.
2. Данилко Е. С. (2010). Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий. Этнографическое обозрение, 6, 54–65.
3. Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан (2016). Справочник. Казань.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (2004). Том 4. Национальный состав населения Республики Татарстан. Казань.

5. Коростелев А. Д. (2004). Этничность как фактор динамики людности сельских поселений в Башкирии. *Этнографическое обозрение*, 3, 66–81.
6. Населенные пункты Республики Татарстан (1997). Краткий справочник. Казань.
7. Национальный состав и владение языками, гражданство (2013). Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Казань: Издательский центр Татарстанстата.
8. Попова Е.В. (2010). Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства. *Этнографическое обозрение*, 6, 66–80.
9. Портал муниципальных образований РТ – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://msu.tatarstan.ru/> (дата обращения 1.08.2019).
10. Столярова Г.Р., Рычкова Н.В., Рычков С.Ю. (2016). Русские сельские поселения Республики Татарстан: характеристика и типология. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*, 2, 187-195.
11. Зеленеева Г.С., Кошкина О.А., Сарычев Т.В., Столярова Г.Р. (2013). Этнодемографические процессы на селе: как спасти деревню? Йошкар-Ола.
12. Ягафова Е. А. (2010). Чуваш в межатническом взаимодействии в Закамье. *Этнографическое обозрение*, 6, 35–53.
13. Appadurai A. (1998). *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, London.
14. Barkauskas V., Barkauskienė K., Jasinskas E. (2015). Analysis of Macro Environmental Factors Influencing the Development of Rural Tourism: Lithuanian Case. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 213, 167-172
15. Botezat E. (2016). Increasing the Attractiveness of the Romanian Cultural Destinations through Co-Creation. *International Journal of Culture and Tourism Research*, 9, 44-48.
16. Gražulevičiūtė-Vilenishke I., Zaleskienė E. (2017). Management of cultural heritage areas in rural-urban interface zones in Lithuania: the elaboration of provisions of the National Landscape Management Plan. *Journal of sustainable architecture and civil engineering*, 18, 1-14.
17. Karvelite-Balberene V., Mlinkauskiene A. (2014). Cultural Heritage and Social Environment Coherence in the Ethnographic Villages of Lithuania. *Journal of Sustainable Architecture and Civil Engineering*, 4/9, 5-16.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК ДРАЙВЕР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

**Шмелев Антон Павлович (а), Белащенко Дмитрий Александрович (b),
Рахманин Адам Хасанович (с), Сафронова Ольга Владимировна (d),
Шоджонов Имомидин Фозилович (е)**

- (а) *Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2, (831) 462-35-03*
- (b) *Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2, (831) 462-35-03*
- (с) *Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2, (831) 462-35-03*
- (d) *Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2, (831) 462-35-03*
- (е) *Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2, (831) 462-35-03*

Аннотация

Международно-политические процессы в регионе Каспийского моря в силу ряда факторов, таких, как геополитическое положение региона, его ресурсные запасы, пересечение в регионе интересов различных акторов системы международных отношений, актуализируют тему вариантов и перспектив развития ситуации, особенно в контексте подписания «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря». Данное исследование, выполненное в рамках «теории международных режимов» с применением системного подхода, раскрывает значение реализации стратегических проектов применительно к интеграционным процессам на Каспии. Инициатива Китайской Народной Республики «Новый шелковый путь»/«Один пояс, один путь» может рассматриваться, как, своего рода, катализатор согласования позиций стран региона и выстраивания модели конструктивных взаимовыгодных отношений. Взаимодействие с иными ведущими региональными акторами, такими, как, Российская Федерация и Индия, и в рамках интеграционных образований, например, Шанхайской Организации Сотрудничества, и в рамках интеграции реализуемых проектов, например, проекта «Север-Юг»/МТК, позволило сформировать геополитическое пространство, в рамках которого были согласованы основные целеполагающие установки стран-участниц взаимодействия. Каспийский регион, в силу его географического положения занимающий ключевую позицию, стал объектом воздействия КНР, РФ и Индии в плане привлечения стран-партнеров к скорейшему определению статуса Каспийского моря, участию в интеграции осуществленных и планируемых локальных транспортно-энергетических проектов в единую систему. Продолжение взаимодействия в данном направлении потенциально способно привести к созданию евразийской логистической системы, выстроенной на основе сопряжения интересов всех участников, их заинтересованности в сохранении и упрочении, в частности, в регионе Каспийского моря, режима стабильности и безопасности.

Ключевые слова: Каспийский регион, интеграционные процессы на Каспии

Введение

12 августа 2018 г. в г. Актау (Республика Казахстан) странами Каспийского региона была подписана «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря». Появление данного документа стало важным достижением переговорного процесса в формате совместного участия всех стран «каспийской пятерки» – Российской Федерации, Ирана, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Значимости подписанию данного соглашения придает и факт присутствия Туркменистана, ранее дистанцировавшегося от участия в деятельности интеграционных образований, включающих и государства Каспийского региона.

Между тем, подписание Конвенции, ставшее итогом длительного согласования позиций сторон, отнюдь не означает полное разрешение всех существующих спорных вопросов. Кроме того, сам факт подписания данного документа способен подтолкнуть заинтересованных в дестабилизации ситуации в регионе акторов системы международных отношений к активизации усилий в данном направлении. В том числе, и используя «компромиссный» характер Конвенции (Метелкина, 2018), с одной стороны, сохраняющиеся спорные моменты (Blank, 2018), с другой.

Соответственно, актуальным становится изучение современной ситуации в Каспийском регионе в плане определения вариантов взаимодействия и технологий, способных стать ключевым элементом системы сопряжения интересов не только стран «каспийской пятерки», но и государств сопредельных регионов, а также ведущих государств и международных организаций, заинтересованных в сохранении в регионе режима стабильности и безопасности, в дальнейшем развитии интеграционных процессов и конструктивного взаимодействия.

Постановка проблемы

Регион Каспийского моря, являясь одной из ключевых региональных систем евразийского пространства, после распада Советского Союза стал объектом пристального внимания различных акторов системы международных отношений, что, во многом было связано с территориальными изменениями в самом регионе. Вместо двух государств, фактически, дистанцировавшихся от Каспия иные страны при доминировании СССР, в регионе появились независимые Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. В условиях ослабления позиций РФ на Каспии и ее европейских приоритетов во внешней политике, именно вновь образовавшиеся государства стали объектом внимания международно-политических акторов.

Ключевым стал вопрос определения правового статуса Каспийского моря. Экономический фактор стал определяющим в развитии взаимодействия стран «каспийской пятерки», как между собой, так и с вне-региональными акторами. Длительное противостояние за обретение прямого или опосредованного контроля над нефтегазовыми ресурсами региона, основными участниками которого были США, Китай, Россия и Евросоюз, даже получило определение «Новая большая игра» (Stegen, 2015). Каспийские страны стремились использовать ситуацию с геополитическим противостоянием ведущих акторов в своих целях, либо добиваясь определенных преференций для себя (Kubisek, 2013), либо претендуя, как Казахстан, на роль регионального лидера, если не на Каспии, то в регионе Центральной Азии. Достаточно большое влияние на процессы оказывали политические элиты новых стран Каспия, что предопределяло воздействие именно на них со стороны внешних акторов (Heinricha, 2015; Guliyev, 2009).

Геополитическое противостояние влияло на переговорный процесс по правовому статусу моря, который, несмотря на принятое в 1995 г. в ходе Тегеранской конференции положение о принципе консенсуса как единственного способа принятия решений по Каспию, достаточно быстро эволюционировал в формат двусторонних и трехсторонних соглашений стран-соседей, а также в попытки одностороннего определения собственных границ.

Фактор геополитического противостояния отразился и на интеграционных процессах в регионе. Российская Федерация, используя Содружество Независимых Государств, как, своего рода, стартовую площадку, стремилась развивать такие проекты, как ОДКБ и ЕвразЭС-ТС-ЕАЭС, сопряжение интересов России и Китая нашло свое отражение в развитии Шанхайской Организации, страны Запада стремились реализовать проект ГУУАМ/ОДЭР-ГУАМ.

Параллельно, вне-региональные акторы стремились укрепить собственные позиции в отдельных государствах Каспийского региона, инвестируя средства в локальные и региональные проекты с выходом, в перспективе, на транс-региональные логистические и трубопроводные маршруты. Страны Западной Европы в рамках идеи транзитного коридора «Восток-Запад» предлагали проекты TACIS, TRACECA, INOGATE и NABUCCO. Китайская Народная Республика активно осваивала рынки углеводородов Казахстана и Туркменистана, вкладывая средства и в строительство трубопроводов, и в развитие транспортной сети. Результатом инициативы Индии при поддержке стран Запада стал проект трубопровода для транзита газа ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия) (Фараджи Рад, 2012). В качестве примеров проектов регионального масштаба можно также привести реализованные и нет проекты ирано-армянского нефтепровода «Тавриз–Аракс», ирано-турецкий проект железной дороги «Карс-Игдир-Базарган-Джульфа» как элемент маршрута БТК («Баку-Тбилиси-Карс»), проект казахстано-азербайджанского транскаспийского нефтепровода в дополнение к маршруту «Баку-Тбилиси-Джейхан»; ирано-индийский морской транспортный проект «Чабахар» и другие.

В результате, с одной стороны, в Каспийском регионе можно было наблюдать активную деятельность различных вне-региональных акторов, совместно с региональными государствами-партнерами, стремящихся реализовать по сути конкурирующие между собой проекты, многие из которых так и дошли до стадии практи-

ческой реализации по причине отсутствия четкого понимания их эффективности и рентабельности (Tavanaa, 2011; Hafeznia, 2016; Miglio, 2014). С другой стороны, данная ситуация стала причиной переоценки государствами региона подходов к решению актуальных вопросов, уже реализованные проекты стали рассматриваться в контексте возможности их сочетания.

Исследуемый вопрос

Предметом данного исследования стали интеграционные процессы в Каспийском регионе с учетом их национальной специфики, многоформатности, проблемных пространств и спорных моментов. Ретроспективный обзор позволил выделить приоритетные сферы интересов стран Каспийского региона, эволюцию подходов к выстраиванию конструктивного диалога и нахождения консенсуса по ключевым вопросам, выявить влияние ведущих государств региона с учетом их практических предложений на процесс сопряжения интересов практически всех заинтересованных акторов. Была подвергнута анализу современная ситуация в регионе Каспийского моря, сложившаяся после подписания Конвенции, отслежены корреляции взаимодействия «каспийской пятерки» и в переговорном процессе, и в реализации совместных проектов, с одной стороны, и реализации стратегических проектов КНР и РФ, с другой.

Цель работы

Цель исследования можно обозначить как комплексный подход к изучению реальных места и роли стратегических проектов КНР и России в развитии интеграционных процессов в Каспийском регионе, сопряжении интересов акторов системы международных отношений различного уровня, в контексте перспектив создания единой евразийской транспортно-логистической системы на первом этапе, распространения посредством заинтересованности участников взаимодействия режима стабильности и безопасности на сопредельные с Каспием регионы, в последующем.

Методы исследования

Теоретико-методологической базой исследования была выбрана концепция неореализма или структурного реализма, согласно которой регион Каспийского моря можно рассматривать как площадку конфликта интересов и проецирования позиций разностатусных акторов. Инструментами реализации национальных стратегий в различное время становились и остаются по настоящий момент двусторонние и многоформатные договоры и соглашения, международные организации, энергетические и транспортные проекты, которые согласно К. Уолтцу можно рассматривать, как средство достижения собственных целей участниками международно-политических процессов.

Применительно к предмету исследования актуальным является обращение к «теории международных режимов», базовые принципы которой были сформулированы С. Краснером. Анализируя сам текст «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря», можно охарактеризовать ее как классический пример реализации принципа формирования «международного режима».

Исследование построено на использовании системного подхода с применением методов системно-структурного и системно-функционального анализа. Всю совокупность транспортно-энергетических проектов, уже реализованных, либо запланированных всеми участниками международно-политических процессов в регионе, можно рассматривать как элементы единой евразийской логистической системы, стержневыми компонентами которой являются китайский стратегический проект «Новый шелковый путь»/«Один пояс, один путь», в первую очередь, российский стратегический проект «Север-Юг»/МТК, во вторую. Российский проект, хронологически анонсированный и представленный позже китайского, является, своего рода, «вертикалью», дополняющей китайскую «горизонталь». Данная система потенциально способна интегрировать локальные проекты, согласовать интересы стран региона и вне-региональных акторов.

Результаты

Оценивая изменения, произошедшие в интеграционном пространстве в XXI в., можно заметить, что катализатором и драйвером, и процесса определения правового статуса Каспийского моря, и интеграционных процессов в регионе в целом, стало усиление позиций в нем Китайской Народной Республики. КНР, придававшая задачам укрепления в восточных странах региона стратегический характер (Zhao Huirong, 2012), решив данные задачи, наращивая свой экономический потенциал, стала больше интересоваться процессами в сопредельных регионах, например, в Закавказье (Rumer, 2017), а также стала стремиться к созданию более скоростных и дешевых транспортных коммуникаций со странами Европы, государствами Ближнего Востока и Африканского континента.

Рубеж первых десятилетий XXI в. стал поворотным моментом. В 2008 г. началось строительство трансконтинентальной магистрали «Западная Европа-Западный Китай». Параллельно шел переговорный процесс, имеющий целью привлечение к реализации китайского стратегического проекта таких важных игроков, как Россия и Индия, процесс согласования позиций и запросов сторон. В результате: в 2014 г. был создан международный Фонд Шелкового пути, где доминирующим капиталом-гарантом был китайский (Мордвинова, 2016); в 2015 г. последовало совместное заявление Си Цзиньпина и В. Путина о сотрудничестве в рамках реализации

проекта; в 2017 г. Индия стала полноправным участником ШОС; в 2018 г. иранский телеканал Press TV сообщил, что «Индия, Иран и Россия в ближайшее время собираются запустить международный транспортный коридор «Север–Юг»» (Соков, 2018); в 2019 г. был озвучен окончательный вариант железно- и автодорожной магистрали «Китай–Европа» (Китай–Казахстан–Россия–Белоруссия–Польша) (Гаевский, 2019). Таким образом, можно сказать, что стратегические инициативы КНР во втором десятилетии XXI в. оформились в скоординированную деятельность трех ведущих стран.

На практике был реализован многоформатный подход к конструированию зоны сопряжения интересов. Страны-лидеры оказали решающее воздействие на государства-партнеров, стимулируя их к решению важнейших и принципиальных вопросов Каспийского региона, становящегося ключевым звеном в евразийской логистической системе. Для государств региона, имеющих тесные связи с другими вне-региональными акторами, привлекательными стали два следующих момента: наличие финансовых гарантий предлагаемых проектов и расширение сфер сотрудничества за счет транспортно-логистических проектов параллельно энергетическим. Удалось заинтересовать и таких игроков, как Турция и страны ЕС.

Страны-лидеры использовали возможные институциональные ресурсы, уже имеющийся задел в плане взаимодействия с государствами в рамках различных интеграционных образований, например, Шанхайской Организации Сотрудничества. Выступая перед делегатами Первого Каспийского форума, состоявшегося в августе 2019 г. (место проведения – г. Туркменбаши, Туркменистан), Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов, подчеркнув ключевой для евразийской логистической системы характер месторасположения региона, предложил перенять отдельные проекты и достижения организации. В своем выступлении В. Норов не только обозначил примеры успешного сопряжения интересов стран-членов Шанхайской организации, в первую очередь, Китая и стран Евразийского экономического союза, но обрисовал перспективный вектор развития взаимодействия в рамках Шанхайской Организации, не только в плане привлекательности данной интеграционной площадки, но в плане возможности заимствования данных инициатив всеми участниками взаимодействия (Выступление, 2019).

Применительно к региону Каспийского моря можно сказать, что активизация Китайской Народной Республики, поддержанной Россией и Индией, в плане формирования консенсуса в отношении реализации стратегических проектов стала одной из причин относительно быстрого решения принципиального вопроса об определении правового статуса Каспийского моря. В 2007 г. в Тегеранской декларации страны «пятерки» официально обозначили и принципиальную позицию применительно к данному вопросу, и начали практическую деятельность по его решению. А в 2018 г. не только приняли «Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря», но и оформили механизм согласования проектов, обсуждения и разрешения спорных моментов. Являясь практическим примером «теории международных режимов», Конвенция по Каспию оставляет за странами-подписантами полное право участвовать в деятельности международных организаций, членами которых они являются, но без нарушения отдельных положений документа. Например, относительно недопустимости военного присутствия в акватории Каспийского моря вне-региональных акторов. Пространство реализации стратегических проектов также можно рассматривать как своеобразный «международный режим», особенно если принять во внимание возможность расширения на территориях всех стран-участниц взаимодействия единой системы интегрированного управления транспортными перевозками, о которой было сказано выше. В данном случае, потенциально, взаимодействие в подобном формате может способствовать расширению и углублению процесса интеграции, и транспортно-энергетическая сфера, ставшая первым пространством сопряжения интересов, станет базой для развития взаимодействия в социальной и культурной сферах, в сфере политики. А также позволит минимизировать потенциальные риски, связанные с нерешенными и спорными вопросами, дестабилизирующим влиянием на ситуацию в регионе отдельных акторов системы международных отношений, не оставляющих надежд укрепить собственные позиции, затормозить интеграционные процессы (Pritchins, 2018).

Выводы

Оценивая результаты проведенного исследования, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, проект Китайской Народной Республики «Новый шелковый путь»/«Один пояс, один путь» можно рассматривать как, своего рода, катализатор интеграционных процессов в Каспийском регионе. Китай предложил не просто стратегию развития региона, но и ее финансирование, а также уже имеющуюся транспортно-логистическую инфраструктуру в странах, с которыми государство взаимодействовало достаточно длительное время – Казахстане и Туркменистане. КНР в формате диалога выстроила взаимоотношения, добившись согласия, с ведущими государствами Евразии. Российская Федерация получила основную транспортную артерию, связывающую Китай и страны Западной Европы, а также поддержку собственного проекта «Север–Юг»/МТК. Перспективы реализации вертикальной составляющей единой транспортно-логистической системы сделали привлекательным участие в ее строительстве для Индии. Такие государства региона, как Казахстан и Иран также получали существенную выгоду, как, в плане экономики (например, Казахстан, на территории которого формируется точка пересечения основных направлений), так и в плане геополитики (например, Иран, получающий возможность диверсифицировать варианты реализации собственных углеводородов, снизить зависимость от морских перевозок через зону Персидского залива). Посредством взаимодействия с партнерскими странами Каспийского региона, экономическую выгоду от участия в интеграции способны получить и Турция, и страны Евросоюза.

Во-вторых, инициатива Китайской Народной Республики в условиях ее интеграции с другими проектами, потенциально способна формировать стремление всех участников взаимодействия к сохранению и укреплению режима стабильности и безопасности в регионе. Помимо этого, в планах КНР присутствует идея создания транспортно-дорожной сети в Афганистане с вовлечением в реализацию проектов Пакистана. Одно из направлений российского проекта «Север-Юг»/МТК предусматривает создание железно- и автодорожных маршрутов через территорию Армении. Можно сказать, что развитие взаимодействия потенциально ведет к увеличению числа его участников.

В-третьих, расширение географии стран, взаимодействующих в плане создания единой евразийской логистической системы, заинтересованных в сохранении стабильности и развитии интеграционных процессов способно формировать стремление стран-участниц проецировать режим стабильности и безопасности на сопредельные с Каспием регионы. Вынося в приоритет по-прежнему национальные интересы, страны-партнеры потенциально могут менять технологическую составляющую их достижения. И параллельно с этим укреплять взаимодействие по направлениям сотрудничества, ориентированным на минимизацию рисков режиму стабильности безопасности в Каспийском и сопредельном регионах, например, в плане противодействию наркотрафику и терроризму, деэскалации и урегулирования межгосударственных конфликтов, дистанцирования потенциально дестабилизирующих обстановку акторов системы международных отношений.

Список литературы

1. Выступление Генерального секретаря ШОС В.И.Норова на Первом Каспийском экономическом форуме. (2019). Retrieved from <http://rus.sectso.org/news/20190813/567415.html>.
2. Гаевский, Д. (2019). *Уже официально: Новый Шелковый путь пройдет в обход Украины*. Retrieved from <https://eadaily.com/ru/news/2019/01/25/uzhe-oficialno-novyy-shelkovyy-put-proydet-v-obhod-ukrainy>.
3. Метелкина, С. (2018). *Конвенция в Актау: риски и перспективы «Евразийского моря» Каспия*. Retrieved from <https://www.geopolitica.ru/article/konvenciya-v-aktau-riski-i-perspektivy-evraziyskogo-morya-kaspiya>.
4. Мордвинова, А. Э. (2016). *Фонд Шёлкового пути: результаты первого года работы*. Retrieved from <https://riss.ru/analitics/26095/>.
5. Соков, К. (2018). *Станет ли коридор «Север-Юг» конкурентом Суэцкому каналу?* Retrieved from <https://www.rim Eurasia.org/news--2018-11-06--686322-39416>.
6. Фараджи Рад, А.Р., Моради, Г. (2012). Трубопровод ТАПИ и его влияние на региональное и межрегиональное соперничество. *Центральная Азия и Кавказ*, Т. 15, вып. 2, 100-106.
7. Blank, S. (2018). *Two cheers for the new Caspian convention. A new deal helps Russia and Iran decide whether the Caspian is legally a lake or a sea*. Retrieved from <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/two-cheers-new-caspian-convention>.
8. Guliyev, F., Akhrarkhodjaeva, N., (2009). *The Trans-Caspian energy route: Cronyism, competition and cooperation in Kazakh oil export*. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421509002298>.
9. Hafeznia, M. R., Pirdashti, H., Ahmadipour, Z. (2016). An expert-based decision making tool for enhancing the consensus on Caspian Sea legal regime. *Journal of Eurasian Studies, Volume 7, Issue 2*, 181-190.
10. Heinricha, A., Pleines, H. (2015). *Mixing geopolitics and business: How ruling elites in the Caspian states justify their choice of export pipelines*. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366515000044>.
11. Kubicek, P. (2013). *Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin*. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000171>.
12. Miglloa, R. De, Akhmetbekov, Y., Baigarin, K., Bakdolotov, A., Tosatoc, G. C. (2014). Cooperation benefits of Caspian countries in their energy sector development. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211467X14000406>.
13. Pritchins, S. (2018). *What Comes After the Caspian Sea Deal?* Retrieved from <https://thediplomat.com/2018/12/what-comes-after-the-caspian-sea-deal/>.
14. Rumer, E., Sokolsky, R., Stronski, P. (2017). *U.S. Policy Toward the South Caucasus: Take Three*. Retrieved from <https://carnegieendowment.org/2017/05/31/u.s.-policy-toward-south-caucasus-take-three-pub-70122>.
15. Stegena, K. S., Kuszniir, J. (2015). *Outcomes and strategies in the «New Great Game»: China and the Caspian states emerge as winners*. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366515000032>.
16. Tavanaa, M., Dennis, M. P., Kennedya, T., Belaudc, J.-P., Behzadiand, M. (2011). *A hybrid Delphi-SWOT paradigm for oil and gas pipeline strategic planning in Caspian Sea basin*. Retrieved from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421511008044>.
17. Zhao Huirong & Wu Hongwei. (2012). *China's energy policy towards the Caspian region: in the case of Kazakhstan*. Retrieved from https://www.iias.asia/sites/default/files/nwl_article/2019-05/IIAS_NL62_28.pdf.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Скородумова Ольга Борисовна (а), Меликов Ибрагим Мустафаевич (б)

(а) Российский государственный социальный университет, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1. Москва, Россия,
skorodumovaob@rgsu.net, +7 495 255-67-67

(б) Российский государственный социальный университет, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1. Москва, Россия,
MelikovIM@rgsu.net, +7 495 255-67-67

Аннотация

Глобализационные процессы в эпоху четвертой промышленной революции порождают целый ряд социальных рисков, обусловленных широким применением новых сетевых социальных технологий, разработкой самообучающихся программ на основе искусственного интеллекта, виртуализацией жизненного пространства человека. Культурные трансформации, обусловленные постмодернизмом на базе деконструкции личности человека, тесно переплетаются с возможностями достижений big data и искусственного интеллекта. Углубляются существующие и появляются новые особенности проявления таких социальных рисков как риск усиления неравенства, риск возрастания дилетантизма, риски, связанные с манипулированием человеком. В связи с резким возрастанием неравенства появляются крайние формы эксплуатации, они более жесткие, чем традиционное рабство. Широкое распространение технологий краудсорсинга приводят к снижению значимости профессиональной этики и моральной ответственности ученого или инженера за последствия использования своих разработок. Возрастает риск сращивания технологий big data с деятельностью преступного мира. В рамках культурных трансформаций наблюдается разрушение всех видов идентичностей, не только национально-культурной, но также гендерной и человеческой. Мировоззренческой базой данных процессов выступает концепт «ничтология». В качестве экспериментальной среды используется виртуальная реальность. Анализируются последствия распространения техник перехода к измененным состояниям сознания с использованием виртуальной реальности, а также результаты опытов out-of – body по отчуждению тела. Среди мер, способных снизить проявление данных рисков, рассматриваются стратегии по созданию государственных целевых программ, государственной экспертизы виртуальных помощников и сетевых ресурсов с целью выявления и предотвращения деструктивных элементов в их деятельности.

Ключевые слова: социальные риски, новые социальные сетевые технологии, идентичность, культурные трансформации, четвертая промышленная революция

Введение

Трансформации современного общества и его культуры во многом обусловлены новейшими достижениями в области науки и техники, которые современные исследователи объединяют понятием «четвертая промышленная революция» (Schwab, 2017; Lewis, 2017; Groscurth, 2018; Yáñez, 2017). По мнению президента Всемирного экономического форума в Давосе, К. Шваба, (Schwab, 2017) современное общество перешло на новую стадию развития, которая приведет к коренным изменениям социальных взаимоотношений, образа жизни и культурных ценностей. Новые сетевые социальные технологии такие как краудсорсинг, блокчейн, big data, технологии «коллективного разума» на базе искусственного интеллекта, интернет вещей, роботизация, достижения биотехнологий и нанотехнологий, квантовых вычислений и т. п. оказывают существенное влияние на процессы управления, общения, профессиональной деятельности. Наряду с беспрецедентными возможностями развития личности, ее творческой инициативы они порождают и специфические социальные и культурные риски, исследование которых является наиболее актуальным в современном динамично меняющемся мире.

Постановка проблемы

Противоречивость вхождения современного социума в эру четвертой промышленной революции поднимает проблему социальных рисков, порожденных достижениями науки и техники на новом витке развития научно-технического прогресса. На фоне новых возможностей, предоставляемых четвертой промышленной революцией, опасности и негативные последствия для личности человека отодвигаются на второй план. Выявление и исследование потенциальных деструктивных факторов, связанных с углублением глобализационных процессов на базе развития искусственного интеллекта, новых сетевых социальных технологий и экспансией технологий виртуальной реальности представляется наиболее значимым в наши дни.

Исследуемый вопрос

Глобализационные процессы, развитие которых началось во второй половине XX века, привели в XXI веке к кризисному состоянию базовых сфер жизнедеятельности общества. Растущая нестабильность в экономической, политической и культурных сферах общественной жизни породила поиск новых подходов к организации жизнедеятельности социума. Одним из них является концепт постглобализации, разработчиком которого является И. Валлерстайн и ряд исследователей современности. (Wallerstein, 2003; Валлерстайн, 2013; Скородумова, 2017).

В XXI веке наблюдается резкое увеличение темпов жизнедеятельности во всех сферах, интенсификация процессов обмена информацией и продуцирования инновационных решений. Отражая нарастающую динамику общества Б. Гейтс (Gates, 2001). обращает внимание на потребность смены инноваций как условие выживания в резко усиливающейся конкурентной борьбе. В погоне за инновационными решениями фирмы вынуждены обращаться к новым технологиям обработки и сбора информации, таким, например, как краудсорсинг. Распространение краудсорсинга для решения нестандартных задач (Howe, 2008). приводит к размыванию представления о профессиональной компетентности. Главным становится решение самой задачи, кем, каким образом она будет решена, становится второстепенным. При этом на второй план уходит и ответственность за негативные последствия использования той или иной инновации. Такие понятия как «профессиональная» этика, «моральная ответственность ученого», которые поддерживаются профессиональным корпоративным сообществом, теряют свою силу. Это приводит к возникновению риска дилетантизма, когда нестандартная единичная инициатива приобретает статус наилучшего решения без учета системных, синергетических и этических последствий ее применения.

Процессы глобализации, приводящее к стиранию национальной специфики и уничтожению ориентации на ценности национальной культуры, порождают жесткую эксплуатацию вплоть до возникновения завуалированных форм рабства. Вывод производств ТНК в страны с дешевой рабочей силой и ориентация на получение сверхприбылей привели к возникновению риска резкого возрастания неравенства, разрыва между богатством и бедностью, который порождает очаги напряженности практически во всех странах мира. В исследованиях Дж. Стиглиц показано, что «к 2007 году 0.1 % верхушки американских хозяйств имело доход в 220 раз превышающий средний доход хозяйств, составляющих 90 %» (Стиглиц, 2015). Интенсивная роботизация, характерная для четвертой промышленной революции, усиливает процесс расслоения общества. Оставшиеся без работы люди готовы на любые условия труда. Это порождает новые формы рабства, которые по тяжести эксплуатации человека более высокие, чем традиционное рабство. Балес Кевин в исследовании данного социального процесса в работе «Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике» (Bales, 2004). показывает, что отсутствие юридических норм, классифицирующих рабский труд и выделяющих его признаки, приводит к тому, что ТНК, выводя производство в бедные страны с неграмотным населением в погоне за сверхприбылями, широко используют крайнюю эксплуатацию населения, не предоставляя никаких социальных гарантий в случае травмы или болезни, безопасности труда, нормирования рабочего времени и т. п. В современных условиях массовой безработицы, используя изощренные психологические технологии обработки сознания, заключая псевдоконтракты, современные работодатели имеют возможность эксплуатировать наемного работника в бедных странах с неразвитой системой социальной защиты без всяких ограничений.

Период трудоспособности для такого работника сокращается от 5 до 10 лет, после чего он становится либо инвалидом, либо умирает. В 2015 году по официальной статистике (Лебединец, 2016) число рабов составляет 27 млн человек.

Возможность эксплуатации и резкое возрастание неравенства в развитых странах опирается на новейшие достижения четвертой промышленной революции. Современные информационные технологии на базе искусственного интеллекта позволяют анализировать цифровые следы человека в виртуальном пространстве и выявлять то, что его тревожит и волнует, а потом целенаправленно воздействовать на него с целью получения прибыли и сверхприбыли.

На примере агрессивных маркетинговых технологий, использующих big data, Кэти О'Нил показывает возможности анализа проблем потенциальных потребителей и использования их для привлечения покупки услуги (O'Neil, 2016). В результате анализа цифровых следов в Интернете, выявляются наиболее уязвимые категории потенциальных потребителей коммерческих образовательных услуг. В зависимости от характера трудностей и проблем, которые они испытывают, им предлагают быстро решить их при помощи получения образования, требовавшего получения кредитов, приводящих к еще большему углублению трудностей человека. Объектом внимания и психологической обработки являются люди, потерявшие работу, матери-одиночки, люди, разочаровавшиеся в жизни из-за потери близких, недавно вышедшие из тюрьмы или наркологической больницы. Анализ на основе big data позволяет выявить проблему, решение которой принципиально важно для человека и потенциального потребителя убеждают в том, что затратив деньги на образование он обязательно решит эту проблему и его жизнь качественно улучшится. Риски, порождаемые анализом цифровых следов, присутствуют не только в маркетинге. Технологии обработки сознания на базе цифровых следов широко используются деструктивными религиозными организациями, в том числе ИГИЛ для вербовки своих сторонников. Наблюдается активизация активного использования новых сетевых технологий, в том числе блокчейна и самообучающихся программ на основе искусственного интеллекта, криминальными структурами для реализации своих преступных целей. Крупные преступные группировки активно скупают базы данных, формируют команды из программистов для адаптации программного обеспечения из открытого доступа и купленного через подставных лиц у ведущих корпораций, что свидетельствует об использовании ими больших данных и выработки новых стратегий на основе искусственного интеллекта (Овчинский, 2018).

Не менее опасны риски, связанные с трансформациями культуры. Глобализационные процессы ведут к утрате национально-культурной идентичности, а достижения четвертой промышленной революции создают новые возможности для разрушения любой идентичности, в том числе и человеческой. Происходит активная трансформация традиционной системы образования (Kuzmenko, 2018), что вызывает побочные эффекты, связанные с подрывом национально-культурной идентичности. Мировоззренческой основой разрушения идентич-

ности является постмодернизм с его установкой на смену социальных и культурных ролей. Базовые характеристики личности размываются. Геймификация становится стержневым принципом организации социального пространства. Сегодня я ощущаю себя русским и православным, завтра я атеист и космополит, а послезавтра я в виде виртуальной личности погружаюсь в «глубокую паутину». Целостность личности теряется. Человек превращается с постоянно меняющийся набор фрагментарных ролей, которые в зависимости от обстоятельств примеряются им как маски, не затрагивая глубинных основ его сущности.

Телесность, которая является одной из значимых характеристик идентичности, также подлежит деформации с помощью различного рода экстремальных телесных практик (Хоружий, 2005). Экспериментируя с телом, человек экспериментирует и с полом. В начальной школе во многих европейских странах учитель обязан поговорить с ребенком о том, кем ему больше нравится быть: мальчиком или девочкой, и впоследствии определиться с своей половой принадлежностью. Осознание своей идентичности связано не только с телом, но и состоянием сознания. Культивирование интереса к практикам перехода в измененные состояния сознания также разрушает личность человека, подрывает представление о его человеческой сущности (Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики: Хрестоматия, 2012). Наряду с широким распространением практик вхождение в состояние транса, основанных на использовании природных и химических препаратов наркотического воздействия, физических и дыхательных упражнений, имитирования культурной среды и формирование личностного настроя на появления состояния измененного сознания, получают распространение практики достижения эффектов измененного сознания через погружение в виртуальную реальность. В Западной Европе активно ведутся эксперименты с использованием технологий виртуальной реальности по отчуждению тела: опыты out-of-body (Ehrsson, 2007). У человека создается иллюзия существования его тела отдельно от него. Фактически это ведет к разрушению целостности личности: тело может существовать само по себе сознание – само по себе. Эксперименты, связанные с наблюдением за поведением человека при полном погружении в виртуальную реальность, показывают существование возможности осуществлять полный контроль за вниманием испытуемого (Зинченко, 2010).

Динамичность, насыщенность яркими красками, возможность совершения действий, недоступных в реальной действительности, делают виртуальный мир особенно привлекательным. Это создает условия для формирования собственной культуры виртуального мира с заданными стереотипами поведения, с определенными ценностными ориентациями или полных их отсутствием, что, в конечном итоге, может привести к формированию установок, воспроизводимых и в реальном мире. Возможность полного контроля за вниманием человека, погруженного в виртуальный мир, способность современных технологий в соответствии с заданными установками селективно выделять нужную стимуляцию, анализировать реакцию и корректировать ее согласно поставленным целям, создает беспрецедентные стратегии манипуляции человеком, особенно в детском и подростковом возрасте. Опыт, полученный в виртуальном мире, переносится затем на жизненные ситуации реального мира. К сожалению, погружения в виртуальную реальность может использоваться не только в образовательных целях или для коррекции заболеваний, ее технологии широко применяются в целях деструктивного манипуляции общественным мнением, зомбировании сознания с целью грубой дискредитации политических противников. В качестве примера можно привести выпуск в 2019 году американской компанией новой версии популярной в мире игры Call of Duty: Modern Warfare. В этой игре в вымышленной стране, в которой легко угадывается Сирия, русские военные убивают, насилюют издеваются над мирными жителями, в том числе детьми, сбрасывают на них бомбы и т. п. В игре формируется образ русского как агрессивного, ни перед чем не останавливающегося злодея, потерявшего человеческий облик.

Провозглашенная постмодернизмом деконструкция бытия, приводит к апологетике культа смерти. Как отмечает В. Кутырев, на смену Бытию выдвигается Ничто (Кутырев, 2006). Возникает новое направление философской рефлексии – нигитология. Потеря идентичности, отделение телесности, изменение форм сознания приводит к разложению субъекта, к утрате его целостности, что означает виртуальную либо реальную смерть. Смерть становится желанной целью, разрабатываются различные практики ее достижения. Постмодернизм культивирует смерть как переход к новому существованию человека в виде сверхчеловека: «это пришествие новой формы, не Бога и не человека, и можно надеяться, что она не будет хуже двух предыдущих» (Делез, 1998).

«Смерть», «пустота» и «ничто» становятся базовыми категориями философии в эпоху четвертой промышленной революции. Большинство исследователей фиксирует распад личности homo sapiens, который углубляется достижениями четвертой промышленной революции (Дугин, 2004; Павленко, 2010; Саенко, 2012).

Нивелирование национальной, культурной и гендерной идентичности ведут к поиску возможностей виртуального существования. Смерть становится желанной, а сам процесс подготовки к смерти востребованным. Виртуальный мир предлагает другое, более яркое и насыщенное существование, что приводит к резкому взлету числа самоубийств.

Существование в реальном мире все больше становится зависимым от виртуального. Распространение виртуальных голосовых помощников, таких как Алиса, Кортана, Сяоайс, Siri, Alexa, предполагает доступ к массиву личных данных, их анализу искусственным интеллектом и выдаче рекомендаций с учетом психических и эмоциональных особенностей человека. Корпорации, разрабатывающие данные системы и собирая информацию о конкретных людях, выполняют функцию агентов социализации. Виртуальные помощники обладают способностью подстраиваться под пользователя на основе технологий эмоционального интеллекта, что позволяет им более эффективно осуществлять воспитание, чем родители или школа. Это приводит к эмоциональной и

психологической зависимости от системы. Она становится основным авторитетом, другом и помощником. Традиционные социальные институты отодвигаются на второй план. Возникают риски манипулирования процессом воспитания и осуществления его в заданных целях под жестким контролем алгоритма, способного распознавать и нивелировать любые отклонения от генеральной линии.

Цель работы

Целью исследования является выделение и характеристика специфики основных социальных рисков и культурных трансформаций в период вхождения современного человечества в эпоху четвертой промышленной революции.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием общетеоретических методов и методов философского анализа. Компаративный анализ позволил выявить специфику рисков современного общества, порожденных различными акторами, выявить их специфику и проанализировать характер проявления. На базе системного подхода были установлены взаимосвязи и взаимозависимости между различными социальными рисками. Синергетический подход позволил выявить появление эмерджентных качеств при погружении в виртуальную реальность. На основании метода восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному были выявлены и проанализированы общие тенденции трансформаций культуры в эпоху четвертой промышленной революции. Диалектический подход позволил проанализировать противоречивое содержание последствий широко распространения новых сетевых социальных технологий, искусственного интеллекта, технологий виртуальной реальности, возникающих на их основе рисков как со стороны их инновационных возможностей, так и с точки зрения возможных деструктивных факторов.

Результаты

Анализ социокультурной ситуации современной эпохи показал, что наблюдается существенное углубление риска неравенства, которое обусловлено развитием робототехники и систем с элементами искусственного интеллекта. Рост безработицы создает возможности для новых жестких форм эксплуатации аналогичным рабству. Широкое распространение технологий краудсорсинга приводит к появлению риска развития дилетантизма, что ведет к размыванию понятий «профессиональная этика» и «моральная ответственность ученого». Использование big data и искусственного интеллекта создают благоприятные условия для манипулирования человеком на основе выявления жизненных проблем и не реализованных желаний. Наблюдается тенденция активного использования преступным миром возможностей новых социальных сетевых технологий. В рамках культурных трансформаций наблюдается стремление к нивелированию не только национально-культурной идентичности, но и гендерной и общечеловеческой. Использование технологий виртуальной реальности стимулирует новые способы перехода к измененным формам сознания и существованию вне тела. Стимулируется полная утрата идентичности и стремление к растворению в виртуальной среде. Возникновению предпочтения виртуального мира реальному активно способствуют виртуальные голосовые помощники, принимающие на себя функции агентов социализации, близких друзей и собеседников.

Выводы

Снижение рисков, вызываемых достижениями четвертой промышленной революции, возможно на пути активной политики национальных государств по разработке целевых программ, создающих дополнительные рабочие места, поддерживающих национально-культурные традиции, формирующих собственную индустрию развлечений, в том числе и компьютерных игр с учетом ценностных ориентаций и визуальных образов, отражающих исторические события и современность национальной жизни с учетом менталитета и эстетических предпочтений. Целесообразна разработка виртуальных голосовых помощников, обучаемых на массивах достижений национальной культуры, осуществляющих социализацию, опираясь на стратегии формирования ответственной, творческой и патриотично настроенной личности. Необходима разработка законодательства и алгоритмов для создания качественной и всесторонней экспертизы программных продуктов, в том числе и на базе искусственного интеллекта, используемых на национальном рынке, с целью выявления их возможных деструктивных воздействий.

Список литературы

1. Bales, K. (2004). Disposable People: New Slavery in the Global Economy. University of California Press.
2. Ehrsson, H.H. The Experimental Induction of Out-of-Body Experiences // Science. 2007. Vol. 317. p. 1048.
3. Gates, B. (2001). Business @ the Speed of Thought Penguin. Longman
4. Groscurth, C.R. (2018). Future-Ready Leadership: Strategies for the Fourth Industrial Revolution. Praeger.
5. Howe, J. (2008). Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. Crown Business.
6. Kuzmenko, G., Skorodumova, O., Melikov, I. (2018). Basic needs determining the transformation of the system of education in the information age. *Economic and Social Development*. Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracska. pp. 472-479.
7. Lewis, J. (2017). Story Thinking: Transforming Organizations for the Fourth Industrial Revolution. Independently published.
8. O'Neil, C. (2016). Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. Crown.

9. Schwab, K. (2017). The Fourth Industrial Revolution. Penguin Group.
10. Schwab, K., Nicholas, D., et al. (2017). Shaping the Fourth Industrial Revolution. 2018. World Economic Forum.
11. Wallerstein, I. (2003). The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. The New Press.
12. Yáñez, F. (2017). The Goal is Industry 4.0: Technologies and Trends of the Fourth Industrial Revolution. Independently published.
13. Валлерстайн, И. и др. (2013). Закат империи США. М. МАКС Пресс.
14. Делез, Ж. (1998). Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы.
15. Дугин А. (2004). Homo novissimus // Человек. №1. С.99-102.
16. Зинченко, Ю. П., Меньшикова, Г. Я., Баяковский, Ю. М., Черноризов, А. М., Войскунский, А. Е. (2010). Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. Национальный психологический журнал. №1(3). С.54-62.
17. Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики: Хрестоматия. (2012). М. Когито-Центр.
18. Кутырев, В.А. (2006). Философия постмодернизма. Нижний Новгород. Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы.
19. Лебединец, И.Н. (2016). Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работорговлей и другими формами торговли людьми. Актуальные проблемы российского права, №3. с.186-191.
20. Овчинский, В. С. (2018). Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М. Книжный мир.
21. Павленко, А.Н. (2010). Возможность техники. СПб. Алетейя.
22. Саенко, Н.Р. (2012). Концептуальные интерпретации нигитологии культуры : диссертация ... доктора философских наук. Санкт-Петербург.
23. Скородумова, О.Б. (2017). Постглобализация как социальный феномен современного общества. Социальная политика и социология. Т. 16. № 3 (122). С. 205-212.
24. Стиглиц, Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.Эксмо.
25. Хоружий, С.С. (2005). Логос живого и герменевтика телесности. Постигание культуры. Ежегодник. Вып. 13-14. М. Академический проект.

ВОСТОК И ЗАПАД В УСЛОВИЯХ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Степанова Лилия Геннадьевна (а)

(а) Кубанский государственный университет, 149, ул. Ставропольская, Краснодар, Россия,
liliya_stepanova@list.ru, 89184689992

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ материалов Генерального межевания конца XVIII – начала XIX века двух регионов Российской империи – южного и северо-западного. Южный регион представлен Таврической губернией, в состав которой вошли земли Крыма. Северо-Западный регион охватывает Санкт-Петербургскую и Новгородскую губернии. Выяснилось, что материалы Генерального межевания этих регионов отличаются по количеству и сохранности. Полные и Камеральные экономические примечания по Новгородской и Санкт-Петербургской губерниям до нашего времени дошли в ограниченном количестве, поскольку использовались в качестве справочного материала. По северо-западному региону России сохранились в основном Краткие экономические примечания, в которых имеется сокращенная информация о конкретных земельных владениях-дачах. В полевых записках в редких случаях встречаются исходные первичные документы – «сказки» крестьян, использовавшиеся для составления Экономических примечаний. На материалах Генерального межевания Таврической губернии отразился ход межевых работ, особенности и самобытность региона. Приостановка межевания Крыма не позволила сформировать большой по объему корпус документов. Камеральные экономические примечания составлялись, начиная с 1798 г., только по Перекопскому уезду. В то же время незавершенность Генерального межевания Крыма на своем первом этапе положительно сказалась на сохранности первоначальных документов в полевых записках, в том числе «сказках» местного населения. Особенностью межевых работ в Крыму являлось привлечение переводчиков и фиксация первоначальных сведений в документах как на русском, так и на татарском языке. К особенностям региона относились традиция совершения земельных сделок без оформления документов и закрепление права владения землей данным словом или присягой, а также наличие вакуфных земель, передававшихся в собственность мечетей и мусульманских училищ. Эти восточные черты землепользования не укладывались в имевшие инструкции и потребовали длительного времени для выработки особых правил межевания Крыма.

Ключевые слова: Генеральное межевание, Санкт-Петербургская губерния, Крым

Введение

Одним из грандиозных мероприятий Екатерины II стало проведение Генерального межевания земель Российской империи. В отличие от своих предшественников ей удалось запустить процесс наведения порядка в землевладении на территории Российского государства. Межевание началось с правительственного манифеста

1765 г. на территории Московской губернии и завершилось в конце XIX в. на территории Пермской губернии. За это время межевые работы были проведены в 35 губерниях. Межевание не проводилось на Дальнем Востоке, Туркестане, Сибири, Западном и Юго-Западном крае, большей части Архангельской губернии, а также на окраинах государства, где отсутствовало помещичье землевладение. Общая площадь обмежеванной земли составила 274 млн десятин или одну восьмую часть территории страны (Смирнов, 2009). После присоединения к Российской империи Крыма и Кубани в 1784 г. была создана Таврическая губерния. В 1798 г. на территории Крымского полуострова началось Генеральное межевание (Петрова, 2013). Однако вскоре межевание Крыма было приостановлено. Межевые работы в Крыму были возобновлены только в 1830 г.

Постановка проблемы

После присоединения Крыма в результате пожалований за службу землю на Крымском полуострове получали российские помещики, опустошенные и малонаселенные территории осваивали колонисты, свой земельный фонд пополняли и верные российскому правительству татарские мурзы. Нередко бывшие беи и мурзы злоупотребляли доверием татарских поселян, объявляя их земли своей собственностью. Массовая эмиграция крымских татар после присоединения Крымского полуострова к России привела к тому, что освободились массивы земель, которые передавались в казну. Малонаселенный регион необходимо было осваивать и решение этого вопроса российское правительство видело в привлечении на полуостров помещиков из внутренних губерний России, которые могли обеспечить Крымский полуостров рабочими людьми (Конкин, 2018). Наслаивание новой собственности на старую вызывало земельные споры, которые тормозили процесс межевания. Для организации межевых работ в Российской империи правительством были изданы соответствующие законы и практические инструкции, регламентирующие деятельность землемеров. Однако в Крыму действовали восточные традиции землепользования, сложившиеся еще до присоединения этой территории к Российской империи. Испокон веков на территории Крымского ханства для заключения земельной сделки достаточно было дать присягу или слово. Такая присяга была распространена в Османской империи и использовалась в Крыму. Большинство татар свое владельческое право могли подтвердить только на основании семейного предания или записи муллы, основанной на опросе местных жителей (Марков, 1995). Местные землевладельцы испокон веков владели землей на основании устоявшихся традиций и не могли предоставить документы. Большие трудности вызвало незнание землемерами татарского языка и местных мер измерения.

Исследуемый вопрос

Предметом исследования являются особенности межевых работ, проводившихся российскими землемерами в ходе Генерального межевания в различных регионах Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв., зафиксированные в межевой документации. Для сопоставительного анализа взяты южный и северо-западный регионы. Южный регион представлен Крымским полуостровом, территория которого входила в Таврическую губернию. Северо-Западный регион охватил территорию Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. Каждый из этих регионов имеет свою историю вхождения в состав России, отличается самобытностью, особенностями природной среды, хозяйствования, менталитета населения. Крым с глубокой древности лежал на перекрестке торговых путей, связывающих Восток и Запад. До присоединения к России Крымское ханство было вассалом Османской империи, в нем господствовали ценности и образ жизни восточного мира. Это отражалось и на особенностях землевладения местного населения. Территория северо-западного региона Российской империи – это территория бывшей Новгородской республики. В XVIII в. здесь основывается новая столица Российского государства – Санкт-Петербург. Землевладение в этом регионе было типичным для исторического центра Российского государства.

Цель работы

Целью данной работы является сопоставительный анализ материалов Генерального межевания, создававшихся при межевании Крымского полуострова в конце XVIII – начале XIX в. с материалами Генерального межевания Санкт-Петербургской и Новгородской губерний, и выявление их отличительных особенностей, связанных как с самой организацией межевых работ, так и с освоением новых территорий и их самобытностью. Материалы Генерального межевания представляют собой огромный комплекс источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Они включают планы Генерального межевания – картографическое изображение местности на уровне губернии, уезда и отдельной дачи, Экономические примечания к планам, содержащие сведения о природной среде, хозяйстве, количестве и занятиях населения, межевые книги с описанием границ земельного участка и полевые записки, составлявшиеся в ходе межевания и включающие в себя разнообразные документы и записи.

Методы исследования

В процессе проведения исследования использовались методы поиска документальной информации, позволяющие выявить и ввести в научный оборот новые источники. Благодаря этому в фонде полевых записок Российского государственного архива древних актов были выявлены первоначальные документы – «сказки» крестьян Санкт-Петербургской и Новгородской губерний и «сказки» местного населения Крыма, использовав-

шиеся землемерами для составления Экономических примечаний к планам Генерального межевания. При работе с массовыми данными Экономических примечаний использовались методы систематизации исторических данных и компьютерные методы, основанные на технологии составления баз данных. Для сопоставления полученных данных по различным регионам применялись историко-сравнительный метод и метод системного анализа, позволяющий рассмотреть все рассматриваемые явления в их взаимосвязи.

Результаты

Материалы Генерального межевания Санкт-Петербургской и Новгородской губерний представляет собой типичную документацию, составлявшуюся в процессе и по итогам Генерального межевания во многих губерниях исторического центра Российского государства. До нашего времени в разной степени сохранности дошли губернские и уездные планы, а также планы дач. В то же время Экономические примечания к планам Генерального межевания отличаются между собой по разным уездам. Расширенная информация о географических особенностях местности, природной среде региона, составе флоры и фауны, рыбных ресурсах, грунте земли, занятиях населения содержится в Полных и Камеральных экономических примечаниях (Stepanova, 2016). Полные экономические примечания в разной степени сохранности имеются по Валдайскому и Боровичскому уездам Новгородской губернии, Камеральные экономические примечания – по Новолодожскому и Лугскому уездам Санкт-Петербургской губернии. По остальным уездам сохранились Краткие экономические примечания, содержащие информацию о земельном владении – даче в сокращенном виде.

Состав документов в полевых записках землемеров по северо-западным губерниям Российской империи оказывается не полным. В соответствии с принятыми правилами в деле о межевании дачи должны были находиться отводная сказка, сказки о смежных землях и числе дворов и душ, сведения о приходе, сведения о церковной земле, сведения экономические, доверенности от поверенных, разного рода объявления и другие документы (О государственном межевании в России, 1854). Однако после завершения работы над планами и Экономическими примечаниями в деле оставалась сама полевая записка, в которой землемер фиксировал все свои измерения, и лишь некоторые документы. Поэтому в полевых записках по Санкт-Петербургской и Новгородской губерниям весьма сложно найти первоначальные сведения для Экономических примечаний в виде «сказок» крестьян (Милов, 1965).

С Генеральным межеванием Таврической губернии складывалась совершенно другая ситуация. Крым, бывший ранее плацдармом Турции для ее нападения на Россию, теперь обеспечивал безопасность Российской империи на южных границах (Колесников, 2013). После издания манифеста о принятии Крыма, полуострова Тамань и всей Кубанской стороны в состав Российской империи местное население было уравнено в правах с остальным населением страны. При этом дворянский титул был предоставлен только представителям высшего сословия – беям и мурзам. По аналогии с другими территориями, вошедшими в состав России, принадлежность к дворянству нужно было подтверждать документально либо в результате «разбора». Татарские поселяне были причислены к разряду государственных крестьян и освобождены от рекрутской повинности (Кузьмина, 2015). В собственности мечетей и мусульманских училищ оставались вакуфные земли, пожертвованные из своего имущества мусульманами. Духовенство было освобождено от налогов и податей. За ним оставалось право решения всех вопросов по наследству в соответствии с обычаями и исламскими законами (Абдуллаева, 1997).

Материалы Генерального межевания Таврической губернии отражают ход межевых работ в Крыму. Губернская карта этой территории была составлена только в 1830 г., карта Крымского полуострова – в 1831 г., генеральные уездные планы и планы дач изготавлялись по мере межевания отдельных территорий. Самый ранний уездный план был составлен землемерами в 1801–1802 гг. по Акмечетскому (Симферопольскому) уезду. В 1816 г. была составлена уездная карта Днепровского уезда. Полные экономические примечания по Днепровскому, Мелитопольскому и Феодосийскому уездам относятся уже ко второму этапу межевания в 1833–1834 гг., однако они содержат описание небольшого количества дач. Экономические примечания по Ялтинскому уезду никакой информации о дачах не предоставляют, кроме краткой записи об их расположении на берегу Черного моря. По сути, они являются незавершенными. По времени создания наиболее ранними являются Камеральные экономические примечания на разные дачи в Перекопском уезде, межевание которых началось в 1798 г. и завершилось в 1816 г. Они составлялись разными землемерами по годам по мере межевания территории уезда. Их отличительной особенностью является наличие в тексте большого количества исправлений и черновых записей.

От первоначального этапа Генерального межевания Крыма в конце XVIII – начале XIX в. до нашего времени дошли только 314 межевых дел, хранящихся в фонде полевых записок по Таврической губернии. Большинство из них сохранили в своем составе многочисленную документацию, освещающую ход и итоги межевания. Обязательным документом полевых записок по Таврической губернии является опись документов в межевом деле. В полевых записках сохранились приказы межевой команде, повестки землевладельцам, отводные сказки, присяги понятых, сказки поверенных. Как показывают документы, незнание землемерами татарского языка, а местным населением – русского языка вызывало необходимость использования при проведении межевых работ переводчиков. В их роли выступали татарские муллы, отставные солдаты и представители самых разных сословий, знавшие татарский язык. На межу вызывались поверенные землевладельцев, понятые из соседних поселений и нередко сами владельцы земли. Первоначальная информация во многих документах полевых записок записывалась одновременно на татарском и русском языках. Обязательным документом была присяга или клятва, дававшаяся на татарском языке и переводившаяся на русский язык. Фиксация землемером в

полевых записках ситуации на местности также заверялась подписями поверенных на татарском языке. Особенностью комплекса полевых записок по Таврической губернии является достаточно хорошая сохранность исходных материалов – «сказок», собиравшихся от местного населения. Однако, если в Санкт-Петербургской, Новгородской и других губерниях собирались «сказки» крестьян, то в Крыму в роли авторов «сказок» могли выступать и сами землевладельцы, которые рассказывали о природных условиях своего землевладения, плодородии земли, видах хозяйственной деятельности.

Небольшое по сравнению с другими регионами количество полевых записок, незавершенные варианты Экономических примечаний, ограниченное количество планов дач, размежеванных на рубеже XVIII–XIX в., являются результатом первого этапа Генерального межевания Таврической губернии. Межевание в Крыму было приостановлено в силу своей неподготовленности и выявленных трудностей. Однако состав документов свидетельствует о достаточно тщательной работе землемеров, собиравших исходные документы и опрашивающих население.

Выводы

В процессе межевания различных территорий Российской империи землемерам необходимо было учитывать региональные особенности. Территории Санкт-Петербургской и Новгородской губерний относились к историческому ядру Российского государства. Виды землевладения и землепользования здесь были традиционными для всего государства, регламентировались российскими законами. Главной задачей при межевании было разрешение споров между старыми владельцами. Здесь актуальным оставался девиз Екатерины II, выдвинутый в начале межевых работ: «Каждый при своем». Признание реальных границ старых владений стало ключом к решению многолетних споров между землевладельцами.

В то же время утвержденные законы и правила межевания не показали свою эффективность при межевании Таврической губернии, поскольку не учитывали самобытность Крымского полуострова, входившего ранее в состав Крымского ханства. Здесь господствовали восточные традиции землепользования. В ходе межевания Крыма землемеры столкнулись с огромными трудностями, связанными как с незнанием местного языка и мер измерения, так и со сложной ситуацией с земельной собственностью. В первую очередь они были вызваны отсутствием документов, подтверждающих право земельной собственности. В старые времена свое право владения землей крымские татары подтверждали данным словом или присягой. Старое землепользование крымских татар не укладывалось в рамки российского законодательства. Наложение новой земельной собственности, дарованной российским правительством за верную службу, на старую татарскую вызывало многочисленные споры. Многие вопросы землемерам невозможно было решать самостоятельно, требовались консультации с вышестоящими органами, новые инструкции и правила, учитывающие особенности региона.

Сравнительный анализ материалов Генерального межевания показывает, что землемеры четко регламентировали весь ход работ и соблюдали имевшиеся инструкции. В отличие от других регионов при межевании Таврической губернии тщательно не только собиралась, но и сохранялась исходная документация. Вся первоначальная информация подкреплялась подписями татар и нередко дублировалась на двух языках – русском и татарском. Незавершенность Генерального межевания Крыма на своем первом этапе положительно сказалась на сохранности первоначальных документов в полевых записках. Однако в целом особенности региона наложили отпечаток на весь процесс межевания. Спорные ситуации невозможно было решить без выработки новых правил межевания, учитывающих всю специфику региона, недавно вошедшего в состав России и требующего своего освоения.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00236.

Список литературы

1. Абдуллаева, З.З. (1997) Частное вакуфное землевладение в Таврической губернии (конец XVIII–XIX век) *Культура народов Причерноморья*. 2, 89–91.
2. Колесников, И.Н. (2013) Присоединение Крыма к Российской империи в XVIII в. *Вопросы истории*. 10, 131–137.
3. Конкин Д.В. (2018) Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. XXIII, 756–768.
4. Кузьмина, Л.Л. (2015) О земельных отношениях в Крыму в конце XVIII в. *Таврический научный обозреватель*. 3, 27–33.
5. Марков, Е.Л. (1995) *Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы*. Москва-Симферополь, Таврия: Культура.
6. Милов, Л.В. (1965) *Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.)*. Москва, издательство Московского университета.
7. *О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений* (1854). Москва, типография В. Готье.
8. Петрова, И.В. (2013) Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 12 (38), 162–166.
9. Смирнов, Г.С., Смирнов, С.С. (2009). Организация Генерального межевания в России. *Социум и власть*. 1(21), 104–110.
10. Stepanova, L.G. (2016) Natural environment of Valdai on the materials of General land survey. *Bylye Gody. Bylye Gody. Российский исторический журнал*, 40 (2), 345–355.

СТРАТЕГИИ ПОБЕДЫ И ПРОВАЛА ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

Тамерьян Т.Ю. (а), Желтухина М.Р. (б), Добронищенко Е.В. (с), Парамонова Д.В. (б)

(а) Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, 44-46, ул. Ватутина, г. Владикавказ, Россия, tamertu@mail.ru, +79188286027

(б) Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 27, пр. Ленина, г. Волгоград, Россия, zzmr@mail.ru, +79053389529

(с) Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 10, Ленинградская обл., г. Пушкин, Россия, evd-dobro@yandex.ru, +79818158061

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме современной лингвистики – исследованию арсенала коммуникативных стратегий, реализуемых в дискурсе политических партий Республики Южная Осетия во время избирательной кампании 2019 года. Предвыборный дискурс рассматривается как особый вид деятельности, в процессе которого порождаются речевые произведения, актуализирующими социокультурный контекст коммуникации вместе с экстралингвистическими факторами. Целью статьи является выявление победных и провальных политических стратегий, реализуемых в предвыборной кампании 2019 года на основе сопоставления с результатами предшествующих выборов в парламент республики. В качестве материала авторами используются речевые фрагменты выступлений, теледебатов и заявлений лидеров и руководящего ядра партий, принимавших участие в предвыборной гонке. В основе исследования лежит прагматико-когнитивный подход, способствующий проведению когнитивно-дискурсивного анализа, риторического анализа, структурно-семантического анализа и др. для выявления успешных и неуспешных стратегий воздействия на адресата в политическом медиадискурсе, особенно в период предвыборной борьбы. Установлено, что основные политические стратегии в ходе кампании базируются на идеологемах и лозунгах партий, варьирующихся вокруг центральных концептов югоосетинской политической коммуникации – «народ», «единство» и «борьба за власть», ориентированных на внутриэкономические интересы, социальные ценности и консолидацию народа. Изучение арсенала средств речевого воздействия в процессе избирательной кампании позволяет выявить индикатор эффективности как деятельности партии, представляемой кандидатом в парламент, так и вес политического авторитета каждого конкретного политика. Перспективным представляется изучение тактических приемов в рамках основных стратегий предвыборного дискурса, которые оказывают наибольшее воздействие на электорат, в т. ч. и в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: Максимум предвыборный дискурс. политический лидер, политическая коммуникация, стратегии и тактики, речевое воздействие, Южная Осетия.

Введение

Предвыборный политический дискурс Южной Осетии, сочетающий в себе признаки институциональной и полунституциональной коммуникации, проявляет универсальные и этноспецифические признаки воздействия на электорат. Политическая лингвистика, в рамках которой осуществляется исследование, позволяет перейти от описания единиц и структур к моделированию структур сознания коммуникантов.

Постановка проблемы

Главной системообразующей целью политического дискурса является борьба за власть, которая служит определяющим фактором выбора стратегического арсенала коммуникативных действий, в основе которых лежит стремление повлиять, воздействовать на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата. Прагматика данной статьи состоит в выявлении речевых стратегий, тактик, проявляющих эффективность и неэффективность в предвыборной коммуникации.

Исследуемый вопрос

Изучение арсенала средств речевого воздействия в процессе избирательной кампании позволяет выявить индикатор эффективности как деятельности партии, представляемой кандидатом в парламент, так и авторитетность политика каждого конкретного политика.

Цель работы

В статье анализируется югоосетинская предвыборная коммуникация по данным текущего года. В качестве материала для исследования нами отобраны выступления, теледебатов и встреч с лидерами югоосетинских политических партий, предшествовавших выборам в парламент страны VII созыва, поскольку все вербальное или невербальное поведение политического деятеля оценивается избирателями как его предвыборная политика.

Методы исследования

В рамках прагматико-когнитивного подхода проводится анализ отобранных фрагментов югоосетинского предвыборного дискурса. Речевые произведения рассматриваются нами как средство осуществления воздей-

ствия на избирателей и оппонентов. Выявляется прагматика успешных и неуспешных стратегий. Политическая лингвистика сформировала собственную теорию и специфический методологический инструментарий, актуальный для анализа политического дискурса с учетом лингвосомиотического, когнитивного, когнитивно-дискурсивного риторического, структурно-семантического, психолингвистического и социолингвистического направлений анализа политической коммуникации (Чудинов 2007; Bekoeva et al. 2018; Boeva-Omelechko et al. 2019; Tameryan et al. 2019a;b, etc.).

Результаты

По результатам голосования в Южной Осетии в 2014 году в парламент прошли четыре партии, получившие следующее число голосов избирателей и, соответственно, мест в парламенте: республиканская политическая партия *"Единая Осетия"* (20 мандатов), политическая партия *«Народная партия»* Республики Южная Осетия (4 мандата), социалистическая партия *«Единство народа»* (6 мандатов) и политическая партия *«Ныхас»* (4 мандата) (Выборы в парламент: первые итоги – www).

На выборах 2019 года голоса избирателей распределились между политическими партиями следующим образом: *«Единая Осетия»* получила от числа избирателей, принявших участие в голосовании (7 мандатов); *«Народная партия»* (4 мандата); *«Ныхас»* (3 мандата); *«Единство народа»* (2 мандата). *«Коммунистическая партия Республики Южная Осетия»* с результатом (1 мандат) голосов избирателей вошла в парламент после провала 2014 года (Выборы в Южной Осетии – www).

Впервые за полтора десятка лет выборы проводились по мажоритарно-пропорциональной системе, согласно которой одна половина парламентариев избиралась по партийным спискам, и другая половина, в которую не попали представители зарегистрированных избиркомом партий, – по одномандатным округам. Приведенные факты позволяют нам осуществить сопоставительный анализ эффективности предвыборных стратегий, применяемых партиями во время избирательных кампаний 2014 и 2019 годов без учета одномандатников.

Тексты выступлений партийных руководителей различаются модальностью. Модальность политического дискурса отражает идеологический аспект предвыборной агитации. Арсенал средств, используемых лидерами партий, разнообразен: риторические и лингвистические приемы являются рычагом адресной агитации.

Справедливые демократические выборы и открытая конструктивная политика, проводимая народными избранниками, являются важными основами правового государства. Поскольку выборы в парламент республики являются кульминацией политического процесса, чрезвычайно важно определить ведущие политические технологии, как победные, так и провальные, повлиявшие на волеизлияние народа в процессе голосования. Выборы 2019 года показали, что в период «распределения ролей» во вновь создаваемом театре политическом театре страны стратегема «установка на победу» из категории суггестивно-манипулятивных приемов явилась одной из доминантных.

Заявление лидера самой многочисленной партии-победителя *"Единая Осетия"* Алан Тадтаева передает состояние полной уверенности в своем лидерстве:

«Мы уверены в своей победе <...>».

В выступлении президента республики Анатолий Бибилова, члена *«Единой Осетии»*, делается ставка на авторитет и прошлые заслуги, учитывается персонализированный подход:

«За время своего существования партия одержала две убедительные победы – на президентских и парламентских выборах. Это результат формирования четкой и ясной политической платформы, честного отношения к избирателю, ни на день не прекращающейся работы по решению социальных проблем, внимания к каждому жителю республики» (Лидер *«Единой Осетии»*: мы уверены в своей победе – www).

Политическая партия *«Ныхас»* (осет., ист. «место, где мужчины решали общественные дела, проводили досуг; слово, речь, беседа») пошла на альянс с общественной организацией *"Аланский Союз"* и партией *"Новая Осетия"*.

Новый лидер Давид Санаков выразил уверенность, что у них все получится: *"мы проанализировали все допущенные ранее ошибки и намерены действовать с четкой программой"*. Персуазивный потенциал его выступлений был достаточно убедителен, поскольку стратегия признания прежних ошибок и аккумуляции опыта новых соратников послужили оптимизирующим фактором ориентации избирателей – партия получила в два раза больше голосов, чем в 2014 году (Партия *"Ныхас"* идет на выборы с новым лидером – www).

Партия *"Единство народа"* шла на выборы под лозунгом *"Парламент – для народа"*, демонстрируя стратегию единения со всеми жителями республики. Ее руководитель, Владимир Келехсаев заверил, что они не декларируют тезисы, и не дают народу обещания, а просто, реально делают все для народа Южной Осетии, потому что *"обещают те, кто ничего не делает"*. Будничная тональность программных заявлений вызывает психологический эффект принятия факта надежности «единогласия» как политической силы. Вместе с тем, политтехнологического прорыва не произошло, и рейтинг партии удержался примерно на уровне 2014 (Келехсаев: *«Единство народа»* не обещает, а делает – www).

Центральные концепты югоосетинской политической коммуникации – «народ», «единство» (Bekoeva, Dzhioeva, Tameryan, 2018) и «борьба за власть» репрезентируют одновременно название и лозунг *«Народной партии»*: *«Парламент – для народа»*. Ее представители, позиционируя себя как часть народа, отстаивающая его интересы, фиксируются безупречное прошлое членов партии (*«никто из нас ничем не запачкан, мы все были здесь в самые тяжелые времена»*). Они участвуют *«в политической жизни, чтобы облегчить и улучшить*

жизнь народа». Партия имеет четкую программу, «против которой сложно будет что-либо возразить». Так мощными масками создается образ партии-локомотива, уверенно осуществляющей народные реформы

Доценты, силовики, безработные – это авангард «Коммунистической партии», старейшей в Южной Осетии политическая партии, не получившей мандаты в 2014 году. В платформе политической партии закреплена пространная цель ее деятельности – «защитить мир от капитализма». Стратегическая задача, позволившая получить один мандат в новом парламенте, – воссоединение Осетии в составе России. Это спекулятивный лозунг время от времени муссируемый политиками относится к категории фантомным целей, будоражащих ностальгические чувства юго-осетин (Старейшая в республике политическая партия провела предвыборный съезд – www).

Сложность парламентских выборов 2019 года, по мнению политологов, обусловлена тем, что политическая культура Южной Осетии переживает «переходный возраст» (Не знают куда идут – www).

Языковое воплощение предвыборного дискурса, осуществляемое в персональной (выступления лидера и членов партийного ядра) и коллективный (программа, устав и заявления) формах выступает как инструмент социальной власти, служа индикатором эффективности деятельности определенной партии. Слабые персуазивные технологии не актуализируют главную функцию политической коммуникации – воздействия на электорат.

В этой связи выступления претендентов на парламентские мандаты в теледебатах продемонстрировали отсутствие опыта и неготовность ряда кандидатов к политической деятельности. Провальными оказались, в первую очередь, все диалоговые и агональные стратегии проигравших партий: контактоустанавливающая коммуникативная стратегия, направленная на оптимизацию взаимодействия с электоратом и политическими противниками, имиджевая стратегии самопрезентации, реализуемая на визуальном уровне и в идеологическом плане, стратегия выстраивания перспективы, заложенной в программе партии, и ее аргументативного продвижения.

Лидер партии «Единство» Геннадий Кокоев обратился к избирателям со следующими словами:

"Я почти уверен, что наша партия будет представлена в парламенте".

Он проинформировал о том, какие законы партия намерена продвигать в «случае успеха на выборах» (Лидер «Единства»; необязательно быть первым в предвыборном списке – www).

Прагматика неполной уверенности, прозвучавшая от имени лидера партии как субъекта речи, оказала негативное воздействие на адреса, что повлекло за собой поражение на выборах.

Партия «Фыдыбаста» (русс. «Площадь свободы», от осет. фыд «отец» и баста «край, местность»), получившая 3, 20 % голосов, по сути, сделала для себя антирекламу: стратегия самопрезентации, реализованная ими при помощи тактики открытости, была применена некорректно, поскольку заявление о том, что задачи предыдущих предвыборных программ так и не были осуществлены, в конечном итоге, привело к самодискредитации потенциалов данной партии, что проявилось в невысоком показателе итогов голосования. Лидер этой партии Вячеслав Гобозов признался:

«Мы не первый раз принимаем участие в выборах, и каждый раз выступали с конкретными предложениями. К сожалению, большинство из них все еще не реализованы» (Вячеслав Гобозов: каждый человек, избранный в парламент, должен работать – www).

Примеры провальных коммуникативных стратегий наглядно продемонстрировали несформированность ряда идущих во власть кадровых ресурсов на уровне субъектов югоосетинского партийного движения.

Выводы

Таким образом, установлено, что основной стратегией предвыборного политического медиадискурса является стратегия самопрезентации политика, которую политики успешно или неуспешно используют для достижения своих целей при воздействии на электорат. Стратегии, реализованные в предвыборных жанрах юго-осетинской политической коммуникации, соотносятся с программами политических партий, отражая готовность их членов к эффективному решению задач развития новой страны и вписывания ее государственной системы в политическую модель мира, в первую очередь, в сознании адресатов предвыборной кампании 2019 года.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project № 19-512-07002 (10-MK/19).

Список литературы

1. Bekoeva I.D., Dzhoieva V.P., Tameryan T.Y. (2018). Ethnocultural peculiarities of communication. *Language and Culture*. № 12. С. 4-13. DOI: 10.17223/24109266/12/1.
2. Boeva-Omelechko, N. B., Posternyak, K. P., Zheltukhina, M. R., Ponomarenko, E. B., Talybina, E. V., Kalliopin, A. K., & Ovsyannikova, M. N. (2019). Two Images of Russia in the British Political Mass Media Discourse of 1991 – 1993 and 2013 – 2019: Pragmastic Aspect. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 9(4), e201926. <https://doi.org/10.29333/ojcm/5952>
3. *Выборы в парламент: первые итоги. Южная Осетия*. Retrieved from: <https://sputnik-ossetia.ru/infographics/20190611/8786845/Vybory-v-parlament-pervye-itogi.html>. Дата обращения: 11.06.2019
4. Вячеслав Гобозов: *Каждый человек, избранный в парламент, должен работать. Южная Осетия*. Retrieved from: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190416/8445562/Vyacheslav-Gobozov-kazhdyy-chelovek-izbranny-v-parlament-dolzhen-rabotat.html. Дата обращения: 16.04.2019

5. Клеухсаев: «Единство народа» не обещает, а делает. Retrieved from: <http://www.nykhas.ru/kelekhsaev-edinstvo-naroda-ne-obeshhaet>. Дата обращения: 04.04.2019.
6. Лидер «Единой Осетии»: мы уверены в своей победе. Южная Осетия. Retrieved from: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190331/8354821/Lider-Edinoy-Osetii-my-uvereny-v-svoey-pobede.html. Дата обращения: 31.03.2019.
7. Лидер «Единства»; обязательно быть первым в предвыборном списке. Retrieved from: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190415/8435171/Lider-Edinstva-ne-obyazatelno-byt-pervym-v-predvybornom-spiske.html. Дата обращения: 15.04.2019.
8. Лидер Народной партии: – на первом месте социальные проблемы. Retrieved from: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190412/8419773/Lider-Narodnoy-partii-na-pervom-meste--sotsialnye-problemy.html. Дата обращения: 12.04.2019.
9. Не знают куда идут: эксперты оценили кандидатов в парламент Южной Осетии. Retrieved from: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190613/8797921/Vse-politicheskie-shagi-Kokoyty-privodili-k-krizisu-v-Yuzhnoy-Osetii---Dzhussoev.html. Дата обращения: 06.06.2019.
10. Парламентские выборы в Южной Осетии. Retrieved from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламентские_выборы_в_Южной_Осетии_\(2014\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламентские_выборы_в_Южной_Осетии_(2014)). Дата обращения: 06.04.2019
11. Партия "Ныхас" идет на выборы с новым лидером. ГИА «Рес». Retrieved from: <http://cominf.org/node/1166522195>. Дата обращения: 21.04.2019.
12. Старейшая в республике политическая партия провела предвыборный съезд. Южная Осетия. Retrieved from: https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20190406/8386700/Kompartiya-Yuzhnoy-Osetii-vydvinula-kandidatov-v-deputaty.html. Дата обращения: 06.04.2019.
13. Чудинов, А. П. *Политическая лингвистика*. М., 2007. 254 с.
14. Tameryan, T. Yu., Zheltukhina, M. R., Sidorova, I. G., Shishkina, E. V. (2019a). Stereotype Component In The Structure Of Ethnocultural Archetype (On Internet-Blogs). In: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. No 200, Pp. 1716-1722. doi: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.200> ISSN: 2357-1330.
15. Tameryan, T. Y., Zheltukhina, M. R., Slyshkin, G. G., Zelenskaya, L. L., Ryabko, O. P., & Bodony, M. A. (2019b). Political Media Communication: Bilingual Strategies in the Pre-Election Campaign Speeches. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 9(4), e201921. <https://doi.org/10.29333/ojcm/5869>

ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В НАДЗОРНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Цакаев Алхозур Харонович (а), Саидов Заурбек Асланбекович (б)

(а) Чеченский государственный университет, ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, Россия, tsakaev@inbox.ru, +7(989)912-53-01

(б) Чеченский государственный университет, ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, Россия, z.saidov@chesu.ru, +7(871)229-00-04

Аннотация

Статья раскрывает процесс становления и развития международных институтов регулирования и надзора деятельности кредитных и других финансовых организаций в соответствии с актами Базельского комитета по банковскому надзору (BCBS). Отражены результаты развития банковской системы в русле внедрения принципов и директив BCBS. Авторы отмечают, что важность как международных стандартов менеджмента риска, так и надзорных требований BCBS состоит в том, что практически ни одна крупная финансовая организация, вне зависимости от государственной принадлежности (включая и российской), в условиях глобализации не может игнорировать их положения без риска ухудшения условий своей деятельности. Отмечено назначение стресс-тестирования и в идентификации маловероятных крупных потенциальных потерь в стрессовых условиях, когда нормальные условия рынка перестают работать. Показано, что в России как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе будет сохраняться тяга к централизации в системе государственного регулирования – включая регулирование и надзор деятельности финансовых организаций. Принятие в сентябре 2013 года модели мегарегулятора финансового рынка в России является одним из веских аргументов в пользу данной точки зрения. всякая излишняя централизация приводит к возникновению и росту вероятности проявления системного риска. Авторы считают, что чем масштабнее централизация функционала в системе, тем катастрофичны системные риски, вызванные действиями самого регулятора банковской системы, а в современной России это касается всей финансовой системы. Многие страны демонстрируют масштабность проявляющихся системных рисков и их последствия для человека, организации и территориального образования. Предложено пересмотреть политику ускоренного внедрения требований международных финансовых институтов с усилением правовой базы по защите интересов российских финансовых организаций на российских и международных финансовых рынках.

Ключевые слова: институт, надзор, капитала, централизация, концентрация, тренд.

Введение

Состояние регулирования российского финансового рынка, включая и его банковский сектор вызывает определенные вопросы в контексте наследия Адама Смита, рекомендовавший обеспечивать низкие издержки государства на сбор налогов и содержание налогового аппарата – административные расходы по управлению

налоговой системой и соблюдению налогового законодательства должны быть минимальными (Adam Smith, 2007). Предложенный им принцип экономности налогообложения, заключающийся в сокращении издержек взимания налога в направлении рационализации системы налогообложения, но уже в целях рационализации банковской системы сегодня декларирует и Базельский комитет по банковскому надзору (Basel Committee on Banking Supervision, BCBS), утверждая, что «...существует компромисс между уровнем защиты, который обеспечивает надзор, и стоимостью финансового посредничества – чем ниже допустимая степень риска для банков и финансовой системы, тем вероятнее будет более навязчивый и дорогостоящий надзор, что в конечном итоге окажет негативное влияние на инновации и распределение ресурсов» (BCBS, 2011). Этот посыл настолько фундаментален и актуален для современной России, что требует раскрытия генезиса деятельности этого международного финансового института.

Постановка проблемы

В 1974 году руководители центральных банков стран-членов G10 создали BCBS, которому вменялось обеспечить организацию разработки и внедрения единых надзорных требований и методик регулирования банковской деятельности в банковскую систему странах-членах G10. Положения документов BCBS до 2010 года носили рекомендательный характер, а его деятельность фокусировалась на формировании инструментов, методов и механизмов «раннего реагирования» на проблемы функционирования национальных банковских систем. С 2010 года внимание BCBS акцентировалось, преимущественно, на устранении недостатков в деятельности национальных банковских надзорных органов, а сами надзорные соглашения BCBS приобрели статус директивы для национальных надзорных органов и коммерческих банков. Надзорные директивы BCBS сегодня обеспечивают и интеграцию банковских систем стран-членов Европейского Союза (ЕС). Также следует отметить, что сама разработка надзорных директив BCBS сегодня осуществляется в режиме совместной работы банковских сообществ и банковских надзорных органов не только стран-членов G10 и G20, а и многих других стран.

Исследуемый вопрос

К основным документам BCBS, принятые им за 45 лет своей деятельности следует отнести следующие четыре нормативных акта.

1. The New Basel Capital Accord или Basel I был принят в 1988 году в котором впервые были сформулированы требования к собственному капиталу банков как «реакция со стороны банковского сообщества и надзорных органов на случаи крупных потерь и банкротств финансовых посредников» (BCBS, 2001). Ключевая идея принятого этого соглашения состояла в создании механизма контроля достаточности собственного капитала банка на основе регулирования его кредитного риска. К концу 1992 года к требованиям Basel I присоединились более 100 стран (Ларионова и др., 2018). Российская Федерация присоединилась к стандартам BCBS в 1997 году, с изданием в 1996 году Инструкции № 1 «О порядке регулирования деятельности кредитных организаций».

Основными положениями Basel I являлись: определение приемлемого финансового положения банка, измеряемое как отношение собственного капитала к суммарному объему активов, взвешенных с учетом кредитного риска ($\geq 8\%$); определение величины кредитного риска взвешиванием величины актива с использованием пяти весовых коэффициентов риска (0; 10; 20; 50 и 100 %); деление собственного капитала банка на капитал первого уровня (акционерный капитал и объявленные резервы) и капитал второго уровня (дополнительный капитал).

Но, несмотря на эти новации в банковскую практику соглашение Basel I содержало ряд недостатков, а именно: не учитывались другие не менее существенные виды банковских рисков; имела упрощенную градацию кредитного риска; требования к капиталу банка не обеспечивало финансовую устойчивость коммерческих банков и стабильность банковской системы. Именно это и явилось причиной принятия в 2004 году обновленного соглашения – Basel II.

2. Principles for Sound Liquidity Risk Management and Supervision (BCBS, 2008) в первой версии был принят BCBS в 1997 году и несколько раз пересматривался. В процессе разработки и принятия этого документа был сформирован набор из 29 основополагающих принципов эффективного банковского надзора, ранжированные в две группы. Принципы первой группы, включающие первые тринадцать (с № 1 по 13), раскрывают как содержание надзорных полномочий, включая их обязанности и функции), так и суть эффективного надзора за рисками и раннего вмешательства, а также действий своевременного надзора. Во вторую группу входят 16 принципов (с № 14 по 29), раскрывающие содержание ожиданий банков от банковского, пруденциальные нормативы и требования к банкам. Такая группировка принципов позволила выделить: то, что надзорный орган должны делать сам, и то, что он ожидает от банков.

Действующая версия данного документа BCBS позволило увеличить основополагающие принципы эффективного банковского надзора на четыре принципа (с 25 до 29 принципов). Это увеличение произошло, во-первых, вследствие деления первого принципа на три отдельных: принцип обязанности, цели и полномочия (№ 1); принцип независимости, ответственности, обеспечение правовой защиты (№ 2); принцип сотрудничества и взаимодействия (№ 3). И во-вторых, добавления двух новых: принципа корпоративного управления (№ 14), принципа раскрытия информации и прозрачности (№ 28).

В этом документе отмечается, что банковский надзор должен способствовать созданию в стране эффективной и конкурентоспособной банковской системы, отвечающей потребности населения в финансовых услу-

гах хорошего качества по доступной (разумной) цене. А недостатки корпоративного управления деятельности банков могут иметь серьезные последствия как для конкретного банка, так и всей банковской системы. Подчеркнута важность раскрытия информации и прозрачность в поддержании доверия к банкам, позволяя участникам рынка лучше понять профиль риска банка и тем самым уменьшить неопределенность рынка в отношении финансовой устойчивости банка.

Основные принципы банковского надзора и их критерии оценки учитывают широкий спектр существующих в мировой практике банковских систем в направлении развития концепции пропорциональности регулирования и надзора деятельности кредитных организаций. Пропорциональный подход отражает соразмерность регулирования и надзора с профилем риска и системной важностью широкого спектра банков (от крупных международных до небольших депозитных учреждений), что позволяет оценить уровень соответствия деятельности регулятора основным принципам эффективного банковского надзора.

3. Basel II: The International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards – A Revised Framework) (BCBS, 2004) был принят в 2004 году и представлял собой трехкомпонентный стандарт, вводящий минимальные требования к капиталу (на основе Basel I), процедуры надзора и рыночную дисциплину.

BCBS в рамках Basel II было предложено два подхода к расчету кредитного риска: стандартизированный, основанный на внешних кредитных рейтингах рейтинговых агентств. Альтернативный подход (подход IRB Approach) измерения кредитного риска на основе четырехфакторной математической модели, и позволяющий определить ожидаемые и неожиданные потери.

В России положения стандарта Basel II стали внедряться в банковский сектор с лета 2010 года, тогда как уже осенью того года BCBS предложил национальным надзорным органам и банкам уже новые соглашения, получившие название Базель III. Банк России издал Письмо за № 192-Т, от 29 декабря 2012 года, которым были введены в банковскую практику «Методические рекомендации по реализации подхода к расчету кредитного риска на основе внутренних рейтингов банков».

В целях повышения качества управления рисками в банковском деле и стабильности всей финансовой системы страны Basel II содержал новые (в сравнении с Basel I) методические рекомендации в области банковского регулирования, такие как: создание системы взвешенного расчета регулятивного капитала, более чувствительной к банковским рискам; существенно расширенный арсенал инструментов снижения кредитного риска; введение требования к капиталу под операционный риск; существенное расширение полномочий органов надзора; требования всестороннего раскрытия банками своей информации и используемой ими методологии.

Ожидалось, что введение этих новшеств окажет, с одной стороны, наиболее существенное влияние на резкое повышение качества управления рисками в большинстве банков в направлении повышения внимания к одному из существенных рисков коммерческих банков – операционному риску. А с другой – заметное влияние на средние и мелкие банки и другие небанковские кредитные организации как на развитых, так и развивающихся рынках. К сожалению, внедрение стандартов Базель II имело больший негативный эффект для экономического развития стран и мировой экономики, провоцируя новый всплеск нестабильности на банковских и других финансовых национальных и глобальных рынках – глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. отчасти спровоцирован и требованиями международного стандарта Базель II для банков и банковских систем большинства стран. Именно в период начала последнего глобального финансового кризиса страны-члены G20 сменили формат своего форума – с 2008 года стал проводиться саммит на уровне глав государств, а до этого проводились лишь ежегодные встречи министров финансов и глав центральных банков. Мировая банковская практика конца нулевых годов показала несостоятельность директив Базель II в противостоянии новым явлениям в рыночной экономике, а наоборот еще в большей степени обострили ситуацию в денежно-кредитной сфере развитых и развивающихся экономик мира и несмотря на предпринимаемые меры по модернизации регулирования достаточности капитала банков, их устойчивость оставалась сомнительной.

Как следствие BCBS в сентябре 2010 года предложил для банковского сообщества и руководителям центральных банков новый свод стандартов, получивший название Basel III.

4. Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems (BCBS, 2010) принят BCBS 12 сентября 2010 года (одобрен на саммите G-20 в Сеуле), а в обновленной редакции от 20 февраля 2012 года. Данный документ представляет собой свод нормативов, усиливающие требования к капиталу и вводящие нормативы требований к ликвидности банка. BCBS разработал этот документ для нивелирования недостатков Basel II, проявившихся особо остро в период финансового кризиса 2008–2009 гг. Положения Basel III, в отличие от положений Basel I и Basel II, представляют не рекомендации, а требования к банковской деятельности, существенно усиливающие требования к капиталу и вводит новые требования по ликвидности банка. Повышение качества управления банковскими рисками рассматривается в качестве главной цели в данном документе – обязательное требование совершенствования систем управления рисками и информационной безопасности.

Basel III усилил все три компонента Basel II, и в первую очередь компонент I – ужесточение требований к капиталу, новые требования к ликвидности и введение показателя финансового рычага.

В Российской Федерации требования Basel III реализуются поэтапно. И тому свидетельство – принятое российским банковским регулятором Положение «О методике определения величины и оценке достаточности собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»))» от 28 декабря 2012 г. № 395-П.

Если первоначально временные рамки перехода банков на требования Basel III были определены 2013–2019 гг., то в последствие эти временные сроки были пересмотрены. Ожидается завершить этот переход к 2022 году, включая и Российскую Федерацию (Банк России, 2018).

С 2013 года такие страны как Австралия, Гонконг, Индия, Канада, Китай, Мексика, Саудовская Аравия, Сингапур, Таиланд, Швейцария, Южная Африка, Япония стали внедрять требования Basel III к капиталу банка в свою банковскую систему, а с 2014 года – страны ЕС, США, Россия и некоторые другие страны. Следует отметить, что требования Basel III изначально были рассчитаны только для крупных системно значимых в мировом масштабе банков (G-SIB) – крупнейшие банки США, Великобритании, Германии, Швейцарии, Японии, Китая, Франции, Испании, Нидерландов и Швеции, обслуживающие внешнеэкономические отношения (Borisov, Kondrat, 2016). Сегодня, даже после реализации антикризисных мер в США укрупнение американских транснациональных банков продолжается, но проблема их финансовой устойчивости так и остается не решенной в полной мере (Shmigol, 2018).

Сегодня основной целью BCBS стало формулирование общих стандартов банковского надзора, достаточности капитала, учета рисков для национальных уполномоченных органов с последующей их адаптацией к своим законодательным и исполнительным актам.

Прогнозным инструментом управления рисками считается стресс-тестирование, позволяющее упростить процесс определения и достижения целей, заложенных в стратегии и политике коммерческого банка. Следует отметить, что роль этого инструмента после последнего глобального финансового кризиса заметно возросла и в банковском надзоре. В 2009 году BCBS опубликовал «Принципы эффективной практики стресс-тестирования и надзора», получившие в последующем название «Принципы стресс-тестирования 2009» (BCBS, 2009). Нужно отметить, что и до 2010 года действовали рекомендации применения стресс-тестирования в рамках Basel I и Basel II, но с принятием Basel III ситуация кардинально изменилась.

Basel III нацелен на трансформацию национальных банковских систем и обеспечение их долгосрочной стабильности. Поэтому банки, не способные выполнять требования Basel III, подлежат уходу с банковского и других финансовых рынков, а банки, выполняющие требования Basel III должны ориентироваться на собственный капитал и при необходимости использовать свои дополнительные резервы.

Многие специалисты (Kurguzov, 2011) Basel III рассматривают как серьезное действие в модернизации деятельности банков и всей банковской системы страны, так как эти требования позволяют банкам: повысить ликвидность и сократить долю неэффективного капитала; повысить качество капитала и сократить потребность в избыточном капитале; корректировать реализуемые бизнес-модели. Между тем, по расчетам ведущих международных финансовых, экономических и исследовательских организаций имеет место негативное влияние требований Basel III на финансовую устойчивость кредитных организаций и стабильность кредитной и всей финансовой системы развитых и развивающихся стран. (Larionova et al., 2018; Shmigol, 2018). Важно отметить, что назначение стресс-тестирования состоит в идентификации маловероятных крупных потенциальных потерь в стрессовых условиях – когда нормальные условия рынка перестают работать.

В 2014 году BCBS создал Объединение по стресс-тестированию (STN), которое впоследствии было переименовано в Рабочую группу по стресс-тестированию (WGST). Сегодня, BCBS признаются две программы надзорного стресс-тестирования: первая, основанная на методе сверху-вниз (top-down) – от надзорного органа к кредитной организации, а вторая – на методе снизу-вверх (bottom-up) – от кредитной организации к надзорному органу. Метод сверху-вниз исходит из того, что сначала надзорные органы аккумулируют сведения от банков, и только после этого осуществляют оценку эффективности и работоспособности этих банков в условиях стресса, на основе собственных моделей и сценариев. Метод снизу-вверх в стресс-тестировании – сначала надзорные органы направляют свои сценарии и руководство в кредитные организации, которые используются ими в собственных моделях, и затем формируются отчеты с полученными результатами стресс-тестирования, которые и направляются надзорным органам (BCBS, 2017). Безусловно, программы надзорного стресс-тестирования должны охватывать все риски банка в стрессовой ситуации. Банковские надзорные органы в развитых и развивающихся странах продолжают и сегодня увеличивать объемы ресурсов, выделяемых для усовершенствования надзорного стресс-тестирования этих обоих видов. Банки все меньше воспринимают стресс-тестирование исключительно как процедуру для обеспечения регуляторного соответствия.

Важность международных стандартов менеджмента риска и надзорных требований BCBS состоит в том, что практически ни одна крупная финансовая организация, вне зависимости от государственной принадлежности (включая и российского), в условиях глобализации не может игнорировать их положения без риска ухудшения условий своей деятельности. (Tsakaev, 2012)

Касаясь российского законодательства о финансовом регулировании, следует коснуться, прежде всего, Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в последней редакции – закона о мегарегуляторе в современной России, где в Главе 10 отражено банковское регулирование и банковский надзор (статьи 56–76), а также приводятся правовые основы регулирования, контроля и надзора в сфере финансовых рынков (статьи 76.1–76.9).

Цель работы

Современным трендом в международной практике регулирования деятельности финансовых организаций является переход значительного числа развитых и развивающихся стран к пропорциональному регулированию и надзору. Объясняется это рядом факторами. Это и рост числа финансовых организаций и их многообразия. Это и рост сложности регулирования этих финансовых организаций. Это и ресурсная ограниченность деятельности надзорных органов. А также, это и снижение уровня конкурентной среды на финансовых рынках

из-за унификации требований надзорных органов (Nikulina, Bravorets, 2017). Поэтому в рамках данной статьи нами ставилась цель отразить наблюдаемые глобальные и национальные изменения в надзорной деятельности центральных банков и других регуляторов финансовых рынков.

Методы исследования

В процессе выполнения исследования в части выявления связей и взаимообусловленностей использовались методы системного анализа, а именно методы, направленные на использование интуиции и опыта специалиста – методы экспертных оценок. При анализе содержания надзорных требований по каждому из четырех документов BCBS были использованы возможности метода ассоциаций. При осуществлении сравнении разных версий в рамках каждого из четырех рассмотренных документа BCBS использованы возможности метода бинарных сравнений. При сравнении Basel I, Basel II и Basel III были использованы возможности метода векторов предпочтений.

Результаты

Международный опыт показывает, что ключевым принципом риск-ориентированного надзора является концентрация ресурсов регулятора на организациях с максимальным объемом рисков или масштабом деятельности. Безусловно, концепция пропорционального регулирования и риск-ориентированного надзора в России должна лежать в основе всех критериев оценки деятельности кредитных организаций и некредитных финансовых организаций в стране, но её национальный формат должен формироваться с взвешенным учетом наблюдаемых трендов в надзорных требованиях международных институтов.

В России как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе будет сохраняться тяга к централизации в системе государственного регулирования. Включая регулирование и надзор деятельности финансовый организаций. Принятие в сентябре 2013 года модели мегарегулятора финансового рынка в России является одним из веских аргументов в пользу данной точки зрения.

Между тем, можно предположить, что сложившаяся модель регулирования и надзора для современной России в условиях цифровизации общественных отношений все-же будет трансформироваться в направлении децентрализации (вертикальной и горизонтальной). При этом, в вертикальной проекции децентрализация регулирования и надзора будет осуществляться в направлении как возвращения части полномочий территориальным структурным подразделениям регулятора (от головного офиса Банка России к Главным управлениям, а от главных управлений – отделениям Банка России в субъектах РФ). В горизонтальной проекции – в направлении восстановления регуляторов по секторам финансового рынка – банковского, страхового, фондового. А учитывая федеративное государственное устройство современной России, эффективность регулирования и надзора будет зависеть и от уровня децентрализации отдельных властных полномочий регулирования и надзора между Банком России (федеральный регулятор) и высшим исполнительным органом субъекта РФ (региональный регулятор).

Финансовая система современной России демонстрирует приверженность идеям международных институтов. Россия постепенно всё в большей степени встраивается в международные тренды регулирования и надзора. Банк России усиливает требования к собственному капиталу финансовых организаций и стремится создать модель, ограждающая финансовый сектор российской экономики от возникающих внешних кризисных потрясений. Предпринимаемые Правительством РФ и Банком России меры бюджетно-налогового и денежно-кредитного регулирования, согласно данным Росстата, обеспечивают определенную стабильность отечественного финансового рынка (в части валютного курса, инфляции, и прочее) и положительную (хоть и не высокую) динамику российской экономики.

Выводы

В русле политики пропорционального регулирования и надзора деятельности финансовых организаций наблюдается с одной стороны, усиление централизации регулирования и концентрация капитала в секторах национального финансового рынка (банковского, страхового, фондового). А с другой, – снижение конкуренции между участниками рынка, уменьшение уровня занятости и падение реальных доходов населения, ухудшение качества жизни россиян, рост разрыва в уровнях доходов между высоко- и низкооплачиваемыми категориями работающих. И эти тенденции сопровождаются ростом уровня гармонизации российского финансового законодательства к требованиям BCBS и других международных финансовых институтов.

Важно осознать, что всякая излишняя централизация приводит к возникновению и росту вероятности проявления системного риска. Чем масштабнее централизация функционала в системе, тем катастрофичны системные риски, вызванные действиями самого регулятора системы – в современной России это касается всей финансовой системы страны. Современная мировая финансовая система и национальные финансовые системы многих стран демонстрируют масштабность проявляющихся системных рисков и их последствия для человека, организации, территориального образования, государства и мира в целом.

В качестве предложений напрашивается осознание и принятие формулы (фабулы) поведения государств с развитой крупной экономикой (таких как США, Китай, Германия, Франция и Великобритания) по выстраиванию и реализации модели государственного регулирования и надзора в финансовой сфере деятельности, максимально благоприятствующая развитию своей национальной экономики.

Список литературы

1. Adam Smith (2007) An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. – Books I, II, III, IV and V – MetaLibri. Retrieved from: – https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf
2. BCBS (2001) The New Basel Capital Accord, Basel I. Retrieved from: – <https://www.bis.org/publ/bcbsca03.pdf>
3. BCBS (2004) Basel II: The International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards – A Revised Framework. Retrieved from: – <https://www.bis.org/publ/bcbs107.htm>
4. BCBS (2008) Principles for Sound Liquidity Risk Management and Supervision. Retrieved from: <https://www.bis.org/publ/bcbs144.pdf>
5. BCBS (2009) Principles for stress testing practices and supervision. Retrieved from: –<https://www.bis.org/publ/bcbs147.pdf>
6. BCBS (2011) Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems. Retrieved from: – <https://www.bis.org/publ/bcbs189.htm>
7. BCBS (2017) Obzor protsedur nadzornogo i vnutribankovskogo stress-testirovaniya. Neofitsial'nyy perevod. Bazel'skiy komitet po bankovskomu nadzoru. [Overview of supervisory and interbank stress testing procedures]. Unofficial translation. Basel Committee on Banking Supervision. Retrieved from: – https://cbr.ru/Content/Document/File/71890/bis_20190507_1.pdf
8. Bank of Russia (2018) O srokakh vnedreniya Bazelya III. [On the timing of the implementation of Basel III]. Retrieved from: – https://cbr.ru/press/pr/?file=06022018_120000ik2018-02-06t11_55_45.htm
9. Borisov, O.S., Kondrat, E.I. (2016) Praktika vnedreniya standartov Bazel'skogo komiteta po bankovskomu nadzoru (Bazel' III) za rubezhom [The practice of implementing the standards of the Basel Committee on Banking Supervision (Basel III) abroad] // The legal field of modern economics. № 4, pp. 105-113.
10. Kurguzov, V. (2011) «Bazel' III»: real'nyye bankovskie reformy ili ocherednyye imitatsii [Basel III: Real Banking Reforms or Regular Imitations] // Society and Economics. 2011. No 3, pp. 152-162.
11. Larionova, I.V. et al. (2018) O privedenii bankovskogo regulirovaniya v sootvetstviye so standartami Bazel'skogo komiteta po bankovskomu nadzoru (Bazel' III) v usloviyakh nestabil'noy ekonomicheskoy situatsii [On bringing banking regulation in line with the standards of the Basel Committee on Banking Supervision (Basel III) in an unstable economic situation.] Moscow. Publishing House Knorus.
12. Nikulina, O.V., Bravorets, A.K. (2017) Mezhdunarodnoye regulirovaniye bankovskoy deyatel'nosti: uchastiye Bazel'skogo komiteta v regulirovanii deyatel'nosti kommercheskikh bankov [International banking regulation: participation of the Basel Committee in regulating the activities of commercial banks] // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement, No. 1 (19), pp. 244-249/
13. Shmigol, N.S. (2018) Zarubezhnyy opyt ukrepleniya kapital'noy bazy kommercheskikh bankov [Foreign experience in strengthening the capital base of commercial banks]. Retrieved from: – <https://cyberleninka.ru/article/v/zarubezhnyy-opyt-ukrepleniya-kapital'noy-bazy-kommercheskikh-bankov> Retrieved from: – <https://cyberleninka.ru/article/v/zarubezhnyy-opyt-ukrepleniya-kapital'noy-bazy-kommercheskikh-bankov>
14. Tsakaev, A.Kh. (2012) Menedzhment riska v kreditnoy organizatsii [Risk management in a credit institution.] Moscow. Publishing house LLC "Ankil".

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ

**Туменова Светлана Ахматовна (а), Мустаев Мовсар Мусаевич (б),
Мамбетова Фатимат Абдуллаховна (с)**

(а) Институт информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, И. Арманд, 37 А, г. Нальчик, Россия, swetasoz@mail.ru, 89287031244

(б) Чеченский государственный университет, пр. Бульвар Дудаева, 17, г. Грозный, Россия, sweet-888@mail.ru, 89633967604

(с) Кабардино-Балкарский научный центр РАН, И. Арманд, 37 А, г. Нальчик, Россия, fatima-mambetova@rambler.ru, 89034952722

Аннотация

В условиях формирования новой экономики как конкретно-исторической формы развития, характеризующейся структурным сдвигом к повышению доли и роли наукоемких и креативных индустрий в воспроизводственном потенциале страны/региона, умение работать со знаниями, опережать конкурентов в междисциплинарном поиске инновационных решений и прорывных технологий приобретает преобладающее значение. В результате исследование проблем активизация инновационной деятельности в контексте современных вызовов мирохозяйственной динамики приобретает особую актуальность. Объектом изучения в статье выступает инновационный механизм развития региональных конкурентных преимуществ, предметом – совокупность экономических отношений по поводу совершенствования инновационного механизма развития отечественных регионов как одного из наиболее важного фактора формирования региональных конкурентных преимуществ в условиях объективизации требований новой экономики. Целью работы стал анализ современных научно-прикладных проблем инновационной модернизации экономики российских регионов с учетом возрастающей интеллектуализации всех видов деятельности, применяемых факторов, оказывающих непосредственное влияние на формирование региональных конкурентных преимуществ. Использованы методы системного, логического и сравнительного, анализа, методы эмпирического обобщения и систематизации. Определены основные факто-

ры, ограничивающие процесс инновационного преобразования российских регионов и их адаптации к современным тенденциям мирохозяйственной динамики; выявлены причины низкой эффективности инновационного механизма развития отечественных регионов; идентифицированы ключевые проблемы и задачи формирования региональных конкурентных преимуществ в условиях актуализации инновационного типа развития. Предложены рекомендации и определены направления совершенствования инновационного механизма развития на региональном уровне с учетом приоритетов конкурентного развития. Сделан вывод о том, что экономика региона должна быть ориентирована на построение непрерывного инновационного цикла, позволяющего эффективно реализовывать на практике инновации, встраивать их в системы технологического разделения труда с учетом сложившихся региональных условий.

Ключевые слова: инновационный механизм, новая экономика, региональное развитие, конкурентоспособность, конкурентные преимущества, инновационный потенциал

Введение

Активизация инновационной деятельности традиционно является одним из фундаментальных условий формирования конкурентных преимуществ экономических акторов (Shumpeter, 1952; Asheim, 2002; Cooke, 2001; Махлуп, 1966). Вместе с тем, значительное возрастание роли инноваций в динамизации экономического роста, наращивание наукоемкости всех сфер деятельности, производственных систем, среды обитания, углубление процессов интеграции, наблюдаемые с конца XX в., актуализируют задачу исследования ключевых аспектов конкурентного развития современных экономических систем, в том числе регионального уровня, с учетом инновационного фактора.

Постановка проблемы

Переход на инновационный тип развития экономики связан с беспрецедентным усложнением структуры и характера взаимодействия социально-экономических, производственно-технологических систем и процессов, а также превалированием роли науки и всей ее инфраструктуры, позволяющей превращать идеи в конкретные достижения. Так, в контексте особой значимости инновационной направленности современной экономики, ускорение темпов экономического роста возможно только через эффективное использование инновационного потенциала регионов, создание условий для привлечения инвестиций, новых технологий, инновационного предпринимательства (Кузык, 2009; Magro, Wilson, 2013; Breschi, Catalini, 2010). Все это актуализирует поиск новой несырьевой модели роста экономики, предполагающей разработку эффективных методов создания, развития и использования конкурентных преимуществ, основанных на активизации инновационной деятельности и превращении инновационности в постоянно действующий критический фактор успеха. В следствии этого, проблема развития и совершенствования инновационного механизма развития региональных экономик, повышения их воспроизводственного потенциала с целью достижения устойчивого развития, необходимого для увеличения общественного и личного благосостояния регионального сообщества, становится весьма актуальной. Что, собственно, и составляет сущностную основу новой экономики. Здесь описывается постановка проблемы

Исследуемый вопрос

В статье изучается процесс повышения результативности производства, распределения и использования, имеющихся интеллектуальных и иных ресурсов за счет развития и совершенствования инновационного механизма, интерпретируемого как формы и методы осуществления и регулирования инновационной деятельности, направленной на динамизацию экономического роста, социального развития, повышение конкурентоспособности экономики региона в целом.

Цель работы

Цель работы связана с разработкой предложений по совершенствованию инновационного механизма развития региональных конкурентных преимуществ на основе анализа проблем инновационной модернизации экономики российских регионов, идентификации рисков их адаптации к современным тенденциям мирохозяйственной динамики, выявления основных задач повышения конкурентоспособности в условиях актуализации инновационного типа развития.

Методы исследования

Работа опирается на аксиоматику экономической синергетики, в которого более эффективным методом управления конкурентоспособностью экономических систем (КСП ЭС) является создание приемлемых условий, необходимой для самоорганизации среды и отслеживание эффективности этих условий (среды). С точки зрения синергетической методологии процесс обеспечения КСП ЭС направлен на достижение положительных эффектов в результате когерентного действия разнохарактерных механизмов, приводящих к качественным видоизменениям систем и ориентирующих их на:

- развитие организационных основ инновационной деятельности, которых отличает системность, комплексность и направленностью в нелинейное будущее;

- формирование институциональных форм и отношений, стимулирующих и реализующих способности к обеспечению устойчивого развития;
- обеспечение синергии взаимодействия элементов СЭС за счет самоорганизации (Туменова, 2011).

Использованы методы системного, логического и сравнительного, анализа, методы эмпирического обобщения и систематизации. Описание используемых методов при выполнении исследования

Результаты

Назревающий в настоящее время кризис в теории и практике управления КСП ЭС обусловлен, с одной стороны, необходимостью выявления и изучения механизмов их развития и эволюции, которые бы гарантировали устойчивость функционирования в новой экономике. С другой – неспособностью существующих методов, основанных на технократическом мышлении, классической теории регулирования, теории оптимального управления эффективно решать задачи достижения целей развития ЭС, связанные с приобретением новых качеств, необходимых для осуществления прогрессивных перемен, адаптацией к современным вызовам и условиям внешней среды.

Исследование методологических проблем повышения эффективности инновационного процесса, конкурентного развития региональных ЭС позволило выявить основные факторы, ограничивающие реализацию инновационного потенциала регионов и их адаптацию к общемировым тенденциям развития:

во-первых, наблюдается несостоятельность существующих подходов, основанных на классической теории регулирования, технократическом мышлении, теории оптимального управления в полном объеме проникать в сущность сложных, противоречивых и высокодинамичных общественных процессов, воспринимать и интерпретировать особенности современного этапа экономического роста и развития, динамики организационно-экономических отношений, трансформационных процессов. В условиях становления новой экономики адекватное исследование и описание синергетической основы этих процессов и явлений средствами традиционного подхода оказывается невозможным. Так, практика свидетельствует о продолжающемся накоплении методологических, методических трудностей, связанных с неспособностью существующих подходов эффективно решать задачи обеспечения конкурентоспособности реальных ЭС в новой экономики, где основным преимуществом является знание (Аганбегян, 2015; Френцель и др., 2018).

Во-вторых, ЭС рассмотренные в их исторической ретроспективе, представляют собой сверхсложную человеко-техническую систему в совокупности с экологической и культурной составляющими, освоившую новую технологию, иными словами, сложную самоорганизацию из самоорганизованных элементов (отдельных акторов) в которой наблюдаются сильные нисходящие и восходящие корреляции «целое-части», изучаемые, как правило, качественными методами. Результатом этого является необходимость включения в объектную сферу экономического знания ценностных, культурных, социальных и иных характеристик познающего субъекта, а также появление новых научных направлений фундаментальной экономической теории, связанных с расширением ее предметного пространства и изменением методологии (эволюционной экономики, экономической синергетики и др.) (Туменова, 2018).

В-третьих, процессы, происходящие в современном социуме, носят ускоренный характер, а возросшая роль личности в социально-экономических процессах усиливает напряженность, что связано с ростом ответственности не только тех, кто принимает управленческие решения, но и тех, кто воплощает эти решения в жизнь (Cruz, Teixeira, 2011; Lin, 2011).

В-четвертых, интеллектуализация деятельности и используемых факторов, оказывающих непосредственное влияние на воспроизводственный процесс, имеют следствием сокращение экономического времени и экономического пространства; изменение коммуникационных и транзакционных взаимосвязей; ускорение процессов автоматизации, роботизации, компьютеризация многих сфер жизнедеятельности современного социума (Foray, David, Hall, 2009; Naraguchi, Cheng, Smeets, 2017).

На рис. 1 представлены ключевые проблемы и задачи формирования региональных конкурентных преимуществ в условиях актуализации инновационного типа развития.

Акцентируя внимание на современном состоянии инновационного процесса в регионах России, следует отметить, что для их значительной части характерны:

- низкий уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов различных отраслей;
- дисбаланс в развитии основных составляющих инновационного потенциала;
- не соответствие субъектов региональной инновационной деятельности, как по качеству, так и по количеству, уровню решаемых задач;
- низкое финансирование инновационной деятельности (Доклад под рук. Е.Г.Ясина, 2018).

Проведенное исследование позволило выявить такие наиболее актуальные причины низкой эффективности инновационного механизма развития отечественных регионов, как:

- неконкурентоспособность экономики в глобализирующемся мире при долговременном закреплении ее технологической отсталости;
- отсутствие консенсуса в отношении планов реализации модернизационного сценария инновационного регионального развития;
- недостаточная эффективность механизмов государственного и корпоративного управления;
- ухудшение потенциала финансово-инвестиционной сферы;

- недостаточная эффективность механизмов государственного и корпоративного управления;
- низкий уровень фундаментальных и прикладных наук;
- нехватка инвестиций на модернизационные преобразования, необходимость в масштабных инвестициях в инновации.
- слабая интеграция различных подходов экономики, менеджмента, маркетинга, стратегического управления при выборе и реализации наиболее действенных и эффективных методов ведения конкурентной борьбы в новой экономике, а также формировании и использовании конкурентных преимуществ, основанных на инновациях.

Рис. 1. Ключевые проблемы и задачи формирования региональных конкурентных преимуществ в условиях становления ЭЗ

В различных концепциях инновационного развития, представленных в научной литературе (в том числе и отечественной), вопросы об источниках, движущих силах, организационной форме решения задач конкурентного развития региональных экономик, носят остро дискуссионный характер. Не вызывает больших споров лишь то обстоятельство, что актуальность выбора той или иной парадигмы развития определяется состоянием базовых социальных институтов, исторически сложившимися социально-культурными особенностями организационной структуры, технологическим потенциалом, обеспеченностью ресурсами, доступностью знаний, демографическими, географическими, природно-климатическими условиями страны.

В табл. 1 представлены систематизированные нами факторы и инструменты повышения результативности инновационной деятельности в России и ее регионах связанные с форсированием развития физического, социального и человеческого капиталов (табл. 1).

В прикладном аспекте важно превращение инновационности в постоянно действующий критический фактор успеха. Концепции и стратегии развития региональной экономики должны быть ориентированы на построение непрерывного инновационного цикла, позволяющего эффективно реализовывать на практике инновации, встраивать их в системы технологического разделения труда (рис. 2).

Таблица 1. Факторы инновационного роста региональных экономик

Рост физического капитала	Развитие инструментов финансирования, коммерциализации и капитализации инноваций Развитие системы продвижения разработок «от идеи до инноваций» Генезис Национальной инновационной системы
Рост человеческого капитала	Развитие системы образования, адекватной потребностям инновационной экономики Формирование инновационной конъюнктуры рынка («культура инноваций», ценности, востребованности, привлекательности инновационной деятельности) Формирование кадрового резерва инновационной экономики Повышение инновационной культуры делового сообщества Формирование национальной стратегии создания и продвижения инновационных брендов.
Рост социального капитала	Развитие и оптимизация законодательства и иных институтов инновационной экономики Рост сетевых форм организации бизнеса Создание системы поддержки инновационной экономики политическими и административными элитами РФ, сети консолидированной административно-политической поддержки инновационной деятельности Формирование информационных каналов и коммуникационного пространства Общественно-политические проекты, направленные на поддержку инноваций

Рис. 2. Инновационный цикл конкурентного развития региональной экономики

В контексте изложенного основными направлениями совершенствования инновационного механизма развития отечественных регионов должны стать:

- наращивание финансирования фундаментальных исследований и приоритетных направлений инновационной сферы, реализуемых на основе государственного программирования;
- формирование благоприятной бизнес-среды, в том числе, в результате стабилизации налоговой и правовой систем, повышения открытости для инвестиций в инновационную сферу, роста инвестиционной привлекательности высокотехнологичных отраслей экономики;
- стимулирование конкуренции между инновационными компаниями;
- устранение барьеров, ограничивающих рост инновационной активности;
- создание условий для ускорения, разработки и освоения новой, конкурентоспособной продукции на основе современных энерго-, ресурсосберегающих, экологически безопасных технологий;
- радикальная модернизация информационного обеспечения, в том числе на основе механизмов государственно-частного партнерства;
- углубление интеграции образования и науки для повышения качества подготовки кадров для высокотехнологичных направлений.

Выводы

Перемены, происходящие в социально-экономической сфере в период кардинальных трансформаций, смены технологических платформ и укладов, ставят новые серьезные вызовы перед субъектами экономической деятельности, которые вынуждены адаптировать свои стратегии к все возрастающей глобальной конкуренции, основывающийся сегодня на инновациях.

Основные направления совершенствования инновационного механизма конкурентного развития отечественных регионов связаны с наращиванием регионального инновационного потенциала и всех его составляющих, обеспечением вовлеченности всех субъектов инновационного процесса в инновационные сети, направленные на развитие высокотехнологичного производства, создание условий для форсирования, разработки и освоения инновационной, конкурентоспособной продукции на мировом рынке продукции, использованием экономической интеграции и др.

Активизация инновационной деятельности в отечественной экономике требует, не только привлечения значительных финансовых ресурсов, но также новейших управленческих подходов при росте роли региональной власти в обеспечении конкурентного развития субъектов РФ.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-010-00289 А «Исследование и разработка методов и моделей конкурентного развития регионов в новой экономике».

Список литературы

1. Asheim, B.T. (2002). Regional Innovation Systems: The Integration of Local «Sticky» and Global «Ubiquitous» Knowledge. *Journal of Technology Transfer*, 27.
2. Breschi, S., Catalini, C. (2010). Tracing the Links between Science and Technology: An Exploratory Analysis of Scientists and Inventors Networks. *Research Policy*, 39 (1)
3. Cooke, P. (2001). Regional Innovation Systems, Clusters, and the Knowledge Economy. *Industrial and Corporate Change*, 10 (4), 945-974.
4. Cruz, S., Teixeira, A. (2011). The Evolution of this. Cluster Literature: Shedding Light on the Regional StudiesVRRegional Science Debat. *Regional Studies*, 44, 9.
5. Foray, D., David, P., Hall, B. (2009) Smart specialization – the concept. *Knowledge economists policy brief*. 9 № 85, 1-5.
6. Haraguchi, N., Cheng, C.F., Smeets, E.C. (2017) The Importance of Manufacturing in Economic Development: Has This Changed? *World Development*, 93, 293–315.
7. Lin, J. Y. (2011). New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development. *The World Bank Observer*, 26 (2), 193–221.
8. Magro, E., Wilson, J.R. (2013). Complex innovation policy systems: Towards an evaluation mix. *Research Policy*, 9, 1647-1656.
9. Shumpeter, J.A. (1952). *The Theory of Economics Development*. George Alien & Unwin.
10. Аганбегян, А.Г. (2015). О проблеме возобновления социально-экономического роста и преодолении кризисных явлений. *Вестник Высшей школы корпоративного управления*. 2.
11. Кузык, Б.Н. (2009). *Инновационное развитие России: сценарный подход*. Научный доклад. Москва, Институт экономических стратегий.
12. Махлуп, Ф. (1966). *Производство и распространение знаний в США*. Москва, Прогресс.
13. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика. Аналитический доклад (под науч. рук. Е.Г.Ясина). (2018). Москва, НИУ ВШЭ.
14. Туменова, С.А. (2011). Методология синергетики в исследовании социально-экономических систем. *European Social Science Journal*, 7, 31-45.
15. Туменова, С.А. (2018). Конкурентная парадигма регионального развития. *Colloquium-journal*, 9-7(20), 62-66.
16. Френкель, А. А., Тихомиров, Б. И., Лобзова, А. Ф., Сурков, А. А. (2018). Новые старые проблемы: что год текущий нам готовит? *Экономические стратегии*, 4, 20–25.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БАНКОВ

**Ужахова Фатима Джамаловна (а), Алиев Аяз Аладдин оглы (b),
Гордиенко Михаил Сергеевич (с), Масрур Курбонализода(d)**

(а) Чеченский государственный университет, 364024, Россия, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32,
ftsakayeva@bk.ru, 89380235627

(b) Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер. 36,
Aliev.AAO@rea.ru

(с) Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер. 36,
gordienkomikhail@yandex.ru

(d) Национальный банк Таджикистана, 734003, Таджикистан, Душанбе, mkurbonalizoda@nbt.tj

Аннотация

Непрерывность деятельности любого банковского учреждения является важнейшим принципом его функционирования и подразумевает то, что он будет продолжать свою деятельность в обозримом будущем, и у него отсутствуют намерения и необходимость ликвидации или существенного сокращения деятельности. Главным критерием обеспечения непрерывности деятельности банка или банка является поддержания его финансовой устойчивости. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несмотря на то, что данный термин часто используется в научных трудах и официальных документах, регламентирующих деятельность коммерческих банков, но и до настоящего времени в литературе не представлено его законченного и однозначного определения. Финансовое состояние показывает возможность банковского учреждения финансировать свою деятельность собственными средствами, а также рационально распоряжаться ими во взаимоотношениях с другими лицами. Поэтому цель любого банка – сохранять стабильное и удовлетворительное финансовое состояние. Удовлетворительное финансовое состояние показывают такие показатели, как финансовая устойчивость и платежеспособность. Чем устойчивее будет состояние банка, тем меньше оно будет зависеть от изменений во внешней среде и кризисов, которые в России происходят достаточно часто. В статье дана интегральная оценка финансового состояния кредитного учреждения с использованием методики Фишберна. Рассчитаны показатели рентабельности, ликвидности и надежности; рассчитаны интегральные коэффициенты. Определены результаты ранжирования коэффициентов и их весовые значения. Следовательно, для оценивания финансовой устойчивости банка использованы множество абсолютных и относительных показателей, характе-

ризующих степень покрытия запасов собственными и приравненными к ним оборотными средствами, соотношение заемных и собственных средств, соотношение дебиторской и кредиторской задолженности, ликвидность баланса и платежеспособность банка.

Ключевые слова: банк, оценка, устойчивость, метод, анализ, коэффициент

Введение

В последнее время кризисные явления в российской экономике и ужесточение надзорной политики Центрального банка Российской Федерации привлекают все больше внимания к проблеме финансовой устойчивости коммерческих банков.

Обеспечение финансовой устойчивости как отдельных банков в частности, так и банковской системы России в целом, – одна из основополагающих задач Банка России и органов государственной власти. Финансовой системе России необходимы единая стратегия развития, централизованная система оценки основных показателей финансового состояния кредитных организаций, транспарентные и детерминированные методики анализа финансовой устойчивости коммерческих банков, а также открытость и доступность для конечных пользователей (физических и юридических лиц – клиентов банков) информации о деятельности и финансовом состоянии банков. Финансовая устойчивость коммерческого банка является одной из основных качественных характеристик его финансового состояния (Бисултанова, 2015).

Постановка проблемы

Анализ финансовой устойчивости и ликвидности ряда банков, последствия глобального экономического кризиса и множество других факторов придает проблеме совершенствования оценке финансовой устойчивостью особую значимость

Исследуемый вопрос

Предметом исследования является оценка финансовой устойчивости коммерческой организации путем расчета коэффициентов рентабельности, ликвидности.

Цель работы

Целью исследования является анализ финансовой устойчивости банковского учреждения и разработка путей ее повышения на конкретном примере.

Методы исследования

Предложение использования метода «экспертной» оценки (Bisultanova и др., 2018), заключающегося в выделении наиболее и наименее приоритетных показателей компаний, связано с отсутствием выработанного механизма дифференциации показателей, основанного на научном обосновании.

В условиях отсутствия конкретной количественной оценки значимости показателей, имеет смысл использовать инструментарий, применяемый в других научных исследованиях. Одним из которых, является ранжирование критериев по правилу Фишберна (Кретьова, 2014; Клаас, 2012).

Основные положения гласят, что единственной известной информацией о соотношении значимости показателей является следующее соотношение:

$$r_i > r_{i+1} > r_{i+2},$$

где r_i – значимость каждого критерия или степень его проявления.

Данное положение позволяет выявить последовательности отношений рассматриваемых показателей по отношению друг к другу. Количественная характеристика i -го критерия определяется по следующей формуле (Kolmakov и др., 2018):

$$r_i = \frac{2(N - i + 1)}{(N + 1)N} \quad (1)$$

где i – ранг коэффициента или порядковый номер после ранжирования; r_i – удельный вес i -го коэффициента; N – общее число рангов.

Необходимым условием нормирования удельных весов является (Гоголь, Аникина, 2012):

$$\sum_{i=1}^n r_i = 1$$

Результаты

В целях разработки методики интегральной оценки состояния компаний, предлагаются к рассмотрению три группы показателей. Данная система, с одной стороны отвечает на вопрос, каков текущий финансовый потенциал, с другой стороны, включает наиболее значимые финансовые показатели состояния, что в совокупно-

сти позволяет обеспечить комплексность и полноту оценки финансового состояния в определенный момент времени.

Для интегральной оценки финансового состояния банка нами были произведены расчеты рентабельности, ликвидности и надежности, непосредственно. Каждой оценке показателей был присвоен ранг, в соответствии с уровнем значимости коэффициентов в итоговой интегральной оценке для данного типа предприятия. Каждому рангу был присвоен удельный вес в соответствии с методикой Фишберна.

Применив соотношение (1) на примере выявленных показателей определены результаты ранжирования коэффициентов и их весовые значения (табл. 1).

Таблица 1. Расчет интегральных показателей «Сбербанк» на основе использования удельного веса по правилу Фишберна

Сбербанк	Ранг	Вес	2016	Показатель*Вес	2017	Показатель*Вес
ROS	3	0,17	0,23	0,04	0,32	0,05
ROA	1	0,50	0,02	0,01	0,029	0,015
ROE	2	0,33	0,21	0,07	0,24	0,08
Рентабельность				0,12		0,15
K1	2	0,33	1,140	0,376	0,920	0,304
K2	1	0,5	1,300	0,650	1,120	0,500
K3	3	0,17	0,270	0,046	0,240	0,041
Ликвидность				1,072		0,844
Кдс (достаточность собств. средств)	1	0,5	0,113	0,057	0,129	0,065
Кз(защищенности)	3	0,17	0,661	0,112	0,608	0,103
Кн(надежность)	2	0,33	1,260	0,416	1,240	0,409
Надежность				0,585		0,577
Рентабельность	3	0,17	0,117	0,020	0,149	0,025
Ликвидность	1	0,5	1,072	0,536	0,844	0,422
Надежность	2	0,33	0,585	0,193	0,577	0,190
Интегр. показ.фин. уст.				0,749		0,638

По данным финансовой отчетности ПАО «Сбербанк» были рассчитаны коэффициенты рентабельности, ликвидности, где K1 – мгновенная ликвидность, K2 – текущая ликвидность, K3 – отношение высоколиквидных активов ко всем активам, а также показатели надежности. Каждому коэффициенту был присвоен ранг и, соответственно, удельный вес по методу Фишберна. В результате расчетов, положительное изменение в динамике показал только интегральный коэффициент рентабельности. Остальные коэффициенты снизились за рассматриваемый период. Общий коэффициент, рассчитываемый как сумма трех интегральных показателей рентабельности, ликвидности и надежности, соответственно, показал снижение.

Таблица 2. Расчет интегральных показателей «Альфа-Банк» на основе использования удельного веса по правилу Фишберна

Альфа банк	Ранг	Вес	2016	Показатель*Вес	2017	Показатель*Вес
ROS	3	0,17	0,04	0,006	0,29	0,05
ROA	1	0,50	0,03	0,013	0,022	0,011
ROE	2	0,33	0,01	0,003	0,13	0,04
Рентабельность				0,02		0,10
K1	2	0,33	1,110	0,366	1,150	0,380
K2	1	0,5	1,380	0,690	1,540	0,500
K3	3	0,17	0,410	0,070	0,450	0,077
Ликвидность				1,126		0,956
Кдс(достаточность собственных средств)	1	0,5	0,132	0,066	0,136	0,068
Кз(защищенности)	3	0,17	0,990	0,168	0,810	0,138
Кн(надежность)	2	0,33	0,142	0,047	0,116	0,038
Надежность				0,281		0,244
Рентабельность	3	0,17	0,022	0,004	0,102	0,017
Ликвидность	1	0,5	1,126	0,563	0,956	0,478
Надежность	2	0,33	0,281	0,093	0,244	0,081
Интегр. показ. фин. уст.				0,659		0,576

По данным «Альфа-Банка», как и по данным других банков, были рассчитаны интегральные коэффициенты. Динамика изменений показателей банка оказалась такой же как у ПАО «Сбербанк». Интегральный показатель оценки финансовой устойчивости банка снизился за два года.

Таблица 3. Расчет интегральных показателей «ВТБ» на основе использования удельного веса по правилу Фишберна

ВТБ	Ранг	Вес	2016	Показатель*Вес	2017	Показатель*Вес
ROS	3	0,17	0,05	0,01	0,11	0,02
ROA	1	0,5	0,01	0,00	0,01	0,01
ROE	2	0,33	0,05	0,02	0,11	0,04
Рентабельность				0,03		0,06
K1	2	0,33	0,05	0,02	0,07	0,02
K2	1	0,5	1,00	0,50	1,01	0,51
K3	3	0,17	1,13	0,19	2,39	0,41
Ликвидность				0,709		0,934
Кн(надежность)	2	0,33	0,32	0,10	0,40	0,13
Кз(защищенности)	3	0,17	0,42	0,14	0,38	0,12
Кдс(достаточность собственных средств)	1	0,5	0,11	0,06	0,11	0,06
Надежность				0,298		0,315
Рентабельность	3	0,17	0,03	0,00	0,06	0,01
Ликвидность	1	0,5	0,71	0,35	0,93	0,47
Надежность	2	0,33	0,30	0,10	0,32	0,10
Интегр. показ. фин. уст.				0,457		0,582

В результате расчетов интегральных показателей «ВТБ» была выявлена обратная ситуация. Все показатели показали рост за рассматриваемый период. Интегральный коэффициент финансовой устойчивости «ВТБ» увеличился на 27,35 % с 0,457 до 0,582.

Таблица 4. Расчет интегральных показателей «Тинькофф» на основе использования удельного веса по правилу Фишберна

Тинькофф	Ранг	Вес	2016	Показатель*Вес	2017	Показатель*Вес
ROS	3	0,17	0,22	0,04	0,30	0,05
ROA	1	0,5	0,07	0,04	0,07	0,04
ROE	2	0,33	0,37	0,12	0,45	0,15
Рентабельность				0,20		0,24
K1	2	0,33	0,32	0,11	0,48	0,16
K2	1	0,5	1,53	0,77	1,59	0,80
K3	3	0,17	0,42	0,07	0,45	0,08
Ликвидность				0,942		1,030
Кн(надежность)	2	0,33	0,65	0,21	0,77	0,25
Кз(защищенности)	3	0,17	1,60	0,53	1,47	0,49
Кдс(достаточность собственных средств)	1	0,5	0,11	0,06	0,16	0,08
Надежность				0,798		0,819
Рентабельность	3	0,17	0,20	0,03	0,24	0,04
Ликвидность	1	0,5	0,94	0,47	1,03	0,51
Надежность	2	0,33	0,80	0,26	0,82	0,27
Интегр. показ. фин. уст.				0,768		0,826

По банку «Тинькофф» по результатам расчетов была выявлена аналогичная динамика. Интегральный коэффициент финансовой устойчивости «Тинькофф» увеличился на 7,55 % с 0,768 до 0,826. Все рассчитанные данные по банкам для наглядности были представлены в табл. 5.

В результате расчетов выявлены значения интегрального показателя с учетом весов по методу Фишберна. В целях графического отображения оценки финансового состояния компании выбирается Декартова система координат. На оси абсцисс откладываются полученные путем интегральной оценки данные; на оси ординат – оценка, полученная без учета весов.

В целях построения модели рассчитываются значения по группам показателей без учета удельного веса по методу Фишберна.

Таблица 5. Динамика интегрального показателя финансовой устойчивости банков с учетом весов

Год / Банк	Сбербанк	Альфа-Банк	ВТБ	Тинькофф
2016	0,749	0,659	0,457	0,768
2017	0,638	0,576	0,582	0,826

Таблица 6. Расчет обобщенных показателей без учета весовых коэффициентов

Показатель / Банк	Сбербанк		Альфа-Банк		ВТБ		Тинькофф	
Год	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Финансовая рентабельность	0,15	0,20	0,02	0,15	0,03	0,08	0,22	0,28
Финансовая ликвидность	0,68	0,66	0,97	1,05	0,73	1,16	0,76	0,84
Финансовая надежность	0,59	0,52	0,48	0,35	0,28	0,30	0,79	0,80
Общее значение	0,47	0,46	0,49	0,52	0,35	0,51	0,59	0,64

Выводы

Для определения зон, характеризующих финансовое состояние, необходимо провести оценку нормативных значений (Magomadova и др., 2019) с учетом удельного веса и без его учета. Нормативом рентабельности являются все значения больше нуля, для показателей надежности максимальное значение не применяется.

Таблица 7. Нормативные значения интегрального показателя с учетом весов

	Ранг	Вес	min	Значение	max	Значение
K1	2	0,33	0,2	0,05	0,5	0,165
K2	1	0,5	0,5	0,25	1	0,500
K3	3	0,17	0,2	0,034	0,8	0,136
Общее значение				0,334		0,801
Kн(надежность)	2	0,33	0,04	0,013	Максимальное значение не применяется	
Kз(защищенности)	3	0,17	0,15	0,0255		
Kдс(достаточность собственных средств)	1	0,5	0,08	0,04		
Общее значение				0,079		

Нормативы коэффициентов были присвоены в соответствии с инструкцией Банка России от 03.12.2012 №139-И «Об обязательных нормативах банков».

В дальнейшем, данные показатели используются для определения зоны оптимальности финансовой устойчивости банка. Границы задаются прямыми, перпендикулярно оси ординат. Показатель рентабельности совпадает с осью Оу, так как достаточно, чтобы банк получал прибыль.

Таблица 8. Нормативные значения показателя без учета весов

Показатели	min	max
Финансовая ликвидность	0,3	0,77
Финансовая надежность	0,09	не ограничено
Коэффициенты рентабельности	0	не ограничено

Данные значения были также использованы для определения зоны оптимальности. Горизонтальные границы были проведены параллельно оси абсцисс согласно значениям. Так оптимальную зону ликвидность ограничена $y=0,3$ и $y=0,77$, надежность – $y=0,09$ и выше, прямая ограничения рентабельности совпадает с осью Ох.

Пересечение прямых ликвидности образовало оптимальную зону ликвидности, характерную для банковской сферы (Клаас, 2012; Rats, 2013). Оптимальная зона надежности находится правее и выше точки (0,079;0,09). Зона оптимальной рентабельности совпадает с первой плоскостью системы координат, так как норматив рентабельности должен быть более нуля.

Таким образом, исследование финансовой устойчивости финансово-кредитных учреждений позволило определить оптимальную зону, в рамках которой деятельность данного рода учреждений отвечает всем нормативам контрольных органов. Оптимальная зона ограничена следующими четырьмя координатами: $x=0,334$; $x=0,801$; $y=0,3$; $y=0,77$. Они выступают в качестве ориентиров для коммерческих финансово – кредитных учреждений и позволяют им выстраивать свою деятельность таким образом, чтобы не нарушать эффективность финансовой деятельности.

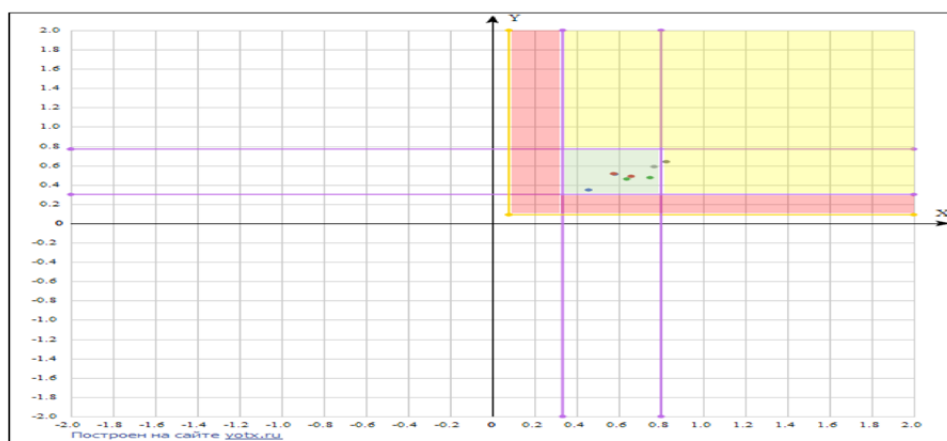

Рис. 1. Зоны финансовой устойчивости компании

В рамках формирования зон финансовой устойчивости определена красная зона, являющаяся недопустимой для финансово – кредитных учреждений. При попадании в данную зону финансово – кредитные учреждения рискуют лишиться лицензии на проведение финансовой деятельности. Желтая зона, носит не рекомендованный характер. Финансово – кредитные учреждения, попадающие в нее, характеризуются нерациональным управлением.

Предложенная методика будет интересна коммерческим предприятиям в части привлечения дополнительного финансирования. Оценка по данной методике даст четкое представление об эффективности деятельности финансово – кредитного учреждения, имидже и качестве управления. Коммерческим банкам данная методика позволит контролировать свою деятельность с учетом существующих ограничений со стороны центрального банка и своевременно ее корректировать.

Список литературы

1. Bisultanova, A.A., Zemlyakova, N.S., Razzhivin, O.A., Udovik, E.E., Adamenko, A.A. (2018). Modern trends in corporate finance management. *Espacios*, 31, 467.
2. Бисултанова, А.А. (2015). Российская банковская система в условиях сохранения санкций. *Экономика, предпринимательство и право*, 4, 209.
3. Гоголь, Д.А., Аникина, И.Д. (2012). Финансовая устойчивость коммерческого банка: новые подходы к оценке. *Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Экономика*, 1, 73.
4. Kolmakov, V., Ekimova, K., Ordov, K., Aliev, A., Tchuykova, N. (2018). Monetary policy influence on companies' competitiveness through credit channel. *European Research Studies Journal*, 4, 623.
5. Кретьева, Н.А. (2014). Использование метода экспертных оценок при построении интегрального показателя устойчивости коммерческого банка. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 1, 260.
6. Клаас, Я.А. (2012). Индикативная модель оценки финансовой устойчивости кредитной организации и выявление факторов, ее определяющих. *Казанский экономический вестник*, 1 (1), 68.
7. Клаас, Я.А. (2012). Современные подходы к оценке финансовой устойчивости кредитной организации. *Банковское дело*, 8, 64.
8. Magomadova, M.M., Khominich, I.P., Savvina, O.V., Asyaeva, E.A., Chelukhina, N.F. (2019). Russian banking system in economic and social development of the country. В сборнике: *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Conference Chair(s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences*, (pp. 1000-1006) Great Britain: Published by the Future Academy.
9. Rats, O.M. (2013). Integral assessment of efficiency of anti-crisis bank management. *Проблемы экономики*, 4, 367.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Власов Илья (а), Асеева Софья (b)

(a) Российский Университет дружбы Народов, Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, wlasowii@gmail.com, 7 926 663 61 41

(b) Российский Университет дружбы Народов, Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, aseeva.sofya@inbox.ru, 7 977 873 19 12

Аннотация

Ввиду перспективы расширения взаимодействия Евразийского экономического союза с рядом стран, представляется актуальным провести анализ этапов формирования ЕАЭС и исторических предпосылок его формирования. В настоящее время стремительно увеличивается количество стран, взаимодействующих в рамках Союза, что свидетельствует об актуальности и значительных перспективах развития данной организации на международной арене. Наглядным примером может послужить недавнее подписание договора о свободной торговле между ЕАЭС и Сербией 25 октября 2019 года. Кроме того, существенным для данных событий является также политико-правовой аспект.

Представляется обоснованным, что для дальнейшего анализа развития событий в контексте расширения сотрудничества в рамках ЕАЭС и прогнозирования перспектив такого развития актуален анализ истоков формирования и становления Союза. История объединения стран-участниц Евразийского Экономического Союза представляет собой сложный и многоступенчатый процесс. Ретроспективный анализ выявил особенности интеграционных процессов таких государств, как Беларусь, Россия, Армения, Казахстан, Кыргызстан, ранее входивших в состав Российской Империи. Ввиду усложненности процесса становления данного сообщества единой системой, необходимо выявить исторический аспект присоединения перечисленных государств к Евразийскому Экономическому Союзу.

С целью выявления наиболее эффективного метода прогнозирования результатов сотрудничества и его перспектив в рамках ЕАЭС, представляется обоснованным рассмотреть не только исторический аспект, но также определить цели формирования развернутой институциональной системы внутри данной межгосударственной организации, а также её роль и значение в развитии интеграции в ЕАЭС.

Особое внимание уделяется анализу масштаба сближения стратегий государств-членов с момента их вступления в ЕАЭС, поскольку данный фактор также отражает перспективы развития Евразийского Экономического Союза.

Ключевые слова: Евразийский Экономический Союз, межгосударственная организация, интеграционные процессы, ретроспективный анализ

Введение

Проблема анализа такого межгосударственного интеграционного объединения, как Евразийский Экономический Союз в значительной степени заключается в том, что ЕАЭС был образован на территориях, ранее входивших в состав единого государства. Первоначально эти территории входили в состав Российской империи, а затем Советского Союза. Проводя параллель с Европейским Союзом, предлагается напомнить о Римской империи, которая объединила значительную часть европейских наций. Позднее была провозглашена Священная Римская империя германской нации, которая также в разное время в разной степени единства объединяла многие народы стран современного Европейского Союза (Пиков, 2002). Евразийский экономический союз, в свою очередь, может иметь гораздо больший потенциал единства, благодаря действительно общей истории стран-членов ЕАЭС, что в свою очередь обеспечивает совершенно иной уровень взаимодействия. Конечно, стоит обратить внимание на тот факт, что среди государств-членов ЕАЭС существует значительное неравенство в контексте потенциала данных стран. Так, Российская Федерация в силу своих размеров, численности населения и ряда других факторов имеет объем ВВП, совершенно отличающийся от среднего уровня остальных стран-членов Союза.

Другой отличительной чертой Евразийского Экономического Союза является развернутая институциональная система, которая создавалась с учетом практики Европейского Союза (Morozov, 2018). Институциональная система ЕАЭС отличается четкой структурированностью и сбалансированностью, что, несомненно, играет одну из ключевых ролей в широкой реализации международной правосубъектности Союза (Grebnev, 2016), а также оказывает положительное влияние на эффективность взаимодействия между государствами-членами ЕАЭС.

Постановка проблемы

Ключевым аспектом формирования и успешного функционирования Евразийского Экономического Союза является историческая взаимосвязь его государств-членов. Сегодняшние государства-члены Евразийского экономического союза: Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Армения, Республика Казахстан и Республика Кыргызстан, охватывали большую часть территории Российской Империи и входили в её состав вплоть до распада.

В совокупности с тесной исторической взаимосвязью, успешное развитие и функционирование ЕАЭС обеспечивает развернутая институциональная система Союза, которая была сформирована также с учётом особенностей исторического взаимодействия государств-членов и их предшествующей общей территориальной организации.

Исследуемый вопрос

Предметом данного исследования являются интеграционные процессы государств-участников Евразийского Экономического Союза в контексте их исторической взаимосвязи с Россией. В исследовании подробно рассмотрена историческая взаимосвязь России с такими государствами ЕАЭС как Армения, Казахстан, Кыргызстан и Беларусь.

Касательно Армении был отдельно рассмотрен вопрос истории Восточной Армении, поскольку в начале 19 века не было единого армянского государства, и большинство армян проживало на территории Османской империи и Персии. На территории Восточной Армении, основными образованиями были Ереванское ханство и Нахичеванское ханство, которые перешли под юрисдикцию Российской империи в соответствии с Туркманчайским мирным договором. А. Хачикян, пишет о государстве, в котором армяне в Российской Империи были защищены законом (Khachikyan, 2009). Это положение также способствовало миграции армян в Восточную Армению, что позволило российской части Армении динамично развиваться в экономической сфере. Армения довольно быстро интегрировалась в административно-территориальный план: «По российскому образцу было произведено административно-территориальное деление на области и губернии» (Khachikyan, 2009). Восточно-армянские территории, входившие в состав бывшей Российской империи, провозгласили независимость 28 мая 1918 года, но в 1920 году были захвачены Турцией и Советской Россией. Советская Республика Армения была образована 29 ноября 1920 года. В 1922 году Армения вошла в состав Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Позднее в 1936 году Армения стала союзной республикой Советского Союза (Dowsett, 2019).

После распада Советского Союза 29 мая 2014 года Армения подписала договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе, что, несомненно, было обосновано исторической взаимосвязью государств и стремлением государств к дальнейшему сотрудничеству, однако уже в качестве независимых государств.

Говоря о вопросе присоединения Казахстана к Евразийскому Экономическому Союзу, следует отметить длительность процесса вхождения Казахстана в состав России. К.Дмитриенко относит начало данного процесса к 30-м годам 18-го века и его завершение к концу пятидесятых годов 19 века (Dmitrienko, 2013). После революционного 1917 года Казахстан стал полем боя большевистских войск и отрядов, так называемой "Белой гвардии". В результате гражданской войны сегодняшний Казахстан вошел в состав Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики, которая являлась административно-территориальным субъектом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. После ряда преобразований 5 декабря 1936 года казахстанская Союзная Социалистическая Республика была образована как "союзная республика" Советского Союза Социалистических Республик. Во время кризиса Советского Союза в конце 80-х и начале 90-х годов на референдуме в Казахстане 94,1 % казахстанцев высказались за сохранение СССР и за сохранение казахской Федеративной Социалистической Республики, что демонстрирует масштаб заинтересованности Казахстана в последующем тесном сотрудничестве с Россией. Мирные тенденции развития в истории двух стран, продолжительно создавали взаимовыгодную, расположенную к развитию атмосферу к присоединению Казахстана к ЕАЭС.

Вопрос исторической взаимосвязи и интеграции Кыргызстана с Россией стоит рассматривать с середины 19 века. "В 1855 году Иссык-Кульский народ добровольно принял российское подданство (Ормонова, 2014), в 1862 году – Чуйское, а в 1863 году-Тянь-Шаньское киргизское. Остальные последовали их примеру. К осени 1863 года Северный Кыргызстан, на территории которого проживало большинство киргизов, добровольно присоединился к России. После распада Кокандского ханства южные киргизы вошли в состав России. По словам Т. Усубалиева, секретаря ЦК Коммунистической партии Киргизской ССР, интеграция Кыргызстана в состав Российской империи имела чрезвычайно прогрессивное значение для дальнейшей судьбы киргизского народа. Позже последовал советский период Киргизии, который завершился событиями 1991 года. Верховный Совет республики Кыргызстан постановил принять 31 августа 1991 года декларацию «о независимости Республики Кыргызстан», однако подобно Казахстану, Верховный Совет Кыргызской Республики в этой декларации выступал за заключение нового союзного договора, иными словами: за реформирование Советского Союза, а не за прекращение его существования или за принципиальную независимость Кыргызской Республики от остальных союзных республик и Советского Союза как такового.

Возникает также необходимость рассмотрения вопроса исторической взаимосвязи Беларуси и России. Государства, на территории которых исторически проживают преимущественно славянские народы, имеют тесную взаимосвязь ещё с момента возникновения Древнерусского государства. В период распространения Рюриковичей влияния на славянские племена, учреждения великокняжеского престола в Киеве, на территории нынешней Белоруссии существовало одно значительное княжество – Полоцк. Позднее он часто фигурировал в средневековой русской истории. По мнению белорусских историков Е.К. Новику, И.Л. Качалову. Новые племена, жившие на территории современной Беларуси, упоминаются в летописях как участники похода Великого Князя Киевского Олега на Византию в 907 году (Novik, 2013). В последующем территории Беларуси долгое время были своеобразной периферией между державами, пока польские и прибалтийские земли не были поглощены Российской Империей. Революцию 1917 года Беларусь встретила в составе Российской Империи. Позже, после распада Белорусской Народной Республики, просуществовавшей менее года в условиях совершенного послереволюционного разлада, была образована Белорусская Союзная Социалистическая Республика. Беларусь была одной из стран, подписавших так называемое "Беловежское соглашение", создав вместе с Россией и Украиной Содружество Независимых Государств.

Проблема дальнейшего процесса объединения государств до образования ЕАЭС также должна быть рассмотрена в данном исследовании. После распада СССР часть государств постсоветского пространства была объединена Содружеством Независимых Государств, что в какой-то мере поспособствовало сохранению территориального единства и тесной взаимосвязи между государствами. Уже в 1994 году первым президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым была озвучена идея создания Евразийского союза. Идея создания состояла во всесторонней интеграции новых государств на взаимовыгодной экономической основе. От Содружества Независимых Государств новый союз должен был отличаться более четкой и развернутой институциональной системой, а также значительным объемом регулятивных полномочий.

Однако сближение евразийских государств началось ещё в 1995 году, когда Беларусь, Казахстан и Россия подписали соглашение о Таможенном союзе. По мнению российского ученого А. Е. Лихачева, распад СССР повлек за собой огромные экономические издержки, основанные на хаотичном распаде единого экономического пространства бывшего СССР. 29 марта 1996 года в Москве президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации подписали Договор об углублении экономической и гуманитарной интеграции. Естественно, обретение любой независимости (автономии, суверенитета) сопровождается усилением местных сил. Обращаясь к Лихачеву: «сформировались новые национальные элиты, которые формулируют свои интересы» (Лихачёв, 2010), что ожидаемо ведет к возникновению такой проблемы как широкомасштабная дезинтеграция, которую частично удалось преодолеть благодаря созданию Таможенного союза.

Проблема мирового финансового-экономического кризиса 2008 года поставила перед участниками Таможенного союза вопрос поиска новых форм взаимодействия, для обеспечения стабильности и эффективности экономического сотрудничества. Новый этап в развитии постсоветского пространства был совершен 29 мая 2014 года. На заседании Высшего Евразийского Экономического совета Президенты государств-членов ТС и ЕЭП подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), что по своей сути является возникновением абсолютно новой формы взаимодействия исторически близких государств.

Также отдельная часть исследования посвящена перспективам развития Евразийского Экономического Союза с учётом эффективности его институциональной системы, а также масштабов интеграционных процессов государств в рамках ЕАЭС. В настоящее время в ЕАЭС существует сбалансированная самодостаточная институциональная модель, объективно обоснованная сегодняшним уровнем интеграции пятерки государств-членов. Институциональная система ЕАЭС в настоящий момент выглядит следующим образом: Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, а также Суд Евразийского экономического союза. При этом в сравнении с Европейским Союзом, потенциал институциональной системы ЕАЭС задействован не полностью, в частности компетенции Суда ЕАЭС, однако стоит исходить из срока функционирования ЕАЭС поскольку это достаточно молодое образование. (Mogozov, 2018) Однако Евразийский Экономический Союз обладает множеством перспектив, в том числе и перспективой развития институциональной системы, которая в последующем обеспечить куда более эффективную интеграцию государств-членов.

Цель работы

Целью настоящего исследования является выявление исторических аспектов формирования ЕАЭС как межгосударственного интеграционного объединения, а также определения перспектив дальнейшего развития Союза на основании функционирования институциональной системы и масштаба взаимодействия государств в рамках ЕАЭС.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы исследования: анализ, в том числе ретроспективный анализ, диалектика, а также синтез, индукция и дедукция. Из практических методов в данной работе был использован сравнительно-исторический метод.

Результаты

На основании вышеизложенного сделаны следующие выводы.

Во-первых, одним из ключевых аспектов создания ЕАЭС является общий исторический фон, что позволяет странам ЕАЭС сотрудничать на совершенно ином уровне взаимодействия. Особенность стран, входящих в ЕАЭС заключается в том, что в сравнении с другими странами постсоветского пространства, данные страны имели куда более тесную взаимосвязь с Российской Империей, а в отношении истории Советского Союза – после развала единой государственной организации нынешние страны-члены ЕАЭС стремились к эффективному преобразованию Союза в иную форму совместной государственной организации – федерацию или конфедерацию.

Во-вторых, эффективность функционирования и перспективы развития Евразийского Экономического Союза обусловлены не только общим историческим прошлым государств-членов, но и эффективной институциональной системой, сформированной в рамках ЕАЭС, посредством которой можно осуществлять эффективное взаимодействие, направленное на достижение целей Союза.

Выводы

Евразийский Экономический Союз как достаточно молодое межгосударственного интеграционного объединения имеет множество перспектив. Договор о Евразийском экономическом союзе является результатом многовекового исторического развития, имевшего множество «взлетов» и «падений». Государства-участники ЕАЭС неоднократно демонстрировали свою готовность к межгосударственному сотрудничеству и интеграции.

На основании исторического прошлого государств-членов и сбалансированной институциональной системы внутри Союза, Евразийский Экономический Союз имеет все шансы на дальнейшее развитие и ещё большее сближение государств-членов внутри ЕАЭС. Представляется обоснованным ожидать в ближайшем будущем не только повышения уровня интенсивности взаимодействия между государствами-участниками, но и расширения ЕАЭС за счёт включения в него культурно-исторически близких государств. Можно сказать, что послание Президента Нурсултана Назарбаева 1994 года было частично реализовано.

Список литературы

1. Grebnev, R.D., (2016). Judicial Power in the Structure of the State Mechanism and in the Separation of Powers. The Social Sciences, 11, 5309-5313
2. Дмитриенко, К.В., (2013). Военные и гражданские исследователи XIX в. О процессе присоединения Казахстана к российской империи. Современные проблемы науки и образования. № 6, 36
3. Лихачёв, А.Е., (2010). Таможенный Союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития. Российский внешнеэкономический вестник, №6, 4-13
4. Морозов, А.Н., (2018). Роль и значение институциональной системы для развития интеграции в Евразийском Экономическом Союзе и Европейском Союзе: сравнительно-правовой дискурс
5. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. №1, 131-139
6. Ормонова, А.А., (2014). Влияние Российской Империи на развитие Кыргызской государственности
7. Теория и практика общественного развития. №1, 271-272
8. Новик, Е.К., Качалов, И.Л., Новик, Н.Е., (2013) История Беларуси. С древнейших времен до 2013 г. Под редакцией доктора исторических наук, профессора Е.К. Новика, Минск, ЛитагентВышэйшая школа
9. Пиков, Г.Г., (2002). Из истории европейской культуры, Новосибирск,
10. Хачикян, А. Э., (2006). История Армении. Ереван, Эдит Принт
11. Dowsett, C.J.F., Melvyn Howe, G., Mints, A.A., Suny, R.G., (2019) Armenia. Retrieved from: <https://www.britannica.com/place/Armenia>

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИЛИКАТНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА НЕТРАДИЦИОННОМ СЫРЬЕ С УЧЕТОМ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕХНОГЕННОГО МЕТАСОМАТОЗА

**Володченко Александр Анатольевич (а), Лесовик Валерий Станиславович (б),
Володченко Анатолий Николаевич (с), Черепанова Ирина Александровна (д)**

(а) Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия, alex-0904@mail.ru

(б) Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия, naukavs@mail.ru

(с) Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия, volodchenko@intbel.ru

(д) Белгородский государственный технический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия, Inst703@intbel.ru

Аннотация

Многие научные школы работают над совершенствованием существующих и проектированием новых строительных композитов различного функционального назначения, исследуются их свойства и т. д. Однако приоритет отдается первоначальным свойствам строительных композитов, но одним из основных показателей, по которым можно оценивать свойства строительных материалов после длительной эксплуатации в условиях воздействия природных и техногенных процессов, является долговечность. Представляется интересным исследование строительных материалов при изменяющихся условиях эксплуатации, на основе нетрадиционного природного и техногенного сырья. Теоретической основой повышения долговечности строительных материалов могут быть теоретические положения техногенного метасоматоза в строительном материаловедении. Установлено, что применение нетрадиционного природного и техногенного сырья, в частности нетрадиционных глинистых пород, для производства силикатных материалов гидротермального твердения будет способствовать достижению необходимого уровня структурообразования и максимальных физико-механических свойств высокоэффективных стеновых изделий в различных условиях эксплуатации.

Ключевые слова: техногенный метасоматоз, силикатные материалы, алюмосиликаное сырьё, гидротермальный синтез, геоника (геомиметика)

Введение

В настоящее время одной из главных задач строительного материаловедения является уменьшение энергоемкости производства строительных композитов различного функционального назначения за счет примене-

ния нетрадиционного, в том числе техногенного сырья [1–7]. Теоретической базой решения данной актуальной задачи является трансдисциплинарная наука геоника (геомиметика).

Многие научные школы всех государств мира работают над созданием новых строительных композитов, разрабатываются технологии их производства, изучают свойства и т. д. Однако приоритет отдается первоначальным свойствам строительных композитов, но одним из основных показателей, по которым можно оценивать свойства строительных материалов после длительной эксплуатации в условиях воздействия природных и техногенных процессов, является долговечность. Так, при эксплуатации одни и те же строительные материалы попадают в специфические условия, в них протекают различные процессы. Некоторые здания и сооружения при эксплуатации не выдерживают внешних воздействий и разрушаются. Представляется, что необходим комплекс мер по исследованию строительных материалов в условиях эксплуатации, особенно в конкретных условиях с учетом изменений в среде обитания человека, с возрастающими экологическими нагрузками. Теоретической основой повышения долговечности строительных материалов может быть техногенный метасоматоз в строительном материаловедении [8]. Это стадия в эволюции строительных материалов, характеризующаяся приспособлением композита к изменяющимся, при эксплуатации зданий и сооружений, условиям.

Стройиндустрия эволюционирует по направлению не производства, но и повышения значимости роли химических и физико-химических процессов. Например, применение вяжущих веществ совершенствуется в ходе изучения процессов, протекающих при их твердении и последующей эксплуатации материалов на их основе [9–11]. Использование знаний о химических процессах, протекающих в строительных материалах, позволяет резко повысить свойства композитов, и получать материалы нового поколения. Понимание этих процессов исключительно важно при решении проблемы повышения эффективности технологии производства и качества строительных материалов.

Направление ухудшения качества и свойств материалов вызывается из-за нежелательных процессов, не только внешних – воздействие CO_2 , агрессивных сред, но и внутренних – коррозия, перекристаллизация, старение и т. п. Например, за последние 200 лет содержание углекислого газа в атмосфере Земли стабильно нарастает. В доиндустриальную эпоху оно не превышало 280 объемных частей на миллион (ppm), а сегодня достигает 365 ppm и имеет тенденцию к росту. На основании статистики, в 2012 году мировые выбросы CO_2 составили 34 млрд тонн и на 50 процентов превысили показатели 1990 года. Согласно данным, озвученным на Международном экономическом форуме (IWR) в городе Мюнстер, в случае сохранения текущей тенденции объём глобальных выбросов углекислого газа к 2020 году вырастет на 20 % и составит более 40 млрд тонн. Для сравнения: в 1990 году объём глобальных выбросов углекислого газа едва достигал 22,7 млрд тонн. Концентрация углекислого газа в атмосфере достигла высокого уровня за последние 420 тыс. лет. Все это необходимо учитывать при проектировании и использовании строительных композитов.

Весь комплекс сложнейших физико-химических превращений, то есть техногенный метасоматоз, при учете этих явлений при проектировании материала, позволит композиту, реагируя на внешнее воздействие самозалечивать дефекты, которые образуются при эксплуатации, восстанавливать свои первоначальные характеристики и приведет к упрочнению материала при увеличении нагрузки в условиях техногенного стресса.

Одними из наиболее экономичных и распространенных стеновых материалов являются силикатные материалы и изделия. Сырьем для их производства служат экологически чистые материалы: минеральное вяжущее, кремнеземистый компонент и вода. В качестве вяжущего используются портландцемент и молотая известь. Возможна замена извести и портландцемента молотыми шлаками (металлургическими, топливными и др.). Привязывая себя к данному типу сырья, предприятия теряют возможность развития в стремительно развивающейся конкурентной среде. Также процесс синтеза гидросиликатов кальция в композитах на основе кварцевого песка и извести протекает при высоких температурах и давлениях [12–13]. В процессе гидротермальной обработки силикатных материалов органические примеси, случайно попавшие в сырьевую смесь, могут выгорать и улетучиваться. Поэтому такие изделия не выделяют вредных компонентов в период эксплуатации при различных внутренних и внешних воздействиях.

Развитие технологии изготовления силикатного кирпича основано на достижениях многих исследователей, которые проводят научно-исследовательскую деятельность по развитию и доказательствам теорий структурообразования силикатных материалов, а также по модернизации технологии и повышению показателей силикатного кирпича. Это дает возможность создавать теоретическую базу для дальнейшего совершенствования технологии автоклавных материалов. В результате этих работ в качестве сырья используемого в технологии силикатного кирпича используют новые виды сырья.

Анализ данных по исследованию сырьевой базы материалов автоклавного твердения позволил теоретически обосновать и экспериментально подтвердить возможность использования вместо песка глинистых пород незавершенной фазы процессов минералообразования [14–15]. Подобные глинистые породы широко распространены, а также в больших количествах попутно извлекаются при добыче рудных полезных ископаемых. Спецификой данных пород является наличие термодинамически неустойчивых соединений, таких как несовершенной структуры гидрослюда смешаннослойные минералы, тонкодисперсный слабоокатанный кварц, а также в небольшом количестве монтмориллонит и каолинит. Это сырье, обладающее свойствами природных наноразмерных частиц, позволяет управлять синтезом новообразований для получения материалов с заданными свойствами.

Глинистые породы имеют весьма разнообразный минеральный состав и свойства. В последние десятилетия с использованием современных методов исследования (были детально изучены структуры глинистых ми-

нералов и их свойства. Было установлено, что элементарные слои и пространства между ними в глинистой системе являются наноразмерными и обладают высокоразвитой активной поверхностью [16–17].

Использование специально подобранного алюмосиликатного вяжущего на основе нетрадиционного глинистого сырья, для производства силикатных стеновых материалов гидротермального твердения будет способствовать достижению необходимого уровня структурообразования и максимальных физико-механических свойств изделий не только при высоких давлениях и температуре, но и при температурах до 100 °С.

Методы исследования

Для исследования использовали эолово-элювиально-делювиальную глинистую породу четвертичного возраста. Данные породы широко распространены на территории региона Курской магнитной аномалии.

Визуально породы представляют собой рыхлую породу коричневого цвета. Порода имеет глинисто-алевритовую структуру. По размеру преобладают алевритовые и пелитовые частицы. По химическому составу породы относятся к категории кислых с высоким содержанием свободного кремнезема (39,96 мас. %). Кроме этого в составе фракции размером менее 0,005 мм также содержится значительное количество свободного кварца (33,60 мас. %).

Глинистая фракция породы представлена Ca^{2+} монтмориллонитом с $d_{001} = 14,81\text{--}15,87$ Å (рис. 1). Эти слои структуры минерала легко замещаются полярными органическими молекулами, поэтому при насыщении этиленгликолем основное межплоскостное расстояние увеличивается. В процессе прокаливании при 600 °С в течение двух часов рефлексы, характерные для d_{001} уменьшаются до 9,99 Å, в связи с тем, что межслоевая вода при этой температуре легко удаляется.

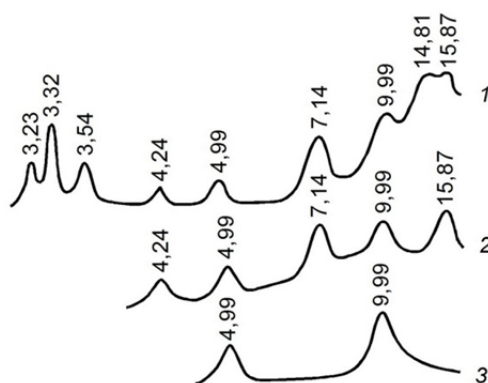

Рис. 1. Рентгенограммы глинистой породы фракции менее 0,005 мм:

1 – исходный образец; 2 – насыщенный этиленгликолем; 3 – прокаленный в течение 2 час при 600 °С

Серия рефлексов 9,99, 4,99 и 3,32 Å, значения которых не изменяются ни после насыщения этиленгликолем, ни после прокаливании, свидетельствуют о наличии в породе гидрослюда. Межплоскостные расстояния, кратные 7,14 Å, которые исчезают при прокаливании в течение 2 ч, позволяют идентифицировать каолинит.

В качестве вяжущего компонента использовали негашеную комовую известь активностью 87,34 %. В качестве кремнеземистого заполнителя использовался кварцевый песок с модулем крупности 1,54. Содержание SiO_2 составляло 92,4 мас. %.

Состав сырьевых смесей определялся исходя из условий гидротермальной обработки:

- для гидротермальной обработки в условиях повышенных давлений и температур сырьевые смеси готовили с содержанием 8 % активной CaO , содержание эолово-элювиально-делювиальной глинистой породы в сырьевой смеси изменяли от 5 до 70 мас. %. В качестве контрольной использовали известково-песчаную сырьевую смесь. Формовочная влажность сырьевой смеси зависела от содержания глинистой породы и составляла 7–10 %. Порода добавлялась в сырьевую смесь в виде известково-песчано-глинистого вяжущего, получаемого совместным помолом породы и извести до удельная поверхности 500 $\text{м}^2/\text{кг}$;
- для гидротермальной обработки в условиях атмосферного давления при температуре 95 °С при изготовлении образцов использовали смесь, включающую в себя предварительно приготовленное алюмосиликатное вяжущее, полученное путем совместного помола глинистой породы и извести, и в качестве заполнителя исходную эолово-элювиально-делювиальную глинистую породу. Влажность сырьевой смеси составляла 8–12 %.

Все образцы получали методом полусухого формования при удельном давлении прессования 20 МПа. Фазовый состав новообразований изучали методами рентгенографического и термографического анализов. Определение физических и механических свойств образцов проводили согласно требованиям соответствующих нормативных документов.

Для определения гранулометрического состава материалов использовали установку MicroSizer 201. С целью определения вещественного состава используемых глинистых пород, а также формирующегося состава ново-

образований в данной работе применяли рентгенофазовый анализ (дифрактометр модели – ARL X'TRA) и дифференциально-термический анализ (Derivatograph Q – 1500 D). Для проведения растровой электронной микроскопии (РЭМ) использовали растровый электронный микроскоп модели MIRA 3 LM.

Результаты

Для образцов, подвергнутых автоклавной обработке, определяли предел прочности при сжатии, среднюю плотность и водопоглощение (рис. 2). Полученные экспериментальные данные показали, что используемая глинистая порода оказывает положительное влияние на повышение прочности силикатных материалов. Оптимальное содержание суглинки, соответствующее максимальной прочности образцов, составляет 20–30 мас. %. Прочность образцов, повышается с 20 до 32 МПа (в 1,6 раза). При содержании породы в количестве 5 мас. % наблюдается незначительное снижение прочности. Средняя плотность возрастает с 1780 до 1980 кг/м³ при содержании породы в количестве 30 мас. %. Минимальное водопоглощение (9,3 %) соответствует содержанию породы 20 мас. %.

Проведены микроскопические исследования известково-песчаных образцов и с содержанием глинистой породы 30 мас. %. Установлено, что на поверхности зерен кварца известково-песчаных образцов и на контактах между ними находятся образования, имеющие размытый характер. Цементирующие соединения образуются за счет реакции извести с тонкодисперсным и крупнодисперсным кварцем заполнителя. Зерна кварца в образцах с содержанием глинистой породы равномерно распределены в общей аморфной массе.

Поверхность многих мелких частиц кварца подвержена коррозии и по краям окружена гелеобразной пленкой из новообразований.

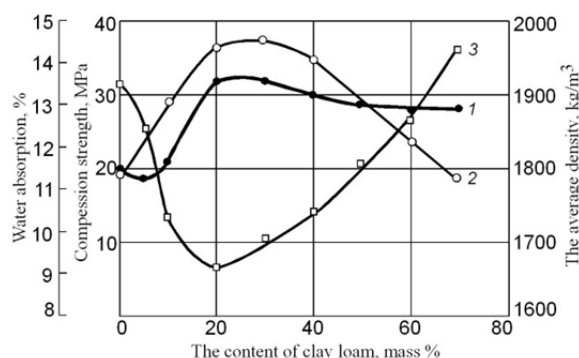

Рис. 2. Физико-механические свойства силикатных материалов автоклавного твердения в зависимости от содержания глинистой породы (содержание активной СаО – 8 мас.); 1 – предел прочности при сжатии; 2 – средняя плотность; 3 – водопоглощение

Из полученных данных можно сделать вывод, что в известково-песчаной смеси в присутствии глинистых минералов образование цементирующего соединения идет преимущественно за счет взаимодействия гидроксида кальция с глинистыми минералами и частично тонкодисперсным кварцем. Крупнодисперсный кварц с известью практически не реагирует.

Цементирующее соединение известково-песчаных (контрольных) образцов представлено низкоосновными гидросиликатами кальция группы CSH(B), обнаруженные по экзотермическому эффекту при 835°C на термограмме и отражениям 3,04, 2,80, 1,82 Å на рентгенограмме (рис. 3).

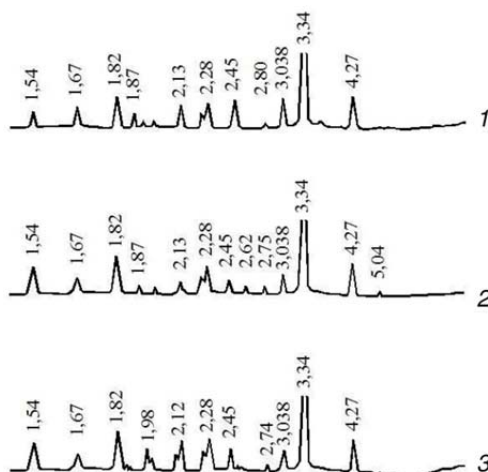

Рис. 3. Рентгенограммы образцов: 1 – известково-песчаные; 2 – с содержанием суглинки 5 мас. %; 3 – с содержанием суглинки 30 мас. %

В образцах на основе известково-глинистого вяжущего также образуются гидросиликаты кальция CSH(B). Смещение экзотермического эффекта в область более высоких температур (870–880 °C) связано, вероятно, с повышением основности гидросиликатов кальция.

При содержании 5 мас. % суглинка в сырьевой смеси фиксируется образование гидрогранатов, количество которых с повышением содержания породы, судя по росту интенсивности эндотермического эффекта при 340 °C и отражений 5,00, 2,75, 2,00 Å, увеличивается (рис. 3).

Полученные данные позволяют сделать вывод, что максимально допустимое содержание песчано-глинистой породы в сырьевой смеси определяет количество глинистой составляющей породы и содержание извести.

Рост прочности образцов происходит в результате образования более прочной микроструктуры цементирующего вещества за счет увеличения плотности упаковки материала, а также синтеза гидрогранатов. Изометричные кристаллы и пластинки гидрогранатов имеют малую удельную поверхность и являются микронаполнителем, который цементируется субмикрорекристаллической гелевидной фазой из низкоосновных гидросиликатов кальция. Рост средней плотности и связанное с этим формирование более плотной упаковки приводит к снижению водопоглощения. Это подтверждается тем, что образцам с максимальной средней плотностью соответствует минимальное водопоглощение (рис. 2).

Для получения силикатных материалов гидротермального в условиях атмосферного давления применяли золото-алювиально-делювиальную глинистую породу месторождения региона Курской магнитной аномалии, использованную в предыдущих экспериментах.

Для проведения эксперимента была приготовлена сырьевая смесь с процентным содержанием CaO 15 мас. % (таблица 1). Образцы получали путем прессования, давление прессования 20 МПа. Влажность сырьевой смеси зависела от состава, и находилась в пределах 8–12 %. По истечении 2-х сут образцы испытывали на предел прочности при сжатии. Часть образцов каждого состава выдержали 1 год в водопроводной воде. После этого образцы испытывали на предел прочности при сжатии в водонасыщенном состоянии. Результаты отображены в табл. 2 и 3.

Полученные физико-механические показатели силикатных образцов свидетельствуют о том, что изучаемое сырье в условиях пропарки при температуре 90–95 °C активно взаимодействует с известью.

Таблица 1. составы сырьевых смесей на основе известково-глинистого вяжущего

№ состава	Содержание извести в сырьевой смеси, мас. %	Соотношение известь:глина в вяжущем	Удельная поверхность вяжущего, м ² /кг
1	15	1 : 1	1000
2	15	1 : 1,5	950
3	15	1 : 2	700

При этом протекают физико-химические процессы, которые приводят к синтезу комплексного вяжущего, образующего прочный каркас. По данным дифференциально-термического и рентгенофазового анализов новообразования представлены преимущественно слабокристаллизованными соединениями гидросиликата кальция – CSH(B) и C₂SH₂.

Таблица 2. физико-механические свойства силикатных материалов на основе алюмосиликатного вяжущего

Физико-механические характеристики	№ состава		
	1	2	3
Предел прочности при сжатии, МПа	22.58	21.8	21
Коэффициент размягчения	0.8	0.85	0.9
Средняя плотность, кг/м ³	1815	1825	1800
Водопоглощение, %	11.6	9.8	9

Результаты испытаний образцов, выдержанных в течение 1 года в воде (таблица 3), показали значительное повышение прочности в сравнении с образцами, которые не подвергались длительному хранению в воде.

Таблица 3. составы сырьевых смесей на основе известково-глинистого вяжущего

Физико-механические характеристики	№ состава		
	1	2	3
Предел прочности при сжатии, МПа	34.7	32.5	32
Коэффициент размягчения	0.73	0.8	0.8
Средняя плотность, кг/м ³	1830	1820	1810
Водопоглощение, %	10.2	9.5	8.8

Это связано с тем, что породообразующие минералы породы и, в частности, ее нанодисперсная составляющая обеспечивают синтез цементирующего соединения, обладающего гидравлическими свойствами. Этими свойствами цементирующие соединения обладают, вероятно, как за счет синтеза высокоосновных соединений, которые подвергаются дальнейшей гидратации, так и за счет перекристаллизации гелевидных гидросиликатов кальция, приводящие к уплотнению структуры новообразований.

В микроструктуре исходного образца, содержащего, наблюдается скопление глобул размером до 0,5 мкм, которые связаны сеткой новообразований, представляющие собой слабоокристаллизованные низкоосновные гидросиликаты кальция (рис. 4).

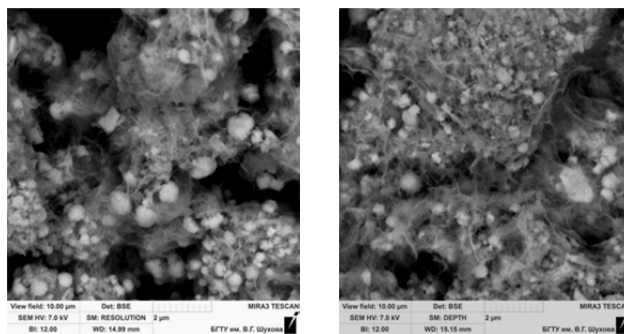

Рис. 4. Микроструктура композита полученного при гидротермальной обработке в условиях атмосферного давления

Новообразования покрывают также поверхность заполнителя. Здесь сформировалась кристаллизационная структура, обеспечивающая высокую прочность и водостойкость.

Химический состав глобул исходного образца был исследован методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии. По данным эмиссионных спектров проведен расчет элементного состава глобул. Основными элементами, входящими в состав глобул, являются, мас. %: O – 33,57–44,42; Ca – 28,2–40; Si – 12,44–24,63; Al – 7,37–10,92. Отсюда следует, что глобулы образуются преимущественно за счет взаимодействия извести с глинистыми минералами и рентгеноаморфной фазой и представляют собой аморфные алюминаты и гидросиликаты кальция. Можно сделать вывод, что глобулы представляют собой промежуточные соединения, образующиеся при синтезе новообразований из тонкодисперсной части породообразующих минералов породы, и, прежде всего, глинистой составляющей и извести.

Микроструктура образца после года хранения в воде существенно отличается от исходного образца, который не подвергался длительному хранению в воде (рис. 5).

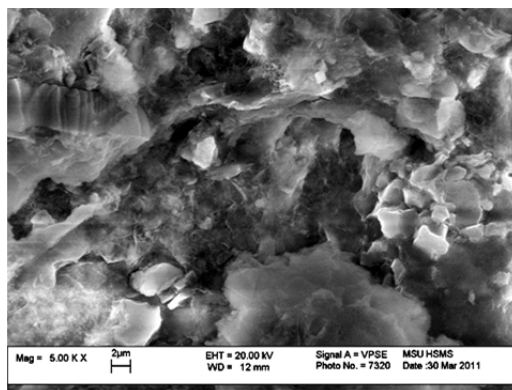

Рис. 5. Микроструктура композита полученного при гидротермальной обработке в условиях атмосферного давления после года

Глобулы в структуре цементирующего соединения практически отсутствуют. В тоже время увеличивается количество слабоокристаллизованных гидросиликатов кальция, которые, образуя сплошную сетку, практически полностью заполняют поры, покрывают поверхность заполнителя и скрепляют между собой его зерна. Следовательно, глобулы проявляют термодинамическую неустойчивость и формирование слабоокристаллизованных гидросиликатов кальция на их основе продолжается и после гидротермальной обработки изделий. В водной среде во времени процесс образования гидросиликатов кальция продолжается, что приводит к формированию более прочной микроструктуры цементирующего соединения. Кроме этого слабоокристаллизованные гидросиликаты кальция представляют собой нестабильную фазу, способную во времени, и особенно в водной среде, подвергаться перекристаллизации, что также приводит к изменению структуры цементирующего соединения. Вероятно, эти процессы обеспечивают гидравлические свойства полученных силикатных материалов.

Выводы

Таким образом, с использованием алюмосиликатного сырья, представленного нетрадиционными для стройиндустрии глинистыми породами возможно получать высокопустотные силикатные стеновые композиты обладающие улучшенными эксплуатационными характеристиками, как в условиях автоклавного синтеза, так и при тепловлажностной обработки. Использование в качестве вяжущего компонента чистой негашеной извести или специально приготовленного вяжущего, с целью получения композитов с более высокими показателями свойств, зависит от конкретных используемых пород и их состава.

Проведенными исследованиями установлено влияние условий эксплуатации на механизм структурообразования композитов на основе нетрадиционного глинистого сырья. Установлено, что первоначально при взаимодействии глинистых минералов и тонкодисперсного кварца с известью, в условиях тепловлажностной обработки, образуются промежуточные соединения в виде глобул, представляющие собой аморфные гидроалюминаты и гидросиликаты кальция. Далее на их основе формируется пространственная сетка новообразований, состоящих из слабокристаллизованных гидросиликатов кальция, а также алюмосамещенных гидросиликатов кальция и гидрогранатов. После длительной эксплуатации во влажных условиях это новообразования перекристаллизуются, уплотняя при этом структуру на нано-, микро- и макроуровне.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-03-00352.

Список литературы

1. L.A. Suleymanova, V.S. Lesovik, K.A. Kara, M.V. Malyukova and K.A. Suleymanov, "Energy-efficient concretes for green construction. Research journal of applied sciences", 9 (12), 2014 pp. 1087-1090
2. T.V. Dmitrieva, V.V. Strokova and A.A. Bezrodnykh, "Influence of the genetic features of soils on the properties of soil-concretes on their basis", Construction Materials and Products, Volume 1, Issue 1, 2018, pp. 69 – 77.
3. A.A. Kuprina, V.S. Lesovik, L.H. Zagorodnyk and M.Y. Elistratkin, "Anisotropy of materials properties of natural and man-triggered origin", Research Journal of Applied Sciences 9(11), 2014, pp. 816-819
4. S.-A.Y. Murtazaev, Sh.Sh. A.Kh. Zaurbekov, M.S. Saydumov, T.S.-A. Murtazaeva and M.R. Khadzhiev, "Impact of technogenic raw materials on the properties of high-quality concrete composites", Advances in Engineering Research, 2018. Vol.177. pp. 275-279.
5. J. Pucharenko and V. Morozov, A "Structural model and strength predicting of fiber-reinforced concrete", World applied sciences journal, 23, 2013, pp. 111-116
6. M.Yu. Elistratkin and M.I. Kozhukhova, "Analysis of the factors of increasing the strength of the non-autoclave aerated concrete", Construction Materials and Products, Volume 1, Issue 1, 2018, pp. 59 – 68.
7. Yu.V. Pukharensko, D.G. Letenko, V.A. Nikitin and V.I. Morozov, "Obtaining the nanomodifier for cement composites based on the "dealtom" carbon nanotubes", Materials Physics and Mechanics, 31, 2017, pp. 59-62
8. V.S. Lesovik, A.A. Volodchenko, "The problem of technogenic metasomatose in materials science", Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov, 2015, No. 4. pp. 38–41.
9. S.-A.Y. Murtazaev, M. Salamanova, S. Zaurbekov, R. Bisultanov and M. Nakhaev, "Composite Binders with the Use of Fine Raw Materials of Volcanic Origin", International journal of environmental & science education, 2016, Vol. 11, no. 18, pp. 12711-12716
10. V.V. Strokova, A.V. Sumin, V.V. Nelubova, N.A. Shapovalov, "Modified binder with application of nanostructured mineral components", Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov, 2015, No. 3. pp. 36–39.
11. Yu.V. Pukharensko, D.G. Letenko, V.A. Nikitin and V.I. Morozov, "Obtaining the nanomodifier for cement composites based on the "dealtom" carbon nanotubes", Materials Physics and Mechanics, 31, 2017, pp. 59-62
12. Danielle Klimesch and Abhi Ray, "Evaluation of phases in a hydrothermally treated CaO-SiO₂-H₂O system", Journal of Thermal Analysis and Calorimetry, 70(3), 2002, pp. 995-1003.
13. S Bernstein, Thomas Karl Fehr, "The formation of 1.13 nm tobermorite under hydrothermal conditions: 1. The influence of quartz grain size within the system CaO-SiO₂-D₂O", Progress in Crystal Growth and Characterization of Materials, 58 (2-3), 2012, pp. 84–91.
14. A.A. Volodchenko, V.S. Lesovik, A.N. Volodchenko and L.H. Zagorodnjuk, "Improving the efficiency of wall materials for «green» building through the use of aluminosilicate raw materials", International Journal of Applied Engineering Research, 10(24), 2015, pp. 45142-45149.
15. A.A. Volodchenko, V.S. Lesovik, A.N. Volodchenko, E.S. Glagolev, L.H. Zagorodnjuk and Y.V. Pukharensko, "Composite performance improvement based on non-conventional natural and technogenic raw materials", International Journal of Pharmacy and Technology, 2016, Vol. 8(3), pp. 18856-18867.
16. Ali Olad, "Polymer / Clay Nanocomposites", Advances in Diverse Industrial Applications of Nanocomposites, InTech, 2011. pp. 113–138.
17. P. Kiliaris and C.D. Papaspyrides, "Polymer layered silicate (clay) nanocomposites: An overview of flame retardancy", Progress in Polymer Science, 35, 2010, pp. 902–958.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ялмаев Рустам Алиевич (а), Мытарева Лейла Акифовна (b), Чазова Ирина Юрьевна (с)

(а) Чеченский государственный университет, 364024, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32, Россия,
r.yalmaev@chesu.ru, +7(963)5825885

(b) Волгоградский государственный университет, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100, Россия,
mytarevala@volsu.ru, +7(927)2510978, ORCID 0000-0003-4129-5362

(с) Удмуртский государственный университет, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, Россия,
chazirina@yandex.ru, +7(3412)916238

Аннотация

Цифровизация трансформирует экономики и финансовые системы отдельных стран и всего мира. Финансовые отношения россиян претерпевают цифровые изменения. Предоставление и потребление финансовых продуктов и услуг, совершение финансовых транзакций осуществляется по цифровым (электронным и безналичным каналам), а также сами финансовые продукты и услуги принимают цифровую форму. Многообразные цифровые технологии меняют так же само производство финансовых продуктов и услуг, вплоть до трансформации бизнес-модели кредитно-финансового посредника. Внедрение цифровых технологий в финансовые отношения населения требует соблюдения, как минимум, трех условий: наличия технологической возможности индивида получать и потреблять финансовые продукты и услуги в цифровом формате, то есть наличия соответствующего гаджета для выхода в Интернет; удовлетворительные уровни цифровой и финансовой грамотности. Целью исследования ставится рассмотреть показатели, исходные условия и факторы применения цифровых технологий в финансовых отношениях россиян, а также вывить наиболее актуальные вопросы, решение которых необходимо для повышения эффективности применения цифровых технологий в финансовых отношениях россиян. В числе таких вопросов авторы выделяют: создание условий для полного перехода денежного обращения в безналичный (электронный) формат; легитимизация в России цифровых финансовых инноваций, таких как блокчейн, криптовалюта, токен, майнинг, электронные квазиденьги и др.; создание партнерских отношений между специализированными кредитно-финансовыми посредниками и финтех компаниями и бигтех фирмами; гармонизация цифровых финансовых продуктов и услуг между собой.

Ключевые слова: финансы населения, личные (персональные) финансы, финансы домохозяйств, финансовая грамотность, финансовое поведение, цифровая экономика, Индустрия 4.0.

Введение

Цифровые технологии неотвратимо становятся неотъемлемой частью жизни современного человека. Ключевыми цифровыми технологиями, востребованными в финансовой сфере, являются: облачные вычисления, новые технологии работы с большими данными и бизнес-аналитика, системы облачного учета, технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, дополненной реальности, виртуального обучения, роботизация, автоматизация, алгоритмизация, Интернет вещей и соединенных друг с другом устройств, технология удаленного рабочего стола, онлайн банкинг, мобильный банкинг, биометрическая идентификация пользователя, технология блокчейн и др.

Постановка проблемы

Исследование применения цифровых технологий в финансовых отношениях населения имеет некоторые ограничительные особенности, вызванные молодостью и неразработанностью самой науки о финансах населения (Campbell, 2006; Mytareva et al., 2019), неоднозначностью понимания и измерения цифровой экономики и цифровых технологий, отсутствием сопоставимых статистических данных о структуре и динамике финансовых транзакций россиян по всем сегментам (банки, страховые компании, пенсионные фонды, рынок ценных бумаг, доверительное управление, и др.), и тем более о тех, что осуществляются с применением цифровых технологий. Однако, существуют данные социологических исследований, проводимых Аналитическим центром «Национальное агентство финансовых исследований» (НАФИ, <https://nafi.ru/>), касающиеся измерения уровней финансовой и цифровой грамотности россиян, оценок потребления россиянами финансовых услуг как сами потребителями, так и кредитно-финансовыми посредниками.

В цифровой экономике традиционные каналы получения и использования денежных доходов переходят в цифровые формы. Вместо физического получения денежных доходов и осуществления денежных расходов в наличной форме, в цифровой экономике индивиды и их семьи вовлекаются в безналичное денежное обращение. Как результат не только каналы получения доходов и расходования становятся цифровыми (электронными и дистанционными), но и само производство, продвижение, продажа-покупка и использование финансовых продуктов и услуг адаптируются к цифровым технологиям. То есть важно понимать, что «цифровое преобразование требует новых способов работы, а не только новых технологий» (Danoesastro et al., 2017).

Эксперты отмечают, что благодаря цифровым технологиям обеспечивается полная доступность финансовых услуг, при которой «население имеет доступ к качественным финансовым услугам, предоставляемым по

доступным ценам, удобным способом и с уважением к пользователю» (Стахович, Рыжановская, 2013). Цифровые технологии делают финансовые отношения удобными, доступными, быстрыми, прозрачными, однако, требуют от всех участников достаточного уровня технологического оснащения, высокого уровня цифровой и финансовой грамотности.

Исследуемый вопрос

Для того, чтобы пользователи могли активно использовать цифровые технологии при получении денежных доходов и осуществлении своих расходов (в том числе потребления, сбережений и инвестиций), необходимо, с одной стороны, внедрение соответствующих инноваций и технологий в процессы производства, предоставления и продажи цифровых финансовых продуктов и услуг, а также их постпродажного сопровождения. С другой стороны, сами потребители должны иметь соответствующие гаджеты, предоставляющие им доступ к Интернету. Применение цифровых технологий в финансовых отношениях населения, по сути, лишь верхушка технологического айсберга, опосредующего предварительное внедрение цифровых инноваций в деятельность всех участников финансового рынка.

Спецификой рассматриваемого процесса является асимметричность информации для сторон финансовой транзакции об уровне и качестве технологической подготовленности каждой из сторон. Кроме того, и кредитно-финансовая организация, и потребитель ее финансовых услуг обладают разным объемом и способностью обработать и систематизировать «жесткую» и «мягкую» информация (Liberti, Petersen, 2018).

Цель работы

Целью исследования ставится рассмотреть исходные условия применения цифровых технологий в финансовых отношениях россиян.

Дизайн исследования включает: 1) оценку проникновения Интернета в финансовые отношения россиян, что необходимо, поскольку технологической средой совершения цифровой финансовой транзакции является именно Интернет; 2) анализ текущих уровней финансовой и цифровой грамотности россиян, что позволит оценить подготовленность к эффективному выбору и потреблению цифровых финансовых услуг и продуктов; 3) определение первостепенных вопросов, встающих при применении цифровых технологий в финансовых отношениях россиян, решение которых активизирует рассматриваемый процесс..

Методы исследования

Исследование опирается на методы анализа и синтеза, табличный, сравнительный методы, простой факторный анализ, использует результаты социологических опросов, проведенных Аналитическим центром «Национальное агентство финансовых исследований».

Результаты

Проникновение Интернета в финансовые отношения россиян

Согласно данным, в 2019 году Россия занимала 8-е место в мире по количеству Интернет-пользователей (109,5 млн пользователей) (Сюткина В., 2019). По оценкам в 2018 году на каждые 100 россиян приходилось 21.7 абонентов фиксированного широкоформатного Интернета и 86.2 человека, имеющих мобильный широкоформатный доступ к Интернету (для сравнения в общемировом измерении стационарным Интернетом пользуется 32.7 чел. из 100, а мобильным – 11.2 чел.). Всего доступ к Интернету в 2018 году имело 76.6 % российских домохозяйств (что выше среднемирового показателя 57.8 % домохозяйств), что соответствует 63 % взрослого населения страны. Интернетом пользуется 90 млн россиян (74 % всего населения страны), при этом исключительно мобильным интернетом пользуется 32 млн россиян, в то время как имеют к нему доступ 73 млн чел. (61 % населения) (Интернет-доступ ..., 2019).

Согласно данным за 2018 год, 40 % пользователей Интернета применяют мобильный банк, 31 % оплачивают товары в российских Интернет-магазинах, 17 % – в зарубежных, 24 % оплачивают счета и штрафы через Интернет, 12 % пользователей Интернета пользуются Интернет-банкинг, и 10 % – электронным кошельком (Интернет в России..., 2019).

Финансовая и цифровая грамотность россиян

В 2018 году финансовая грамотность россиян оценивалась на уровне 12.12 баллов (при максимуме в 21 балл), по ее уровню наша страна среди стран G20 («Большой двадцатки») занимала 9 место (при этом средний уровень финграмотности в странах G20 12.7 баллов) (Рейтинг финансовой грамотности..., 2018).

Текущий уровень цифровой грамотности россиян составляет 60 п.п. по 100-балльной шкале (Уровень цифровой грамотности..., 2019), то есть 60 % от максимально возможного, что сопоставимо с уровнем финансовой грамотности в 57.7 % от максимально возможного. Исследования НАФИ свидетельствуют, что около 66 млн россиян (45 % всего населения) обладают высоким уровнем цифровой грамотности.

На уровни финансовой и цифровой грамотности влияют пол, возраст, место жительства индивида, а также наличие работы.

Так, до 30 лет уровень финграмотности индивида растет и достигает своего пика (12.06 у мужчин и 12.18 у женщин), в таком виде он сохраняется до 45 лет, затем начинает снижаться (у мужчин он снижается быстрее,

у женщин медленнее), к 73-79 годам жизни уровень финансовой грамотности и женщин и мужчин снижается до 10.76 баллов (Рейтинг финансовой грамотности..., 2018). Семейные пары существенно грамотнее своих холостых/незамужних ровесников, разрыв особенно ярко проявляется в зрелом возрасте (40-50 лет). У занятого населения уровень финансовой грамотности выше, чем у неработающих ровесников.

Наиболее высокий уровень цифровой грамотности у: молодежи в возрасте 18-24 лет – 82 п.п., жителей крупных городов – 78 п.п., трудоустроенных – 67 п.п., у мужчин – 62 п.п. (против 58 п.п. у женщин). Самый низкий уровень цифровой грамотности у взрослых россиян (старше 56 лет) – 34 п.п., у жителей городов и сел численностью до 50 тыс.чел. – 51 п.п., у безработных – 44 п.п. (Уровень цифровой грамотности..., 2019).

Опросы демонстрируют неоднозначное отношение россиян к новым технологиям, при ответах одни и те же люди отмечают как положительные, так и негативные моменты. Так, 54 % россиян находятся в курсе технологических новинок, 56 % хотели бы обучиться использованию технологий, 60 % уверены, что новые технологии решат многие общественные проблемы, 74 % считают, что технологии повысят жизненный комфорт. И в то же самое время 75 % россиян опасаются современных технологий (37 % испытывают тревогу, 38 % чувствуют беспокойство), 22 % имели неудачный опыт использования гаджетов, 30 % не видят новых знаний в технологиях, 35 % считают технологии опасными в долгосрочной перспективе (Более трети россиян..., 2019).

Цифровые технологии в финансовых отношениях россиян с банками

По данным НАФИ вовлеченность россиян в финансовые отношения возрастает (см.табл.1), особенно в части пользования Интернет-банкингом (прирост за год составил почти 330 %) и банковских ячеек (прирост 200 %).

Таблица 1. Показатели вовлеченности россиян в финансовые отношения с банками в 2018–2019 годы, %

Доля россиян-пользователей финансовыми услугами	2019	2018	Изменение
Пользователи финансовых услуг всего от общего числа россиян, в том числе пользуются:	88	87	+1,1
-зарплатными и стипендиальными банковские картами	71	62	+14,5
-дебетовой картой	34	23	+47,8
-кредитной картой	21	16	+31,3
-ипотекой	7	5	+40,0
-автокредитом	5	3	+66,7
-срочным банковским вкладом	12	8	+50,0
-текущим банковским вкладом	13	7	+85,7
-страховыми услугами	нет данных	6	-
-мобильным банком	53	34	+55,9
-Интернет-банкингом	30	7	+328,6
Мобильный банк наиболее востребован, возраст людей, лет /доля %	до 34 / 75	до 44 / 45	-
-банковскими ячейками	3	1	+200,0
Не пользуются финансовыми услугами вообще	12	12	0,0

Источник: составлено по данным НАФИ (Зарплатные карты..., 2019; Россияне стали чаще..., 2018).

Цифровые технологии в финансовые отношения россиян, в первую очередь, проникают через инструменты дистанционного обслуживания. Никогда не посещали офис кредитно-финансовой организации 19 % россиян (каждый пятый), 3 % россиян регулярно (раз в неделю и чаще) посещают офисы таких компаний, 4 % – два раза в месяц, 35 % – раз в месяц, 10 % раз в полгода и 12 % раз в год. Россияне физически посещают кредитно-финансовых посредников для: совершения оплаты обязательных платежей (25 %), получения выписок (23 %) и денежных переводов (20 %). (Финансовые организации..., 2019).

Удивительно, но кредитно-финансовые посредники по-разному оценивают уровень востребованности физического и дистанционного обращений в офис. Так, некоторые считают, что 60 % клиентов предпочитают лично обращаться в офис за услугой (а на дистанционные формы приходится 20 % обращений клиентов), в то время как другие говорят о том, что таких клиентов всего 40 %. Однако, каждая пятая финансовая организация (22 %) планирует в течение 2–3-х лет сократить количество своих отделений.

Согласно опросам россиян в банковской сфере дистанционно потребляют финансовые услуги 46 % россиян (Каждый десятый россиянин..., 2019). Пользуются безналичными расчетами 46 % россиян, 52 % предпочитают наличные для оплаты покупок. Чаще картами расплачиваются молодые люди в возрасте от 25 до 34 лет (64 %), жители столиц (65 %), работающие (57 %). Производить оплату наличными предпочитают россияне старше 60 лет (74 %), люди, не имеющие постоянной занятости (71 %), и сельские жители (60 %) (Рост числа пользователей..., 2019). Страхование по Интернету в 2019 году оформляли 11 % россиян, однако, 36 % россиян вообще не осведомлены о такой возможности.

Как результат, 80 % потребителей положительно относятся к дистанционному потреблению финансовых услуг и продуктов, отмечая оперативность, доступность и прозрачность. Однако, 77 % россиян тревожит, что цифровые каналы «делают финансовые операции менее осязаемыми, т. к. человек не видит реальных наличных денег» (Финансовые организации..., 2019).

Цифровое потребление банковских продуктов позволяет клиенту банка, используя личный кабинет и встроенные в него программы планирования и учета доходов и расходов, эффективнее управлять личными финансами. Эксперты уверены, что цифровизация положительно отражается на управлении личными финансами, клиенты начинают грамотнее управлять своими доходами и расходами. Так, НАФИ говорит о том, что 88 % финансовых организаций придерживаются мнения, что «цифровизация финансовых сервисов способствует финансово грамотному поведению», в то время как с этим согласны всего 57 % пользователей ((Финансовые организации...., 2019).

Перспективы развития цифровых технологий в финансовых отношениях россиян

Применение цифровых технологий для финансовых транзакций сопряжено с рядом остро стоящих вопросов, в их числе:

Во-первых, часть денежного оборота в силу разных причин еще долго будет только в наличной форме, а значит потенциал внедрения цифровых технологий долго будет недоиспользован. Так, 32 % россиян предпочитают хранить сбережения в наличной форме дома (Финансовые пирамиды..., 2018) и это при среднем уровне финансовой грамотности россиян (при котором человек точно понимает нецелесообразность хранения сбережений дома в наличной форме). Кроме того, 22 % россиян считают все сберегательные и инвестиционные инструменты видом мошенничества (Финансовые пирамиды..., 2018). Кроме того, не все российские продавцы товаров и услуг принимают безналичные платежи.

Во-вторых, цифровизация денежного оборота, финансовых транзакций и отношений сталкивается с проблемами легитимности инновационных технологий, например, таких, как блокчейн, криптовалюты, токены, майнинг, не говоря о давно существующих в России электронных квазиденьгах (Яндекс деньги, webmoney, и др.). России, как и всему миру, необходимо нормативно определить статус указанных цифровых технологий и «правила игры» для их обращения.

В-третьих, цифровые технологии в финансовой сфере порождают конкуренцию традиционных кредитно-финансовых посредников, имеющих соответствующие лицензии (банки, страховые компании, инвестиционные фонды и др.), с нефинансовыми высокотехнологичными компаниями, предоставляющими финансовые услуги без специальных лицензий (финтех компании или необанки) (Кох, Кох, 2019), в ряде случаев речь идет о межнациональных крупных компаниях – бигтех компаниях (Big tech in finance) (Carstens, 2018). Теоретически специализированные кредитно-финансовые посредники могут повторить большую часть того, что могут сделать финтех-фирмы, однако последние получают больше выгод от неравномерного игрового поля, поскольку они менее регулируются, чем первые. Неравномерное игровое поле позволяет небанковским финтех компаниям успешно конкурировать, например, с банками в разрезе конкретных продуктов, успех которых не связан с тем, что делает банки уникальными, но вместе с тем они не могут полностью заменить или вытеснить банки с рынка как таковые (Stulz, 2019).

В таких условиях специализированные кредитно-финансовые посредники должны либо уступить свое первенство, либо кардинально поменять свою бизнес-модель. Эксперты говорят о необходимости партнерства банка и технологической платформы. Быстрое развитие финансовых инноваций вкупе с глобализацией финансовых рынков делают банковскую систему уязвимой перед информационными рисками (Anginer and Demirguc-Kunt, 2014).

В-четвертых, внедрение цифровых технологий в деятельность кредитно-финансовых посредников на сегодняшний момент носит не системный характер, создает по сути «лоскутное одеяло» сервисов для клиентов, в которых трудно ориентироваться клиенту и самому посреднику сложно управлять эффективностью отдельных технологий.

Помимо перечисленных вопросов, ответа требуют множество других. Считаем, что отмеченные вопросы являются первоочередными, ответы на них послужат базой для оптимизации внедрения и использования цифровых технологий россиянами.

Выводы

Проведенный анализ свидетельствует о технологической оснащенности россиян и возможности потреблять цифровые финансовые продукты и услуги. На эту оснащенность и способность влияют пол, возраст, место жительства потребителя и наличие у него работы.

Факторами внедрения цифровых технологий в финансовые отношения россиян, на наш взгляд, должны рассматриваться с двух позиций: с позиции производителя и продавца цифровой финансовой услуги и с позиции самого потребителя цифровой финансовой услуги.

Так, необходимо осознание кредитно-финансовыми посредниками необходимости трансформации своей бизнес-модели в сторону партнерства с финтех компаниями и наличие у них финансовой возможности для инвестирования в цифровые инновации. На сегодняшний день, как показало исследование, оба фактора активны и со стороны кредитно-финансовых организаций идет активное внедрение цифровых технологий и бизнес-модель меняется.

Сложнее обстоит дело с факторами внедрения цифровых технологий в финансовые отношения россиян со стороны самого населения. С одной стороны, цифровая и финансовая грамотность находятся на удовлетворительных уровнях, технологически Интернетом пользуется большинство взрослого населения страны, растет число цифровых финансовых транзакций россиян. С другой стороны, развитие цифровых каналов и форм

предоставления и потребления финансовой услуги и продукта соответствует нецифровым предпочтениям россиян. То есть как в нецифровой форме, так и в цифровой более востребованы банковские продукты (расчеты, депозиты, кредиты), страхование, инвестирование на рынке ценных бумаг, доверительное управление и многие другие финансовые продукты и услуги по-прежнему мало востребованы, несмотря на их более высокую доступность для широких слоев населения.

Список литературы

1. Anginer D. and Demirguc-Kunt A. (2014). Has the global banking system become more fragile over time? // *Journal of Financial Stability*, vol. 13, pp. 202–213.
2. Campbell J.Y. (2006). Household finance. National Bureau of Economic Research. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 12149, available at: <https://www.nber.org/papers/w12149> (accessed 18 October 2019)
3. Carstens A. (2018). Big tech in finance and new challenges for stability. Bank for International Settlements, Basel. <https://www.bis.org/speeches/sp181205.pdf> (accessed 18 October 2019)
4. Danoesastro M., Freeland G. and Reichert T. (2017) A CEO's Guide to Leading Digital Transformation, available at: <https://www.bcg.com/publications/2017/digital-transformation-digital-organization-ceo-guide-to-digital-transformation.aspx> (accessed 10 October 2019)
5. Liberti J.M. and Petersen M.A. (2018). Information: hard and soft. National Bureau Of Economic Research. Working Paper 25075, available at: <http://www.nber.org/papers/w25075> (accessed 11 October 2019)
6. Mytareva L., Grigoryeva L. and Arkannikov A. (2019). Financial potential of regional population in the Volgograd region: nature and assessment. Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy" (CSSDRE 2019) // *Advances in Economics, Business and Management Research*, volume 83. June 2019. P. 555-560. <https://doi.org/10.2991/cssdre-19.2019.107> (accessed 8 October 2019)
7. Stulz R.M. (2019) Fintech, bigtech, and the future of banks. National Bureau Of Economic Research. Working Paper 26312, available at: <http://www.nber.org/papers/w26312> (accessed 18 October 2019)
8. Более трети россиян опасаются развития современных технологий (2019), available at: <https://nafi.ru/analytics/boleee-treti-rossiyan-opasayutsya-razvitiya-sovremennykh-tehnologiy/> (accessed 9 October 2019)
9. Зарплатные карты и мобильный банк – самые популярные финансовые продукты у россиян (2019), available at: <https://nafi.ru/analytics/zarplatnye-karty-i-mobilnyy-bank-samyie-populyarnye-finansovye-produkty-u-rossiyan/> (accessed 8 October 2019)
10. Интернет в России в 2018 году: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад (2019). Федеральное агентства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации. 108 с., available at: <http://www.fapmc.ru/> (accessed 2 October 2019)
11. Интернет-доступ. Рынок России и СНГ (2019), available at: <http://www.tadviser.ru/> (accessed 15 October 2019)
12. Каждый десятый россиянин оформлял страховой полис через интернет (2019), available at: <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-desyatyy-rossiyanin-oformlyal-strakhovoy-polis-cherez-internet/> (accessed 18 October 2019)
13. Кох Л.В., Кох Ю.В. (2019). Банки и финтех-компании: конкуренты или партнеры // *Вестник Забайкальского государственного университета*, vol. 25, № 6, pp. 111-121.
14. Рейтинг финансовой грамотности регионов России – 2018 (2018), available at: <https://nafi.ru/projects/finansy/rejting-finansovoy-gramotnosti-regionov-rossii-2018/> (accessed 8 October 2019)
15. Россияне стали чаще пользоваться кредитными картами (2018), available at: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-chashche-polzovatsya-kreditnymi-kartami/> (accessed 18 October 2019)
16. Рост числа пользователей безналичных платежей замедлился (2019), available at: <https://nafi.ru/analytics/rost-chisla-polzovateley-beznalichnykh-platezhey-zamedlilsya/> (accessed 8 October 2019)
17. Стахович Л.В., Рыжановская Л.Ю. (2013). Адаптация населения к потреблению финансовых услуг как механизм расширения доступа к финансам // *Финансовый журнал*, № 3, С. 97-108.
18. Сюткина В. (2019). Россия – восьмая по количеству интернет-пользователей, available at: <https://www.comnews.ru/content/122132/2019-09-20/rossiya-vosmaya-po-kolichestvu-iinternet-polzovateley> (accessed 8 October 2019)
19. Уровень цифровой грамотности россиян растет (2019) , available at: <https://nafi.ru/analytics/uroven-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-rastet-en-digital-literacy-of-russians-is-growing-/> (accessed 18 October 2019)
20. Финансовые организации положительно оценивают влияние цифровизации на уровень финансовой грамотности клиентов (2019), available at: <https://nafi.ru/analytics/finansovye-organizatsii-polozhitelno-otsenivayut-vliyanie-tsifrovizatsii-na-uroven-finansovoy-gramoty/> (accessed 18 October 2019)
21. Финансовые пирамиды порождают недоверие ко всем формам инвестиций и сбережений (2018), available at: <https://nafi.ru/analytics/finansovye-piramidy-porozhdayut-nedoverie-ko-vsem-formam-investitsiy-i-sberezheniy/> (accessed 18 October 2019)

ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Яницкий Михаил (a), Серый Андрей (b), Браун Ольга (c)

(a) Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, direktorspi@kemsu.ru, +7(3843)581290

(b) Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, avgrey@yahoo.com, +7(3843)581290

(c) Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, oabraun09@rambler.ru, +7(3843)581290

Аннотация

В статье обосновывается авторская структурно-динамическая модель структуры ценностей массового сознания, основанная на предоставлении о ценностных ориентациях личности и социальных общностей как об иерархической, динамической и гетерогенной системе, и предполагающая выделение на этой основе трех ценностных типов: адаптирующегося (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток), социализирующегося (семья, карьера, общественное признание) и индивидуализирующегося (самореализация, свобода, терпимость). Исследование, проведенное на выборке из 1251 представителя поколения «Z», по методике, основанной на предложенной модели, позволило установить общие особенности ценностных предпочтений современной молодежи: снижение значимости ценностей межличностных отношений и повышение значимости индивидуалистических ценностей, а также нарастание проявлений аномии. Выделены и охарактеризованы факторы, определяющие качественное своеобразие структуры ценностных предпочтений поколения «Z»: гендерная, этническая, конфессиональная, региональная и профессиональная принадлежность. При этом, несмотря на важность данных социально-демографических и социокультурных факторов для ценностной дифференциации современной молодежи, их значение в целом оказывается менее выраженным по сравнению с предыдущими поколениями, что может свидетельствовать об определенном сглаживании социальных и культурных особенностей между различными группами молодежи вследствие глобализации. Установлено, что наиболее важными факторами формирования того или иного типа ценностной направленности представителей поколения «Z» является их принадлежность к определенной конфессии и региональной социокультурной среде. Обнаруженные закономерности определяют возможность прогнозирования трансформации ценностных представлений массового сознания и соответствующих им изменений социального поведения, а также позволяют выделить возможные направления социально-психологического и психолого-педагогического воздействия, нацеленного на становление просоциальной иерархии ценностей.

Ключевые слова: ценности, ценностные представления, ценностные типы, массовое сознание, молодежь, поколение «Z»

Введение

Социальные и психологические изменения, происходящие в постмодернистском обществе, неизбежно сопровождаются существенной трансформацией системы ценностных представлений. При этом, как отмечает R. Inglehart, сегодня системы убеждений на массовом уровне изменяются таким образом, что характер этих изменений имеет значительные экономические, политические и социальные последствия (Inglehart, Welzel, 2005). Соответственно, социальные и культурные изменения, обуславливающие трансформацию системы ценностей, в свою очередь, все больше становятся ценностно детерминированными, что придает взаимосвязи между ними двусторонний характер. Такая ценностная динамика проявляется не только на уровне общества в целом, но и на уровне отдельного человека, касаясь, прежде всего личности, формирующейся сегодня, в условиях изменяющегося социума. Сказанное определяет актуальность исследования структуры ценностных ориентаций массового сознания и их социально-психологических детерминант, необходимого для определения возможных направлений психолого-педагогического воздействия, нацеленного на становление просоциальной иерархии ценностей. Это, в свою очередь, требует применения релевантной психологической модели ценностной структуры массового сознания.

Общими теоретико-методологическими основаниями нашей модели выступают известные научные представления о ценностных ориентациях личности и социальных общностей как об иерархической, динамической и гетерогенной системе. Наибольшее значение для нашей работы в методологическом плане представляют уровневые модели ценностных систем, основанные на концепции А. Maslow, рассматривавшего в качестве основного критерия дифференциации ценностей их психологическое происхождение. В его модели выделяются две взаимозависимые группы ценностей, представляющие собой двухуровневую иерархическую систему: низкоуровневые Д-ценности (дефицитарные, т. е. сформированные вследствие неудовлетворенности в тех или иных потребностях, обусловленные нуждой в чем-либо), и высокоорганизованные Б-ценности (бытийные, связанные с метапотребностями и самоактуализацией). При этом реализация низших ценностей является необходимым условием формирования и осуществления ценностей более высокого уровня (Maslow, 1968).

R. Inglehart на основе концепции А. Maslow разделяет «материалистические» (физиологические) и «постматериалистические» ценности. Данные типы ценностных ориентаций также имеют различное происхождение, сформулированное им в виде «гипотезы недостаточности» и «гипотезы социализации». В то же время, в классификации Инглхарта постматериалистические ценности фактически распадаются на две группы – социальные и ценности самоактуализации, обусловленные соответственно направленностью на «присоединение» либо саморазвитие (Inglehart, Welzel, 2005).

В концепции Н. Klages, предлагаемой в качестве возможной альтернативы модели Р. Инглхарта, разделяются ценности общественного долга и признания (дисциплина, порядок и послушание) и ценности самореализации (творчество, самоутверждение, свобода). Направленность на одну из этих ценностных систем определяется, соответственно, «нормоцентрической» либо «аутоцентрической» ориентацией, то есть ориентацией на социальные нормы либо на собственные убеждения (Klages, 1994). Теория мотивации С. Alderfer, также восходящая к работам А. Maslow, связывает направленность на те, или иные ценности с преобладанием потребностей существования, связи или роста (Alderfer, 2013). Данный подход, по сути описывающий вертикальную иерархию витальных, социальных и индивидуальных по своему происхождению ценностей, фактически объединяет типологии R. Inglehart и Н. Klages.

С учетом перечисленных подходов нами разработана собственная структурно-динамическая модель системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей, основанная на представлении о существовании трех основных типов ценностных систем, имеющих различное происхождение (Yanitskiy, 2012). Теоретические представления, положенные в основу предлагаемой нами модели, могут быть кратко сформулированы следующим образом:

1. На разных стадиях индивидуального развития следование нормам и ценностям социального окружения последовательно определяется стремлением избежать наказания и получить поощрение, ориентацией на значимых других, действием внутренней автономной системы ценностей. Эти стадии, традиционно называемые предконвенциональной, конвенциональной и постконвенциональной, последовательно сменяют друг друга на протяжении жизни человека. При этом каждая стадия может оказаться последней, и достигнутый к этому моменту уровень развития становится индивидуальным типом.
2. В формировании системы ценностных ориентаций личности наибольшее значение последовательно принимает доминирующий на данной стадии процесс личностной динамики. К таким процессам можно отнести следующие: адаптацию, заключающуюся в устранении тревоги и поддержании баланса в системе человек-среда посредством модификации ценностных ориентаций; социализацию, отражающую внутреннее принятие (или непринятие) ценностей значимых других; индивидуализацию, направленную на выработку собственной, автономной системы ценностей.
3. Данные процессы последовательно формируют «защитный», «заимствованный» и «автономный» уровни или «пласты» системы ценностных ориентаций личности. Фиксация на какой-либо стадии личностного развития определяет доминирование соответствующего уровня в индивидуальной системе ценностей, которое, в свою очередь, формирует аналогичный тип личности: «адаптирующий», «социализирующий» или «индивидуализирующий».
4. Ценностная структура массового сознания может быть представлена как совокупность типов личности, ориентированных на ценности адаптации (стремление к физической и экономической безопасности), социализации (ориентация на принятые в обществе нормы и ценности) или индивидуализации (направленность на саморазвитие и самореализацию). Соотношение данных ценностных типов в конкретном обществе определяется социально-демографическими факторами, влияющими на преобладание процессов адаптации, социализации или индивидуализации в личностном развитии.

Использование описываемой модели в исследованиях на различных выборках позволило получить результаты, свидетельствующие о существенных отличиях современного российского общества от западного, которые заключаются в значительно большей ориентации россиян на ценности, связанные с фрустрацией потребности в экономической и физической безопасности. Это определяет значимость анализа социально-экономических и демографических условий формирования ценностной структуры массового сознания российского общества, и прежде всего, его нового поколения.

Постановка проблемы

Система ценностных ориентаций молодежи традиционно представляет особый интерес для исследователей, поскольку новое поколение не только воспринимает ценности старших в процессе социализации, но и посредством ювентизации формирует систему ценностей общества будущего. Тем самым молодежь рассматривается как субъект исторического развития, источник продуцирования нового опыта, важнейший ресурс общества, выполняющий инновационную функцию. По мнению N. Howe и W. Strauss, каждое новое поколение имеет свою особую шкалу ценностей и, соответственно, обнаруживает реализуемые в поведении особенности отношения к семейной жизни, карьере, мобильности и т. п. (Howe, Strauss, 2007). При этом, согласно теории R. Inglehart, данные различия обусловлены спецификой социально-экономического положения возрастных когорт в период становления их системы ценностных ориентаций.

Самое молодое сегодняшнее поколение принято называть «поколение Z», к которому, в соответствии с концепцией N. Howe и W. Strauss, относят всех молодых людей, родившихся начиная с 1995 года. Особенности социализации поколения «Z» закономерно сопряжены с их ценностными предпочтениями. По мнению большинства авторов, становление системы ценностных ориентаций поколения «Z» в социокультурных условиях постмодернистского общества и глобализации определяет ее постматериалистическую направленность. При этом отмечается определенный ценностный конфликт этого поколения со своими предшественниками, проявляющийся в отчуждении значительной части поколения «Z» от традиционной нормативной ценностной модели (Danilov, Grishchenko, Scholkova, 2017). Одновременно, по мнению исследователей, многие молодые люди ха-

рактикуются несформированностью системы ценностных ориентаций или ее дезинтеграцией, определенной утратой смысла жизни, что существенно осложняет процесс социализации и затрудняет последующую самореализацию личности. Вместе с тем, большинством авторов признается также неоднородность поколения «Z» в ценностном отношении, связанная с информационной полифонией и перегруженностью, приводящей к ценностному «расколу» среди современной молодежи.

Исследуемый вопрос

Очевидно, что система ценностных ориентаций нового поколения не может быть однородной, поскольку она формируется не только под влиянием общих, глобальных факторов, соответствующих нынешнему этапу развития цивилизации, но и зависит от специфики локальной социокультурной среды. Однако влияние перечисленных факторов на систему ценностей поколения «Z» до настоящего времени остается практически неизученным. Вышесказанное обусловило постановку следующих исследовательских задач: 1. Эмпирически верифицировать описанную выше структурно-динамическую модель системы ценностных ориентаций личности и социальных общностей; 2. Охарактеризовать ценностную структуру массового сознания поколения Z; 3. Изучить влияние социально-демографических и этнокультурных факторов ее формирования.

Цель работы

Целью исследования являлась характеристика ценностной структуры массового сознания молодежи поколения «Z» и оценка влияния социально-демографических и этнокультурных детерминант на ее становление.

Методы исследования

Для изучения ценностной структуры массового сознания молодежи использовалась разработанная нами ранее методика исследования, позволяющая выявить ориентацию на ценности адаптации – выживание и безопасность, социализации – социальное одобрение, или индивидуализации – независимость и саморазвитие (Yanitskiy, 2012). Данная методика основана на выборе респондентами наиболее важных ценностей из предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на эти группы ценностей. Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профиле обучения.

Всего в исследовании принял участие 1251 респондент в возрасте от 16 до 30 лет, в том числе 839 девушек и 412 юноши. Общая выборка была разбита на следующие возрастные когорты: ранняя юность (16–17 лет) – 126 человек; собственно юность (18–19 лет) – 616; поздняя юность (20–23 года) – 474; зрелость (24 и старше) – 34. По этнической принадлежности исследуемая группа включала 892 русских, 139 бурят, 125 украинцев, 95 представителей остальных национальностей (в основном малых коренных народов и мигрантов из ближнего зарубежья). По конфессиональной принадлежности в исследуемой группе наиболее широко представлены православные – 510 человек; последователи иных религий (преимущественно другие христианские конфессии, мусульмане и буддисты) – 261; лица, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо определенной конфессии – 244; атеисты – 233. В зависимости от города проживания респонденты отнесены к одному из следующих регионов: Сибирь (Кемерово, Чита, Улан-Удэ) – 515 человек; Дальний Восток (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский) – 462; Центральная Россия (преимущественно Москва и Московская область) – 157; Украина (Ровно, Хмельницкий, Тернополь и др.) – 117. По профилю обучения исследуемые разделились на социально-гуманитарную (659 студентов), а также естественнонаучную и техническую учебно-профессиональные группы (573 студента). Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профиле обучения.

Результаты

На основании сделанных выборов исследуемые были отнесены к одному из трех ценностных типов: «адаптирующиеся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток) – 26 %; «социализирующиеся» (семья, карьера, общественное признание) – 33 %; индивидуализирующиеся» (самореализация, свобода, терпимость) – 9 %. Остальные 32 % испытуемых были отнесены к промежуточному типу. Для сравнения, в нашем исследовании ценностной структуры массового сознания молодежи поколения «Y» в 2006–2007 гг. 27 % респондентов ориентировались на ценности адаптации, 49 % – социализации, 3 % – индивидуализации и 20 % относились к промежуточному типу (Yanitskiy, 2012). Приведенные результаты подтверждают общую тенденцию ценностной трансформации, свойственную для постмодернистского общества, и заключающуюся в определенном снижении значимости ценностей межличностных отношений и повышении личностной автономности, и одновременно, в увеличении числа неопределившихся в ценностном отношении, т. е. в нарастании проявлений аномии массового сознания.

Вместе с тем, структура ценностных предпочтений массового сознания представителей поколения «Z» обнаруживает зависимость от их принадлежности к конкретной гендерной, возрастной, этнической, конфессиональной, региональной и профессиональной общности, определяющей средовые особенности их социализации (табл. 1). Так, юноши чаще демонстрируют направленность на ценности адаптации и индивидуализации,

девушки – на ценности социализации, также среди них больший процент характеризуется определенной несформированностью ценностной системы. Такие особенности в целом вполне укладываются в рамки существующих гендерных авто- и гетеростереотипов и не противоречат данным других подобных исследований.

Таблица 1. Распределение ценностных типов в зависимости от социокультурной принадлежности молодежи, %

Рассматриваемые факторы	Ценностный тип			
	А	С	И	П
Гендерная принадлежность				
1. Юноши (<i>n</i> =409)	28	32	11	29
2. Девушки (<i>n</i> =837)	25	34	8	33
Возрастная принадлежность				
1. Ранняя юность (<i>n</i> =125)	18	31	10	41
2. Юность (<i>n</i> =615)	25	33	10	33
3. Поздняя юность (<i>n</i> =471)	28	34	8	30
4. Взрослость (<i>n</i> =34)	32	35	9	24
Национальность				
1. Русские (<i>n</i> =887)	25	33	10	32
2. Буряты (<i>n</i> =139)	25	33	6	35
3. Украинцы (<i>n</i> =125)	24	31	9	36
4. Другие (<i>n</i> =95)	29	38	8	24
Конфессиональная принадлежность*				
1. Православные (<i>n</i> =509)	27	38	6	29
2. Верующие других конфессий (<i>n</i> =263)	27	30	7	36
3. Внеконфессиональные верующие (<i>n</i> =244)	24	26	17	33
4. Атеисты (<i>n</i> =228)	25	33	9	33
Регион проживания**				
1. Дальний Восток (<i>n</i> =460)	27	34	8	31
2. Сибирь (<i>n</i> =503)	26	35	9	30
3. Центральная Россия (<i>n</i> =155)	21	26	11	41
4. Украина (<i>n</i> =117)	24	32	11	33
Направленность обучения				
1. Естественно-научная и техническая (<i>n</i> =561)	25	33	9	33
2. Социально-гуманитарная (<i>n</i> =659)	26	33	9	31

Примечания: А – адаптирующий, С – социализирующий, И – индивидуализирующий, П – промежуточный ценностные типы

* Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,005$); ** Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,05$); 2 и 3 ($\alpha < 0,05$)

Полученные результаты демонстрируют также определенную возрастную динамику ценностных предпочтений в период обучения в вузе. Так, по мере взросления и формирования системы личностных и профессиональных ценностей закономерно снижается процент неопределившихся в ценностном отношении, а также доля молодых людей, ориентирующихся на ценности индивидуализации, и одновременно, последовательно растет направленность на ценности адаптации и социализации. Несмотря на то, что все исследуемые относятся к одному поколению «Z», можно говорить, что постмодернистская трансформация системы ценностей наиболее отчетливо наблюдается у его младших представителей. Это соответствует модели R. Inglehart, в которой возраст является одной из наиболее важных детерминант особенностей ценностных предпочтений различных общностей, и подтверждает обнаруженную им универсальную тенденцию, которая заключается в том, что младшие возрастные когорты демонстрируют большую ориентацию на постматериалистические ценности, чем старшие (Inglehart, Welzel, 2005).

Этническая принадлежность в данном исследовании не обнаружила существенного влияния на особенности системы ценностных ориентаций. Свойственная постмодернистскому обществу направленность на ценности индивидуализации ожидаемо более присуща русским и украинцам, составляющим на своей территории этническое большинство. Представители национальных меньшинств заметно реже отличаются несформированностью ценностной системы, и в наибольшей степени ориентированы на ценности социального окружения, что может объясняться большей значимостью традиционных институтов социализации, а также действием механизмов внутригрупповой консолидации.

Статистически значимый характер имеют различия в распределениях описываемых ценностных типов в группах молодежи с различной конфессиональной принадлежностью. Так, православные молодые люди, являющиеся представителями традиционной и преобладающей религиозной группы в России и Украине, отличаются наименьшей долей отнесенных к промежуточному типу, а также ориентирующихся на ценности индивидуализации. С другой стороны, они чаще других направлены на ценности социализации – семью и межличностные

отношения. Тем самым принадлежность к данной конфессии выступает фактором осознания и внутреннего принятия традиционных ценностей. Во многом аналогичная картина наблюдается и у молодежи, являющейся последователями других традиционных религий. Противоположностью данным группам выступают так называемые «внеконфессиональные верующие» – молодые люди, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо конкретной религиозной организации. Они характеризуются наименьшей направленностью на ценности адаптации и социализации, и наибольшей – на постмодернистские ценности индивидуализации.

Основное значение для ценностной дифференциации в исследуемой группе имеет регион проживания, т. е. принадлежность к той или иной региональной или локальной социокультурной среде. Выявленные особенности здесь обусловлены, прежде всего, различиями социализации между «центром» и «периферией». В массовом сознании молодежи Центральной России, и, в частности, жителей такого мегаполиса как Москва, гораздо более заметны описанные глобальные тренды ценностной трансформации, свойственные постмодернистскому обществу. Система ценностных ориентаций молодежи дальневосточного фронта и сибирской «глубинки» отражает меньшую динамику общих цивилизационных процессов, и в значительной степени сохраняет сложившуюся структуру ценностных представлений.

Направленность обучения, напротив, является наименее значимым дифференцирующим фактором в рассматриваемом контексте – студенческая молодежь, обучающаяся как по естественнонаучным, так и по социогуманитарным направлениям подготовки имеет практически одинаковое распределение описываемых ценностных типов массового сознания.

Таким образом, качественное своеобразие структуры ценностных предпочтений поколения «Z» в известной степени определяется гендерной, этнической, конфессиональной и региональной принадлежностью молодежи. В то же время, следует отметить, что, несмотря на сохраняющуюся важность данных социально-демографических и социокультурных факторов для ценностной дифференциации современной молодежи, их значение оказывается менее выраженным по сравнению с предыдущими поколениями – проведенные нами ранее исследования демонстрируют статистически более высокий уровень различий между описываемыми группами (Yanitskiy, 2012; Yanitskiy et al., 2019). Это может свидетельствовать об определенном сглаживании социальных и культурных особенностей между различными группами молодежи вследствие глобализации.

Выводы

Предлагаемая структурно-динамическая модель, выделяющая адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся ценностные типы, продемонстрировала свою применимость для характеристики ценностной структуры массового сознания молодежи. Анализ структуры массового сознания поколения «Z» с использованием данной модели свидетельствует о происходящем сегодня ценностном сдвиге, заключающемся в снижении значимости ценностей межличностных отношений и повышении приоритета индивидуалистических ценностей, а также в нарастании проявлений аномии. Несмотря на определенную условность, данная модель позволяет также выделить основные социально-демографические и социально-экономические детерминанты ценностных предпочтений и оценить степень их влияния. Как показывают результаты проведенного исследования, наиболее важными факторами формирования того или иного типа ценностной направленности представителей поколения «Z» является их принадлежность к определенной конфессии и региональной социокультурной среде. Описанная характеристика ценностной структуры массового сознания поколения «Z» и ее социально-культурных детерминант открывает возможность прогнозирования социального поведения современной молодежи, а также последующей разработки технологий соответствующего социально-психологического и психолого-педагогического воздействия.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

Список литературы

1. Alderfer, C.P. (2013). Embedded intergroup relations and racial identity development theory. *Racial Identity Theory: Applications to Individual, Group, and Organizational Interventions*, (pp. 237-264). doi: 10.4324/9780203726426-23
2. Danilov, A.N., Grishchenko, Z.M. & Scholkova, T.V. (2017) Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology. 1*, 109-118. Retrieved from <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/181894/1/109-118.pdf>.
3. Howe, N., Strauss, W. (2007). The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*, 85(7-8). P. 47-52. PMID: 17642125
4. Inglehart, R., Welzel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Klages, H. (1994) Do we all become egos?: on the future of value change. *Politische Studien*, 45, 35–43.
6. Maslow, A.H. (1968). *Toward a Psychology of Being*. Litton Education Publishing.
7. Yanitskiy, M.S. (2012). Value measurement of mass consciousness. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science.
8. Yanitskiy, M. S., Seryy, A.V., Braun, O. A., Pelekh, Yu. V., Maslova, O. V., Sokolskaya, M. V., ... Kapustina, T. V. (2019). The value orientations system of Generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Siberian psychological journal*. 72. 46-67. doi: 10.17223/17267080/72/3

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

**Жанбекова Замзегуль Хамзаевна (а), Магруппова Зульфия Мазгаровна (б),
Ахметжанов Бура Ахметжановия (с), Абдраимова Кулзира Кажигереевна (д),
Уразбеков Абай Каргашевич (е)**

(а) Карагандинский Технический Университет, пр. Н. Назарбаева, 58, г. Караганда, Казахстан,
zam777zhan@mail.ru., +77016001491

(б) Карагандинский Технический Университет, пр. Н. Назарбаева, 58, г. Караганда, Казахстан,
mzm68@mail.ru., +77765066008

(с) Карагандинский Технический Университет, пр. Н. Назарбаева, 58, г. Караганда, Казахстан,
urazbekovabay@mail.ru., +77024622495

(д) Карагандинский Технический Университет, пр. Н. Назарбаева, 58, г. Караганда, Казахстан,
abdraimova1964@mail.ru., +77024468115

(е) Карагандинский Технический Университет, пр. Н. Назарбаева, 58, г. Караганда, Казахстан,
akhmetzhanov.bura@mail.ru., +77017367431

Аннотация

Стремительное увеличение численности населения мира требует все возрастающего производства пищи и энергии, потребления минеральных ресурсов. В связи с назревшей необходимостью обеспечения продовольственной безопасности страны, актуальным становится изучение экономических проблем в сельском хозяйстве и на этой основе разработка комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности аграрного производства. Из проблем, связанных с обеспечением продовольственной безопасности, авторами рассмотрены противоречия интересов производителей и потребителей, экспортеров и импортеров. На стадии поиска концептуальных решений, проведено исследование зарубежного опыта обеспечения продовольственной безопасности в контексте его оценки и возможностей применения зарубежного опыта в Казахстане. Для обеспечения продовольственной безопасности Казахстана полезен для заимствования не всякий опыт, а лишь прогрессивно-действующий опыт ряда государств с цивилизованным рынком и конкурентоспособной продукцией. В статье представлены результаты анализа аграрного сектора в таких странах как США, Россия, Япония, Индия, Венгрия, Болгария, что позволило сделать вывод о приоритете крупных хозяйств над мелкими на основе использования трудо-, ресурсо- и энергосберегающих технологий. В обеспечении продовольственной безопасности сформулировано предложение о сотрудничестве Республики Казахстан с ведущими организациями мира, занимающимися вопросами обеспечения продовольствием совместно с ФАО. Рассмотрены вопросы защиты и контроля за качеством продовольствия. Обоснована необходимость использования опыта европейских стран в повышении качества и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции. Опыт различных государств на пути к достижению обеспечения продовольственной безопасности позволяет разрабатывать различные сценарии реформирования аграрного сектора экономики и повышения эффективности сельскохозяйственного производства внутри страны.

Ключевые слова: Продовольственная безопасность, сельскохозяйственное производство, государственное регулирование, зарубежный опыт

Введение

Проблема обеспечения продовольствием является главной для любой страны. Как показывает опыт развитых государств, на пути к достижению этой цели предпринимались различные попытки по реформированию аграрного сектора экономики, повышению его эффективности

Мировыми проблемами, связанными с обеспечением продовольственной безопасности и требующими своего разрешения являются:

- рост населения в мире и обеспечение продовольствием;
- производство продовольствия и возможности биосфер (Stephens, 2018).

Проблема роста населения Земли – важнейшая среди всех глобальных проблем. Её обычно рассматривают при помощи методов демографии, вводя экономические и исторически обусловленные допущения для описания, данного процесса. Однако при этом, по существу, невозможно охватить рост за сколько-нибудь длительный промежуток времени и выделить его фундаментальный механизм, который лежит в основе роста как глобального явления (Капица, 1999). Именно стремительное увеличение численности населения мира требует все возрастающего производства пищи и энергии, потребления минеральных ресурсов. Образ безудержного увеличения численности населения Земли порождает тревожные прогнозы, и даже апокалиптические сценарии будущего человечества..

Постановка проблемы

Темпы роста населения Земли составляют в среднем 1,4 % в год (в абсолютных значениях 78 млн человек). По прогнозам ООН, на фоне сокращения посевных площадей под зерновыми культурами численность

населения увеличится от 6,8 млрд человек в 2010 году до 9,7 млрд человек, к 2050 году что значительно (в 4 раза) превышает критический порог устойчивости биосферы.

В период активного роста населения Земли (1950–2000 гг.) душевое производство зерна росло до 1980 года, затем стало уменьшаться, что связано, прежде всего, с сокращением посевных площадей на душу населения.

Потребление минеральных удобрений во второй половине XX века возросло с 14 млн до 140 млн. тонн в мире, что способствовало интенсификации производства зерна, которая в свою очередь имеет физиологические и экономические пределы (Sayamol Charoenratana, 2018).

Одной из проблем, связанных с обеспечением продовольственной безопасности, является противоречие интересов производителей и потребителей. В аграрной политике развитых стран после эпидемий коровьего бешенства и ящура сформулированы новые критерии – безопасность и качество продуктов питания. Именно эти два показателя стали водоразделом интересов производителей и потребителей продуктов питания.

Основная цель производителей – получение максимальной прибыли, которая достигается за счет безопасности и качества производимой ими продукции (интенсивные технологии, трансгенные растения и биотехнологии, продукт длительного хранения с использованием консервантов, антиоксидантов и т. д.) (Tyczewska, 2018).

Основной интерес потребителей сельскохозяйственной продукции – приобретение и потребление безопасных, качественных и натуральных продуктов питания (Alexander, 2018). Первые с помощью различных современных методов пытаются расширить сбыт продукции не только в своей, но и в других странах. Вторые стремятся приобретать качественные продукты питания по приемлемым ценам и с требованием обеспечения здорового образа жизни (рис. 1).

Рис. 1. Антагонизм интересов между производителями и потребителями (составлено авторами)

Более ощутимо противоречие между интересами экспортеров и импортеров. Первые с помощью разных способов пытаются расширить свою долю рынка в других странах. Вторые стремятся разумно ограничивать импорт товаров с направлением усилий для достижения собственной продовольственной безопасности (Rylko, 2019). Идеальным вариантом для обеспечения продовольственной безопасности страны является соблюдение оптимального соотношения между производством продовольствия внутри страны и импортом продуктов питания для удовлетворения физиологических потребностей населения страны (рис. 2).

Таким образом, продовольствие становится ведущим фактором мировой политики. Все большее количество развитых стран пытаются производить основную сельскохозяйственную продукцию за счет собственного производства или за счет закупки запасов зерна, а импорт этого продовольствия – это вынужденная дорогостоящая мера для развивающихся стран, что имеет отношение и к Казахстану. ЕС широко использует компенсационные сборы для регулирования импорта тех товаров, степень самообеспеченности которыми достигает 100 %. Это относится к зерновым культурам, сахару и продуктам животноводства, по которым усиление иностранной конкуренции может серьезно нарушить механизм аграрной политики ЕС. По тем товарам, импорт которых не вызывает особого усиления конкуренции на внутреннем аграрном рынке, государство сохраняет таможенные пошлины.

Заслуживает внимания опыт США в сфере поддержки национального аграрного производства, который принял ряд законов гарантировавших стабилизацию доходов фермеров и цен на сельхозпродукцию в период экономического кризиса в 1929–1933 гг. Эксперты полагают, что в первой половине второго тысячелетия число крупных сельскохозяйственных предприятий страны возрастет до 100 тысяч единиц, а их удельный вес в выпуске сельскохозяйственной продукции – до 80 %. Практически это означает, что уже в обозримой перспективе эта форма землевладения займет в США господствующие позиции в области производства сельхозсырья и продовольствия, тогда как "семейная ферма" останется лишь страницей истории развития форм землепользования в стране.

Рис. 2. Антагонизм интересов между экспортерами и импортерами (составлено авторами)

В развитых странах в аграрном секторе идут процессы кооперации и интеграции производства. Концепция приоритета крупных хозяйств над мелкими ни у кого не вызывает сомнения. Научно-технический прогресс, индустриализация сельского хозяйства объективно требует концентрации капитала на крупных предприятиях, где более эффективно используются все факторы производства на основе трудо-, ресурсо- и энергосберегающих технологий.

В этом случае показателен опыт США, где быстрыми темпами происходило "вымывание" мелких ферм, неспособных перестроиться на индустриальные технологии, приобретать новые комплексы машин, оборудования, средства химизации, сортовые семена и племенной скот. Так, с 1950 по 1995 г. число фермерских хозяйств сократилось почти в 3 раза, а размеры земельных участков средних ферм возросли с 90 до 190 га, т. е. более чем в 2 раза. Это можно объяснить тем, что на крупных предприятиях на 100 га земель требуется в 5 раз меньше техники и трудовых ресурсов, чем на мелких. В 1990 г. 43 тыс. крупных ферм США (менее 2 % общего их количества) поставили на рынок 42 % все товарной продукции страны. Выработка 1 работника здесь составляла 212 тыс. долл. Зарубежные экономисты считают, что общее число фермерских хозяйств в стране составит не более 1,2 млн, при этом 50 тыс. крупных формирований (менее 5 %) будут производить 75–80 % сельскохозяйственной продукции. Они и будут являться основой продовольственной безопасности страны.

Современный этап развития сельского хозяйства в Казахстане, характеризуется завершением процесса формирования многообразия форм и моделей хозяйствования. Роль крестьянско-фермерских хозяйств пока еще незначительна. Безусловно, тенденция увеличения удельного веса крупных крестьянско-фермерских хозяйств в аграрном секторе Казахстана присутствует, однако подтвердить этот факт достоверной статистической информацией не представляется возможным.

Повышение урожайности сельскохозяйственных культур связано с внедрением почвозащитных технологий. К примеру, в повседневной практике фермеров США прочное место заняли пять видов почвозащитной обработки, различающихся степенью механического воздействия на почву ("нулевая обработка"; "гребневая обработка"; "узкополосная обработка"; "мульчирование", "сокращенная обработка"). Все они (за исключением "нулевой") получили обобщающее название "минимальная обработка почв" в отличие от традиционной обработки (когда пожнивные остатки практически полностью заделываются отвальным плугом в почву, который при этом оголяется и подвергается интенсивной эрозии) (Sayamol Charoenratana, 2018). И следует подчеркнуть, что ни одна новая технология еще не внедрялась в сельском хозяйстве США столь динамично и широко, как почвозащитная обработка. В Казахстане аграрные предприятия пока еще не в состоянии осуществлять обработку почв по передовым технологиям. В то же время различными Программами предусматривается обеспечение сельскохозяйственных предприятий новой технологией.

Возвращаясь к аграрной политике США, которая обеспечила ей продовольственную безопасность и мировое внешнеторговое лидерство.

Окончательное формирование нового сельскохозяйственного закона заставило экс-президента США Дж.Буша лично отстаивать финансовые интересы фермеров перед Конгрессом. Это наряду с другими мерами позволило до 2010 г. ежегодно выделять из казны сельхозпроизводителям около 18 млрд долл, что почти на 6 млрд в год больше, чем в предыдущем десятилетии. Поэтому хотелось бы, чтобы и Казахстан взял за основу зарубежный опыт передовых стран по вопросу обеспечения продовольственной безопасности.

Из опыта реализации функций регулирования цен США можно отметить соблюдение ценового паритета на продукцию сельского хозяйства и промышленности. При этом государство для защиты интересов сельского хозяйства призвано поддерживать его обоснованный уровень, определяя принципы корректировки согласован-

ных цен. Индексация цен на сельскохозяйственную продукцию должна включать паритетный индекс, страхующий потребителей от неконтролируемого роста цен на средства производства.

Один из важнейших показателей государственного регулирования сельского хозяйства в развитых странах – уровень бюджетной поддержки фермерских цен на произведенную продукцию. Начиная с 1980-х годов, уровень бюджетной поддержки фермерских цен повысился с 14,7 до 35,8 %, в том числе на растениеводческую продукцию – с 8,5 до 47 %, животноводческой – с 20 до 28,5 %.

Бюджетными дотациями государство регулирует объемы производства и реализацию продукции, воздействуя, с одной стороны, на фермерские доходы через цены, а с другой – на их расходы через льготные кредиты и налоги. Бюджетные дотации получают, как правило, только те фермеры, которые принимают участие в реализации государственных аграрных программ (Carlo Cafiero, 2018).

Принятие закона в Республике Казахстан «Об обязательном страховании в растениеводстве» от 10 марта 2004 года № 533 не послужило повышению эффективности государственной поддержки растениеводства, так как не в полной мере определены инструменты воздействия на результат хозяйственной деятельности сельхозпроизводителей и не послужило стимулом для развития фермерства в стране.

Преимущество крупных хозяйств США в обеспечении продовольственной безопасности страны разделяют и российские ученые. Российская модель кредитования включает частичное компенсирование фермерам кредитов государством, возможность повышения управляемости банковскими рисками и доведение возможных потерь урожая до минимального уровня, что позволяет утверждать о необходимости использования этой модели в Республике как приемлемые для казахстанских условий.

Интерес к изучению опыта Японии (Alexandros Gasparatos, 2011), США и России в области государственной поддержки сельскохозяйственных производителей проявляют многие страны СНГ. Разумеется, американские масштабы финансовой поддержки фермерских хозяйств для бюджета Казахстана не сопоставимы, но поддержка паритета цен, его обоснованного уровня необходима.

Альтернативным методом ведения животноводства и земледелия для Казахстана может послужить опыт Израиля, характеризующейся высоким уровнем развития земледелия и отрасли сельского хозяйства, в которой около трети продукции идет на экспорт. В Израиле достижению больших результатов способствовало и в большей степени способствует, функционирующая большая многоотраслевая профессиональная структура индустриального сектора, который является основным путеводителем фермеров и др. сельхозформирований. В Израиле для проведения исследований и экспериментов, а также для дальнейшего распространения полученных результатов выделяются исследовательские поля. Выращивание основных сельскохозяйственных культур производится на тепличной основе. Поэтому рынок этой страны круглый год обеспечивается свежими местными культурами (Gordeev, 2001).

Индия добилась практически полного фактического самообеспечения основными продовольственными товарами, однако нельзя признать, что эта страна достигла национальной продовольственной независимости (и безопасности), поскольку отсутствие импорта продовольствия сопряжена с предельно низким уровнем его потребления и даже недоеданием значительной части населения. Напротив, устойчивость национальной экономики и финансовой систем Японии позволяет гарантировать ее населению достойное потребление продовольствия без ущерба национальным интересам при самообеспечении основными продуктами питания всего лишь на 50 %.

Полезен также опыт Венгрии, где разработаны программы по развитию различных отраслей растениеводства (главным образом по производству пшеницы и масличных культур), в которых намечается достижение темпов развития, значительно превышающих темпы роста животноводства. Параллельно росту производства намечается также и увеличение экспорта продуктов питания. Сельское хозяйство и пищевая промышленность остаются главным условием стабилизации и прогресса экономики страны.

Целесообразным представляется применение опыта Болгарии, где значительное внимание уделяется совершенствованию структуры АПК, в частности увеличению производства зерна, обеспечению производства высококачественных сельскохозяйственных продуктов в свежем и переработанном виде для удовлетворения потребностей населения в течение года. Однако основными тенденциями в организации и управлении сельского хозяйства должно быть дальнейшее расширение экономической самостоятельности сельскохозяйственных организаций и их постепенный перевод в саморегулируемую систему при выполнении возложенных на них задач. В целом структурная политика должна предусмотреть решение таких проблем, как увеличение производства и улучшение обеспечения населения основными продовольственными товарами, улучшение технико-экономических параметров выпускаемой продукции. (Wellyngton Silva de Amorim, 2018).

Исследуемый вопрос

Решение продовольственной проблемы является неотъемлемой частью экономической политики всех стран, однако подходы различны. Для достижения вышеперечисленных целей развитые страны оказывают поддержку агропромышленному производству в период структурных изменений централизованно на уровне правительства и Федерального бюджетов.

Цель работы

Изучение экономических проблем в сельском хозяйстве и на этой основе разработка комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности аграрного производства в Республике Казахстан.

Методы исследования

Применены следующие методы научного исследования: обобщение, дедукция, анализ и синтез, статистический метод, метод сравнительного анализа, метод исторического и логического моделирования, научной абстракции, эксперимент.

Результаты

Особо важным фактором в обеспечении продовольственной безопасности страны, остаются меры защиты и контроля за качеством производимого и ввозимого продовольствия. К примеру, в этом аспекте российские службы предлагают следующие меры. В соответствии с законодательством Российской Федерации не допускается производство, закупка, поставка, ввоз на территорию страны и продажа населению продукции, не соответствующей санитарным правилам и нормам, государственным стандартам и технической документации. Современное управление качеством исходит из положения, что эта деятельность должна осуществляться в ходе производства продукции. Вопросами контроля за качеством сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия, его безопасностью в стране занимаются 6 министерств и ведомств – Минздрав, Минторг, Госстандарт, Госналогслужба, Государственная хлебная инспекция при Правительстве, Минсельхозпрод России.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что зарубежный опыт в ЕС, США, Японии и в др. развитых странах свидетельствует о важности государственного контроля за качеством и безопасностью продовольствия, как правило, сосредоточенный в рамках одной-двух служб: Департамента (Министерства) сельского хозяйства и Департамента (Министерства) здравоохранения. Дублирования функций при этом не происходит. Опираясь на передовой опыт ведущих стран мира, считаем, целесообразным в Казахстане сократить количество контролирующих ведомств и усилить контроль за их деятельностью вышестоящими государственными органами. Развитие рыночной экономики предполагает расширение рынка сбыта продукции, которые обуславливают необходимость использования зарубежного опыта стран в повышении качества и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции в Казахстане.

В настоящее время в Республике Казахстан в сфере АПК действует 17 технических регламентов ЕАЭС, устанавливающих требования к безопасности продукции и процессам ее жизненного цикла. Кроме того, ведется работа по принятию еще 2 технических регламентов ЕАЭС. При этом функционируют, во-первых, органы Государственной системы стандартизации, сертификации и метрологии, деятельность которых осуществляется на основе Законов Республики Казахстан «О стандартизации», «О сертификации» и «Об обеспечении единства измерений» в области качества выпускаемой продукции, во-вторых, отечественные производители, образовавшие отраслевые союзы и ассоциации. К примеру, активно функционирует «Союз зернопереработчиков и хлебопеков Казахстана» (СЗХК), созданный в 2000 году. СЗХК разрабатывает рекомендации для правительства республики по проблемам отрасли, организует выставки, проводит мероприятия, направленные на поддержку отечественных предприятий. В результате сложившейся структуры, в зерновой отрасли действуют 221 стандарт, технических условий, в том числе 11 стандартов МС ИСО и 91 техусловие (ТУ) Республики Казахстан. Наличие такого количества нормативных документов, сертифицирующих качество выпускаемой продукции, приводит к дублированию, а иногда и к противоречиям между ними.

Выводы

Считаем целесообразным создать при Правительстве Республики Казахстан Министерство по обеспечению продовольственной безопасности страны, в функции которого необходимо включить координацию деятельности Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан, Министерства здравоохранения Республики Казахстан, а также Комитета контроля качества и безопасности товаров и услуг Республики Казахстан», принятию согласованных мер в случаях обострения ситуации, разработку рекомендаций по совершенствованию законодательной базы по обеспечению продовольственной безопасности, эффективного сельскохозяйственного производства и высокого качества выпускаемого продовольствия. На наш взгляд, усиление мониторинга за качеством импортного и отечественного продовольствия внутри страны повысит ответственность товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции, активизирует работу законодательных и исполнительных органов власти по повышению продовольственной независимости страны и защиты населения от недоброкачественной продукции.

Все страны стремятся достичь продовольственной безопасности, но развитым странам это обходится быстрее и дешевле (Xiaoxing, 2018). Стратегия развития продовольственного хозяйства должна учитывать следующее:

- сохранение по мере возможности широкого понятия продовольственной безопасности на основных рынках;
- поиски направлений рационализации структуры сельского хозяйства путем элиминаций неэффективных производителей, что может привести к снижению производственных затрат и улучшению конкурентоспособности на рынке;
- насыщение процесса производства продуктов питания современными инновационными технологиями, повышающими их эффективность;
- развитие эффективного экспорта продовольственных товаров, что будет улучшать платежную ситуацию и способно через дополнительный импорт, обогатить внутренний рынок.

Для обеспечения продовольственной безопасности Казахстана полезен для заимствования не всякий опыт, а лишь прогрессивно-действующий опыт ряда государств с цивилизованным рынком и конкурентоспособной продукцией. Мы солидарны со всеми критериями и факторами вышеперечисленных примеров из опыта стран ближнего и дальнего зарубежья, которые сводятся к одному – государственной поддержке сельскохозяйственного производства, развитие как крупных, так и крестьянских фермерских хозяйств и на этой основе обеспечению продовольствием за счет собственных ресурсов.

Список литературы

1. S. Charoenratana, C. Shinohara Rural farmers in an unequal world: Land rights and food, security for sustainable well-being Land Use Policy, Volume 78, pp. 185-194, November 2018.
2. A. Gasparatos "Resource consumption in Japanese agriculture and its link to food security", Energy Policy, Volume 39, Issue 3, pp. 1101-1112, March 2011.
3. Gordeev "State and prospects of food production", Economist, pp.5-15, May 2001.
4. Prosekov, S. Ivanova "Food security: The challenge of the present", Geoforum, Volume 91, pp. 73-77, May 2018.
5. A. Tyczewska, E. Woźniak, J. Gracz, J. Kuczyński, T. Twardowski "Towards Food Security: Current State and Future Prospects of Agrobiotechnology", Trends in Biotechnology, Volume 36, Issue 12, pp. 1219-1229, December 2018.
6. C. Cafiero, S. Viviani, M. Nord "Food security measurement in a global context: The food insecurity experience scale Measurement", Volume 116, pp. 146-152, February 2018.
7. D. Rylko, D. Khotko "Trade paradoxes: why food exporters import a lot". Retrieved from: <http://rbc.ru>, 2019.
8. E. Stephens, A. Jones, D. Parsons "Agricultural systems research and global food security in the 21st century: An overview and roadmap for future opportunities", Agricultural Systems, Volume 163, pp. 1-6, June 2018.
9. P. Gumerov "Review of the book" Security of Russia. Legal, socio-economic and scientific-technical aspects. Food security ". Section 1. Russian Economic Journal, pp. 78-86. October 2001.
10. S. Charoenratana, C. Shinohara "Rural farmers in an unequal world: Land rights and food security for sustainable well-being", Land Use Policy, Volume 78, pp. 185-194, November 2018.
11. W. Silva de Amorim, I. Blasi Valduga, J. Marcelo Pereira Ribeiro, V. Guazzelli Williamson, J. Baltazar Salgueirinho Osório de Andrade Guerra "The nexus between water, energy, and food in the context of the global risks: An analysis of the interactions between food, water, and energy security", Environmental Impact Assessment Review, Volume 72, pp 1-11, September 2018.
12. X. Qi, Y. Fu, R. Yu Wang, C. Nam Ng, Y. He "Improving the sustainability of agricultural land use: An integrated framework for the conflict between food security and environmental deterioration", Applied Geography, Volume 90, , Pages 214-223 January 2018.

СТЕЙКХОЛДЕРЫ В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Зотов В.В. (а), Губанов А.В. (b), Алексеенко А.И. (с)

(а) Курская академия государственной и муниципальной службы, 9, ул. Станционная, Курск, Россия,
kagms@list.ru, +7(4712)32-34-68

(b) Курская академия государственной и муниципальной службы, 9, ул. Станционная, Курск, Россия,
kagms@list.ru, +7(4712)32-34-68

(с) Курская академия государственной и муниципальной службы, 9, ул. Станционная, Курск, Россия,
kagms@list.ru, +7(4712)32-34-68

Аннотация

Современная ситуация в сфере этноконфессиональных отношений регионов требует обращения к теме разработки социокультурного механизма консолидации регионального сообщества. При этом очевидно, что решение данной проблемы будет успешным, социально приемлемым только тогда, когда оно станет опираться на теоретически проработанные диалого-партнёрские модели организации пространства публичной коммуникации. Для научной рефлексии феномена данного пространства используются эвристические возможности концепции менеджмента публичных ценностей и теории стейкхолдеров, вводят в научный оборот понятия «пространство публичных коммуникаций» и «заинтересованные стороны». Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и порождении конфликтов раскрывается на основе данных, полученных с применением метода экспертного опроса, массовых полевого опроса населения региона и интернет-опроса пользователей социальной сети «ВКонтакте». В ходе анализа полученных данных авторы пришли к выводу, что общественное мнение связывает порождение этноконфессиональных конфликтов с деятельностью таких представителей заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации, а разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений населению и экспертам видится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. В этих условиях крайне важна организация диалога и партнерства между всеми представителями этноконфессионального пространства публичной коммуникации. Но при понимании важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством, большинством из участников экспертного опроса указывается на слабый уровень организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций.

Ключевые слова: space of public communications, frontier region, stakeholders, ethno-confessional relations, nationality policy.

Введение

Современный период развития регионального социума свидетельствует о появлении факторов, ведущих к его дестабилизации и фрагментации на национальной и конфессиональной почве, увеличению числа столкновений на основе этноконфессиональной нетерпимости. Это актуализирует вопросы развития партнерства и диалога между структурами гражданского общества и органами власти. Проблемность современной ситуации заключается в определении социокультурного механизма консолидации регионального социума. При этом очевидно, что решение данной проблемы будет успешным и социально приемлемым только в случае его опоры на теоретически проработанные модели организации пространства публичной коммуникации.

Постановка проблемы

Интенсификация этнической и культурной фрагментации регионального сообщества, которая накладывается для большей части населения на рост внутренних дезинтегрирующих обстоятельств (низкие доходы населения, высокие цены на товары первой необходимости и коммунальные услуги, плохое материальное благосостояние, высокий уровень безработицы и опасение потерять работу, плохое здоровье и трудности с лечением, плохое жилье и ухудшение жилищных условий), выступает фактором, способствующим порождению межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Решение этой проблемы предполагает разработку модели диалого-партнерской коммуникации между представителями всех заинтересованных сторон, направленной на минимизацию деструктивности обозначенного выше фактора. Первым шагом к созданию такой модели должно стать определение стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, их роли в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в региональном социуме.

Исследуемый вопрос

Несмотря на значительные шаги, предпринятые в сфере управления этноконфессиональными процессами, государственная политика на региональном уровне требует переосмысления на основе современных научных концепций. Такой новой теоретико-методологической основой региональной национальной политики призвана стать концепция менеджмента публичных ценностей (Stoker, 2006). Данная концепция ориентирует власть на углубление взаимодействий с заинтересованными сторонами, формирование условий для их участия в вопросах публичного характера (Волкова, 2014; Слатинов, 2016).

Эффективное решение органами власти субъекта РФ общественно значимых проблем региона требует построения и постоянного поддержания диалого-партнерских отношений с заинтересованными сторонами. Поэтому другой методологической основой должна стать теория стейкхолдеров, которая утверждает, что при достижении целей деятельности следует принимать во внимание разнообразные интересы различных заинтересованных сторон (стейкхолдеров). В современном виде «концепция стейкхолдеров» получает распространение с середины 80-х годов XX века, когда выходит в свет работа Эдварда Фримена (Edward Freeman) «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон» (Freeman, 1984). В ней автор вводит понятие «заинтересованная сторона» (англ. stakeholder), как совокупностью юридических и физических лиц, которые испытывают на себе влияние решений и действий субъекта управления либо сами оказывают на нее воздействие. Между стейкхолдерами могут существовать различные отношения, которые не всегда носят характер сотрудничества, а могут быть и конкурентными. Однако всех стейкхолдеров можно рассматривать как единое целое, равнодействующая интересов частей которого определяет траекторию общественного развития. Подобная практика взаимодействия с заинтересованными сторонами все чаще начинает использоваться и в системе публичного управления. В частности, в рамках концепции менеджмента публичных ценностей (Волкова, 2013, Rotberg, 2014). Внедряемая концепция менеджмента публичных ценностей затрагивает, в первую очередь, систему коммуникаций органов власти с представителями заинтересованных сторон. Поэтому в настоящее время основой публичного управления признают сети, создающиеся государством и состоящие из стейкхолдеров (Сморгунов, 2014).

Отсюда, одними из ключевых становятся понятия «пространство публичных коммуникаций» и «заинтересованные стороны».

Публичные коммуникации связаны с передачей социально-значимой информации, доступ к которой обеспечивается для каждого члена общества, с одновременным приданием ей публичного статуса. Отметим, что семантика понятия «публичное» раскрывается в двух аспектах: видимое – то, что открыто или доступно другим, противопоставлено тому, что скрыто или удалено из вида (и что тем самым образует «приватное»), и коллективное – то, что коллективно или влияет на интересы коллектива, в противоположность индивидуальному (частному) (Weintraub, 1997). Публичные коммуникации – это множество медиаканалов, объединяющее органы власти и стейкхолдеров гражданского общества для диалога и партнерства по вопросам, имеющим общественный интерес (Зотов, Бабинцев и др., 2017). В этом контексте публичная коммуникация инфраструктурой для функционирования публичной сферы, которая по определению Ю. Хабермаса, есть «сфера социальной жизни, где формируется общественное мнение, это арена, форум публичного дискурса по поводу социально-политических проблем жизни и развития общества» (Habermas, 2013). Пространство публичных коммуникаций не гомогенно, а состоит из множества подсфер, одной из которых и является этноконфессиональное пространство публичных коммуникаций, представляющее собой совокупность медиаканалов, объединяющих основных стейкхолдеров с целью решения общественно значимых вопросов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Под заинтересованными сторонами понимаются акторы публичной сферы, которые испытывают на себе влияние решений и действий субъекта управления либо сами оказывают на него воздействие. При этом стейкхолдеров следует отличать от общественности как активной части общества, выражающей его мнение. Заинтересованные стороны призваны играть значимую роль в решении ценностных споров в межнациональной и межконфессиональной сфере. Их участие должно быть специально организовано, что достигается за счёт их вовлечения в процесс выработки и реализации решений в вышеуказанной сфере.

Цель работы

Целью данной работы является определение роли стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в региональном сообществе.

Методы исследования

С целью оценки деятельности основных стейкхолдеров в пространстве этноконфессиональной публичной коммуникации в марте 2019 года был осуществлен экспертный опрос среди представителей органов федеральной и региональной государственной власти, органов местного самоуправления, диаспор и общественных организаций, науки и образования. Общее количество экспертов – 100 человек. Результаты анкетирования были дополнены данными интернет-опроса. Последний был произведен в апреле 2019 года среди пользователей социальной сети «ВКонтакте» как интернет-платформе, имеющей высокую популярность среди интернет-пользователей (охват более 46 млн человек), а также оснащенную специальным функционалом для проведения опроса и последующего анализа мнений пользователей. Для данной сети возможность повторного участия в опросе появляется только при смене используемого аккаунта. На каждый из представленных вопросов ответили около 500 пользователей. Для получения достоверной и обоснованной оценки общественного мнения о роли заинтересованных сторон в построении этноконфессиональных отношений региона в мае 2019 году был проведен массовый полевой опрос (выборочная совокупность 1500 человек среди населения Курской области старше 18 лет, созданная на основе половозрастных квот и квот на место проживания)..

Результаты

Сегодня в Курской области нет явно конфликтной ситуации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Результаты массового полевого исследования демонстрируют показатель позитивного отношения на уровне 82 %, из которых 36 % воспринимают представителей другой национальности доброжелательно, 46 % – нейтрально. Об этом свидетельствует и то, что 88 % опрошенных экспертов не ожидают открытых конфликтов на этнической почве в регионе своего проживания в ближайшее время, а также их благоприятная оценка ситуации с межнациональными и межконфессиональными отношениями (см. таблицу).

Таблица 1. *Distribution of answers to the question “How do you assess the situation with interethnic and interfaith relations?” depending on the degree of proximity of events to the respondent, %*

Масштаб территории	Оценка ситуации			
	Бесконфликтная	Нейтральная	Напряженная	Конфликтная
1. В России	28	42	29	1
2. В Курской области	46	50	3	1
3. В месте проживания	58	38	3	1

Полученные данные согласуются с данными других исследований по Курской области (Анциферова, 2016), и при этом исследуемый регион выглядит даже более благополучным в сравнении с некоторыми другими субъектами Российской Федерации (Завьялова, 2014; Омельченко, Максимова и др., 2017).

Безусловно, конфликтная ситуация в большинстве случаев складывается как результат действия комплекса причин и условий. Но история убедительно показывает, что предотвращение конфликтов на ранней стадии возможно только в условиях диалога и партнерства всех заинтересованных сторон.

В ходе нашего исследования были выделены основные стейкхолдеры этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, к которым были отнесены:

1. Федеральные территориальные органы, в том числе правоохранные и правозащитные органы: управления по вопросам миграции МВД России по субъекту РФ, региональный Центр по противодействию экстремизму МВД России, Отделы МВД России по муниципальным районам, Федеральная служба безопасности, а также Федеральное агентство по делам национальностей.
2. Региональные органы власти, в том числе исполнительные органы субъектов РФ, администрации муниципальных районов, сельских и городских поселений.
3. Медиаторы в лице консультативно-совещательных органов по межнациональным отношениям, к которым в Курской области можно отнести межведомственную комиссию по межнациональным и межконфессиональным отношениям и рабочую группу по вопросам гармонизации межэтнических отношений.

4. Структуры гражданского общества, представленные политическими партиями, религиозными объединениями, молодежные объединения, некоммерческими организациями, созданные по национальному признаку и казачеством.
5. Массмедиа в лице федеральных, региональных и местных периодических изданий, теле- и радиоканалов, транслируемых на территории региона.
6. Местное сообщество, представленное общественными организациями по месту жительства (территориальное общественное самоуправление – ТОС, уличком, домком).
7. Высшие учебные заведения, ведущие подготовку иностранных студентов.

Относительно последних следует отметить, что в условиях моноэтничности региона численность иностранных студентов достаточно велика. Так, например, Курский государственный медицинский университет имеет более 2 500 обучающихся из других стран, Юго-западный госуниверситет – более 700, Курский государственный университет – более 300 человек. Для сравнения: на территории области проживает украинцев – 13,6 тысячи, или 1,2 %; армян – 5,7 тысячи человек, белорусов – 1,7 тысячи, или 0,2 %; азербайджанцев – 1,7 тысячи. Отсюда, безусловно, высшие образовательные учреждения необходимо учитывать в качестве стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций.

Как видно из данных, представленных в таблице 1, опрошенные эксперты признают, что наибольший вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений вносят силовые структуры: Федеральная служба безопасности и Центр по противодействию экстремизму МВД по Курской области, отделы МВД России по муниципальным районам.

Таблица 2. Expert assessment of a role of stakeholders of ethno-confessional space of public communications in relations harmonization and in causing conflicts on a 10-ball scale

Заинтересованная сторона	Вносимый вклад	
	в гармонизацию отношений	в порождение конфликтов
Федеральная служба безопасности	3,6	2,1
Центр по противодействию экстремизму МВД	3,5	2,0
Администрация области	3,3	1,2
Религиозные объединения	3,2	2,0
Рабочая группа по межнац. отношениям	3,2	1,7
Межвед. комиссия по межнац. отношениям	3,2	1,8
Отделы МВД России по муниципальным районам	3,2	1,8
Администрация муниципальных районов	3,0	1,1
Высшие учебные заведения	3,0	1,1
Управление по вопросам миграции МВД России	3,0	2,2
Федеральное агентство по делам нац-стей	3,0	1,9
Национальные диаспоры	2,9	1,8
Казачество	2,9	1,8
Молодежные объединения	2,9	1,9
Масс-медиа	2,8	2,0
НКО, созданные по нац. признаку	2,8	2,3
Администрации сельских и городских поселений	2,7	1,4
Политические партии	2,2	1,6

Затем эксперты отмечают роль Администрации Курской области, и только на третьих позициях оказались представители медиаторов: межведомственная комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям и рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области. В то же время вклад таких важных субъектов сохранения межнационального мира и согласия, как массмедиа, администрации поселений и некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, экспертами был оценен значительно ниже.

Из-за особенностей массового опроса и интернет-опроса представители заинтересованных сторон были разделены на структуры, которые представляют 1) власть или аффилированы с ней и 2) гражданское общество. В отношении первых был задан вопрос: «Какие из органов власти ведут наиболее активную работу в сфере межэтнических и межнациональных отношений в нашем регионе?» (табл. 3). В массовом анкетировании населения, несмотря на отличие в абсолютных значениях между полевым опросом и интернет-опросом, при ранжировании ответом видно, что ключевые позиции среди органов власти, ведущих наиболее активную работу в сфере межэтнических и межнациональных отношений в регионе, заняли силовые структуры (Федеральная служба безопасности, отделы МВД России по муниципальным районам, Управление по вопросам миграции), а также Администрация области.

Таблица 3. *Distribution of answers to the question “Which authorities are the most active in the sphere of ethno-confessional relations in our region?”, in %*

Органы власти	Результаты полевого опроса	Результат Интернет-опроса
Федеральная служба безопасности	16 %	47 %
Администрация Курской области	26 %	44 %
Отделы МВД России по муниципальным районам	11 %	33 %
Центр по противодействию экстремизму МВД России	16 %	28 %
Межвед. комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям	14 %	26 %
Управление по вопросам миграции МВД России	16 %	26 %
Администрации сельских и городских поселений	13 %	17 %
Федеральное агентство по делам национальностей	15 %	17 %
Администрации муниципальных районов/городских округов	14 %	16 %
Раб. группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений	6 %	14 %
Затрудняюсь ответить	26 %	*

Прим. * – Позиция «затрудняюсь ответить» не предусматривалась

Следовательно, можно утверждать: в общественном сознании превалирует мнение о том, что разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений (предотвращение конфликтов и гармонизация контактов) находится в правоохранительной сфере, не в публичной сфере. А представители правоохранительных структур сферы, во-первых, прибегают к силовым методам и средствам решения возникающих конфликтов и соответственно восстановлению правопорядка, а во-вторых, работают на предупреждение (профилактику) развития конфликтов. Возможно, что в условиях нарастания экстремизма, национализма и религиозного фундаментализма можно найти определенное разумное «оправдание» сформировавшемуся общественному мнению о важности деятельности в этноконфессиональной сфере именно правоохранительных органов. Например, по причине того, что одной из их центральных функций является функция охраны, защиты и сохранения целостности, жизнеспособности страны, защиты интересов граждан, оказания противодействия всевозможным негативным воздействиям как внешнего, так и внутреннего характера. Но нельзя забывать, что подчас формы и методы борьбы государства с экстремизмом сами становятся факторами активизации конфликтов на национальной почве. Это в принципе и демонстрируют ответы экспертов, которые отмечают, что среди тех, кто вносит вклад в порождение конфликтов, помимо политических партий и некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку, также и силовые структуры: Федеральную службу безопасности и Управление по вопросам миграции МВД России.

В то же время отнюдь не следует противопоставлять силовую составляющую деятельности государства усилиям структур гражданского общества, его отдельных членов, направленным на утверждение и поддержание гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе. Только при наличии соответствующего этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, выполняющих задачи по консолидации общества, могут быть гарантированы стабильность регионального сообщества, его успешное развитие.

Таблица 4. *Opinion of respondents about the contribution of major stakeholders to the generation of conflicts and harmonization of relations in the ethno-confessional sphere, in %*

Структуры гражданского общества	Результаты полевого опроса		Результат Интернет-опроса	
	В гармонизацию отношений	В порождение конфликтов	В гармонизацию отношений	В порождение конфликтов
Национальные диаспоры	14 %	15 %	28 %	47 %
Религиозные организации и объединения	19 %	13 %	27 %	44 %
Молодежные объединения	20 %	6 %	52 %	26 %
Некоммерческие организации, созданные по национальному признаку	19 %	8 %	15 %	51 %
Высшие учебные заведения	20 %	2 %	51 %	7 %
Региональные масс-медиа	10 %	7 %	28 %	14 %
Федеральные масс-медиа	12 %	12 %	10 %	18 %
Политические партии	8 %	5 %	15 %	14 %
Общественные организации по месту жительства (ТОС, уличком, домком)	6 %	2 %	10 %	7 %
Казачество	5 %	4 %	9 %	6 %
Затрудняюсь ответить	22 %	44 %	*	*

Прим. * – Позиция «затрудняюсь ответить» не предусматривалась

В связи с этим участникам полевого опроса и интернет-опроса были заданы вопросы, которые ориентированы на выявление мнения о вкладе представителей заинтересованных сторон в порождение конфликтов и гармонизацию отношений в этноконфессиональной сфере (табл. 4). Результаты опроса показали, что респондентами признается наибольший вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений за молодежными объединениями и высшими учебными заведениями, которые призваны проводить систематическую работу по воспитанию молодого поколения в духе терпимости к национальным и религиозным различиям населения страны, региона, поселения. Кроме того, в полевом исследовании религиозные организации и объединения наравне с некоммерческими организациями, созданные по национальному признаку, признаются стейкхолдерами, вносящими определенный вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений.

По мнению опрошенных жителей региона, наибольший вклад в развитие этноконфессиональных конфликтов вносят такие представители заинтересованных сторон, как национальные диаспоры и религиозные организации. Пользователи социальных сетей добавляют к этому списку и некоммерческие организации, созданные по национальному признаку. Можно предположить, что в условиях моноэтничности региона большинством русскоязычного населения региона (а в Курской области 96 % жителей – русские) попытка объединения граждан по национальному или конфессиональному признаку воспринимается недружелюбно.

В этих условиях крайне важно организовать диалог и партнерство между всеми акторами этноконфессионального пространства публичной коммуникации. Но, к сожалению, эксперты указывают, что при важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством на слабость организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций. При этом следует отметить следующее: мнение экспертов и респондентов о важности структур гражданского общества как заинтересованных сторон в решении проблемных вопросов в сфере этноконфессиональных отношений в определенной мере не совпадает. Хотя, возможно, в данном случае свою роль сыграла форма вопроса, но тем не менее результат опроса заслуживает внимания. По мнению экспертов, наиболее важным представляется упорядочивания процесса взаимодействия с некоммерческими организациями, созданными по национальному признаку, массмедиа и национальными диаспорами. В то же время респондентами, представляющими население, на первое место были поставлены молодежные движения, и только затем – национальные диаспоры и религиозные объединения. А поскольку высшие учебные заведения занимают четвертую позицию в результатах массовых опросов, то можно предположить, что население и представители экспертного сообщества (а это сотрудники органов федеральной и региональной государственной власти, органов местного самоуправления, общественных, научных и образовательных организаций) по-разному видят возможность гармонизации этноконфессиональных отношений. Население в большей мере склонно к варианту «плавильного котла», в рамках которого происходит формирование общероссийской и региональной идентичности, а эксперты – к варианту выстраивания диалога и партнерства с представителями других национальностей и конфессий. Неслучайно сегодня поднимается вопрос об именно об институционализации механизмов диалога-партнерского взаимодействия государства и национальных меньшинств (Гаджиев, 2016; Шайхисламов, Садретдинова и др., 2012).

Выводы

Организация пространства этноконфессиональной публичной коммуникации – важный фактор консолидации российского общества на уровне его регионов и снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов. Организация диалога и партнерства в данном пространстве публичной коммуникации будет способствовать решению комплекса практических задач, включающих достижение согласия жителей, принадлежащих к различным национальностям и этноконфессиональным группам, установление отношений взаимного доверия; поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в их собственных интересах и интересах регионального сообщества. Но на настоящий момент, как показывают результаты опроса экспертов, при понимании важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством имеет место слабый уровень организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций. Кроме того, в общественном сознании сложилось следующее мнение: порождение этноконфессиональных конфликтов связано с деятельностью таких представителей заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации, а разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений видится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. Это требует налаживания взаимодействия между заинтересованными сторонами как регулярного последовательного процесса, основанного на построении диалога и партнерства. В итоге это будет способствовать обеспечению стабильного устойчивого развития региона.

Благодарности

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00835 "Development of the public communication space as a condition for reducing the risks of interethnic and ethno-confessional conflicts in boundary regions".

Список литературы

1. Анциферова, Н.Г. (2016) Отношение населения Курской области к представителям других национальностей, трудовым мигрантам и изменению миграционной ситуации. *Научный руководитель*, 4 (16), 23-32.

2. Волкова А.В. (2013) *Публичные ценности и система государственного управления в России*. Спб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та.
3. Волкова А.В. (2014) Современная публичность и публичные ценности: российские и зарубежные практики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 1, 111-118.
4. Гаджиев, М.М. (2016) Теоретические основания и практическая специфика партнерской модели управления межнациональными и межэтническими отношениями. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 2 (33), 118-126.
5. Завьялова, М.Н. (2014) Особенности проявления межнациональных отношений в приграничных регионах России. *Вестник университета*, 21, 189-197.
6. Зотов В.В., Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А., Губанов А.В. (2017). Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов. *Коммуникология*, 5 (6), 61-76.
7. Омельченко, Д.А., Максимова, С.Г., Ноянзина, О.Е., Черепанова, М.И. (2017) Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*, 6 (152), 189-194.
8. Слатинов, В.Б. (2016). Реформирование государственной гражданской службы России в условиях распространения концепции «новой публичности»: проблемы и ограничения. *Среднерусский вестник общественных наук*, 11 (3), 61-68.
9. Сморгун, Л.В. (2014) Управляемость и сетевое политическое управление. *Власть*, 6, 5-14.
10. Шайхисламов, Р.Б., Садретдинова, Э.В., Варганова, О.Ф., Коровкина, Н.В. (2012) Диалоговые механизмы управления межнациональными коммуникациями в условиях крупного города. *Вестник Башкирского университета*, 17: 1(1), 709-713.
11. Freeman, R. E. (1984) Strategic management: a stakeholder approach. Boston, MA: Pitman.
12. Rotberg, R. (2014) Good Governance Means Performance and Results. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 27 (3), 511-518.
13. Stoker, G. (2006) Public Value Management. A New Narrative for Networked Governance? *American Review of Public Administration*, 36 (1), 41-57.
14. Weintraub, J. (1997). The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives* / ed. J. Weintraub, K. Kumar. (pp. 12-23). Chicago: University of Chicago Press.
15. Habermas, J. (2013). The Public Sphere // *Jürgen Habermas on Society and Politics: A Reader New title Edition*. ed. S. Seidman. (pp. 230-236). Boston: Beacon Press.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

**Абдулгалимов Абдусалим Минхаджович (а), Арсаханова Зина Абдулловна (б),
Лунева Татьяна Викторовна (с)**

(а) Чеченский государственный университет, 368305, Россия, Республика Дагестан, г. Каспийск. ул. Советская, 5–15, abd16@yandex.ru, 89286814581

(б) Чеченский государственный университет, 364000, Россия, Чеченская республика, г. Грозный. ул. А-Х. Кадырова, 213–63, zina_ars@mail.ru, 89287446970

(с). Астраханский государственный технический университет". 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Полякова, 18–28, anfyz@bk.ru, 89610540540

Аннотация

Статья посвящена раскрытию социально-экономического значения эффективного бюджета и определению проблем его формирования на региональном уровне. Цель статьи увязана с ее актуальностью – решением задачи, связанной с превращением бюджета в инструмент достижения экономического роста региона.

Дана характеристика действующей бюджетной системе Российской Федерации, выявлены проблемы, решение которых, как правило, имеет субъективный характер. Обоснованы общие проблемы и причины неэффективности действующей бюджетной системы, определены факторы, влияющие на эффективность этой системы, что позволило провести подробный анализ состояния регионального консолидированного бюджета и дать ей соответствующую оценку.

Установлено, что в регионах с высоким удельным весом дотаций в бюджетах не формируются условия для экономического развития, соответственно, не формируется бюджет, позволяющий финансировать все расходные обязательства, возложенные на данный регион.

Обоснованы условия повышения эффективности бюджета регионального уровня. В этих целях предлагается следующая система мер: развитие крупного и среднего производства на территории республики, поскольку именно в такой масштабной организации производства должна реализоваться основной вектор экономического развития экономики региона; развитие малого предпринимательства в контексте развития основного вектора экономического развития, заданного крупным производством; разработать программу внедрения цифровых технологий не только в процесс непосредственно производства, но и в процесс организации и управления производством; воспитать и подготовить высокопрофессиональные кадры для работы на современной технике с применением современных технологий обработки информации и сырья, составляющих факторы современного производства.

Ключевые слова: бюджет, региональный бюджет, эффективный бюджет, экономический рост, экономика

Введение

Говорить об эффективности консолидированного бюджета Чеченской Республики без учета финансовой помощи из федерального бюджета нет смысла, поскольку основная часть расходных обязательств выполняется региональными и местными органами власти именно за счет финансовой помощи, поступающей из федерального бюджета.

Таким образом, эффект от использования бюджетных средств на погашение расходных обязательств возможен тогда, когда удельный вес финансовой помощи бюджету республики уменьшится, а доходы от собственных источников, соответственно, повысятся. Однако, пока финансовая помощь федерального центра в Чеченской Республике играет определяющую роль в бюджете, от того как используется эта помощь, зависит эффективность бюджета региона. На наш взгляд, финансовая помощь из федерального бюджета использоваться не только для финансирования социальной сферы общества. С помощью этих средств должны быть созданы условия для развития экономической сферы. Поэтому есть необходимость рассмотреть финансовую помощь федерального бюджета не только как средства, предназначенные для оплаты расходных обязательств регионального бюджета, но и как средства для создания условий экономического развития. Финансовая помощь должна быть использована как встроенный в финансовую систему региона генератор финансовых ресурсов. Это возможно тогда, когда эти генерируемые средства вкладываются в экономику, чтобы создать условия экономического роста, что предполагает переход региона в состояние самофинансирования.

Постановка проблемы

Существует проблема, связанная с организацией экономической деятельности на региональном уровне. Эта проблема существует поскольку государство не может эффективно ее решить, поскольку в случае наличия большого количества дотационных регионов меры, принимаемые на государственном уровне не достигнут своей цели (Кузнецова, Кочева, Матев, 2016).

Также имеется проблема, связанная с формированием собственной налоговой базы на уровне региона. Эта проблема не решается в силу экономической отсталости и удаленности от крупных транспортных узлов, дефицит природных ресурсов (Вахитова, Гадельшина, Григорьева, 2014).

На сегодня в Российской Федерации имеются регионы которые сталкиваются с ситуацией, когда импортируемая продукция включает в себя высокую добавленную стоимость. В то время экспортируемая продукция, в основном, является углеводородным сырьем. (Аделейе, Adeteye, Adewuyi, 2015).

Чеченская Республика, как и другие регионы Северного Кавказа сталкиваются с ситуацией, когда потенциал для развития есть, а проблемы экономической отсталости не решаются. (Махмудова, Королева, 2016).

Особую озабоченность вызывает тот факт, что в течение первого десятилетия нового столетия товарная структура российского экспорта еще более изменилась ухудшилось (Шуйский, 2012).

Необходимо создать такие условия, которые бы сделали инвестиции в инновации и модернизацию более выгодны, чем альтернативные способы получения ресурсов использование (Кармен Диас-Мора, Дэвид Коркорлес и Росарио Гандой (2015).

Исследуемый вопрос

В табл. 1 нами приведены расчетные данные по удельному весу доходов бюджета Чеченской Республики за последние три отчетных года – с 2016 по 2018 г.

Таблица 1. Удельный вес собственных доходов бюджета и финансовой помощи в ВРП Чеченской Республики (в текущих ценах, тыс. руб.)

Показатели		Годы		
		2015	2016	2017
1	Доходы бюджета всего в текущих ценах, тыс. руб.	69699704,3	67300953,8	73416282,1
2	Безвозмездные поступления (в текущих ценах, тыс. руб.)	54115808,2	55569489,2	62327058,5
3	ВРП Чеченской Республики	154401405,0	166711252,0	180714997,0
4	Удельный вес бюджета ЧР в ВРП Чеченской Республики (стр. 1 : стр. 3) x100	45,3	40,5	41, 6
5	Удельный вес финансовой помощи ЧР в ВРП Чеченской Республики (стр. 2 : стр. 3) x100	35,0	33,0	34,5

Данные табл. 1 показывают, что удельный вес доходов бюджета Чеченской Республики, в среднем за исследуемый период, составляет 42 %, что гораздо выше доказанного экономической наукой уровня совокупного налогообложения (30–33 %) совокупного дохода налогоплательщика.

В экономической литературе приведены разные доказательства данного положения. Одним из наиболее распространенных точек зрения на эту проблему являются результаты, полученные американским профессором А. Лаффер. В основе проведенного им исследования лежит идея о необходимости сокращения высокого уровня налогообложения. Это, по мнению А. Лаффера позволяет при низких налоговых ставках увеличить поступления налогов в бюджет. Наиболее популярной в его исследовании стала кривая, показывающая зависимость между прогрессивностью налогообложения и доходами бюджета (Майбуров, Иванов, Крисоватого, 2011).

В этой связи, заслуживает внимания исследование, проведенное профессором А.М. Абдулгалимовым в своей докторской диссертации. Он там отмечает, что «процесс налогового регулирования, безусловно, связано с определением предела налогообложения... эффективное регулирование экономики можно осуществить при условии, что ставка совокупного налога на доходы организации не превышает 33 %, т. е. для ведения активной налоговой политики правительство имеет возможность изъять в бюджет только 33 % чистого дохода организации. Если ставка совокупного налога превышает 33 %, то государство сталкивается с проблемами роста дефицита товаров, роста цен, усиления инфляции и ростом бюджетного дефицита» (Абдулгалимов, 2004).

Уровень налогообложения равный 41 % от ВРП, означает, что в Чеченской Республике действующая налоговая система накладывает на экономику налоговую нагрузку, превышающую допустимые пределы для экономического развития. Поэтому однозначно можно сказать, что бюджет Чеченской Республики неэффективный, чтобы обеспечить экономическое развитие.

В четвертой строке таблицы 3 нами приведены данные, показывающие удельный вес финансовой помощи бюджету Чеченской Республики в ее ВРП. Эти данные дают возможность определить роль дотаций и субвенций в бюджете республики. В среднем удельный вес финансовой помощи Чеченской Республике со стороны федерального центра в ВРП составляет 34 %, что также выше допустимого предела. И в этом случае превышение доходов бюджета оптимального предела показывает на неэффективность бюджета, поскольку на экономику оказывает чрезмерную налоговую нагрузку, препятствуя ее развитию.

Возникает противоречие, связанное с неэффективностью бюджета. Во-первых, высокие доходы бюджета неэффективны, поскольку их природа связана с высоким налогообложением. Во-вторых, низкие доходы бюджета неэффективны, поскольку их природа связана с неразвитостью экономики, с узостью налоговой базы.

В дотационных регионах, как бы не повысили уровень налогообложения, высокие доходы не получим по одной простой причине, что высокие ставки налогов снижают экономическую активность, и как следствие сужается налоговая база. Поэтому в Чеченской Республике, как регионе с высокой дотационной составляющей в бюджете, республиканский бюджет неэффективен.

Цель работы

Следовательно, для того чтобы бюджет региона стал эффективным инструментом развития, необходимо создать экономические условия. Прежде всего, к таким условиям можно отнести формирование регионального бюджета за счет средств, полученных из собственных источников. Поскольку главным источником бюджета являются налоги, то должна быть проведена политика обеспечения достаточными налоговыми средствами региональных бюджетов.

Методы исследования

Для того, чтобы доказать верность наших рассуждений по поводу эффективности бюджета, предлагаем рассмотреть условный пример, включающий в себя всю необходимую информацию, исследование которой дает возможность определения эффективности или неэффективности регионального бюджета. Определить, имеются ли условия или резервы для превращения бюджета в институт, обеспечивающий экономический рост региона.

Как было сказано выше, что эффективная бюджетная политика реализуется в случае, когда размер совокупного налога находится в пределах от 30 % до 33 % налогооблагаемого дохода налогоплательщика. Если уровень налогообложения выше этого уровня, то налоговая, а, соответственно, и бюджетная политика региона неэффективна, поскольку превышающая этого размера совокупная ставка приводит к сокращению доходов налогоплательщика, соответственно к снижению его платежеспособности.

Приведем условный пример эффективности бюджета, условия которого приведены в табл. 2. При этом показателями, определяющими условия примера взяты: ВРП, размер доходной части бюджета, разница между ВРП и бюджетом региона.

Таблица 2. Условия эффективности бюджета региона.

№	Показатели	Значение показателей						
		1 год	2 год	3 год	4 год	5 год	6 год	7 год
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ВРП %	100	100	100	100	100	100	100
2	Бюджет региона в % к ВРП	20	30	40	50	60	70	80
3	Разница между ВРП и бюджетом региона в % (стр. 1. – стр. 2)	80	70	60	50	40	30	20

Первое условие примера – ВРП, его размер определен по годам, как равный 100 %.

Вторым условием является примерный удельный вес регионального бюджета (достаточный для покрытия всех бюджетных расходов) в ВРП. При этом удельный вес бюджета установлен в нарастающем размере, чтобы показать, как меняется эффективность бюджета, под влиянием изменений, происходящих в размере регионального бюджета.

Третьим условием является разница между ВРП и удельным весом бюджет в стоимости ВРП, полученная расчетным путем.

Для анализа бюджета возьмем данные, отраженные по графе 2 табл. 2. Бюджет региона по этой графе составляет 20 % от ВРП, а разница между ВРП и бюджетом составляет 80 %. Это говорит о том, что экономика региона способна создавать ВРП, в которой только 20 % составляет бюджет данного региона, способный полностью покрыть все расходы региона, отраженные в расходной части бюджета. В таком случае ВРП региона достаточен для обеспечения расширенного воспроизводства экономики региона и обеспечения высоких темпов экономического роста. Это означает, что размер бюджета укладывается в 33 % предел уровня налогообложения доходов налогоплательщиков данного региона, который обеспечивает последним возможность осуществить не только возмещение производственных затрат, но и накопление финансовых средств налогоплательщиками. Если это организация то для налаживания инновационного производства, а если это физическое лицо – для наилучшего удовлетворения личных потребностей.

Дальнейшее снижение соотношения бюджет и ВРП может иметь не положительный эффект, а отрицательный эффект. Меньший удельный вес бюджета в ВРП может стать результатом сокращения экономического развития региона, а соответственно и размера самого ВРП. Тогда само соотношение сужается и частное от деления (способность бюджета играть роль фактора экономического роста) ничтожна.

Если взять данные графы 3 табл. 2, то бюджет равен 30 % ВРП. В данном случае, размер бюджета также находится в пределах, позволяющих экономическому росту региона и полному удовлетворению потребностей налогоплательщиков – организаций и физических лиц.

Эти данные в графах 4–8 составляют, соответственно, 40–80 %. Таким образом, что за эти годы удельный вес бюджета в ВРП превышает оптимальный уровень 30 %.

Превышение оптимального уровня соотношения бюджета к ВРП означает, что в обществе происходит снижение добавленной стоимости, что является результатом деятельности всех экономических субъектов, действующих на территории данного региона. Это приводит к сокращению и бюджета региона, поскольку добавленная стоимость является результатом, определяющим доход налогоплательщика и объект налогообложения практически всех налогов в налоговой системе государства. Например, если даже не взять во внимание налог на добавленную стоимость (НДС), такие налоги как: налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц также возможно уплачивать только в результате создания добавленной стоимости. Выработка добавленной стоимости, как вновь созданной (конкретным хозяйствующим субъектом) стоимости, делает возможным образование в организации фонда оплаты труда, отчисления в амортизационный фонд, образование прибыли, и накопления за счет чистой прибыли.

В этой связи следует сказать, что в условиях, когда соотношение бюджета и ВРП превышает допустимый уровень, возникает проблема отставания экономики, результатом чего является сокращение добавленной стоимости. В конечном счете, это приводит к сокращению самого бюджета. Поэтому, то, что показывает повышение удельного веса бюджета в ВРП это иллюзия, поскольку со снижением уровня развития экономики происходит и сокращение размеров бюджета.

Результаты

Приведенный нами пример, условия которого позволили нам установить, что между бюджетом и ВРП эндогенная связь. Причем определяющее значение имеет ВРП, поскольку бюджет формируется на основе экономического состояния региона.

Однако практика экономического развития многих субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что из-за экономического отсталости их бюджеты формируются преимущественно за счет финансовой помощи федерального бюджета. Одним из таких, дотационных субъектов является Чеченская Республика. Проведенный во второй главе анализ консолидированного бюджета Чеченской Республики показал, что состояние дотационности республики продолжается уже 17 лет. Причем удельный вес финансовой помощи республике только за 2018 год составляет 80,5 %, что означает, что в республике пока финансовая помощь имеет преимущественное значение в решении социально-экономических задач. Таким образом, в Чеченской Республике бюджет, сформированный на основе собственных средств не способен решать социально-экономические проблемы региона, поскольку эти средства далеко недостаточны, чтобы выполнить расходные обязательства республики.

Для анализа соотношения республиканского бюджета и ее ВРП в табл. 3 приведены данные, характеризующие это соотношение за последние три отчетных года.

В табл. 3 приведены данные по консолидированному бюджету Чеченской Республики за период с 2016 по 2018 г. с учетом финансовой помощи из федерального бюджета.

Данные табл. 3 показывают превышение допустимого уровня соотношения республиканского бюджета к ее ВРП. В 2016 году установлено наибольшая разница между оптимальным и реальным уровнем данного соотношения, и составляет она $12,1 \% = (45,1 \% - 33 \%)$. В последующие годы эта разница несколько снижается, но остается на экономически нецелесообразном уровне. Превышение предельного уровня бюджета в республике достигнуто, как уже сказано, за счет дотаций из федерального бюджета. В этом случае превышение бюджета является результатом не экономического развития региона, а административного решения вышестоящих органов государственной власти. В связи с этим можно сказать, экономика республики и ее бюджет не имеет внутренней связи, т. е. бюджет не зависит от развития экономики данного региона.

Таблица 3. Анализ эффективности бюджета Чеченской Республики

№	Показатели	Значения показателей					
		2016		2017		2018	
		Сумма, в млн руб.	Уд. вес, в %	Сумма, в млн руб.	Уд. вес, в %	Сумма, в млн руб.	Уд. вес, в %
	1	2	3	4	5	6	7
1	ВРП Чеченской республики	154401,4	100	166711,2	100	180715,9	100
2	Доходы бюджета Чеченской Республики	69699,7	45,1	67300,9	40,3	73416,3	40,6
3	Разница между ВРП и бюджетом Чеченской Республики (стр.1. – стр.2)	84701,7	54,9	99410,3	59,7	107299,6	59,4

Выводы

Для того чтобы бюджет стал фактором экономического роста в республике необходимо разработать систему мер, применение которых может привести к развитию экономики республики и формированию бюджета, обеспечивающего их оптимальное соотношение бюджета региона и его ВРП. Установление оптимального соотношения между этими показателями является, своего рода, исходной точкой для разработки бюджета социально-экономического развития региона.

На наш взгляд, к таким мерам можно отнести:

- развитие крупного и среднего производства на территории республики, поскольку именно в такой масштабной организации производства должна реализоваться основной вектор экономического развития экономики региона;
- развитие малого производства должно происходить в контексте развития основного вектора экономического производства, заданного крупным производством. Именно таким путем можно создать на территории республики инновационное производство на уровне малого производства, финансируемое крупным производством, внедряемое в последующем в крупное промышленное производство. Это обеспечить системность экономического развития региона;
- разрабатывать программы внедрения цифровых технологий не только в процесс непосредственно производства, но и в процесс организации и управления производством. Это обеспечит выпуск высококачественных, высокотехнологичных товаров, способных конкурировать на мировом рынке.
- воспитание, подготовка высокопрофессиональных кадров для работы на современной технике с применением современных технологий обработки информации и сырья, составляющих факторы современного производства.

Системность экономического развития региона, основанная на развитии крупного производства и инновационном малом бизнесе, обеспечит республику собственными финансовыми ресурсами, позволяющими обеспечить формирование бюджета социально-экономического развития.

Список литературы

1. Абдулгалимов, А.М. (2004) Теория возникновения и развития налогообложения. – М. :ТЕИС. – С.134.
2. Аделеи, И.О., Adeteye, O.C., Adewuyi, M.O. (2015). Влияние международной торговли на экономический рост в Нигерии (1988–2012), международный журнал финансовых исследований, 171 С.
3. Бельчук_1, А.И. (2010) проблемы модернизации российской экономики / внешняя торговля России журнал. № 7- С. 46
4. Вахитова, Т.М., Гадельшина, Л.А., Григорьева, Л.Л. (2014) оценка взаимосвязи между интеграционные процессы и социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации в условиях усиления экономической глобализации (на примере Республики Татарстан). Средиземноморский журнал социальных наук. Vol 5 No 12 P. 123-127. Дой:10.5901/mjss.v5n12p123
5. Кузнецова, Н.В., Кочева, Е.В., Матев, Н.А. (2016). Анализ внешнеэкономической деятельности Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион . Международный журнал экономики и финансовых вопросов, 6(2),736 С.
6. Кармен, Д, Дэвид, К., Росарио, Г. (2015). Выход из экспорта: делает бытие вопрос о двустороннем трейдере? Е-журнал "экономика", вып. 9, -20-20 С.
7. Махмудова ,М. М., Королева, М.А. (2016) / внешнеторговая деятельность Российская Федерация в современных условиях / международный экономико-финансовый журнал 6(С2). – 245 С.
8. Кузнецова, Н.В., Шарко, О.И. (2015) Оценка российской внешнеэкономической деятельности с 2000 по 2013 г Социальная наука опубликована канадским научным центром и образование. – 269 С.
9. Шуйский, В.П. (2012) совершенствование системы поддержки экспорта в России / внешняя торговля России журнал. № 9-С. 35
10. Майбуров И., Иванов, Ю., Крисоватого, А. (2011). Реформирование налоговых систем. Теория, методология и практика: монография / Киев: Кондор

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сборник материалов Международной
научной конференции
«Проблемы экономического развития
в эпоху глобализации»

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка *Н.В. Мартюшев*

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета**

Подписано к печати 30.04.2020/ Формат 60х84/8. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл.печ.л. 28,50. Уч.-изд.л. 25,78.
Заказ 1000. Тираж 1000 экз.

ООО «СибИздатСервис», г. Томск
Sib-publish.ru
Тел. 8-923-44-350-44
info@ortum-publish.ru
